КУЛЬТУРНИЙ ШАР

Статті на пошану
Гліба Юрійовича
Івакіна

LA
UR
US

КУЛЬТУРНИЙ ШАР

Статті на пошану
Гліба Юрійовича
Івакіна

LA
UR
US

Член-кореспондент НАН України,
доктор історичних наук, професор
ГЛІБ ЮРІЙОВИЧ ІВАКІН

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ

Інститут археології · Інститут історії України

Association des Amis
du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance

КУЛЬТУРНИЙ ШАР

Статті на пошану
Гліба Юрійовича Івакіна

Київ · Laurus · MMXVII

УДК 902.2
ББК 63.4
К 90

К 90 Культурний шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. — К.: Лаурус, 2017. — 496 с.: іл.

ISBN 978-966-2449-96-9

Книга являє собою збірку статей, підготовлену колегами, учнями і друзями відомого українського археолога, дослідника середньовічних старожитностей Києва, члена-кореспондента Національної Академії наук України Гліба Юрійовича Івакіна з нагоди його сімдесятилітнього ювілею.

УДК 902.2
ББК 63.4

Відповідальний редактор *О. П. Толочко*
Відповідальний секретар *В. І. Баранов*
Літературний редактор *В. В. Григор'єв*

Книжку зверстано і оформлено у студії «Нова сторінка»
Художник *Костянтин Марценківський*
Редактор *Микола Климчук*
Верстальник *Денис Піорко*

Ілюстрації надали автори

ISBN 978-966-2449-96-9

© Автори статей

Зміст

До 70-ліття Гліба Юрійовича Івакіна. *П. П. Толочко* 7

Айбабин А. И. Архонтии, климаты и крепости в Юго-Западном Крыму в VII веке 13

Андрощук Ф. А. Скандинавские подражания византийским монетам (995–1035) 24

Белецкий С. В. Геральдическая подвеска № 136 и трезубец Владимира Святославича 38

Беляев Л. А. Европейские технологии и элементы иконографии в Новом Иерусалиме: материалы исследований 2009–2016 годов 51

Бобровський Т. А. Нові дослідження культурного шару у садибі Софійського собору в Києві 70

Ениосова Н. В. «Жили в лесу, молились колесу...» (о новой находке скандинавского амулета из Гнёздова) 88

Ёлшин Д. Д. Киевская плинфа X–XIII веков: опыт типологии..... 98

Завьялов В. И., Терехова Н. Н. Особенности древнерусской модели кузнечного производства 129

Зыков П. Л. Материалы к реконструкции Десятинной церкви в Киеве на основании археологических исследований..... 134

Івакін В. Г., Бібіков Д. В., Оленич А. М. Нові дані до соціально-економічної характеристики посаду давньоруського Вишгорода 150

Иванов С. А. Славяне как «избранный народ» Юстиниана II..... 164

Іванченко Л. І., Моця О. П. Ранні міські центри у зоні Степового кордону Європи 170

Кирпичников А. Н. Необычная средневековая крепость в г. Порхов Новгородской земли 183

Коваль В. Ю., Бадеев Д. Ю. Псевдовавилоны..... 187

Козловський А. О. Садиба XVI — початку XVII століття на території Верхнього Києва 200

Козубовський Г. А. Про одну київську монету XIV століття 217

Комар А. В. Усечённые слитки из клада 1997 года на усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря 234

Коренюк Ю. О., Гуцуляк Р. Б., Шевченко Н. О. Періодизація частин монументального ансамблю Софії Київської у світлі останніх досліджень мозаїк та фресок її підкупольного простору 253

Крамаровский М. Г. Солхат-Крым в XIII–XV веках: религиозные общины и феномен городской культуры по данным археологии и истории 275

Леонтьев А. Е., Пушкина Т. А. Ростовские находки скандинавских вещей 299

Михайлина Л. П., Пивоваров С. В. Коригування хронології середньовічної та ранньомодерної кераміки Буковини нумізматичними матеріалами 307

Назаренко А. В. Изгнанный печерский игумен в Выдубицком монастыре, или Когда и почему в Киеве возникли монастыри Святослава и Всеволода Ярославичей 317

Носов Е. Н. От Городища к Новгороду или всё же от Новгорода к Городищу? (к истории названия центра Северной Руси) 330

Плавінскі М. А. Сярэднявечны могільнік Гаравец у вярхоўях Бярэзіны 337

Ричка В. М. Градобудівництво князя Володимира: політика найменувань 355

Рябцева С. С., Дергачёва Л. В. Этнокультурная атрибуция серии находок из цветных металлов с территории Республики Молдова и из Украины 362

Сергєєва М. С. До питання про косторізне ремесло в Києві XIII–XVIII століть 377

Ставиский В. И. «Лютъ бо бѣ бои оу Чернигова» 388

Тарасаў С. В. Археалагічнае вывучэнне беларускіх гарадоў: праблема захавання археалагічнай спадчыны 397

Толочко П. П. Об авторстве предсмертных княжеских молитв 407

Толочко О. П. Як починався Галицько-Волинський літопис? 414

Иоаннисян О. М., Черненко Е. Е. Спасо-Преображенский собор в Чернигове в свете последних архитектурно-археологических исследований 423

Храпунов Н. И. Между Византией и Русью: история и археология Крыма глазами интеллектуалов конца XVIII — начала XIX века 448

Чернецов А. В. К интерпретации одного рельефа Лаврской типографии 464

Список наукових праць члена-кореспондента НАН України, доктора історичних наук, професора Гліба Юрійовича Івакіна 471

Список скорочень 495

До 70-ліття Гліба Юрійовича Івакіна

Слово про члена-кореспондента НАН України, доктора історичних наук, професора Г. Ю. Івакіна хотілося б розпочати з його родоводу. З одного боку, це своєрідна вдячна шана пращурам, які послали світу такого нащадка, з іншого — ключ до розуміння непересічності його особистості. Можна сказати Глібу Юрійовичу пощастило з родоводом, у якому із слов'янською переплелося декілька європейських етнокультурних ліній.

Прадід по матері, Олександр Селенс, був нащадком обрусілих французів, які переселились в Російську імперію ще на початку XIX ст. Дослужився до статського радника і «предводителя дворянства» в Харківській губернії. Його дружина Софія Гоштофт належала до шляхетного литовського роду. Їхня донька, бабуся ювіляра, закінчила гімназію з правом викладання. Вийшла заміж за інженера Людвіга Гасснера, німця за національністю, який здобув спеціальну освіту у Гамбурзі.

По батьковій лінії рід Івакіних походив з лубенських міщан. Сімейна пам'ять зберегла ім'я прадіда — Андрія Гавриловича. Його син Олексій (1883–1942) став відомим вченим і педагогом. Народився в Катеринославі. Був близько знайомий з Д. І. Яворницьким. Закінчив фізико-математичний (1914) і медичний (1916) факультети Харківського університету. В 1925–1930 роках працював професором і завідувачем кафедри анатомії Київського медичного інституту. Очолював створену ним же кафедру анатомії і гістології в Київському державному університеті. Відомий як автор перших підручників з анатомії та біології, написаних українською мовою, як укладач української наукової термінології. Був також кореспондентом Нобелівського комітету в Україні.

Мати ювіляра, Галина Людвігівна Гасснер (1914–1991) була природженим педагогом. Закінчила філологічний факультет Київського університету і все життя пропрацювала у школах Станіслава (тепер Івано-Франківськ) і Києва. Давала приватні уроки з літератури і музики, оскільки мала ще й консерваторську освіту. В пам'яті Гліба Юрійовича зберігся зоровий образ мами, яка постійно перевіряла учнівські зошити.

Батько Юрій Олексійович (1916–1983) відомий шевченкознавець, письменник-сатирик. Вищу освіту здобув у Київському університеті ім. Т. Г. Шевченка на філологічному факультеті. Захистив докторську дисертацію в Інституті літератури АН УРСР, в якому працював від 1946 р. до самої смерті. Учасник Великої Вітчизняної війни. Під час бойових дій у Східній Пруссії дістав тяжке поранення, яке зробило його інвалідом, але, на щастя, не позбавило активного творчого життя. Став блискучим літературознавцем і письменником. Серед його друзів було багато знаних літераторів, художників, істориків архітектури — Микола Бажан, Віктор Некрасов, Олександр Білецький, Максим Рильський, Леонід Первомайський, Леонід Вишеславський, Микола Глущенко, Тетяна Яблонська, Василь Касіян, Михайло Дерегус, Юрій Асєєв, Юрій Нельговський. Нерідко на квартирі Юрія Івакіна збиралася творча молодь 1960-х років — Іван Драч, Микола Вінграновський, Віталій Коротич, Юрій Хіміч, Ада Рибачук та інші, де влаштовувала запальні дискусії, читала вірші.

Із сказаного стає зрозумілим, в якому інтелектуальному оточенні зростав Гліб Івакін. Уже, в шкільні роки він добре знав бібліотеку Інституту літератури, із якої носив батьку літературні та історичні твори, окремі з яких перечитував сам. Це були, насамперед, мемуари, які почали з'являтися в часи так званої Хрущовської «відлиги», а також історичні видання — «Київська старовина», козацькі літописи, «Архив Юго-Западной России» та інші.

В студентські роки Глібу Юрійовичу пощастило познайомитися з відомим українським історіографом, професором М. І. Марченком, якому він також носив додому книги з академічних бібліотек і слухав його, часом, не традиційні розповіді про непросту українську історію. Ще один професор історії В. А. Дядиченко навчив його читанню українського скоропису документів XVI–XVIII ст.

Шлях до науки у Гліба Юрійовича, незважаючи на такі міцні інтелектуальні підмурки, виявився не надто прямим. Після закінчення історичного факультету Київського університету ім. Т. Г. Шевченка, його призвали до лав Радянської Армії. Служба проходила у Німецькій Демократичній Республіці на посаді командира взводу. Невдовзі перед демобілізацією потрапив в автокатастрофу, через що затримався на службі і не встиг на аспірантські екзамени в КДУ, де його чекав завідувач кафедри історії України, професор П. Лавров. Довелось іти старшим науковим співробітником в Державний історико-культурний заповідник «Софійський музей» (1973–1974). Там він призвичаївся до археології. Брав участь у розкопках експедиції музею, якою керувала І. Ф. Тоцька, а також в експедиції Інституту археології АН УРСР (керівник П. П. Толочко), у якій вже постійно працював його співкурсник К. М. Гупало. У 1974 р., як тільки з'явилась вакансія, перейшов на роботу в Інститут археології, у відділ археології Києва. Наукове спряму-

вання, пов'язане з історією і археологією Києва післямонгольського часу, з огляду на інтерес Г. Івакіна до пізньосередньовічної тематики, було визначене мною. На той час у відділі Києва не було співробітника, котрий би досліджував цей період його історії.

Від 1974 р. і до цього часу Г. Ю. Івакін працює в Інституті археології, спершу старшим лаборантом, потім молодшим і старшим науковим співробітником, завідувачем відділом археології Києва, а з 2003 р. заступником директора Інституту з наукової роботи. У 1985 р. захистив кандидатську дисертацію «Киев во второй половине XIII — первой половине XVI века» у 1997 р. — докторську за монографією «Історичний розвиток Києва XIII — першої половини XVI століття» (К., 1996). Двічі, у 1983 и 2002 рр., був удостоєний Державної премії УРСР і України в галузі науки і техніки. В 2004 р. одержав звання професора, а в 2009 р. члена-кореспондента НАН України.

Пріоритетний напрям досліджень Г. Ю. Івакіна — стан і розвиток Києва після монголо-татарського погрому 1240 р. Праці вченого відзначаються новаторством, він подолав численні стереотипи, що панували в історіографії стосовно розвитку Києва в XIII і наступних століть. Залучивши широке коло джерел, у тому числі і здобутих Київською експедицією археологічних, дослідник показав, що незважаючи на величезні втрати, завдані монголо-татарами у 1240 р., життя Києва поступово відновлювалося в усіх куточках міста та продовжувало розвиватися на засадах давньоруської культурної традиції.

Сходження сходинками наукової кар'єри відбулося на тлі інтенсивних і фактично цілорічних досліджень Києва. Г. Ю. Івакін працював у всіх головних історичних районах Києва, де досліджував об'єкти давньоруського і середньовічного часу. До середини 90-х рр. брав участь у розкопках давньоруського Подолу, досліджував католицький храм XVII ст. (побудований з матеріалів Десятинної церкви), вірменську церкву XIV–XV ст., де був знайдений скарб монет Володимира Ольгердовича. Результативні розкопки були проведені ним в історичних урочищах Києва Гончари та Кожум'яки XVII–XVIII ст. Йому належить дослідження так званого дуба Перуна, знайденого поблизу Деснянського гирла в 1975 р. із добре збереженими дев'ятьма іклами домашнього кабана, вставленими в його стовбур.

У 1996 р. очолив Архітектурно-археологічну експедицію, яка здійснила низку масштабних досліджень, націлених на відновлення зруйнованих у XX ст. визначних пам'яток. Найперше це церква Успіння Богородиці Пирогощі (1976–1979, 1996, 1997), де вдалося виявити давньоруські стіни і фундаменти, а також Михайлівський Золотоверхий храм і його садибу (1996–1999), в межах якої знайдено чудові матеріали язичницьких підкурганних поховань, скарб грошових гривен та золотих речей кінця XII — початку XIII ст. Крім того, було відкрито залишки невідомої надбрамної церкви кінця XII ст., а також встановлено час побудови південної «хрещальні» — XII ст., а не XV ст.,

як вважалось раніше. Знайдено плиту з овруцького шиферу із різьбленим зображенням св. Євстафія Плакиди другої половини XI ст. Впродовж 1996–1999 рр. Г. Ю. Івакін провів дослідження Успенського собору Печерського монастиря, якими були виявлені нові поховання в шиферних саркофагах, а також Трапезної церкви початку XII ст.

Незаперечним здобутком археологічної практики Г. Ю. Івакіна є дослідження фундаментів Десятинної церкви, котрі він здійснив у 2005–2011 рр. у співпраці з санкт-петербургськими археологами на чолі з О. М. Іоаннісяном. Вони провадились у зв'язку з рішенням адміністрації президента України В. А. Ющенко відтворити перший кам'яний православний храм Києва і всієї Русі. І хоч Інститут археології НАН України не поділяв такої ідеї, з огляду на практичну неможливість аутентичного відтворення, роботи на пам'ятці були здійснені з належною ретельністю.

Як і передбачалось, надійних матеріалів для архітектурної реконструкції Десятинної церкви, під час нових досліджень знайдено не було. Натомість вдалося здобути важливі дані з історії спорудження храму. На відміну від відомого дослідника давньокиївської архітектури М. К. Каргера, який вважав, що галереї і західна частина храму були зведені в 30-ті роки XI ст., Г. Ю. Івакін та О. М. Іоаннісян переконливо показали, що весь храм було зведено в межах одного хронологічного періоду, який позначений в літописі 989–996 рр. Вдалося простежити «болгарські» сліди в роботі візантійської будівельної артілі. З'явилися надійні дані для висновку, що в початковий архітектурний задум вносилися зміни вже в процесі будівництва. Крім того, виявлені сліди ремонту і перебудов храму, що мали місце в XI і XII століттях.

Надзвичайно важливим досягненням досліджень Десятинної церкви 2005–2011 рр. є з'ясування витоків її архітектурної традиції. Виявилося, що вони не лише загальновізантійські столичні, але також балканські і малоазійські.

Під час розкопок фундаментів, безпосередньо біля північно-західного кута храму, вдалося дослідити рів найдавнішого київського городища, окремі відрізки якого досліджували свого часу Д. В. Міляєв, Т. М. Мовчанівський та інші археологи. На жаль, скільки-небудь суттєвих уточнень в його датуванні зроблено не було.

У 2005–2011 рр. під керівництвом Г. Ю. Івакіна здійснено (разом з колегами з Ермітажу) нові дослідження решток Десятинної церкви, які дали принципово важливі дані щодо процесу зведення храму та його архітектурного типу. Незважаючи на численні попередні розкопки, новими вдалося знайти чимало архітектурно-будівельних фрагментів, в тому числі величезний блок із фресковим розписом.

Масштабні роботи були здійснені Г. Ю. Івакіним в садибі Старого арсеналу, викликані необхідністю створення музейного комплексу «Мистецький

арсенал». Тут розкрито кілька сотень поховань, у тому числі у саркофагах, зібрано величезну колекцію поліхромної кераміки, скла, що суттєво поповнюють уявлення про матеріальну культуру киян XVII–XVIII ст.

За час праці Архітектурно-археологічної експедиції, в ній виховалася плеяда молодих археологів — учнів Гліба Юрійовича: Л. В. Чміль, О. В. Оногда, В. К. Козюба, О. В. Манігда, В. І. Баранов.

Специфіка міської археології вимагає постійного контролю та нагляду за новобудовами в місті, вимежовування ділянок і вивчення їх у стислі строки через загрозу руйнації будівельними роботами, а збереження пам'яток і історичного лиця столиця — створення охоронних і заповідних зон. Г. Ю. Івакін брав активну участь у розробці документації щодо створення та вимежовування таких зон; складав наукові записки й обгрунтування, консультував керівництво країни та міста щодо стану збереження та музеєфікації багатьох пам'яток культурної спадщини столиці та інших міст України. Ці проблеми вимагають постійної співпраці з архітекторами, проектними та будівельними організаціями, керівництвом Києва. Г. Ю. Івакін є членом наглядових рад (член Національного історико-культурного заповідника «Стародавній Чернігів», Національного історико-культурного заповідника «Чигирин») і науково-методичних рад Міністерства культури, Мінрегіонбуду України, Головного управління з охорони культурної спадщини Київської міськдержадміністрації, Національного заповідника «Софія Київська», Національного Києво-Печерського історико-культурного заповідника. Член ІКОМОСу. Співпрацює з Товариством охорони пам'яток історії та культури, бере активну участь у створенні Зводу пам'яток історії та культури України (два томи по Києву вже вийшли).

Слід згадати принципову (хоч і невдалу у бюрократичному сенсі) нашу з Глібом Юрійовичем боротьбу проти фальшивого 1000-літнього ювілею Софійського собору у 1011 р. Пройшли роки, але до цієї авантюрної фальшивки не приєднався жодний авторитетний дослідник.

Будучи завідувачем відділу археології Києва і заступником директора Інституту, Гліб Юрійович здійснює успішне керівництво плановими темами, підготовкою публікацій, виконує значну роботу як організатор і редактор багатьох видань. Як секретар Українського національного комітету візантиністів у співпраці зі Всесвітньою асоціацією візантиністів займається організацією конференцій, стажувань українських дослідників, налагоджує зв'язки між вченими.

На завершення відзначу широку міжнародну співпрацю Г. Ю. Івакіна. Серед його творчих контрагентів можна назвати відомих археологів, істориків, мистецтвознавців, архітекторів багатьох країн Європи та США: М. А. Макарова, П. Г. Гайдукова, Л. А. Беляєва, О. О. Гіппіуса, С. А. Іванова, О. І. Комеча, Н. В. Єніосову, О. М. Мельникову, В. В. Сєдова, О. В. Чернецова (Москва), А. М. Кірпічнікова, С. В. Білецького, О. Є. Мусіна, Є. М. Носова,

М. Рождественську та Т. Рождественську, О. Сакса, В. О. Булкіна (Санкт-Петербург), О. М. Левко, Г. В. Штихова, М. О. Плавинського, М. Ткачова (Мінськ), А. Поппе, А. А. Твардецького (Варшава), М. Волошина, М. Мончинську (Краків), Г. Дагрона, К. Цукермана, Ж-П. Содіні, М. Казанського, М. Каплана, Ж.-П. Аріньйона (Париж), Дж. Шепарда, Дж. Грехем Кемпбелл, Д. Кідд, С. Франкліна (Великобританія), І. Шевченка, П. Нунна, Р. Оустерхута (США), І. Янссона, С. Теш (Швеція), В. Зайбта (Австрія).

Г. Ю. Івакін автор понад 300 праць, співавтор фундаментальних колективних досліджень: Новое в археологии Киева (К., 1981); Історія Києва (К., 1986); Археология Украинской ССР, т. 3 (К., 1987); Давня історія України, т.3 (К., 2000); Історія українського мистецтва, т. 2 (К., 2010) та ін. Науковий редактор багатьох монографій та збірників.

П. П. Толочко

А. И. Айбабин

Архонтии, климаты и крепости в Юго-Западном Крыму в VII веке

Архонтии, климаты и крепости, находящиеся по соседству с Херсоном, впервые упомянуты в сочинениях IX в. при описании событий второй половины VII–VIII вв. В составленной в 813–814 гг. «Хронографии» Феофан Исповедник рассказал о высылке императором Константом II (641–668) папы Мартина «в Херсон и климаты», или «климаты Херсона»[1]. Как известно, папу Мартина сослали в Херсон в 655 г.[2] Феофан писал и о бегстве в 704 г. ссыльного Юстиниана II из Херсона в Дарас (Δαρᾶς), расположенный между городом и Фанагорией, а в отображении событий 711–712 гг. фигурируют «Херсон, Боспор и другие климаты», а также «жители Херсона и других крепостей»[3]. В одновременной «Краткой истории» патриарха Никифора в повествовании о тех же событиях крепость Дорос размещена в стране готов, а также упомянуты «Херсон, Боспор и другие архонтии», «граждане Херсона и других городов» и «архонты регионов»[4], соседних с Херсоном. Согласно содержащейся в «Collectanea» Анастасия Библиотекаря IX в. схолии о житии Евпрепия († 655) и Феодора († 667), их сослали в «крепости соседних с Херсоном племён»[5].

Приведённые источники позволяют вполне определённо локализовать рассматриваемые архонтии, климаты и крепости в границах описанной Прокопием области Дори, населённой союзными империи готами[6] и алана-

---

1 The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284–813 / Text, tr. and com. by C. Mango, R. Scot. — Oxford, 1997. — P. 462–463, 491.

2 Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. — Москва, 1991. — С. 174.

3 The Chronicle of Theophanes... — P. 520, 527–528.

4 Nikephoros patriarch of Constantinopole short history / Text, tr. and com. by C. Mango. — Washington, 1990. — P. 100–101, 106–109.

5 Vasiliev A. A. The Goth in the Crimea. — Cambridge, 1936. — P. 78; Migne J. P. Patrologie Cursus Completus. Series Latina. CXXIX. — Paris, 1864. — P. 129, 684.

6 Procopius. On Buildings / Tr. by H. B. Dewing, G. Downey. Loeb Classical Library. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1940. — III, VII, 10–17.

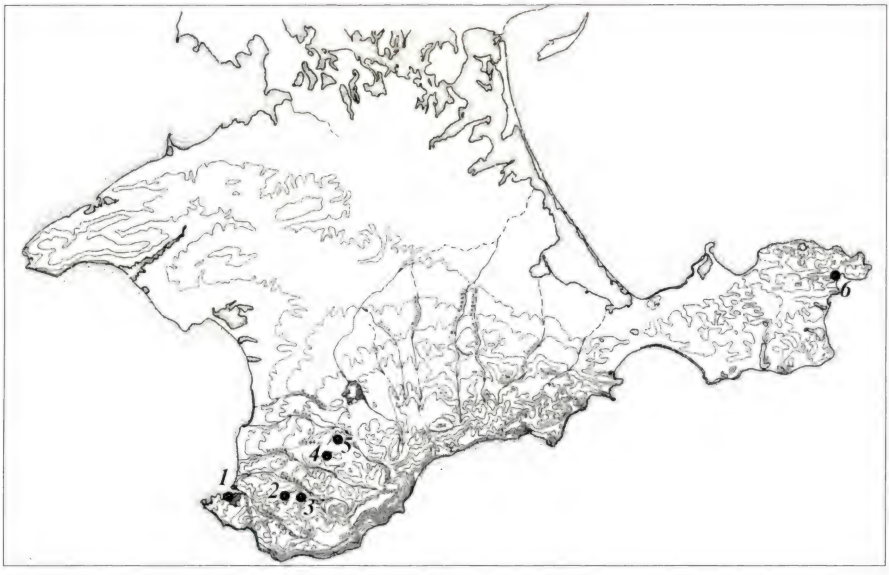


Рис. 1. Византийские города и крепости в Крыму.
1 — Херсон, 6 — Боспор; крепости, построенные в начале VI в. 3 — Мангуп; крепости, построенные в конце VI в. 2 — Эски-Кермен, 4 — Чуфут-Кале, 5 — Бакла

ми[7]. Согласно Присциану и Прокопию, на территории Дори крепости начали строить не ранее VI в. Опидум или кивитатиум Dory, видимо, построили на плато Мангуп ещё до начала правления Юстиниана I (527–565). Вероятно, именно об этой крепости идёт речь в учебнике Присциана, преподававшего грамматику в Константинополе в первой трети VI в.[8] Две крепости, Алуста и в Горзубитах, Юстиниан I повелел возвести на побережье между Боспором и Херсоном[9], однако, как подчеркнул Прокопий, на территории Дори император «не построил ни города или крепости..., но везде, где область казалась легкодоступной для нападавших, он преградил эти подступы длинными стенами»[10].

По словам П. И. Кеппена, помимо названых Прокопием крепостей Алустон и Горзубиты и «длинных стен», византийцы в том же столетии, вскоре после Юстиниана I, построили для защиты области Дори другие крепости и укреплённые монастыри[11].

---

7 Айбабин А. И. О локализации области Дори // МАИЭТ. — Вып. XX. — 2015. — С. 320.

8 Prisciani Grammatici Caezariensis. Institutionum Grammaticarum. Libri XVIII / Ed. M. Hertzii. — Leipzig, 1855. — VI, 1, S. 195; VII, 1, S. 283; Айбабин А. И. О локализации области Дори. — С. 311.

9 Procopius. On Building. — III, VII, 11.

10 Ibid. — 16.

11 Кеппен П. И. О древностях Южного Берега и гор Таврических. — Санкт-Петербург, 1837. — С. 44–46, 61.

Рис. 2. Плато Мангуп-Кале

Авторы некоторых сочинений по истории Крыма не обращали внимания на однозначное утверждение Прокопия и приписывали Юстиниану I строительство в области Дори многочисленных крепостей. Дюбуа де Монпере в повествовании о путешествии в 1831–1833 гг. в Крым отождествил с «длинными стенами» Юстиниана I крепости, защищавшие ущелья, через которые реки текут в степи. В топонимах этих крепостей присутствует слово «Кермен»: Инкерман, Черкес-Кермен (Эски-Кермен), Мангуп-Кале, Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, Керменчик и др.[12] По утверждению М. А. Тихановой, «длинными стенами» Прокопия можно считать цепь горных укреплений, крепостей, возведённых на второй гряде Крымских гор и закрывших горные проходы. Крепости нагорья Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Шулдан, Чилтера, Инкерман, Качи-Кальен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла образовывали две линии защиты Херсона[13]. А. Л. Якобсон также видел в «длинных стенах» крепости Сюрень, Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Каламиту и Чуфут-Кале[14].

---

[12] Dubois de Montpéreux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. — Vol. VI. — Paris, 1843. — P. 225–226.

[13] Тиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. — 1953. — № 34. — С. 324.

[14] Якобсон А. Л. Византия в истории средневековой Таврики // СА. — 1954. — Т. 21. — С. 150; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. — Москва; Ленинград, 1964. — С. 11.

Другие историки возражали М. А. Тихановой и А. Л. Якобсону. По мнению Е. В. Веймарна, крепости Каламита (Инкерман), Эски-Кермен, Тешкли-Бурун (Мангуп), Сюрень, Кыз-Кермен, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла возвели в V в. местные жители, потомки тавров и скифов[15]. Д. Л. Талис разделил известные ему в Юго-Западном Крыму крепости на три группы. Он полагал, что византийцы соорудили укрепления первой группы в конце V в. на плато Эски-Кермен и Мангуп, а на плато Тепе-Кермен — в позднее средневековье; крепости второй группы — на плато Кыз-Кермен в VIII–IX вв., на горе Сюрень и плато Тепе-Кермен во второй половине XI — первой четверти XII вв., тогда как одну из крепостей третьей группы на плато Бакла во второй половине V в. построили местные жители, а крепость Каламита, видимо, византийцы соорудили в раннее средневековье[16]. По предположению А. Г. Герцена, крепости в горах византийцы построили в дополнение к «длинным стенам» в последнее десятилетие правления Юстиниана I для защиты от вторжений со стороны степей[17].

В последние десятилетия на территории многих перечисленных выше «пещерных городов», априори названных крепостями, в результате археологических раскопок выявлены материалы, уточняющие их назначение и хронологию. В горном Крыму раннесредневековые оборонительные сооружения обнаружены на плато Мангуп, на плато Эски-Кермен, Бакла и, возможно, на плато Чуфут-Кале.

Мангупское плато возвышается на 250–300 м над уровнем подступающих долин. С трёх сторон оно ограничено вертикальными обрывами, достигающими на западной стороне высоты 70 м. Северный склон прорезан тремя глубокими ущельями, разделяющими его на четыре мыса. Дороги и тропинки на плато проходят по балкам, в верховьях которых вытекают родники питьевой воды. По данным А. Г. Герцена, строители возвели в верховьях балок стены, пересекавшие ущелья между мысами и дополнившие естественные обводы плато. Комплекс главной линии обороны обеспечил защитой максимально возможную площадь плато (общая площадь крепости составила 90 га). А. Г. Герцен отнёс строительство укреплений на Мангупском плато к последним десятилетиям правления Юстиниана I — 50–60-м гг. VI в.[18] Однако опубликованные археологические материалы второй половины VI в.

---

[15] Веймарн Е. В. «Пещерные города» Крыма в свете археологических исследований 1954–1955 гг. // СА. — 1958. — № 1. — С. 76.

[16] Талис Д. Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — Москва, 1974. — С. 89–113.

[17] Герцен А. Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. — 2003. — Вып. 34. — С. 98.

[18] Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. — 1990. — Вып. 1. — С. 133; Его же. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу. — С. 100–101.

из раскопок на плато не связаны с оборонительными сооружениями и не дают оснований игнорировать хронологические реперы, содержащиеся в цитированных выше трудах Присциана и Прокопия.

Плато Эски-Кермен возвышается в 6 км южнее с. Красный Мак (Бахчисарайский район), в юго-западной части Второй гряды Крымских гор. Крепость сооружена на плоской вершине окружённой глубокими балками столовой известняковой горы. Северный конец, восточная сторона горы и бóльшая часть её западной стороны представляют собой почти вертикальные обрывы. На восточном и западном фасадах горы многочисленны выступающие мысы. Некоторые участки западной стороны менее крутые. Южный склон более пологий. Подходящая к нему с юго-запада седловина облегчает подъём на плато. Длина горы с севера на юг — 1040 м, наибольшая ширина — 200 м, высота — до 30 м. При планировании обороны умело использовалась топография местности. Фортификационные сооружения защищали все доступные для подъёма на плато более пологие участки склона.

Самый мощный узел обороны создали на наиболее доступном южном краю плато, где от его подножья в скале были высечены три марша широкой подъёмной дороги, ведущей к главным воротам. В скальных мысах, возвышающихся на юго-западном краю плато над дорогой и на юго-восточном краю плато, вырубили фланговые пещерные казематы I и IV, а перед главными воротами — башню. Вдоль края плато над верхним маршем дороги возвели оборонительную стену, а вдоль края верхнего марша и перед главными воротами — протейхизму с двумя калитками. Тем самым этот участок дороги превратили в перибол с двумя воротами. На краю плато напротив главных ворот сохранились вырубленные в скале «постели» надвратной башни. Над главными воротами прослежены остатки надвратных боевых площадок[19]. На восточной стороне плато раскрыты пещерные каземат и укрытия для караульных, калитка и высеченная на поверхности скалы лестница, ведущая к подножию плато. Входы на плато на северном краю и западной стороне были тоже укреплены.

Важную роль в оборонительной системе играли пещерные башни и казематы, вырубленные в скальном массиве мысов, выступающих на восточном и западном фасадах горы. Через бойницы в башнях контролировалось пространство между ними и подножие плато. Между многими пещерными башнями по краю плато были возведены двухпанцирные оборонительные стены.

В 2005–2008 гг. экспедиция под руководством автора статьи на восточном краю плато между пещерными башнями IV и V раскрыла участок обо-

---

[19] Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // ИГАИМК. — Ленинград, 1932. — Вып. XII. — С. 123–125; Его же. Подъёмная дорога Эски-Кермена // Там же. — Ленинград, 1935. — Вып. 117. — С. 18–40.

ронительной стены длиной 39 м. Внешнюю облицовку соорудили из хорошо обтёсанных больших прямоугольных известняковых блоков разных размеров, скреплённых раствором из извести и песка. Блоки плотно подогнаны. Нижние ряды панцирей лежали в вырубленных в скале «постелях». Длина крупных блоков — 2,3 м, ширина — 0,6 м, высота — 0,8 м; длина малых блоков — 0,8 м, ширина — 0,6 м, высота — 0,8 м. Высота стены и количество рядов кладки зависели от рельефа поверхности материковой скалы. Сверху стена перекрыта большими прямоугольными плитами длиной 1,6–1,8 м, шириной 1 м, толщиной 0,5 м. Наибольшая высота облицовки — 3,6 м от уровня материковой скалы. Здесь на «постель» положили пять рядов блоков. Пространство между панцирями заполнено необработанными камнями и известковым раствором. Внутренний панцирь, в отличие от внешнего, поставлен не в «постель», а на предварительно очищенную и подготовленную скальную поверхность крутого склона. На примыкающей к стене поверхности склона вырублены дренажные канавы. Щели между нижним рядом внутреннего панциря и скалой заполнены необработанными камнями, широкие щели (шириной 0,15–0,2 м) между торцами верхних камней и склоном мыса с пещерным казематом V замазали раствором из извести и песка. В одном из блоков нижнего ряда кладки сделано водопропускное отверстие. Кладка внутреннего панциря аналогична кладке внешнего. Пять рядов панциря соорудили из хорошо обтёсанных больших прямоугольных известняковых блоков разных размеров на растворе из извести и песка. Блоки плотно подогнаны. Длина крупных блоков — 1,9 м, ширина — 0,6 м, высота — 0,6 м; длина малых блоков — 0,8 м, ширина — 0,6 м, высота — 0,7 м.

Для выравнивания примыкающей к стене поверхности крутого склона у основания стены подсыпали слои насыщенного песком грунта, а также известнякового и тёмно-коричневого грунта. В результате вдоль стены была создана горизонтальная площадка шириной 1 м. Высота стены с внутренней стороны от поверхности нивелировочного слоя до верхней поверхности плит перекрытия достигала 2,4–2,6 м. Поскольку в стене отсутствовали бойницы, то можно предположить, что гарнизон контролировал этот участок склона плато не только из пещерных казематов IV и V, но и с перекрытия стены[20].

Участки стены, аналогичной по конструкции и кладке облицовки описанной выше восточной стене, зачищены на западном краю плато между прямоугольной башней X и пещерным казематом XI.

---

[20] Айбабин А. И. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен // МАИЭТ. — 2007. — Вып. XIII. — С. 132–134, рис. 2, 5, 7–8.

Рис. 3. Эски-Кермен, участок восточной оборонительной стены, раскопанный в 2006–2008 гг.

Стены с двумя панцирями из блоков и забутовкой между ними характерны для Херсонеса и византийских крепостей VI–IX вв.[21] Для многих ранневизантийских горных фортификаций типичны пещерные казематы и башни, также, как и элементы южного узла обороны (форма и позиция башни и протейхизмы)[22].

Время сооружения оборонительных стен Эски-Кермена определяется по закрытому комплексу керамики из нижнего слоя нивелировочной подсыпки у восточной оборонительной стены — конец VI в. Вполне очевидно, что крепость на плато спроектировали и воздвигли по проекту опытного византийского военного инженера, хорошо использовавшего топографию местности[23].

---

[21] Lawrence A. W. A skeletal history of Byzantine fortification // The Annual of the British School at Athens. — London, 1983. — Vol. 78. — P. 185–209; Lassus J. Forteresse Byzantine de Thamugadi // Fouilles à Timgad 1938–1956. — Paris, 1981. — Vol. I. — P. 13–16, fig. 21, 26–30, 90, 92, 162; Foss C., Winfield D. Byzantine fortifications. An introduction. — Pretoria, 1986. — P. 25–27, 240, fig. 92.

[22] Ajbabin A. I. Diemittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Ėski Kermen // Die Höhensiedlungen im Bergland der Krim. Umwelt, Kulturaustausch und Transformation am Nordrand des Byzantinischen Reiches / Hrsg. S. Albrecht, F. Daim, M. Herdick. — Mainz, 2013 [Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuzeums, Bd 113]. — S. 176–177.

[23] Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь, 1999. — С. 143–146; Его же. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен. — С. 132–138; Ajbabin A. I. Diemittelalterliche Siedlung auf dem Plateau Ėski Kermen. — S. 191.

Городище Бакла находится на высоком плато, границами которого с запада и востока являются известняковые гряды высотой 15–20 м, а с юга — обрыв. Площадь городища — 0,8 кв. км. С юго-запада и северо-востока между обрывом и грядой к городищу круто поднимаются две дороги. В начале V в. на плато возникло неукреплённое поселение. В первой половине VI в. тут соорудили винодельню. Вероятно, в конце того же века на вытянутой вдоль обрыва возвышенности (ширина — до 60 м, длина — около 200 м) с крутыми откосами возвели цитадель. Д. Л. Талис выделил на ней два строительных периода. На северо-восточном участке раскрыты остатки первого строительного периода: фундаменты башни и двухпанцирной стены с забутовкой из бутового камня. Её фундамент лежит на нивелирующей поверхность скалы глиняной прослойке. Сохранившиеся нижние ряды панцирей фундамента сложены из камней (размером до 1,0 × 0,8 × 0,6 м), у которых подтёсана одна нижняя сторона. Камни панцирей и забутовки после заливки известковым раствором образовали ровную горизонтальную поверхность фундамента. По предположению Д. Л. Талиса, первую стену цитадели возвели в V в., а в VII в. разрушили. До её строительства был ликвидирован и засыпан ранний винодельческий комплекс. За время существования названных сооружений двух строительных периодов образовался слой зелёного цвета. Даты создания и уничтожения винодельни и стены Д. Л. Талис определял по керамике из него[24]. Следует обратить внимание на то, что слой возник ещё до постройки стены одновременно с винодельней. Д. Л. Талис не разделял его стратиграфически. Из слоя извлекли фрагменты краснолаковых сосудов V–VII вв., двуручных красноглиняных кувшинов с росписью ангобом второй половины VIII в., красноглиняных ойнохой VII–IX вв., амфор VI–VII вв. и второй половины VII–VIII вв. Керамика документирует накопление слоя в период с V по начало VIII вв. Поскольку в слое нет керамики, типичной лишь для V и VIII вв., то его хронологические рамки можно сузить до VI — начала VIII вв. По керамике невозможно определить время постройки первой стены цитадели. Если винодельню создали в первой половине VI в., то перекрывшие её стены вряд ли соорудили ранее конца того же века. Разрушили первую цитадель в начале VIII в.[25]

---

[24] Талис Д. Л. Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник. — С. 112; Его же. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV–IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. — Москва, 1982. — С. 57–62.

[25] Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — С. 117–119, рис. 47; Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. — Mainz, 2011 [Monographien der Römische-Germanischen Zentralmuzeums, Bd 98]. — S. 104–106.

Рис. 4. Склон плато Чуфут-Кале

Плато Чуфут-Кале поднято над уровнем окрестных долин на 200 м. Три его стороны представляют собой вертикальные обрывы высотой до 50 м. Раннесредневековая система обороны городища уничтожена в процессе поздних перестроек. Возможно, в неё входили стены, перегораживавшие расселины на северо-западной и юго-западной сторонах плато, и вырубленные в скале над расселинами пещерные помещения для стражи. Перед входом в некоторые из них в скале высечены площадки для наблюдателей. Для той же цели служили пещеры у сооружённых в поздний период Южных ворот. Рядом с ними выявлены «постели» от снесённой ранней стены. Самое узкое место на плато от обрыва до обрыва перегораживает Средняя стена, бóльшая часть которой восстановлена в XVIII в. На её южном фланге сохранился нижний ярус лицевой кладки из одного — трёх рядов известняковых квадров размером 1,0 × 0,7 м, похожий на стены византийских крепостей[26]. На плато за западной позднесредневековой стеной в одном из раскопов зачищен угол дома и найдены мелкие фрагменты ам-

[26] Якобсон А. Л. О раннесредневековых крепостных стенах Чуфут-Кале // КСИА. — 1974. — Вып. 140. — С. 110–114, рис. 1.

фор VI–IX вв. На северо-западный край плато можно подняться по двум расселинам. Они перекрыты оборонительными стенами, возведёнными на крутом склоне ниже кромки плато. У стен скапливается культурный слой, смываемый с плато. В образовавшейся сразу же после возникновения стен нижней надскальной части слоя обнаружены мелкие обломки одновременной керамики[27]. Ниже по склону находится могильник, принадлежавший жителям городища на плато. На его территории самый ранний склеп с золотым субэратным подражанием монеты с изображением Юстиниана I 527–565 гг.[28] перекрывала подбойная могила с большой пряжкой с прямоугольным щитком III варианта и двухпластинчатыми фибулами варианта IIв-3 первой половины VII в. Вероятно, поселение на плато и некрополь на склоне возникли не ранее конца VI в. Скорее всего, тогда же могли соорудить его первые оборонительные стены[29].

Судя по археологическим материалам, крепости на плато Эски-Кермен, Бакла и Чуфут-Кале византийцы возвели в конце VI в. для населявших страну Дори готов и алан[30]. Строительство новых крепостей согласуется с данными эпиграфики, свидетельствующими о реформировании системы управления византийскими владениями на полуострове. Как явствует из текста фрагмента надписи, найденной в Херсоне у южной оборонительной стены, реформа началась в период правления Юстина II (565–578) с назначения в город dux'а — командира всех византийских войск в Крыму[31]. Ещё Юстиниан I предоставил дукам в приграничных регионах новые полномочия. Например, в Египте dux командовал местными войсками и возглавлял гражданскую администрацию[32]. Как сказано в опубликованной В. В. Латышевым надписи из Тамани, в 590 г. стратилат и дука Херсона Евпатерий восстановил «кесарское здание» на Боспоре[33]. Надпись свидетельствует о создании во владениях империи на полуострове единой, руководимой dux Херсона, администрации[34]. В процессе реформы византийцы присоединили к своим вла-

---

27 Веймарн Е. В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. — К., 1968. — Рис. 21, 3, 5–7; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Ещё раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. — Симферополь, 1992. — С. 184–185.

28 Кропоткин В. В. Из истории средневекового Крыма // СА. — 1958. — XXVIII. — С. 210.

29 Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — С. 111, 114; Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. — S. 98, 100–102.

30 Ajbabin A. I. Archäologie und Geschichte der Krim in byzantinischer Zeit. — S. 130.

31 Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсонеса в IV веке // МАИЭТ. — 1994/1995. — Вып. 4. — С. 560.

32 Jones A. H.M. The Later Roman Empire. — Vol. I/II. — Baltimore, 1992. — P. 281–282.

33 Латышев В. В. Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. — Санкт-Петербург, 1894. — Т. I. — С. 671–672.

34 Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — С. 132.

дениям и подчинили дуке Херсона союзную область Дори, населённую аланами и готами. Вполне вероятно, под руководством дуки строились и новые крепости. Дори разделили на районы — архонтии с резиденцией архонта в крепостях на плато Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла[35].

По всей видимости, византийцы провели реформу в ответ на экспансию тюрков. В 576 г. последние в союзе с утигурами[36] захватили Боспор, а в 580 г. угрожали Херсону[37]. Область Дори не пострадала от тюркского набега. В регионе не обнаружены какие-либо разрушения, произведенные тюрками. Возможно, они, пройдя через степи Северо-Западного Крыма, остановились на берегу севастопольской Северной бухты, откуда хорошо виден Херсон.

Как сказано выше, согласно Феофану, во второй половине VII в. соседние с Херсоном архонтии также именовали климатами Херсона[38].

Подпись участвовавшего в 692 г. в Трулльском вселенском соборе епископа Херсона Георгия «Γεώργιος ἀνάξιος ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δόραντος»[39], позволяет говорить о том, что епархии Херсона принадлежали и приходы страны Дори.

---

35 Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — С. 111, 114, 117, 119; Его же. Проблемы хронологии византийской крепости на плато Эски-Кермен. — С. 137–138.

36 Кулаковский Ю. А. К истории Боспора Киммерийского в конце VI в. // ВВ. — Санкт-Петербург, 1896. — Т. III. — С. 12–14; Гумилёв Л. Н. Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатты и в действительности // Там же. — Москва, 1965. — Т. XXVI. — С. 70.

37 Blockley R. C. The history of Menander the Guardsman. — Liverpool, 1985. — Fr. 19,1, P. 171, 173, 179.

38 The Chronicle of Theophanes. — P. 462–463, 491, 520, 527–528.

39 Ohme H. Das Concilium Quinisextum und seine Bischofsliste. — Berlin; New York, 1990. — S. 151.

Ф. А. Андрощук

Скандинавские подражания византийским монетам (995–1035)

Целью предлагаемой работы[1] является рассмотрение относительно немногочисленной, но довольно разнообразной группы монет, чеканенных на территориях древних Швеции и Дании между 995 и 1035 гг. Монеты описаны и опубликованы Бритой Мальмер в 1981 г. и затем переизданы в каталоге византийских монет, обнаруженных на территории Швеции[2]. Несмотря на эти, уже давно вышедшие публикации, до сих пор не было сделано ни одной попытки объяснить феномен появления таких подражаний в Северной Европе[3]. То же самое касается и финских подражаний, которые, за исключением одного типа, представляют собой совершенно отличную от скандинавского материала группу местных подражаний[4]. Финские имитации отличаются от скандинавских не только стилистически, но и по контексту находок. Большинство из них обнаружены в погребениях конца X–XI вв., в то время как скандинавские находки происходят из кладов конца X–XII вв.

Прежде чем перейти к рассмотрению интересующих нас монет, напомню некоторые общеизвестные факты из истории монетного обращения Северной Европы в эпоху викингов. На протяжении IX–X вв. тут преобладали

---

1 Настоящая публикация представляет собою основные выводы, изложенные в моей книге: Androshchuk F. Images of Power: Byzantium and Nordic coinage c. 995–1035. — Kyiv; Paris, 2016.

2 Malmer B. Imitations of Byzantine Miliaresia Found in Sweden // Studies in Northern Coinages of the Eleventh Century / Ed. C. J. Becker. Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filosofiske skrifter 9:4. — Copenhagen, 1981; Hammarberg I., Malmer B., Zachrisson I. Byzantine Coins Found in Sweden. — London, 1989.

3 Здесь не имеется в виду дискуссия о причине появления «византийской чеканки» Свена Эстридсена, относящейся к более позднему времени (см.: Grierson P. Harold Hardrada and Byzantine Coin Types in Denmark // Later Medieval Numismatics (11th — 16th centuries). Grierson P. Selected Studies. — London. 1979).

4 Sarvas P. Bysanttilaiset rahat sekä niiden jäljitelmät Suomen 900-ja 1000-lukujen löydöissä // Finska Fornminnesförenings tidskrift (75). — 1973; Talvio T. Three imitations of Byzantine coins found in Estonia // Studia Numismatica: Festschrift Arkadi Molvogin 65 / Ed. I. Leimus. — Talinn, 1995; Idem. Coins and Coin Finds in Finland AD 800–1200. — Helsinki, 2002.

Рис. 1. Типы английский монет, находившихся в монетном обращении Швеции (по Malmer B., 2010)

восточные дирхемы, которым в количественном отношении намного уступали каролингские и византийские монеты. В IX в. под влиянием каролингской чеканки появляются первые скандинавские монеты — т. н. «брактеаты Хедебю». В X в. возникает новый тип брактеатов (KG 13 по Б. Мальмер), обнаруживающий совершенно другие источники заимствования. Речь идёт о монетном типе, на аверсе которого изображён византийский патриарший крест, а на реверсе — крест, характерный для английских монет Этельреда II (991–997). Известно девятнадцать таких монет, выпущенных в Средней Швеции около 995 г.[5]

Приблизительно в 970-х гг. немецкие монеты начинают вытеснять дирхемы, а с 990-х гг. в денежном обращении стремительно увеличивается количество английских монет. Появление последних исследователи справедливо связывают с поступлениями значительных сумм дани, изъятой викинга-

5 Malmer B. Sveriges äldsta mynt. — Fornvännen, 1966.

Рис. 2. Монеты мастера Гудвина, чеканенные для Олава Трюггвасона, Свена Вилобородого и Олава Шётконунга (по Malmer B., 2010)

ми в Англии в 994–995, 1002, 1007 и 1012 гг. Во время правления Этельреда, в Скандинавии циркулировало несколько типов английских монет (рис. 1), но только два из них — «Crux» и «Long Cross» — сумели оказать влияние на появление местной чеканки в Сигтуне. Первыми стали чеканить монету приглашённые Олавом Шётконунгом из Англии мастера — Godwine, Leofman и Snelling, имена которых читаются в легендах сохранившихся монет. Один из них — Godwine — чеканил монету сразу для трёх скандинавских конунгов: Олава Трюггвасона, Свена Вилобородого и Олава Шётконунга (рис. 2)[6].

Что касается византийских монет в Скандинавии, то среди них выделяются две основные группы — монеты подлинной византийской чеканки и её подражания.

Известно около 650 византийских монет в Швеции[7], большинство из них — милиарисии, чеканенные во время правлений Константина VII с Романом II (949–959) и Василия II с Константином VIII (976–989).

Преобладание монет именно этих императоров не является случайным. Милиарисии представляли собой церемониальные пожертвования, щедро раздаваемые императорами во время торжественных процессий и праздников[8]. Нам также известно, что во время приёмов Ольги в Константинополе в 946 или 957 гг., руси, среди которых имелось немало выходцев из Сканди-

6 Malmer B. Den svenska mynthistorien. Vikingatiden ca 995–1030. — Stockholm, 2010.

7 Jankowiak M. Byzantine Coins in Viking-Age Northern Lands // Byzantium and the Viking World / Eds. F. Androshchuk, J. Shepard, M. White. — Uppsala, 2016.

8 Hendy M. F. Studies in the Byzantine Monetary Economy, c. 300–1450. — Cambridge, 1985. — P. 501–502.

навии, были пожертвованы довольно крупные суммы серебра[9]. Чекан Василия II представлен в Скандинавии преимущественно монетами двух вариантов класса II, выпущенных между 976 и 989 гг., что также имеет своё объяснение. В 987 г. для борьбы с Вардой Фокой императорам Василию II и Константину VIII потребовалась значительная военная помощь. Вопрос был решён устройством женитьбы князя Владимира на Анне — сестре Василия (988–989). Известно, что в 988 г. варяжские наёмники из Руси уже приняли участие в битве у Хрисополя[10]. Затем мы слышим о них в составе византийского войска в битве у Абидоса (8 марта 989 г.), где были разгромлены силы Варды[11]. В 999 г. русь принимает участие в походе Василия на Сирию, а около 999–1000 гг. — в походе на Кавказ[12].

Распространение находок византийских серебрянных монет на Балтике и, в особенности, на Готланде указывает на особое значение серебра, выпущенного Василием между 976 и 989 гг. Количество его недостаточно для того, чтобы связывать его с торговлей. Монеты эти, скорее всего, представляют собой пожертвования, полученные варягами во время церемонии крещения и/или женитьбы князя Владимира. В этой связи возникает закономерный вопрос: из какого региона Скандинавии Владимир навербовал своих варягов?

Предполагалось, что этим регионом могла быть Средняя Швеция[13]. Однако такая идея не находит поддержки ни в археологическом материале, ни в письменных источниках. Около 980 г. Бирка находилась уже в запустении, а человеческие ресурсы свеев были истощены участием их в балканской кампании Святослава в 968 и 969 гг.[14] Более подходящим кандидатом следует признать Данию, могущество которой как раз приходится на период между 960-ми и 980-ми гг. В это время король Харальд Синезубый возвёл

---

9 Constantine Porphyrogennetos, The Book of Ceremonies. Canberra 2012, 598, lines 9–10.

10 Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. — Санкт-Петербург, 1883. — С. 24; Skylitzes J. A Synopsis of Byzantine History, 811–1057 / Transl. by J. Wortley, notes and introduction by J. C. Cheynet, B. Flusin and notes by K. J.C. Cheynet. — Cambridge, 2010. — P. 319.

11 Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. — С. 25; Псёлл М. Хронография: Краткая история [Византийская библиотека]. — Санкт-Петербург, 2003. — С. 12; *Skylitzes J.* A Synopsis of Byzantine History, 811–1057. — P. 319.

12 Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхъи Антиохийского. — С. 27, 40; Всеобщая история Степаноса Таронскаго Асохьика по прозванию: Писателя 11 стол. / Пер. с арм. и объяснена Н. Еминым. — Москва, 1864. — С. 200.

13 Дучко В. Владимир перед величием // Владимир Святой и крещение Руси. Под ред. П. П. Толочко. — Киев, 2013. — С. 210–211.

14 Androshchuk F. Vikings in the East: Essays on contacts on the road to Byzantium (800–1100) [Studia Byzantina Upsaliensia 14]. — Uppsala, 2013. — P. 218; Androshchuk F. Images of Power. Byzantium and Nordic Coinage c. 995–1035. — Kiev, 2016. — P. 213–214.

Рис. 3. Клад полуфабрикатов бронзовых наверший мечей, обнаруженный в Эскельхем на Готланде (по Gustafsson Ny Björn, 2011a)

ряд монументальных сооружений: систему валов, минимум пять укреплений типа «Треллеборг», гигантскую резиденцию в Еллинг и большой мост через реку Вейле (Vejle Å) и луг Равнинг (Ravning Enge)[15]. Очевидно, что для всего этого требовались недюжинные материальные и человеческие ресур-

---

[15] Roesdal E., Sidbæk S. The dating of Aggersborg // Aggersborg: The Viking-Age settlement and fortress [Jutland Archaeological Society Publications 82] / Eds. E. Roesdahl, S. M. Sindbæk, A. Pedersen. — Aarhus, 2014. — P. 393–406.

сы, которыми в это время и располагала Дания[16]. Именно сюда, а не в Швецию, обратился за помощью Владимир. Следствием этого стало появление в Киеве ряда предметов датского происхождения[17] и появления в городе «быстрых датчан», о которых упоминает Титмар Мерзебургский[18].

Возникает закономерный вопрос — почему же подавляющее большинство монет Василия II найдены не в Дании, а на Готланде? Дело в том, что этот остров с его 800 кладами серебра занимает исключительное место не только на Балтике, но и во всей Скандинавии. Сейчас уже понятно, что подобные клады не являются просто иллюстрациями грабежей и военных походов викингов, а представляют собой важные свидетельства функционирования сложной и довольно специфичной экономики[19], которой был охвачен мир скандинавов и

Рис. 4. Фото навершия меча, обнаруженного на территории Таманского полуострова

Рис. 5. Соотношение штемпелей одного из типов византийских подражаний и монетной чеканки Олава Шётконунга (по Malmer B., 2010)

16 Randsborg K. The Viking Age in Denmark: The Formation of a State. London. 1980. — P. 169.

17 Androshchuk F. Vikings in the East. Essays on contacts on the road to Byzantium (800–1100). — P. 207–211, fig. 77.

18 Титмар Мерзебургский. Хроника / Изд. подгот. И. В. Дьяконов. — Москва, 2005. — Кн. VIII. — 32.

19 Jonsson K., Östergren M. The Gotland hoard project and the Stumle hoard — an insight into the affairs of a Gotlandic "farman" // Sigtuna Papers: Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1–4 June 1989 / Eds. K. Jonsson, B. Malmer. — Stockholm, 1990.

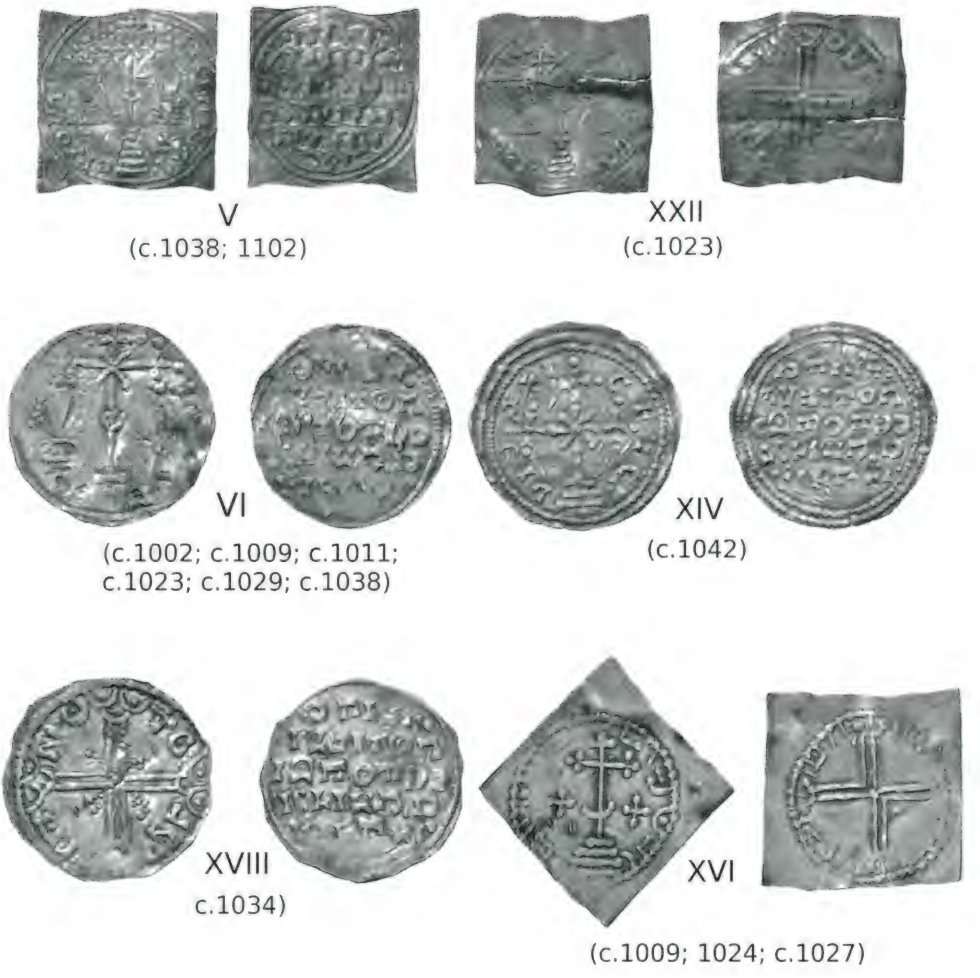


Рис. 6. Подражания, выпущенные во время правления
Олава Шётконунга в Сигтуне

его диаспора на западе и востоке. Характерной чертой этой экономики являлось ювелирное производство и его утилизация. На острове изготавливались ряд украшений для жителей материковой Швеции. Другой важной категорией экспорта было изготовления рукоятей мечей[20], а также некоторых типов копий. Наиболее показательными в этой связи является клад по-

[20] Gustafsson Ny Björn. Casting Identities in Central Seclusion. Aspects of non-ferrous metalworking and society on Gotland in the Early Medieval Period [Theses and Papers in Scientific Archaeology 15]. — Stockholm, 2011. — 94–96, fig. 9; Gustafsson Ny Björn. A Viking Period Metalworking Hoard from Alvena in Mästerby parish, Gotland // Fornvännen, (3). 2011; Androshchuk F. Swords and Social Aspects

луфабрикатов бронзовых наверший мечей, обнаруженный в Эскельхем на Готланде (рис. 3).

Рис. 7. Монета Яромира (по Hásková J., 1990)

Ещё одна заготовка такого навершия происходит из Стура Сёйдебю. Навершия и декорация этих рукоятей характерны для очень редкой группы мечей, орнаментированных в датском стиле Еллинг. Помимо нескольких экземпляров в Дании и Норвегии, такие навершия обнаружены в Румынии и на территории Таманского полуострова (рис. 4)[21].

Также на Готланде производили мечи типов T1 и Z (или рукояти к ним), которые были популярны в Норвегии, Прибалтике и на Руси, и совершенно неизвестны среди находок на острове, за исключением полуфабрикатов. В состав многих кладов Готланда входит довольно большое количество украшений южноскандинавского и западнославянского происхождения, которые указывают на происхождение их владельцев из Сконе и современной территории Дании. Всё это даёт основания для вывода о том, что клиенты из этих регионов Скандинавии могли оплачивать свои заказы имевшимся у них византийским серебром, полученным в виде пожертвований во время церемонии или за оказанную службу в Византии. Это объясняет, с одной стороны, многочисленность находок византийского серебра на Готланде, а с другой стороны — их редкость в других регионах Скандинавии.

Брита Мальмер показала, что подражания византийским монетам появились в Сигтуне в течении первых двух десятилетий XI в. Основанием для такого вывода является установленная ею связь штемпелей, восходящая к монетной чеканке Олава Шётконунга (рис. 5)[22].

Серия монет из Сигтуны является не единственной группой византийских подражаний в Скандинавии. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению остальных примеров, следует определиться с несколькими базовыми понятиями, которые будут использоваться в предлагаемой работе.

Среди любых подражаний можно выделить две основные группы. Одна из них — прямые подражания или копии, сделанные непосредственно с оригиналов. Это — вещи с незначительными отклонениями от их прототипа или

---

of Weaponry in Viking Age societies [The Swedish History Museum Studies, 23]. — Stockholm, 2014. — Go 38.

[21] Автор признателен С. Ю. Каинову (ГИМ, Москва) за предоставленное фото и информацию.

[22] Malmer B. Den svenska mynthistorien. Vikingatiden ca 995–1030. Stockholm. 2010. — P. 63, 290.

искажениями стилистических особенностей. Можно думать, что мастер прямого подражания понимал язык копируемых им символов, а также место и функцию копируемого им предмета в системе культурных ценностей и иерархии предметов, существовавших в окружающем его материальном мире. Вторая группа — деривативные подражания: объекты, лишь частично восходящие к прототипам. Часто они комбинируют черты совершенно разных прототипов. В этом случае мастер едва ли понимал изначальное назначение копируемого им предмета. Он, таким образом, создавал совершенно новый объект, чуждый и часто совершенно неузнаваемый в культурной среде его прототипа.

Скандинавские подражания византийским монетам представлены двадцатью двумя типами, из которых только два (I и II) можно признать прямыми подражаниями. Остальные же монеты являются деривативными подражаниями, основанными не на оригинальных прототипах, а на их довольно вольных репликах. Судя по топографии находок, а также хронологии, скандинавские подражания можно разделить на две группы. Одна из них представлена монетами, выпущенными во время правления Олава Шётконунга в Сигтуне (рис. 6).

Какие же монеты могли быть источниками для скандинавских подражаний? Как оказывается, круг возможных аналогий не так уж широк. Например, известно, что похожие монеты чеканил в Праге между 1003 и 1034 гг. князь Яромир (рис. 7)[23].

На аверсе его денариев изображены две фигуры, расположенные по обе стороны от креста. В балахоновидной одежде мало что напоминает лорос и хламиду. Увенчанные крестом короны хотя и изображены точечно, как и на скандинавских монетах, но с существенной потерей таких важных деталей, как пропендулии, которые напоминают на чешских экземплярах больше волосы, нежели головной убор. То же самое касается и патриаршего креста, который изображён без ступеней и перекрестия. Вместо последнего видны три флажка, напоминающие стяг. Таким образом, перед нами — довольно грубое деривативное подражание, где такие важные элементы, как стеммы, одеяния и крест полностью утратили свой первоначальный смысл. В своём подражании византийским оригиналам чешские монеты вторичны даже по отношению к скандинавским образцам, за исключением нескольких поздних вариантов южноскандинавской чеканки времени Кнута Великого (1018–1035). В своё время было высказано предположение, что изображённая на реверсе чешских монет птица представляет собой моравскую реплику англосак-

---

[23] Šmerda J. Denáry české a moravské: Katalog mincí českého státu od X. do počátku XIII. století. Brno. 1996. — P. 66–67, fig. 104a-c, 105–106.

сонского мотива «Agnus Dei»[24]. Можно думать, что источниками для подражания этих моравских монет как раз и были поздние варианты византийских подражаний, чеканенных в Южной Скандинавии во время Кнута Великого (мои типы VII–IX, XI–XII).

Рис. 8. Монета мастера Торкеттеля, Лунд, 1030–1040 гг. (фото Фредерика Элфера)

Наиболее вероятным источником деривативных скандинавских подражаний являются таманские имитации византийских милиарисиев Василия II и Константина VIII[25]. Поскольку детальный разбор этого материала изложен в опубликованной книге[26], остановимся только на некоторых письменных источниках, которые, как представляется, позволяют объяснить связь скандинавских и таманских подражаний.

Чеканку монеты, как в Скандинавии, так и на Тамани, могла осуществлять только королевская/княжеская власть. Согласно последним исследованиям, Матарха, известная в древнерусских источниках как Тмутаракань, являлась византийским городом со смешанным населением, состоявшим из греков, аланов и хазар. Влияние Руси проявлялось в присутствии назначенного посадника, его дружины, а также купцов[27]. Именно с княжением здесь Мстислава Владимировича связывается начало чеканки таманских подражаний. Несмотря на то, что очень малое количество находок происходит из археологических контекстов, принято считать, что продолжительность таманского чекана подражаний монет Василия и Константина укладывается в рамки между 988 и 1020-ми гг. Таким образом, появление монетного чекана Тмутаракани связывается с именем Мстислава[28].

---

24 Hásková J. Scandinavian influences on the denarius coins of Bohemia // Sigtuna Papers: Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1–4 June 1989. — P. 87, 89.

25 Автор признателен Н. Е. Дуткинскому за возможность ознакомиться с готовящимся к публикации исследованием, посвящённым монетной чеканке Тмутаракани (см.: Дуткинский Н. Е. Денежное дело Тмутаракани: Сводный каталог и начало исследования. — Елец, 2016).

26 Androshchuk F. Images of Power. — P. 74–85.

27 Чхаидзе В. Н. Тмутаракань — владение Древнерусского государства в 80-е гг. X — 90-е гг. XI веков // Вестник Московского городского педагогического университета. — 2010. — № 1 (5). — С. 26–27.

28 Голенко К. В. Подражания византийским монетам X–XI вв., найденные на Таманском полуострове // Византийский временник. — Т. VII. — 1953. — С. 272–273; Golenko K. Die Tamaner Gruppe der Nachahmungen byzantinischer Miliarensia // Dona Numismatica. Walter Haevernick zum

Рис. 9: 1 — монета, обнаруженная в кладе в Бадебуда, в шведской провинции Смоланд; 2 — аналогичный экземпляр лучшей сохранности, происходящий из Эстонии, частное собрание, Англия

Известно, что в 1016 г. родственник Владимира по имени Сфенгос оказал военную помощь Василию в его походе на Хазарию[29]. Было высказано предположение, что под этим именем следует понимать самого Мстислава[30]. Нужно признать, что надёжных оснований для такого предположения нет. Однако считается общепризнанным, что данное имя, переданное хроникой в греческой форме, восходит к скандинавскому Свен[31]. Свен и Мстислав — скорее всего два разных человека. В первом нужно видеть предводителя дружины, отправленной Мстиславом на помощь Василию. Кто был этот Свен и какое отношение он имел к королевскому дому в Швеции мы никогда не узнаем, но очевидное скандинавское происхождение имени, а также военное занятие его носителя являются единственным звеном, позволяющим связать таманскую чеканку и появление скандинавских подражаний.

В этом отношении представляют значительный интерес три шведских рунических камня, датированные первыми десятилетиями XI в. Один из них установлен в память о человеке, «павшим среди греков», т. е., скорее всего, как наёмный воин в византийском войске[32]. Ещё три человека, «закончив-

23.Januar 1965 dargebracht. — Hamburg, 1965. — S. 87–88; Бабаев К. В. Монеты Тмутараканского княжества. — Москва, 2009. — С. 61–67; Чхаидзе В. Н. Тмутаракань — владение Древнерусского государства в 80-е гг. X — 90-е гг. XI веков. — С. 27.

29 Skylitzes J. A Synopsis of Byzantine History, 811–1057. — Ch. 16:39.

30 Shepard J. Why Did the Russians Attack Byzantium in 1043? // Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher. — Vol. 22. — 1979. — S. 204–207.

31 Peterson L. Nordiskt runnamnslexikon. Femte, reviderade utgåvan. Institutet för språk och folkminnen. — Uppsala, 2007. — P. 213 (см.: Svæinki).

32 U358 по: Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. — Москва, 2001. — С. 350. — № 12.

Рис. 10. Ювелирные украшения из клада, обнаруженного в Бадебуда, в шведской провинции Смоланд (фото Исторического музея Швеции)

шие жизнь в Греции», упомянуты в надписях двух других камней[33], датированными тем же временем. Датировка этих ранних шведских камней совпадает со временем пребывания Сфенгоса в военном походе Василия II против хазар и даёт основания связать появление византийских подражаний в Швеции именно с этим событием.

---

33 U518, U201 по: Larsson M. G. Runstenar och utlandsfärder: Aspekter på det senvikingatida samhället med utgångspunkt i de fasta fornlämningarna. — Lund, 1990. — P. 140–141; Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. — С. 348. — № 1.

Южноскандинавскую группу подражаний следует связать с чеканкой Кнута Великого. Основания для этого утверждения следующие. В Сигтуне около 1027 г. появляются монеты с надписью «Cnut rex sweorum»[34]. Среди других монет Кнута, чеканившихся там в это время, можно отметить такие типы, как «Pointed Helmet», «Short Cross», а также упомянутый выше «Agnus Dei». Последний тип представляет собой гибрид, имеющий на аверсе подражание изображению Василия II и Константина VIII. Монеты этого типа чеканились в городе Лунде хорошо известным в 1030–1040-х гг. мастером Торкеттелем (рис. 8)[35].

Таким образом, несмотря на отсутствие штемпельных связей, и шведская, и датская группы монет имеют общую черту — византийский дизайн, инспирированный таманскими подражаниями византийских монет, принесёнными в Северную Европу наёмниками, которые принимали участие в походе Сфенгоса на Хазарию в 1016 г.

Прежде всего, возникает закономерный вопрос: почему именно византийские монеты этого выпуска были избраны для серийного подражания как в Скандинавии, так и на Тамани? Можно думать, что Мстислав имел тесные и интенсивные связи с Византией. В то время, как современные ему скандинавские короли в своей чеканке подражали английскому королю Этельреду II, он начал имитировать монеты Василия II и Константина VIII. Во время правления последнего Мстислав создал уникальный тип печати[36]. На её аверсе изображён правитель в короне с пендилиями и скипетром в правой руке. Несомненно, что это — не Мстислав, а скорее копия изображения Константина VIII, известного на золотом гистаменоне этого императора[37]. Подобно Олаву Шётконунгу, который на своих монетах сопроводил изображение Этельреда своим именем, Мстислав к имитированному изображению Константина добавил своё христианское имя — Константин. Очевидно, что Мстислав, как и его современник в Швеции, в прототипах их подражаний видели прежде всего символы власти, а не изображения реальных правителей Византии и Англии. Этот вывод хорошо подтверждают находки таких имитаций в кладах. Наиболее красноречивым является одно такое подражание (мой тип IV, рис. 9),обнаруженное в кладе в Бадебуда, в шведской про-

---

34 Malmer B. King Canute's Coinage in the Northern Countries: The Dorothea Coke Memorial Lecture in Northern Studies delivered at University College London 30 May 1972. — London, 1974. — P. 19.

35 Dolley M., Jonsson K. Imitative Anticipation: Yet Another Dimension to the Problem of Scandinavian Imitation of Anglo-Saxon Coins // Studies in Northern Coinages. — Copenhagen, 1981. — P. 114, fig. 28.

36 Лихачёв Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. — Вып. 1. — Ленинград, 1928. — С. 157–158, рис. 73.

37 Grierson P. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks collection and in the Whittemore collection. — Vol. 3: Leo III to Nicephorus III (717–1081). — Washington, 1973. — P. LVI.

винции Смоланд[38]. Помимо единственной монеты, здесь были выявлены позолоченная корона, две позолоченные броши, а также две подвески, два кольца, одна серьга и одна пуговица из серебра (рис. 10).

Подобные украшения известны в других кладах с монетами, чеканенными при короле Кнуте Эриксоне (1173–1195). Очевидно, что элементы богатой одежды и украшений призваны были демонстрировать высокий социальной статус женщины, которой они принадлежали. Собственно, этой же цели служила и более чем столетней давности монета, дважды переделанная в подвеску. Тот факт, что в данном случае мы имеем дело не с подлинной византийской монетой, а её подражанием свидетельствует о том, что первоначальное значение византийских изображений было утрачено, и монета рассматривалась как эксклюзивный предмет, изображающий символы статуса и власти.

---

[38] Hildebrand H. "Badebofyndet", Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Månads blad 1888. — P. 1–12.

С. В. Белецкий

Геральдическая подвеска № 136 и трезубец Владимира Святославича

В 2015 году И. Ю. Сорокин опубликовал геральдическую подвеску, найденную близ с. Малая Киреевка (Бершадский р-н, Винницкая обл., Украина)[1]. В сводном каталоге геральдических подвесок ей был присвоен номер 136[2]. Подвеска изготовлена из белого металла, вероятно серебра. Она сохранилась фрагментарно — нижняя часть, правый край, а также ушко обломаны (рис. 1, *1*).

На стороне «А» помещено изображение княжеского знака, ножка и основание зубцов у которого утрачены. В площадь фрагмента вошли верхние части двух боковых зубцов, между каковыми помещено изображение хищной птицы, обращённой вправо[3]. На шее у птицы двумя чёрточками обозначен ошейник, из головы «вырастает» изображение четырёхконечного креста. Над крестом помещено рельефное изображение перевёрнутого трилистника. Сторона «Б» гладкая, но в верхней части также помещено рельефное изображение перевёрнутого трилистника, аналогичное изображению на стороне «А». Сквозь трилистники просверлено отверстие.

И. Ю. Сорокин отметил сходство подвески № 136 с серебряной геральдической подвеской № 40, происходящей из подъёмного материала в Гнёздово под Смоленском[4]. На стороне «А» подвески № 40 помещено изображение двузубца, на стороне «Б» — изображение «стяга» (рис. 1, *2*).

---

1 Сорокин И. Ю. О происхождении и датировке «христианских» подражаний саманидским дирхемам // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.». — Санкт-Петербург, 2015. — С. 121–122, рис. 8.

2 Белецкий С. В. Новые находки геральдических подвесок X–XI вв. // Stratum plus. — № 6. — Санкт-Петербург; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2015. — С. 217–218, 220, рис. 1, *136*.

3 Здесь и далее: определения *право* и *лево* обозначены со стороны зрителя.

4 Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // «Ладога и Глеб Лебедев»: Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. — Санкт-Петербург, 2004. — С. 252, 313, рис. 14.

Рис. 1. Геральдические подвески № 136 (1) и № 40 (2). По: Сорокин 2015: 122, рис. 8, 9)

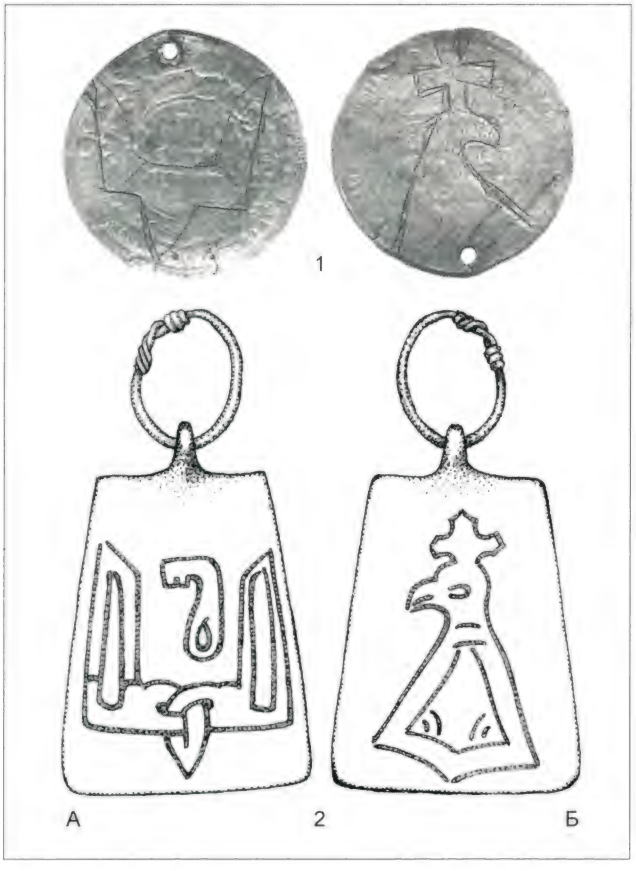


Рис. 2.
1 — граффити на саманидском дирхеме (по: Нечитайло 2012: 6, № 4);
2 — геральдическая подвеска № 59 (по: Ершова 2010: 287, рис. 3)

Сорокин предположил, что обе подвески изготовлены «в одной мастерской, возможно, одним мастером»[5]. Действительно, стилистически предметы чрезвычайно близки: в пространстве под ушком на обеих подвесках размещены идентичные трилистники, на других подвесках не встреченные, и, кроме того, одинаково оформлены зубцы княжеских знаков. По-видимому, можно уверенно говорить, как минимум, о хронологической близости подвесок.

Наибольший интерес вызывает изображённая на подвеске птица. Сходные изображения зафиксированы в граффити на дирхеме (рис. 2, *1*), на геральдической подвеске № 59 (рис. 2, *2*), а также на псевдодирхемах группы bird coin (рис. 3).

---

5 Сорокин И. Ю. О происхождении и датировке «христианских» подражаний саманидским дирхемам. — С. 123.

Рис. 3. Монеты bird coin. По: Кулешов 2015: 3, рис. 1

Рис. 4. Геральдическая подвеска № 136 (с элементами реконструкции)

Однако между изображением птицы на подвеске № 136 и прочими перечисленными изображениями имеется принципиальное отличие. На подвеске № 59, в граффити и на монетах, птица, безусловно, является самостоятельным изобразительным символом. Этого нельзя сказать об изображении на подвеске № 136. Конечно, нижняя часть этой подвески утрачена. Тем не менее, на сохранившейся части хорошо видно, что внешний контур изображения птицы соединялся с внутренним контуром левого зубца. Предположив, что точно также контур изображения птицы соединялся и с правым зубцом, мы, таким образом, устанавливаем, что на стороне «А» подвески № 136 помещено изображение не двузубца, а трезубца, центральным зубцом которого являлось изображение птицы (рис. 4).

Двузубцы и трезубцы на Руси в X–XI вв. представляли собой социально-престижные изобразительные символы князей Рюрикова дома. Родовой двузубец переходил без изменений от отца к старшему сыну со времён, по крайней мере, Игоря Рюриковича (†945 г.), а, возможно, и Рюрика (†879 г.). Двузубец использовали Святослав Игоревич (†972 г.), Ярополк Святославич (†980 г.) и Святополк Ярополчич († после 1019 г.). Трезубец же первым использовал Владимир Святославич (†1015 г.), и в дальнейшем этот знак наследовался (с изменениями) его сыновьями и внуками (рис. 5)[6].

Таким образом, трезубец Владимира, безусловно, является вторичным по отношению к родовому двузубцу Рюриковичей.

---

[6] Генеалогия древнерусских княжеских знаков, персонификации которых я предлагал начиная с середины 1990-х годов (см.: Белецкий С. В. О лично-родовых знаках князей-Рюриковичей X–XI вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли: 1995: Материалы семинара. — Псков, 1996. — С. 107–112), благодаря новым находкам неоднократно дополнялась и уточнялась (напр.: Его же. Наследование лично-родовых знаков князьями-Рюриковичами в X–XI вв. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. — Т. IV: Общество, экономика, культура и искусство славян. — Москва, 1998. — 195–205; Его же. Начало русской геральдики (знаки Рюриковичей X–XI вв.) // У источника. — Ч. 1. — Москва, 1998. — С. 93–171; Его же. Знаки Рюриковичей. — Часть первая: X–XI вв. / Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. — Вып. 2. — Санкт-Петербург, 2000; Его же. Зарождение русской геральдики // Stratum plus. — № 6. — Санкт-Петербург; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2000. — 366–424; Его же. Древнейшая геральдика Руси // Повесть временных лет. — Санкт-Петербург, 2012. — С. 431–463).

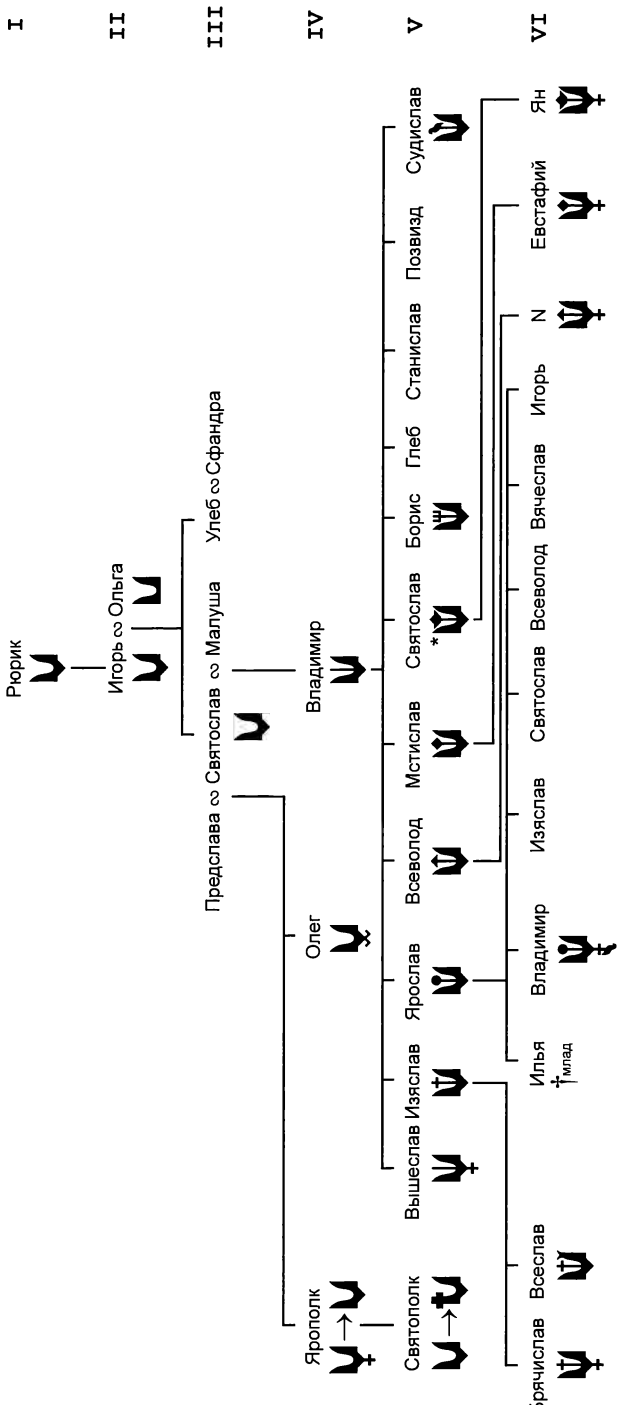


Рис. 5. Генеалогия древнерусских княжеских знаков IX–XI вв.

Владимир Святославич родился не позднее 963 г.[7] Можно определённо утверждать, что княжич использовал трезубец уже при жизни отца. Об этом свидетельствует роговая геральдическая подвеска № 31 с изображениями двузубца (позднее переделанного в трезубец) и трезубца[8], найденная в слое 26 яруса (954–973) Троицкого раскопа Новгорода[9]. Правда, эта подвеска являлась детской игрушкой[10], однако, очевидно, что она воспроизводила подлинную геральдическую подвеску — такую, например, как фрагментарно сохранившаяся серебряная подвеска № 63 с изображениями двузубца и трезубца[11]. Сочетание этих знаков на подвеске указывает на то, что держатель её являлся представителем одновременно и великого киевского князя, и его новгородского наместника. Именно так должен был быть оформлен верительный знак чиновника, представлявшего Владимира Святославича в годы его правления в Новгороде. Находка же подвески № 31 в слое, формировавшемся в 954–973 гг., прекрасно иллюстрирует летописный рассказ о борьбе Святославичей за наследство отца[12]. Очевидно, что переделка подвески № 31 произошла в тот момент, когда Ярополк Святославич сменил отца на киевском столе: превратив двузубец в трезубец, владелец подвески позиционировал себя в качестве представителя исключительно Владимира Святославича[13], который получил новгородский стол из руки отца, но ничем не был обязан своему старшему брату. Таким образом, лично-родовым знаком в виде трезубца Владимир начал пользоваться не позднее 970 г., когда он занял новгородский княжеский стол.

---

7 Войтович Л. В. Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиміновичів. — К., 1992. — С. 20.

8 Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков. — С. 254–255.

9 Янин В. Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. — Москва, 1982. — С. 149.

10 Белецкий С. В. Подвеска из раскопок курганов у д. Прудянка и костяные геральдические подвески Древней Руси // Нумизматические чтения 2011 года: Памяти Алексея Владимировича Фомина, Москва, 21–22 ноября 2011 г.: Тезисы докладов и сообщений. — Москва, 2011. — С. 47–48.

11 Белецкий С. В. Геральдические подвески Древней Руси (новые находки) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. — Вып. 4: Материалы международной конференции «Старая Ладога и Северная Русь в эпоху викингов и период славянского расселения». — Санкт-Петербург, 2014. — С. 13, 28, рис. 3.

12 «Пошел Ярополк походом на брата своего Олега в Деревскую землю. И вышел против него Олег, и исполчились обе стороны. И в битве победил Ярополк Олега... Когда Владимир в Новгороде услышал, что Ярополк убил Олега, то испугался и бежал за море. А Ярополк посадил своих посадников в Новгороде и владел один Русскою землею... Владимир вернулся в Новгород с варягами и сказал посадникам Ярополка: "Идите к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя, готовься с ним биться". И сел в Новгороде... И пошел на Ярополка» (см.: Повесть временных лет. — Часть первая: Текст и перевод. — Москва; Ленинград, 1950. — С. 251–252).

13 Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков. — С. 254–255.

Подвеска № 136 происходит из случайных находок, поэтому изображённый на ней трезубец не имеет узкой даты. Уточнить датировку подвески позволяют, как кажется, перечисленные выше изображения «птицы с крестом». Ближайшей аналогией птице на подвеске можно считать граффити на саманидском дирхеме, на котором птичья головка также повернута вправо (рис. 2, *1*). Дирхем, по непроверенным сведениям, происходит с территории Черниговской области[14]. На лицевой стороне монеты, по мнению В. С. Кулешова, удаётся прочитать остатки даты: Саманиды, Абд ал-Малик ибн Нух, или (менее вероятно) Нух ибн Наср, 340-е гг. хиджры, то есть 952–960 гг.[15] Е. Лемберг, на определение которого ссылается И. Ю. Сорокин[16] датирует монету 346 г. х., то есть 958 г. Следовательно, граффити не могло появиться на монете раньше этого времени.

Такая же птица в ошейнике и с крестом, растущим из головы, но обращённая влево, зафиксирована на стороне «Б» подвески № 59 (рис. 2, *2*), найденной в камерном погребении № 6/2008 псковского некрополя[17]. Верхняя дата подвески определяется временем совершения захоронения. С учётом того, что в погребении найдены четыре монеты, младшая из которых была отчеканена в 953–954 гг. и имела отверстия для подвешивания, можно думать, что захоронение было совершено не раньше 960 — начала 970-х гг. Следовательно, деятельность погребённого в камере № 6 пожилого (45–55 лет) мужчины в качестве полномочного представителя великого киевского князя (символом которого являлось изображение двузубца на стороне «А»), могла происходить или в самом конце правления Игоря Рюриковича (879–944), или при его сыне Святославе (944–972), или даже при сыне Святослава Ярополке (972–980). В любом случае, время изготовления подвески определяется в пределах середины — третьей четверти X в.[18]

Наиболее ранними среди известных изображений «птиц с крестом» являются обращённые влево птичьи головки на псевдодирхемах группы bird

---

[14] Нечитайло В. В. Каталог древнерусских печатей X–XIII вв. — Т. 1: Древнерусские печати великих князей киевских и митрополитов Руси. — К., 2012. — С. 6, № 4.

[15] Благодарю В. С. Кулешова (Эрмитаж), сообщившего мне результаты определения монеты.

[16] Сорокин И. Ю. О происхождении и датировке «христианских» подражаний саманидским дирхемам. — С. 119.

[17] Ершова Т. Е. Серебряная подвеска с изображением тамги Рюриковичей из камерного погребения в Пскове // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается. — Т. I. — Санкт-Петербург; Москва, 2010. — С. 284–289; Белецкий С. В. Геральдические подвески Древней Руси (новые находки). — С. 12, 27, рис. 1–2. Благодарю Т. Е. Ершову (Псковский археологический центр) за сведения о возрасте погребённого в камерной могиле № 6/2008 и о времени чеканки монет, входивших в состав погребального инвентаря.

[18] Белецкий С. В. Две древнерусские геральдические подвески // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы 57-го заседания. — Москва; Псков, 2011. — С. 47.

coin. Большинство исследователей сходятся в том, что такие монеты чеканились на Руси. Время чеканки Г. Рисплинг первоначально определял 920 — началом 930-х гг. и считал вероятным эмитентом князя Игоря Рюриковича[19]. В настоящее время исследователи[20] сходятся в том, что монеты с изображением птичьей головки чеканились княгиней Ольгой[21] († 969 г.) в конце 940 — начале 950-х гг.[22]

Конечно, сходство изображений птицы на монетах и подвеске № 59 не вызывает сомнения, но между этими изображениями имеется и принципиальное различие: на монетах крестик отчетливо отделён от изображения птицы (рис. 3), в то время как на подвеске крест «вырастает» непосредственно из птичьей головки. Вероятно, при изготовлении подвески мастер копировал изображение с дефектного, сильно стёртого экземпляра монеты (скорее всего, типа Rispling FM/BCI, см.: рис. 3, *2*), на котором крестик и голова птицы слились в одно изображение. Если так, то изображение птицы на подвеске № 59, безусловно, вторично по отношению к монетным изображениям, причём мастер, изготовивший подвеску, хотя и сохранил характерное обращение птицы влево, но копировал монетное изображение, уже не понимая его смысловое значение.

На подвеске № 136 и в граффити птица обращена вправо, поэтому прямое заимствование изображений с монеты группы bird coin или подвески, аналогичной подвеске № 59, маловероятно. Скорее всего, оба изображения были скопированы с геральдической подвески неизвестного пока типа, облик которой сохранился в граффити: на одной стороне размещалось изображение простого двузубца, а на другой стороне — изображение птицы, обращённой вправо. Такая подвеска, вероятно, была репликой подвески, аналогичной подвеске № 59. Иными словами, неизвестная геральдическая подвеска должна быть отнесена к несколько более позднему времени, чем подвеска № 59.

---

[19] Rispling G. Coins with crosses and bird heads — Christian imitations of Islamic coins? // Fornvännen. 82. — Stockholm, 1987. — P. 84.

[20] Lindberger E. The Falcon, the Raven and the Dove: Some bird motifs on medieval coins // Eastern Connections. — Part One: The Falcon Motif. — Stockholm, 2001. — P. 68; Ершова Т. Е. Серебряная подвеска с изображением тамги Рюриковичей из камерного погребения в Пскове. — С. 288; Kovalev R. K. Grand Princess Olga of Rus' Shows the Bird: Her "Christian Falcon" Emblem // Russian History. 39. — Leiden, 2012. — P. 468; Кулешов В. С. Дирхам с изображением увенчанного крестом сокола (Rispling FM/BC II) в собрании Эрмитажа // Русское денежное обращение в X–XVII вв.: Нумизматический сборник к 60-летию Петра Григорьевича Гайдукова. — Москва, 2015. — С. 29.

[21] Войтович Л. В. Генеалогія династій Рюриковичів і Гедиміновичів. — С. 19.

[22] Рисплинг Г. О типологическом контексте и датировке нового типа подражаний с соколиной головкой (Rispling FM/BC III) // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2015 года: Памяти Нины Андреевны Фроловой. — Москва, 2015. — С. 77–79.

Приведённые наблюдения удобно представить в виде схемы (рис. 6). Вторичный характер изображения на стороне «Б» подвески № 59 по отношению к монетным изображениям определённо указывает на то, что подвеска была изготовлена позднее рубежа 940–950-х гг. Следовательно, её владелец не мог представлять интересы Игоря Рюриковича. Поскольку Т. Е. Ершова отметила, что на поверхности подвески прослежены «многочисленные микродефекты — потёртости и небольшие утраты черни»[23], очевидно, что данный верительный знак какое-то время использовался по назначению. Таким образом, вероятность изготовления подвески № 59 после 972 г. ничтожно мала, и, следовательно, владелец подвески вряд ли являлся представителем Ярополка Святославича. Иными словами, двузубец на стороне «А» подвески № 59 наверняка символизирует власть великого киевского князя Святослава Игоревича.

Изготовление подвесок № 136 и № 40 одним мастером свидетельствует о том, что трезубец, изображённый на подвеске № 136, принадлежал современнику владельцев двузубца и «стяга», изображённых на подвеске № 40[24]. И так, как подвеска № 136 датируется несколько более поздним временем по сравнению с подвеской № 59, решусь предположить, что двузубец на подвеске № 40 символизировал, как и на подвеске № 59, власть великого киевского князя Святослава Игоревича.

Размещение на подвеске двух разных социально-престижных изобразительных символов свидетельствует о том, что держатель подвески в своей деятельности выступал представителем од-

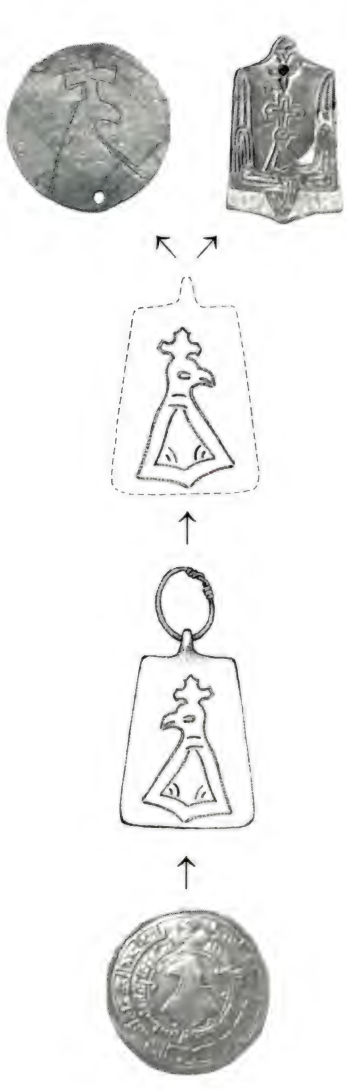


Рис. 6. Соотношение предметов с изображением «птицы с крестом»

---

23 Ершова Т. Е. Серебряная подвеска с изображением тамги Рюриковичей из камерного погребения в Пскове. — С. 287.

24 И. Ю. Сорокин датирует подвеску № 136 несколько более ранним временем по сравнению с подвеской № 40, и рассматривает двузубец в качестве знака, производного от трезубца (см.: Сорокин И. Ю. О происхождении и датировке «христианских» подражаний саманидским дирхемам. — С. 123–124, рис. 10). С этим заключением я не могу согласиться, поскольку оно вступает в противоречие с хронологией использования князьями Рюриковичами родового двузубца.

новременно двух лиц. При формальном равенстве сторон подвески невозможно определить, на какой из них было помещено главное изображение, так что держатели двусторонних подвесок с изображениями социально-престижных символов на обеих сторонах представляли интересы соправителей-дуумвиров. Таким образом, держатели подвесок № 40 и № 59 представляли интересы соправителей, один из которых занимал великокняжеский стол, а второй не принадлежал по рождению к правящей династии, но обладал властью, сопоставимой с властью великого князя. В годы княжения Святослава такими полномочиями в его окружении обладали только два человека — мать Святослава, вдовствующая княгиня Ольга († 969) и воевода Свенельд († после 977; Артамонов 1966: 30–35). И именно два социально-престижных изобразительных символа — «птица с крестом» и «стяг» — сопровождают на геральдических подвесках двузубец Святослава. Заманчиво признать, что один из этих двух символов принадлежал Ольге, а другой — Свенельду.

Трезубец, изображённый на подвеске № 136, представляет собой результат соединения в одно изображение двух различных символов — двузубца и «птицы с крестом». Если мы правы в том, что двузубец на подвеске № 40 принадлежал Святославу Игоревичу, можно определённо утверждать, что именно со Святославом был связан прямым родством владелец трезубца. В таком случае, трезубец на подвеске № 136 наверняка принадлежал сыну Святослава — Владимиру.

Очевидно, что владелец трезубца на подвеске № 136 наследовал одновременно и владельцу двузубца, и владельцу «птицы» (рис. 7). Представляется маловероятным, чтобы при оформлении трезубца Владимира в один знак были соединены изобразительные символы великого киевского князя, и великокняжеского воеводы. В то же время слияние в знаке Владимира изобразительных символов его отца и бабки кажется мне вполне возможным. Полагаю, поэтому, что владельцем «птицы с крестом»[25] — второго элемента, составившего трезубец на подвеске № 136 — был не воевода Свенельд[26], а княгиня Ольга.

Ранее я отмечал, что княгини, вероятнее всего, пользовались упрощёнными версиями княжеских знаков своих мужей — двузубцами и трезубцами, лишёнными ножки[27]. Судя по исключительной редкости знаков без ножек, случаи их использования также были крайне редки. Иными словами, употребление княгинями лично-родовых знаков своих мужей в каждом конкретном

---

25 Речь должна идти об изображении именно «птицы с крестом», то есть *птицы, из головы которой растёт крест*. Вопрос о том, как это изображение связано с изображением на монетах группы bird coin, остаётся открытым.

26 Свенельду, в таком случае, мог принадлежать изобразительный символ «стяг».

27 Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков. — С. 272–273.

случае было вызвано экстраординарными обстоятельствами, при которых сами князья были лишены возможности отправлять властные полномочия. Княгине Ольге я персонифицировал двузубец без ножки, процарапанный на стороне «А» костяной подвески № 32 из Новгорода[28], и предполагал, что княгиня пользовалась упрощённым двузубцем мужа, ставши во главе государства после гибели Игоря[29]. Но если двузубец без ножки символизировал власть великой княгини на территории всей державы Рюриковичей, то «птицу с крестом» следует рассматривать в качестве родового символа Ольги, то есть — как символ властных полномочий в территориально ограниченном пространстве её отчины[30]. По мнению большинства исследователей, отчиной Ольги были Псков и его округа[31].

Рис. 7. Происхождение трезубца Владимира Святославича

Очевидно, что для соединения в один знак одновременно и родового двузубца Рюриковичей, и родового символа Ольги требовалось, как минимум, согласие обоих владельцев исходных символов. Если так, то знак на подвеске № 136 наверняка появился при жизни Ольги, то есть — до 969 г. Та-

---

28 На стороне «Б» подвески № 32 изображён четырёхконечный крест (см.: Там же. — С. 311, рис. 12, *3*).

29 Там же. — С. 271–273.

30 В таком случае, мужчина, погребённый в камерной могиле № 6/2008 псковского некрополя, в своей деятельности выступал представителем и князя Святослава, и его матери. При этом чиновник (очевидно — «гость»; см.: Белецкий С. В. Новые находки геральдических подвесок X–XI вв. — С. 225; Салмин С. А. «Гости» в социальной системе Древней Руси: государственные служащие? // Stratum plus. — № 6. — Санкт-Петербург; Кишинёв; Одесса; Бухарест, 2015. — С. 48–49), безусловно, являлся уполномоченным лицом самого великого киевского князя, но его полномочия распространялись только на домениальные владения вдовствующей княгини.

31 Вопрос о связи княгини Ольги с Псковской землёй подробно анализировал А. А. Александров (см.: Александров А. А. Во времена княгини Ольги: Легенды и были о княгине Ольге в Псковской земле. — Псков, 2001; здесь же — основная библиография).

ким образом, Владимир получил лично-родовой знак раньше, чем он получил «из руки отца» новгородский стол. Ему в конце 960-х гг. было не более 6—7 лет, так что лично-родовой знак для него создали отец и бабка.

Присоединение к двузубцу Рюриковичей в качестве особого третьего зубца именно псковской «птицы» вряд ли было случайным. Включение в герб Владимира родового символа Ольги стало, вероятнее всего, следствием (и, одновременно, публичной демонстрацией) передачи княжичу прав на отчинные владения его бабки. Тем самым Ольга незадолго до своей смерти постаралась обеспечить будущее внука[32]. Скорее всего, это было сделано с согласия и при участии Святослава, который, в соответствии с существовавшими нормами наследственного права, должен был унаследовать владения своей матери в том случае, если бы не было иных распоряжений завещательницы[33].

Таким образом, создание в конце 960-х гг. для Владимира лично-родового символа было вызвано необходимостью ввести юного княжича в права наследования Пскова и его округи — отчины его бабки. При этом усвоение Владимиру трезубца, то есть — принципиально новой формы лично-родового знака, объясняется, очевидно, происхождением княжича, рождённого от рабыни и поэтому не имевшего права на родовой двузубец Рюриковичей.

---

32 Согласно ст. 98 Пространной Правды, бастарды исключались из числа наследников своих отцов (см.: Правда Русская. — I: Тексты. — Москва; Ленинград, 1940. — С. 446—447.

33 Согласно ст. 103 Пространной Правды, мать сама распоряжается своей собственностью, но, если она не оставила завещания, её собственность переходит к тому из детей, у кого мать жила перед смертью (см.: Там же. — С. 448—449). При этом в ст. 106 уточняется, что мать может оставить свою собственность как сыновьям, так и дочерям (см.: Там же. — С. 450—451).

Л. А. Беляев

Европейские технологии и элементы иконографии в Новом Иерусалиме: материалы исследований 2009–2016 годов

Неоднократно обсуждая с Глебом Юрьевичем проблемы археологического изучения искусства и культуры Восточной Европы, мы чаще оказывались на почве византинизма (даже как-то подумывали написать учебник византийской археологии). Но, думаю, ему будет интересен и материал, рисующий подробности того быстрого, если не сказать резкого, ухода от «византинизма», который наблюдается в культуре Москвы в середине XVII в., и который явно заслуживает нового совместного исследовательского проекта.

Тема оставления московской культурой византийского круга за полстолетия до Петра I, при участии мастеров тогдашней Речи Посполитой, то есть белорусов, литовцев, поляков, украинцев и, отчасти, из более отдалённых Молдавии, Германии, Голландии, возможно Венгрии — давно известна в российской и европейской литературе. Но каждая новая линия связей, особенно вновь открываемых благодаря археологическим и архитектурным исследованиям, придаёт исторической картине свежие, неожиданные краски. Серия таких открытий накопилась при работе в Новом Иерусалиме, которую проводили для его сохранения и полного изучения при массированном восстановлении этого незаурядного архитектурного ансамбля с конца 2000-х до середины 2010-х гг.

Была специально создана Ново-Иерусалимская экспедиция РАН, которая ведёт работы в необычном режиме, крайне сближенном с нуждами инженерной и архитектурной части проекта: археологи уже семь лет остаются в поле круглый год, включая зимние месяцы, ни на день не прерывая исследований. Частью слой изучают в режиме научных раскопок, частью — сопровождая инженерные вскрытия. Сейчас, когда полевая часть близка к завершению, мы осознаём, насколько значительна общая площадь исследований: более 23 тыс. кв. м. Интерпретации и находки, рассказывающие о восприятии европейских культурных импульсов, и их переработке мастерами второй половины XVII — начала XVIII вв., публикуются прямо в ходе работ. (Первые этапы работ отражены в специальных разделах журнала «Российская архе-

ология» № 4 за 2012 г. и в сборнике «Реставрация и исследования памятников культуры» за 2012 г.; на остальные статьи см. отдельные сноски ниже).

Здесь предлагаю обзор, дополненный последними материалами, новые наблюдения и постановку задач дальнейшего поиска музейной и архивной информации для компаративного анализа, в котором чрезвычайно важную роль могут сыграть учёные Белоруссии, Литвы, Польши и Украины.

Как известно, Новый Иерусалим, или Воскресенский монастырь на р. Истре, был замыслен патриархом Никоном, и на первом этапе (1656–1666) создавался усилиями его самого при поддержке царя Алексея Михайловича. После ссылки церковного реформатора процесс строительства был остановлен, но в 1680–1690-х гг. в основном завершён сподвижниками и почитателями опального патриарха. Работы, однако, продолжались и в течение всего XVIII в., поскольку уровень поставленных задач далеко не соответствовал строительной технике того времени.

Центром замысла был огромный, очень сложный (по формам и технике исполнения) и необычный для русской традиции собор, задуманный как точная, но усовершенствованная, «очищенная», копия храма Гроба Господня в Иерусалиме, архитектурного и литургического образца всего христианского мира, отражающего в своей топографии евангельский рассказ. Исполнить такой замысел стало возможным только в XVII в., когда успехи ранней науки и церковной дипломатии на Востоке позволили провести и издать довольно точные обмеры храмов на местах евангельских святынь. Сведениями о них в разной форме располагал патриарх Никон, хотя какими именно — тема оживлённых дискуссий. Не менее активно идёт обсуждение замысла Никона, происхождения его мастеров, его очных и, особенно, опосредованных (через книги, изображения и другие носители информации) контактов с европейским миром. Археология, как уже сказано, в последние годы вносит всё бóльшую лепту в эти дискуссии (илл. 1).

Для удобства изложения выделим, среди огромного количества новых, археологически установленных фактов, четыре группы: изменения в композиции собора Воскресения, говорящие о его изначальной близости к оригиналу; новшества в предметном мире; иконографические новации; технологические усовершенствования, и представим каждую на одном — двух примерах.

Главный пункт в первой группе — неизвестные ранее перемены в устройстве всходов в Голгофскую церковь. Их следы, открытые у юго-западного угла крытой двухэтажной галереи, говорят о первоначально гораздо более полном и точном воспроизведении парадного элемента южного фасада храма Гроба Господня, ставшего с XIII в. одним из главных маркеров всего храма в европейской графике, и сохраняющегося по сей день под именем *capella franca*. Это воспроизведение затронуло не только планировку и объём, но и

1. Новый Иерусалим. Общий вид Воскресенского собора до реставрации (фото 2009 года)

декор изящной, богато украшенной капеллы XII в., отмечающей сейчас одну из станций Крёстного пути[1] (илл. 2 а, б).

Характерный пример бытовых новшеств, ранее неизвестных в археологических материалах России и, как таковых, никогда не рассматривавшихся в составе её предметного мира — керамическая фляга в виде книги (классического карманного «эльзевира»), предмет, распространённый в странах Европы начиная с XVI в. и особое распространение приобрётший в XVII–XVIII вв. (народное германоязычное название: «водочная Библия», «чёртов молитвенник»)[2] (илл. 3 а, б).

---

[1] Беляев Л. А. Капелла франков в Новом Иерусалиме? Архитектурно-археологические объекты у южного фасада Воскресенского собора (предварительное сообщение) // Архитектурное наследство. — Т. 61. — Москва, 2015 (в печати).

[2] См.: Köster K. Schnapsbibeln und Teufelsgebetbücher // Festschrift für Peter Wilhelm Meister zum 65. Geburtstag am 16. Mai 1974 / [Hrsg. von Annaliese Ohm u. Horst Reber]. 1975. — S. 136–150; Schäfke W. Zum Lesen ungeeignet // Archäologie in Nordrhein-Westfalen. Geschichte im Herzen Europas. — Köln, 1990 [Herausg.: Hansgerd Hellenkemper, Heinz Günter Horn, Harald Koschik, Bendix Trier]. — S. 328 f.

а б

2. Capella franca: а — в Иерусалиме, вид с юго-запада (современный снимок); б — фундамент капеллы, раскрытой в Новом Иерусалиме, 1656–1666 гг. (фото 2012 г.)

Такие фляжки встречены в заполнении одного из горнов, что указывает на их несомненно местное производство, а полная форма обнаружена среди отходов, в белокаменной клоаке ретирады Отходной пу́стыни (скита, в который патриарх Никон удалялся во время постов). Этот экземпляр характерен тем, что под прозрачной глазурью, по углам его переплёта, проставлены четыре буквы (граффито по-сырому). Они не соотносимы ни с евангелистами, ни с возможной датировкой изделия, но вполне могут быть раскрыты как «[В]оскресенский [М]онастырь [НІ]кон» (менее вероятно: «[В]оскресенский [М]онастырь [Н]овый [І]ерусалим»). Эту подпись, да и сам предмет, мы воспринимаем как рефлексивную шутку в «бурсацком» стиле, предвосхищающую карнавальную атмосферу «всешутейшего собора» Петра I[3]. К области бытовых новшеств принадлежат, конечно, и новые формы кухонной и столовой керамической посуды, появляющиеся именно в Новом Иерусалиме, в Московии неизвестные, но массово распространённые в Речи Посполитой и в Центральной Европе в целом[4].

---

3 См.: Беляев Л. А. Фляжка из Нового Иерусалима и её европейские параллели // Живая старина. — 2014. — № 4. — С. 2–5; Беляев Л. А., Глазунова О. Н. Вино и чернила: керамические «книги» из Подмосковья (предварительная публикация) // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости»: Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. — Москва, 2014. — С. 341–350.

4 Glazunova O. N. Lithuanian's roots in the pottery of the Western suburbs of Moscow of the 17th and 18th centuries // Archaeologia Baltica. — T. 16. — Klaipeda, 2012. — P. 143–140.

а

б

3. Новый Иерусалим.
Фляжка керамическая:

а, б — общий вид со стороны
«корешка» и «обреза»;
б — «крышка переплета» с граффити ВМНІ
(в ходе реставрации).
1656–1666 гг.

в

Центральный пункт западных инвенций в Новом Иерусалиме, разумеется, — иконография изразцов. Сама идея украшения Воскресенского собора по фасадам и в интерьерах практически сплошным ковром многоцветной эмали до сих пор глубоко не интерпретирована, а её авторство остаётся загадкой и не может объясняться развитием редких фасадных вставок XVII в. или уникальных икон из керамики, в XVI в. известных на Руси. Несомненно, за ней стоит творческая воля патриарха Никона и его европейских сотрудников, но хотя имена некоторых из них нам известны, их биографии и личный творческий почерк почти не проявлены. Для разбора всех иконографических композиций и сюжетов Нового Иерусалима не хватит не только статьи, но и книги — их каталог, вероятно, окажется многотомным. Выборочно укажу наиболее важные.

Среди них выделяются крупные керамические иконы Христа — возможно, части единой композиции «Не рыдай мени, мати» или, более вероятно, двух композиций: «Пантократор» и «Распятие». Их описание и характеристика опубликованы, здесь же отмечу лишь несомненные черты белорусско-украинской иконографии, легко опознаваемые в манере передачи лика Христа[5]. В этом направлении нужно, видимо, искать и определение функции образов, поскольку фасадные керамические иконы, близкие по времени, памятникам Украины известны[6]. Не сомневаюсь, что украинские коллеги найдут и другие аналоги, кроме предложенных мною в вышеуказанной статье, и буду рад их комментариям (илл. 4 а, б).

Небольшие фрагменты подобных икон имелись в музейном собрании Нового Иерусалима и ранее, но восстановить по ним образа́, тем паче понять их иконографические особенности, без археологических находок невозможно. К сожалению, и археология не всесильна: два найденные в переотложенном слое фрагмента большой (не менее 1,5 натуры) полой керамической скульптуры (часть лица и затылок) явно намекают нам на попытки включить в состав икон трёхмерный образ, но не позволяют провести никаких прямых аналогий. При этом, конечно, следует помнить о широком включении крупной скульптуры в состав «диарамных» композиций Сакро Монте в Варалло (Италия) и других пространственных «реплик» евангельской топографии (илл. 5).

---

5 Подробный разбор с аналогами см.: Беляев Л. А. Керамические иконы Христа в Ново-Иерусалимском монастыре: Предварительная публикация находок 2014 года // В созвездии Льва: Сборник статей по древнерусскому искусству в честь Льва Исааковича Лифшица. — Москва, 2014. — С. 48–61.

6 Полезный обзор см.: Колупаєва А. До історії церковно-обрядової кераміки в Україні (XI — поч. XXI ст.) // Народознавчі зошити. — 2012. — № 3 (105). — С. 469–496. Благодарю Е. И. Архипову за указание на него.

а

б

в

4. Новый Иерусалим. Керамические иконы:
а, б — изразец с ликом Иисуса Христа
(лицевая и оборотная сторона);
в — фрагмент Распятия. 1656–1666 гг.

Композиции, близкие к иконным, на изразцах Воскресенского собора хорошо известны, некоторые из них несут даже священные тексты, но в целом их репертуар ограничен ангельскими ликами, львиными маскаронами и атрибутикой тех или иных классических значений, несомненно западного происхождения: это «тиары», «корникопии» (рога изобилия), изображения священных живых существ, прежде всего голубя (прообраз Святого Духа). Не прибегая даже к полному перечислению, предложу задачу для дальнейшего изучения в виде единственной, но целой находки изразца с необычным

5. Новый Иерусалим. Фрагмент головы крупной керамической статуи. 1656–1666 гг.(?)

6. Новый Иерусалим. Изразец «Рак на листе кувшинки». 1656–1666 гг.(?)

по полноте и реалистичности исполнения сюжетом: рак, вылезающий на зеленый лист кувшинки, плавающий в тёмно-синих водах (илл. 6).

Такой сюжет можно увести к рустическим композициям, восходящим к Бернару Палисси, и трактовать в рамках темы Сотворения мира; соединить с символами Воскресения (рак — один из аллегорических образов Христа); или вспомнить о довольно многочисленных изображениях ракообразных на изразцах и вообще в мире символической пиктографии (изображения на гербах и т. п.) Речи Посполитой, где они достаточно распространены, пусть и не в столь реалистическом и подробном варианте.

Изобразительная символика, аллегорика, эмблематика уже во времена Никона, и, особенно, в течение полувека (с перерывами) строительства монастыря стали излюбленными формами удовлетворения потребности братии и знатных, подчас царственных, прихожан в знаниях об окружающем мире. Такие изразцы оказались чрезвычайно удобными средствами обучения основам нового, европейского культурного кода с его малознакомым языком. Раскопки в Новом Иерусалиме дают всё новые и новые примеры таких «пропедевтических композиций», часть которых восходит к знаменитому компендиуму «Символы и эмблематы», а остальные заимствованы из европейских атласов или учебников (например, серия, изображающая экзотических и фантастических животных), а также с популярных гравюрных листов и книжных иллюстраций (например, аллегории на темы Спасения, немецкие народные поговорки, «Лестница жизни» и др.). Далеко не все из сюжетов до сих пор нашли свой прототип (илл. 7 а, б, в, г).

Таким образом, в Новом Иерусалиме происходил важнейший процесс аккультурации новшеств из Европы, знакомство с основными понятиями её визуально-смыслового мира. Этому способствовал и быстрый технологический прогресс, который осуществлялся за счёт чрезвычайно значительных ресурсов, вложенных властью и церковью в «новоиерусалимский проект», и участия нескольких сотен европейски обученных универсальных специалистов, художников и «технологов», работавших вместе с московскими мастерами — гончарами, литейщиками, резчиками и др.

Свидетельства мощного технологического процесса, превратившего весь монастырский холм в огромную производственно-художественную мастерскую, где ставились бесчисленные эксперименты, археология обнаруживает постоянно. В их числе — «фабрика» для отливки колоколов, как будто построенная по европейскому учебнику или сошедшая с европейской гравюры: обширное подземное «тондо» из кирпича, на идеально выложенном монолитном основании из четырёх слоёв кладки, с двумя кирпичными стенками, концентрическими по отношению к центральному шесту (вокруг него вращался формообразующий шаблон) и с основанием для «болвана», на котором лепилась форма для колокола[7]. Мастерская, конечно, была значительно обширнее этой литейной ямы, и включала подземную кирпичную печь и не совсем понятные пристройки (илл. 8 а, б, в).

Большой удачей стала и возможность познакомиться с продукцией печи: в монастыре была обнаружена часть Большого Воскресенского колокола, ни одна из двух версий которого (середины XVII и середины XVIII вв.) до нас не дошла. Известно, что именно в колоколах Нового Иерусалима впервые

---

7 См.: Воронова О. А. Колокололитейный комплекс на территории Ново-Иерусалимского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. — Москва, 2012. — С. 34–36.

а

б

в

7. Новый Иерусалим. Изразцы с символами и эмблемами:
а — сюжет «Победный трофей»;
б — сюжет «Сердце, осаждаемое соблазнами» (надпись: «Нетъ покою»);
в — «Лестница возрастов» (фрагменты);
г –изразец (два состояния) с символами церковного правления (точный сюжет и источник не установлены).
Рубеж XVII–XVIII вв.

г

а

б

в

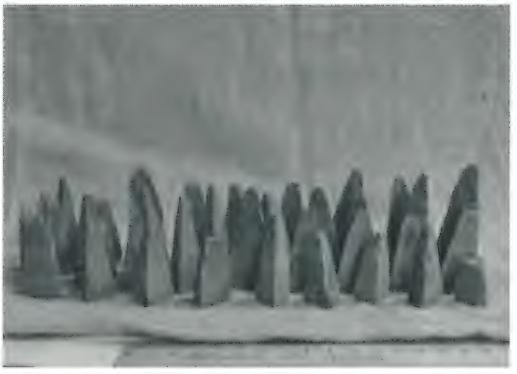
8. Новый Иерусалим. Горн и формовочная яма для отливки колоколов:
а — вид с юга (фото 2010 года);
б — то же фото, с реконструкцией моделирования поверхности колокола вращением шаблона;
в — вид с запада. 1656–1666 гг.

9. Новый Иерусалим. Фрагмент Большого Воскресенского колокола со сценой «Сошествие во Ад». XVII или XVIII век.

были использованы обширные иконные композиции (до середины XVII в. их украшали обычно орнаменты и надписи), причём в программу больших воскресенских колоколов входили как центральные композиции сцены Воскресения. Часть такой сцены и найдена: это правая нижняя четверть композиции «Сошествие во Ад», на которой видна нижняя половина фигуры Спасителя, облачение и рука Иоанна Предтечи, а также фигуры святых жён и выводимых из Ада. Композиция абсолютно барочная по стилю и может быть отнесена, учитывая исторические обстоятельства развития ансамбля, как к XVII, так и к XVIII вв. (илл. 9).

Этот сюжет, конечно, следует рассматривать не только в рамках истории технологии, но и как пример развития иконографии. Что, собственно, верно и для производства керамики. На материалах почти 10-тысячной коллекции находок, в которой львиную долю составляют именно изразцы, можно проследить бесчисленные эксперименты по подбору сортов глины, их сочетанию в одном изделии, выработке новой, исключительно местной формы рельефа, позволяющей цветным эмалям не смешиваться при обжиге. Не меньшее удивление вызывает печной припас, в археологии московского периода и Руси в целом до сих пор просто неизвестный — это специально, заранее обожжённые клинья и трёхрогие столбики-подставки на широких круглых основаниях (как шахматные фигуры), позволявшие размещать в печи изразцы и сосуды таким образом, чтобы они не соприкасались и при обжиге не меняли положения (клинья почти стандартные, столбики — по меньшей мере трёх размеров: высокие, половинные и почти плоские) (илл. 10 а, б, в, г).

а



б

в

г

10. Новый Иерусалим. Печной припас гончарных мастерских:
а — клинышки; б — клинышки и подпорки для размещения изделий в горне;
в — распределитель жара (?), г — одноразовый крепеж внутри печи, обожженный
в ходе производства. Вторая половина XVII — начало XVIII вв.

Кроме этих мелочей, для обжига, видимо, использовали керамические конфорки разных видов — в виде закрытого в одном торце полусвода с прорезанными прямоугольными «окнами»; в форме мисок с крупными круглыми отверстиями; большие горшки, пронизанные небольшими дырочками (наподобие редкого дуршлага) и др. Точное назначение их понять трудно, но их образцы собраны в районе керамических мастерских и при горнах.

11. Новый Иерусалим. Горн гончарной мастерской в Солодовых палатах.
Вид со стороны топочной камеры. Начало XVIII в. (?)

а

б

в

12. Новый Иерусалим. Двойной горн на склоне холма. Вторая половина XVII в.:
а — вид сверху с севера (слева внизу);
б — вид с топочной частью, с северо-востока;
в — камера двойного горна с оставленными в ней в 1690 году (?) изразцами.

13. Новый Иерусалим. Изразец из загрузки двойного горна с датой 1690 год

Кое-что помогают понять и сами горны, которых в монастыре изучено три (ещё один был открыт в XX в. поодаль от холма). Из них наиболее интересен горн в Солодовых палатах, входивший в состав гончарной мастерской, существовавшей на её участке длительное время (он сохранён и музеефицирован в составе палаты) (илл. 11).

А также двойной горн (с третьим, дополнительным, малым отделением) на склоне холма, в производственно-хозяйственной привходовой зоне (илл. 12).

Этот последний горн оставили, не освободив от последней партии изделий — серии архитектурных деталей с рельефным орнаментом в классическом стиле, причём на некоторых из них имеется дата, 1690-й год, близкая к окончанию важного этапа работ в монастыре (илл. 13).

Безусловно, технологические наблюдения, сделанные на этих горнах, нуждаются не только в подробной публикации, но и в сравнении с аналогичными комплексами Европы (не только археологическими — вероятно, много похожего обнаружится и в истории производства Нового времени).

Хотя в этом обзоре массив набранной информации едва затронут, он даёт возможность поставить многие вопросы по-новому, с большей конкретностью и решительностью. В ходе работ вклад европейской традиции в рождение Нового Иерусалима на р. Истре становится всё более очевидным. Здесь не место обсуждать историографию Нового Иерусалима, она поистине огромна. Но среди многих сотен опубликованных работ нужно назвать близкую мне линию, которая исследует связь проекта с католической традицией строительства «реплик» Святой Земли — «сакри монти», или «кальварий». На неё указал ещё в начале XX в. Н. Н. Соболев, опираясь

на резные деревянные композиции и композицию неясного происхождения, известную под именем «Шумаевского креста». Он верно уловил, во-первых, связь генезиса подобных композиций с европейскими кальвариями; во-вторых, возможность прямого знакомства с ними царя Алексея Михайловича и его окружения в 1650-х гг., во время войны с Речью Посполитой и пребыванием русской армии в городах Литвы и Белой Руси[8]. С 1980-х гг. это направление развивает С. Л. Яворская, в многочисленных работах подчёркивая связь с европейскими кальвариями — при явной нехватке конкретного материала[9].

14. Новый Иерусалим. Изразец со слоненком, начало XVIII в.: на память Глебу Юрьевичу Ивакину

Объём накопленных в Новом Иерусалиме археологических данных, так же, как и проделанная работа по изучению традиции «сакри монти» и «кальварий», их рождения в недрах монашеских орденов (прежде всего францисканцев, работавших в Святой Земле в XIV–XVII вв.), позволяет проследить множество параллелей, предполагающих прямое родство Нового Иерусалима с «искусством миссий»[10]. При этом необходимо помнить, что миссии

---

8 Соболев Н. Н. Резные изображения в русских церквях // Старая Москва. — Вып. 2. — Москва, 1914. — С. 93–106; Его же. Русская народная резьба по дереву. — Москва; Ленинград, 1934. — С. 388–391.

9 Её библиографию см.: [Электронный ресурс] https://ru. wikipedia. org/wiki/Шумаевский_крест

10 См.: Беляев Л. А. Археология Нового Иерусалима и францисканская идея в Центральной Европе XVII века // От Смуты к Империи: Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. — Москва; Вологда, 2016 (в печати).

эти в XVII в. придвинулись вплотную к России (например, в Полоцке и Киеве), так что контакты с их представителями и выпускниками иезуитских коллегиумов были просто неизбежны[11]. Более того: как бы далеко от России такие миссии не работали, их контингент в значительной степени формировался именно за счёт представителей Центральной Европы: в них обильно представлены, в частности, жители Чехии и Словакии, а также представители народов Речи Посполитой[12].

В свете сказанного представляется огромное новое пространство для совместной работы по выяснению обстоятельств и путей взаимодействия мастеров Нового Иерусалима и образованной части московского общества середины — второй половины XVII в. с кругами Центральной Европы, так или иначе связанными с распространением новых форм паломнического искусства, новых сведений о памятниках Иерусалима, богослужения Крёстного пути и, более непосредственно, строительством кальварий. Широкий путь таких исследований — общекультурные штудии: Новый Иерусалим на р. Истре входит в круг первостепенных объектов, связанных с идеей переноса святости, копирования священной топографии, паломнического искусства, которым много занимаются и на Западе[13], и, отчасти, в России[14].

Но не менее важны сейчас, пожалуй, те дороги, что кажутся узкими, чисто источниковедческими — они очень много обещают в ближайшем будущем. В частности, требуется раскрыть протограф описания храма Гроба Господня в иерусалимском «Проскинитарии» Арсения (Суханова); эта рукопись очень повлияла на формирование Нового Иерусалима, особенно — на план, формы и тексты Воскресенского собора, но её источники не выяснены. Совершенно необходимо усовершенствовать просопографию Нового Иерусалима, включив в работу архивы Польши, Литвы, Белоруссии, Украины и других стран, откуда в Москву переселялись художники и ремесленники: мы

---

[11] См. в частности: Яковенко С. Г. Роль иезуитов в распространении католического образования в Московии (конец XVI — начало XVIII в.) // Київська академія. — Вип. 9. — К., 2010. — С. 58–65.

[12] Обзор литературы и общий очерк см.: Тананаева Л. Н. О маньеризме и барокко: Очерки искусства Центрально-Восточной Европы и Латинской Америки конца XVI–XVII века. — Москва, 2013. — 648 с.

[13] Из недавних изданий на эти темы, способных предложить обширную библиографию, см.: Visual constructs of Jerusalem [Eds.: Kühnel B., Noga-Banai G., Vorholt H.]. — Turnhout, 2014. — 492 pp. [Cultural Encounters in Late Antiquity and the Middle Ages, 18]; Between Jerusalem and Europe: Essays in Honour of Bianca Kühnel [Eds.: Banal R., Vorholt H.]. — Leiden; Boston, 2015. — 360 pp. [Visiting the Middle Ages, vol. 11].

[14] Хороший подбор статей по теме см.: Новые иерусалимы: Иеротопия и иконография сакральных пространств: Сборник статей под. ред. А. М. Лидова. — Москва, 2009. Также в непериодическом издании «Никоновский сборник».

часто знаем их московские имена, но не имеем представления о жизни до пересечения границы, об их образовании, социальном статусе, составе ранних работ. Несомненно, актуальна сравнительная работа по истории и археологии Белоруссии, Украины, Литвы и Польши XVII в., особенно связанная со строительством и бытованием религиозных комплексов типа кальварий. Это позволит, сопоставив материалы, гораздо точнее понять Новый Иерусалим — по крайней мере, с точки зрения его необычной для России художественной образности и технических инвенций (илл. 14).

Т. А. Бобровський

Нові дослідження культурного шару у садибі Софійського собору в Києві

Археологічні дослідження в межах садиби Києво-Софійського собору тривають друге століття, але питання щодо стану збереженості та характеру культурних нашарувань на цій території й досі залишаються відкритими. У першу чергу це пов'язано з тим, що, за рідкісним винятком, дослідники Софії Київської не приділяли належної уваги стратиграфії різночасових нашарувань та не здійснювали детальну стратиграфічну фіксацію у шурфах і розкопах минулих років.

Зрештою, деякі дослідники навіть дійшли висновку, нібито «до сих пір чітко вираженого культурного шару тут (у садибі Софійського собору — *Т. Б.*) не виявлено. Немає жодних даних про нього в працях М. Каргера, а також І. Тоцької, не відкрито його і нашими розвідками, що проводилися з 2002 по 2011 рр.»[1]. Ця сентенція не відповідає дійсності, оскільки культурний шар та пов'язані з ним середньовічні об'єкти на прилеглій до собору території, хоча й побіжно, але неодноразово аналізували і Михайло Каргер, і Ірма Тоцька[2]. У 2004 р. під час досліджень провалу, що стався поблизу Трапезної церкви, нами було зафіксовано доволі цікаву стратиграфічну ситуацію на ділянці з південно-східного боку собору, при цьому виокремлено та описано декілька шарів і пов'язаних із ними археологічних об'єктів, які характеризували історичну топографію місцевості від давньоруського часу до XIX ст.[3]

---

[1] Нікітенко М., Корнієнко В. Деякі зауваги з приводу публікації Є. Архипової та Т. Бобровського «Археологічні дослідження на території Софійського заповідника» // Софія Київська: Візантія. Русь. Україна. — Вип. III. — К., 2013. — С. 619.

[2] Каргер М. К. Древний Киев. — Т. 1. — Москва; Ленинград, 1958. — С. 458–462; Т. 2. — Москва; Ленинград, 1961. — С. 206–214; Тоцкая И. Ф. Отчёт об археологических исследованиях на территории Софийского заповедника в Киеве в 1972 г. // НА ІА НАНУ. — Ф. Експ. — Спр. № 1972/109; Её же. Отчёт об археологических исследованиях на территории Софийского заповедника в Киеве (1973 г). // Там само. — Ф. Експ. — Спр. № 1973/110.

[3] Бобровський Т. А. Науковий звіт про спелео-археологічні дослідження провалу на території Національного заповідника «Софія Київська» в жовтні — листопаді 2004 р. // НА НЗСК. — Ф. НАДР. — Спр. № 1504.

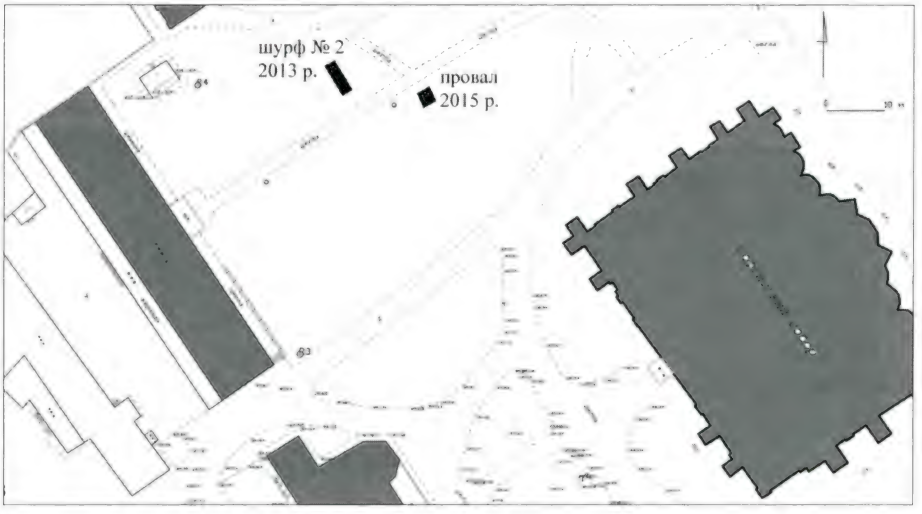


Рис. 1. Схема розташування шурфу № 2 2013 р. та провалу 2015 р. у садибі Софійського собору

У 2013–2015 рр. спільною експедицією Національного заповідника «Софія Київська» та Інституту археології НАН України під керівництвом доктора історичних наук Гліба Івакіна було виконано розвідкові шурфування, розкопки та археологічний нагляд за земляними роботами у садибі Софійського собору[4]. Під час цих досліджень в усіх, без винятку, обстежених шурфах, розкопах і траншеях, закладених у різних куточках садиби, було зафіксовано культурний шар. Найпоказовішими, із погляду зафіксованої стратиграфії, стали результати досліджень шурфу 2013 р. та провалу 2015 р., закладеними за 35–45 м на північний захід від собору (рис. 1).

Шурф 2013 р. (за експедиційною номенклатурою — шурф № 2), орієнтований кутами за сторонами світу, було закладено за 40–45 м на північний захід від собору з метою пошуку незадокументованого розкопу 1939 р. (рис. 1/шурф).

Під час досліджень шурфу було не лише зафіксовано межу старого розкопу, але й досліджено показову стратиграфію нашарувань XI–XIX ст. загальною потужністю до 2,5 м, частково та повністю розкопано різночасові археологічні об'єкти, що характеризують історію ділянки впродовж майже тисячоліття, зібрано велику колекцію археологічних знахідок тощо (рис. 2).

---

4 Івакін Г. Ю., Бобровський Т. А., Козюба В. К. Дослідження у садибі Софійського собору у м. Києві // Археологічні дослідження в Україні 2013 року. — К., 2014. — С. 299–300; Їх же. Нові дослідження храму XI ст. у садибі Софії Київської // Археологічні дослідження в Україні 2014 р. — К., 2015. — С. 64–67.

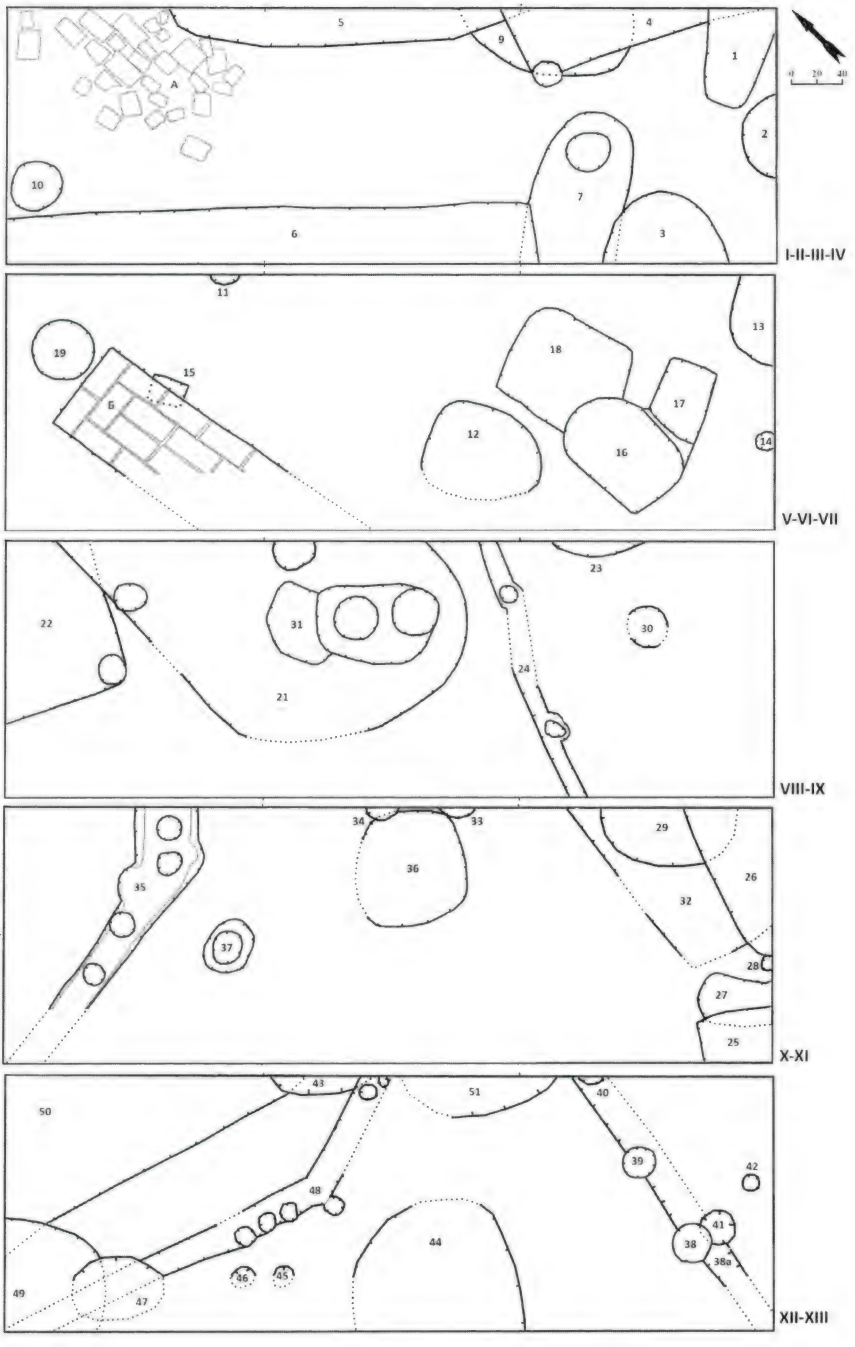


Рис. 2. Плани шурфу № 2 2013 р. за рівнями стратиграфічних пластів. Римськими цифрами позначено нумерацію відповідних культурних нашарувань, арабськими — нумерацію археологічних об'єктів

Зрештою стратиграфічну ситуацію, простежену у цьому шурфі, було представлено наступними нашаруваннями (рис. 3):

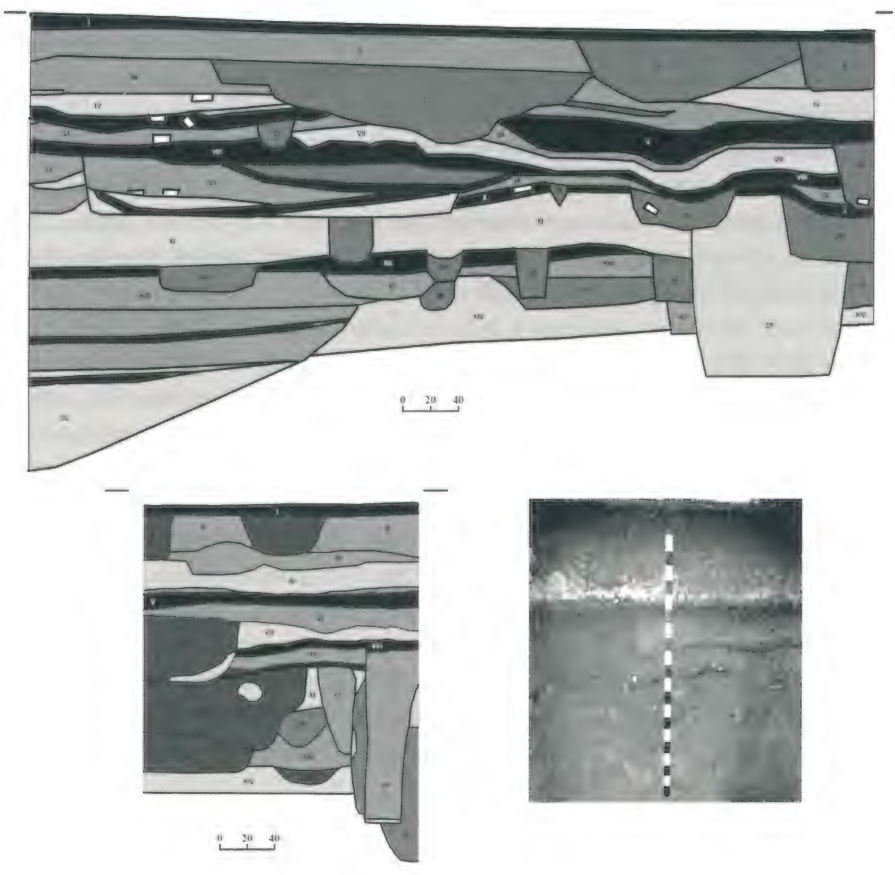


Рис. 3. Стратиграфічні перерізи північно-східної та південно-східної стін шурфу № 2 2013 р., а також фото південно-східної стіни шурфу. Римськими цифрами позначено нумерацію культурних нашарувань, арабськими – нумерацію археологічних об'єктів

«і» — гл. до 0,10 м від сучасної денної поверхні (далі — с. д. п.) — шар сучасного дерну, з якого походять дрібні фрагменти маловиразної кераміки, уламки сучасних цвяхів та дроту тощо, що датуються в межах другої половини XX — початку XXI ст.

«іі» — гл. до 0,25–0,35 м від с. д.п. — шар темно-сірого гумусу з численними включеннями битої цегли, вапняного розчину та іншого будівельного сміття, а також різночасових знахідок, представлених пізньосередньовічною побутовою та будівельною керамікою, фаянсовими виробами нового

часу, гільзами набоїв від німецької гвинтівки, що в цілому дозволяє віднести утворення цього шару до 1940–1950-х рр.

«iii» — гл. до 0,40–0,55 м від с. д. п. — шар однорідного темно-сірого гумусу, у нижній частині якого в північному куті шурфу зафіксовано вимостку (А) з цеглин другої половини XVIII — початку XIX ст. Знахідки з культурного шару представлено переважно уламками пізньосередньовічних керамічних та скляних виробів, а також перевідкладеними фрагментами гончарних посудин давньоруського й післямонгольського часу. Шар «iii» перекривав рівень запуску стовпової ями (№ 10), у заповненні якої також знайдено уламки цегли, керамічних кахель та гончарного посуду XVII–XIX ст. (рис. 4/III). За найпізнішими знахідками зазначений шар та пов'язаний із ним об'єкт можуть бути датовані початком XIX ст.

«iv» — гл. до 0,60–0,70 м від с. д.п. — слабогумусований шар перевідкладеного лесу, насиченого знахідками побутового та будівельного характеру. У південно-східній частині шурфу цей шар мав велику насиченість вапняним розчином, що свідчить про його зв'язок зі значними будівельними роботами на прилеглій території. Крім того, шар було насичено різночасовими знахідками, зокрема фрагментами гончарних посудин XII–XVII ст., уламками залізних кованих цвяхів та печних кахлів, характерних для другої половини XVII — першої половини XVIII ст. Шар «iv» перекривав рівень запуску господарської ями (№ 9), з якої походять херсонеська бронзова монета XIII ст., залізний ключ XII–XIV ст., уламок давньоруської фрескової штукатурки зі слідами розпису зеленою фарбою, а також фрагменти різночасового гончарного посуду та уламки печних кахель XVI–XVIII ст. (рис. 4/IV). За наявними знахідками цей шар та пов'язаний із ним об'єкт можуть бути віднесені до першої половини XVIII ст.

«v» — гл. до 0,85 м від с. д.п. — шар темно-сірого гумусу, насичений деревним вугіллям, що дозволяє пов'язувати його з наслідками якоїсь пожежі. Шар був насичений великою кількістю різночасових знахідок, датованих у діапазоні від XI до XVII–XVIII ст. Серед знахідок привертають увагу уламки давньоруського скляного витого браслету темно-синього кольору, посудини з гутного скла XVI–XVIII ст., фрагменти плінф XII–XIII ст. та печних кахлів XVI–XVIII ст., а також гончарних посудин давньоруського й пізньосередньовічного часу. Шар «v» перекривав рівні запуску кількох об'єктів — стовпової ями (№ 11) та двох господарських ям (№ 12 і 13), у заповненні яких, окрім уламків амфор, фрагментів смальтових заготовок та вінець гончарних посудин XII — першої половини XIII ст., зафіксовано знахідки фрагментованої пізньосередньовічної кераміки (рис. 4/V). У північно-західній частині шурфу цей шар прилягав до частково збереженої вимостки (Б), виконаної з цегли XVII — початку XVIII ст. За найпізнішими знахідками шар «v» можна віднести до другої половини XVII — початку XVIII ст.

«vi» — гл. до 0,90–0,95 м від с. д.п. — гумусний шар сірого кольору з поодинокими маловиразними знахідками. Він перекривав рівні запуску двох стовпових ям (№ 14 та 15), у заповненні яких зафіксовано дрібні фрагменти давньоруської й пізньосередньовічної кераміки. За відносною хронологією шар «vi» може бути датовано XVII ст.

«vii» — гл. до 1,00 м від с. д.п. — слабогумусований шар перевідкладеного лесу. Шар був насичений знахідками уламків давньоруських, післямонгольських та пізньосередньовічних керамічних виробів, а також фрагментами кованих залізних цвяхів. Шар «vii» перекривав рівні запуску трьох господарських ям (№ 16, 17 та 18), а також стовпової ями (№ 19) з аналогічними знахідками у заповненні (рис. 4/VII; 5/210). За найпізнішими матеріалами шар та пов'язані з ним об'єкти можуть бути віднесені до XVI–XVII ст.

«viii» — гл. до 1,10–1,15 м від с. д.п. — інтенсивний темно-сірий гумусний шар зі значними включеннями деревного вугілля, імовірно пов'язаного з якоюсь пожежею. Нечисельні знахідки з цього шару представлено фрагментами давньоруського та післямонгольського гончарного посуду (зокрема полив'яного), уламком пічної кахлі XIV–XVI ст., фрагментами денець скляних посудин XI–XIII та XIV–XV ст. Шар «viii» перекривав рівні запуску стовпових ям (№ 20, 21а, 21б, 22а), котлованів господарських споруд (№ 21, 22), господарської ями (№ 23), заповнення яких було насичене фрагментами гончарних посудин XI–XV ст., уламками середньовічних скляних посудин і смальтових заготовок давньоруського часу, фрагментами полив'яної кераміки XIII–XV ст. (рис. 4/VIII; 5/220, 223, 224). За найпізнішими знахідками шар «viii» та пов'язані з ним об'єкти можуть бути віднесеними до другої половини XV — початку XVI ст.

«ix» — гл. до 1,20 м від с. д.п. — слабогумусований шар перевідкладеного лесу. Знахідки у цьому шарі практично відсутні, оскільки він, імовірно, мав планувальний характер. Натомість шар «ix» перекривав рівень запуску рівчака дерев'яного паркану (№ 24), стовпової ями (№ 30) та невеличкого господарського льоху (№ 31), із заповнення яких походять фрагменти давньоруської та післямонгольської полив'яної кераміки, а також уламок пічної кахлі XIV–XV ст. (рис. 4/IX; 5/519, 527, 528, 551).

«x» — гл. до 1,25 м від с. д.п. — гумусний прошарок, насичений деревним вугіллям, що ймовірно репрезентує залишки пожежі. Знахідки з цього шару представлено фрагментами давньоруських гончарних виробів XI–XIII ст., а також двома смальтовими заготовками давньоруського часу. Шар «x» перекривав рівні запусків котлованів господарських будівель (№ 25 і 26) та ям (№ 27, 29), у заповненні яких знайдено шматочки давньоруської фрескової штукатурки, а також фрагменти давньоруської кухонної й полив'яної кераміки, привізної глазурованої чаші XIII ст. зі штампованим рельєфним орнаментом, яка є найпізнішою знахідкою у цьому комплексі (рис. 4/X; 5/508–510, 519, 520).

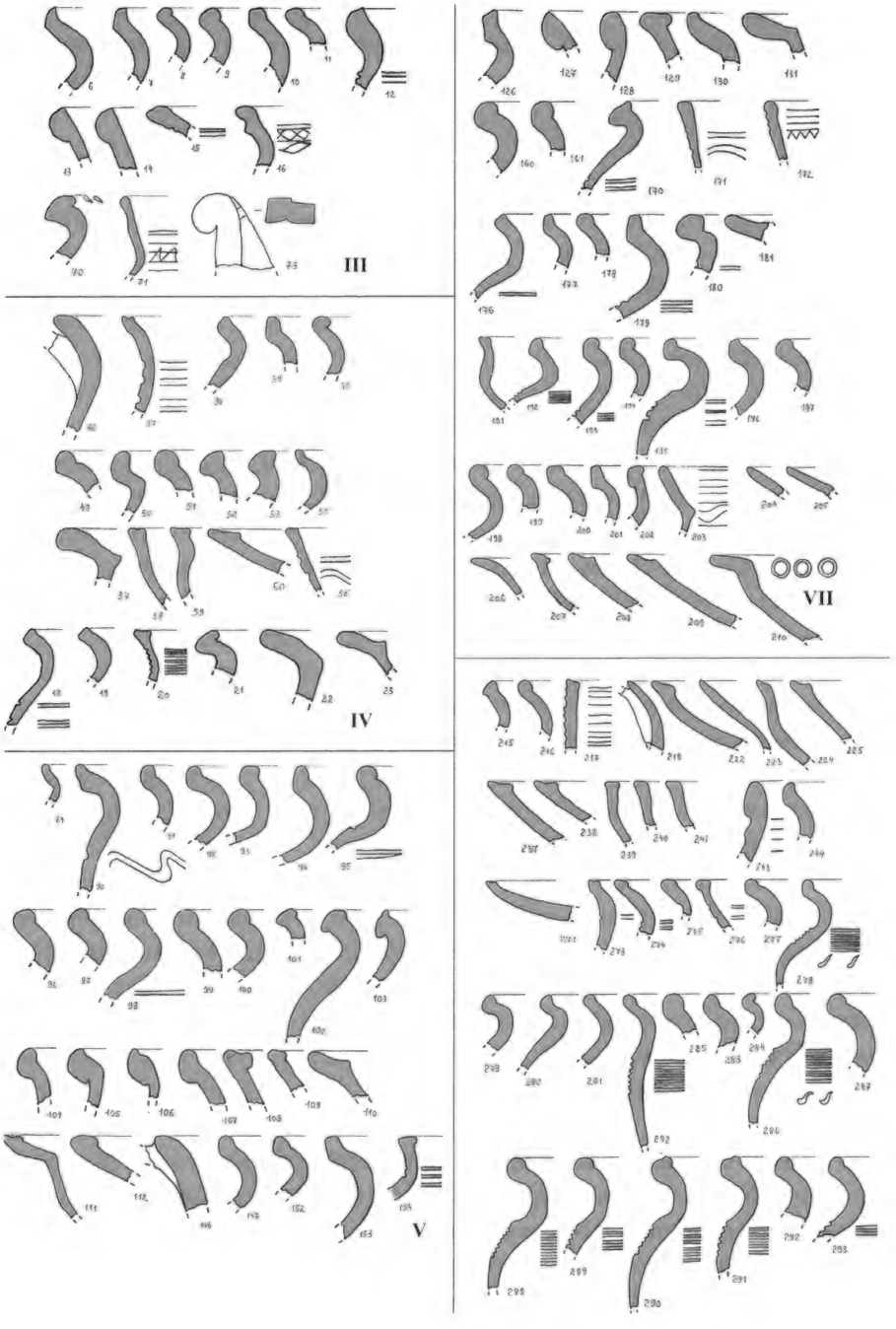


Рис. 4. Профілі вінець гончарного посуду з культурного шару, дослідженого шурфом № 2 2013 р. Арабськими цифрами позначено інвентарні номери знахідок, римськими — нумерацію культурних нашарувань

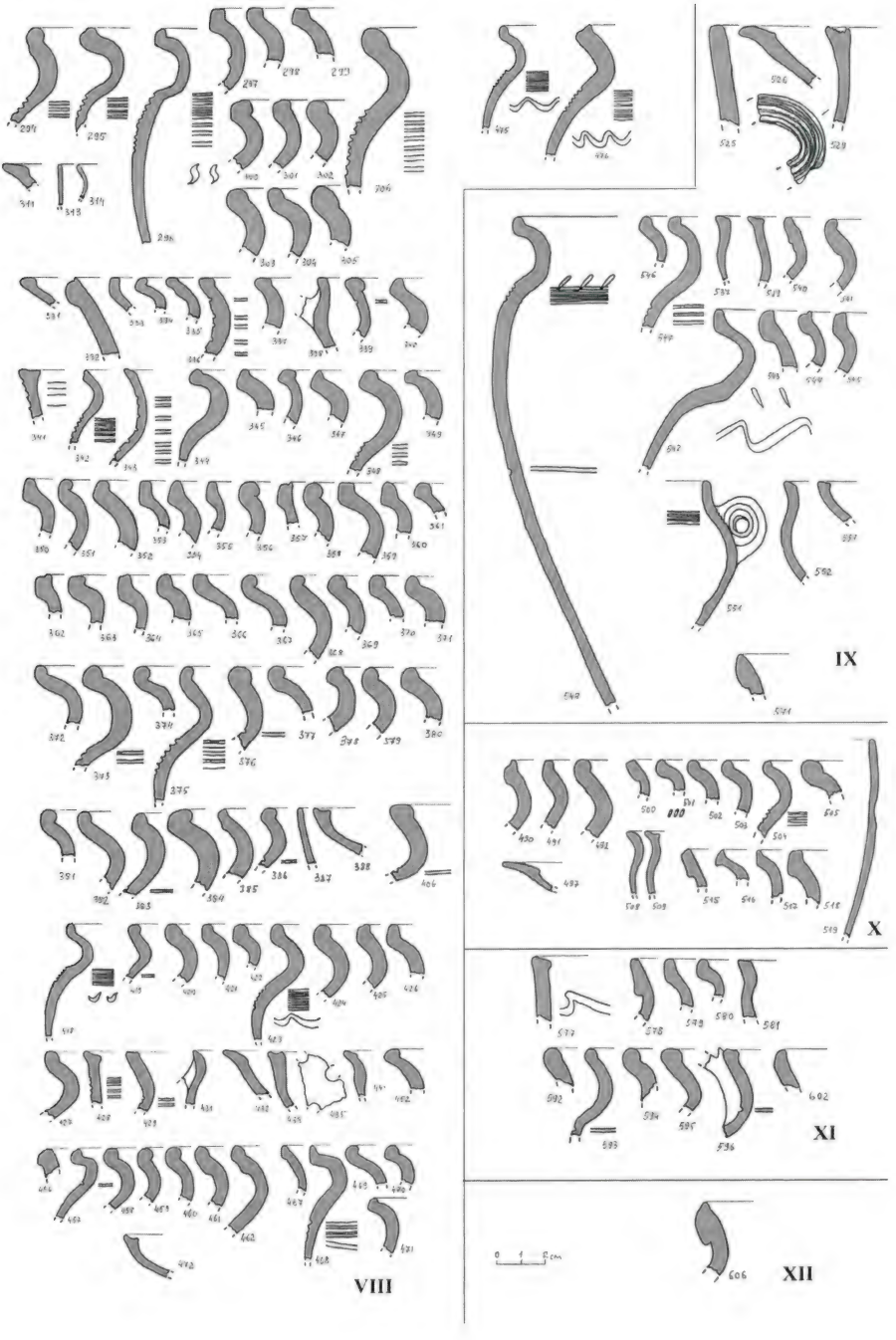


Рис. 4 (продовження)

«xi» — гл. до 1,60–1,80 м від с. д.п. — шар слабогумусованого перевідкладеного лесу, що, безперечно, має насипний, планувальний, характер. Верхню частину цього шару було доволі насичено археологічними знахідками, кількість яких помітно меншала в нижній його частині. У південній частині шурфу цей шар перетинав тонкий прошарок глиняного затікання або погано збереженого деревного пороху. Також спостерігалося поступове «падіння» цього шару в північно-західному напрямку. Знахідки з шару представлено фрагментами гончарних посудин XI–XIII ст., зокрема полив'яної миски, а також давньоруської смальтової заготовки. Серед знахідок зафіксовано й раніші матеріали — уламок стінки ліпної посудини зарубинецької культури (I–II ст. н. е.) та фрагмент плінфи кінця X — початку XI ст., аналогічної плінфі Десятинної церкви. Шар «xi» перекривав рівні запуску господарських ям (№ 28, 36), рівчака від паркану (№ 35) зі стовповими ямами (№ 33, 34 та 37), а також господарської будівлі (№ 32), у заповненні яких зафіксовано знахідки фрагментів гончарних посудин XII–XIII ст., зокрема полив'яного піддону чаші або світильника, а також уламок залізного ключа від нутряного замка X–XIII ст. (рис. 4/XI; 5/604, 605). За найпізнішими знахідками шар «xi» та перекриті ним об'єкти можуть бути віднесені до XII — першої половини XIII ст.

«xii» — гл. до 1,85–1,90 м від с. д.п. — темно-сірий гумусний прошарок зі включеннями деревного вугілля, що, імовірно, репрезентує сліди пожежі. Знахідок у цьому прошарку не багато, але вони представлені фрагментами керамічного посуду та плінфи, які можуть датуватися в межах другої половини XI — початку XII ст. (рис. 4/XII). Шар «xii» перекривав рівні запуску господарських ям (№ 43, 44, 47 і 49) та двох рівчаків від парканів (№ 38а, 48) зі супутніми стовповими ямами (№ 38–42, 45, 46), що мали безінвентарне заповнення. За найпізнішими знахідками шар «xii» може бути датовано кінцем XI — початком XII ст.

«xiii» — гл. до 2,00–2,20 м від с. д.п. — строкатий шар неоднорідного слабогумусованого лесу, позбавлений будь-яких знахідок. Натомість шар «xiii» перекривав рівні запуску господарської ями (№ 51) та засипаної природної заглибини (№ 50), у заповненні якої знайдено уламки візантійського червоноглиняного глечика X–XI ст. (рис. 5/610, 611).

«xiv» — гл. до 2,20–2,30 м від с. д.п. — шар перевідкладеного слабогумусованого лесу, який формує т. зв. «передматерик», позбавлений будь-яких археологічних знахідок. Важливо зазначити, що цей шар не перекривав жодного заповнення та, імовірно, позначає рівень стародавньої денної поверхні. Безпосередньо під цим шаром розташовувався материковий лес, поверхня якого має невеличкий нахил у північному напрямку.

Як бачимо, у результаті досліджень шурфу № 2 у 2013 р. було зафіксовано надзвичайно показову стратиграфічну картину, що, у сукупності з обстеже-

Рис. 5. Фото деяких знахідок із культурного шару, дослідженого шурфом № 2 2013 р. Арабськими цифрами позначено інвентарні номери знахідок, римськими — нумерацію культурних нашарувань

ними об'єктами та зібраними знахідками, дозволяє гіпотетично реконструювати історію ділянки в безпосередньому наближенні до Софійського собору.

Рівень лесового материкового масиву на даній ділянці зафіксовано на глибині близько 2,5 м від с. д.п. Його перекриває 10–15-сантиметровий шар слабогумусованого лесу, позбавлений будь-яких археологічних знахідок. Він, власне, формує стародавню денну поверхню, що склалася до початку заселення цієї ділянки людиною. Нині вона розташовується на глибині понад 2 м від сучасної поверхні й відповідає абсолютній позначці +186,75 м над рівнем моря (за балтійською шкалою). Очевидно, що прилегла місцевість була вперше заселена у I–II ст. н. е. — про це свідчить поодинока перевідкладена знахідка фрагменту керамічної посудини зарубинецької культури. Також поодинокими є знахідки кінця X — початку XI ст. (уламки плінфи, ідентичної

плінфі Десятинної церкви, та ліпної посудини того часу), які репрезентують ситуативне, несистемне заселення цієї території, що тривало до перших десятиліть XI ст. При цьому на той момент у межах дослідженої ділянки існував природний яр (№ 50) та невеличка господарська яма невідомого часу (№ 51).

На наступному етапі, який вірогідно співвідноситься з розбудовою так званого «міста Ярослава» в першій половині XI ст., здійснюється засипка зазначеного яру та виконуються інші планувальні роботи, які призводять до утворення рівної поверхні шару «хііі», що мала невеличкий ухил у північно-західному напрямку — у бік засипаного яру. Напевно, поверхню цього планувального шару варто розглядати як рівень першої сталої забудови в межах довколишньої місцевості. Зокрема із цієї поверхні було виконано котловани кількох різночасових господарських ям, а також двох ліній парканів, представлених рівчаками з пов'язаними з ними стовповими ямами. Один із цих парканів огинав просідання ґрунту довкола засипаного яру (№ 48), інший, розташований за 2–3 м на південь, імовірно формував тильну огорожу садибної забудови «міста Ярослава» (№ 38а).

Оскільки заповнення всіх цих об'єктів виявилися безінвентарними, їх датування може бути здійснене лише за знахідками з перекриваючого шару «хіі» — тонкого та насиченого деревним вугіллям, що його слід пов'язувати з якоюсь пожежею другої половини XI — початку XII ст. Імовірніше за все, ці сліди треба співвідносити з пограбуванням передмість Києва військом половецького хана Боняка в 1096 р., або ж з відомими за літописами міськими пожежами 1111 чи 1124 рр. Відповідно об'єкти, перекриті шаром від пожежі, слід датувати в межах XI — початку XII ст. Наявність залишків дерев'яних парканів свідчить скоріше за все, що ця територія знаходилася за межами тогочасної садиби Софійського собору та існувала в контексті розвитку житлових садиб «міста Ярослава».

Як можна судити, після пожежі садибну забудову ділянки було відновлено, принаймні шар пожежі був прорізаний котлованом парканового рову, прокладеного паралельно більш ранньому, розташованому за 1,5 м на північ — понад засипкою стародавнього яру (№ 35). Практично водночас із цим парканом тут утворилися декілька господарських та стовпових ям, а також невеличка господарська будівля (№ 32), які за археологічними знахідками можуть бути датованими в межах XII — початку XIII ст. Виходячи з розташування котловану господарської будівлі, її було орієнтовано стінами за трасою ранішої огорожі (№ 38а) за напрямком південь — північ.

Функціонування цих об'єктів було нетривалим, оскільки вони виявилися перекритими планувальним шаром слабогумусованого лесу (шар «хі»), насиченим археологічними знахідками XII — першої половини XIII ст. До цього ж часу варто віднести ще декілька різночасових господарських ям та котлованів прямокутних будівель (№ 25, 26), орієнтованих, як і попередня,

стінами за сторонами світу. Таким чином, упродовж усього домонгольського періоду досліджена ділянка зберігала своє садибне розпланування, хоча в її межах відбувалися неодноразові зміни дерев'яної забудови. Вірогідно ця забудова була знищена пожежею, що залишила по собі гумусний шар, насичений деревним вугіллям (шар «х»). Знахідки з нього шару датуються широко (XI–XIII ст.), але, корелюючи їх зі знахідками в перекритих шаром заповненнях, сам шар «х» варто пов'язувати з пожежею, викликаною розоренням Києва військами хана Батия в 1240 р.

Після того на короткий час у межах ділянки було відновлено трасу садибного паркану (№ 24), практично ідентичну ранішим. На північний захід від цієї огорожі простежено заглиблений котлован невеличкого господарського льоху (№ 31). У заповненні цих об'єктів зібрано різночасові знахідки, але за найпізнішими з них цей стратиграфічний ярус варто датувати в межах другої половини XIII–XIV ст.

Пізніше на ділянці відбулося чергове перепланування денної поверхні, у результаті чого утворився шар «іх», і вже в нього було впущено котловани двох різночасових господарських будівель (№ 21 та № 22). Вони мали каркасно-стовпову конструкцію і ту саму орієнтацію стінами за сторонами світу. Важливо зазначити, що на цьому етапі трасу попереднього садибного паркану було знівельовано, а самі будівлі розташувалися на північний захід від тієї траси, що може свідчити про певне розширення садибної площі. Найпізніші знахідки з заповнення котловану будівлі № 21 можуть бути віднесені до XIV–XV ст., а сама будівля вірогідно загинула в пожежі, від якої залишився перекриваючий шар «viii». За сукупністю матеріалів ця пожежа може бути датована рубежем XV–XVI ст., тому найімовірніше її пов'язати з розграбуванням Києва військом кримського хана Менглі Ґерая в 1482 р.

Важко визначити, чи входили на той момент зафіксовані будівлі до садиби Софійського собору, чи вони залишалися частиною садибної забудови Верхнього міста, котре вже занепадало. Наявність у заповненнях об'єктів цього часу значної кількості фрагментованих скляних та полив'яних керамічних посудин свідчить на користь доволі високого майнового статусу їх власників. Не виключено, що вони були пов'язані з резиденцією київського митрополита, яка продовжувала функціонувати у XIV ст., а використовуватися могла й у пізніші часи. Тобто невдовзі після подій 1240 р. садиба митрополичої резиденції могла бути розширена в північно-західному напрямку.

Докорінні зміни у плануванні цієї ділянки відбулися у XVI–XVII ст. Про це свідчить орієнтація кутами за сторонами світу кількох прямокутних господарських ям (№ 16–18), які ймовірно складали конструкцію невеличкого льоху XVI–XVII ст., але, зрештою, були перекриті шаром планувального лесу «vii». З архівних матеріалів (зокрема з мапи Києва 1695 р.) відомо, що у XVII ст. на цій території існували дерев'яні монастирські келії, орієнта-

ція яких була близькою до орієнтації Софійського собору[5]. Саме з функціонуванням цієї забудови варто пов'язувати утворення гумусного шару «vi», а також насиченого деревним вугіллям шару «v», який, вірогідно, виник у результаті значної пожежі, що сталася десь на межі XVII–XVIII ст., найімовірніше в 1697 р.

Практично на межі шарів «v» та «iv» зафіксовано залишки цікавого об'єкту — цегляної вимостки (Б). Імовірно, це рештки невеличкого ганку одного з дерев'яних корпусів Софійського монастиря, що згоріли 1697 р. Про це свідчать не лише знахідки відповідного часу, але й та обставина, що перекриваючий їх шар «iv», насичений вапняним розчином, великою кількістю будівельного сміття тощо, можна пов'язати з розбудовою нового монастирського ансамблю, яка сталася в першій половині XVIII ст.

Пізніше нашарування та об'єкти цієї території пов'язані з розміщенням тут якихось підсобних господарств, а також із формуванням монастирського саду, що сформувався впродовж XVIII–XIX ст. і частково зберігся дотепер.

Завершуючи огляд стратиграфічних досліджень шурфу 2013 р., зазначимо, що простежені у стратиграфії шурфу шари за сукупністю матеріалів можуть бути поєднані в декілька хронологічних пластів із відповідним розподілом окремих категорій археологічних знахідок:

Культурні шари та їх датування	Загальна к-ть знахідок, од.	Буд. матеріали XI–XIII ст.	Амфори X–XII ст.	Полив'яна кераміка XII–XV ст.	Скло XII–XV ст.
iii–iv (XVIII–XIX ст.)	234	8 (3,4 %)	5 (2,1 %)	–	1 (0,4 %)
v–vi–vii (XVI–XVII ст.)	668	77 (11,5 %)	13 (2,0 %)	4 (0,6 %)	2 (0,3 %)
viii–ix (XIII–XV ст.)	1839	312 (17,0 %)	28 (1,5 %)	66 (3,6 %)	20 (1,1 %)
x–xi (XII–XIII ст.)	434	155 (35,7 %)	7 (1,6 %)	10 (2,3 %)	–
xii–xiii (X–XI ст.)	19	4 (21,1 %)	–	–	–

Привертає увагу невелика загальна кількість знахідок із найдавніших нашарувань. Це може свідчити про незначну інтенсивність господарської діяльності на цій ділянці в XI ст. При цьому, можливо, що значний відсоток давньоруських будівельних матеріалів у шарах зазначеного пласта варто пов'язувати з тогочасним будівництвом Софійського собору на сусідній ділянці, а збільшення відсотку цих знахідок у нашаруваннях XII — першої половини XIII ст., напевно, зумовлене розбудовою у цей час комплексу митрополичого палацу.

---

5 Алфёрова Г. Ф., Харламов В. А. Киев во второй половине XVII века. — К., 1982. — Вкл.

Як уже зазначалося, із другої половини XIII ст. на ділянці спостерігається зростання відсотку «статусних» речей, зокрема полив'яної кераміки та скляного посуду. Останній, як видно, узагалі з'являється тут лише в післямонгольські часи. При цьому більшість знахідок скляних виробів походить із заповнень уже згадуваних котлованів споруд № 21 та № 31:

Об'єкти та культурні шари	Загальна к-ть знахідок, од.	Буд. матеріали XI–XIII ст.	Амфори X–XII ст.	Полив'яна кераміка XII–XV ст.	Скло XII–XV ст.
Об'єкт № 21	1090	165 (15,1 %)	22 (2,0 %)	24 (2,2 %)	12 (1,1 %)
Об'єкт № 31	252	63 (25,0 %)	3 (1,2 %)	12 (4,8 %)	4 (1,6 %)
Шар «viii» (без № 21)	464	72 (15,5 %)	3 (0,7 %)	26 (5,6 %)	4 (1,5 %)
Шар «ix» (без № 31)	33	12 (36,4 %)	–	4 (12,1 %)	–

Помітна різниця у статистиці знахідок з обох об'єктів є додатковим свідченням на користь різночасовості їх формування та віднесення об'єкта № 31, рівень запуску якого знищено котлованом будівлі № 21, до долішнього шару «ix» цього горизонту.

Зрештою стратиграфічні дослідження у шурфі № 2 2013 р. дозволили не лише встановити добру збереженість культурних нашарувань від X–XI ст., але й обґрунтувати важливі хронологічні репери у стратиграфії, за допомогою яких гіпотетично реконструюється історичний розвиток окремої ділянки садиби Софійського собору.

Натомість у 2015 р. ми отримали можливість ще раз обстежити культурні нашарування цієї ділянки. У вересні 2015 р. за 10 м на схід від шурфу № 2 2013 р. та за 35 м на північний захід від північно-західного кута Софійського собору стався провал у місці руйнації пізньосередньовічного печерного льоху XVII ст. (рис. 1/провал). Ураховуючи аварійні обставини, нам удалося лише побіжно обстежити стіни цього провалу та нашвидку зафіксувати доволі складну стратиграфічну ситуацію. На жаль, втрата нашарувань у межах провалу внаслідок їх руйнівного зміщення не дозволила зібрати будь-яку представницьку вибірку археологічних знахідок, тому маємо, до певної міри, екстраполювати стратиграфію провалу до матеріалів досліджень 2013 р.

Культурний шар на цій ділянці, зафіксований у провалі 2015 р., було представлено наступними нашаруваннями (рис. 6):

«i» — гл. до 0,10 м від с. д.п. — шар сучасного дерну, який перекривав заповнення траншеї з прокладеними комунікаціями, що забезпечують функціонування програмованої стаціонарної системи поливу газонів, облаштованої на початку XXI ст.

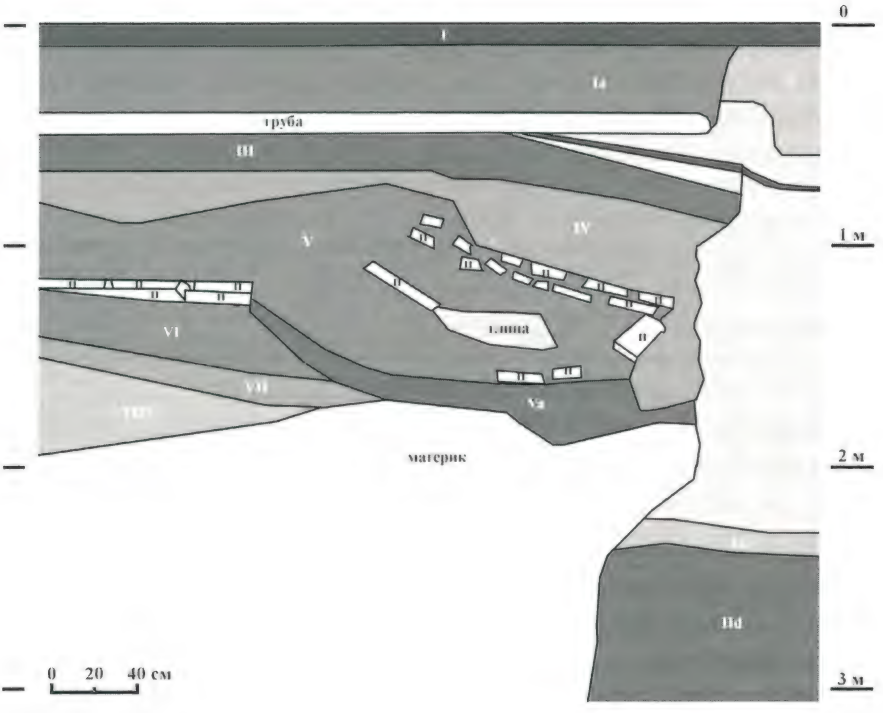


Рис. 6. Стратиграфічний переріз південно-східної стіни провалу 2015 р. Римськими цифрами позначено нумерацію культурних нашарувань

«ii» — гл. до 0,35 м від с. д.п. — шар сірого гумусу з незначними включеннями лесу; пошкоджений нещодавніми перекопами: заповненнями якоїсь траншеї та засипаного провалу, що колись існував практично на цьому самому місці.

«iii» — гл. до 0,65 м від с. д.п. — шар темно-сірого гумусу, який мав помітне просідання на місці зафіксованої засипки старого провалу, але перерізався його заповненням. Вірогідно, це наслідок поширеного явища, коли за певний час до утворення провалу на його місці виникає просідання ґрунту як свідчення початку локальної деструкції підземних порожнин.

«iv» — гл. до 0,90 м від с. д.п. — шар сірого гумусу з незначними включеннями перевідкладеного лесу, імовірно планувального характеру. Він перекривав котлован якоїсь споруди або господарської ями, перерізаної заповненням старого провалу.

«v» — гл. до 1,15–1,25 м від с. д.п. — шар рихлого темнувато-сірого гумусу, що мав складну структуру та надзвичайну насиченість будівельними матеріалами давньоруського часу в перевідкладеному стані. Поверхня цього

шару нерівна; він перекривав котлован заглибленої споруди, у заповненні якої зафіксовано прошарки битої плінфи другої половини XI–XII ст., а на дні — прошарок темного гумусу, насиченого деревним вугіллям (рис. 6/Va). Плінфа з шару та заповнення котловану різнотипна, представлена фрагментами завтовшки від 3 до 5 см. Одна з плінф — рожевого кольору, зі збереженим торцем, розмірами ? × 33 × 4 см та залишками цем'янкового розчину, може бути датована в межах другої половини XI — першої половини XII ст. Ще один фрагмент — товщиною 3,0–3,2 см помаранчевого кольору з червонуватим ангобом на постелі — може бути датований першою половиною — серединою XI ст.

«vi» — гл. до 1,50–1,60 м від с. д.п. — шар сірого гумусу, подібного попередньому. На поверхні цього шару зафіксовано ділянку зруйнованої (зрушеної з місця) плінфової кладки зі слідами міцного цем'янкового розчину. У самому шарі фіксуються уламки плінф, цем'янкового розчину та пірофілітового сланцю. Шар має незначний ухил у західному напрямку. Зруйноване мурування, складене з плінфи рожевого кольору розмірами ? × 30 × 3,5 см, може бути віднесене до другої половини XI — першої половини XII ст. Оскільки мурування зміщене з початкової позиції, у шарі, перекритому муром, зустрічаються більш масивні плінфи поганого випалу товщиною 4,8–5,4 см, які датуються в межах другої половини XII — початку XIII ст. На більшості плінф фіксуються сліди цем'янкового розчину. Також із цього шару походить фрагмент давньоруської полив'яної плитки завтовшки 2,6 см.

«vii» — гл. до 1,75 м від с. д.п. — шар світло-сірого суглинистого гумусу з включенням дрібних камінців, невиразних уламків плінф та цем'янкового розчину, а також керамічного шлаку. Один зі фрагментів плінф товщиною 3,0–3,2 см з червонуватим ангобом може бути датований першою половиною — серединою XI ст. Як і попередній, шар «vii» поступово понижувався у західному напрямку.

«viii» — гл. до 1,95 м від с. д.п. — потужний лесово-гумусний шар (або заповнення якоїсь заглибини), повністю позбавлений знахідок. Не виключено, що він виник внаслідок значних перепланувальних робіт на цій ділянці.

Нарешті на глибині від 1,70 до 1,95 м від с. д.п. зафіксовано поверхню материкового лесу сірувато-жовтого кольору, що має помітний ухил у східному напрямку та, імовірно, формує стародавню денну поверхню.

Як бачимо, стратиграфічна ситуація, розкрита провалом 2015 р., до певної міри подібна зафіксованій у шурфі 2013 р. Натомість між ними є й деяка різниця. Перш за все, рівень материкового лесу у провалі фіксується майже на 0,50 м вище рівня материка у шурфі, розташованому всього за 10 м на захід. Такий відчутний перепад можна пояснити наявністю давнього яру, у бік якого й відбувається «падіння» стародавньої денної поверхні.

Іншою важливою відмінністю можна вважати відсутність у культурному шарі, простеженому у провалі, зафіксованих у шурфі кількох видимих прошарків, інтенсивно насичених деревним вугіллям, що пов'язане, на нашу думку, зі значними пожежами (за винятком, можливо, вуглистого прошарку у котловані, перекритому шаром «v»). Пояснити це можна лише тим, що на ділянці провалу в давнину була відсутня щільна дерев'яна забудова, принаймні в тих обсягах, які спостерігалися у шурфі. Утім, як відомо, у процесі археологізації наслідків пожежі, її залишки простежуються не лише на місці спалених будівель, але й у найближчій окрузі. Відсутність їх у стратиграфії провалу може свідчити, що обидві сусідніх ділянки були чимось відокремлені одна від одної.

Крім того, у стінках провалу спостерігаються великі скупчення будівельного сміття давньоруського часу та навіть фрагмент зрушеного плінфового мурування. Нічого подібного не було зафіксовано у шурфі, натомість у розподілі давньоруських будівельних матеріалів по нашаруваннях шурфу є певна закономірність, відображена в таблиці орієнтовної кореляції стратиграфічних об'єктів у шурфі 2013 р. та провалі 2015 р.:

Нумерація шарів у шурфі 2013 р.	Орієнтовне датування шару (шурф), ст.	Сер. глибина залягання шару від с. д.п. (шурф), м	% буд. матеріалів XI–XIII ст. у шарі (шурф)	Нумерація шарів у провалі 2015 р.	Сер. глибина залягання шару від с. д.п. (провал), м	Буд. матеріали у шарі (провал)
i/ii	XX–XXI	0,00–0,30	–	i/ii	0,00–0,35	–
iii/iv	XVIII– XIX	0,30–0,65	3,4	iii	0,35–0,65	–
v/vi/vii	XVI–XVII	0,65–0,95	11,5	iv	0,65–0,90	–
viii/ix	XIII–XV	0,95–1,20	17,0	v/va	0,90–1,20	Скупчення
x/xi	XII–XIII	1,20–1,70	35,7	vi	1,20–1,55	Мур
xii/xiii	X–XI	1,70–2,20	21,1	vii/viii	1,55–1,80	Окремі
xiv/материк	–	2,20–2,30	–	материк	1,80–1,95	–

В основу цієї кореляції покладено не лише спостереження за археологізацією архітектурно-археологічних решток та будівельного сміття давньоруського часу, але також і згадуване співвідношення рівнів материка й сучасної денної поверхні. У результаті можемо спостерігати поступове вирівнювання денних поверхонь обох ділянок з XI до середини XII ст. та, нарешті, їх суміщення в горизонтальному рівні в післямонгольські часи. На нашу думку, це є ще одним підтвердженням раніше висловленого припущення, що після 1240 р. територія міської забудови, сліди якої було простежено у шурфі 2013 р., долучилася до загальної території садиби Софійського собору та митропо-

личої резиденції. Не виключено, що залишки зруйнованого мурування, зафіксовані у провалі, належать руїнам митрополичого палацу або огорожі Софійської садиби. Слід нагадати, що за 15–20 м на схід від цього місця в 1946 р. Михайло Каргер дослідив залишки кам'яної споруди — орієнтовно лазні давньоруського часу, яка вірогідно входила до комплексу митрополичого палацу[6].

Безумовно, усі стратиграфічні спостереження, виконані в межах невеличких шурфів у 2013 та 2015 рр., потребують подальшої перевірки шляхом виконання масштабних розкопів, які дозволили б ґрунтовніше дослідити одну з найцікавіших збережених ділянок стародавнього Києва. Зрештою наведені результати розвідок 2013–2015 рр. дозволяють стверджувати не лише наявність, але й добру збереженість у садибі Софійського собору культурних нашарувань давньоруського, пізньосередньовічного та ранньомодерного часів, їх добру стратифікацію, значний інформативний потенціал, насиченість археологічними предметами тощо.

---

[6] Богусевич В. А. Споруда XI ст. у дворі київського митрополита // Археологія. — Вип. XIII. — К., 1961. — С. 105–113.

Н. В. Ениосова

«Жили в лесу, молились колесу...»[1] (о новой находке скандинавского амулета из Гнёздова)

Гнёздовская коллекция языческих амулетов является самой крупной за пределами Северной Европы. Здесь обнаружено более 150 железных, латунных, медных, серебряных, золотых и свинцовых предметов, связанных с культом и магией и предназначенных в большинстве случаев для персонального ношения. В Гнёздове известны также прямые свидетельства их местного изготовления[2]. Для гнёздовских амулетов характерно исключительное разнообразие: в раннегородском центре на Верхнем Днепре представлены как «массовые» типы — гривны, кольца и молоточки Тора, миниатюрные кресала и щиты, так и более редкие амулеты-серпы или антропоморфные изображения, а также связки миниатюр — уникальные сочетания предметов, наделённых символическим значением[3]. Обширный репертуар находок и индивидуальные особенности многих экземпляров в ряде случаев определялись техническими приёмами их изготовления, среди которых преобладали операции пластической деформации — ковка, тиснение, вытягивание, кручение, чеканка с помощью пуансонов и гравировка, исключающие «массовое» производство, характерное для некоторых типов литых украшений эпохи викингов[4]. Три серебряных миниатюрных щита и фигурка Фрейи (клад 1867 года и курган Ц-61) выполнены из серебра в сложных техниках зерни и скани[5]. И даже редкие для Гнёздова литые амулеты — свинцовый идол из раскопок пойменного селища или фигурка Одина с мечом и копьём, обнаруженная на центральном городище, не со-

---

1 Русская пословица, зафиксированная в словаре В. И. Даля.

2 Ениосова Н. В. Новые находки скандинавских амулетов в Гнёздове // Хорошие дни: Памяти Александра Степановича Хорошева: Исследования и материалы. — Москва, 2009. — С. 269–271.

3 Пушкина Т. А. Три амулета из Гнёздова // Проблемы археологии Евразии [Труды ГИМ, вып. 74]. — Москва, 1990. — С. 117–120; Новикова Г. Л. Скандинавские амулеты из Гнёздова // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). — Москва, 1991. — С. 175–199; Ениосова Н. В. Новые находки скандинавских амулетов в Гнёздове. — С. 255–275.

4 Jansson I. Economic aspects of fine metalworking in Viking age Scandinavia // Economic aspects of the Viking Age: Occasional paper of British Museum No 30. — London, 1981. — P. 1–18.

5 Ениосова Н. В. Новые находки скандинавских амулетов в Гнёздове. — С. 260–261, 268.

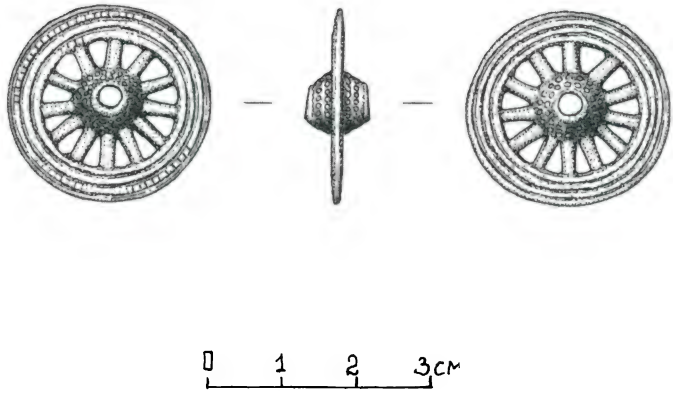


рисунок А.С.Дементьевой

Рис. 1. Амулет – миниатюрное серебряное колесико из Гнёздова.
Из раскопок Т. А. Пушкиной на Центральном городище в Гнёздове в 2011 (ЦГ-XXVI, п/о 2846, Музей кафедры археологии МГУ)

впадают в деталях с известными аналогиями из Северной Европы или вовсе на них не похожи[6].

К литым амулетам относится круглый предмет диаметром 2,7 см, обнаруженный во время раскопок центрального городища в Гнёздове в 2011 г. Он представляет собой модель колеса с 12 спицами (рис. 1). Обод гнёздовского колёсика состоит из четырёх плотно соединённых друг с другом рельефных жгутиков, на которых сохранились фрагментарно следы параллельных насечек, имитирующих бусинную проволоку.

Возможная реконструкция операций по изготовлению амулета включает «восковую» стадию — отливку первоначальной модели в 2-стороннюю деревянную или каменную форму. В обеих створках были вырезаны симметрично расположенные углубления для конусов и 4-х рельефных концентрических окружностей-жгутиков. Полученная восковая заготовка была монолитной: для проработки тонких спиц делали 12 треугольных прорезей. Судя по скругленным углам и разнице в размерах, они были вырезаны вручную кончиком ножа или шила. На конусы с обеих сторон наносили пуансонный циркульный орнамент, а затем в биконической ступице просверливали отверстие для подвешивания амулета (рис. 2).

---

6 Пушкина Т. А. Подвески-амулеты с изображением Одина // Висы дружбы: Сборник статей в честь Т. Н. Джаксон. — Москва, 2011. — С. 368–372; Мурашева В. В. «Идол» из Гнёздова // РА. — 2005. — № 1. — С. 124–129.

Рис.2. Лицевая и оборотная сторона амулета-колесика из Гнёздова (фото автора)

Затем в него вставляли деревянный стержень — круглую палочку и добавляли восковой литник; модель покрывали глиняной оболочкой, в которую заливали металл. Полученная вещь отличалась хорошей проработкой деталей, но на поверхности есть дефекты, вызванные сложностью задачи изготовления миниатюрной восковой модели, например, при повторном нагреве в процессе «склеивания» отдельных частей. Нельзя исключить также, что металл амулета начал плавиться под воздействием высокой температуры при разрушении горящих конструкций постройки, в которой он был найден. Несмотря на то, что гнёздовское миниатюрное колесо не имеет прямых аналогий, очевидно, что этот предмет относится к одному из самых редких типов амулетов эпохи викингов. На них хорошо различимы конструктивные особенности настоящих колёс — обод, спицы и ступица с отверстием, в которое вставлялась ось, обеспечивающая вращение колеса при движении повозки или колесницы. Археологические находки деревянных колёс эпохи викингов известны на некоторых памятниках Северной Европы, но целиком сохранилась только одна 4-колёсная повозка из знаменитого погребения знатной женщины в Усеберге на юге Норвегии, совершенного, по мнению Э. Роэсдаль, в 934 г. (рис. 3:1). Как полагают, повозки служили средством перемещения женщин и товаров; мужчины путешествовали по суше на лошадях в седлах[7]. Некоторое стилистическое сходство — концентрические окружности на ободе колеса — объединяет изображение колёс одной из повозок на гобелене из Усеберга и гнёздовский амулет (рис. 3:2).

---

7 Bill J., Roesdahl E. Travel and Transport (chapter 9) // The Archaeology of Medieval Europe. — Vol. 1: Eight to Twelfth Centuries AD. — Aarhus, 2007. — P. 271.

Рис.3. Деревянная повозка (1) и фрагмент гобелена с повозками (2) погребения в Усеберге, Вестфольд, Норвегия (по: 1 – Price N., 2013, p. 182, fig. 254; 2 – Bill J, 2013, p. 200–201, fig. 3)

У германских и славянских народов колесо в качестве символа имеет множество противоречащих друг другу значений. Мифологический источник, дающий ключ к локальному символизму скандинавских амулетов этого типа отсутствует, а «ускользающее» значение объектов, отражающих персональную магическую практику, затрудняет их идентификацию и поиск прямых и однозначных соответствий с представителями северного языческого пантеона. Как утилитарный предмет колесо совмещает в себе мотив круга и кругового движения, а также вращение небесных светил. В культуре разных народов колесо является солярным символом и наделяется апотропейными и демоническими свойствами, а катание колёс присутствует в весенне-летней обрядности[8].

До недавнего времени было известно 13 находок амулетов этого типа с территории Норвегии (2), Швеции (4), Дании (4) и польского Поморья (3)[9]. В августе 2015 г. в Дании на острове Зеландия в местечке Lille Karlsby был найден огромный клад, состоящий из 392 предметов: двух небольших

---

[8] Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н. Колесо // Славянские древности: Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н. И. Толстого. — Т. 2. — Москва, 1999. — С. 534–535; Ellis Davidson H. Pagan Scandinavia. — London, 1967. — P. 73–74; Jensen B. Viking Age Amulets in Scandinavia and Western Europe // BAR International Series 2169. — Oxford, 2010. — P. 63.

[9] Jensen B. Viking Age Amulets in Scandinavia and Western Europe. — P. 63; Gardeła L. Amulety skandynawskie z Wolina i Truso // Meeting at the borders: Studies dedicated to Professor Władisław Duczko [Acta Archaeologica Pultuskinsia, vol. V]. — Pułtusk, 2016. — S. 102, fig. 19; S. 104, fig. 23.

Рис.4. Колесовидные амулеты из медного сплава с позолотой из клада, найденного в Дании в 2015 г. (по: www.thehistoryblog.com от April, 14th, 2016)

серебряных сосудов, фибул, подвесок, бусин, браслета, монет арабского и западноевропейского происхождения и пяти позолоченных амулетов, отлитых из медного сплава (рис. 4).

Предварительно клад датируют второй половиной X в.[10] Амулеты из этого комплекса — миниатюрные колёса-подвески, украшавшие ожерелье из стеклянных бусин. У всех экземпляров в отверстие ступицы продета серебряная проволока, плотно закрученная над ободом и образующая ушко-петлю. Два практически идентичных амулета имеют в бордюрной части орнамент в виде овальных медальонов, соединённых плетёнкой, относящийся к стилю Борре. Другая пара одинаковых миниатюрных колёс и самый маленький экземпляр очень похожи на настоящие деревянные колёса усеберской повозки, благодаря геометрическому орнаменту, разделённому на четыре сегмента.

Учитывая старые и новые находки, на сегодняшний момент можно сказать, что этот тип амулетов чаще всего встречается на юге Скандинавии —

---

[10] [Электронный ресурс]: www. thehistoryblog. com

Рис.5. Лицевая и оборотная стороны амулета-колеса из шведской провинции Сконе, случайная находка SHM 9822:812, фото автора

Рис. 6. Лицевая и оборотная сторона амулета-колеса из погребения 844 в Бирке. SHM 5802:844, фото автора

в Дании и Швеции (Сконе) известно 10 экземпляров. Из самой южной шведской провинции происходит миниатюрное колесо с короткими спицами и широким ободом, на котором разместился роскошный зооморфный орнамент в стиле Борре с тремя рогатыми анфасными личинами, шестью птичьими головами с большими клювами и сложным переплетением когтистых лап, копыт и двойных лент (рис. 5). 12 спиц отделяют друг от друга круглые отверстия. Этот амулет выполнен из серебра, его лицевая поверхность укра-

шена ложной филигранью, позолочена и декорирована чернью, двойная петля для подвешивания закреплена в центральном отверстии.

Похожий экземпляр происходит из погребения Bj 844 некрополя Бирки в Средней Швеции. Он также имеет короткие спицы и широкий обод с зооморфным орнаментом в стиле Борре, ложную филигрань, позолоту и чернь, но его декор значительно проще, а спицы не отделены друг от друга прорезными отверстиями. Петля для подвешивания крепилась на шпеньке у края украшения, что свидетельствует о ремонте этой вещи. Из погребения Bj 844 (женская ингумация в гробу) происходит ещё два серебряных амулета — в виде свёрнутой змеи и миниатюрного трона. Три амулета и арабская монета, превращённая в подвеску, украшали богатое ожерелье из 29 агатовых, сердоликовых и стеклянных бус, располагавшееся на груди женщины между парой овальных фибул JP51B1[11]. Детали погребального обряда и инвентарь, в особенности фибулы, позволяют отнести этот комплекс к позднему периоду Бирки, вероятнее всего, ко второй половине X в.[12]

Второй амулет-колесо из Бирки найден в трупосожжении Bj 29 (рис. 7). В составе погребального инвентаря этого кургана обнаружено 180 стеклянных бус, поясные кольца и наконечник, пуговица, оселок, вишнёвая косточка и глиняный сосуд. Сасанидская (VII в.) и омейядская (VIII в.) монеты попали в погребение спустя длительный период после их выпуска, однако находка монеты английского короля Этельреда II (Нортумбрия 841–848/849) позволяет отнести этот комплекс ко второй половине IX в.[13] Литое миниатюрное колесо — подвеска к ожерелью, сохранившаяся фрагментарно, состоит из плоского узкого обода, украшенного скромным пуансонным орнаментом, восьми спиц и ступицы с узким каналом, через который протянута проволока-петля. Целый похожий литой серебряный экземпляр происходит из города Трусо в Польском Поморье[14]. У него практически нет обода, бордюр украшен ложной филигранью, а на 8 спицах — отпечатки треугольного пуансона «волчьего зуба» (рис. 8). Этот экземпляр со следами литейного брака отличает низкое качество работы. Ещё две подвески известны в Волине. Это фрагментированные, возможно бракованные отливки и их идентификация в качестве скандинавских амулетов не является убедительной[15].

Помимо некрополя Бирки, амулет-колёсико встречен в датском погребении X в. в Хёнси (Hønsi). Несколько амулетов из Дании и Норвегии —

---

[11] Arbman H. Birka. — Vol. I: die Gräber. — Uppsala, 1943. — S. 317–319.

[12] Jansson I. Ovala spännbucklor: En studie av vikingatida standardsmycken med utgångpunkt från Björkö-fynden. Aun 7. — Uppsala, 1985. — S. 174.

[13] Arbman H. Birka. — Vol. I: die Gräber. — S. 11–12, Abb. 11:4.

[14] Gardeła L. Amulety skandynawskie z Wolina i Truso. — S. 104, fig. 23.

[15] Ibid. — S. 102, fig. 19.

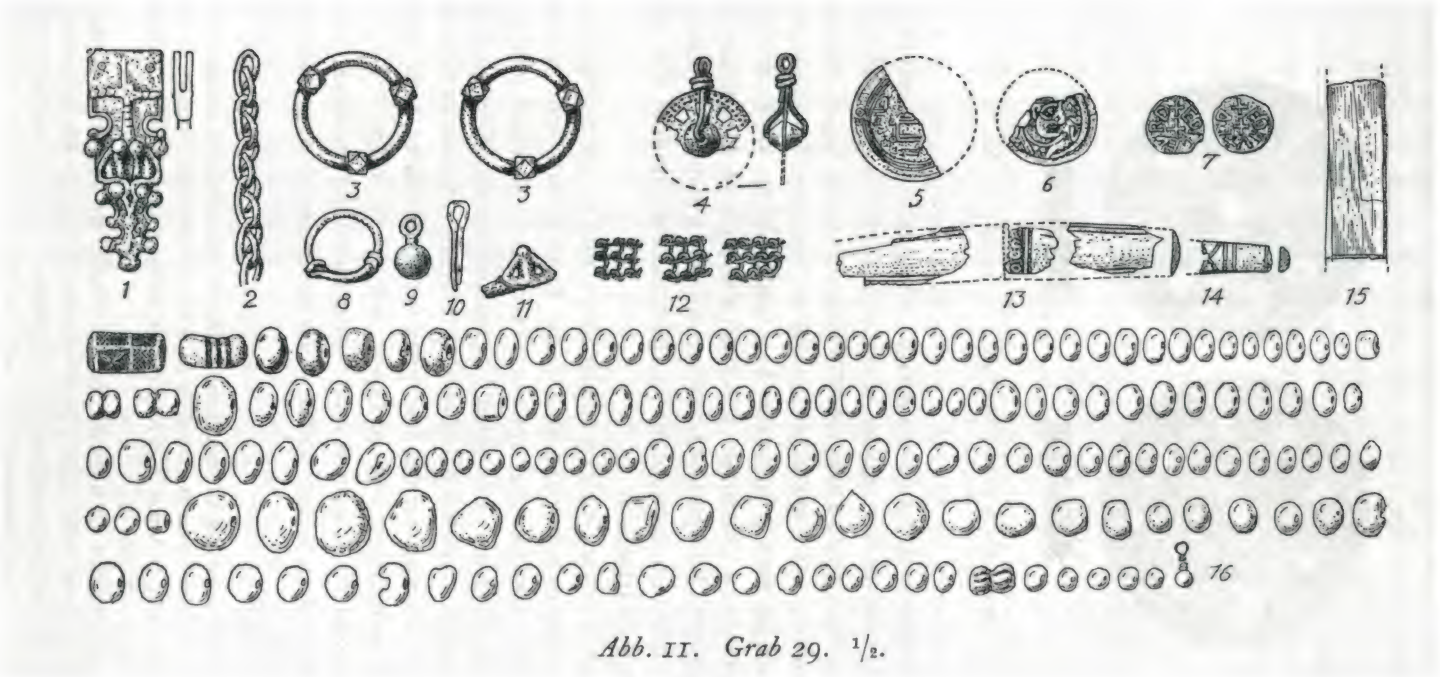


Рис. 7. Инвентарь погребения Bj 29 из Бирки: №4 — фрагмент амулета колеса (по: Arbman H., 1943, S. 11–12, Abb.11)

Рис. 8. Миниатюрное колесо из Трусо (по: Gardeła L., s. 104, fig.23)

случайные находки. Два амулета-колеса обнаружены с помощью металлодетектора в Дании на западе острова Зеландия: это поселение Хессельберг в окрестностях Роскильде и аристократическая усадьба Тиссё, где зафиксирована необычайно плотная концентрация магических предметов, свидетельствующих, что во второй половине X — начале XI вв. эта территория была местом совершения культовых действий и обрядов и одновременно — являлась мастерской по производству украшений и амулетов[16]. Ещё одно миниатюрное колёсико происходит из комплекса постройки X в. поселения Хельгё в Средней Швеции.

Гнёздовский амулет-колесо обнаружен в яме 37, расположенной у южной стенки раскопа в его западной части. Культурный слой на участке раскопа ЦГ-XXVI содержал два горизонта со следами мощных пожаров и пятна сгоревших наземных построек с развалами печей. Под ними залегали тонкие прослойки, образованные в результате локальных пожаров и неоднократного возобновления построек и хозяйственных ям. Для нижнего горизонта характерно преобладание лепной керамики[17]. В заполнении ямы 37, перекрытой лежащей выше сгоревшей постройкой, чередуются углистые прослойки и прослойки гумусированного песка вперемешку с

---

[16] Jørgensen L. Pre-Christian cult at aristocratic residences and settlement complexes in southern Scandinavia in the 3rd–10th centuries AD // Glaube, Kult und herrschaft: Phänomene des Religiösen im 1. Jahrtausend n. Chr. In Mittel- und Nordeuropa, Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte. — Bd 12. — Bonn, 2009. — S. 338–346.

[17] Пушкина Т. А. Центральное гнёздовское городище (предварительные итоги изучения в 2008–2012 гг.) // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Сборник материалов научной конференции, посвящённой 110-й годовщине со дня рождения И. И. Ляпушкина. — Санкт-Петербург, 2012. — С. 206–209.

обожжёнными камнями — остатки сгоревших и рухнувших в неё деревянных конструкций. В этой яме зафиксирована только лепная керамика и довольно необычный комплекс находок: помимо десятков жёлтых и единичных зелёных, синих и печёночных бисерин в придонной части комплекса вместе с амулетом найдены обломок прозрачного зелёного сосуда с резным орнаментом и два фрагмента стенок амфор. Судя по стратиграфическим данным, яма 37 является одной из самых ранних на этом участке поселения. Культурный слой отложился здесь не ранее середины X в., а возможно, и в первой четверти столетия.

Таким образом, амулет-колесико с центрального городища является символом культурной принадлежности людей, проживающих на укреплённой части поселения в первой четверти — середине X в., и одной из самых ранних гнёздовских находок, связанных с северными языческими культами. Эта находка подтверждает вывод об особом статусе жителей усадеб в юго-западной части городища на протяжении X в. Они владели престижными вещами, экзотическими предметами импорта, потребляли дорогие продукты, поступавшие в Верхнее Поднепровье в амфорах византийского круга и сосредоточили в руках значительные запасы драгоценных металлов, обеспечивая производство украшений, включая амулеты[18]. Об их культовой практике свидетельствует значительная концентрация данной категории находок (35 экземпляров) на этой территории.

---

[18] Ениосова Н. В., Пушкина Т. А. Гнёздово как раннегородской центр эпохи формирования древнерусского государства и некоторые вопросы его интерпретации // Древнейшие государства Восточной Европы: 2014 год: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. — Москва, 2016. — С. 288–291.

Д. Д. Ёлшин

Киевская плинфа X–XIII веков: опыт типологии

Исследования памятников монументального зодчества Древнего Киева домонгольского периода на протяжении XIX — середины XX вв. лишь вскользь затрагивали особенности одного из основных строительных материалов, плинфы, ограничиваясь обычно только фиксацией её стандартных размеров. Лишь при архитектурно-археологических раскопках последних десятилетий, значительная часть которых прошла под руководством Г. Ю. Ивакина, было обращено внимание на такие технологические черты киевской плинфы X–XIII вв., как состав керамического теста и следы формовки[1]. Дальнейшее изучение этих черт составило основу предлагаемого исследования.

Массовость плинфы, доступной при археологических раскопках домонгольских зданий и их периферии, обеспечивает статистически удовлетворительное количество образцов для исследования. Большое количество образцов из масштабных раскопок XX в., хранящееся в музейных коллекциях Киева (НМИУ, НЗСК, МИК, ИА НАНУ), Санкт-Петербурга (ГЭ), Великого Новгорода (НГОМЗ), представляет почти все известные памятники Киева домонгольского периода[2]. Многочисленные зондажи на сохранившихся памятниках дают возможность обращаться к эталонным датированным образцам и верифицировать наблюдения. Эти условия позволили вплотную подойти к новому обобщению сведений о киевской плинфе и разработке типологии.

---

[1] Ивакин Г. Ю. О строительных материалах памятников Киева XII века // Архитектурно-археологический семинар: Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. — Санкт-Петербург, 2003. — С. 66–70.

[2] Приношу искреннюю благодарность коллегам, в разное время помогавшим в сборе информации о киевской плинфе: хранителям Национального заповедника «София Киевская» О. Ю. Малеевой, В. М. Гайдуку, хранителю Национального музея истории Украины Ю. Г. Безкоровайной, хранителю Новгородского государственного объединённого музея-заповедника О. В. Жегуровой, а также сотрудникам Института археологии НАН Украины Г. Ю. Ивакину, М. А. Сагайдаку, Е. И. Архиповой, В. К. Козюбе, С. В. Павленко, Т. А. Бобровскому, С. В. Тараненко, В. Г. Ивакину, А. В. Комару, О. В. Манигде, Е. А. Мельник.

Многолетнее изучение киевской плинфы показало, что в разные временные периоды существенно различается не только формат[3], но и её способ формовки[4]. В Древней Руси, как правило, плинфа производилась специально, таким образом, плинфа каждого отдельного памятника отражает технологию производства, характерную для конкретного строительного центра в момент сооружения здания. Благодаря точным летописным датировкам памятников становится возможным проследить моменты смены технологии — важные для нашего исследования вехи, отмечающие разрывы технологической традиции. Наличие датированных памятников, а также относительная хронология ремонтных кладок позволяют убедиться в последовательной смене во времени как минимум трёх способов формовки, характерных для большинства киевских памятников. Именно они положены в основу выделения базовых типов (I–III).

Размеры плинфы и состав керамического теста обладают большей вариативностью[5]. Их изменение происходило чаще. Особенности керамического теста, определяемые визуально, а также устойчивые форматы позволяют выделить подтипы, характерные для более узких промежутков времени в рамках существования каждой из традиций формовки (обозначены арабскими цифрами) (Приложение 1).

Картина усложняется рядом случаев находок типов плинфы, не подпадающих под эту основную типологию (Приложение 2). Такие случаи связаны либо с относительно небольшими партиями, датировка которых не имеет достоверной аргументации, либо с очевидной принадлежностью находок к плинфяной традиции другого строительного центра Древней Руси, что означает работу пришлых мастеров-плинфоделов или использование плинфы,

---

3 Первое обобщение размеров киевской плинфы принадлежит М. К. Каргеру, см.: Каргер М. К. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. — Т. 1. — Москва; Ленинград, 1958. — С. 456.

4 Методы определения и реконструкции способов формовки плинфы были сформулированы А. К. Сыромятниковым и И. М. Игнатенко, которым я благодарен за консультации в 2001–2003 гг. (см.: Сиром'ятников О. К. До питання про формування плінфи із скошеними краями X–XI ст. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. — К., 2004. — С. 248–254; Игнатенко И. М. Плинфоделие Чернигова // Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы: Архитектурно-археологический семинар. — Санкт-Петербург, 2003. — С. 34–49). Мы следуем этому подходу: Ёлшин Д. Д. Новые исследования древнерусской плинфы: итоги и перспективы // Археологія і давня історія України. — Вип. 1: Проблеми давньоруської та середньовічної археології. — К., 2010. — С. 395–407; Его же. Древнерусская плинфа: технология и типология // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. — Т. III. — Казань, 2014. — С. 40–44.

5 В данной статье не учитываются проблемы сортамента — набора дополнительных форматов и фигурных форм плинфы. Их тип формовки и состав керамического теста всегда совпадает с основным форматом.

Рис. 1. Киевская плинфа I типа. Вид со стороны нижней постелистой поверхности

Рис. 2. Киевская плинфа I типа с редкими технологическими следами. Вид со стороны нижней постелистой поверхности

привезённой из этого центра. Этот ряд исключений, составляющих, вероятно, «разовые» работы, приведён под буквами «А» — «З» и вполне может ещё пополниться новыми типами при будущих исследованиях древнерусского культурного слоя Киева.

Тип I (рис. 1–2)[6]. Тип выделен на основе особого типа формовки, характерного исключительно для самого раннего периода киевского зодчества — конца X в.[7] Отличительной чертой плинфы этого типа являются скошенные торцы подавляющего большинства образцов и небольшая толщина (2,5–

[6] Приносим благодарность К. М. Дубровиной, исполнившей под нашим руководством графические модели основных типов киевской плинфы (рис. 1–2, 5, 7, 10).

[7] На наш взгляд, пока что не существует оснований для датировки каких-либо остатков монументальных сооружений Киева ранее 989 г. См.: Ёлшин Д. Д. О «монументальной архитектуре» Киева в X в. // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова. — Санкт-Петербург, 2010. — С. 151–164.

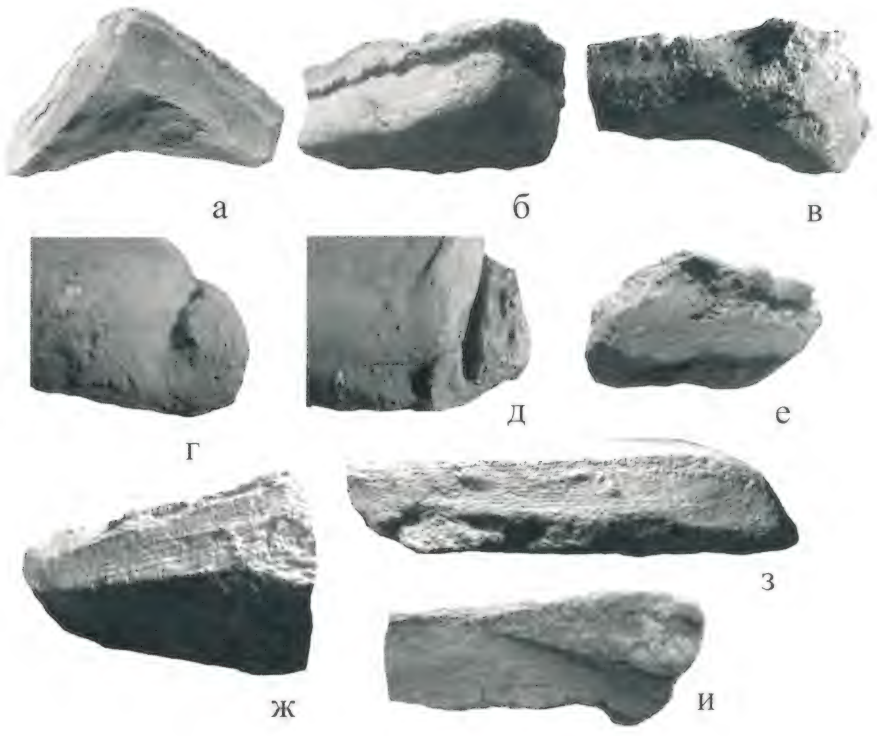


Рис. 3. Киевская плинфа I типа. Технологические особенности: а–в: скошенные торцы; г–д: закраины со стороны верхней постелистой стороны; е–з: отпечатки деревянной формы на торце; и: округлый отпечаток на торце

3 см). Такая плинфа обнаружена в кладках Десятинной церкви, а также близлежащих восточной и южной гражданских построек[8].

---

[8] В своё время было высказано здравое сомнение в соотнесении плинфы галерей Десятинной церкви с летописной датой сооружения церкви (см.: Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. — Москва, 1987. — С. 174–175). В ходе новых исследований Десятинной церкви 2005–2011 гг., проведённых под руководством Г. Ю. Ивакина, удалось выяснить, что фрагменты плинфы этого типа присутствуют в некотором количестве в заливке фундаментных субструкций апсидной части основного объёма храма, а также в засыпке «пустого» рва по оси восточных подкупольных опор (см.: Иоаннисян О. М., Ёлшин Д. Д., Зыков П. Л., Ивакин Г. Ю., Козюба В. К., Комар А. В., Лукомский Ю. В. Десятинная церковь в Киеве (предварительные итоги исследований 2005–2007 гг.) // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света [Труды Государственного Эрмитажа, Т. XLIX]. — Санкт-Петербург, 2009. — С. 339–341, 363). Плинфа такого типа была обнаружена также при надзорных работах 2016 г. in situ в участке фундаментной кладки «южного дворца», которая по всем строительно-техническим характе-

Угол скоса торцов варьирует в широких пределах (рис. 3, а–в). Е. И. Архипова в своё время предположила, что скошенные торцы являются результатом разрезания заготовок большего размера, однако комплекс технологических следов на плинфе не подтверждает этой версии[9]. Поверхность торцов плинфы чаще всего гладкая, аналогичная поверхности той постелистой грани, которая за счёт скошенности торцов имеет меньшую площадь. Напротив, постелистая поверхность большей площади несёт следы заглаживания рукой или рукавицей, обычно криволинейного. При формовке именно она была обращена кверху, с неё убирали излишек глины. На торцах со стороны верхней постели иногда встречаются мощные закраины (рис. 3, г–д). Гладкие поверхности нижней постели и торцов являются отпечатками неразборной формы с дном; процесс изъятия сырца из формы напоминал «выпекание куличей» из песка. После формовки нижняя, гладкая, сторона оказывалась вверху, вероятно на всё время сушки, о чём свидетельствует то, что именно на неё были нанесены все редко встречающиеся граффити, рисунки и надписи; она же носит следы дождя, животных и птиц. Торцы плинф иногда имеют отпечатки волокон дерева (рис. 3, е–з), а также характерные отпечатки в виде вдавленности округлого контура, которые пока не получили однозначной интерпретации (рис. 3, и). А. К. Сыромятников предложил вариант реконструкции формы в виде колоды с выдолбленными углублениями, которое заполнялось глиной. Этот вариант остаётся предпочтительным[10].

Аналогичные особенности формовки отличают и черепицу, обнаруженную при раскопках упомянутых построек, в том числе и зафиксированную in situ в фрагменте упавшей «закомары»[11]. Эта черепица типа солена не имеет бортиков, её отличия от плинфы ограничиваются существенно большими размерами (65 × 35 × 2,5–3,5 см) и лёгким изгибом по продольной и поперечной осям. Небольшие фрагменты такой черепицы невозможно отличить от фрагментов плинфы. На гладкой нижней поверхности черепиц встречается особое оформление в виде фигуры, похожей на греческую букву «ипсилон», нанесённую на сырец тройной бороздой с помощью пальцев уже после формовки. Рисунки тройной бороздой изредка встречаются и на плинфе. Последние исследования фрагментов строительной керамики Десятинной церкви с греческими клеймами выявили, что они относятся именно к чере-

---

ристикам соответствует именно основному объёму церкви (приносим благодарность научному сотруднику ИА НАНУ В. К. Козюбе, любезно предоставившему эту информацию и фотофиксацию).

9 Архипова Е. И. Будівельні матеріали Десятинної церкви // Церква Богородиці Десятинна в Києві. — К., 1996. — С. 55–60.

10 Сиром'ятников О. В. До питання про формування... — С. 254.

11 Каргер М. К. Древний Киев: Очерки истории материальной культуры древнерусского города. — Т. II: Памятники киевского зодчества X–XIII вв. — Москва; Ленинград, 1961. — С. 52–54.

пице[12]. В развале встречаются также узкие и более изогнутые калиптеры той же формовки. Важно отметить, что ни в одном из киевских монументальных памятников последующих трёх веков не зафиксированы ни плинфа такого типа[13], ни вообще применение какой-либо черепицы.

Исторический контекст и летописные упоминания позволяют предположить, что эта традиция изготовления плинфы и черепицы была принесена в Киев из Византии, но конкретного источника с надёжной датировкой обнаружить пока не удалось[14].

Большинство целых экземпляров (количество которых, впрочем, не так уж велико) плинфы этого типа имеют стандартную квадратную форму, размеры 29–31 × 29–31, и среднюю толщину 2,5–3 см. Толщина плинфы часто неравномерна: середина порой на 1 см толще краёв. Изредка встречаются очень толстые образцы (4–6 см), полученные в результате использования излишнего количества теста, что подтверждается мощными закраинами на торцах со стороны верхней постелистой поверхности.

Интересной особенностью плинфы Десятинной церкви является большое разнообразие состава керамического теста. Из конструкций центрального объёма происходят фрагменты тёмно-красного и коричнево-бурого цветов из каолиновой глины с существенной примесью суглинка и обломков кварца. Из кладок фундамента южной галереи — плинфы розово-желтого и оранжевого цвета (каолиновая глина) с обильной примесью крупной фракции дробленого полевого шпата и примесью песка. Такое тесто характерно и для фрагментов черепицы. В кладках выравнивающего цокольного ряда западной галереи зафиксированы плинфы тёмно-зелёного и коричневого цветов без примесей, значительная часть плинфы такого теста имеет пустоты от выгоревшей соломы и половы. По нашему мнению, эти различия связаны с экспериментами мастеров в рецептуре керамического теста в

---

[12] Виноградов А. Ю., Ёлшин Д. Д. Греческая эпиграфика Десятинной церкви // Византийские очерки: Труды российских учёных к XXIII Международному конгрессу византинистов. — Москва, Санкт-Петербург, 2016. — С. 43–51.

[13] Существует, однако, упоминание о том, что обнаруженный при раскопках церкви на Митрополичьей усадьбе кирпич «ближе к кирпичу Десятинной и чуть ли даже не тождествен с ним» (см.: Известия Императорской археологической комиссии. — Прибавление к вып. 34. — Санкт-Петербург, 1910. — С. 174). Тем не менее, уже в середине XI в. такая плинфа могла быть использована вторично, поскольку некоторые гражданские постройки были к этому моменту разобраны (см.: Козловский А. А., Иевлев М. М. Исследования «Западного дворца» на Старокиевской горе в Киеве в 2008–2009 гг. // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв. [Труды Государственного Эрмитажа, Т. 53]. — Санкт-Петербург, 2010. — С. 419).

[14] Виноградов А. Ю., Ёлшин Д. Д. Средневизантийский храм Учаяк и некоторые вопросы строительной техники в Малой Азии // Белградский сборник [Труды Государственного Эрмитажа, Т. 80]. — Санкт-Петербург, 2016. — С. 16–24.

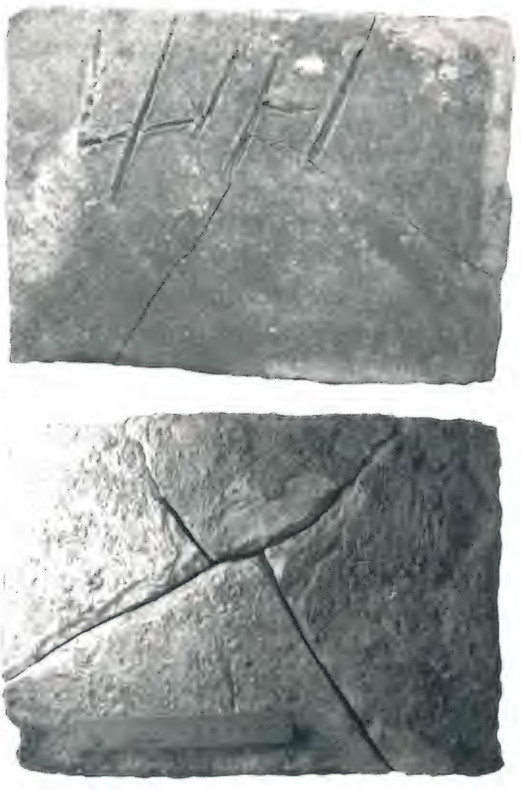


Рис. 4.
Киевская плинфа I типа.
Сверху – нижняя
постелистая сторона
с надписью «ЩИ»;
снизу – верхняя
постелистая сторона
со следами заглаживания

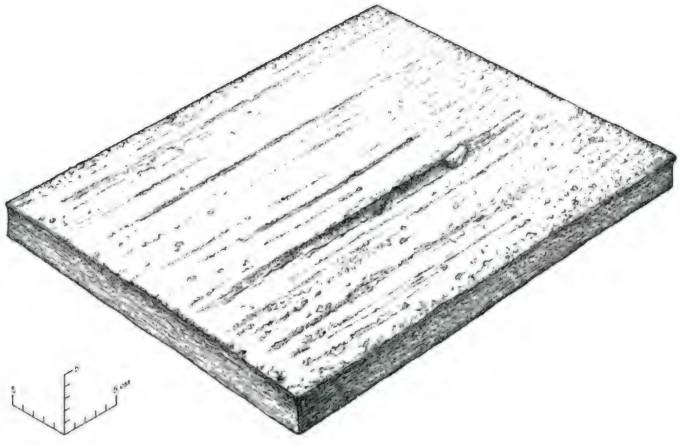
совершенно новом месте, где прежде отсутствовали плинфяное производство и знания о пригодных для этого залежах глины.

Из общей картины серьёзно выбиваются два целых образца плинфы, найденных при раскопках заполнения рва близ северо-западного угла Десятинной церкви. На их нижней поверхности одинаковым образом нанесены надписи «ЩИ» (рис. 4). Эти плинфы отличаются размером (35–36 × 25–26 × 2,5–3 см) и керамическим тестом (светло-бежевого цвета, без каких-либо примесей, возможно плинфы были сформованы из чистого материкового лёсса), тем не менее, скошенные торцы и другие признаки формовки заставляют отнести их к тому же типу[15].

Тип II (рис. 5). Особый тип формовки характерен для памятников монументального строительства периода княжения Ярослава Мудрого. Для этого типа характерны чёткие прямые торцы, обычно без следов, но иног-

[15] Иоаннисян О. М., Ёлшин Д. Д., Зыков П. Л., Ивакин Г. Ю., Козюба В. К., Комар А. В., Лукомский Ю. В. Десятинная церковь в Киеве (предварительные итоги исследований 2005–2007 гг.). — С. 363.

Рис. 5.
Киевская плинфа II типа.
Вид со стороны верхней
постелистой поверхности



да сохраняющие продольные следы от деревянных волокон формы. Одна из постелей гладкая и ровная, другая — с грубыми продольными следами снятия излишка керамического теста с помощью специального инструментам (рис. 6, а). Гладкая (нижняя при формовке) постель свидетельствует о применении формы с дном, часто западает в углах. Тем не менее, чёткий характер рёбер, следы на торцах (рис. 6, б–г) и отсутствие деформаций при большом формате и незначительной толщине (38 × 28 × 3–4 см) не оставляет сомнений, что для изготовления такой плинфы применялась разборная форма. Тесто плинфы красное, тёмно-розовое, иногда светло-бежевое, без крупных включений или с фракцией окатанного кварца. Знаки или какая-либо иная маркировка на плинфе этого типа неизвестна, исключение составляют редкие рисунки.

Этот тип зафиксирован в первоначальных кладках Софийского собора и его внешних галерей, Золотых ворот, при раскопках стены Митрополичьего двора. Важным памятником для определения хронологических рамок этой традиции является Михайловский собор Выдубицкого монастыря. В кладках основного объёма храма, заложенного в 1070 г., использовалась плинфа этого типа, а в кладках нартекса со встроенной лестницей (законченного, как можно полагать, к 1088 г.[16]) — плинфа другого типа, характерного для последующей эпохи. Нам неизвестны памятники, построенные из плинфы типа II, которые бы точно датировались позднее. Это является аргументом в пользу того, что плинфоделательная традиция, заложенная мастерами-строителями

[16] Новое в археологии Киева / Под ред. П. П. Толочко, Я. Е. Боровского, С. А. Высоцкого. — К., 1981. — С. 208–209.

Рис. 6. Киевская плинфа II типа. Технологические особенности:
а — верхняя постелистая сторона
с продольными следами снятия излишка теста;
б–г — отпечатки деревянной формы на торце

Софии Киевской, доживает до 1070-х гг. и по каким-то причинам сменяется другой традицией. Плинфа кладок второго яруса внутренних галерей Софии, как и плинфа внешних галерей, относится к типу II. От софийской плинфы существенно отличается по формату квадратная плинфа Георгиевской церкви, однако нам не удалось отыскать образцов этой плинфы для определения типа формовки. Блоки кладки из плинфы типа II были обнаружены поблизости от южной и северной галерей Десятинной церкви, что свидетельствует о перестройках, произведённых во второй — третьей четверти XI в.[17]

Существенным оказывается сравнение плинфы II типа с плинфой памятников других строительных центров этого времени — Чернигова, Новгорода и Полоцка. Плинфа черниговского Спасского собора относится к совершенно иному типу формовки — в неразборной форме без дна[18]. Эта технологическая традиция получила продолжение в плинфе Новгородской Софии, хотя и с изменениями формата[19]. Наконец, плинфа полоцкой Софии относится к ещё одному типу формовки в разборной форме с торцевыми знаками[20]. Несомненно, что три разные традиции формовки плинфы появились в Древней Руси во второй трети XI в. почти одновременно благодаря группам мастеров разного происхождения.

Тип III. К этому типу относится плинфа, сформованная в неразборной форме — жёстком ящике без дна («пролётке»). Основными признаками этого типа формовки являются поперечные следы на торцах, следы подсыпки (в большинстве случаев песок) на нижней постелистой поверхности (часто неровной), подтёки на торцах со стороны нижней постели (зачастую удалённые подрезками или заглаживанием) и чёткие продольные следы снятия излишка керамического теста с верхней постели с помощью «правила» (ровной дощечки). В процессе формовки ящик-рамка не переворачивался, а снимался со сформованного сырца движением вверх. При этом способе формовки маркировка в виде торцевых знаков была невозможна, но на верхней постели встречаются метки в виде прямых и дугообразных линий, а также рисунки и надписи.

Плинфа типа III впервые фиксируется в кладках Успенского собора Киево-Печерского монастыря (1073–1077) и характерна для всех известных ки-

---

[17] Иоаннисян О. М., Ёлшин Д. Д., Зыков П. Л., Ивакин Г. Ю., Козюба В. К., Комар А. В., Лукомский Ю. В. Десятинная церковь в Киеве (предварительные итоги исследований 2005–2007 гг.). — С. 347.

[18] Игнатенко И. М. Плинфоделие Чернигова... — С. 37.

[19] Ёлшин Д. Д. Новгородская плинфа XI–XIII вв.: возможности типологического изучения // Новгород и Новгородская земля. — Вып. 27. — Великий Новгород, 2013. — С. 208–213.

[20] Торшин Е. Н. О строительных материалах Софийского собора в Полоцке и проблеме датировки памятника // Первые каменные храмы Древней Руси [Труды Государственного Эрмитажа, Т. 65]. — Санкт-Петербург, 2012. — С. 337–352.

евских памятников XII в. Церковь Апостолов в Белгороде (1197 г.) — последний датированный памятник с плинфой типа III, но возможно, традиция сохранялась и дольше, вплоть до монгольского нашествия. На протяжении этого длительного периода существенно менялся формат, нюансы формовки и состав керамического теста, поэтому мы выделяем несколько подтипов.

Подтип III.1. В первоначальных кладках Успенского собора Печерского монастыря преобладает плинфа формата 34–37 × 26–29 × 4–5 см. Цвет керамического теста варьирует от красного до светло-жёлтого. Характерными являются примеси песка и крупной фракции кварца, выгоравшего из-за высокой температуры обжига и образовывавшего чёрные шлаковидные включения, а также железистые конкреции. Формовка достаточно аккуратная, подтёки небольшие. Поперечные следы на торцах часто практически неразличимы из-за грубой фактуры керамического теста[21], но на продольных торцах (ложках) встречаются диагональные отпечатки — результат дополнительных манипуляций при снятии формы с сырца. На торцах плинфы нартекса Михайловского собора Выдубицкого монастыря хорошо различимы поперечные следы и подрезка подтеков. Н. В. Холостенко отмечал, что достаточно часто (около 5 % случаев) на верхней постели плинф Успенского собора нанесены метки в виде прямых и дугообразных линий[22].

Подтип III.2 (рис. 7). Для этого подтипа характерен тот же формат, и бежевый, розовый, красный цвет керамического теста. Ошлакованные включения встречаются гораздо реже, часты крупные (величиной до 2–3 см) включения кварца или шпата. Формовка менее аккуратная, встречаются мощные подтёки, за счёт чего толщина плинфы достигает порой 6–6,5 см. На торцах хорошо различимы поперечные следы. Такая плинфа встречается в большом количестве киевских памятников, возведённых в технике смешанной кладки с утопленным рядом и широко датированных концом XI — началом XII вв., включая ремонты более ранних памятников (подпорки аркбутанов и апсида крещальни Софии Киевской, реконструкция Золотых ворот).

Важной новой чертой являются «вдавленные бортики» — ровные вдавления на верхней постели вдоль одного или нескольких торцов, намеренно оттиснутые, вероятно, боковой частью формовочной рамки. Видимо, таким образом мастера пытались выровнять закраины, образовывавшиеся при снятии пролётки с сырца. Результатом этого вдавления зачастую является натёк на торцах со стороны верхней постели. Достаточно часто такие следы

---

[21] Не исключено, что часть плинфы Успенского собора изготовлена в разборной форме, но тоже без дна.

[22] Холостенко М. В. Успенський собор Печерського монастиря // Стародавній Київ. — К., 1975. — С. 120–121.

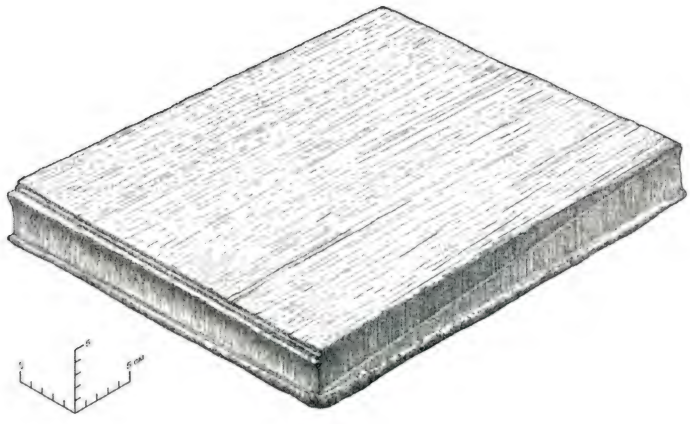


Рис. 7. Киевская плинфа III.2 типа. Вид со стороны верхней постелистой поверхности

встречаются на плинфе собора Михайловского Златоверхого монастыря (1108–1113) и церкви на усадьбе Художественного института. Другим способом выравнивания закраин служила подрезка грани между торцом и верхней постелистой поверхностью в виде косой фаски. Такой приём характерен для плинфы церкви Спаса на Берестове и Борисоглебского собора в Вышгороде (рис. 8, б, г).

В единичных случаях на плинфе этого подтипа известны «расчёсы» — тонкие прямые выпуклые борозды, нанесённые параллельно ложкам на центральную часть верхней постелистой поверхности[23].

Применение подтипа III.2 совпало с активным монументальным церковным строительством в Киеве. В культурном слое города и его окрестностей фрагменты такой плинфы встречаются чаще всего.

Подтип III.3 (рис. 9). К этому подтипу относится плинфа, совпадающая с подтипом III.2 по керамическому тесту и таким нюансам формовки, как вдавленные бортики (рис. 9, а, в), но отличающаяся от него существенно меньшим форматом.

Однородный массив малоформатной плинфы размерами 28–32 × 24–26 × 4,5–6,5 характерен для неотмеченного в летописи ремонта юго-западного угла Десятинной церкви, а также внешних стен здания «трапезной» в Печерском монастыре[24], немного крупнее (30–33 × 26–29 × 4,5–5) плинфа вторичного использования (?) в фундаментах церкви Успения Богородицы

---

[23] В Митрополичьей бане (НЗСК СМАА 7389), соборе Михайловского Златоверхого монастыря (ДІАЗСК МЗС-97 №2339/2–3) и плинфе первоначальных кладок «трапезной» Печерского монастыря (по 1–2 экз.).

[24] На наш взгляд, атрибуция здания как трапезной остаётся дискуссионной (ср.: Трофіменко Г., Гончар В. Літописна трапезна Печерського монастиря в Києві: Архітектурна спадщина Украї-

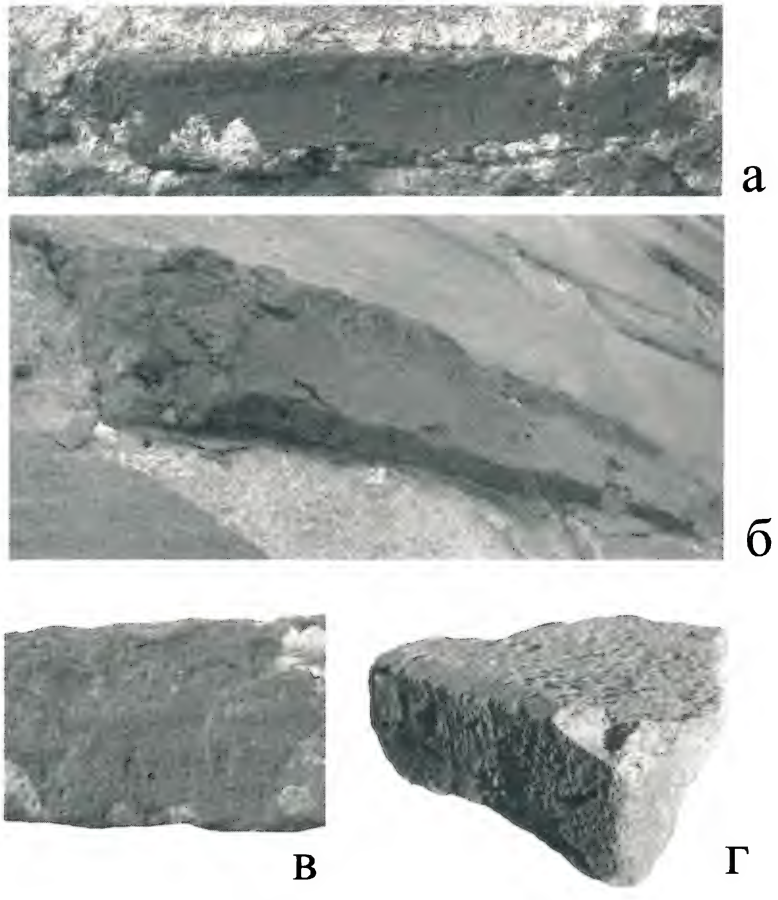


Рис. 8. Киевская плинфа III.2 типа. Технологические особенности:

а – поперечные следы на торцах (Михайловская божница в Остре);
б – подрезка грани между торцом и верхней постелистой стороной (церковь Спаса на Берестове);
в – поперечные следы на торцах (церковь Спаса на Берестове);
г – подрезка грани между торцом и верхней постелистой стороной (церковь Бориса и Глеба в Вышгороде)

Пирогощей. Возможно, эти несколько памятников свидетельствуют о поиске более удобного формата плинфы в первой трети XII в. В «трапезной» Печерского монастыря малый формат применён параллельно с подтипом III.2 (в кладке пилонов), все первоначальные кладки сложены в смешан-

ни. — К., 2002. — С. 13–28), хотя летописная датировка последней (ок. 1108 г.) не противоречит представлениям о датировке плинфяного материала.

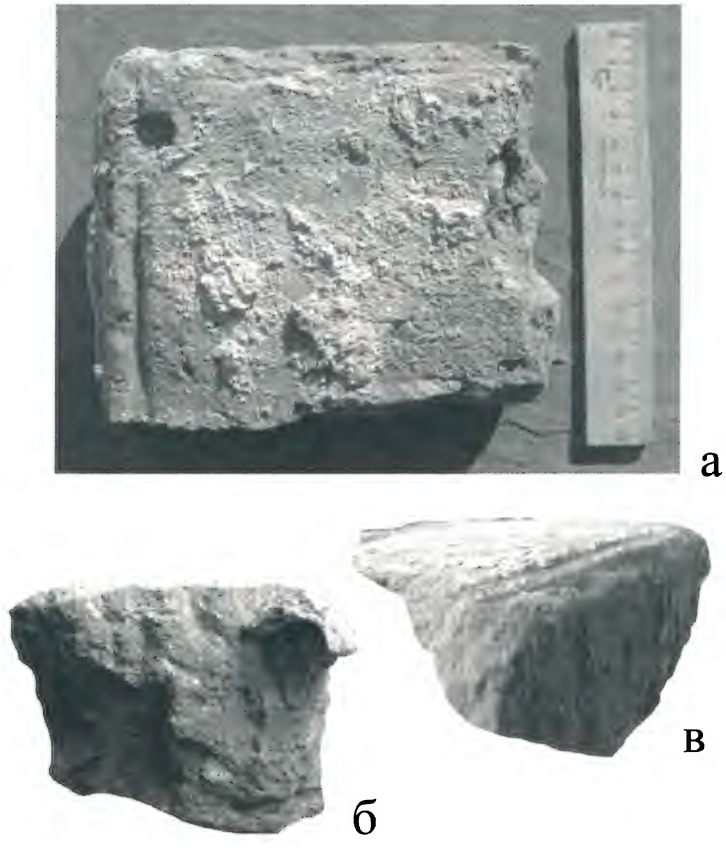


Рис. 9. Киевская плинфа III.3 типа (ремонт Десятинной церкви):
а – верхняя постелистая поверхность; б – фрагмент плинфы с венчиком сосуда; в – поперечные следы на торце и «вдавленные бортики»

ной технике со скрытым рядом[25]. Фундаменты ремонта Десятинной церкви сложены в смешанной кладке с чередованием рядов камня и плинфы (как и фундаменты церкви Богородицы Пирогощей), а наземная кладка — в порядовой технике без утопленного ряда[26].

---

25 Ивакін Г. Ю., Балакін С. А., Сиром'ятников О. К. Дослідження давньоруської трапезної Печерського монастиря // Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр. — К., 2001. — С. 122–123.

26 Ёлшин Д. Д., Ивакин Г. Ю. Церковь Рождества Богородицы Десятинная митрополита Петра Могилы: история, археология, изобразительные источники // Ruthenica. — IX. — К., 2010. — С. 80–95.

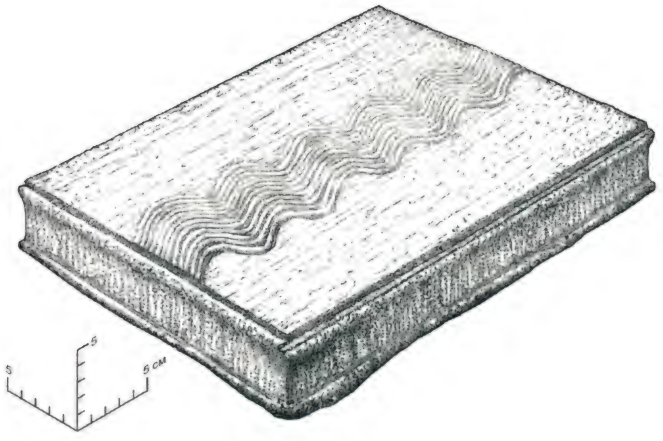


Рис. 10.
Киевская плинфа
III.4 типа.
Вид со стороны верхней
постелистой поверхности

Подтип III.4 (рис. 10). Выделяется по характерным формату около 29–30 × 19–21 × 4,5–5 см и составу керамического теста. В отличие от подтипов III.1–3, тесто изготавливалось не из каолиновых, а алевритовых глин, вследствие чего плинфа имеет бледно-розовый, светло-коричневый, бледно-зелёный цвет. Реже использовались пестрые глины, дававшие плинфе красно-коричневую окраску. Тесто чаще всего однородное, без крупных включений, в нём хорошо заметна природная микрофракция слюды[27].

Тесто этой рецептуры, по-видимому, обладало достаточно жидкой консистенцией при формовке: на поверхностях отлично видны технологические следы, очень часты мощные подтёки теста под формовочный ящик-рамку. На нижней постели обычны отпечатки неровной и грубой поверхности, на которой происходила формовка, налепы глины, грубые смазывания, подсыпка из красной кирпичной крошки. Такая черта, как вдавленные бортики, встречается очень часто. Характерно применение своеобразного приёма оформления верхней постелистой поверхности — борозды, известные также как «расчёсы» или «разводы». В отличие от описанных экземпляров подтипа III.2, расчёсы подтипа III.4 имели как прямой, так и волнистый рисунок, шаг ширины борозд мог быть одинаковым, а мог быть сложным, с чередованием борозд разной ширины (рис. 11, а–в). Рисунок наносился на сырец специальным инструментом типа гребёнки на верхнюю постель после снятия излишка глины, но до извлечения из формы, поскольку-

[27] Аналогичный характер теста имеют и образцы раннего киевского брускового кирпича, вероятно, появляющиеся во второй четверти XIII в. (см.: Раппопорт П. А. О времени появления брускового кирпича на Руси // Советская археология. — 1989. — № 4. — С. 207–211).

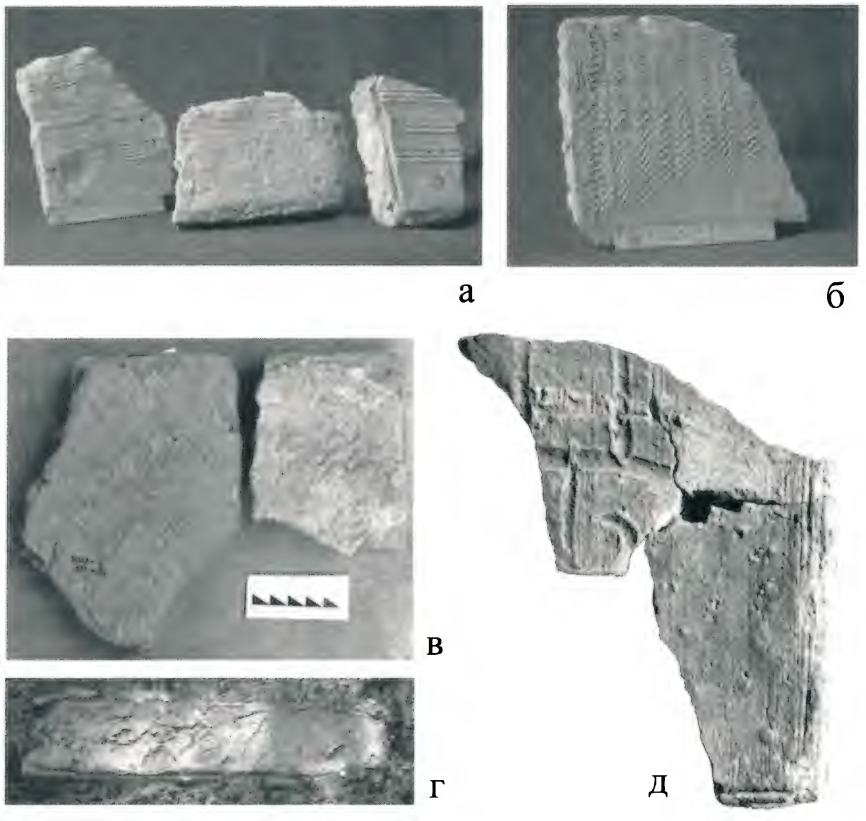


Рис. 11. Киевская плинфа III.4 типа. «Расчесы» и «вдавленные бортики» на верхней постелистой поверхности:

а – церковь Успения Богородицы на Подоле);
б, д – церковь на Юрковской ул.;
в – ремонт «трапезной» Печерского монастыря;
г – церковь Василия в Овруче

ку вдавленные бортики обычно перекрывают рисунок расчёсов[28]. Функция расчёсов остаётся загадочной. На наш взгляд, такие нюансы формовки, как вдавленные бортики и расчёсы, свидетельствует о непосредственной преемственности традиции формовки между подтипами III.2 — III.4.

Наряду с подтипом III.2, фрагменты такой плинфы чрезвычайно часты среди находок строительных материалов в археологическом слое средне-

[28] Ёлшин Д. Д. Традиция «расчёсов» в производстве плинфы южнорусских земель в XII в. // Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы: Архитектурно-археологический семинар. — Санкт-Петербург, 2003. — С. 92–99. При раскопках церкви на Юрковской ул. на большом статистическом материале была определена точная доля плинфы с расчёсами (3%).

векового Киева и его окрестностей. Это связано с длительным периодом бытования технологии — не менее 50 лет — между датированными Кирилловской церковью (1140-е) и церковью Апостолов в Белгороде (1197 г.). К подтипу III.4 относится также плинфа собора Федоровского Вотча монастыря (1128 г.) и церкви Богородицы Пирогощей (1131–1135), но остаются дискуссионными в первом случае атрибуция памятника, во втором — датировка стеновых конструкций. Начало применения этого подтипа плинфы увязывалось с внедрением в киевском зодчестве черниговской порядовой техники кладки[29], но последние находки показали, что картина более сложная. В порядовой технике кладки, например, выполнены закладка оконного проёма в Софии Киевской[30] (подтип III.2) и ремонт Десятинной церкви (подтип III.3).

Размеры плинфы этого подтипа колеблются на разных памятниках в диапазоне 25–33 × 18–24 × 4–5 см, причём различается и пропорциональное соотношение длины и ширины, однако проследить закономерность изменений формата не удаётся. Наиболее мелким форматом и плохим обжигом характеризуется плинфа такого типа из внутренней прикладки восточной стены «трапезной» Печерского монастыря (25 × 20 × 4 см), а также из стен монастыря.

П. А. Раппопорт считал, что расчёсы являются характерной чертой плинфы Переяславля Южного и традиция берёт начало именно из этого строительного центра. Наши исследования позволили убедиться, что наоборот, плинфа такого типа формовки (включая оформление расчёсами) появляется в Переяславле в то же время, что и в Киеве, сменяя тип формовки, характерный для плинфы более ранних памятников конца XI — начала XII вв.[31] В 1160-х гг. такая плинфа применяется на Волыни, отдельные примеры известны в Чернигове (комплекс в урочище Млыновище[32]) и Турове[33]. Использование такой плинфы в Переяславле и на Волыни совпадает с началом применения в этих областях архитектурных форм киево-черниговской школы и порядовой техники кладки. При раскопках северных пристроек Кирилловской церкви было зафиксировано применение плинфы подти-

---

29 Торшин Е. Н. Плинфа архитектурных памятников Киева середины — второй половины XII века // Из истории строительной керамики Восточной Европы. Архитектурно-археологический семинар. — Санкт-Петербург, 2003. — С. 102.

30 Коренюк Ю. О., Остапчук А. М. Нові дослідження віконниці у Софії Київській // Храм і люди: Збірка наукових праць до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. — К., 2013. — С. 117.

31 Ёлшин Д. Д. Плинфа Переяславля Русского // Наукові записки з української історії. — Вип. 20. — Переяслав-Хмельницький, 2008. — С. 209–225.

32 Тип IV по: Игнатенко И. М. Плинфоделие Чернигова... — С. 49.

33 НГМ КП 33684: 1–22.

па III.4 с расчёсами, изготовленной из совершенно разных глин: киевских и переяславских. Это говорит либо о доставке в Киев переяславского сырья, либо о доставке уже готового плинфяного материала, сделанного в Переяславле по киевской технологии.

* * *

Кроме практического значения базовой типологии киевской плинфы для датировки археологических и архитектурно-археологических контекстов, проведённое исследование позволяет сделать ряд наблюдений об организации строительного производства в домонгольской Руси.

Отсутствие случаев одновременного использования разных базовых типов или их подтипов в одном архитектурно-археологическом контексте в целом соответствует сложившемуся в истории древнерусской архитектуры представлению о последовательном возведении монументальных сооружений одной группой мастеров, или артелью, в состав которой входили плинфотворители. Исключения (Михайловская божница в Остре и Кирилловская церковь в Киеве[34]) указывают на особую историческую ситуацию их строительства.

В то же время, в древнем Киеве совсем не наблюдается постепенных изменений размеров плинфы от памятника к памятнику подобно закономерности, зафиксированной П. А. Раппопортом в Смоленске[35]. Существует относительная устойчивость формата на протяжении длительных промежутков времени, и смена его пропорций сопровождается сменой технологии формовки или рецептуры теста. В XI в. технологическое производство плинфы дважды меняется коренным образом. Возможно, между строительством князей Владимира и Ярослава Мудрого произошёл перерыв и полная потеря преемственности. Вторая смена технологии, произошедшая в 1070-х гг., вероятно, связана с прибытием новых мастеров, ответственных за строительство Успенского собора Печерского монастыря. Напротив, с конца XI до конца XII вв. наблюдается преемственность технологии, но происходит развитие — сначала уменьшается формат, затем меняется рецептура теста. Изменения эти были растянуты во времени и происходили в 1110–

---

34 В кладке божницы в Остре, расположенном между Киевом и Черниговом, чересполосно использована типично киевская плинфа типа III.2 и типично черниговская плинфа рубежа XI–XII вв. (см.: Ёлшин Д. Д. Новые исследования древнерусской плинфы... — С. 402–403). В Кирилловской церкви, судя по описанию Н. В. Холостенко, помимо киевской применена плинфа с типично черниговскими метками.

35 Раппопорт П. А. Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича // Советская археология. — 1976. — № 2. — С. 83–93.

1130-х гг. параллельно с переходом от смешанной техники кладки к порядовой и сменой архитектурного стиля под влиянием черниговских мастеров.

Преемственность технологии формовки плинфы между строительными центрами позволяет подтвердить связи, отражающие работу киевской артели в других городах. В начале XII в. производство плинфы в Новгороде начинают мастера несомненно киевского происхождения, поскольку на этот момент в Чернигове, Переяславле, Суздале, Полоцке плинфа производилась по другим технологиям. В середине и второй половине XII в. киевская или, скорее, её дочерняя артель работает в Переяславле Южном, Владимире-Волынском, Дорогобуже, Луцке, Турове, Овруче. Напротив, различия в технологии формовки заставляют подвергнуть пересмотру устоявшиеся представления о перемещении артелей и о монолитном составе последних. Три Софийских собора XI в. — в Киеве, Новгороде и Полоцке, тесно связанные в архитектурном отношении, были построены из плинфы, изготовленной по трём разным технологиям, принесённым разными мастерами. В памятниках полоцкого зодчества XII в., несмотря на использование техники кладки с утопленным рядом, нет никаких следов работы киевских плинфоделов.

Дальнейшие исследования монументальных архитектурных памятников Киева и других древнерусских городов при должном внимании к технологическим особенностям плинфы, несомненно, имеют перспективы уточнения сложной картины организации строительного производства и взаимодействия строительных групп и артелей Древней Руси.

Приложение 1

Таблица основных форматов базовых типов киевской плинфы[36]

Памятник, контекст	Датировка	Тип и подтип плинфы	Основной формат (см)	Музейное хранение
Десятинная церковь				
Основной объём (субструкции апсид), фундаменты и кладки галерей	989–996 гг.	I	29–31 × 29–31 × 2,5–3	НЗСК СМАА 8046, 8055, 8111, 8121, 8237, 8260, 8274, 8286, УФАА МА 67; ГЭ ЭРА 5-324; НГМ КП 33677-10, 11, НВ 20063-1184; НМИУ в-8/6048, в-11/3095, в-21/ 1816, 4540, 6000
Плинфы с надписями «ЩИ»		I	35–36 x 25–26 × 2,5–3	
Блоки кладки ремонта (в т. ч. профилированных столбов)		II	32–35 x 24–25 × 3–3,5 (Иоаннисян и др. 2009: 347)	НЗСК СМАА 8113, НГМ КП 33677-21, 28, 31, 53
Кладка под шиферным саркофагом у северной стены церкви		II (?)	34 × 24 × 3 (Архипова 2004: 50)	
Ремонт юго-западного угла Десятинной церкви и западный пилон		III.3	28–31 × 24–26 × 5–6 (Иоаннисян и др. 2009: 351)	НГОМЗ НГМ КП 33677: 13; НЗСК СМАА 8297
Юго-восточное здание («южный дворец») на Старокиевской горе		I	? × ? × 2,5 — 3 (в кладке фундаментов)	
Северное здание («восточный дворец») на Старокиевской горе		I	31 × 31 × 2,5 (Каргер 1961: 66; Новое 1981: 174)	

[36] Точная датировка памятников приведена по летописным упоминаниям, приблизительная — на основе принятой архитектурно-типологической датировки.

Памятник, контекст	Датировка	Тип и подтип плинфы	Основной формат (см)	Музейное хранение
София Киевская	Ок. 1037 г.	II	38–39 × 27–29 × 3–3,5	НЗСК СМАА 1992–1998, 2001–2002, 2004, 3886, 4039,
Престол (исследования 1952 г.)		III.1	34–35 x 26–28 x 4,5–5	НЗСК СМКН 3244, 3246–3249 (Аадсм 522, 620, 623–625)
Подпорка аркбутана западной галереи		III.2	34 × 28 × 5–6 (в кладке)	
Апсида крещальни		III.2	34 × 28 × 4–6 (в кладке)	
Закладка оконного проёма в южной стене основного объёма (исследования 2010–2011 гг.)		III.2	29–34 × 27–30 × 5–6 (Коренюк, Остапчук 2013: 112)	НЗСК КП-5274/1-11
Золотые ворота				
Первоначальные кладки	Ок. 1037 г.	II	38 × 26 × 3–4 (в кладке)	
Прикладки в нишах (2 этап)		III.2	34–36 × 28–30 × 4,5–5,5 (НА ИА НАНУ 1973/22д; в кладке)	НЗСК А 9098, А 9091-9092
Неизвестный ремонт		III.4	? × 20 × 4–5 (НЗСК)	НЗСК А-9135, 9143, 9145–9146, 9153
Известковообжигательная печь на ул. Ирининской		?	34–35 × 25 × 3,5–4 33 × 29 × 3,5 (Толочко, Гупало 1975: 22–23)	
Стена Митрополичьей усадьбы	Первая пол. XI в.	II	? × 30 × 3–3,5 (НГМ)	НГМ КП 33677: 21
Георгиевская церковь	Середина XI в.	?	30 × 31 × 3–3,5 (Боровский, Сагайдак 1985: 54)	НЗСК 8684 (?)
Церковь на Митрополичьей усадьбе (ул. Ирининская?)	Середина XI в. (?)	?	?	

Памятник, контекст	Датировка	Тип и подтип плинфы	Основной формат (см)	Музейное хранение
Южная пристройка (исследования 2014 г.)		III.1	? × 28–29 × 3–4,5	НЗСК
Церковь на ул. Владимирской		III.2 (НЗСК)	39 × 27 × 3–3,5 (Раппопорт 1982: 15) 33 × 27 × 4 (НЗСК)	НЗСК СМАА 24/1 (УФАА МА 66)
Михайловский собор Выдубицкого монастыря	1170–1088 гг.			
Основной объём		II	35–37 × 30–31 × 4 (в кладке)	
Нартекс		III.1	34–35 × 28–29 × 4–4,5 (в кладке)	
Склеп в северной пристройке		?	31 × 32 × 3,5–4 (Каргер 1961: 308)	
Успенский собор Киево-Печерского монастыря	1173–1177 гг.	III.1	34–36 × 27–28 × 3,5–4 (Холостенко 1972: 100)	НГОМЗ НГМ КП 33677: 22–23, 27
Придельная церковь Иоанна Предтечи		III.2		НЗСК СМАА А8954
Трапезная (?) Киево-Печерского монастыря	К 1108 г. (?)			
Первоначальные кладки (пилоны)		III.1-2	34–37 × 26–29 × 4–5 (НА ИА НАНУ 1985/29б; Ивакин 2003: 69); 33 × 25,5 × 4 (НЗСК)	НЗСК А 9351, 9353
Первоначальные кладки (внешние стены)		III.3	28–31 × 24–26 × 4–4,5 (НА ИА НАНУ 1985/29б; Ивакин 2003: 69)	
Прикладки к столбам (2 этап)		III.2	34–35 × 27 × 5 (НА ИА НАНУ 1985/29б)	Фонды КПЛ (осмотрена в 2007 г.)

Памятник, контекст	Датировка	Тип и подтип плинфы	Основной формат (см)	Музейное хранение
Внешняя прикладка к восточной стене		III.4	29–30 × 19–21 × 4–5,5 (сведения А. К. Сыромятникова)	НЗСК А 9349, фонды КПЛ (осмотрена в 2007 г.)
Внутренняя прикладка к восточной стене		III.4	25 × 20 × 4,5-5 (Ивакин 2003: 69; НА ИА НАНУ 1985/29б)	
Церковь Спаса в Берестово	Первая четверть XII в.	III.2	33–35 × 27–30 × 4–4,5 (Раппопорт 1982: 23)	
Постройка на Митрополичьей усадьбе (баня)		III.2	33–35 × 26–29 × 4–4,5 (Каргер 1958: 458–461)	НЗСК СМАА 7355–7358, 7372, 7381, 7384, 7387, 7389
Собор Кловского монастыря	К 1108 г.	III.1–2	34 × 29 × 4 (Новое 1981: 218)	
Четырёхкамерная гробница		III.2 (?)	33–34 × 28–29 × 4 (НА ИА НАНУ 1974/28б: 18)	
Гробница у западного фасада		III.3 (?)	29 × 25–26 × 4 (НА ИА НАНУ 1974/28б п. дн.: 37)	
Троицкая надвратная церковь Киево-Печерского монастыря	Ок. 1106	III.2	27–33 × 19–24 × 4 (Раппопорт 1982: 25); 34 × 28 × 4–4,5 (в кладке)	
Собор Дмитриевского монастыря	Вторая пол. XI в.	III.2	32 × 28–28,5 × 3,5–4 (Боровский, Сагайдак 1985: 57)	
Церковь на усадьбе Художественного института	Вторая пол. XI в.	III.2	33–36 × 26–30 × 4–5 (Раппопорт 1982: 18; НЗСК)	НГМ КП 33677: 1,4,6; НЗСК СМАА 8845–8858
Церковь Бориса и Глеба в Вышгороде	1076–1115 гг.	III.2	36 × 27 × 4 (Каргер 1961: 330)	НГМ НВ 20070: 51–55; НЗСК А 17/1.1–7; ВИМ

Памятник, контекст	Датировка	Тип и подтип плинфы	Основной формат (см)	Музейное хранение
Остерская божница	Ок.1098 г. (?)	III.2	33–34 × 27–29 × 4–4,5 (в кладке)	
Собор Михайловского Златоверхого монастыря	1108–1113 гг.	III.2	34–36 × 28–29 × 4–4,5 (Ивакин 2003: 66)	НЗСК СМАА 4040, УФАА МА 39; СМАА 8254–8256; ДІАЗ СК МЗС-97; НГМ КП 33677: 76
Придельная церковь		III.2	34–36 × 27–29 × 4–4,5 (Івакін 1997: 212)	
Церковь Федоровского Вотча монастыря	1128 г.	III.4 (?)	29–30 × 19–20 × 4–5 (НА ИА НАНУ 1985/29а); 27,5–30 × 21–23 × 4,5 (Килиевич, Харламов 1989: 184)	Фонды КПЛ (осмотрена в 2007 г.)
Церковь Успения Богородицы на Подоле (Пирогоща)	1131–1135 гг.			
Кладки стен in situ		III.4	28–29 × 23,5–24 × 4,5–5 (Ивакин 1989)	ДІАЗСК КН 571, 577, 578, 580 (А-14, 20, 21, 23)
Фундаменты, во вторичном использовании (?)		III.2–3	30–33 × 27–29 × 4,5–5 (Ивакин 1989); 32 × 25,5–27 × 5 (ДІАЗСК)	ДІАЗСК КН 579, 581, 582 (А-22, 24, 25)
Георгиевская церковь в Каневе	1144	III.4 (?)	31–32 × 21–23 × 4–5 (Раппопорт 1982: 31)	
Кирилловская церковь	1140-е гг.	III.4	28–32 × 18–22 × 4,5–5,5 (Холостенко 1960: 6–8)	НЗСК УФАА МА №40, СМКП468 (А-8943)

Памятник, контекст	Датировка	Тип и подтип плинфы	Основной формат (см)	Музейное хранение
Конструкции в Ближних пещерах	После 1150 г. (?)	III.4	? × ? × 4–5 (в кладке; см. Мовчан 1994: 156–157)	
Церковь (?) на Волошской ул.		III.4	23 × 18 × 4 (Асеев 1982: 144); ? × 19–20,5 × 4–4,5 (НЗСК)	НЗСК 24/7
Церковь (?) на Андреевской ул.		III.4 (?)	(Івакін, Козубовский 1991: 42)	
Церковь Рождества Богородицы на Подоле		III.4 (?)	31–32 × 20–21 × 5–5,5 (Івакін 1996: 148–151)	
Церковь на Щекавице		?	(Раппопорт 1982: 30)	
Церковь на Юрковской ул.	Вторая пол. XII в.			
Плинфа в кладках in situ		III.4	29–31 × 21–22 × 4–5 26,5–27,5 × 20–20,5 × 4–5 (Сагайдак, Сергеева 2015: 36)	МИК
Плинфа во вторичном употреблении (развал кладок)		III.1 III.2 (?)	33,5–35 × 26,5–29 × 3,5–4,5 (Сагайдак, Сергеева 2015: 37)	
Церковь Апостолов в Белгороде	1197 г.	III.4	27–28 x 19–20 x 3,5–6 (НА ИА НАНУ 1966/35)	Фонды кафедры археологии КГУ
Церковь Богородицы Гнилецкого монастыря (урочище Церковщина)	Конец XII — начало XIII вв.	III.4	27,5–28 × 19–22 × 4,5 (Харламов 1985: 117)	МИК А-994-1005, 1011
Церковь на Вознесенском спуске (церковь Василия на Новом дворе?)	1197 г. (?)	III.4	27–28 × 19–20 × 4,5 (Каргер 1961: 472)	НГМ НВ 20063-99-100

Памятник, контекст	Датировка	Тип и подтип плинфы	Основной формат (см)	Музейное хранение
Киевская ротонда	Конец XII – первая пол. XIII вв.	III.4	29–31 x 20–20,5 x 4–4,5 (Боровський, Толочко 1979: 94) 28–31 × 19–20,5 × 4–4,5 (НА ИА НАНУ, 1976/14) 28–29 × 18,5–23 × 4–5 (МИК)	МИК А 745/33, 90, 151, 168
Стены Киево-Печерского монастыря	Посл. четверть XII в.	III.4	27–28 × 21 × 4 (Асєєв, Богусєвич 1951; Балакін 2009: 46) 26 × 19-22 × 4-4,5 (НЗСК)	НЗСК СМАА 19/1-2
Церковь в Нестеровском переулке		III.4	27–31 × 20,5–21 × 4,5–6 (Толочко, Асеев 1972: 85); 31 × 21 × 4,5 (Новое 1981: 232)	НЗСК СМ 8975
Надвратная церковь Михайловского Златоверхого монастыря	Посл. четверть XII в. (?)	III.4	28–29,5 x 20–21 x 3,5–5,5 (Ивакин 2003: 68)	ДІАЗСК МЗС-97
Церковь Василия в Овруче		III.4	29–33 × 19–20 × 7,5–8,5; 21 × 19 × 4,5 (Раппопорт 1982: 30)	
Церковь в Юрьеве (Белая церковь)		III.4 (?)	26–28 × 19–21 × 3,5–4,5 (Булкин 1991: 24)	

Библиография к таблице

Асєєв Ю. С., Богусєвич В. А. Воєнно-оборонні стіни XII віку у Києво-Печерській лаврі // Вісник Академії архітектури УРСР. — 1951. — № 4. — С. 39–45.

Балакін С. А. Результати археологічних досліджень на території Києво-Печерського заповідника у 2007 р. // Археологічні дослідження в Україні 2006–2007. — К., 2009. — С. 45–47.

Бикова Р. Видубицький монастир // З історії української реставрації. Додаток до щорічника «Архітектурна спадщина України». Київ, 1996. С. 177–185.

Боровский Я. Е., Сагайдак М. А. Археологические исследования Верхнего Киева в 1978–1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. — К., 1985. — С. 38–60.

Боровський Я. Є., Толочко П. П. Київська ротонда // Археологія Києва: Дослідження і матеріали. — К., 1979. — С. 90–103.

Булкин В. А. Древнерусский храм в г. Юрьеве (Белая церковь) // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини. — К., 1991. — С. 24–25.

Ивакин Г. Ю. О церкви Успения Богородицы Пирогощей // Славяне и Киевская Русь. — К., 1989. — С. 168–180.

Івакін Г. Ю., Козубовский Г. А. Дослідження пам'яток XIV–XV ст. на Київському Подолі в 1985–1989 рр. // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини. — С. 42–43.

Івакін Г. Ю. Історичний розвиток Києва XIII — середини XVI ст. — К., 1996.

Івакін Г. Ю. Храм-хрещальня Михайлівського Золотоверхого собору // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. — Чернігів, 1997. — С. 212–214.

Иоаннисян О. М., Ёлшин Д. Д., Зыков П. Л., Ивакин Г. Ю., Козюба В. К., Комар А. В., Лукомский Ю. В. Десятинная церковь в Киеве (предварительные итоги исследований 2005–2007 гг.) // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света [Труды Государственного Эрмитажа, т. XLIX]. — Санкт-Петербург, 2009. — С. 330–366.

Кілієвич С. Р. До питання про будівельну справу в Києві в X ст. // Археологія Києва: Дослідження і матеріали. — С. 11–18.

Килиевич С. Р., Харламов В. А. Исследование храма Вотча Федоровского монастыря XII в. в Киеве // Славяне и Киевская Русь. — К., 1989. — С.180–187.

Коренюк Ю. О., Остапчук А. М. Нові дослідження віконниці у Софії Київській // Храм і люди: Збірка наукових праць до 90-річчя з дня народження Сергія Олександровича Висоцького. — К., 2013. — С. 106–119.

Мовчан І. І. Ближні печери Печерського монастиря в Києві // Старожитності Русі-України. — К., 1994. — С. 153–160.

Новое в археологии Киева / Под ред. П. П. Толочко, Я. Е. Боровского, С. А. Высоцкого. — К., 1981.

Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. — Ленинград, 1982.

Сагайдак М. А., Сергєєва М. С. Невідомий давньоруський храм на Юрківській // Пам'ятки України: Історія та культура. — 2015. — №5/6. — С. 32–41.

Толочко П. П., Асеев Ю. С. Новый памятник архитектуры древнего Киева // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. — Москва, 1972. — С. 80–87.

Толочко П. П., Гупало К. М. Розкопки Києва у 1969–1970 рр. // Стародавній Київ. — К., 1975. — С. 5–27.

Харламов В. А. Исследования каменной монументальной архитектуры Киева X–XIII вв. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. — К., 1985. — С. 106–120.

Холостенко М. В. Успенський собор Печерського монастиря // Стародавній Київ. — С. 107–170.

Холостенко Н. В. Новые данные о Кирилловской церкви в Киеве // Памятники культуры: Исследование и реставрация. — Т. 2. — Москва, 1960. — С. 5–19.

Холостенко Н. В. Ильинская церковь в Чернигове по исследованиям 1964–1965 годов // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. — С. 88–99.

Архивные источники к таблице:

НА ИА НАНУ. 1966/35. Мезенцева Г. Г. Звіт про роботу Білгородської археологічної експедиції Київського ордена Леніна держуніверситету ім. Т. Г. Шевченка в 1966 р.

НА ИА НАНУ. 1973/22д. Высоцкий С. А. Отчет об археологическом исследовании памятника архитектуры Золотых ворот в г. Киеве 1973 г.

НА ИА НАНУ. 1974/28б. Мовчан И. И., Харламов В. А. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях Кловского монастыря в Киеве в 1974 г.

НА ИА НАНУ. 1976/14. Боровський Я. Є., Толочко П. П. Звіт про археологічні дослідження Київської ротонди XII–XIII ст. в 1976 р.

НА ИА НАНУ. 1985/29а. Килиевич С. Р., Харламов В. А. Отчет о раскопках Старокиевского отряда Киевской археологической экспедиции Института археологии АН УССР храма Федоровского монастыря XII в. (ул. Владимирская 7–9).

НА ИА НАНУ. 1985/29б. Харламов В. А. Отчет о работах архитектурно-археологического отряда об археологических исследованиях памятника древнерусской архитектуры нач. XII в. Трапезной Киево-Печерского монастыря, проведенных в 1985 г.

Приложение 2

Дополнительные типы плинфы памятников киевского зодчества X–XIII веков

А) Сырец, использованный в кирпичеобжигательных печах к северу от Десятинной церкви (НЗСК СМАА 8221–8222, 8246, 8248–8250; НМИУ в-8 5787–5793, 5798, 5800, 5804–5805 и др.). Отличается большой примесью органической добавки (соломы, половы) в тесте красного цвета, формовка в неразборной форме. С. Р. Килиевич приводит размеры 28 × 25–27 × 6,5–7 см и 39–40 × 28 × 6,5–7 см[37]. Большая толщина кирпича (до 8 см) и находки поздней керамики были аргументами для Ф. Н. Молчановского и М. К. Каргера, которые датировали эти печи XVII–XIX вв., хотя для этого времени неизвестны случаи употребления кирпича столь крупного формата[38]. С. Р. Килиевич связывала печи со строительством Десятинной церкви и датировала их X в. на основании найденного ей в печи спёкшегося блока из плинфы толщиной 2,5 см, хотя никаких его чертежей и фотографий в полевую документацию включено не было[39]. Фрагменты похожих неравномерно обожжённых сырцов размерами 38 × 26 × 9 см с примесью соломы были выявлены и в кладке располагавшейся поблизости конструкции, являющейся частью комплекса «дворца княгини Ольги» (вероятно, во вторичном использовании)[40]. Датировка этого материала остаётся дискуссионной.

Б) Малоформатная (30 × 25 × 2 см) плинфа из каолиновых глин без крупных включений (НМИУ Вд 3357, в-8 5945, 6125, 6152–6153). Близкий формат (28 × 24 × 2,5) имела плинфа в блоке в кирпичеобжигательной печи (см. выше). На одной из постелистых сторон плинфы обычно прочерчены борозды, чаще всего в виде косого креста[41]. Найдена в небольшом количестве в культурном слое усадьбы Десятинной церкви, но особенности формовки отличают её от плинфы типов I и II. Отсутствие конструкций с такой плинфой in situ не позволяет окончательно решить вопрос о датировке типа.

---

37 Кілієвич С. Р. До питання про будівельну справу в Києві в X ст. // Археологія Києва: Дослідження і матеріали. — К., 1979. –С. 12.

38 Каргер М. К. Древний Киев... — Т. 2. — С. 48–49. Отождествление М. К. Каргером кирпича печей с кирпичом капеллы Петра Могилы (а на самом деле плинфой ремонта XII в.) неверно. Тем не менее, поздняя датировка печей имеет ряд аргументов, см.: Чміль Л. Гончарні горни на Старокиївській горі: до постановки проблеми // Opus Mixtum. — 2014. — № 2. — С. 154–163.

39 Кілієвич С. Р. До питання про будівельну справу... — С. 12–13.

40 Харламов В. А. Исследования каменной монументальной архитектуры Киева X–XIII вв. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. — К., 1985. — С. 108.

41 Холостенко М. В. З історії зодчества Древньої Русі X ст. // Археологія. — 1965. — Т. XIX. — С. 80.

В) Узкая плинфа (30 × 15 × 2,5–3 см; несколько десятков экземпляров: ГЭ ЭРА 5-316; НГМ КП 33677-14, 16, 17; НМИУ в-4932). Формовка плинфы близка типу II (разборная форма с дном). Некоторые образцы имеют на нижней постелистой стороне рельефные знаки в виде трезубцев князя Владимира или трикветров[42]. Отсутствие конструкций с плинфой этого типа in situ не позволяет окончательно решить вопрос о датировке типа[43].

Г) Плинфа, аналогичная по формовке и характеру керамического теста плинфе Переяславля Южного конца XI — начала XII вв.[44] Толщина 3,5–4 см. Выявлена в количестве нескольких экземпляров в мешаном слое при раскопках усадьбы Десятинной церкви (Г. Ю. Ивакин, 2005–2011 гг.). Плинфа, скорее всего, изготовлена в Переяславле и привезена в Киев.

Д) Плинфа с чётким торцевым рельефным знаком (1 экз.: НЗСК КН 6379). Толщина 4,5 см. Найдена при раскопках в усадьбе Софийского собора (Г. Ю. Ивакин, Т. А. Бобровский, 2013 г.). Нижняя постель грубая, верхняя — гладкая, без следов. На торце со знаком отчётливые продольные следы волокон разборной деревянной формы. Тесто тёмно-оранжевое. Датировка в пределах конца XI–XII вв.

Е) Малоформатная (29–32 × 24–26,5 × 4 см) плинфа в ремонте «трапезной» Печерского монастыря (несколько десятков экземпляров), встречается в прикладках внутренних проёмов, сложенных в порядовой технике кладки[45]. Тесто без крупных включений, жёлто-серого и красноватого цветов. Верхняя постель носит следы кругового заглаживания рукой и начерченные пальцем метки, на торцах продольные следы волокон разборной деревянной формы, рельефные лигатуровидные знаки и надписи. Плинфа либо изготовлена в Чернигове, либо — в Киеве черниговскими плинфоделами.

Ж) Малоформатная (26–29 × 20–22 × 5 см) плинфа в ремонте барабана Успенского собора Печерского монастыря. Имеет на торцах рельефные знаки в виде литер «Н», «П», «М», «В», «Х» и др. Сформована в разборной форме. Датирована Н. В. Холостенко XII — началом XIII вв.[46]

---

42 Івакін Г. Ю., Іоаннісян О. М., Йолшин Д. Д. Архітектурно-археологічні дослідження церкви Богородиці Десятинної в Києві у 2008–2011 рр. // Слов'яни і Русь: археологія та історія: Збірка праць на пошану П. П. Толочка з нагоди його 75-річчя. — К., 2013. — С. 80, 83.

43 Ёлшин Д. Д. Княжеские знаки Владимира на кирпичах Десятинной церкви в Киеве // Семинар «Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина» (Государственный Эрмитаж): Заседание 18 января 2012 г. — Санкт-Петербург, 2012. — С. 24–29.

44 Ёлшин Д. Д. Плинфа Переяславля Русского... — С. 211–217.

45 Ивакин Г. Ю. О строительных материалах... — С. 69; сведения А. К. Сыромятникова.

46 Холостенко М. В. Успенський собор Печерського монастиря... — С. 122–124; Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. — Ленинград, 1982. — С. 25.

3) Малоформатная (25,5 × 18 × 5 см) плинфа из раскопок жилища № 2 (XIII в.) по адресу Большая Житомирская ул., 2а (И. И. Мовчан, 2002 г.; НФ ИА НАНУ, колл. № 1213). Керамическое тесто плинфы красно-розовое с включениями окатанной гальки и бордового шамота размером до 0,5 см. На торцах отпечатки разборной деревянной формы, закраины с обеих сторон, обе постели имеют ровные следы заглаживания, на поверхностях мелкопесчаная обсыпка. На торцах трапециевидных плинф аналогичных характеристик из этого комплекса имеются слабые рельефные знаки в виде пятиконечных звёзд[47].

---

47 НА ИА НАНУ. 2002/84. Мовчан І. І., Гончар В. М., Івлев М. М., Козловський А. О. Звіт про археологічні дослідження по вул. Велика Житомирська, 2.

В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова

Особенности древнерусской модели кузнечного производства

Кузнечное ремесло, как одна из ведущих отраслей древней экономики, не может не привлекать внимания исследователей. Возможности изучения различных аспектов истории чёрной металлургии значительно расширились с внедрением в науку методов археометаллографии. Их применение позволило превратить кузнечные артефакты в полноценный исторический источник. Переходя последовательно от реконструкции технологии изготовления конкретного изделия к обобщению аналитических данных по массовым сериям артефактов в пределах определённой этнокультурной общности, исследователь получает представление о характерных чертах ремесленного производства, сложившихся производственных традициях, на фоне которых отчётливо проявляются возможные инновации. Это, в свою очередь, даёт возможность на основе сравнительного анализа проследить направление культурно-исторических связей в производственной сфере.

Позитивные результаты применения метода археометаллографии впервые были продемонстрированы на примере древнерусского ремесла[1]. В частности, на материалах Новгорода был сделан вывод о высоком уровне железообработки, основанном на широком применении сложных сварных схем, о технологических изменениях в кузнечном ремесле в хронологическом плане[2].

Новое научное направление, созданное Б. А. Колчиным, продолжают развивать и совершенствовать его ученики и последователи. В результате этих работ значительно расширилась база археометаллографических данных по материалам многих древнерусских городов[3].

---

[1] Колчин Б. А. Чёрная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период). — Москва, 1953. — 260 с. [МИА, № 32]; Его же. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. — Т. II. — Москва, 1959. — С. 7–122 [МИА, № 65].

[2] Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — С. 54.

[3] Вознесенская Г. А. Технология изготовления кузнечных изделий в древнем Пскове // Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991): Материалы и исследования. — Т. 1. — Псков, 1996; Вознесенская Г. А., Коваленко В. П. О технике кузнечного производства в городах Чер-

В настоящее время при изучении древнего чёрного металла большое внимание уделяется совершенствованию методики, позволяющей обратиться к проблемам изучения такой сложной системы, как производственная культура[4]. Получению наиболее адекватного представления о производственной культуре способствует построение и исследование моделей технологического развития. Под последним понимается совокупность трёх взаимозависимых составляющих, таких, как технико-технологический стереотип, производственные традиции и инокультурные воздействия. Технико-технологический стереотип включает определённый набор и соотношение признаков, характеризующих материал, категориальный состав, приёмы и способы изготовления изделий в конкретной археологической культуре. Технико-технологический стереотип в кузнечном производстве представляет устойчивый элемент культуры. Его закрепление и передача из поколения в поколение на протяжении длительного времени составляют суть производственных традиций. Таким образом, модель производственной культуры подразумевает две составные части: производственный процесс и взаимодействие участников этого процесса.

Разработанная нами методика позволила выявить целый ряд технологических моделей в истории кузнечного ремесла[5]. На основании археометаллографических данных установлено, что на территории Восточной Европы существовало несколько моделей кузнечного производства, которые мы

нигово-Северской земли // Земли Южной Руси. — К., 1985. — С. 95–118; Завьялов В. И., Терехова Н. Н. Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. — М., 2013. — 272 с.; Розанова Л. С., Завьялов В. И. Кузнечное ремесло Новгорода Великого: 50 лет исследований // Новгородский археологический сборник — 2. — Великий Новгород, 2004. — С. 160–163; Гурин М. Ф. Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX–XIII вв. Минск, 1987. — 151 с.; Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачёва М. М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. — Москва, 1997. — 318 с.; Толмачёва М. М. Технология кузнечного ремесла Старой Рязани // СА. — 1983. — № 1. — С. 245–258; Хомутова Л. С. Техника кузнечного ремесла в древнерусском городе Серенске // Там же. — 1973. — № 2. — С. 216–225; Rozanova L. S., Sedova M. V. The Art of Metal Working in the Ancient City of Suzdal // The Crafts of the Blacksmith. — Belfast, 1984. — P. 101–104.

4 Завьялов В. И., Терехова Н. Н. Модели технологического развития в производственной культуре народов Восточной Европы // КСИА. — Вып. 233. — 2014. — С. 187–192; Их же. Чёрный металл в производственной культуре древних народов // Естественнонаучные методы исследований и парадигма современной археологии. — Москва, 2015. — С. 126–130.

5 Завьялов В. И., Терехова Н. Н. Модели технологического развития кузнечного производства у финно-угров в эпоху средневековья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. — Вып. VI. — Пермь, 2009. — С. 55–61; Их же. Две модели становления железообрабатывающего ремесла в финно-угорском мире // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России. — Рязань, 2010. — С. 125–129; Их же. Модели технологического развития в производственной культуре народов Восточной Европы // КСИА. — Вып. 233. — 2014. — С. 187–192.

определяем, как «*архаичная*», «*консервативная*» и «*прогрессивная*». Для первой модели характерно отсутствие динамики в развитии техники на протяжении длительного периода. Производство не воспринимает инновационные воздействия. В отличие от «*архаичной*», «*консервативная*» модель открыта для технологических инноваций. Однако полученный импульс консервируется в местной производственной среде и не получает дальнейшего развития. «*Прогрессивная*» модель характеризуется динамичным производством, внедряет и развивает инновационные технологии.

Как свидетельствуют полученные нами данные, в формировании древнерусской модели огромную роль сыграли технологические инновации, воспринятые и трансформированные древнерусскими кузнецами. Установлено, что в IX–XI вв. на территории Древней Руси в кузнечном ремесле распространяется инновационная технология так называемого трёхслойного пакета. Суть этой технологии заключается в сварке трёх полос металла: двух железных и стальной между ними с выходом последней на режущую кромку. При заточке такого орудия на лезвие всегда выходила сталь, что способствовало длительной эксплуатации изделия. Сложность подобной технологии заключалась в трудности сварки двух разных сортов металла (высокоуглеродистой стали и железа), для чего требовалось соблюдения температурного режима в узком диапазоне. Это, в свою очередь, подразумевало длительный опыт работы в данном направлении. Благодаря накоплению археометаллографических данных удалось доказать, что своими корнями технология трёхслойного пакета восходит к скандинавским традициям[6]. Главенствующую роль она начинает играть в последней четверти I тыс. н. э., когда изделия, изготовленные в этой технологии (прежде всего ножи), становятся массовым явлением в Северной, а позднее и в Восточной Европе. Появление и распространение вещей, изготовленных по технологии трёхслойного пакета, напрямую связано с функционированием Балтийско-Волжского пути, активизировавшего торговые связи скандинавов и местного населения. В предшествующий период на территории Восточной Европы подобная технология не была известна[7].

Анализ археометаллографических данных позволил определить, как и в каких формах происходило распространение новой технологии. В результате был сделан вывод о том, что на территории Восточной Европы технология трёхслойного пакета представлена двумя основными вариантами, которые мы обозначаем как *североевропейский* и *восточноевропейский*[8]. Отличитель-

---

[6] Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. — Москва, 2012. — 376 с.

[7] Там же. — С. 255–256.

[8] Там же. — С. 18.

ной чертой первого варианта является использование для боковых полос фосфористого железа, а для центральной полосы — высокоуглеродистой стали. Именно такие орудия представлены среди материалов из скандинавских поселений вендельского периода[9]. При изготовлении трёхслойных ножей по *восточноевропейскому* варианту наблюдаются определённые отступления от стандарта: это использование или обычного железа, или сырцовой стали, или сварка пакета из однородного материала. Изделия североевропейского варианта представляют либо импорт, либо продукцию мастеров, работавших в скандинавских производственных традициях, в то время как восточноевропейский вариант являлся попыткой местных мастеров освоить новую технологию[10].

Однако скандинавский технологический импульс не стал основой дальнейшего развития древнерусского кузнечного ремесла. Уже в XII в. отмечена смена технологических приоритетов. В это время в производственной сфере на территории Древней Руси происходят резкие изменения, связанные с общим экономическим подъёмом древнерусского государства (рост городов, расширение рынка сбыта продукции городского ремесла).

В кузнечном ремесле формируется новый технико-технологический стереотип. Технология трёхслойного пакета сменяется технологией наварки[11]. Применение наварки демонстрирует принципиально иной подход к конструированию технологической схемы. Наварная технология позволяла экономить дорогостоящую сталь, была универсальна — она использовалась на всех видах качественных изделий.

Происхождение этой технологической схемы исследователи связывают с кельтским миром, где зафиксированы самые ранние орудия с наварным лезвием[12]. В VII–VIII вв. наварная технология была широко распространена в Великой Моравии и на славянских памятниках междуречья Вислы и Одера[13]. В это же время единичные изделия, выполненные в наварной технологии,

---

9 Modin S., Pleiner R. The metallographic examinations of lock, keys and tools // Excavations at Helgö. — Vol. 1. — Stockholm, 1978. — P. 102–103.

10 Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. — С. 250.

11 Впервые этот факт на примере новгородского ремесла отметил Б. А. Колчин (см.: Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — С. 54).

12 Pleiner R. Iron in Archaeology: The European Bloomery Smelters. — Praha, 2006. — P. 209.

13 Piaskowski J. Untersuchungen der Fruh-Mittelalterlichen Eisen- und Stahltechnologie der Slaven in der Gebieten zwischen Weichsel und der Oder // Archeologia Polona. — XV. — 1974. — S. 83–94; Pleiner R. Die Technologie des Schmiedes in der Gross marischen Kultur // Slovenska archeologia. — XV-1. — Bratislava, 1967. — S. 93, 138.

появляются на восточнославянских памятниках[14]. Позднее, начиная с X в., технология наварки постепенно распространяется на территории Древней Руси: в X в. она известна в Новгороде, в XI в. — в Суздале, а в XII–XIII вв. становится ведущей технологией городских древнерусских ремесленников. Таким образом, именно технология наварки определила основное направление развития древнерусского железообрабатывающего производства на протяжении нескольких последующих столетий.

Ещё один рубеж в развитии русского кузнечества, связанный с изменением технико-технологического стереотипа, фиксируется в XVI–XVII вв. — время формирования единого общероссийского рынка. Среди кузнечной продукции начинают преобладать изделия, изготовленные целиком из стали. Это связано прежде всего с качественными изменениями в производстве чёрного металла — переходе к целенаправленному получению стали металлургическим способом. Использование подобного материала позволяло изготавливать добротную продукцию с наименьшими затратами, что соответствовало возросшим потребностям в товарах кузнечного ремесла. При этом традиция применения более сложных наварных технологий сохраняется[15].

Таким образом, неоднократная смена технико-технологических стереотипов, последовательное динамичное развитие производства, отвечающие экономическим запросам общества, позволяет рассматривать древнерусскую технологическую модель как *«прогрессивную»*.

Показательно, что даже в период татаро-монгольского ига (XIII–XV вв.) древнерусская модель не претерпевает негативных изменений. Сложившаяся в домонгольское время устойчивая структура древнерусского ремесла позволила сохранить и в условиях разрушения многих политических структур и экономических связей устойчивость и преемственность традиций[16].

---

[14] Вознесенская Г. А. Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тыс. н. э. // Древняя Русь и славяне . — Москва, 1978. — С. 64; Вознесенська Г. О., Недопако Д. П., Паньков С. В. Чорна металургія та металообробка населення східноєвропейського лісостепу за доби ранніх слов'ян і Київської Русі. — К., 1996. — С. 59; Розанова Л. С., Терехова Н. Н., Рябинин Е. А., Щеглова О. А. Металлографическое исследование железных изделий Любшанского городища // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. — Вып. 2. — Санкт-Петербург, 2008. — С. 41.

[15] Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. — Москва, 2007. — С. 154, 157.

[16] Там же. — С. 156.

П. Л. Зыков

Материалы к реконструкции Десятинной церкви в Киеве на основании археологических исследований

На протяжении 2005–2011 гг. киевская экспедиция Института археологии Национальной академии наук Украины под руководством Глеба Юрьевича Ивакина осуществила большой цикл исследований Десятинной церкви. Благодаря его усилиям была организована группа специалистов, проведшая как археологические раскопки, во время которых был вскрыт полностью объём древнего храма, так и обширный цикл камеральных исследований по изучению выявленных архивных материалов, связанных с проведёнными ранее археологическими изысканиями этого уникального памятника древнерусской архитектуры. Комплексный подход позволил, обобщив накопленный за почти 200-летний опыт изучения Десятинной церкви[1] и дополнив его результатами новых исследований, сформировать более полное представление о храме, а также ещё раз обратится к вопросу реконструкции внешнего облика этого ключевого для истории древнерусского зодчества памятника архитектуры[2].

---

[1] *Грибанова Н.* «Втрачене» джерело про археологічні дослідження 1908–1914 рр. // Церква Богородиці Десятинна в Києві. — К., 1996. — С. 24–28; *Козюба В.* Дослідження садиби Десятинної церкви у Києві в 1908–1914 рр. (за матеріалами щоденників Д. В. Мілєєва) // Ruthenica. — Т. IV. — К., 2005. — С. 169–214; *Ёлшин Д. Д.* Императорская археологическая комиссия и раскопки в Киеве 1908–1914 гг. // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания: У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. — Санкт-Петербург, 2009. — С. 909–937; *Каргер М. К.* Древний Киев. — Т. 2. — Москва; Ленинград, 1961. — С. 36–49; *Асєєв Ю. С.* Архитектура Древнего Киева. — К., 1982. — С. 28–35; *Його ж.* Дослідження архітектури Десятинної церкви // Церква Богородиці Десятинна в Києві. — К., 1996. — С. 29–31; *Ёлшин Д. Д.* К вопросу о реконструкции Десятинной церкви в Киеве // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Гали Фёдоровны Корзухиной. — Санкт-Петербург, 2010. — С. 363–370.

[2] Любая реконструкция архитектурного сооружения всегда подразумевает определённый элемент гипотетичности. В случае с Десятинной церковью в Киеве, исходя из её плохой сохранности, несмотря на обоснованность отдельных предположений, сохраняется многообразие возможных трактовок как отдельных элементов, так и композиции в целом. Поэтому в данной публикации не используется встречающийся в последнее время термин «гипотетическая реконструкция».

Значимость Десятинной церкви для древнерусской архитектуры, несмотря на плохую сохранность её остатков, ставила перед исследователями задачу реконструировать первоначальный облик и планово-пространственную композицию. Различные варианты решения данной задачи предприняты в работах М. К. Каргера[3], Г. Ф. Корзухиной[4], Ю. С. Асеева[5], Н. В. Холостенко[6], Г. Н. Логвина[7], А. В. Реутова[8]. Основные позиции исследователей по проблеме реконструкции Десятинной церкви были рассмотрены Ю. С. Асеевым[9] и впоследствии проанализированы Д. Д. Ёлшиным[10] (илл. 1).

Общая черта этих реконструкций проистекает из интерпретации М. К. Каргером материалов раскопок 1938–1939 гг. (илл. 1, 2), который вычленил центральное ядро церкви как «трёхнефное здание с тремя апсидами с восточной стороны. Судя по наличию трёх поперечных ленточных фундаментов, здание имело три пары столбов. Расстояние между двумя парами восточных столбов равно ширине среднего нефа. Эти столбы явно образуют подкупольный квадрат»[11]. На основании этого заключения исследователи в своих реконструкциях представляли наос Десятинной церкви как «трёхапсидное шестистолпное здание»[12]. М. К. Каргер был практически уверен, что «план здания [...] свидетельствует, прежде всего, о разновременности отдельных частей постройки»[13], что позволило исследователям для реконструкции первоначального облика Десятинной церкви использовать не все участки фундаментов, основываясь на том, что они не входили в состав первоначального замысла зодчих.

В основу предлагаемой реконструкции Десятинной церкви положен сводный план раскопок 2005–2011 гг. и материалов Д. В. Милеева и М. К. Каргера, выполненный Д. Д. Ёлшиным в ходе последних исследований храма и любезно предоставленный им для этой работы (илл. 3)[14].

---

3 *Каргер М. К.* Древний Киев. — Т. 2. — С. 49–59.

4 *Корзухина Г. Ф.* К реконструкции Десятинной церкви в Киеве // СА. — 1957. — № 2. — С. 78–90.

5 *Асєєв Ю. С.* Дослідження архітектури Десятинної церкви. — С. 30.

6 *Холостенко М. В.* З історії зодчества Древньої Русі X ст. // Археология. — Т. XIX. — 1965. — С. 68–85.

7 *Логвин Г. Н.* Новые исследования древнерусской архитектуры // Строительство и архитектура. — № 8. — К., 1978. — С. 31.

8 *Реутов А. В.* До проблеми реконструкції Десятинної церкви // Церква Богородиці Десятинна в Києві. — К., 1996. — С. 32–34.

9 *Асєєв Ю. С.* Дослідження архітектури Десятинної церкви // Там само. — С. 30.

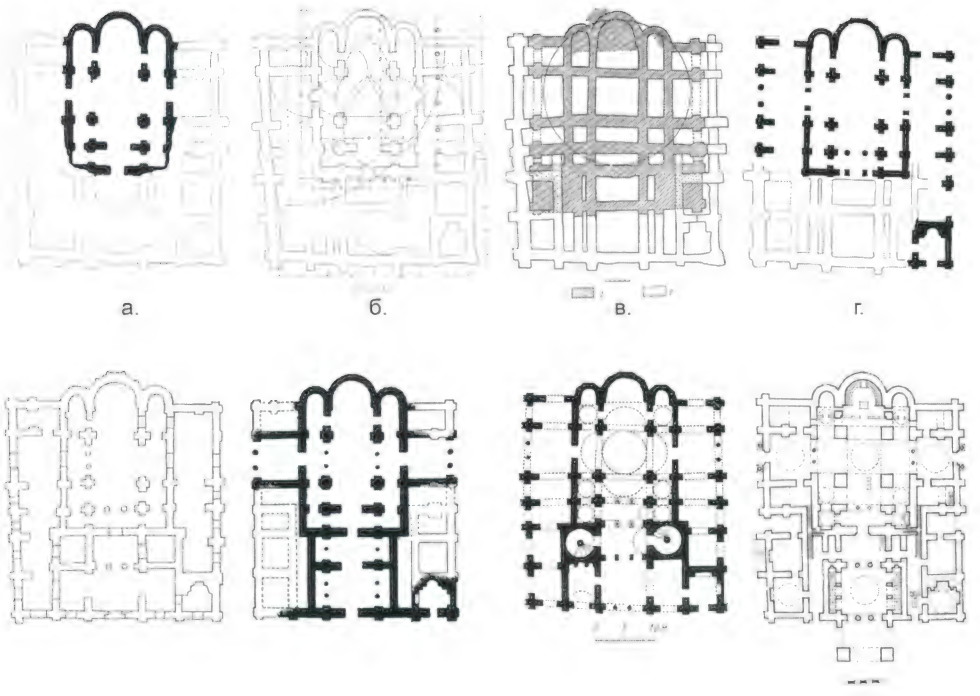
10 *Ёлшин Д. Д.* К вопросу о реконструкции Десятинной церкви в Киеве. — С. 363–370.

11 *Каргер М. К.* Древний Киев. — Т. 2. — С. 36–37.

12 Там же. — С. 37.

13 Там же. — С. 36.

14 В нашей статье приведён вариант плана, опубликованный в: *Ивакин Г. Ю., Иоаннисян О. М., Ёлшин Д. Д.* Архитектурно-археологические исследования Десятинной церкви в Киеве в 2008–

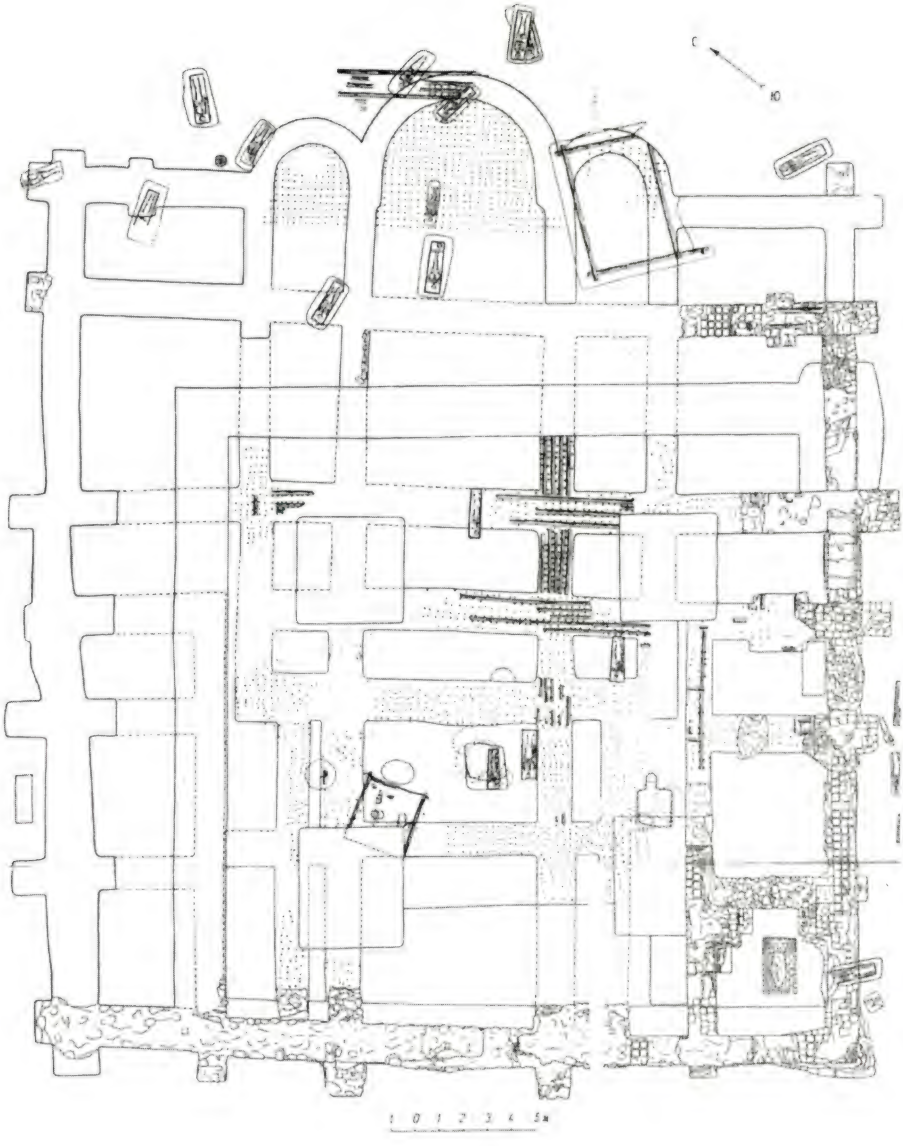


Илл. 1. Десятинная церковь. Варианты реконструкции плана (*Ёлшин Д. Д.* К вопросу о реконструкции Десятинной церкви в Киеве // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной. СПб., 2010. Рис. 1)

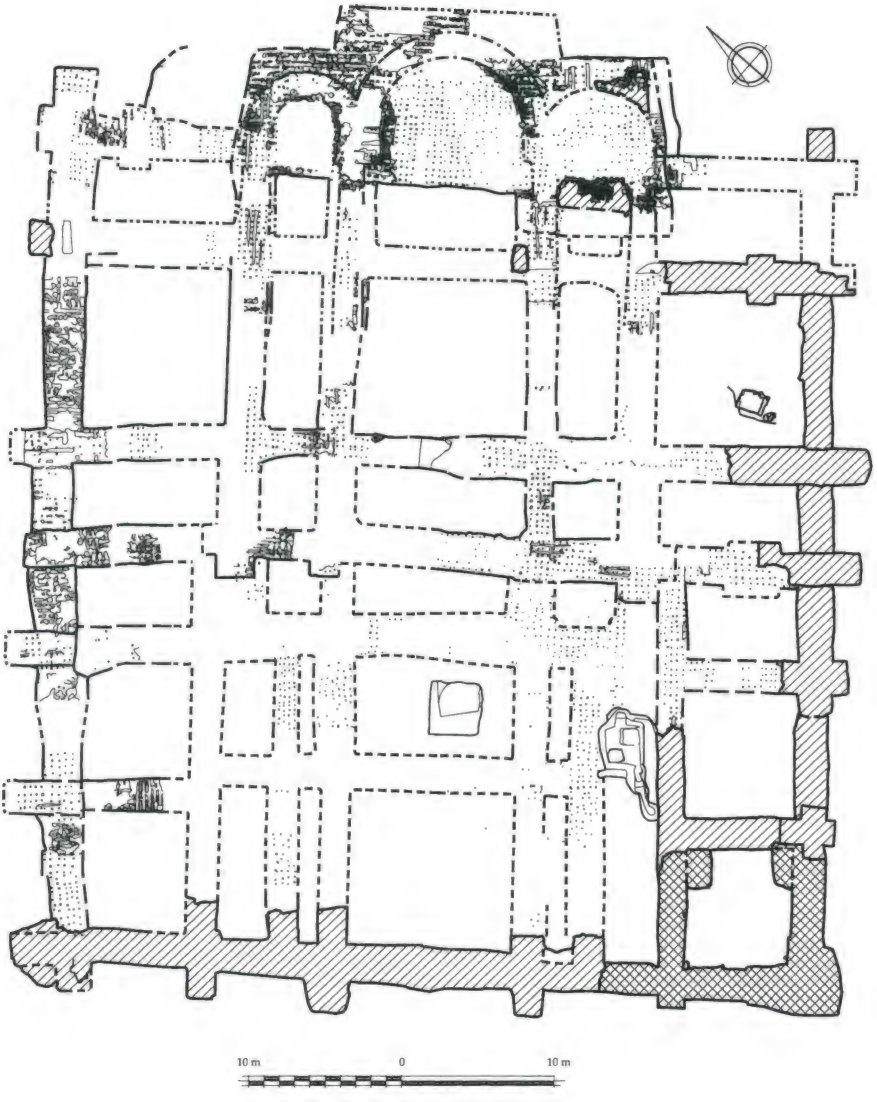
а) Реконструкция М. К. Каргера
б) Реконструкция К. Н. Афанасьева
в) Реконструкция Г. Ф. Корзухиной
г) Реконструкция П. А. Раппопорта
д) Реконструкция Ю. С. Асеева
е) Реконструкция Н. В. Холостенко
ж) Реконструкция Г. Н. Логвина
з) Реконструкция А. В. Реутова

Исследования 2005–2011 гг. установили, что Десятинная церковь была возведена в рамках единого строительного процесса и представляла собой сложную структуру компартиментов, объединённых в единый комплекс, который в более позднее время подвергался перестройкам. В ходе ар-

2009 годах // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LIII: Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. — Санкт-Петербург, 2010. — С. 379.



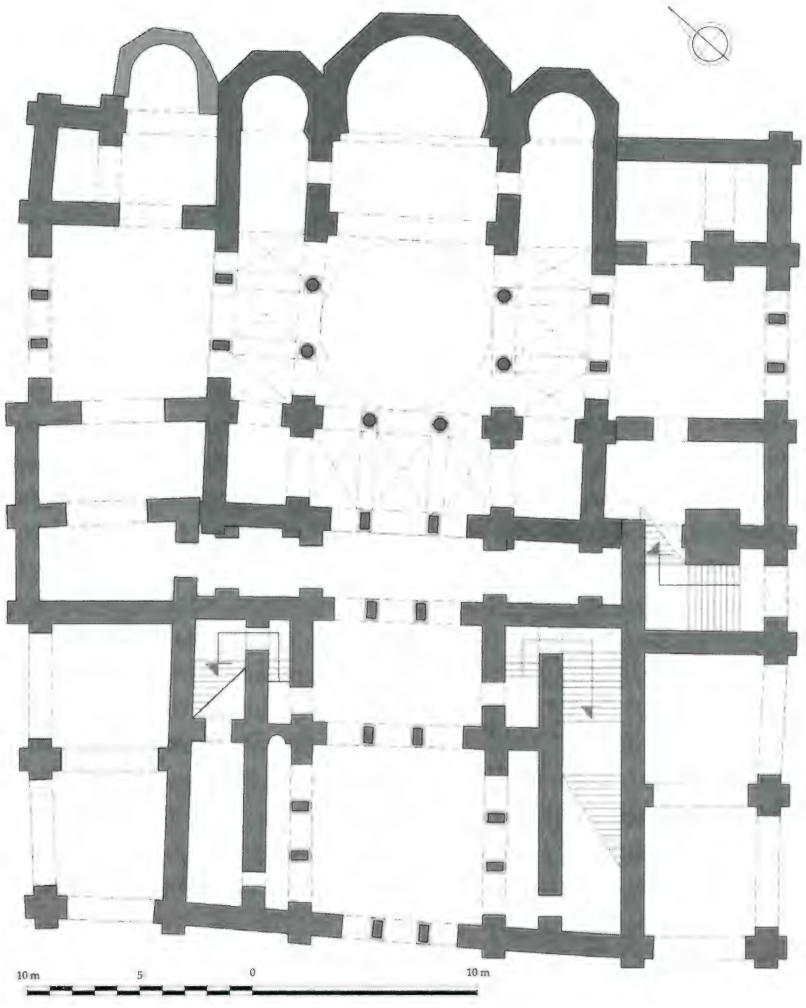
Илл. 2. Десятинная церковь. План. Чертеж М. К. Каргера выполненный на основе совмещения раскопок Д. В. Милеева (1908–1911 гг.) и раскопок 1938–1939 гг. (*Ивакин Г. Ю., Иоаннисян О. М.* Десятинная церковь в Киеве: «старый взгляд» в новом освещении (предварительные результаты исследований 2005–2007 гг.) // Archeologia abrahamica: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009. Рис. 3)



Илл. 3. Десятинная церковь. Сводный план раскопок 2005–2011 гг.
(*Г. Ю. Ивакин, О. М. Иоаннисян, Д. Д. Ёлшин.* Архитектурно-археологические исследования Десятинной церкви в Киеве в 2008–2009 годах // Труды Государственного Эрмитажа. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. СПб. 2010)

хеологических раскопок удалось выявить в основаниях фундаментных рвов границы между различными частями здания, что, с одной стороны, позволило установить объёмы, из которых древние зодчие составляли ансамбль Десятинной церкви, а с другой стороны — последовательность возведения фундаментов комплекса. Надо отметить, что в процессе строительства в объёмно-пространственные решения храма были внесены некоторые изменения, что потребовало разборки некоторых уже готовых частей сооружения.

Исследования показали, что основное ядро Десятинной церкви представляло собой четырёхстолпный трёхнефный объём (илл. 4). Его план

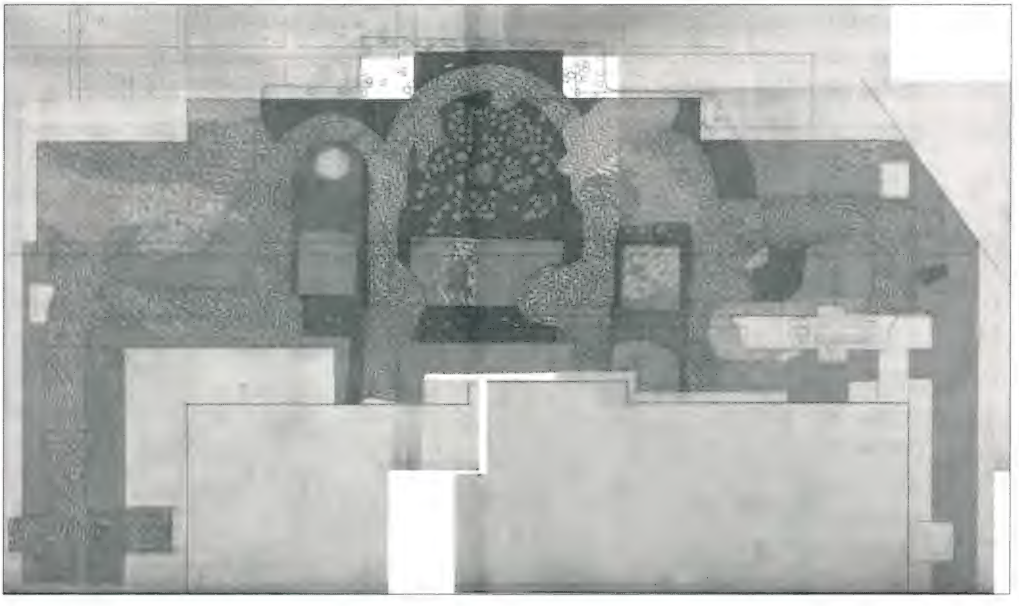


Илл. 4. План Десятинной церкви (реконструкция П. Зыкова)

близок к квадрату и имеет размеры по наружным стенам в продольном направлении — 17,80 м, а в поперечном — от 17,60 до 18,10 м. С восточной стороны к наосу примыкали три апсиды, наружная поверхность которых, вероятнее всего, была гранёной, а внутренняя на уровне фундаментов имеет слабовыраженную подковообразную форму. Определённую сложность представляет реконструкция внутреннего пространства наоса храма. Положение западной пары столбов можно довольно уверенно реконструировать на пересечении продольных лент фундаментов с западной поперечной лентой. Расположение восточных опор подкупольного пространства до исследований 2005–2011 гг. оставалось неопределённым. При исследованиях Д. В. Милеева было установлено, что ширина фундаментов в восточной части храма составляла всего 1,10 м и почти равна толщине стен, зафиксированных в юго-западных частях Десятинной церкви. Поперечный фундаментный ров на месте предполагаемых восточных опор подкупольного квадрата, как показали работы В. Д. Милеева, при возведении церкви был выкопан, но в нём не был устроен фундамент (илл. 5).

После публикации плана храма М. К. Каргером в силу различных субъективных обстоятельств стал восприниматься как часть выполненных в натуре фундаментных конструкций здания. Отсутствие кладки этой ленты фундамента вызвало споры относительно возможной конструктивной схемы и планово-пространственной композиции Десятинной церкви[15]. При археологических исследованиях в 2011 г. на этом участке был выявлен сохранившийся фрагмент подошвы фундамента с выступом в центральный неф, который образовывал пилястру. Это открытие позволило определить первоначальное расположение восточной пары столбов и реконструировать подкупольный квадрат наоса, который в плане имел форму трапеции, незначительно расширяющейся к западу. Его размеры по линии восточных столбов составляли 7,40 м, у западных столбов — 7,85 м, а в центральных осях, в продольном и поперечном направлениях, — 7,65 м. На основании расположения подкупольного квадрата удалось уточнить габариты боковых нефов: ширина северного колеблется от 2,75 до 3,05 м, южного нефа составляет ок. 3,3 м. Пространство между восточной парой подкупольных опор и апсидами имело длину 3,6 м, то есть чуть больше ширины боковых нефов. Подобное взаиморасположение восточных подкупольных столбов и апсид позволяет реконструировать восточную часть наоса без развитой вимы, по аналогии с церковью Св. Фёклы (мечеть Мустафы-паши) в Константинополе, католи-

[15] Основные позиции этой полемики рассмотрены: *Ёлшин Д. Д.* Архитектурный тип Десятинной церкви в Киеве: Историография проблемы // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. LIII. — С. 349–360.



Илл. 5. Десятинная церковь. План раскопа восточной части.
Чертеж Д. В. Милеева *Иоаннисян О. М.* О происхождении мастеров Десятинной церкви: Константинополь или Балканы // ТГЭ LI. Византия в контексте мировой культуры. Илл. 22.

коном монастыря Великой лавры на Афоне, а также храмом Георгия в Манганах по реконструкции Е. Мамбури[16].

Объёмная композиция наоса Десятинной церкви нам представляется следующая: к подкупольному пространству храма примыкал продольный центральный неф, перекрытый сводом в продольном направлении и фланкированный по углам компартиментами со сложной конфигурацией сводов (илл. 6). Наличие пилястр в восточной части центрального нефа позволяет говорить о том, что купол опирался не на своды рукавов креста, а на подпружные арки и все подкупольные опоры должны были иметь пилястры по своим осям.

Свод восточной части центрального нефа имел продольное направление и, вероятно, опирался на продольные участки стен. В западной части центрального нефа свод должен был иметь продольное направление и для того, чтобы его опереть, с западной пары столбов на западную стену наоса должны были быть перекинуты арки, а столбы в этом случае имели креповки под пилястры.

---

16 *Demangel R., Mamboury E.* Le quartier des Manganes et la première region de Constantinople. — Paris, 1939. — P.19–37, tabl. V.

Илл. 6. Десятинная церковь. Реконструкция наоса. Вариант с П-образными хорами. Аксонометрический разрез (реконструкция П. Зыкова)

Боковые рукава пространственного креста могли быть перекрыты как поперечными по отношению к нефу цилиндрическим сводом или, что нам представляется более вероятным, продольным цилиндрическим сводом. Поскольку восточная пара подкупольных опор со стороны боковых нефов и отвечающие им участки интерьерной поверхности периметральных стен наоса не имели выступов под пилястры в уровне фундаментов, необходимо предположить отсутствие пилястр на восточных столбах со стороны боковых нефов и на соответствующих им участках боковых стен в восточной части, а соответственно и отсутствие арок через боковые нефы на оси восточной пары столбов. Отсутствие таких арок позволяет говорить, что на этих участках восточные компартименты боковых нефов могли быть

перекрыты только продольными цилиндрическими сводами, заканчивающимися в месте примыкания к ним сводов рукавов пространственного креста наоса. В последнем случае свод боковых рукавов на восточной стороне должен был опираться непосредственно на западную грань продольного свода, перекрывающего восточные угловые компартименты[17]. В западной части свод боковых рукавов пространственного креста мог бы опираться непосредственно на своды западных угловых компартиментов, как это реконструируется с восточной стороны свода. Но если предполагать наличие в Десятинной церкви хор, которые нужно было освещать через световые барабаны, и для которых необходимы были арки, переброшенные через боковые нефы с западных подкупольных столбов на продольные и поперечные стены, то тогда поперечный свод рукавов пространственного креста должен был опираться в своей западной части на эти арки. Последнее предположение позволяет объяснить появление на линии западных столбов сплошной поперечной ленты и существование у этой пары столбов пилястр, на которые могли опираться арки, переброшенные через боковые нефы. В этом случае западные столбы должны были иметь крещатую форму[18].

При описанном опирании поперечного свода, уровень пят сводов угловых восточных компартименов примерно на 2,5 м ниже пят поперечных сводов боковых рукавов. Эта разница в высоте пят сводов складывается из примерного радиуса продольного свода 1,5–1,75 м, минимальной толщины свода в 1,5 плинфы (0,5 м) и минимального количества выравнивающих рядов плинфы, уложенных на продольный свод. Разница высотных отметок в щелыгах сводов восточных угловых компартиментов и поперечного свода боковых рукавов при такой конструкции должна составлять не менее 4,5 м. Поскольку обычно все своды рукавов пространственного креста находятся примерно на одной отметке, то необходимо предположить, что свод центрального нефа возвышался как минимум на 4,5 м над сводами восточных угловых компартиментов наоса.

Среди декоративных деталей убранства, происходящих из раскопок разных лет и связываемых с Десятинной церковью, необходимо выделить

---

[17] Аналогичное конструктивное решение опирания свода встречается в византийской архитектуре достаточно часто: например в церкви в Скрипу в Беотии (873–874 гг.), в церкви Св. Софии в Охриде.

[18] Опирание поперечного свода рукавов пространственного креста в восточной части на продольный свод, а в западной — на арку, в византийской архитектуре встречается довольно редко, в основном в постройках, имевших небольшие размеры. Оно фиксируется в церкви Агиос Гефериос в пригороде Афин — Галатци (XII в.), в церкви Таксиархов с. Мелиды о. Андрос архипелага Киклады (XI в.), а также ряде болгарских церквей, известных только по реконструкциям. Необходимо отметить, что нам известно применение такой конструктивной схемы в постройках более позднего времени по отношению к Десятинной церкви.

несколько фустов колонн, капителей и базу колонны, а также резные плиты парапетов хор. А. И. Комеч высказал предположение, что эти колонны должны были входить в состав трёхчастных арок, которые располагались между подкупольными столбами. Кроме того, в западной и боковых осях подкупольного пространства были зафиксированы ленты фундаментов, а на восточной оси такой ленты не было устроено. Основываясь на этих архитектурных деталях и на том значение, которое должна была играть Десятинная церковь, можно высказать предположение, что в здании должны были быть достаточно обширные хоры. Можно с большой долей уверенности говорить о том, что хоры располагались в западной части храма. Опираясь на предположительное наличие в подкупольном пространстве храма трёхчастных арок, можно с осторожностью предполагать наличие хор и над боковыми нефами. Отметка их пола должна была находиться примерно на половине высоты храма, т. е. примерно ок. 8–9 м от уровня пола наоса, а пяты арок сводов, на которые они должны были опираться, находились на 2 м ниже[19], т. е. на высоте ок. 6 м от уровня пола. Несмотря на сложность такой конструктивной схемы внутреннее пространство наоса оставалось в рамках крестово-купольного типа храма.

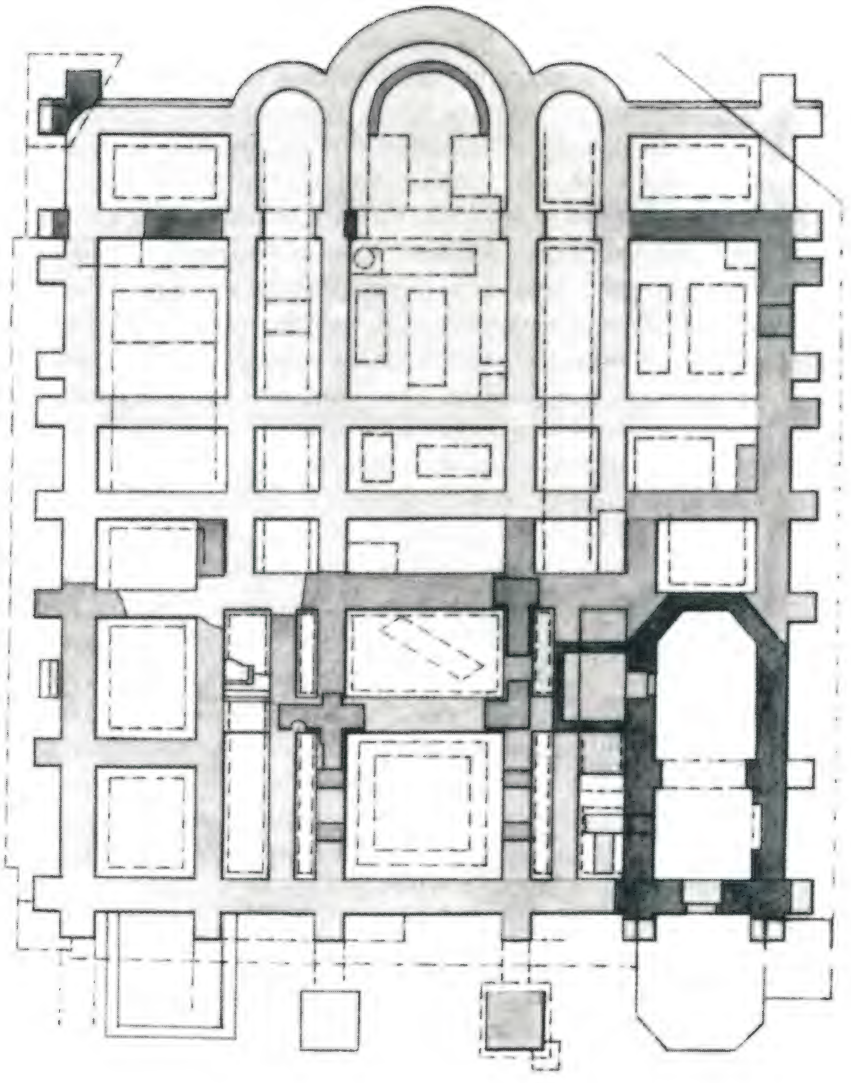
На основании косвенных материалов, которые будут рассмотрены ниже, можно говорить, что к западному фасаду наоса должны были примыкать пристройки, высота которых составляла порядка 15 м, и весьма вероятно, что западные угловые членения наоса были равны этим отметкам или превышали их. Поскольку отметка свода центрального рукава при описанной выше системе сводов должна была превышать на 2–2,5 м отметки сводов западных угловых компартиметов, можно предполагать, что общая высота сводов центрального рукава должна составлять 18 м. Высота византийских храмов этого периода близка к размерам их плановых габаритов. Приведённые на основании косвенных материалов величины соответствуют ширине наоса Десятинной церкви, т. е. 17,8 м, и дают примерное представление о возможной высоте сводов центрального нефа основного ядра храма.

Комплекс компартиментов, окружающих наос, состоял из сложного сочетания разновеликих объёмов[20]. Это были соединявшиеся между собой обособленные группы помещений, не интегрированные в единое пространство, как это наблюдается, например, в Софийском соборе в Киеве.

---

[19] Эта величина определяется исходя из примерной толщины сводов, составлявшей ок. 50 см, и радиуса свода, равного половине бокового нефа, т. е. 1,5 м.

[20] Объём статьи не позволяет детально рассмотреть обоснования реконструируемой композиции пристроек, окружавших Десятинную церковь, поэтому в рамках изложения позволим себе ограничиться их общим описанием.



Илл. 7. Десятинная церковь. План. Е. Н. Ефимов 1826 г.
Ёлшин Д. Д. Архитектурный тип Десятинной церкви // ТГЭ. Т. LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. СПб. 2010. Илл. 1

С запада к основному объёму примыкала группа помещений, состоящая из обособленного нартекса[21], экзонартекса и западного компартимента, который

[21] М. К. Каргер, интерпретируя материалы своих исследований, считал, что этот компартимент не был изолирован и входил в основной объём, образуя дополнительную западную пару столбов, тем самым формируя шестистолпный план наоса.

можно условно назвать атриумом. Остатки стен этих помещений частично зафиксированы на чертежах Н. Е. Ефимова (илл. 7), что позволяет составить представление об их первоначальной конфигурации. Атриум по форме близок к квадрату и был, вероятно, перекрыт куполом. Решение западного пространства храма как атриума, при определённом архаизме этой формы, могло было быть обусловлено особой ролью, которую должна была играть Десятинная церковь в качестве главного христианского храма Киева, появившегося сразу после крещения Руси. С северной и южной сторон экзонартекс и атриум фланкированы двумя симметричными объёмами, не имевшими входов со стороны западного фасада. Каждый из этих объёмов был расчленён на неравные по размерам помещения. На западном фасаде эти помещения не выделены пилястрами, и читались как общий объём. Помещения, примыкавшие к атриуму, соединялись с его пространством при помощи колоннады, и имели на своей восточной стене полукруглые ниши, возможно игравшие роль апсид.

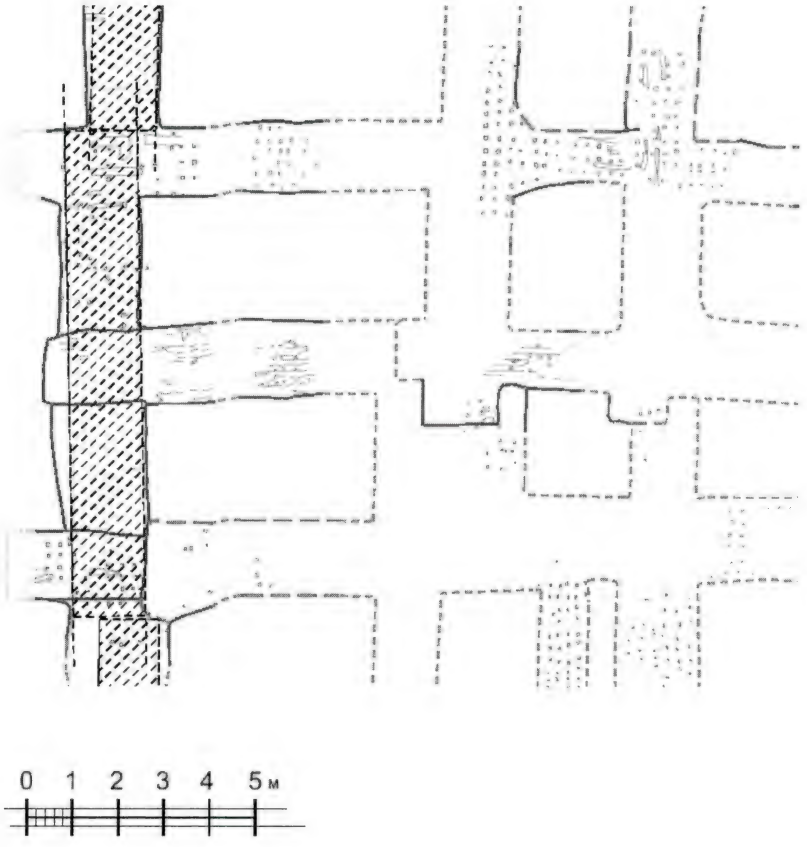
Комплекс наоса, нартекса, экзонартекса и атриума с юга и севера обрамляли галереи, также состоящие из обособленных групп помещений. К наосу и нартексу с севера и юга примыкали компартименты, образующие закрытую галерею. Помещения, лежащие на оси подкупольного пространства, имели форму, близкую к квадрату, внутренние габариты которых составляют ок. 6,80 м, и по сути являлись продолжением центрального поперечного нефа. Они могли быть перекрыты как цилиндрическим сводом, так и куполом с барабаном. Северо-восточный компартимент галереи венчала апсида, судя по строительным приёмам, появившаяся непосредственно в общем цикле работ по возведению Десятинной церкви. Два западных членения северной галереи, примыкавшие к западной части наоса и нартексу, имели расширение фундаментной ленты наружной стены, что позволяет предполагать их выделение на фасаде как отдельного объёма, назначение которого сложно определить[22] (илл. 8, 4).

Западные компартименты галерей, соответствующие экзонартексу и атриуму, имели открытые проёмы с внешних сторон здания. На основании выявленных фрагментов порожных камней можно определить, что проёмы были разделены на две арки дополнительной опорой[23]. Фрагменты упавших

---

[22] Д. Д. Ёлшин высказал сомнения в том, что данные компартименты были объёмно выделены в составе северной галереи (см.: *Ёлшин Д. Д.* Об устройстве и расположении лестницы на хоры Десятинной церкви в Киеве // Актуальные проблемы теории и истории искусств. — Т. IV. — Санкт-Петербург, 2014. — С. 101). Если принимать логику, приводимую Д. Д. Ёлшиным, и реконструировать северную стену галереи в одну линию, то часть подошвы стены на этом участке могла не иметь опоры на конструкции фундаментов.

[23] *Ёлшин Д., Ивакин Г.* Церковь Рождества Богородицы Десятинная митрополита Петра Могилы (история, археология, изобразительные источники) // Ruthenica. — Т. IX. — К., 2010. — С. 102–103, рис. 12.



Илл. 8. Десятинная церковь. Участок северной галереи и северо-западного угла храма. План. Фрагмент полевого чертежа 2005–2011 гг. по Д. Д. Ёлшину. Штриховкой отмечены возможные трассы стен северной галереи

кладок, найденных у северо-западного угла храма, позволяют предполагать, что пяты арок, открывающих эти помещения со стороны экстерьера, располагались на высоте ок. 4 м от верхнего обреза фундаментов. Щелыга сводов, перекрывающих западные компартименты галерей, должна находиться на отметке не менее 7 м. Эта отметка близка по значению с реконструируемым уровнем хор в наосе, и позволяет предполагать их наличие в западных компартиментах, окружающих наос Десятинной церкви.

Особый интерес представляет возможное расположение всходов на хоры в системе пространственных членений Десятинной церкви. Лестницы на хоры могли располагаться как в объёмах галерей, примыкающих к западной части наоса и нартексу, так и в помещениях, обрамлявших экзонартекс

и атриум. В недавней публикации Д. Д. Ёлшин[24] доказывает невозможность расположения всходов на хоры в указанных помещениях, исходя из общих рассуждений, а в некоторых случаях основываясь на неправильно прочитанном на реконструкции направлении лестничных маршей. В то же время отдельные доводы, приведённые Д. Д. Ёлшиным о невозможности размещения лестницы в составе южной галереи, заслуживают внимания и требуют дальнейшей проработки этого вопроса. В качестве альтернативного варианта Д. Д. Ёлшин вернулся к гипотезе А. В. Реутова о размещении лестниц у западных углов наоса. Такое расположение, исходя из возможных уклонов, ширины маршей и их разворотов, а также конструкций, необходимых для отпирания маршей, оказывается почти неосуществимым. Кроме того, создание лестниц в этой части комплекса возможно только с выполнением верхней части лестницы во внутристенных конструкциях, как это и было предложено А. В. Реутовым[25]. Как показали исследования, толщина стен наоса составляет порядка 1,05–1,3 м, и если предположить минимально возможную ширину лестницы 0,5–0,6 м, то в стене не остаётся места для конструкций, передающих нагрузку на нижние части стен. Кроме того, этот марш лестницы должен был рассечь стену в уровне отпирания на неё пят сводов хор, что делает данное предположение конструктивно невозможным.

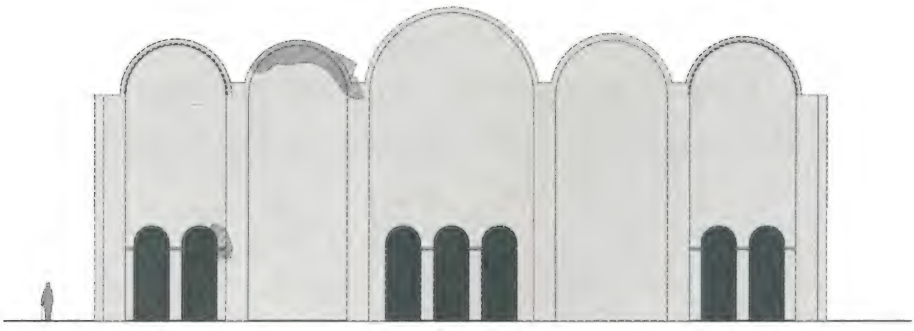
Реконструкция объёмно-пространственной системы комплекса помещений, окружавших наос, представляется затруднительной, поскольку практически не сохранились какие-либо свидетельства, позволяющие судить о высотных характеристиках и объёмных членениях Десятинной церкви. Имеющиеся материалы археологических исследований позволяют сделать отдельные предположения. М. К. Каргер в 1947 г. к западу от фундаментов Десятинной церкви на оси прясла, фланкировавшего с севера центральное прясло западного фасада, обнаружил фрагмент упавшей плинфяной кладки, представляющий собой часть люнета закомары стены западной галереи[26]. Характеристики этого блока позволяют уверенно говорить о том, что этот участок стены после его обрушения не был перемещён и сохранил свое первоначальное положение после падения. На верхней поверхности блока кладки сохранилось черепичное окрытие, что позволяет датировать данный блок концом X в., т. е. относящимся к первоначальному строительному этапу храма. После его разрушения этот фрагмент кладки оказался на расстоянии

---

[24] *Ёлшин Д. Д.* Об устройстве и расположении лестницы на хоры Десятинной церкви в Киеве. — С.97–106.

[25] А. В. Реутов в своей реконструкции исходил из толщины стены ок. 2 м, что позволяло выполнить внутристенную лестницу шириной 0,8–1 м (см.: *Реутов А. В.* До проблеми реконструкції Десятинної церкви. — С. 32–34).

[26] *Каргер М. К.* Древний Киев. — Т. 2. — С. 50–54, рис. 14–16.



Илл. 9. Десятинная церковь. Схематическая реконструкция высотных характеристик западного фасада храма. Штриховкой отмечены элементы, обосновывающие реконструкцию высотных отметок (реконструкция П. Зыкова)

Илл. 10. Десятинная церковь. Схематическая реконструкция западного храма (реконструкция П. Зыкова)

14 м к западу от церкви, что даёт возможность определить высоту этого прясла как равную 14–16 м. Поскольку люнет сохранил остатки перевязки кладки этого прясла с центральным пряслом западного фасада, высота центрального прясла должна была составлять 16,5–18,0 м (илл. 9, 10).

Изложенная выше аргументация реконструкции комплекса Десятинной церкви построена на анализе фрагментов здания, сохранившихся в основном на уровне подошв фундаментов, что обуславливает её определённую гипотетичность. Тем не менее хочется надеяться, что данный материал позволит в некоторой степени уточнить наши представления об этом уникальном для древнерусского искусства памятнике.

В. Г. Івакін, Д. В. Бібіков, А. М. Оленич

Нові дані до соціально-економічної характеристики посаду давньоруського Вишгорода

Гончарний осередок літописного Вишеграда розташований в урочищі Гончарі, на південь та південний захід від Вишгородського городища, між річками Монашка та колишньою протокою Дніпра — Коноплянкою (рис. 1).

Відкриття археологами цієї частини стародавнього міста відбулося в 1936–1937 рр., коли на схилах яру біля сучасного собору Вишгородської Богородиці розкопали перші три гончарних горни та виявили більше десятка плям випаленої глини[1]. У 1947 р. В. Й. Довженок відкрив один горн поряд із дослідженими в 1930-х рр.[2] На початку 1960-х рр. О. О. Бобринський, В. Й. Довженок і П. П. Толочко під час обстеження урочища Гончари виявили близько 15 «плям» горнів, один з яких повністю досліджено[3]. Однак об'єктом вивчення кожного разу були самі виробничі споруди, тоді як масова забудова посаду залишалася нез'ясованою. Ситуація змінилася впродовж 1990–1992 рр., коли охоронними роботами кооперативу «Археолог» та Р. С. Орлова на площі близько 2000 м² було розкопано 50 м вулиці з розташованими обабіч садибами гончарів. Останні було відгороджено частоколами, вони включали у себе, окрім горнів, житлові та господарські споруди[4]. У подальшому незначні роботи проводилися 1995, 2000-х рр. Із 2012 р. охоронні розкопки на території посаду здійснює Вишгородська експедиція ІА НАНУ під керівництвом В. Г. Івакіна.

Місце, де відбулися розкопки, знаходиться у самому центрі посаду за адресою: пров. Старосільський, ділянка 42 (рис. 2). Спостерігається падіння висот у південно-західному напрямку, у бік р. Монашка. Загалом упро-

---

[1] Довженок В. Й. Огляд археологічного вивчення Древнього Вишгорода за 1934–1937 рр. // Археологія. — Т. III. — 1950. — С. 72–73.

[2] Довженок В. Й. Розкопки древнього Вишгорода // АП УРСР. — Т. III. — 1952. — С. 26–28.

[3] Дегтяр Т., Орлов Р. Вишгород: Минуле і сучасне. — К., 2005. — С. 46.

[4] Чабай В. П., Евтушенко А. И., Степанчук В. Н. Отчет о раскопках Дорогожицкого отряда Вышгородской экспедиции НПК «Археолог» в урочище «Гончары» в г. Вышгороде в 1990 г. // НА ІА НАНУ. — 1990/67. — 230 с.

Рис. 1. Загальний вигляд Вишгородського археологічного комплексу

Рис. 2. Вид на центральну частину посаду та розкоп 2014 р.

довж 2013–2015 рр. на площі понад 500 м² простежено залишки чотирьох садиб (одна — практично повною площею) з цілою низкою житлових, виробничих та господарських споруд кінця X — першої третини XII ст. (рис. 3).

Загальновідомо, що основним заняттям населення посаду було гончарство. На досліджуваній ділянці виявлено залишки п'яти горнів, чотири з

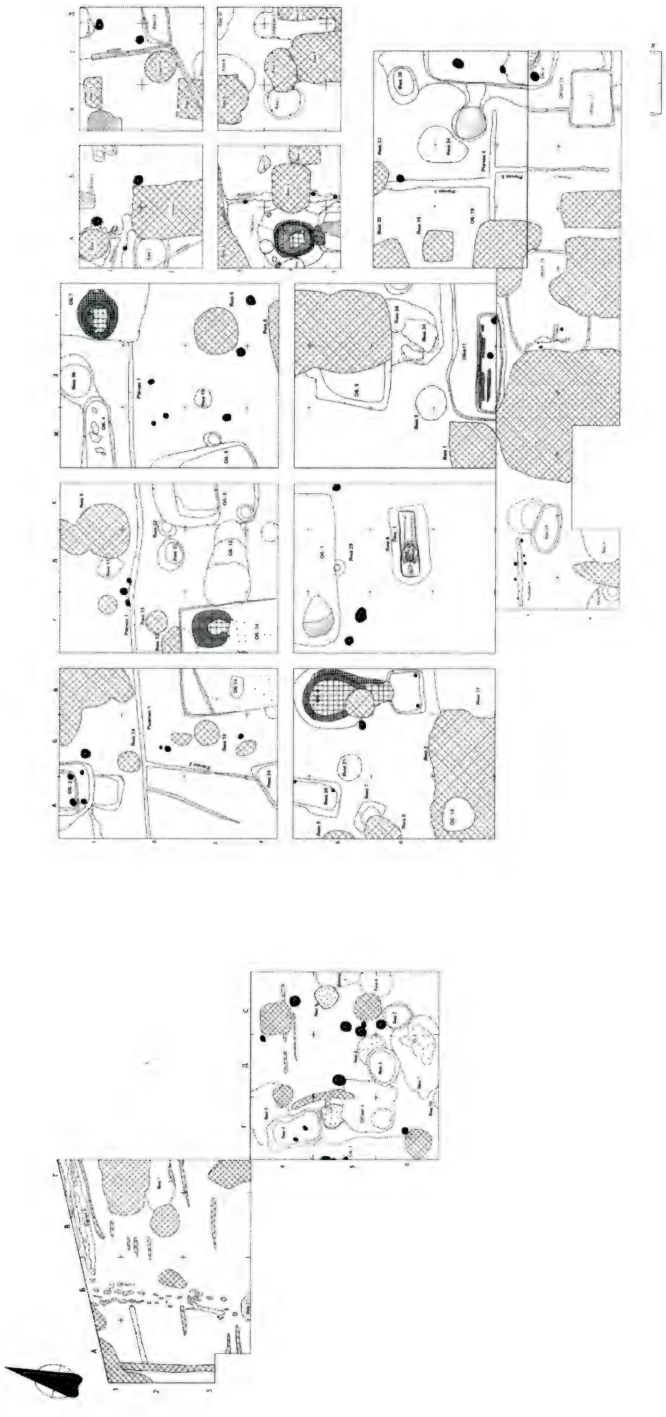


Рис. 3. Зведений план розкопів 2013–2015 рр. по пров. Старосільському, ділянка 42

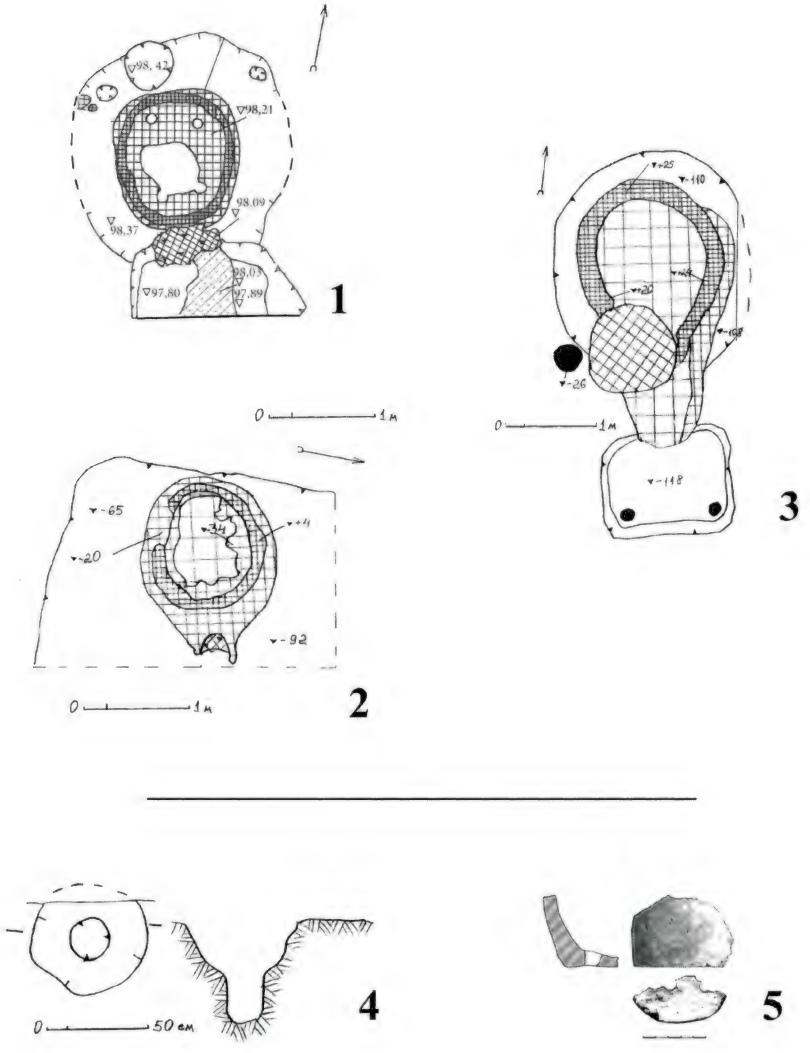


Рис. 4. Плани виробничих об'єктів: 1 — гончарний горн (об'єкт 3, 2013 р.); 2 — гончарний горн (об'єкт 7, 2014 р.); 3 — піч для випалювання вапна (об'єкт 6, 2014 р.); 4 — смолокурня (яма 29, 2014 р.); 5 — фрагмент фільтра для смолокуріння

яких збереглися доволі непогано, п'ятий виявився майже цілковито зруйнованим. Оскільки можливості провести музеєфікацію об'єктів не було, вирішено копати їх під знос. Перед цим зроблено поздовжній та поперечний розрізи, що дозволило докладно простежити конструктивні особливості горнів.

Перший горн (**об'єкт 3**) споруджено в котловані підовальної форми, розміром приблизно 2,1 × 2 м (рис. 4, *1*). Після зведення горну решту площі кот-

ловану було засипано утрамбованим материковим лесом. Подібний спосіб спорудження дозволяв краще висушити та обпалити його стінки. У північно-західній та північно-східній частинах котловану виявлено по одній стовповій ямі розмірами 0,2 × 0,15 м. З огляду на розташування ям, вони є залишками споруди (вірогідно, легкого навісу) над теплотехнічним пристроєм.

Горн мав двоярусну конструкцію. Трохи вище рівня материка було виявлено випалювальну камеру — кабицю. Її верхня частина, де знаходився завантажувальний отвір, не збереглася. Фрагменти склепіння завалилися у середину камери. У плані випалювальна камера мала підовальну форму й була орієнтована за віссю північ — південь. Розміри камери — 1,2 × 1,1 м. Товщина стінок склепіння становила до 0,1 м.

Залишки паливно-розподільного блоку зафіксовано на глибині 0,4 м від рівня виявлення випалювальної камери. Споруджувався на опалубці з дошок, залишки якої зафіксовано в розрізі горну. Нижня частина блоку, повторюючи форму опалубки, потовщується до 0,2 м в напрямку стінок топкової камери, спираючись на них. Центральний опорний стовп або стіну виявлено не було. За їх відсутності паливно-розподільний блок додатково підтримувався «козлом» — діагональною підпорною стінкою завтовшки 0,1 м, котра також спиралася на стіну топкової камери. Підпорна стінка, очевидно, так само була споруджена на дощатій опалубці. Простір між нею та стіною топкової камери було заповнено утрамбованим материковим лесом. У північній частині паливно-розподільного блоку виявлено два продухи діаметром близько 0,1 м, ще два частково простежувались у його південній частині. Центральна частина блоку в давнину провалилася, унаслідок чого топкова камера була заповнена обпаленою глиною.

Стіни топкової камери споруджено за допомогою каркасу з прутів, сліди від якого виявлено під черенем, а також у розрізі горну. Випадки використання подібного каркасу, так само, як і дощатої опалубки, подекуди й раніше фіксувалися під час розкопок на території гончарного посаду[5]. Під завалом глини, утвореним після руйнування паливно-розподільного блоку, виявлено потужний шар вугілля та золи. На глибині 1 м від рівня виявлення зафіксовано глиняний черінь топкової камери завтовшки 0,05–0,1 м. Вустям теплотехнічний пристрій орієнтовано на південь. Вустя мало аркоподібну форму; усередині також зафіксовано потужний шар вугілля та золи[6].

---

5 Готун І. Гончарні осередки Вишгород та Автуничі: загальне і особливе // Старожитності Вишгородщини: Зб. тез і повідомл. 12 наук.-практ. конф. — Вишгород, 2005. — С. 49; Орлов Р. С. Правда Руська і керамічне виробництво XI–XII ст. // Старожитності Русі-України. — К., 1994. — С. 166–167.

6 Бібіков Д. В. Конструктивні особливості гончарного горну кінця X–XI ст. з розкопок 2013 р. у Вишгороді // Болховітіновський щорічник 2013/2014 — К., 2015. — С. 153–157.

Із півдня до горну примикала передгорнова яма шириною 1,3–1,6 м. В її заглибленій центральній частині зафіксовано глиняну обмазку, що виходила до топки. Можемо датувати функціонування горну кінцем X — початком XI ст. і віднести до початкового етапу існування гончарного центру давньоруського Вишгорода.

Об'єкт 7, виявлений у північно-східній частині розкопу 6, також є залишками невеликого гончарного горна (рис. 4, *2*). Його запущено в об'єкт попереднього хронологічного періоду, у результаті чого передгорнова яма злилася з останнім; простежити її контури не вдалося.

Горн мав витягнуту овальну форму, поздовжньою віссю орієнтований із заходу на схід. Зберігся на висоту 0,9 м. Розміри об'єкта традиційні для вишгородських горнів XI ст.: 1,6 × 1,3 м. Найбільше він розширювався у середній частині, у районі теплорозподільного блоку. Товщина стінок становила 0,1–0,15 м. Стіни горну зводилися за допомогою дерев'яного каркасу, залишки якого виявлено під черенем.

Об'єкт мав двоярусну конструкцію, однак теплорозподільний блок — «решітка», що поділяла камеру на дві частини, — майже повністю зруйнований. Його залишки, завтовшки 0,12–0,15 м, виявлено на висоті 0,3 м від череня. У розрізі горну зафіксовано сліди від дощатої опалубки, на якій споруджувався розподільний блок.

У заповненні топкової камери виявлено суцільний завал глини, що утворився внаслідок руйнування решітки. Під ним зафіксовано тонкий шар попелу. Топка — однокамерна, «козел» відсутній. Вустя мало аркоподібну форму і було орієнтовано на схід. Ширина його доволі невелика — 0,4 м. Заповнене воно було темно-сірим слабогумусованим супіском, не мало слідів золи й перегорілого вугілля. Відсутність значного масиву золи свідчить про нетривалий період функціонування горну. Імовірно, об'єкт рано вийшов із ладу в результаті завалу «решітки», і більше не використовувався. Керамічний матеріал із топкової камери горну дозволяє датувати його в межах середини — третьої чверті XI ст.

Наступний горн (**об'єкт 15**), розташований у південно-західному куті ділянки, виявився практично повністю зруйнованим перекопом XX ст. На дні останнього, на глибині 0,7 м від рівня материка, виявлено залишки череня, а у заповненні траплялись численні фрагменти печини.

Найбільш цікавим виробничим комплексом виявилася розташована неподалік піч для випалювання вапна — **об'єкт 6**. Першопочатково, в XI ст., об'єкт функціонував як гончарний горн, на що вказують залишки теплорозподільного блоку завтовшки близько 0,2 м, зафіксовані по всьому периметру стінки. Об'єкт 6 споруджено в котловані підовальної форми, розміром приблизно 2,4 × 2,1 м (рис. 4, *3*). Після зведення горну решту площі котловану було засипано утрамбованим материковим лесом. До котловану з південно-

го заходу примикала стовпова яма розмірами 0,25 × 0,2 м, завглибшки 0,25 м. Ця обставина може вказувати на існування над теплотехнічним пристроєм легкого навісу, однак інші стовпові ями простежити не вдалося.

Горн мав грушоподібну форму, звужуючись у південній частині, до вустя. Загальні його розміри становили 2,1 × 1,55 м, довгою віссю орієнтований був із півночі на південь, із невеликим відхиленням. Південно-західну частину горну частково знищив перекоп XX ст. Нижню частину випалювальної камери (кабиці) вдалося простежити на висоту 0,50–0,65 м. Топкова камера заввишки 0,5–0,6 м, заглиблювалася до центру. Загальна висота збереженої частини теплотехнічного пристрою, таким чином, становила до 1,5 м. Товщина стінок — 0,1–0,2 м, вони трохи звужувалися в нижній частині. Стінки споруджувалися за допомогою каркасу з прутів, сліди якого збереглись у вигляді концентричних ямок діаметром 0,04–0,07 м, розташованих на відстані 0,15–0,17 м одна від одної. Товщина череня становила 0,07–0,1 м.

Верхня частина заповнення об'єкта мала потужність 0,75 м і являла собою ґрунтову засипку з фрагментами зруйнованого склепіння. Під нею виявлено чергування шарів подрібненого вапняку та вугілля потужністю 0,7 м, що й дало підстави для інтерпретації об'єкта на останньому етапі його функціонування як печі для випалювання вапна. Подібні печі на давньоруській території відомі лише з розкопок Києва (вул. Іринінська) та Смоленська. В обох випадках стіни споруд було складено з плінфи на глиняному розчині[7]. На відміну від своїх аналогів, вишгородська піч мала вторинне використання. Після зміни призначення об'єкта решітчасту перегородку було навмисно зруйновано, а стінки з внутрішньої сторони додатково підмазано потужним шаром глини. Таким чином, загальна товщина стінок об'єкта склала 0,2–0,3 м (процес випалювання вапна вимагав вищих температур, аніж випал кераміки). Якщо зовнішній, початковий, шар споруджено з червонувато-сірої глини, підмазка має більш інтенсивний, червоно-коричневий, колір.

Розрізняють два типи печей для випалювання вапна. Вишгородська піч належить до так званого прохідного типу. У подібних спорудах над топковою камерою розміщувалася рухома решітка, на котру укладали шари вугілля та вапняку. Випалене вапно вивантажувалося через вустя печі, а зверху накладалися нові шари вапняку та вугілля[8]. Цікаво, що на висоті 0,25–0,30 м від череня топкової камери, на одному й тому ж рівні, по всьому периметру стінки на підмазці було зафіксоване незначне потовщення. Останнє має вигляд невеликої сходинки й на ньому, очевидно, і встановлювалась решітка.

---

7 Новое в археологии Киева. — К., 1981. — С. 343–348.

8 Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). — Санкт-Петербург, 1994. — С. 44.

Із півдня до теплотехнічного пристрою примикала передгорнова яма підпрямокутної форми, котра, вірогідно, існувала на обох етапах функціонування об'єкта. Довгими стінами орієнтована за віссю захід — схід, із певним відхиленням на південь. Довжина ями становила 1,4 м, ширина — 1,1–1,2 м, глибина — 0,80–0,85 м. Стіни — вертикальні, дно — горизонтальне. Із трьох сторін (окрім робочої частини) стіни ями мали дерев'яну обкладку, про що свідчать виявлені в її південно-західному та південно-східному кутах стовпові ямки діаметром 0,1 м, завглибшки 0,15 м.

Вапно було одним із головних компонентів у давньоруському кам'яному монументальному будівництві. Характер керамічного матеріалу, котрий датується початком XII ст., дозволяє впевнено пов'язувати функціонування об'єкта з фінальним етапом спорудження вишгородської Борисоглібської церкви.

Розкопки свідчать про розвиток на посаді й інших, допоміжних, галузей господарства, зокрема лісохімічного промислу. У центральній частині розкопу виявлено **яму 29**, що мала лійкоподібну форму (рис. 4, *4*). Верхня її частина, завглибшки 0,25 м, мала діаметр 0,55 м, стіни похилі. Діаметр нижньої частини (під'ямник) — 0,18 м, глибина — 0,2 м. Стіни — вертикальні, дно — горизонтальне. Заповнення ями являло собою суцільне скупчення деревного вугілля. З огляду на це, а також на характерну форму ями, її можна інтерпретувати як залишки смолокурні. У вузьку частину подібних ям поміщався горщик-приймач, у верхню — горщик з отвором у денці (горщик-фільтр), камера фільтра при цьому заповнюється осмолом. Нижній горщик-приймач ізолюється від верхнього, після чого фільтр нагрівається відкритим полум'ям. У результаті, утворюється густа смолиста речовина, що через отвір надходить в ізольований горщик-збірник[9]. Речового матеріалу виявлено не було, датувати об'єкт можна лише за стратиграфічними даними. Оскільки північну частину перерізав об'єкт 1 — господарська споруда кінця XI — початку XII ст., функціонування смолокурні відносимо до XI ст.

Крім самого лісохімічного об'єкта, у культурному шарі розкопу виявлено два фрагменти нижніх частин горщиків із просвердленими наскрізними отворами діаметром 8–10 мм (рис. 5, *5*). На стінках горщиків збереглися залишки смоли. Немає сумніву, що ці предмети використовувались як фільтри для смолокуріння[10]. Подібні горщики з отворами знаходили на території вишгородського посаду й раніше, зокрема під час розкопок 1990 р.[11]

---

9 Петраускас А. В. Ремесла та промисли сільського населення Середнього Подніпров'я. — К., 2006. — С. 141.

10 Там само. — С. 142.

11 Чабай В. П., Евтушенко А. И., Степанчук В. Н. Отчет о раскопках Дорогожицкого отряда Вышгородской экспедиции... — С. 87, 197.

У культурному шарі обох ділянок виявлено як звичайні для давньоруських міст предмети побуту та знаряддя праці (залізні ножі, фрагмент сокири, кресало, уламок від дужки відра, рибальський гачок, частини замків та ключі), так і низку неординарних речей, які підкреслюють особливе становище місцевих ремісників.

Про високий соціальний статус населення посаду говорять, зокрема, імпортні деталі ремінного набору. **Накладки** першого типу, котрих на розкопі знайдено 2 екземпляри (рис. 5, *1*), зроблено із бронзи, спосіб кріплення — чотири штифти. Мають прокреслений геометричний орнамент (чотири однакових кола з невеликим трикутним виступом з однієї сторони). Розміри в обох артефактів — 1,4 × 1,4 см Аналогічні накладки знайдено на ремісничому центрі у с. Новосел (Болгарія). Відрізняються останні тільки особливістю кріплення — чотири штифти, на відміну від двох у вишгородських накладок. Датуються X ст.[12]

Друга накладка — бронзова, закріплялася трьома штифтами (рис. 5, *2*). За класифікацією В. В. Мурашової відноситься до класу II (відігнутий бортик, гладкий ободок, неорнаментовані) групи I (верхня сторона пласка) типу IГ-2 (широкі серцевидні виступи)[13]. Розміри предмета — 2,1 × 1,8 см. Аналогічні знахідки тяжіють до територій Волзької Болгарії. Ідентичні предмети виявлено на пам'ятках, що датуються X ст.: у похованнях Каранаївських курганів (Південний Урал)[14] і Дубівського могильника (марійці)[15]. Типологічно схожа накладка знайдена у Суздальському Опіллі (Шекшово 2). Її лицьова поверхня, розмірами 18 × 25 мм, вкрита сріблом. Опуклий малюнок, що зображує трипелюсткову квітку зі краплеподібними виступами, виготовлено з великою майстерністю[16]. Болгарські дослідники В. Плетньов і В. Павлова відносять цей тип накладок до X ст.[17]

Останній тип представлено однією цілою накладкою та двома фрагментами, також бронзовими (рис. 5, *3–5*). За В. В. Мурашовою, відноситься він до

---

[12] Бонев С., Дончева С. Старобългарски производствен център за художествен метал при с. Новосел, Шуменско. — Велико Търново, 2011. — С. 290; табл. XLVIII: 538, 539.

[13] Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). — Москва, 2000. — С. 28–29.

[14] Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. — Москва, 1981. — С. 128, рис. 60: 4, 22.

[15] Архипов Г. А. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. — Йошкар-Ола, 1984. — Рис. 21: 1.

[16] Зайцева И. Е. Детали поясной и уздечной гарнитуры из материалов обследований сельских поселений Суздальского Ополья // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. — Москва; Вологда, 2014. — С. 363–377, рис. 4.5.

[17] Плетньов В., Павлова В. Ранносредневековни ремечьни апликации във Варненския археологически музей // Известия на народния музей Варна. — Кн. 30–31. — Варна, 2000. — С. 84–92, с. 85.

Рис. 5. Металеві вироби: 1–7 – бронза; 8 – срібло; 9 – свинець

класу XVIII (серцеподібної форми, 3–5-пелюсткова квітка, пелюстки розділені стеблами, фон заглиблений) групи I виду IA (бокові пелюстки у вигляді широких стрічок загнуті догори, розділові стебла гладкі)[18]. Цілий екземпляр має розміри 1,7 × 1,5 см. Ідентичні знахідки зафіксовано на поселенні Болгар I і Семенівському селищі, датуються вони другою половиною X–XI ст.[19], а також у середньовічному Херсонесі, на об'єктах IX–X ст.[20]

Від **прорізної пряжки** залишився щиток розмірами 1,8 × 1,5 см. Останній має прямокутну форму із трикутним завершенням, оздоблений рослинним орнаментом, по центру — невеликий проріз (рис. 5, *б*). Зберегла-

[18] Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). — С. 41–42.

[19] Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. — Казань, 1991. — Рис. 44: 59.

[20] Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. — 1959. — № 63. — С. 227, рис. 141: 17.

ся одна з шарнірних петель, за допомогою яких щиток сполучався з рамкою. Закріплювався на поясі трьома дужками. Близьких аналогій цьому предмету поки що знайти не вдалося, але стилістично пряжка тяжіє до угорських старожитностей.

До елементів поясної гарнітури може відноситись і артефакт, котрий, скоріш за все, являє собою **ремінний розподілювач** (рис. 5, *7*). Два фрагменти з головою звіра на кожному (ведмідь, вовк?) утворюють півколо. Частина з іще двома симетричними головами відсутня. Тильна сторона пласка. Діаметр виробу — 5,4 см. У перетині завтовшки 0,4 см. Лиття. Матеріал — мідно-бронзовий сплав. Подібні предмети виявлено під час археологічних досліджень Новгородської землі (Південне Приладожжя), а також на поховальних пам'ятках Південно-Східної Прибалтики[21]. Однак в обох випадках предмети, хоча й композиційно схожі з вишгородським зразком, прикрашені трьома, а не чотирма, головами, а також відрізняються стилістично.

До предметів імпорту належить також знайдена срібна монета — **денарій** із титулом та іменем німецького імператора **Оттона й Адельгейди** (Otto-Adelheid-Pfennig) (рис. 5, *8*). На аверсі середньовічного пфеніга зазвичай було зображено хрест, у його кутах — ім'я «O-T-T-O» чи «O-D-D-O» з круговою легендою «DIGRA+REX» (лат. скор. «DEI GRATIA REX» — «Божою милістю король»); на реверсі — стилізована церква (дерев'яна) та ім'я «ATHALHEID». На вишгородській монеті на аверсі літери в кутах хреста замінено колами, а кругова легенда взагалі відсутня. На реверсі зображено церкву з хрестом, напис імені знову-таки відсутній.

Можливо, ми маємо справу з наслідуванням срібного денарія Оттона й Адельгейди, що було доволі розповсюдженим на теренах Центральної Європи в кінці X — на початку XI ст. Цей монетний тип карбувався довгий час, у великій кількості та в різних штемпельних варіантах («ATHALHET», «ATEALHT») у Гальберштадті, Кведлінбургу, Гільдесгаймі графами Ейльгартом, Зігфрідом і польським королем Болеславом Хоробрим[22]. Діаметр вишгородської знахідки — 2,0 см. Із монети зроблено підвіску з заклепаним вушком, яка через зображення хреста могла мати релігійне значення. На монеті є ще один отвір, котрий використовували теж для підвішування. Аналогічну монету-підвіску (наслідування денарія Оттона й Адельгейди) знайдено на горі Щекавиці під час дослідження давньокиївського могильника[23].

Про тісний зв'язок посаду з великокнязівською адміністрацією свідчать знахідки свинцевих печаток і пломб. Розкопками попередніх років на терито-

---

[21] Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья // МАР. — №18. — СПб., 1895. — С. 35, рис. 2.

[22] Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата. — Москва, 1982. — С. 74.

[23] Мовчан І. І., Боровський Я. Є, Климовський С. І., Гончар В. М. Щекавицький могильник у Києві // Археологічні відкриття в Україні, 1994–1996. — К., 2000. — С. 104–105.

рії посаду було виявлено печатки Ізяслава Ярославича та Володимира Мономаха[24]. **Пломби** дрогичинського типу досліджено набагато гірше. Очевидно, саме такими пломбами (як свідчить арабський мандрівник XII ст. Абу Гамід аль-Гарнаті) таврувалися зв'язані хутра білок, які на Русі використовувалися замість грошей[25]. Вишгородський зразок на лицьовій стороні має зображення дзвоноподібної тамги з подвійним хрестом, на зворотній зображено літеру «М» (рис. 5, *9*). Різноманітні кириличні букви доволі часто зустрічаються на пломбах дрогичинського типу, а аналогічна тамга міститься на реверсних сторонах пломб, опублікованих В. О. Анохіним, котрі останній приписує Юрієві Долгорукому та його синові Глібові Юрійовичу[26]. Проте дане джерело аж ніяк не може вважатися достовірним, оскільки всі речі походять із приватних колекцій, знайдені під час грабіжницьких розкопок і позбавлені археологічного контексту.

* * *

Виявлені матеріали ілюструють побут ремісників-торговців періоду розквіту давньоруської держави. Дослідники давно звернули увагу на величезні обсяги гончарного виробництва на посаді Вишгорода (в найкращі часи тут могли функціонувати 250–300 горнів[27]). Черговим свідченням цього твердження стали розкопки 2013–2015 рр., коли на площі близько 500 м² було виявлено залишки 5 горнів. На думку деяких фахівців, вишгородське керамічне виробництво забезпечувало потреби не лише жителів міста, але й інших населених пунктів[28]. Очевидно передусім продукцію було орієнтовано на Київ, де слідів власного гончарного ремесла практично не зафіксовано[29]. На противагу такій думці, Р. С. Орлов уважав, що функціонування у Вишгороді настільки потужного гончарного осередку пов'язувалося з необхідністю виготовлення посуду, який відповідав би державній системі мір у зв'язку з накопиченням натурального податку[30].

---

[24] Дегтяр Т., Орлов Р. Вишгород: Минуле і сучасне. — С. 108; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV. — Т. III. — Москва, 1998. — С. 125.

[25] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Пер. О. Г. Большакова. — Москва, 1971. — 137 с.

[26] Анохин В. А. Свинцовые пломбы великого княжества Киевского (X–XIII вв.). — К., 2012. — С. 39, 41, Табл. XII: 179, 180, 182.

[27] Орлов Р. С. Правда Руська і керамічне виробництво XI–XII ст. — С. 167–168.

[28] Довженок В. Й. Вишгород // Археологія Української РСР. — Т. 3. — К., 1975. — С. 234; Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков. — К., 1980. — С. 134.

[29] Бібіков Д. Роль князівської адміністрації в організації гончарного виробництва давньоруського Вишгорода // Середньовічні та ранньомодерні старожитності Центрально-Східної Європи: Мат. XV Міжнар. студ. наук. конф. (Чернігів, 17–19 квітня 2015 р.). — С. 63–66.

[30] Орлов Р. С. Правда Руська і керамічне виробництво XI–XII ст. — С. 172–173.

Масштабний обсяг виробництва кераміки та потреба ринків збуту для неї вказує на необхідність здійснення жителями посаду торговельних операцій. Важливу роль Вишгорода в міжнародній торгівлі засвідчила згадка у праці Константина Багрянородного «Про управління імперією». Місцезнаходження терезів і вагових гирьок саме на території гончарного осередку (розкопки 1989, 1990, 1991, 2005 рр.) вказує й на активну внутрішню торгівлю (або обмін)[31], імовірно контрольовану представниками великого князя[32] (знахідки пряслиць із пірофілітового сланцю — невід'ємна частина матеріальної культури всіх давньоруських міст).

Із торгівлею (або обміном) пов'язані виявлені на території посаду численні предмети імпорту: візантійські амфори, скляні вироби східного походження, візантійська бронзова з позолотою кінська бляха-решма, скандинавська срібна оббивка[33]. Завдяки розкопкам 2013–2015 рр. цей перелік поповнився західноєвропейською монетою та деталями ремінної гарнітури балтійського, поволзького, балканського й, імовірно, угорського походження. Таким чином, повністю підтверджується думка В. М. Зоценка про те, що предметами імпорту, окрім дружинної верстви, користувалися також представники ремісничого середовища[34].

Транспортуванням і подальшим збутом кераміки, на нашу думку, займалися самі ремісники, що опосередковано підтверджується етнографічними даними та доволі значним розвитком у посаді смолокуріння[35] (значна кількість смоли в першу чергу, вірогідно, призначалася для ремонту човнів). Наявність у портовій частині київського Подолу складів гончарної продукції[36]

---

31 Оленич А., Бібіков Д. Торговельний інвентар з посаду давньоруського Вишгорода: до характеристики пам'ятки // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Мат. XIV Міжнар. студ. наук. археолог. конф. (Чернігів, 22–24 квітня 2015 р.). — С. 12.

32 Томашевский А. В., Павленко С. В. Городища и укрепления средневековой Овручской волости // Міста Давньої Русі. — К., 2014. — С. 472.

33 Давній Вишгород: Виставка нових археологічних матеріалів до 1050-річчя першої згадки Вишгорода у літописі і 25-річчя району і райцентру: Проспект / Укл.: Р. Орлов, Р. Терпиловський. — Вишгород, 1998. — С. 15; Зоценко В. Древнерусский Вышгород: Историко-археологический обзор // Борисо-Глебский сборник / Collectanea Borisoglebica. — Вып. 1. — Paris, 2000. — С. 50–51; Зоценко В. М. Скандинавські старожитності Вишгороду // Старожитності Вишгородщини: Зб. тез, доповідей і повідомлень 13-ї наук.-практ. конф., присвяч. «Дню пам'яті Ярослава Мудрого», 24–25 травня 2007 р., м. Вишгород. — Вишгород, 2007. — С. 43–70.

34 Зоценко В. Древнерусский Вышгород... — С. 52.

35 Оленич А. Горщики-фільтри серед асортименту посуду давньоруського Вишгорода // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Мат. XIV Міжнар. студ. наук. конф. (Чернігів, 17–19 квітня 2015 р.). — С. 61–63.

36 Калюк О. П., Сагайдак М. А. Склад керамічної продукції XII ст. з Київського Подолу // Археологія. — Вип. 61. — 1988. — С. 36–46.

свідчить про виконання майстрами великих замовлень[37]. Перспективною темою для подальших розробок уважаємо ймовірність князівського замовлення, на що може вказувати виявлення на території посаду свинцевих печаток і пломб, а також денець горщиків із клеймами у вигляді знаку Рюриковичів у заповненні гончарних горнів[38].

Розкопки 1990 та 2013–2015 рр., котрі велися на великих площах, дозволили встановити, що садибна забудова сформувалася на території посаду лише у другій половині XI ст., натомість на попередніх будівельних етапах окремі житлово-господарські комплекси не відмежовувалися парканами. На нашу думку, ця незвичайна обставина вказує на належність вишгородських гончарів до числа феодальних майстрів[39].

У кінці XI — на початку XII ст. відбулася певна переорієнтація виробництва. Частина населення посаду обслуговувала потреби будівництва Борисоглібської церкви. У гончарних горнах випалювалися керамічні плитки підлоги та плінфа, а один із горнів (об'єкт 6) було перетворено на піч для одержання вапна. У другій чверті XII ст. більша частина посаду взагалі припинила своє існування. Ми схильні пов'язувати це явище з подіями 1136 р., коли, за літописними даними, Ольговичі разом із половцями спустошили київські околиці «до Вишгорода».

---

37 Оленич А., Бібіков Д. Торговельний інвентар з посаду давньоруського Вишгорода: до характеристики пам'ятки. — С. 65.

38 Строкова А. В. Гончарські клейма з Вишгорода // Археологічні дослідження в Україні 1994–1996 рр. — К., 2000. — С. 164.

39 Бібіков Д. Роль князівської адміністрації в організації гончарного виробництва давньоруського Вишгорода. — С. 13.

С. А. Иванов

Славяне как «избранный народ» Юстиниана II

В 688 г. византийский император Юстиниан II расселил в Малой Азии огромное количество славян, которых он до этого покорил на Балканах. В 692 император набрал из них войско и решил с его помощью переломить военную ситуацию в Малой Азии. Меня во всей этой, не раз проанализированной исследователями истории, будет сейчас занимать лишь один вопрос: почему Юстиниан II решил назвать новонабранное войско «λαὸς περιούσιος».

Слово «περιούσιος» довольно необычно: оно было искусственно создано для перевода Ветхого Завета[1] и встречается там только в сочетании «λαὸς περιούσιος», — это библейское выражение, прилагаемое в «Септуагинте» к Израилю (Exod. 19:5; 23:22; Deuter. 7:6; 14:2; 26:18)[2]. В Новом Завете оно же прилагается к христианам как «Новому Израилю»: «[Бог,] Который дал Себя за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе *народ особенный*[3], ревностный к добрым делам» (Ad Titum, 2:14, cf. I Petri, 2:90). Эта цитата широко использовалась в византийской богословской литературе[4] применительно к христианам, а потом и просто к византийцам в целом[5]. Лишь в одном контексте «λαὸς περιούσιος» выступает как воинское

---

1 A Greek-English Lexicon of the Septuagint, ed. J. Lust / E. Eynikel. — Stuttgart, 2003 s. v.

2 Biblisches und emblematisches Wörterbuch: Teil 1: Text. Teil 2: Anmerkungen / Ed. by G. Schäfer. — Berlin; New York, 1999. — S. 87–88.

3 Danker Fr. W. A Greek-English Lexicon of the New Testament and Other Early Christian Literature. — Chicago, 2000 s. v.

4 Gregorius Nyssenus. De occursu domini // Patrologia Graeca. — Vol. 46, 1168; Eusebius Commentaria In Psalmos // Ibid. — Vol. 23, 29; 796; Epiphanius. Ancoratus und Panarion / Ed. K. Holl. — Leipzig, 1933. — Bd 3. — 314 s.; Gregorius Nazianzenus. In sanctum pascha // Patrologia Graeca. — Vol. 36, 660; Joannes Chrysostomus. Expositiones in Psalmos // Ibid. — Vol. 55, 244; Anastasius Bibliothecarius. Sermo Theodori Studitae de Sancto Bartholomeo Apostolo / Ed. U. Westerbergh. — Stockholm, 1963. — 44 etc.

5 Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. — Bonn, 1838. — 285 s.; Nicetae Choniatae orationes et epistulae / Ed. van Dieten. — Berlin, 1972. — 176 s.; Teodoro II Duca Lascari. Encomio dell'Imperatore Giovanni Duca / Ed. L. Tartaglia. — Napoli, 1990. —

соединение, но и тут император обращается к своей армии как к защитнице истинной веры[6]. Хотя чёткого представления о том, что же значит слово «περιούσιος» само по себе, не было (оно может значить и «redundand», и «peculiar»[7]), всё-таки каждый византиец понимал, что «λαὸς περιούσιος» — это, по словам Иоанна Златоуста, «народ избранный, не имеющий ничего общего с другими»[8].

Однако именно потому, что это было всем ясно, таким диссонансом звучит данное словосочетание применительно к армии варваров-славян на имперской службе. Не в силах объяснить его, оба составителя самых авторитетных словарей византийского языка просто воздерживаются от толкований: в словаре Дж. Лампа интересующий нас контекст выделен в специальное гнездо «of Slavonic troops of Justinian II»[9], а Е. Софоклис, перечислив обычные значения слова, отдельной строкой, нарушая законы словарного бесстрастия, добавляет: «preposterously applied to the Slavic legions in the army of Justinian the Second»[10].

Большинство исследователей придерживаются мнения, что словосочетание «λαὸς περιούσιος» надо в данном случае понимать *вне* его библейского контекста. Оно переводилось по-разному: как «Spezialtruppe», «special army», «supernumerary»[11], «дополнительное войско»[12], «отряд отборный»[13], «отличное войско»[14], и даже «опричное ополчение»[15]. Г. Г. Литаврин писал: «Как видно, император высоко оценивал воинские качества славян»[16]. В. Зайбт видит причину использования столь экзотического словосочетания в том, что «der Kaiser sie als sein persönliches Eigentum ansah», и отвер-

---

772 p.; Manuelis Holoboli orations / Ed. M. Treu [Programm des königlichen Victoria-Gymnasiums 2. Potsdam, 1907]. — 69 etc.

6 Ahrweiler H. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète, Travaux et mémoires 2. 1967. 19.

7 Lampe G. W.H. A Patristic Greek Lexicon. — Oxford, 1969. — 1069 s. v.

8 Joannes Chrysostomus. In epistulam ad Titum // Patrologia Graeca. — Vol. 62. — 690.

9 Lampe G. W.H. A Patristic Greek Lexicon. s. v.

10 Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods (from B. C. 146 to A. D. 1100) / by E. A. Sophocles. — Cambridge, Mass., 1914. — P. 879–880.

11 Graebner M. D. The Role of the Slavs within the Byzantine Empire, 500–1018. — Ann Arbor, Mich., 1977. — P. 69.

12 The Chronicle of Theophanes / Transl. H. Turtledove. — Philadelphia, 1982. — P. 64.

13 Ламанский В. И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. — Санкт-Петербург, 1859. — С. 3.

14 Ferluga J. Untersuchungen zur Byzantinischen Provinzverwaltung. — Amsterdam, 1992. — S. 59.

15 Успенский Ф. История Византийской империи. — Т. 1. — Санкт-Петербург, 1913. — С. 804.

16 Свод древнейших письменных известий о славянах / Изд. Г. Г. Литаврин. — Т. 2. — Москва, 1995. — С. 242–243.

гает библейский вариант как «nicht voll zutreffend»[17]. Н. Икономидис предположил, что обозначение «избранный народ» связано с тем, что «it is clear that here we have an army that the emperor considered an elite, tried to flatter, and somehow trusted»[18]. В сущности, это толкование развивает ту мысль, которую высказал ещё П. Й. Шафарик, переводивший интересующее нас словосочетание как «лейб-гвардия»[19].

Альтернативным вариантом перевода является подстановка евангельского эквивалента. В соответствии с этим, уже Анастасий Библиотекарь понял «λαὸς περιούσιος» Феофана как цитату и передал её ровно так, как она стоит в «Вульгате»: «populum accepabilem»[20]. К. Манго, переводя Феофана, остановился на библейском варианте «the Chosen People»[21], однако переводя практически совпадающий текст Никифора, тот же К. Манго предпочёл нейтральный вариант: «the Peculiar People»[22].

Итак, что же означает это странное именование? Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо внимательно взглядется в нюансы того, как именно интересующий нас эпизод отражён в византийских источниках. Вот как рассказывает Феофан: «В этом году Юстиниан отобрал из переселённых им славян и зачислил в войско (ἐστράτευσε) тридцать тысяч человек. Раздав им оружие (ὁπλίσας), он нарёк их "народом избранным" (λαὸν περιούσιον), а начальником им [поставил] Небула. Положившись на них, [Юстиниан] написал арабам, что он более не соблюдает письменно заключённого и согласованного мира. Взяв "народ избранный" и все кавалерийские отряды, он двинулся к приморскому Севастополю... [Предводитель арабов] Мухаммед вошёл в сношения с полководцем славян, союзником ромеев: он послал ему мешок, набитый деньгами, и, обольстив обещаниями, убедил его с двадцатью тысячами славян перебежать на сторону арабов. Таким способом он обратил ромеев в бегство. Тогда Юстиниан перебил остатки [славян] вместе с жёнами и детьми, возле так называемой Левкаты, места крытого и прибрежного, лежащего у Никомедийского залива»[23].

---

[17] Seibt W. Neue Aspekte der Slawenpolitik Justinians II: Zur Person des Nebulos und der Problematik der Andrapoda-Siegel // Византийский временник. — Т. 55. — Москва, 1998. — С. 128.

[18] Oikonomidès N. Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: The Seals of Kommerkiarioi // Dumbarton Oaks Papers. — Vol. 40 (1986). — 53.

[19] Šafarik J. Slavische Alterthümer. — Bd. II. — 1844. — S. 231.

[20] Anastasii Bibliothecarii Historia ecclesiastica sive Chronographia. — Javarina, 1792. — P. 62.

[21] The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern... / Transl. C. Mango, R. Scott. — Oxford, 1997. — P. 511.

[22] Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History / Ed. C. A. Mango. — Washington, D. C., 1990. — P. 93, 95.

[23] Theophanis chronographia / Ed. C. de Boor. — Vol. I. — Leipzig, 1883. — P. 365–366.

Патриарх Никифор в этом месте явно опирается на тот же самый источник, что и Феофан, но, как и всегда, чуть смещает акцент: «Из них (переселённых славян) он зачисляет в войско (στρατεύει) до тридцати тысяч народу (λαὸν), вооружив которых, назвал их "народом избранным" (οὓς ἐξο πλίσας λαὸν ἐκάλεσε περιούσιον), поставив над ними начальником человека по имени Небул, из самых знатных. Опираясь на них, он нарушает мир с сарацинами, заключённый его отцом [...] и отправляется на них походом [...] [Арабы] пошли на ромеев, и те обратились в бегство, а *названный "избранным" народ славян* (κληθεὶς περιούσιος τῶν Σκλάβων λαὸς) перешёл на сторону сарацинов и вместе с ними убивал ромеев»[24]. Как видим, Никифор уже указывает на противоречие между именованием войска и его поведением, однако религиозной составляющей здесь ещё не выявляется.

Но вот уже Георгий Амартол с несомненностью подтверждает «библейский» смысл интересующего нас словосочетания: «Отобрав из них и зачислив в войсо тридцать тысяч, он назвал их избранным народом; вооружив их и подчинив себе, он, уповая на их мужество и помощь, пишет сарацинам, что он более не придерживается мира, заключённого между ромеями и сарацинами; взяв *этот самый "избранный народ", точнее же нечестивый* (τὸν περιούσιον ἐκεῖνον λαόν, μᾶλλον δὲ ἀνόσιον), и прочие войска, он выступает к Севастополю... Когда началось сражение, двадцать тысяч из тех славян перебежало к сарацинам, а ромеи были обращены в бегство и перебиты... Император с великим позором и поражением бежал в приморскую Левкату и перебил десять тысяч оставшихся славян вместе с жёнами и детьми»[25]. Понятие «ἀνόσιος» имеет ярко выраженный религиозный характер, и его противопоставление «περιούσιος» однозначно доказывает, что Амартол прочитывал акцию Юстиниана как «христианизирующую» славян. Заметим, что как патриарх Никифор[26], так и Георгий Амартол[27] используют словосочетание «λαὸς περιούσιος» и в других местах, никак не связанных со славянами, и там его значение — стандартно-библейское, так что и в этом случае оно остаётся несомненно таким же.

Из прочих хронистов Логофет точно следует за Амартолом, а Георгий Кедрин — за Феофаном, чуть его сокращая, но не добавляя ничего нового[28]. А вот Иоанн Зонара вносит некоторый нюанс: «Из них он составил новый отряд, и избрав из их числа мужей смелых и храбрых, числом до тридцати

---

24 Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History. — P. 92.

25 Georgii monachi chronicon / Ed. C. de Boor. — Vol. I. — Leipzig, 1904. — P. 730.

26 Sancti Nicephori. Antirrheticus liber quartus / Ed. J. B. Pitra // Spicilegium Solesmense I. — Paris, 1852. — Cap. 50–51.

27 Georgii monachi chronicon. — P. 249.

28 Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae ope / Ed. I. Bekker. — Vol. I. — Bonn, 1838. — P. 772–773.

тысяч, назвал их "избранным народом"... И тотчас двадцать тысяч из числа избранного народа перебежали к арабам, [...] [Юстиниан], когда оказались в Левкате, приказал убить всех, кто остался *из избранного народа славянского* (ἐκ τοῦ περιουσίου λαοῦ τῶν Σθλαβικῶν)»[29]. Текст кажется испорченным: в двух других случаях, когда Зонара употребляет прилагтельное «Σθλαβικῶν», оно сопровождает существительное «ἐθνῶν» («народов»)[30], причём один из них относится как раз к событиям, предшествующим нашему эпизоду: «[...] отправившись походом в западные области, [Юстиниан] привёл многие из славянских племён (πολλὰ τῶν Σθλαβικῶν ἐθνῶν)». Если и в нашем эпизоде подразумеваются «племена», то библейское противопоставление христианского народа языческим племенам становится ещё более выпуклым.

Не следует думать, будто библейский аспект исключал чисто военный смысл: слово «λαὸς» могло употребляться в значении «войско»[31], и нет сомнений, что Юстиниан не всех переселённых славян нарёк «λαὸς περιούσιος», но лишь тех, кто был зачислен в новонабранную армию. Из сообщений источников ясно следует, что жёны и дети, впоследствии перебитые императором в отместку за предательство их мужей и отцов, явно не считаются частью «λαὸς περιούσιος».

Зачем же Юстиниану II понадобилось нарекать славянское войско столь экзотическим образом? На то обстоятельство, что император пропагандировал себя в качестве нового апостола, обратил внимание Дж. Брекенридж в своей монографии о монетах этого правителя. Однако исследователь констатирует нечто, что кажется ему противоречием: с одной стороны, нумизматика Юстиниана в конце 680-х гг. должна была бы внушать подданным идею, что император является сторонником «священной войны», а с другой стороны — его военные кампании на Балканах никак не выявляют своего «крестоносного» характера[32]. Противоречие это, однако, снимается, если мы допустим, что юстинианова пропаганда была нацелена на войну не столько с булгарами и славянами, сколько с арабами.

Можно ли допустить, что Юстиниан назвал «избранным народом» войско, состоящее из язычников? На этот вопрос трудно отвечать с уверенностью: возможно, это была своеобразная «шутка» императора — в конце концов вся его богатая перипетиями жизнь свидетельствует, насколько

---

29 Ioannis Zonarae epitomae historiarum libri xviii / Ed. T. Büttner-Wobst. — Vol. III. — Bonn, 1897. — P. 229–231.

30 Ibid. — P. 229–300.

31 Three Byzantine Military Treatises / Ed. G. T. Dennis [Corpus Fontium Historiae Byzantinae: Series Washingtonensis 25, Washington, D. C., 1985, index s. v.].

32 Breckenridge J. D. The numismatic iconography of Justinian II: (685–695, 705–711 A. D.). — New York, 1959. — P. 92–93.

нестандартным человеком он был. Но нельзя совсем исключать и того, что Юстиниан крестил тех славян, которых зачислял в новое формирование. Это предположение не покажется уж вовсе невероятным, если мы примем во внимание свидетельство жития Панкратия Тавроменийского, написанное примерно в это же время и повествующее как раз о крещении пленных «аваров», под которыми вполне допустимо понимать славян[33]. Если это так, то рассказ хронистов о конфузе 692 г. — первое свидетельство массового обращения славян в христианство. В этом случае многократное повторение слов «λαὸς περιούσιος» в хрониках — форма горького сарказма в адрес незадачливого императора.

---

33 Ср.: Ivanov S. "Pearls before swine": Missionary work in Byzantium. — Paris, 2015. — P. 72–74.

Л. І. Іванченко, О. П. Моця

Ранні міські центри у зоні Степового кордону Європи

Дослідження урбаністичних центрів середньовічних часів залишається однією із пріоритетних тем вітчизняної науки. Серед них, звісно, археологія Києва «не пасе задніх»[1]. Але цей науковий напрям має чисельні відгалуження, один із котрих — вивчення міста на землеробсько-кочівницькому порубіжжі сучасних українських земель, своєрідному міжцивілізаційному європейському кордоні.

Та спочатку слід нагадати, що таке історико-географічне поняття, як «Степовий кордон Європи» є частиною всесвітньої системи «великих кордонів», котрі пролягають у Північній та Південній Америках, Китаї, Австралії, Африці[2]. Під цим поняттям, у першу чергу, розуміють зону розмежування номадського та землеробського світів, що проявлялася на різних континентах і територіях у різний час у масі конкретних варіантів, у тому числі розмірах населених пунктів, їх топографії та специфіці функціонування. Поняття «Степовий кордон» аналогічно «Великому кордону». Узагалі ж, це явище — одне з найважливіших для розуміння історії всього людства. Адже від часу розподілу народів на два глобальних згаданих світи й виник перший «Великий кордон», а далі подібні процеси, у тому числі на території сучасної України, переходили з тисячоліття в тисячоліття, від одного століття до іншого[3].

Але перед тим, як безпосередньо переходити до розгляду заявленого в назві питання, слід звернути увагу на контакти між представниками двох згаданих цивілізацій (у широкому розумінні цього терміна), спираючись хоча б на думку такого відомого знавця, як Георгій/Джордж Вернадський. Він, зокрема, відзначав, що роль степових кочівників в історичних дослідженнях часто подається як винятково негативна, подібно визнається й доволі низь-

---

[1] Івакін Г. Ю. Історичний розвиток Києва XIII — середини XVI ст. — К., 1996; Його ж. Визначні пам'ятки Києва. — К., 2005 (у співавт.) та ін.

[2] Брехуненко В. Козаки на Степовому Кордоні Європи. — К., 2011. — С. 12.

[3] Історія українського козацтва: Нариси в двох томах. — Т. 1. — К., 2006. — С. 103.

кий культурний рівень їх розвитку. Натомість це величина непостійна, вона змінюється як у часі, так і у просторі.

Слід пам'ятати і про те, що роль кочових спільнот у культурній історії Євразії та всього Старого Світу була значною. Кочові народи тісно пов'язані з осілими сусідами. Продукти кочівницької та землеробської культур часто доповнювалися. При цьому степова імперія, досягши якихось значних розмірів, підтримувала зв'язки з різними, часом віддаленими одна від одної осілими спільнотами. Щодо Євразійського материка, тут у давні часи можливо виокремити три головних області культури:

– південний схід від області степів — Китай;

– у південному куті — Хорезм;

– на південному заході — середземноморська область.

Усі ці різні географічні області землеробської культури були початково слабо пов'язаними між собою, кожна з них жила відносно окремим життям. Сприяв розвитку відносин між ними той «легкий на підйом» елемент, який знаходився між Китаєм і Хорезмом, між Каспієм і Чорномор'ям — кочовики. Степ і пустеля у цьому розумінні можуть бути зіставлені з морем — вони мали таке ж об'єднувальне значення для відрізаних одна від одної частин «твердої культури» (землеробсько-приморської). Також, як і на морях, у степу вирували свої «бурі» — періоди спустошувальних набігів та міграцій кочівників[4].

Звичайно, ми не будемо глобально розглядати в даному випадку настільки широку історичну тему. Нам буде достатньо зупинитися, і то лише частково, на тих урбаністичних питаннях, котрі виникають під час дослідження пам'яток середньовічних часів у різних, відносно більш локальних регіонах Європи — як у місцях проживання традиційно осілих народів, так і тих, котрі лише робили «перші кроки» у процесі осідання на землю. Маємо на увазі східних і західних слов'ян, волзьких булгар, хозар, чорних клобуків.

Говорячи про перших із названих вище, то під час експедиції українських і татарських археологів уздовж шляху Булгар — Київ, котрий функціонував у кінці I — на початку II тис. н. е. на обширах південних областей Київської Русі та Волзької Булгарії, було зафіксовано цілий ряд «караван-сараїв», де укріплені частини мали доволі невеликі розміри: Русанів (0,65 га), Липове (1 га), Горналь (0,3 га), Гочево (0,2 га), Животинне (0,5 га) та ін. Натомість своєрідні відкриті посади при них мали значно більші розміри: Русанів — декілька гектарів (точно встановити не вдалося у зв'язку з нетривалими польовими дослідженнями в околицях городища), Липове — 20 га, Зелений Гай — 25 га, Горналь — 24 га, Гочево — близько 35 га. У тих місцях, де наявна інформація про курганні некрополі доступна для аналізу, то

---

4 Вернадский Г. В. Начертание русской истории. — Санкт-Петербург, 2000. — С. 42–43.

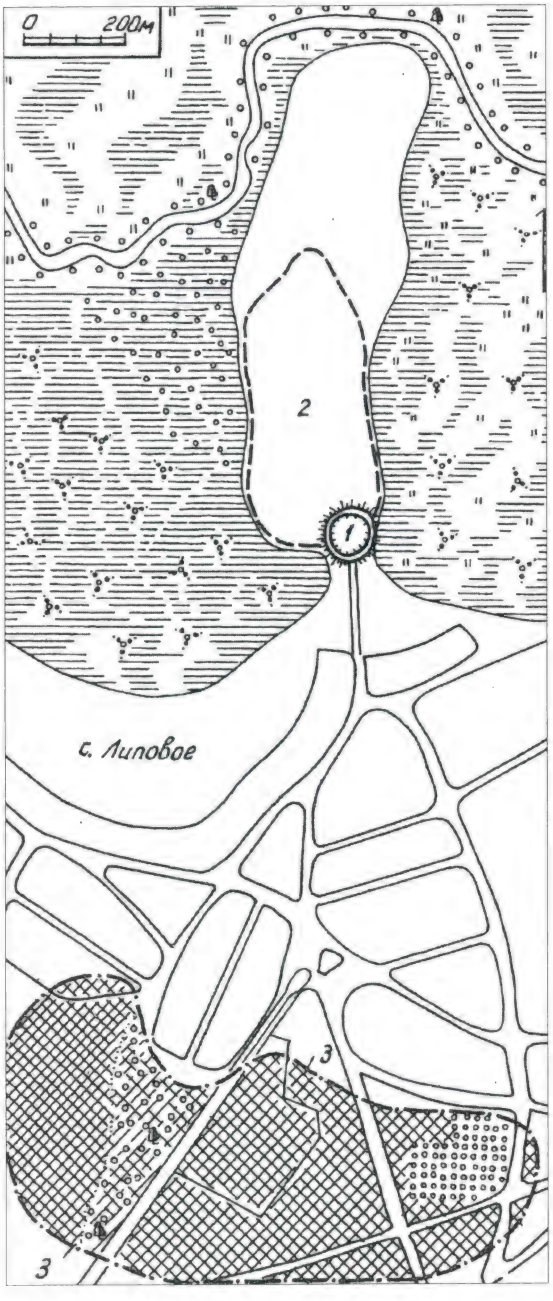


Рис. 1. Комплекс пам'яток у с. Липове:
1 — городище; 2 — селище; 3 — курганний могильник

вони відрізняються від ординарних населених пунктів чималими масштабами: Липове — раніше нараховувалося до 5000 насипів, Зелений Гай — збереглося 2427 (ще є сліди від декількох десятків насипів, знищених під час лісопосадкових робіт), Горналь — не менше 2000, Гочево — 3648 курганів. Звісно, у давнину курганів у межах таких комплексів було значно більше. Частину з них повністю нівельовано земляними й сільськогосподарськими роботами, деякі розграбували скарбошукачі. Але ж ті некрополі, котрі збереглися до сьогодення (у першу чергу Липове та Зелений Гай на території України), залишаються найбільшими серед синхронних пам'яток Європи, а тому заслуговують першочергової уваги з боку державних пам'яткоохоронних органів.

Типовим даного типу археологічним об'єктом є комплекс біля села Липового на р. Ромен, що на півдні сучасної Чернігівщини (рис. 1). Складається він із невеликого городища, обширного посаду та згаданого вище курганного некрополя. На поселенні, окрім землеробства і тваринництва, розвивалися різні ремесла, про що свідчить виявлення керамічних, металевих шлаків. На торгівельні зв'язки та ремісниче виробництво вказують необроблений овруцький шифер і браковане прясло з цього ж сланцю. Слід також відзначити, що поряд із поселенням було близько 20 га угідь, де (вірогідно) утримувалося поголів'я та обробллялися городи. А на могильнику в

різні роки досліджено близько 170 курганів, де зафіксовано (у більшості) трупопокладення в підкурганних могильних ямах. У цілому весь комплекс датується XI–XII ст., хоча відомі й матеріали, що відносяться до більш ранньої роменської археологічної культури кінця I тис. н. е.

Цікавими виявилися результати антропологічного аналізу. Зокрема краніологічна інформація вказує на поховання тут представників місцевого населення — нащадків літописних сіверян. Серед захоронень зафіксовано лише 5% дитячих могил. Середній вік дорослого (понад 20 років) населення складає 41,5 років. При цьому у чоловіків він досягав 43,7, а у жінок — лише 38 років. В останніх, вірогідно, смертність у молодому віці порівняно з чоловіками була вищою, але при досягненні 35–40-літньої межі різко знижувалася. Це можна пояснювати їх високою смертністю в репродукційному віці. Водночас у представників протилежної статі навпаки — спостерігається підвищення смертності у зрілому (30–50 років) віці. Аналіз зубощелепної патології вказує на існування тих самих видів захворювань, що у сучасного автохтонного населення (правда, у відносно менших масштабах): пародонтит, карієс, періодонтит, відкладення зубного каменю й т. п. Прикус та висока стертість емалі говорять про характер їжі — вона була жорсткою та грубою.

Об'єднувальна риса всіх згаданих вище пам'яток за схемою «невелике городище — значні за розмірами посад і могильник» стало те, що всі вони аналогічні пам'яткам більш північних районів Центрально-Східної та Північної Європи: Шестовиця, Гньоздово, Рюрикове городище, Тимерево, Бірка, Гедебю. Нині їх називають «відкритими торговельно-ремісничими поселеннями» або ж «віками», але частіше іменують загальною назвою — «ембріони міст» (рис. 2). Функціонування таких поселень відносять здебільшого до епохи ранньодержавних утворень на європейських просторах. А головну причину затухання чи часткового припиненні життєдіяльності в подібних центрах убачають в їх орієнтації на зовнішні торговельні зв'язки (котрі на певному етапі припиняються в тому чи іншому мікрорегіоні й переносяться на нові території), а також у відірваності від місцевої сільської округи — одного з основних «локомотивів» середньовічного міста[5].

Говорячи ж про кількість жителів, які мешкали на території подібних «відкритих торговельно-ремісничих поселень» на півдні Київської Русі, то виходячи з формули підрахунку населення за даними поховальних пам'яток середньовічної епохи (кількість курганів, помножена на середню тривалість життя людини в ті часи, розділена на час існування конкретного могильника), її можливо визначати в такому числовому вимірі: у Липовому прожива-

---

5 Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. — К., 1989. — С. 233.

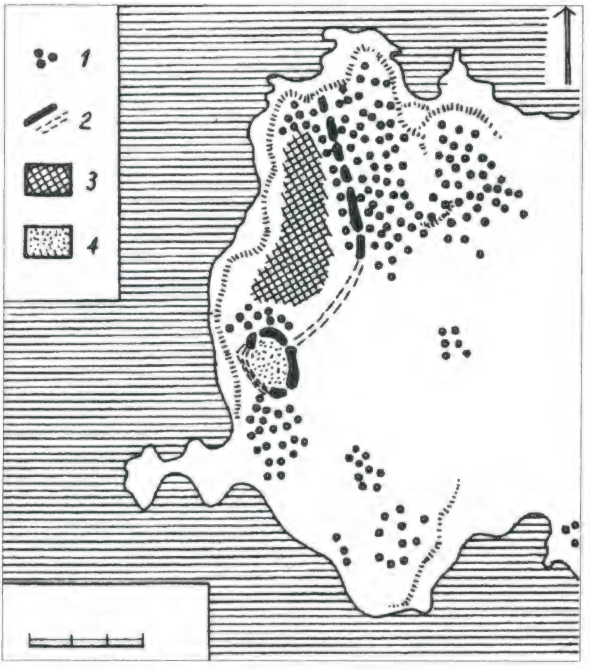


Рис. 2.
План Бірки: 1 — кургани;
2 — укріплення; 3 — селище;
4 — городище

ло до 1300 людей, у Зеленому Гаї — 600, у Горналі — понад 500, а в Гочевому — близько 1000 осіб.

Звичайно, такі показники є нижніми при визначенні числа проживаючих на територіях проаналізованих середньовічних населених пунктів у зв'язку зі зменшенням кількості комплексів уже після припинення їх використання (земляні роботи, випадкові руйнування й т. п.). Але, все ж, потрібно для порівняння відзначити, що кількість жителів уже також згаданих скандинавських Бірки й Гедебю, відповідно, дорівнювало 500–600 і 1000 осіб. Як і у Гньоздові під Смоленськом, де в період розквіту проживали 800–1000 людей[6]. У цьому контексті слід брати до уваги й суттєве збільшення населення в торгові пори року. Хоча, як удалося встановити під час аналізу археологічних та антропологічних матеріалів із конкретних пам'яток, тісних різноманітних зв'язків між автохтонами та прийшлими не було. Останні не бажали негайно обзаводитися сім'ями й осідати на постійне мешкання в новому для себе середовищі. Контакти в основному обмежувалися діловими справами та вирішенням практичних питань, у першу чергу отримання дивідендів від операцій міжнародної торгівлі.

---

6 Ениосова Н. В., Пушкина Т. А., Мурашева В. В. Гнёздово — раннегородской центр Смоленской земли // Вестник Московского университета: Серия 8: История. — № 5. — Москва, 2012. — С. 182.

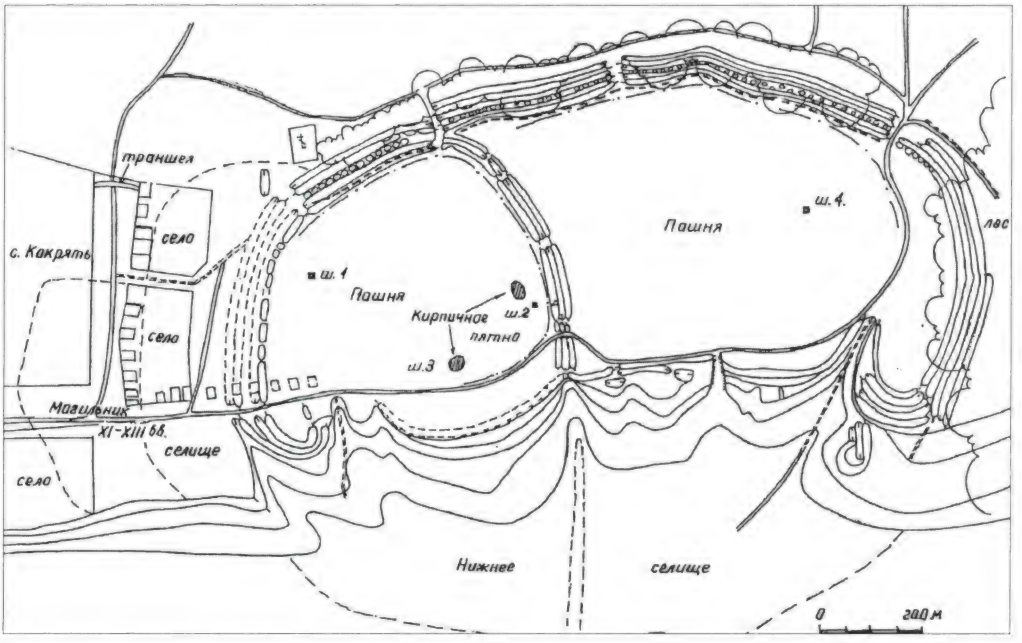


Рис. 3. План-схема городища Какреш

Зовсім іншу топографію у плануванні населених пунктів на шляху Булгар — Київ спостерігаємо вже на території колишньої Волзької Булгарії, зокрема на відомому Кокрятському археологічному комплексі, котрий ще у XVII–XVIII ст. називався Какре (або ж Какреш; у перекладі з татарської — Поворотний) на правому березі р. Утка біля с. Кокрять Ульяновської обл. (рис. 3). Він складається з городища, відкритих селищ і могильника. Для нас найбільш цікава перша складова комплексу, топографія котрої доволі відрізняється від описаних вище випадків. Вона складалася з двох частин, мала складну систему укріплень і поділялася на мале — своєрідний дитинець або кремль, та велике (східне) містечка, але загалом обидві частини становили єдину систему.

Мале (західне) містечко мало підквадратно-підовальну форму, практично обмежену з усіх сторін укріпленнями. Максимальні її розміри 42 га. Не менш складний характер мали й фортифікації у східній частині городища, котрі оточували площу 52,5 га. Тож у цілому укріплена частина цього комплексу займала територію 72,5 га. Найбільш значні оборонні споруди знаходилися з північного боку, де вони тягнулися приблизно на 1000 м, мали потрійну лінію валів та ровів лише з одним неукріпленим проміжком завширшки 25–30 м. У південно-східній частині городища, на спуску до надлугової тераси у заплаві ріки, на майданчику 150 × 300 м розміщувалася ще одна доволі

складна система укріплень, південніше котрої спостерігається оточена ровами невелика площадка, скоріш за все від дозорно-сторожової башти, звідки контролювався підйом на верхню територію.

У цілому ж проведені археологічні дослідження Кокрятського городища, а також топографічні дані, указують на те, що тут у середньовічні часи знаходився значний урбаністичний центр, котрий виконував функції манзіля (місця відпочинку й торгівлі) на шляху Булгар — Київ, і одночасно був поворотним пунктом у системі інших караванних шляхів, що пролягали з Булгара, Сувара та інших міст Волзької Булгарії. Західну частину міста та прилягаючий із заходу посад населяли місцеві жителі, а східна, що мала чималу площу майже 0,5 млн кв. м, могла служити пристановищем для караванів. Південна ж частина, яка тягнулася від міста до правого берега р. Утка (можливо «Ватиг» за Ібн-Фадланом), становила собою обширні й відносно добре захищені заплавні пасовиська для тварин із цих караванів. Від північно-східного кута південної частини городища до цього лугу, а також до основних маршрутів караванів, знаходився доволі пологий і добре захищений валами узвіз, а також висока охоронна башта[7]. Перед нами — яскравий приклад топографічних особливостей східного міста з його кочівницькою специфікою, коли за необхідності великі стада знаходили притулок за зведеними людиною укріпленнями. Такі особливості номадського життя простежуються з часів раннього залізного віку (Більське, Ходосівське, Пастирське та інші значні за розмірами городища на території сучасної України; рис. 4)[8].

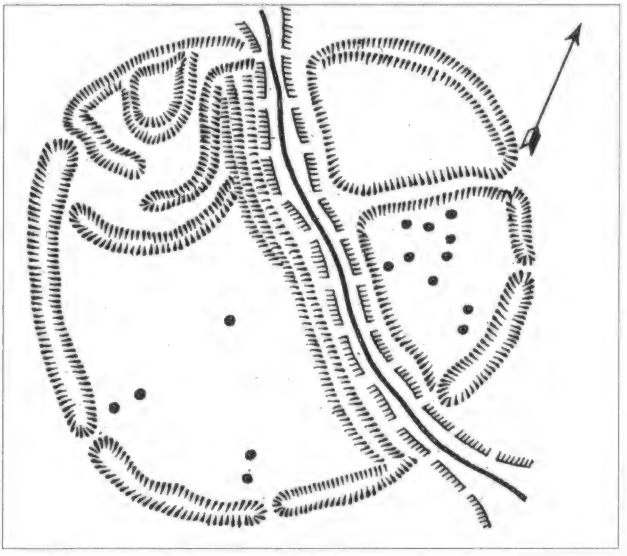
Такі ж характерні особливості кочівницького міста простежуються у середньовічні часи у центрі союзу чорних клобуків на Пороссі — у літописному місті Торческу біля сучасного села Шарки на Київщині (згадується в тогочасних писемних джерелах до 20 разів). Городище розташоване на рівному степовому плато, порізаному древніми ярами у зоні розселення «своїх поганих» на річках Рось і Гороховатка. Пам'ятка складається з двох великих укріплених частин, що розташовані на деякій відстані одна від одної. У середині північно-східних фортифікацій знаходиться ще одна округла, але значно менша за розмірами укріплена частина — цитадель (рис. 5). Загальна площа всіх уфортифікованих частин становить понад 93 га. Окрім чисельних знахідок часів Київської Русі по всій площі пам'ятки, на території цитаделі виявлено ще й християнське кладовище, полив'яні плитки й частину хороса (можливо, залишки церкви). Після поодинокого дослідження земляних валів було встановлено, що їх спорудження відбулося якраз у давньоруський час за відносно короткий хронологічний відрізок.

---

7 Моця А. П., Халиков А. Х. Булгар — Киев: Пути — связи — судьбы. — К., 1997. — С. 96–107, 142–149, 172–175.

8 Археология Украинской ССР. — Т. 2. — К., 1986. — С. 93, 114.

Рис. 4.
Пастирське городище I тис. до н. е.



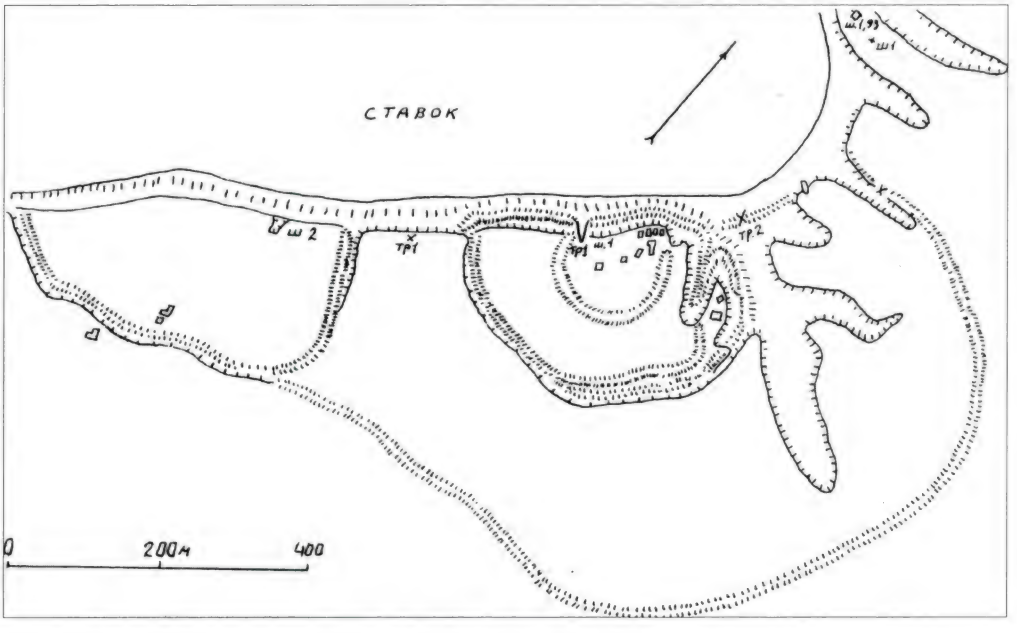


Рис. 5. Городище біля с. Шарки на р. Гороховатка

Назва населеного пункту (Торчеськ) указує на його основних засновників — «торків» давньоруських літописів, «узів» візантійських хронік та «гузів» зі східних джерел. Міграція у західному напрямку торків-гузів була пов'язана з тим, що у середовищі гузьких орд, які до того кочували у приуральських степах, почався так званий «рух Сельджукідів». Кочовики північного потоку робили спроби прорватися на багаті землі Візантійської імперії, але їх частина осіла саме на Пороссі, де й заснувала (за підтримки давньоруських князів) свій типовий за топографічними особливостями номадський осередок — адміністративний центр даного мікрорегіону першої держави східних слов'ян[9].

У тих випадках, коли номади вже остаточно переходили на осілий спосіб життя, у них проявлялися риси містобудування, притаманні їхнім традиційно осілим сусідам — поява на укріплених площах відносно невеликої за розмірами цитаделі. Це цілком проявилося в топографії класичної пам'ятки населення Хозарського каганату — першого ранньофеодального утворення на території Східної Європи. Ідеться про археологічний комплекс біля сучасного с. Верхній Салтів на Харківщині на високому правому березі р. Сіверський Донець. Вибір місця для спорудження фортеці, вірогідно, був у першу чергу обумовлений міркуваннями фортифікаційного характеру. Зі сходу та півночі крутосхили підвищення служили добрим природним оборонним рубежем. Західна ж частина підвищення становила собою пологий майданчик (рис. 6).

Із півночі, заходу, півдня городище оточував земляний вал та рів. Східний схил, обернений до річки, був неприступним, оскільки русло Сіверського Дінця в давні часи проходило безпосередньо біля згаданого підвищення. Окрім того, схили ескарпували. Посередині самого городища, майже під прямим кутом до ріки, проходив глибокий рів, що розділяв його на дві частини: північну та південну. Найбільш укріплена південно-східна частина, де розміщувалася цитадель, мала міцні кам'яні мури. Верхньосалтівська фортеця була прямокутної форми, за розмірами приблизно 100 × 140 м (1,4 га). Мала башти (від однієї зберігся прямокутний у плані фундамент) та рів.

Отримані матеріали археологічних досліджень свідчать про те, що у цій місцевості у VIII–X ст. існувало значне (площею близько 120 га) середньовічне місто, котре, очевидно, було великим ремісничим, торговельним і, можливо, адміністративним центром[10]. Не слід також забувати і про його суто військове значення на межі між кочівницьким і осілим світами.

Якщо ж розглядати західнослов'янські пам'ятки в контактній зоні з Великим степом, то тут знову спостерігається картина, аналогічна розглянутій на східнослов'янсько-кочівницькому прикордонні: невеликі за розміра-

---

9 Иванченко Л. Сельджукский след в Поросье // I. Uluuslararasi selçuklu sempozyumu. — Kayseri, 2010. — S. 209–210.

10 Археология Украинской ССР. — Т. 3. — К., 1986. — С. 216–217.

Рис. 6.
План археологічних пам'яток біля с. Верхній Салтів:
1 – городище;
2 – цитадель;
3 – посад;
4 – катакомбний могильник;
5 – поселення;
6 – ґрунтовий могильник

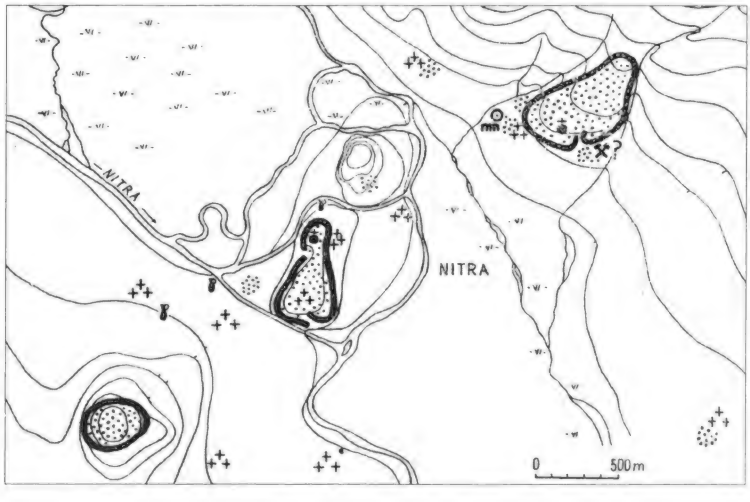


Рис. 7.
План Нітри IX ст.

ми центральні укріплені райони ранніх урбаністичних центрів та прилеглі до них неукріплені житлові масиви й могильники. Це чітко простежується за матеріалами Нітри та Кракова (рис. 7–8).

Перший із названих населених пунктів входив до складу Великої Моравії, а другий перебував у зоні її впливу. Але великоморавські урбаністичні осередки демонструють і кочівницько-землеробські традиції в будівництві укріплень. Так, у Микульчицях укріплена частина суттєво відрізняється від класичних форм ранньослов'янських градів у бік збільшення захищених

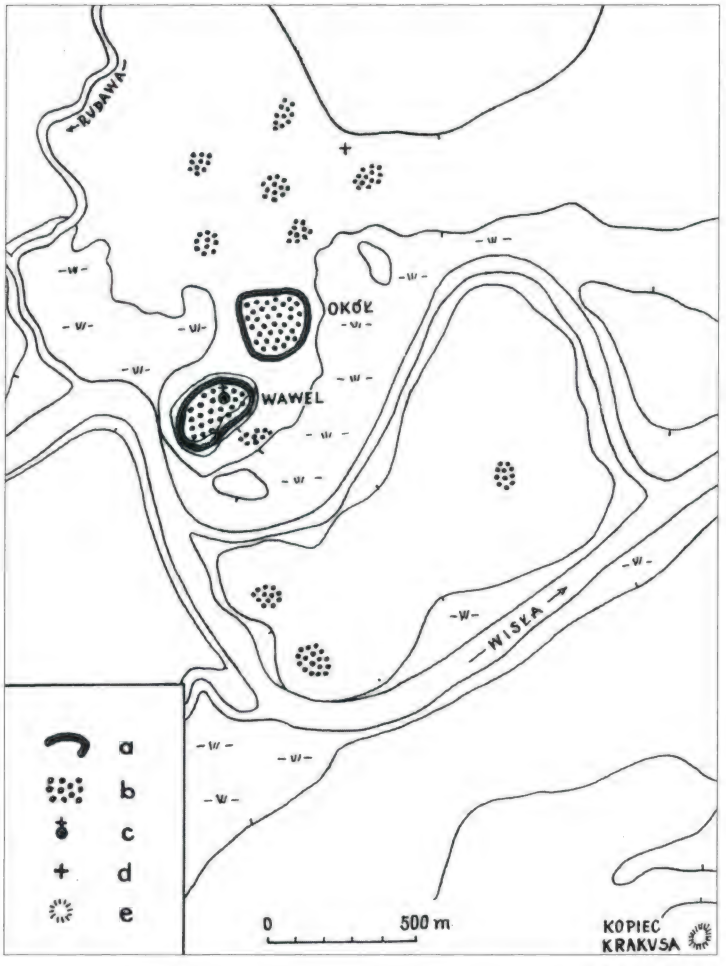


Рис. 8.
План Кракова X ст.:
a – укріплення;
в – житлова частина;
c – костел;
d – могильник;
e – курган

територій (рис. 9)[11]. Немає жодного сумніву, що в останньому із наведених випадків топографічні особливості з'явилися під впливом населення Аварського каганату, з яким ранньовеликоморавське населення вступало в різноманітні контакти.

На цьому сліди певних «перегукувань» між фортифікаційними традиціями Сходу й Заходу не вичерпуються. Тут можна згадати звичай створення багаторядних укріплень та спорудження їх на природних схилах місцевості. Зокрема наявність двох ровів на схилі Південного Вітачівського городища пов'язується із запозиченням такого прийому від пороських кочівників. Останніх познайомили із таким нюансом фортифікаційного будівництва

[11] Leciejewicz L. Słowianszczyzna Zachodnia. — Wrocław etc., 1976. — S. 142, 145, 152.

Рис. 9.
План Микульчиць IX ст.:
a – укріплення;
в – рови;
с – кам'яно-цегляна
архітектура

вихідці з салтівського середовища, а ті, своєю чергою, перейняли його від майстрів середньоазіатського світу[12]. А з іншого боку, традиція використання кількарядних укріплених ліній начебто «тягне» у західному напрямку. Прикладами можуть бути системи валів і ровів, зафіксовані в пороських Буках, Губині на Случі або ж у Ходліку під Ополем-Любельським чи на укріплених центрах поблизу Трепчі в околицях Санока[13]. Тож із цього приводу традиційно можемо зауважити, що лише дальші більш ґрунтовні дослідження дозволять в якійсь мірі знайти відповідь на ці та подібні питання.

---

[12] Плетнева С. А., Макарова Т. И. Южное городище у с. Витичева // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. — Вып. 104. — Москва, 1965. — С. 56–57; Моргунов Ю. Ю. Поросский и Болоховский регионы Южной Руси // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. — Рязань, 2012. — С. 201.

[13] Іванченко Л. І. Городище в с. Буки — форпост давньоруського кордону Західного Поросся // Стародавній Коростень і слов'янські гради VIII–X ст. — К., 2004. — С. 116; Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. — № 52. — Москва; Ленинград, 1956. — С. 50; Historia kultury materialnej Polski. — T. 1: Od VII do XII wieku. — Wrocław etc., 1978. — S. 41; Ginalski J., Glinianowicz M., Kotowiz P. Elementy "poludniowe" w kulturze materialnej mieszkańców Kotliny Sanockiej w IX–X w. // Transkarpackie kontaktu kulturowie w okresie lateńskim, rzymskim i wczesnym średniowieczu. — Krosno, 2013. — S. 387.

Зробимо певні висновки. Свого часу В. Массон відзначав, що двома крайніми полюсами процесу культурогенезу виступають, з одного боку, культурні взаємозв'язки, а з іншого — свого роду культурний ізоляціонізм. А самі такі взаємозв'язки, як альтернативне явище, тісно пов'язані із загальним історичним прогресом, посиленням усіх видів комунікацій від відпрацювання стандартів до розвитку торгівельної діяльності. При цьому виділяються зони особливої активності, котрі в ряді випадків можна розглядати як контактні у процесі культурогенезу. Природа таких зон могла бути різною, і у своїх витоках мала висхідною точкою фізико-географічне та екологічне районування, що впливало на різні форми адаптації, котрі, своєю чергою, вели до традиційних форм життєдіяльності та поведінки[14].

На нашу думку, наведені вище приклади історичної топографії конкретних ранньоміських центрів різних середньовічних утворень у контактній зоні європейського світу — Київській Русі, Волзькій Булгарії, Хозарії, Великій Моравії — переконливо свідчать про перспективність вивчення таких взаємовідносин, котрі, зокрема, проявилися й на рівні організації життєвого простору у плані використання певних територій для формування самої урбаністичної структури цих ранньодержавних утворень. У землеробській зоні тогочасного світу основне життя проходило в межах неукріплених частин ранніх міст, а в кочівницькій — навпаки. Але поступово такі топографічні риси нівелювалися, що реально свідчило про незворотність процесу осідання різних груп тодішнього населення на землю.

---

[14] Массон В. М. Предисловие // Культурные взаимодействия в условиях контактных зон. — Санкт-Петербург, 1997. — С. 5.

А. Н. Кирпичников

Необычная средневековая крепость в г. Порхов Новгородской земли

По справедливости, Глеб Юрьевич Ивакин, которому посвящён этот том, — один из самых светлых творческих умов славянской археологии, в определённой мере её лидер. Нас давно связывают дружеские отношения. Надеюсь, что предлагаемая в настоящем сборнике моя небольшая статья не покажется юбиляру лишней.

В 1387 г. в связи с угрозой со стороны литовцев новгородцы по благословлению владыки Алексия аврально укрепили свою западную границу сооружением единственной там каменной Порховской крепости. В этом участвовал, по словам летописи, «весь Новгород», руководили оборонными работами высшие городские чины — посадники Иван Федорович и Фатьян Есифович. Имя «градодельца» неизвестно. Несомненно, это был незаурядный мастер, знакомый с передовыми приёмами европейской фортификации. Плановая структура и усовершенствованные в дальнейшем конструктивные узлы крепости были созданы в период её основания (рис. 1). По своему устройству они опережали своё время.

Защитные качества Порхова 1387 г. основывались в значительной мере на новой в практике того времени многобашенной обороне. Три башни: Малая, Никольская и Средняя, — были обращены в напольную сторону, откуда ожидалось нападение. Соединяющие их прясла стен и преграда между Средней башней и Псковским захабом отличались выраженной линейностью, что позволяло ведение фронтальной и, особенно, фланкирующей стрельбы. Башенный фронт крепости состоял из приблизительно равных по длине полигональных отрезков, равных 70–92 м, что обеспечивало сплошной косоприцельный прострел напольной обороны. Для своего времени полигональная планировка укреплений была достаточной новостью. Западная часть крепости в плане имела криволинейные очертания, что соответствовало береговому контуру реки Шелонь. Здесь не было необходимости в башнях. По условиям рельефа местности противник с этой стороны вряд ли мог наступать. Входы в крепость были укреплены захабами коридорного типа. Никольский захаб был дополнен, как уже упоминалось, башней. Примеча-

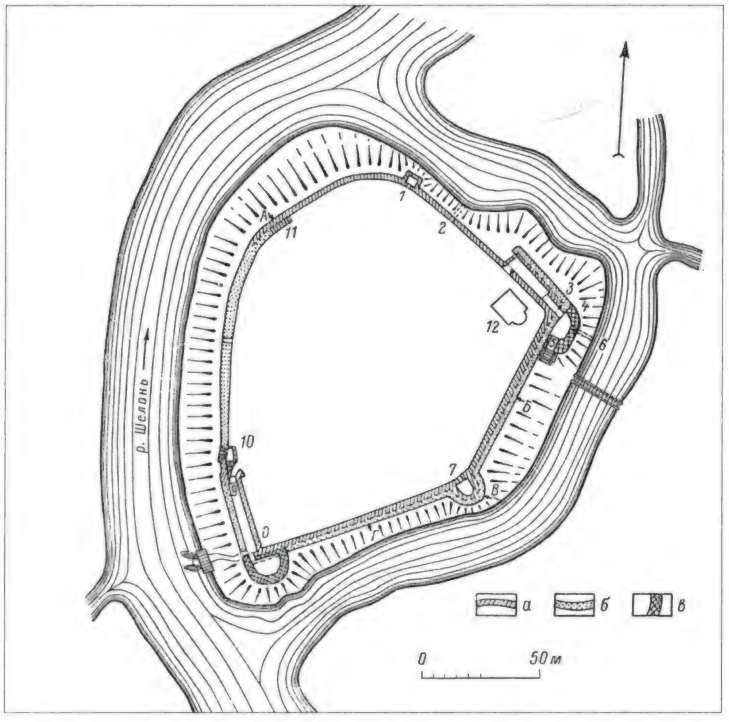


Рис. 1.
Порховская крепость в 1387–1475 гг. План-реконструкция:
1 – Малая башня;
2 – тайник 1387 г.;
3 – Никольская башня и захаб;
4 – раскат;
5 – Тайничные ворота;
6 – тайник 1665 г.;
7 – Средняя башня;
8 – Псковская башня и захаб;
9 – внутренние ворота захаба;
10 – камера с подошвенной бойницей;
11 – лестница на стену;
12 – Никольский собор.
А–Г – места настенных крестов; а – кладка 1387 г., б – 1430 г., в – 1445–1475 гг.

тельна шестиярусная полукруглая Средняя башня. Подобные сооружения, предназначенные, судя по расположению бойниц, для веерного обстрела, в европейской фортификации были новостью третьей четверти XIV в. При строительстве укреплений использовались не только правила геометрической разбивки плана, но и определённая система измерения объёмов и размеров кладки. При этом строители пользовались общерусской трёхаршинной саженью, составлявшей 216 м. Сохранность крепости удивительна. Она дошла до нас в основном почти в полном виде, что позволяет определить первоначальную высоту стен с бруствером ок. 8 м и башен — до 17,3 м.

Итак, первоначальной Порховской крепости присущи полигональность с приступной стороны, определённая соразмерность и относительность конструктивных объёмов, усложнённые входы (захабы), защита особо опасных направлений с помощью разных по своей мощности башен, многосторонняя заградительная стрельба, фланкирующая простреливаемость приступных прясел стен, самостоятельность узлов обороны, рассчитанных на ведение высотной веерной стрельбы.

Порховская крепость строилась в переходное время, когда традиции достигшего зрелости доогнестрельного зодчества всё более преобразовывались внедрением в боевую практику огнестрельного оружия. В этом отношении

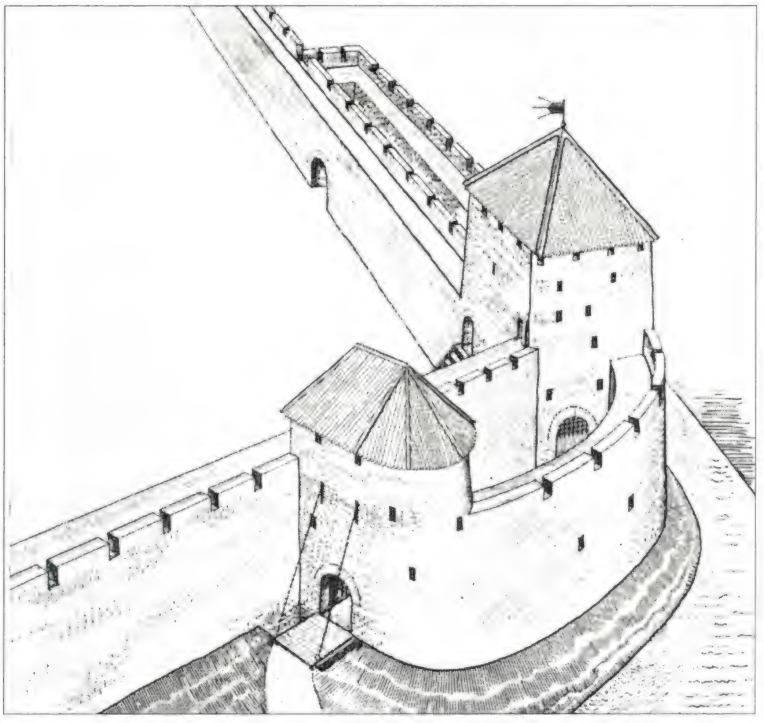


Рис. 2. Никольский захаб с дополнениями 1445–1475 гг. с бастеей, Тайничными воротами с башней. Вид с юго-востока. Реконструкция Е. Г. Араповой и автора

Порховская твердыня предвосхищает перемены, которые произойдут в оборонном строительстве Северной Руси в течение XV в.

В 1428 г. крепость выдержала восьмидневную осаду литовского войска князя Витовта. Это была одна из первых осад на Русской земле, проведённых с помощью только огнестрельного оружия — пушек, тюфяков и пищалей, дополненных гигантской бомбардой «Галкой». Это нападение привело к скоростной перестройке крепости: стены были утолщены до 2,6 м, а Никольской и Средней башен — до 5,5 м. Военно-инженерный Порхов оказался одной из первых крепостей Новгородской земли, переоборудованной для использования и одновременно противодействия пороховому оружию. В оборонительном поясе насчитывалось 36 пушечных и 200 ружейных амбразур.

Усовершенствование Порховской крепости заключалось ещё в постройке полукруглой Псковской башни, прикрывавшей одноимённый захаб. Она копировала Среднюю башню. Тогда же к Никольскому захабу пристроили полуовальную в плане бастею с Тайничными воротами и башней. Сооружение прикрывало главный вход в крепость (рис. 2). Бастеи стали использоваться в крепостном строительстве Западной Европы после 1540–1550 гг.

Итак, в создании и последующей модернизации Порховской твердыни нашли отражение новаторские приёмы устройства как всего сооружения,

так и его оборонительных узлов. Происходившие вплоть до конца новгородского периода преобразования Порховской крепости события показывают, с каким вниманием следили в Новгородской земле за развитием осадной техники. Каменный Порхов отразил в своём устройстве конструктивные перемены, происходившие как раз до того, как полностью сформировалась пушечная фортификация. Это укрепление можно считать отечественным и общеевропейским достижением крепостного строительства Руси, а также европейского мира эпохи зрелого средневековья.

В 1962–1979 гг. крепость реставрировали псковские специалисты. Как отмечалось, сохранность её, не одно столетие простоявшей без крыши, поразительна. Известняковая кладка оказалась на редкость прочной. При реставрации стены и башни были достоверно восстановлены до их первоначальной высоты с выполнением амбразур и лестницы к боевому ходу. Правда, для воссоздания утраченных частей Псковского и Никольского захабов данных было недостаточно. Они появились пока умозрительно после раскопок 1974 и 1981 гг. Ныне крепость выситься в своих уцелевших основных объёмах и радует глаз как архитектурная редкость. Предстоит новый цикл бережной реставрации. Порхов в веках истории — крепкий орешек.

В. Ю. Коваль, Д. Ю. Бадеев

Псевдовавилоны

Фигуры в виде вписанных один в другой трёх прямоугольников (или квадратов) известны давно и в разных странах среди археологических находок эпохи средневековья. Изображения таких фигур процарапывались по твёрдым поверхностям камней, керамических и даже металлических изделий или наносились на поверхность кирпичей до (или после) обжига. В Восточной и Южной Европе они обнаружены в Саркеле (на камнях и кирпичах), Тамани (на кирпичах, камнях, черепице и обломках амфор), в Дагестане и Алании (на камнях), в Дунайской и Волжской Болгариях (на камнях, в т. ч. надгробиях, и металлических изделиях), на побережье Адриатики и в золотоордынском Поволжье (на кирпичах)[1], а также в средневековой Руси (на камнях и на деревянных досках) (рис. 1–2).

В отношении части этих находок, происходивших с территории Восточной Европы, образовался ореол загадочности, у истоков создания которого стоял Б. А. Рыбаков — талантливый исследователь русского средневековья, первым назвавший эти фигуры «вавилонами», подразумевая, что они представляют собой схематический план ступенчатой Вавилонской башни[2]. В самом этом изображении он видел своего рода геометрическую «шпаргалку», схему гипотетического полигона, позволявшего производить расчёт мер, применявшихся при строительстве монументальных архитектурных сооружений. В качестве таких мер он рассматривал различные типы русских саженей и локтей, предполагая, что и иноземные меры длины были такими же или близкими русским, поскольку все они основывались на антропометрии (длине частей тела, размахе рук и т. д.). В специальной статье Б. А. Рыбаков предложил конкретные варианты практического применения «вавилонов»

---

[1] Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа // МИА. — Москва, 1958. — № 62. — Рис. 13; Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела — Белой Вежи // Там же. — Москва, 1959. — № 75. — Табл. XXIV; Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки Нового Сарая в 1959–1962 гг. // СА. — 1964. — № 1. — Рис. 14, *4*; Нахапетян В. Е. Знаки строителей на камнях Маяцкого городища // СА. — 1988. — № 3. — Рис. 8; Давлетшин Г. М. Волжская Булгария: духовная культура. Домонгольский период X–нач. XIII вв. — Казань, 1990. — Рис. 158; Аржанцева И. А., Албегова З. Х. Культовые камни Кяфарского городища (ещё раз о религиозном дуализме алан) // Древности Северного Кавказа. — Москва, 1999. — Рис. 7; Флёрова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. — Иерусалим; Москва, 2001. — Рис. 3; Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. — Москва, 2008. — Рис. 131.

[2] Рыбаков Б. А. Русские системы мер длины XI–XV вв. // СЭ. — 1949. — № 1. — С. 90.

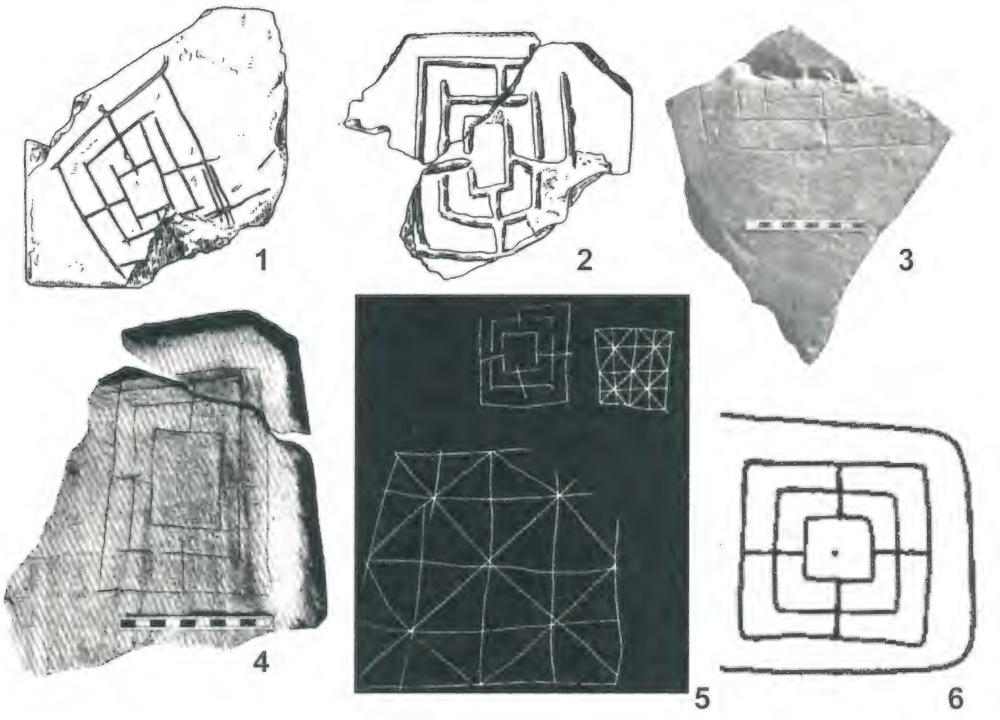


Рис. 1. Изображения игровых полей:
1, 2 — на кирпичах из Саркела (Щербак, 1959. Табл. XXIV);
3, 4 — на каменной плите и черепице из Тамани (Рыбаков, 1957. Рис. 9, 8);
5 — на надгробиях из Волжской Болгарии (Овчаров, 1982. Табл. XCIX);
6 — на каменной плите из Дагестана (Рыбаков, 1949. Рис. 4, *10*)

как своего рода схемы, в которой были зашифрованы соотношения разных мер длины, используя для этого геометрически правильные прямоугольники и квадраты, вычерченные на бумаге[3] (рис. 3, *1*).

Правда, никак не были интерпретированы линии, проведённые по осям симметрии прямоугольников, которые практически всегда заканчиваются на краю центрального прямоугольника, равно как и другие линии, встречающиеся в этих фигурах (например, диагонально отчёркнутые углы прямоугольников). Очевидная невозможность использовать криво процарапанные на неровных поверхностях «вавилоны» Руси и Причерноморья для каких-либо подсчётов или геометрических выкладок и подтолкнула, видимо, автора

3 Рыбаков Б. А. Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА. — 1957. — № 1. — С. 83–112.

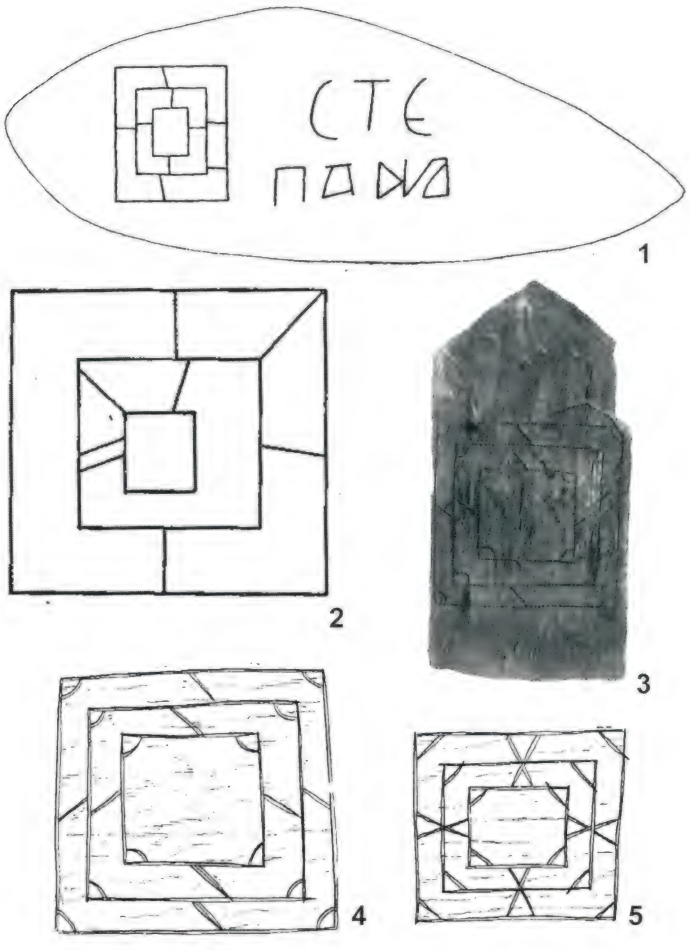


Рис. 2. Изображения игровых полей на валунных камнях Северо-Западной Руси (1, 2) и деревянных деталях из Великого Новгорода (3–5): 1 — «камень Трувора» (Рыбаков, 1949. Рис. 4, 7); 2 — надгробие Степана (Рыбаков, 1949. Рис. 3, 6)

этой гипотезы к идее о сакрализации предполагаемых «архитектурных чертежей» на строительных материалах (каменных плитах, кирпичах, черепице, деревянных досках). Эта идея завела Б. А. Рыбакова так далеко, что он увидел сакральный архитектурный чертёж даже на каменной плите из Старой Рязани (рис. 3, *2*), где изображение имело сходство с «вавилонами» только по общей прямоугольной конфигурации[4].

Авторитет Б. А. Рыбакова был столь велик, что у выдвинутой им идеи появились последователи, которые стали развивать её не всегда в заданном направлении. Так, В. Л. Егоров, базируясь на чрезвычайно редких в Зо-

4 Там же. — Рис. 12, 17.

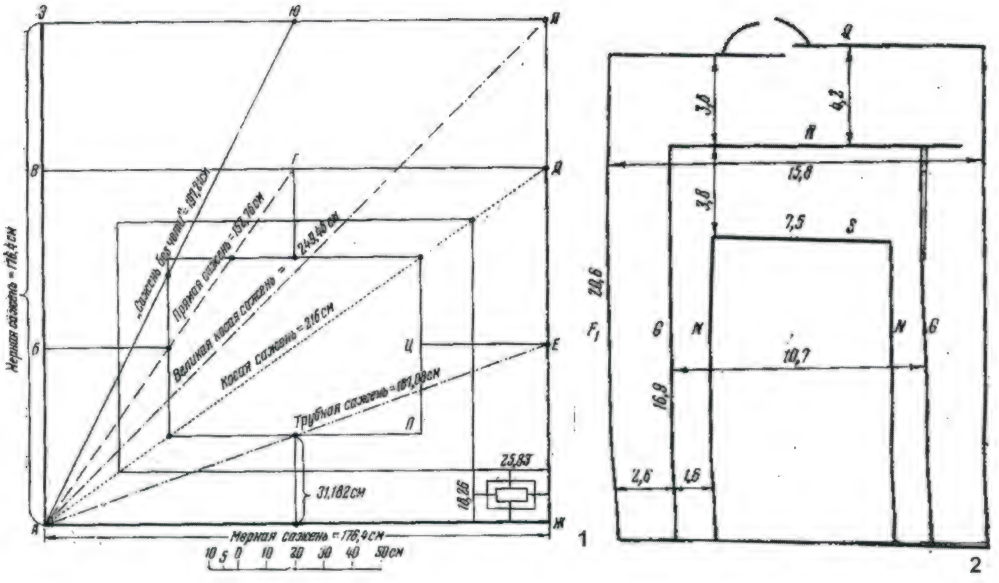


Рис. 3. Математическая интерпретация «вавилонов» по Б.А. Рыбакову (1) и каменная плита с граффито из Старой Рязани (2) (Рыбаков, 1957. Рис. 15, 17, 2)

лотой Орде находках кирпичей с «вавилонами»[5], выдвинул гипотезу о том, что эти фигуры представляют собой схему типичного монгольского дома с четырёхскатной крышей и центральным дымовым отверстием[6]. При этом он почему-то ссылался на аналогии в Саркеле[7], где никакой древнемонгольской архитектуры никогда не было и быть не могло в принципе, поскольку город прекратил своё существование задолго до монгольского нашествия. Вероятно, читателю предлагалось самому домыслить, что перед ним общее явление для домостроительства степей Евразии, хотя такое предположение вовсе не выглядит очевидным и требует, по меньшей мере, скрупулёзного доказательства. Не вполне понятно также, насколько такие «монгольские дома» были распространены в Поволжье (если они вообще там существовали), поскольку наземные постройки в слоях золотоордынских городов практически не сохраняются.

Г. М. Давлетшин, исследуя культуру Волжской Булгарии, пошёл по пути дальнейшего углубления математической составляющей идеи Б. А. Рыбакова, вычисляя различные соотношения параметров прямоугольников, включая квадратные корни из длины их сторон. При этом исходным материа-

---

5 Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки Нового Сарая в 1959–1962 гг. // СА. — 1964. — № 1. — Рис. 14, *4*.

6 Егоров В. Л. Жилища Нового Сарая // Поволжье в средние века. — Москва, 1970. — С. 118.

7 Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа. — Рис. 13.

лом для него служили граффити на обломках керамики и свинцовой пластинке размерами 4 × 3 см[8]. Нет надобности доказывать, что любые расчёты, проведённые по таким крошечным «чертежам», не могут иметь никакого отношения к реальности.

В современной литературе, в особенности касающейся археологии Северного Причерноморья, также можно встретить упоминания «вавилонов» с повторением аргументации Б. А. Рыбакова и указанием на то, что его положения до сих пор никто не опроверг[9]. Это утверждение было справедливо до 2011 г., когда все положения Б. А. Рыбакова мы оспорили в нашей специальной статье[10].

Однако обширная «вавилоноведческая» литература порождает обращение к ней всё новых поколений молодых учёных, не знакомых с хорошо известными в других регионах (например, в Европе) материалами. Справедливости ради надо заметить, что не все отечественные исследователи причерноморских древностей всерьёз восприняли идею Б. А. Рыбакова. Так, М. И. Артамонов не давал таким фигурам никакой конкретной интерпретации и никогда не называл их «вавилонами»[11]. При публикации материалов Саркела они рассматривались в числе иных знаков на камнях и кирпичах[12]. В. Е. Флёрова, хотя и транслировала новоизобретённое именование подобных знаков, прямо писала, что, по её мнению, поиски «математических соотношений и пропорций для "вавилонов" малоперспективны»[13] и видела в них скорее схему образа Вселенной, что не может быть оспорено, поскольку любое абстрактное изображение в древности в той или иной степени отражало представления о Вселенной.

В средневековой русской археологии «вавилонская» идея в целом не оставила следа, поскольку вообще не была в ней воспринята. Причина тому кроется в давно и твёрдо установленном факте, что прямоугольные фигуры описываемого здесь вида (рис. 2) применялись как поля для игры в «мельницу»[14]. Е. А. Рыбина, комментируя находки из Великого Новгорода, отметила обнаружение таких фигур на различных вторично использовавших-

---

8 Давлетшин Г. М. Волжская Булгария... — Рис. 58–61.

9 Чхаидзе В. Н. Таматарха. — С. 228–229.

10 Бадеев Д. Ю., Коваль В. Ю. О так называемых «вавилонах» // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V международной конференции, посвященной памяти Г. А. Федорова-Давыдова. — Казань; Астрахань, 2011. — С. 130–134.

11 Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа. — С. 25–26.

12 Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела — Белой Вежи. — Табл. XXIV.

13 Флёрова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. — С. 144.

14 Спицын А. А. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОРСА. — Т. V. — Вып. 1. — Санкт-Петербург, 1903. — С. 228; Полякова Г. Ф., Фехнер М. В. Игры в мельницу в Древней Руси // Slovenska archeologia. — T. XXI-2. — Bratislava, 1973. — S. 441–444.

ся предметах: обрубках досок, днищах бочек и т. п.[15] Очевидно, поле для игры расчерчивалось на любом подходящем более или менее ровном предмете. Несомненно, чаще всего такие поля размечались прямо на земле, но иногда могли использоваться и крупные камни. Характерно, что Е. А. Рыбина указывала на те же самые памятники («камень Трувора», межевой камень Степана близ Бежецка), которые Б. А. Рыбаков рассматривал в качестве самых надёжных «архитектурных чертежей» (рис. 2, *1–2*). Однако авторитет его мнения был столь велик, что в публикации специально оговаривалась недопустимость путать поля для игры в «мельницу» с «вавилонами»[16]. Но за вычетом перечисленных образцов на Северо-Западе Руси и плиты из Старой Рязани, получалось, что на территории Руси к числу «вавилонов» оставалось тогда относить только один последний памятник — граффито на каменном саркофаге домонгольской эпохи из южнорусского Василева[17] — все остальные «вавилоны» оказывались вообще за пределами древнерусской территории.

Специально подчеркнём, что само по себе изображение на Василевском саркофаге ничем не отличается от остальных игровых полей, да и случай этот далеко не единичен. Аналогичные игровые поля для «мельницы» известны на надгробии с именем Степана в окрестностях Бежецка (Новгородская земля) (рис. 2, *1*), а также на внутренней стороне крышки от незаконченного белокаменного саркофага из Ростова Великого, датированного первой половиной XIII в.[18] Случаи помещения таких же точно игровых полей на надгробия известны и за пределами Руси: в Дунайской Болгарии — на могиле вельможи Мостича[19], ещё два надгробия с подобными фигурами происходят с территории современной Германии (земли Саксония-Анхальт и Бавария)[20].

Сегодня уже совершенно очевидно, что «вавилонская» интерпретация в данном случае возникла только потому, что современному человеку трудно себе представить игру на «крышке гроба». Однако игра могла вестись

---

[15] Рыбина Е. А. Шашки, «мельница», шахматы // Древняя Русь: быт и культура. — Москва, 1997. — С. 110.

[16] Там же. — С. 111.

[17] Русанова И. П., Тимощук Б. А. Древнерусское Поднестровье. — Ужгород, 1981. — С. 115–116; Моця О. П. Населення південно-руських земель IX–XIII ст. — К., 1993. — Рис. 28; Белецкий С. В. Кто был похоронен в Василевском саркофаге? // Археология Верхнего Поволжья. — Москва, 2006. — Рис. 2.

[18] Леонтьев А. Е., Самойлович Н. Г., Яганов А. В. Археологические исследования в ростовском Петровском монастыре в 2009 г. // Археология: история и перспективы: Пятая региональная конференция. — Ярославль, 2012. — Рис. 5, *3б*.

[19] Рыбаков Б. А. Архитектурная математика древнерусских зодчих. — Рис. 11.

[20] Büttner T. Die Bildplatte von Schöllkrippen-Ernestkirchen. Ikonographische Vergleiche, Schöllkrippen 1990 // Das Kleindenkmal. — 1993. — Bd 17. — № 1.

не на саркофаге, а на плите до её использования в погребальном памятнике. Надо сказать, что Б. А. Рыбаков был прекрасно осведомлён о том, что его «вавилоны» применялись на Руси для игры в «мельницу», более того, он знал о находках аналогичных игровых досок в других регионах — в Болгарии (упомянутое погребение Мостича) и на Адриатике, но, увлечённый своей идеей, парадоксально рассматривал их как отражение древнего сакрального символа в народной игре[21]. Каким же образом «магический символ», сакрализовавший архитектурный расчётный инструмент, или математический расчётный чертёж, сакрализованный до магического символа, оказался воспринят в народной игре? Ответа на этот вопрос Б. А. Рыбаков не дал. Вероятно, его у него и не было.

Очевидно, что большинство находок так называемых «вавилонов» на территории Восточной Европы являются ничем иным, как собственно полями для игры в «мельницу» или в её более раннюю предшественницу, воспринятую из Византии или же стран Востока. Сложнее объяснить появление аналогичных по рисунку граффити на вертикальных поверхностях и на небольших по размеру носителях, непригодных для игры. Трактовки таких изображений могут быть различными: от геометрического элемента орнамента до «магического» символа, например, изображения Кносского лабиринта[22], ступенчатого Вавилонского зиккурата[23], дворца царя Соломона и т. п. Однако все эти умозаключения о семантике рассматриваемых знаков являются лишь зыбкими предположениями, не основывающимися на конкретных фактах. С такой же долей достоверности можно видеть в этих изображениях схемы игровой доски. Точно так же, как сегодня «шахматным» называется любой узор, отдалённо напоминающий чередование тёмных и светлых квадратов на шахматной доске. Можно ли такой узор рассматривать в качестве непосредственного изображения такой доски? Далеко не всегда. Но всегда можно говорить о том предмете (шахматной доске), который вдохновил на подобного вида изображение.

Интересная интерпретация была выдвинута И. А. Аржанцевой и З. Х. Албеговой в отношении «псевдовавилонов», нанесённых на камни Кяфарского городища в Западной Алании (Карачаево-Черкессии) — в них предлагается видеть поля для гадания путём выбрасывания костей или палочек[24]. Доказательствами этой гипотезы авторы считают заглаженность поверхностей, на

---

21 Рыбаков Б. А. Архитектурная математика древнерусских зодчих. — С. 88.

22 Oehrl S. Der Bredenstein bei neuhaus und die Bedeutung der "Mühlespiel"-Ritzungen // Sollinger Heimatblätter. — Heft 3. — Gottingen, 2008. — S. 16–25.

23 Рыбаков Б. А. Русские системы мер длины XI–XV вв. — С. 90.

24 Аржанцева И. А., Албегова З. Х. Культовые камни Кяфарского городища (ещё раз о религиозном дуализме алан). — С. 186–192. — Рис. 7.

которых нанесены знаки (свидетельство многократных прикосновений множества рук) и размещение камней со знаками в местах, где предполагается скопление людей (близ дорог, на перекрёстках, в т. ч. в месте, называемом «Святилищем»). При этом в качестве аналогии указаны *игральные доски* (!) XIV в. из музея Клюни и один из средневековых европейских вариантов настольной игры под названием «attrape-renard» («поймать лисицу»)[25]. Но тогда может получиться, что гадания на игровой доске (даже если они имели место) — вторичное явление по отношению к самой игре. Действительно, все те признаки «гадательного» назначения «псевдовавилонов», которые приводят авторы этой гипотезы, применимы и как доказательства игрового назначения полей. Современные «сакральные» названия далеко не всегда соответствуют использованию мест и построек в древности, но даже в том случае, если поля для игр были начертаны в сакральной зоне, ещё не означает их сакрализации, они могли использоваться по прямому назначению, для игры, которая сама по себе могла иметь сакральное значение. Знаки, начертанные на камнях Алании, в равной степени могли использоваться для игры или гаданий, но первое назначение их более вероятно, тогда как второе — более умозрительно.

Ярким примером в этом смысле является аналогичное игровое поле, начертанное на камне, лежащем в вымостке рядом с входом в мечеть Манучехра в Ани (построена в 1071–1072) (рис. 4). Совершенно очевидно, что хотя этот камень находился у самого входа в мечеть, это вовсе не мешало использовать его для игры. И этот пример далеко не единичен. В Испании поля для игры в «алькерк» (в т. ч. идентичные полям «мельницы») известны во многих католических храмах — на ступенях лестниц, вымостках полов и даже на скамьях — приведём только примеры из храма Св. Мигеля в Сеговии, собора Св. Марии в Туи (Понтеведра), собора Св. Мартина в Оренсе и т. д.[26] Это значит, что церковь даже на родине инквизиции не смогла препятствовать распространению таких игр не только в мирской жизни, но и в стенах храмов.

Что же представляла собой та игра, полями для которых служили «псевдовавилоны»? В средневековой Руси её называли «мельница», в арабском мире — «киркат» («мельница»), в Германии — «mühle» («мельница»), в Англии — «the nine mens morris» («девять пляшущих мужчин»). В севернорусские говоры название вполне могло прийти из немецкого языка, однако нет никакой уверенности в том, что слово «мельница» было единственным названием этой игры. Она относится к шашечным играм «чистого расчёта», где фишки сначала выставлялись на доску, а затем переме-

---

[25] Там же. — С. 187. — Рис. 8.

[26] Costas Goberna F. J., Hidalgo Cunarro J. M. Los Juegos de tablero en Galisia. — Vigo, 1997. — P. 17, 38, 48, 53.

Рис. 4.
Камень с гравированным игровым полем в вымостке у входа в мечеть Манучехра в Ани (фото В. Коваля)

щались по горизонтальным и диагональным линиям на свободные соседние поля (точки)[27]. О популярности этой игры в VIII–XVI вв. на обширной евразийской территории свидетельствуют различные письменные и археологические источники. Восточный вариант игры («киркат») в письменных материалах впервые упоминается арабским учёным и поэтом X в. Абу-ль-Фараджем аль-Исфахани в книге «Китаб аль-Агхани». Рассказывая в ней о поэте Аль-Ахвазе (умер в 728 г.), автор приводит эпизод посещения последним одного из домов в Мекке, где люди развлекались тремя играми: «шатранг» (шахматы), «нардат» (триктрак или нарды) и «киркат» («мельница»)[28].

Самые ранние находки досок для игры в «мельницу» в Западной Европе относятся к IX–X вв. Так, часть подобной доски была обнаружена в погребении с кораблём викинга в Гокстаде[29]. О распространении вариантов такой игры и, соответственно, разнообразии её названий, оформлении досок и правил, по которым она велась, можно судить по трактату «Книга игр» («Libro de los juegos»), составленному в 1283 г. в Севилье по повелению кастильского короля Альфонса X Мудрого[30] (рис. 5).

---

27 Куличихин А. И. История развития русских шашек. — Москва, 1982. — С. 4.

28 Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани. Книга песен. — Москва, 1980.

29 Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси // СА. — 1963. — № 4. — Рис. 4; Фиркс И. фон. Суда викингов. — Ленинград, 1982. — Рис. 55.

30 Golladay S. M. Los Libros de Acedrex Dados E Tablas: Historical, Artistic and Metaphysical Dimensions of Alfonso X's Book of Games: Diss. ... Ph. D. (University of Arizona). — Tuscon, 2007.

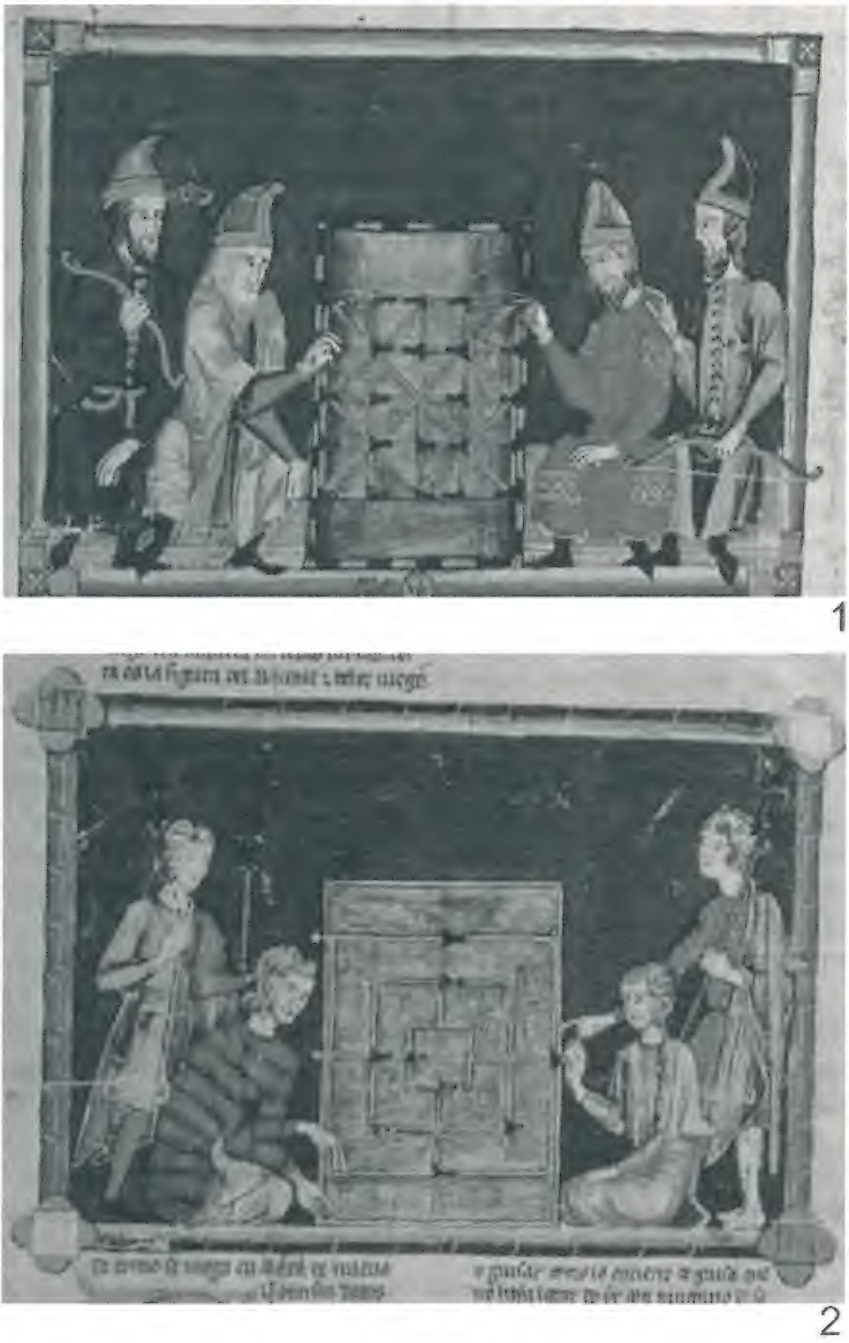


Рис. 5. Различные варианты полей для игры «алькерк»
в «Книге игр» короля Альфонса X (1240 г.)

Рис. 6. Ахилл и Аякс за игральной доской (изображение на античном сосуде)

Все эти разновидности игровых полей были прекрасно известны и в Причерноморье (рис. 1, *3, 4*). Ряд исследователей шашечных игр связывают происхождение «мельницы» с античными играми «чистого расчёта» — «петтейя» (древнегреч. «πεττεια») и «латринкули» (лат. «ludi latrunculorum»)[31]. Сюжет с Ахиллом и Аяксом за игральной доской можно встретить даже на античных сосудах (рис. 6). Русские путешественники XIX в. видели подобные поля для игры, например, в афинском Акрополе. Архимандрит Антонин (Капустин) не только привёл рисунок такого поля, но и сопроводил его комментарием: «Эту фигуру можно встретить в Акрополе на каждом шагу и всегда на плоскостях горизонтальных. Она есть памятник древней детской игры "в камешки"»[32]. Как видим, во второй половине XIX в. в России у этой игры было и иное название. Если архимандрит Антонин помнил это название из своего детства (которое прошло в селе Батурино на территории современной Курганской обл.), то можно предполагать, что оно было распространено в Западной Сибири.

Несомненно, подобная игра существовала и у населения Византийской империи, а, значит, и у жителей городов Северного Причерноморья. Сложнее определить, откуда эта игра могла быть воспринята в городах Хазарии (Таматархе, Саркеле), которые были связаны не только с Византией, но также с Ираном и Средней Азией, где играли в подобную же игру («киркат»).

---

[31] Голосуев В. М. Древняя и загадочная игра: Мир шашек. — Санкт-Петербург, 1997. — 215 с.; Куличихин А. И. История развития русских шашек. — Москва, 1982.

[32] Антонин, архимандрит. О древних христианских надписях в Афинах. — Санкт-Петербург, 1874. — С. 37. -- Табл. 12, № 21.

Точно так же нет достаточных оснований для того, чтобы утверждать, откуда именно эта игра была воспринята на Руси — из Западной Европы, Азии или Византии и Причерноморья (например, из Хазарии)? Скорее всего, путей её проникновения было несколько, поскольку в «мельницу» играли по всей Европе и во всём мусульманском мире.

Во избежание недоразумений следует пояснить, что в средневековье существовало несколько близких по своим правилам игр, поля для которых немного различались. Наряду с полем в виде 3 вписанных один в другой прямоугольников/квадратов, которое, по общему мнению всех исследователей, предназначалось именно для игры в «мельницу», широко распространён был и иной вариант поля в виде 16 квадратов, каждый из которых был разделён диагональной линией на 2 треугольника (рис. 1, *5*; 5, *2*). Такое поле применялось, вероятно, для различных вариантов игры «алькерк» (араб. «крепость»). О том, что оба поля были двумя вариантами очень близких игр, свидетельствует уникальная находка в нижнесаксонском городке Гослар (Goslar) каменной плитки, на обеих сторонах которой были вырезаны два разных поля для таких игр[33]. Находка датируется в широком интервале XII–XVI вв., но расплывчатость датировки в данном случае не столь критична, поскольку имеется огромное количество иных свидетельств широкого распространения подобных игр в разных странах Европы.

Игра в «мельницу» сохранилась и до нового времени «В этой игре у каждого по девяти шашек. В свою очередь хода каждый выставляет на доску по одной своей шашке. Ставятся шашки на пересечениях линий и всех мест на доске 24. Когда все шашки сойдут с рук на доску, они приобретают право передвигаться с одного пересечения на свободное соседнее в ту или другую сторону. Кто выставит в ряд на какой-либо прямой три свои шашки, тот строит «мельницу» («городок») и снимает не в счёт хода любую шашку из чужих. В один ход можно взять только одну шашку. У кого осталось только две шашки, тот проиграл. Проиграл также тот, у кого все шашки заперты чужими»[34].

Трудно спорить с тем, что в основе любой игры «чистого расчёта», каковой является и «мельница», лежит математический расчёт, но направлен он на достижение победы в игре, а не на построение архитектурных чертежей и выкладок.

Таким образом, сегодня можно утверждать, что находки предметов с прочерченными фигурами, называвшиеся прежде «вавилонами», являются игровыми полями (или их схематичными изображениями?), как бы эта игра ни называлась в различных частях Восточной Европы в разное время.

---

33 Budde T. von. Eine Alquerque-Spieltafel aus dem Goslarer Brüdernkloster // Archäologie in Niersachsen. — Bd 18. — Oldenburg, 2015. — S. 77–80.

34 Шашечный листок. — Санкт-Петербург, 1903. — Стр. 120–121.

Само название «вавилоны» не несёт никакого реального содержания, это всего лишь неверная интерпретация вполне функциональных предметов, более того, оно затрудняет их правильную атрибуцию. Поэтому дальнейшее применение этого словообразования нецелесообразно (за исключением историографических штудий). Для древнерусской археологии приемлемо наименование таких фигур как «поля для игры в "мельницу"», а для прочих территорий — как «игровые поля» с последующей конкретизацией.

А. О. Козловський

Садиба XVI — початку XVII століття на території Верхнього Києва

Історія України в післямонгольські часи (зокрема і середньовічного Києва) — з другої половини XIII по першу половину XVII ст. — недостатньо висвітлена в археологічному плані. Це пов'язано з тим, що археологічні шари другої половини XIII–XVI ст. майже не збереглися, а знахідки комплексів цього періоду трапляються досить рідко. Г. Ю. Івакін, який опрацював усі доступні матеріали цього періоду у своїй монографії, зауважує: «Слід відзначити, що археологічні шари даного періоду в переважній більшості значно пошкоджені, знахідки, порівняно з великою кількістю матеріалу давньоруської доби, досить рідкісні. Проте їх кількість невпинно зростає. Вони дають можливість вже зараз здобути важливу історико-топографічну та історичну інформацію»[1].

У районі пров. Десятинного матеріали післямонгольського періоду (друга половина XIII–XVI ст.) в невеликій кількості зустрічалися під час розвідок і розкопок[2]. Причому розкопки Харламова і Сиром'ятнікова дали досить цікаві знахідки XV ст.

Під час розкопок залишків т. зв. Західного палацу (пр. Десятинний, 3–5), поряд зі спорудами й матеріалами X — першої половини XIII ст., нами було зафіксовано та досліджено ряд об'єктів післямонгольського часу. Вони сконцентровані в південно-східній частині розкопу (рис. 1). Об'єкти представлено житлами, виробничим комплексом, господарськими спорудами. Скоріш за все, вони становили окрему садибу. Уведення матеріалів цього комплексу в науковий обіг, на нашу думку, розширить уявлення про населення Києва в післямонгольські часи.

Центральне положення у садибі займала будівля 1. На жаль, від неї залишився тільки південно-західний кут. Будівля 1 була зафіксована на гли-

---

[1] Івакін Г. Ю. Історичний розвиток Києва XIII — середини XVI ст. — К., 1996. — С. 21.

[2] Толочко П. П., Гупало К. М. Розкопки Києва у 1969–1970 рр. // Стародавній Київ. — К., 1975. — С. 7–9; Харламов В. А., Сыромятников А. К. Археологический комплекс XV в. из раскопок на Старокиевской горе // Архитектурно-археологические исследования в Киеве и Киево-Печерской лавре. — К., 1995. — С. 131–141.

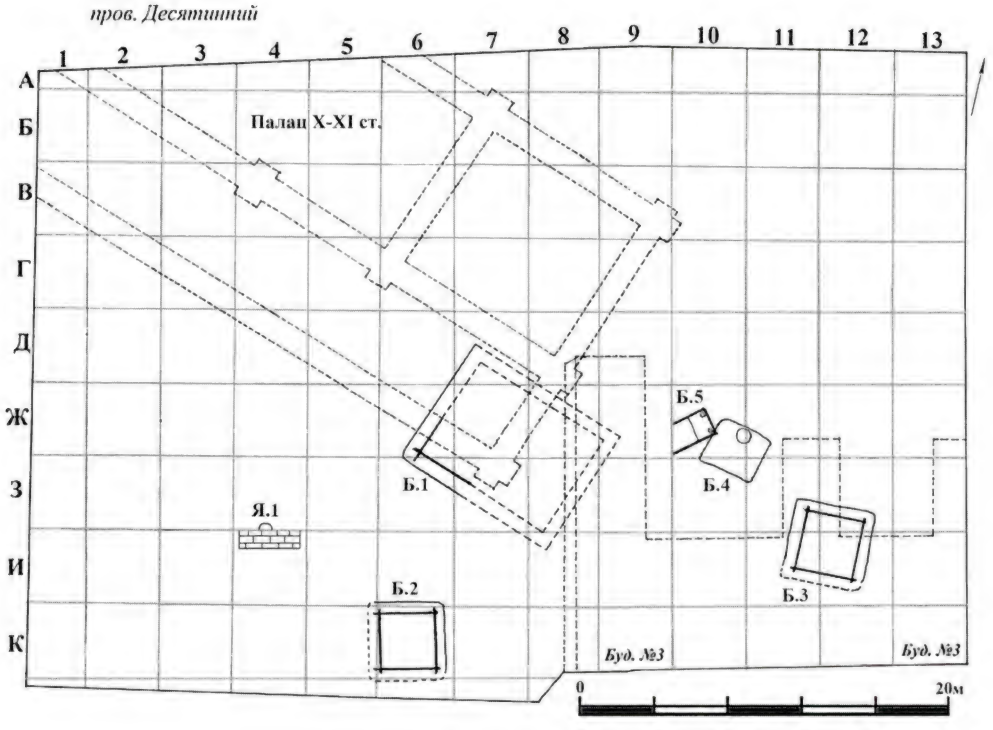


Рис.1. Загальний план садиби XVI — початку XVII ст.

бині 1,7 м від сучасної поверхні. Вона мала зрубну конструкцію, складену з колод завтовшки 0,35–0,45 м. Нижні вінця було заглиблено в материк на 0,10–0,15 м.

Будівля орієнтована з південного сходу на північний захід. Було відкрито 2,2 м південної та 1,8 м західної стін. Споруда впущена в котлован, заглиблений у материк на 0,3 м. Із західного боку стінка зрубу знаходилася на відстані 0,4 м від стінки котловану, а південна стінка — на відстані 0,3 м. Було також зафіксовано рештки дерев'яної підлоги. Товщина колод стін будівлі дозволяє зробити припущення, що вона могла мати порівняно великі розміри, приблизно 6 × 8 м. У заповненні будівлі зафіксовано незначну кількість кераміки XVI — початку XVII ст. Але потрібно зауважити, що будівля була практично знищена пізніми перекопами. Виходячи з її розмірів та розташування у центрі об'єктів XVI–XVII ст., можна припустити, що це був центральний житловий будинок садиби. Беручи до уваги товщину колод, з яких складалися стіни, вірогідно, що заглиблена частина була підклітом, а вище знаходився ще один поверх.

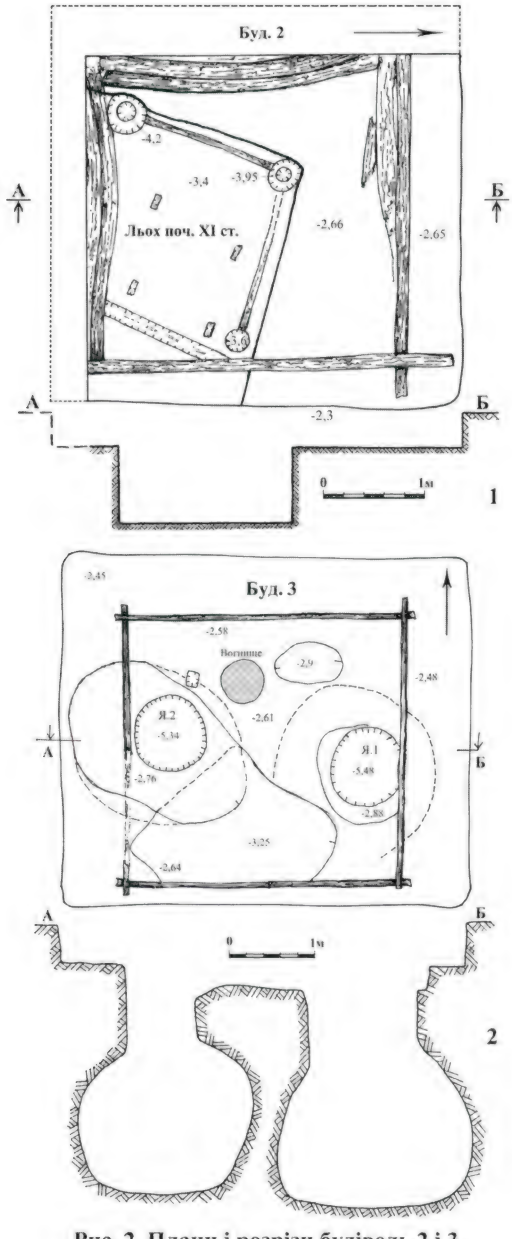


Рис. 2 Плани і розрізи будівель 2 і 3.

Рис. 2.
1 — план і розріз будівлі 2;
2 — план і розріз будівлі 3

Будівля 2 розташовувалася біля південної стінки розкопу у 6 м на південь від центральної будівлі 1 (рис. 1). Заповнення її зафіксовано на глибині 2,1–2,3 м від сучасної поверхні. Стінами будівля орієнтована по сторонах світу, мала квадратну у плані форму розмірами 3,2 × 3,2 м. Вона мала зрубну конструкцію й була опущена в материк на глибину до 0,4 м. Зруб знаходився у квадратному котловані 4 × 4 м (рис. 2,1). Стінки зрубу місцями збереглися на висоту 5 колод. Діаметр останніх становив 0,20–0,25 м. Частина їх упала усередину будівлі. Дно будівлі знаходилося на глибині 2,65 м від сучасної поверхні, на ньому було зафіксовано залишки деревини, що може свідчити про наявність дерев'яної підлоги. Будівля 2 частково перекривала північно-західний кут льоху X–XI ст. та давньоруське поховання.

Заповнення будівлі мішане. Трапляються фрагменти давньоруської плінфи товщиною 2,0; 2,5; 3,0; 3,5 см, фрагменти підлогової плитки, шматки пірофіліту, вапнякового розчину, залізні та скляні шлаки. Крім того, було зафіксовано значну кількість уламків кераміки, декілька залізних виробів, а також кістки тварин. Знайдена кераміка ділиться на дві групи: давньоруська XI — першої половини XIII ст. (фрагменти кухонних горщиків, глечиків, амфор, корчаг, світильників), пізньосередньовічного часу XVI–XVII ст. (в основно-

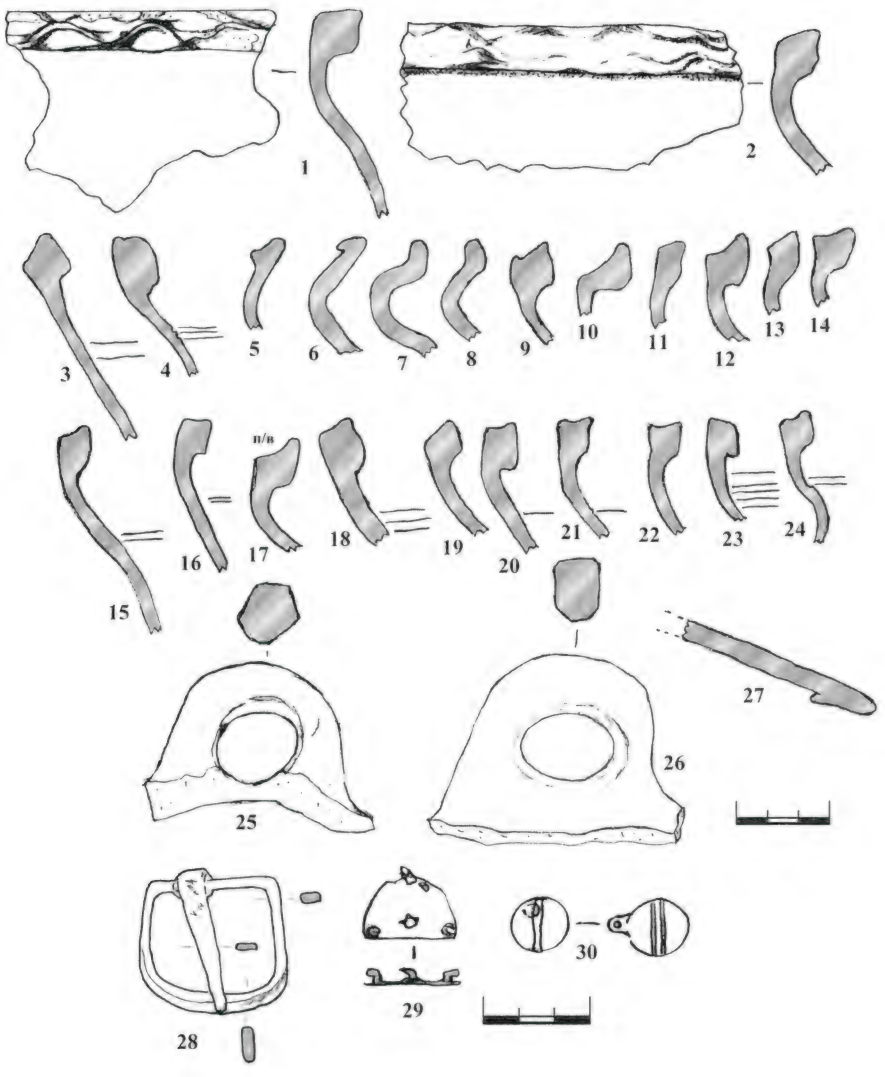


Рис.3. Речі із заповнення будівлі 2: 1–27 – кераміка; 28 – залізо; 29–30 – бронза

му це уламки кухонних горщиків і покришок). Горщики представлено великою кількістю стінок, придонними частинами зі слідами зрізування ниткою, а також вінцями. Краї вінець досить різноманітні за формою. У перерізу вони бувають ромбоподібні, підпрямокутні, рівні, але майже всі вони мають доволі помітне поглиблення для покришки (рис. 3, 1–26). Діаметр вінець від 11 до 24 см, вони масивні. Кілька горщиків були вкриті всередині зеленою

поливою (рис. 3, 12). Частина вінець прикрашена защипами (рис. 3, 1,2). На одному з вінець під краєм проходив трикутний валик із косими насічками. Покришки мали масивні петельчасті ручки, у перерізу вони підпрямо- або багатокутні. Діаметр покришок близько 18 см (рис 3, 25–27).

Вироби із заліза представлено пряжкою, фрагментами дужки відра, взуттєвою підківкою (рис. 3, 28), із бронзи — ґудзиком і бляшкою, яка кріпилася до шкіри або матерії за допомогою штифтів (рис. 3, 29, 30). Таким чином, зрубна будівля 2, яка датується XVI–XVII ст., була впущена у заповнення льоху X–XI ст. і в культурний шар XI–XIII ст.

Будівля 3 знаходилась у південно-східному кутку розкопу приблизно у 16 м на схід від центральної будівлі садиби (будівлі 1) (рис. 1). Більша її частина була перекрита сучасним будинком 3. Заповнення будівлі 3 було зафіксовано на глибині 2 м від нинішньої поверхні. Була орієнтована по сторонах світу і мала квадратну форму. Стіни зрубної конструкції. Для будівництва спочатку вирили котлован розміром 4,8 × 4,8 м і глибиною 0,4–0,5 м від рівня материка. Туди опустили зруб прямокутної форми розмірами 3,4 × 3,1 м. Зруб було збудовано з колод діаметром від 0,1 до 0,2 м. На дні будівлі зафіксовано сліди зотлілої деревини, що може свідчити про наявність дерев'яної підлоги (рис. 2, 2).

Неподалік від північної стінки було розташоване невелике кругле у плані вогнище діаметром 0,5 м, глибиною 0,1 м. Дно його сильно пропечене. Поряд знаходилось овальне у плані поглиблення розміром 0,80 × 0,45 м, глибиною до 0,3 м.

Біля південної стінки будівлі було розчищено заглиблення підквадратної форми розміром 1,4 × 1,4 м і глибиною до 0,8 м. Північна частина цього поглиблення виходила за межі котловану будівлі. Мало сходинку й невеликий підбій. Можливо, це був маленький погрібець (рис. 2, 2).

Крім цього, у будівлі було зафіксовано дві доволі великих зернових ями. Перша розташовувалася біля східної стінки будівлі. У розрізу вона грушоподібної форми. Яма 1 мала циліндричну горловину діаметром 0,85 м, глибиною 0,6 м від рівня долівки. Глибина ями становила 2,7 м, діаметр у найширшій частині 2 м.

Яма 2 знаходилася біля західної стінки будівлі 3 і мала таку ж конструкцію, що і яма 1. Довжина циліндричної горловини становила 0,8 м, діаметр 1,2 м. Найбільший діаметр ями — 2,30 м, глибина від рівня долівки становить 2,54 м (рис. 2, 2). Треба відзначити, що при спорудженні ями 2 було зруйновано квадратне поглиблення біля південної стіни.

Заповнення будівлі доволі щільне, воно складалося з темно-сірого гумусованого супіску з прошарками материкового лесу, особливо багато перевідкладеного лесу зафіксовано у заповненні погреба, біля південної стінки. Можливо, це викид із зернової ями 2. Крім того, у заповненні було відзна-

чено велику кількість вуглинок, фрагментів печини, каменів різного розміру, кісток тварин, уламків плінфи, кераміки, а також виробів із металу.

За хронологічними ознаками кераміка ділиться на дві групи: давньоруського часу (XI — перша половина XIII ст.; до цього ж періоду відносяться і фрагменти плінфи) та фрагменти від посудин, які побутували в період пізнього середньовіччя (наприкінці XV — на початку XVII ст.). Кераміка другої групи ділиться на кухонну та столову. Перша представлена фрагментами горщиків (стінки товщиною 0,3–0,5 см) і покришок. Тісто, як правило, шарувате, без великих домішок, колір від світло-сірого до чорного. Стінки гладкі, але зрідка простежується врізний лінійний орнамент. Денця горщиків масивні, на зовнішній поверхні — сліди зрізування ниткою, діаметр їх становить від 7 до 18 см. Товщина денець від 0,5 до 1,0 см (рис. 4,4).

Вінця (52 фрагмента) зафіксовані у заповненні на долівці та у зернових ямах. Мають досить масивні відігнуті назовні вінця зі значним поглибленням для покришки, часто в перерізу ромбоподібні. Частина вінець укрита поливою зеленого кольору. Зустрічаються фрагменти, прикрашені защипами й насічками (рис. 4, 12–45, 63–74). Інколи плями поливи зустрічаються на простих горщиках. Серед останніх виділяється посудина з рівними стінками конічної форми, із відігнутими назовні невеликими вінцями. Нижче вінець іде невелике потовщення з насічками. Висота його 14 см, діаметр вінець — 28 см, діаметр дна — 12 см (рис. 4,1) Це або горщик, або глибока миска. До кухонного посуду відносяться також покришки з петельчастими ручками (рис. 4, 46–51).

Столовий посуд представлено фрагментами п'ятьох кухлів або бокалів. Чотири з них одного типу. Вони мають товсті денця діаметром 7,0–7,7 см. Збереглися лише нижні частини, але по них можна визначити, що вони плавно розширювалися до верху. Трохи вище денця йшов врізний лінійний орнамент (рис. 4, 3, 75–77). Усередині одного з кухлів і зовні на денці простежуються сліди зеленої поливи. Один бокал за формою відрізнявся від вище описаних. Він мав фігурні стінки товщиною до 0,4 см, закруглені вінця, і розширювався від денця до вінець. Висота бокала 9 см, діаметр денця — 5 см, вінець — 8 см (рис. 4,2).

Фрагменти трьох бокалів відзначено у заповненні зернової ями 2. Водночас у зерновій ямі 1 було зафіксовано декілька придонних частин від досить великих масивних посудин (рис. 4, 4). Можливо, у них зберігалися якісь алкогольні напої, і вони входили в один комплект із бокалами.

Крім кераміки, у будівлі було зафіксовано металеві речі. Вироби з заліза представлено ножами — цілим і фрагментами. Руків'я ножів кріпилося до леза за допомогою заклепок (рис. 4, 61–62). Відзначено також вток від списа (рис. 4, 60). Із заліза було виготовлено поясну й підпружну пряжки, гачок невідомого призначення (рис. 4, 55, 58, 59) і велику кількість цвяхів різно-

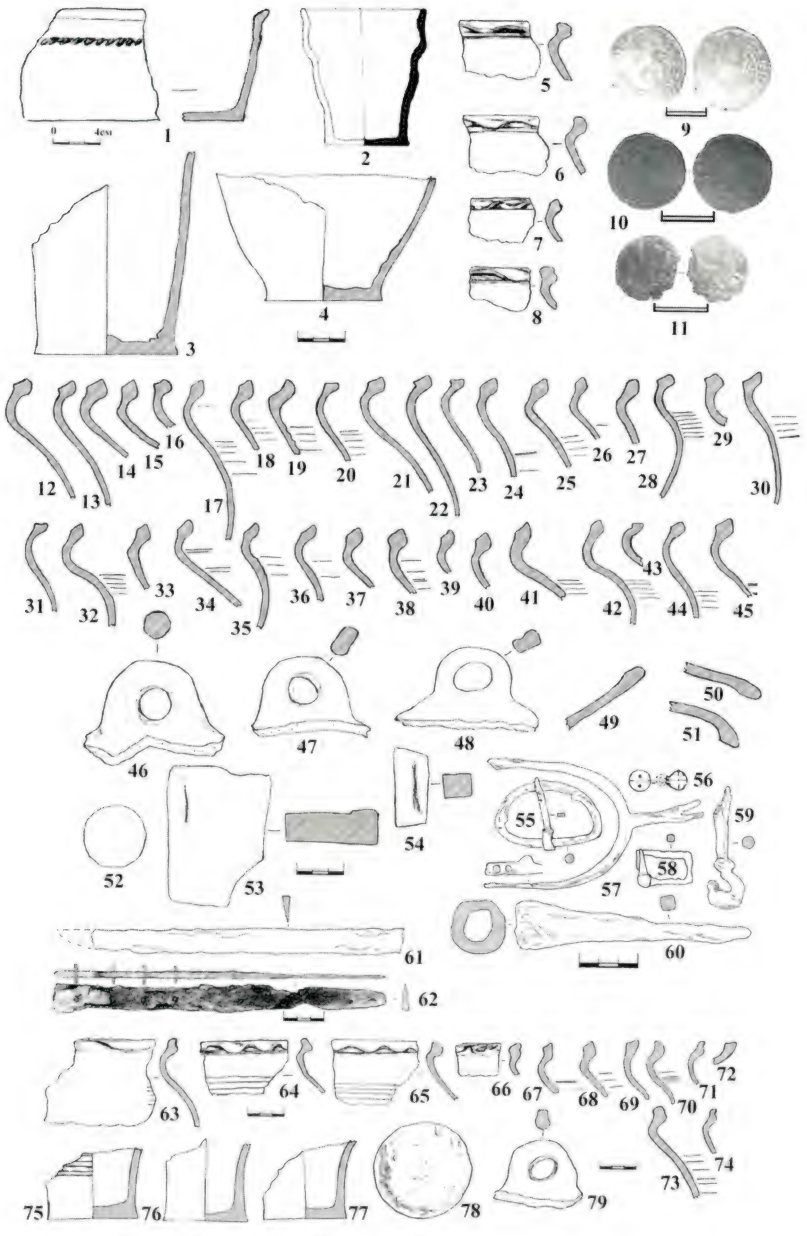


Рис.4. Речі із заповнення будівлі 3:
1–8, 12–51, 63–77, 79 – кераміка;
55, 57–62 – залізо;
52–54, 78 – камінь;
56 – бронза;
9–11 – монети

го розміру, квадратних у перетину. Досить цікавою була знахідка двох фрагментованих шпор, на кінцях яких є гнізда для кріплення коліщаток або зірочок (рис. 4, 57).

Вироби із бронзи представлено невеличкими гудзиком (рис. 4, 56) і круглою бляшкою. Крім того, знайдено декілька шматків бронзового шлаку й багато малих кульок (застиглих бризок при розливанні розплавленого металу). Знайдено також кам'яне ядро діаметром 80–81 мм і два точильних бруски (рис. 4, 53–54, 78).

Крім того, у заповненні будівлі 3 виявлено 7 монет. Серед них 2 цілих і 1 у фрагментах срібні денарії з літерою «А», Александр Ягеллончик; Велике князівство Литовське, 1492–1506 рр. Мідна монета з отвором (фальшива?) копіює оригінальну монету — литовський полугрош, Сигізмунд Август, Велике князівство Литовське, 1545 (1548) — 1572 рр.(?). Срібна монета полугрош, Сигізмунд I, Велике князівство Литовське, 1515–1517 рр. Білонова монета, солід, Карл X Ґустав, прибалтійські володіння Швеції, м. Рига, 1654–1660 рр. (Рис. 4, 9–11). Мідна монета, сильно окислена, Велике князівство Литовське, XVI ст. (?)[3].

Таким чином, виходячи зі стратиграфії та аналізу речового комплексу, будівлю 3 можна датувати XVI — початком XVII ст.

Будівля 4 знаходилась у 5 м на захід від будівлі 3 (рис. 1). Вона була зафіксована на глибині 2,1 м від сучасної поверхні. Мала прямокутну форму, розміри 2,0 × 3,1 м, була заглиблена в материк на 0,4 м, орієнтована по вісі схід — захід із невеликим відхиленням на південь. Північно-західний кут будівлі перерізав льох (будівля 5). Біля північної стіни будівлі на відстані 1 м від її північно-східного кута було відкрито круглу виробничу піч діаметром 1,10–1,15 м, складену зі шматків плінфи, на яких збереглися сліди бронзоливарного виробництва. Після розборки цієї печі під нею було досліджено ще дві глинобитних печі. На відстані 0,5 м від печі та на 0,4 м на південь від північної стіни будівлі на глибині 2,4 м відкрито розвал давньоруської корчаги, діаметр якої дорівнював 0,5 м. У дні корчаги було пробито три отвори. На південь від виробничої печі, майже посередині будівлі, знаходилися два продовгуватих поглиблення розмірами 0,20 × 0,25 м, заглиблених на 0,01–0,15 м від рівня підлоги. Вірогідно, ці поглиблення були стовповими ямами. Слідів від стовпових ям по кутах цієї будівлі не зафіксовано, як і слідів зрубної конструкції (рис 5, 1).

Розглянемо послідовність спорудження печей у будівлі 4. Після підготовки котловану будівлі 4 на глибині 2,9 м біля північної стінки було викопано яму діаметром 1,1 м, глибиною 0,10–0,15 м. На дні її спорудили глинобитну

---

3 Визначення монет — Г. А. Козубовського.

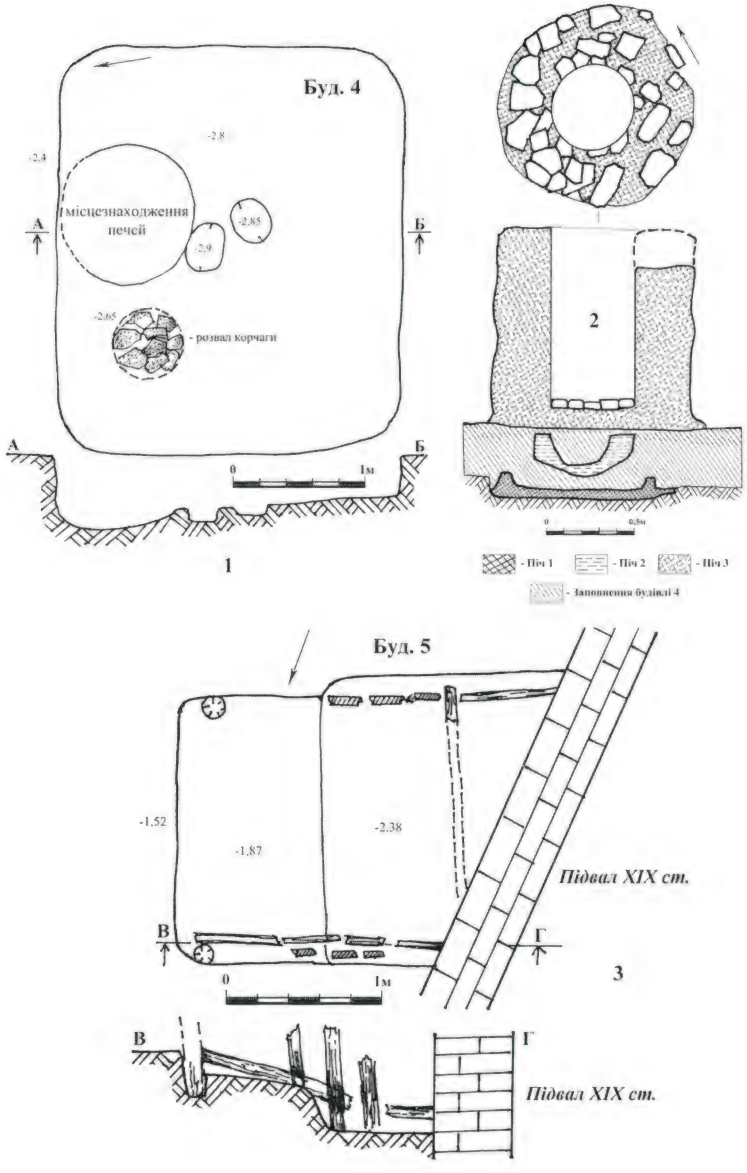


Рис. 5.
1 — план і розріз будівлі 4;
2 — план і розріз печей із будівлі 4;
3 — план і розріз будівлі 5

піч, від якої залишився круглий у плані черінь з обпаленої глини товщиною 4–5 см. Стінки печі мали товщину до 0,10 м і збереглися на висоту 0,10–0,12 м (рис. 5, 2). Після руйнації цієї печі дно будівлі було засипано й на глибині 2,8 м будується глинобитна піч № 2.

Черінь печі № 2 знаходився на 15 см вище череня печі № 1. Зовнішній діаметр печі № 2 дорівнював 0,55 м, внутрішній — 0,30 м. Стіни печі мали товщину 0,15–0,20 м і збереглися на висоту до 0,20 м (рис. 5, 2). У черені печі № 2 було зафіксовано вінце горщика, укрите зеленою поливою, яке датується XVI–XVII ст. (рис. 6, 19). Після руйнування печі № 2 будівля знову частково засипається мішаним ґрунтом і на глибині 2,45–2,55 м будується піч № 3.

Пічка № 3 знаходилася на глибині 2,45 м нижче рівня сучасної поверхні. Її зовнішній діаметр дорівнював 1,10 м, внутрішній — 0,50 м. Стінки збереглися на висоту до 1 м, вони були складені зі шматків плінфи товщиною 2,5–4,0 см (рис. 5, 2). Її черінь також складений зі шматків плінфи завтовшки 4–5 см. На багатьох уламках плінфи зафіксовано сліди ошлакування та бронзи, що свідчить про її виробниче призначення. На це також указують знахідки численних шлаків від бронзоливарного виробництва. Виходячи з того, що на багатьох шматках плінфи, з якої було складено стіну пічки, і котрі знаходилися за межами безпосередньо її виробничої частини, зафіксовано сліди бронзоливарного виробництва, можна зробити висновок, що пічка після виплавки металу руйнувалася, а потім будувалася заново. Треба відзначити, що черінь печі не мав слідів впливу вогню, що може свідчити про те, що після останнього ремонту її не використовували.

У заповненні будівлі зафіксовано значну кількість кераміки різних періодів. До першої хронологічної групи відноситься кераміка давньоруського часу, яка представлена фрагментами кухонних горщиків, світильниками, уламками амфор. Другу групу становлять фрагменти керамічних виробів, які відносяться до XVIII ст. Їх порівняно небагато. Це — вінця та стінки горщиків. До третьої групи входить кераміка XVI–XVII ст. Остання в основному кухонна (рис. 6, 1–13, 15–24). Представлена великою кількістю стінок, гладких або з лінійним орнаментом, масивними денцями діаметром 7–10 см зі слідами зрізання з круга ниткою (рис. 6, 15). Вінця доволі одноманітні. Усі вони мають краї, відігнуті назовні, зі значною заглибиною для покришки з внутрішнього боку. Інколи вінця були вкриті якісною зеленою поливою з одного або двох боків (рис. 6, 7–11). Деякі вінця мала защипи по краях або наліпний валик теж із защипами. Частина фрагментів полив'яної кераміки могла бути столовою за своїм призначенням (рис. 6, 9, 11). Зафіксовано також 9 фрагментів покришок для горщиків. Усі вони мали петельчасті ручки, різні в перерізу (рис. 6, 16–18). Окремо стоїть знахідка світильника у вигляді плошки з кільцевим наліпом у центрі (рис. 6, 14) і фрагмента від ще одного такого ж світильника.

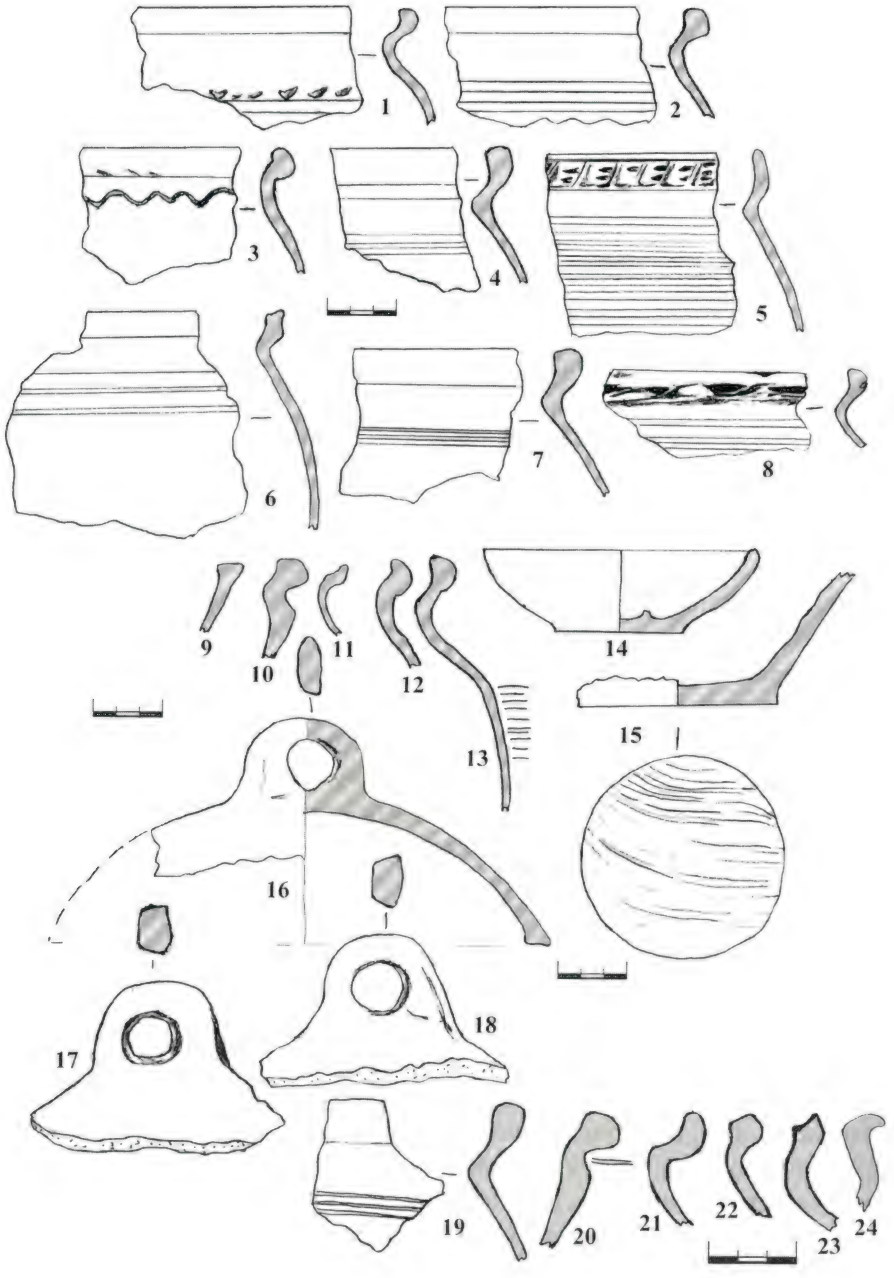


Рис.6. 1–24 – кераміка із заповнення будівлі 4 та печі 3

Вироби з каменю представлено точильними брусками з дрібнозернистого піщаника.

При розборці печі № 3 в будівлі 4, окрім великої кількості плінфи зі слідами повторного обпалення, із потьоками шлаку й міді, було знайдено невелику кількість кераміки трьох хронологічних періодів, таких, як і у заповненні будівлі 4. Кераміки XVI–XVII ст. виявлено небагато — декілька стінок і шість вінець. Останні доволі масивні, край відігнутий назовні, інколи косозрізаний. Чотири з них мають чітке заглиблення для покришки. На двох вінцях зі внутрішнього боку простежуються сліди світло-зеленої поливи (рис. 6, 19–24).

Біля печі № 3 на глибині 2,3–2,4 м від сучасної поверхні було також зафіксовано чотири металевих ядра діаметром 81 мм.

Таким чином, можна стверджувати, що спочатку будівля 4 використовувалася як легка споруда з піччю (піч № 1, піч № 2), а в останній період вона призначалася для виробничих цілей.

Будівля 5, льох. Від цього останнього збереглася тільки його східна частина, вхід. Льох знаходився поряд із будівлею 4 і частково перерізав її. (рис. 1). Вхід до льоху був орієнтований по лінії схід — захід. Західна частина зруйнована фундаментами будинку кінця XIX ст. Заповнення льоху зафіксоване на глибині 1,7 м від сучасної поверхні. Частина льоху, що збереглася, мала розміри 2,4 × 1,7 м. По кутах біля східної стіни, де знаходився вхід, зафіксовано дві стовпових ями, заглиблені в материк на 0,30 м, діаметром 0,15 м. Від них на відстань 0,6 м ішов пологий спуск, який закінчувався сходинкою, після котрої підлога льоху ставала рівною. Північна та південна стінки споруди на відстань 1,5 м було обкладено дерев'яними дошками товщиною 0,05–0,10 м, завширшки 0,15–0,20 м. Уздовж південної стінки зафіксовано 6 дошок, а вздовж північної — 3. Усі ці дошки розташовувалися перпендикулярно до підлоги. Від стовпових ям на відстань 1,4 м знаходилися східці. На відстані 1,5 м від входу у льох, на відстані 0,10–0,15 м від кінця східців, на глибині 2,38 м від рівня сучасної поверхні, зафіксовано поперечну дошку товщиною до 0,1 м, яка перетинала льох. У північної стіни льоху над поперечною дошкою було зафіксовано зрізи 5 дерев'яних дошок завширшки 0,12–0,15 см, завтовшки 0,08–0,10 м. Вірогідно, ці поперечні дошки відокремлювали вхідну частину льоху. За нею вздовж південної стіни зафіксовано рештки 4 дошок, розташованих паралельно до підлоги. Ширина дошки, що найкраще збереглася, становила 0,15–0,18 м, а товщина — до 0,10 м (рис. 5, 3). У заповненні льоху зустрічалися нечисленні фрагменти кераміки, яку можна датувати XVI — першою половиною XVII ст.

Крім житлових і господарських об'єктів, було досліджено сміттєву яму. Яма 1 знаходилась у 12 м на південний захід від будівлі 1 (рис. 1). Впущена в більш ранній об'єкт давньоруського часу. Заповнення ями зафіксовано на рівні ма-

терика на глибині 1,8 м від денної поверхні. У плані яма 1 мала округлу форму діаметром 0,7–0,8 м, дно знаходилось на глибині 2,5 м від денної поверхні. У перерізу вона мала підтрапецієвидну форму. Діаметр дна ями приблизно 0,3 м. Північна частина перерізана сучасним фундаментом (рис. 7, 1а).

Яма 1 мала темне гумусоване заповнення зі значною кількістю кісток тварин, риб та риб'ячої луски. Крім того, у заповненні ями виявлено чималу кількість фрагментів кераміки двох періодів — давньоруського й пізньосередньовічного. Першу представлено стінками горщиків, кількома придонними частинами та невеликими фрагментами вінець. За профілями вінець її можна датувати XI–XII ст. Ця група потрапила в яму 1 з давньоруського об'єкта, в який врізалася яма 1. Друга група кераміки, знайдена у заповненні ями, представлена фрагментами простих і полив'яних горщиків, причому частину вдалося реставрувати, та уламками покришок із петельчастими ручками. На всіх денцях горщиків простежуються сліди зрізання ниткою (рис. 7, 4–26).

Верхні частини вінець мали різноманітні профілі. Майже всі вінця відігнуті назовні, частина з них ромбоподібні в перерізу. Деякі вінця відігнуті назовні з потовщенням із зовнішнього краю й поглибленням під покришку на верхньому краю вінця. Є декілька подібних за профілем вінець, але зі значно більшим поглибленням для покришки. Ряд вінець цього типу має фігурне оформлення зовнішнього боку у вигляді защипів, або штампованим орнаментом (рис. 7, 7–9). До цього ж типу відносяться два горщики, які дали нам повні профілі (рис. 7, 4–5). Виділяється горщик із відігнутими назовні, загостреними, вінцями, укритий зеленою поливою всередині (рис. 7, 61).

Окремо виділяються два фрагменти вінець, одне з яких має косозрізаний до середини край із трикутним у перерізу валиком. Можливо, це фрагмент мисочки. Другий фрагмент із вертикальним вінцем, укритий зеленою поливою з внутрішнього боку, міг належати або мисочці, або глечику (рис. 7, 19–20). Крім того, тут зафіксовано верхню частину покришки з петельчастою ручкою (рис. 7, 26). В ямі 1 було також зафіксовано 2 фрагменти точильних брусків із дрібнозернистого піщаника, на одному — сліди заточки вузького знаряддя (рис. 7, 27). Тут таки знайдено декілька кованих залізних цвяхів, квадратних у перерізу, фрагмент залізної оковки від лопати, а також залізну підківку від чобота (рис. 7, 28).

В ямі 1 було також знайдено три монети: мідний «солід-Христина», прибалтійські володіння Швеції, м. Ригa (1632–1654 рр.), можливо 1636 р. (?). Срібний денарій, Александр Ягеллончик або Сигізмунд II Август, Велике князівство Литовське, 1545/1548–1572 рр. Срібний денарій, із літерою «А», Александр Ягеллончик, Велике князівство Литовське, 1492–1506 рр. (рис. 7, 1–3)[4].

---

4 Визначення монет — Г. А. Козубовського.

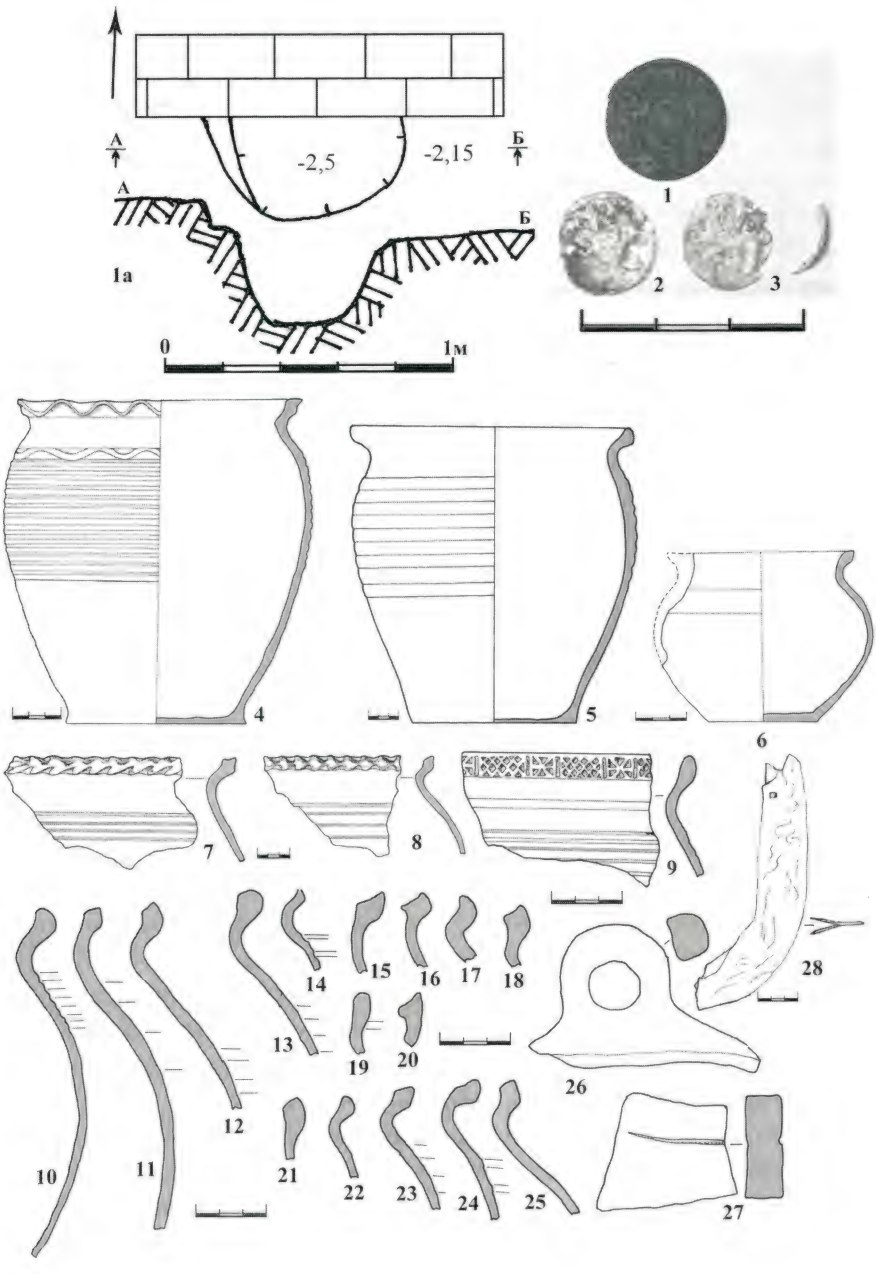


Рис.7. 1а — план і розріз ями 1; 4–26 — кераміка із заповнення ями 1; 1–3 — монети; 27 — фрагмент точильного бруска; 28 — оковка лопати

За стратиграфією й речовим комплексом яму 1 можна датувати XVI — початком XVII ст.

Доволі значну кількість кераміки XVI–XVII ст. було зафіксовано в перевідкладеному вигляді на всій площі садиби, особливо поблизу будівлі 1. Вінець від горщиків виявлено близько 40 фрагментів (Рис. 8, 1, 3–26). Верхня частина вінець різноманітна. Їх можна поділити на дві групи. Першу складали прості вінця з відігнутим назовні краєм і з досить значними поглибленням для покришки, причому краї деяких потовщені, або ромбовидні в перерізу (рис. 8, 14–26). Половина з них прикрашена лінійним орнаментом по плечиках, а у чотирьох випадках простежуються сліди зеленої поливи з внутрішнього боку (рис. 8, 25). Другу групу становлять вінця, які мають фігурне оформлення верхньої частини і прикрашені валиками із защипами з зовнішнього боку. Частина з них теж укрита ззовні зеленою поливою, і в одному випадку — зсередини (рис. 8, 5–7, 9–10, 12–13). Деякі вінця з поливою, можливо, належить мисочкам або глекам (рис. 8, 8, 24).

Окремо стоїть товстостінна посудина з відігнутими назовні вінцями, виготовлена з сірого тіста, без слідів нагару. Посудина прикрашена по вінцях і плечиках косими вдавленнями та лінійним врізним орнаментом. Такий самий орнамент бачимо на зовнішній стороні відігнутих вінець (рис. 8, 1).

Значний інтерес становить знайдений неподалік від будівлі 1 фрагмент керамічного виробу з світло-сірого тіста, у вигляді доволі великого круга з отвором посередині. Із зовнішнього боку виріб прикрашено зонним орнаментом у вигляді переплетених хвиль (плетінка), вдавленими рядами трикутників в одній зоні та кружками в іншій. Між обома зонами проходить невеликий валик (рис. 8, 2). Із зовнішнього боку виріб укритий жовтою поливою. Діаметр отвору становить 24 см. Призначення цього виробу неясне. На нашу думку, це могла бути деталь кахляної печі, можливо, кахляне обрамлення топкового отвору[5]. Фрагмент подібного виробу було знайдено на Замковій горі, він пов'язується із замком, який існував тут у XIV–XVII ст. Про можливість використання у центральному житлі кахляної печі свідчить виявлення на цій ділянці та поряд коробчастих кахель із різними зображеннями лева, які датуються кінцем XV — першою половиною XVII ст.[6]

Розглянувши матеріали, отримані нами при дослідженні пізньосередньовічної садиби, зробимо деякі висновки. Час існування садиби можна визначити за стратиграфією — будівлі врізаються в об'єкти давньоруського часу, а зверху їх перекрито спорудами кінця XVII–XVIII ст. Велике значення має також аналіз речового комплексу. Зафіксовані монети чітко вкладаються у хронологічні рамки XVI — першої половини XVII ст. і мають аналогії із за-

---

5 Колупаєва А. Українські кахлі XIV — початку XX ст. — Л., 2006. — С. 43.

6 Івакін Г. Ю. Історичний розвиток Києва XIII — середини XVI ст. — С. 120.

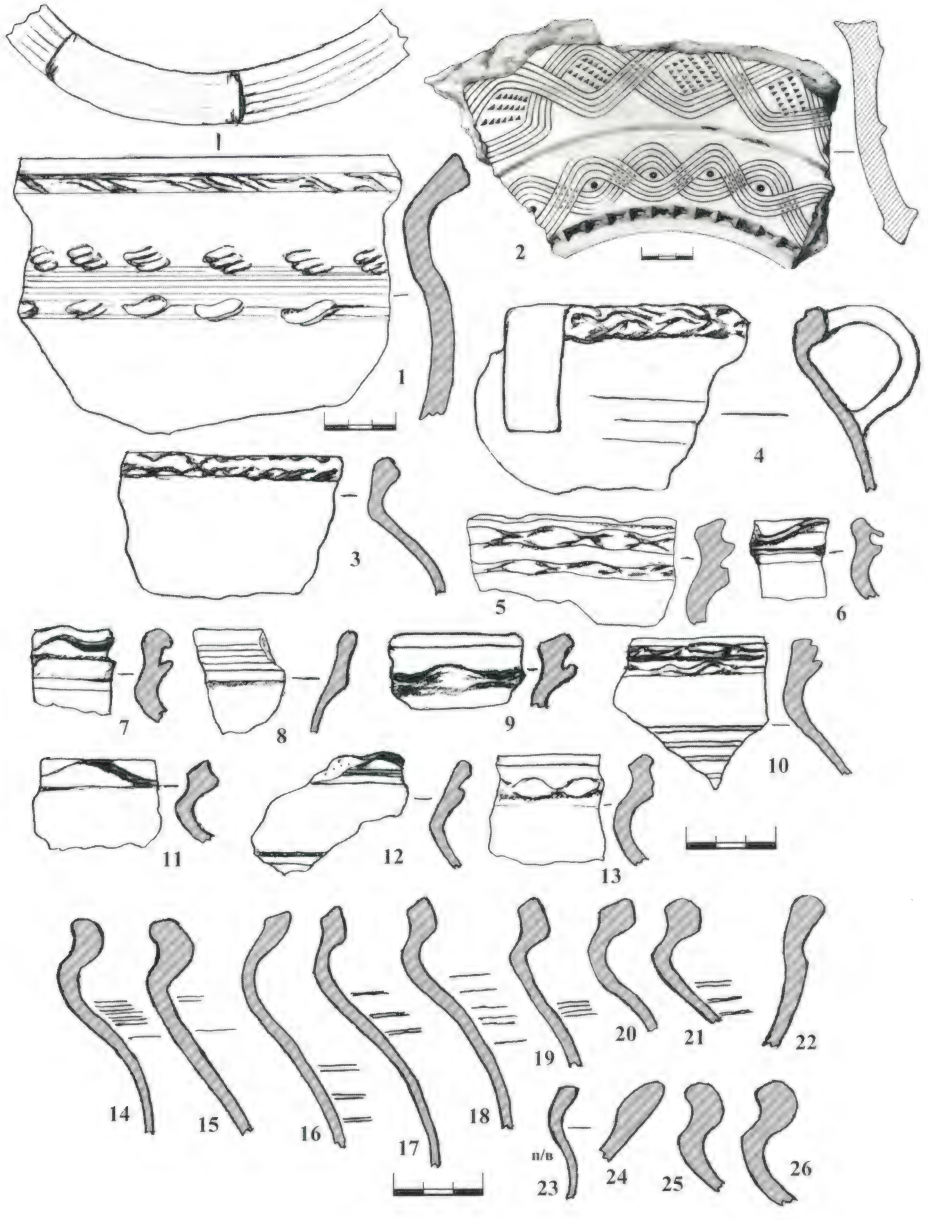


Рис.8. 1–26 — кераміка з культурного шару

хідноєвропейським монетним комплексом із садиби Софії Київської[7]. Конструктивні особливості споруд, зокрема впуск зрубу в котлован, більший за сам зруб, мають аналогії серед будівель XV–XVI ст. на території Верхнього Києва[8]. Більшість досліджених нами споруд, скоріш за все, мали підкліт, оскільки нижня частина будівель була опущена у ґрунт на 1,2–1,5 м. Такий спосіб будівництва характерний для українських земель XV–XVII ст.[9] Керамічний комплекс також має аналогії серед пам'яток XVI — початку XVII ст. На XVI ст. вказує, на нашу думку, також відсутність скляних виробів і керамічних люльок, характерних для XVII ст.

На нашу думку, ця садиба мала укріплення, можливо тин із ровом, оскільки на її озброєнні було мінімум дві гармати, на що вказують знайдені ядра двох розмірів: 1 кам'яне діаметром 81 мм в буд. 3, 4 чавунних біля печі діаметром 81 мм і купа ядер діаметром 120 мм біля сучасного будинку № 3[10]. Про перебування тут вояків свідчить і виявлення двох шпор у будівлі 3. Привертає увагу повна відсутність речей, що їх використовують у побуті жінки. Усе це, на нашу думку, свідчить про те, що на цьому місці існувала укріплена садиба з невеликою військовою залогою, яка могла контролювати шлях на Поділ і, можливо, вести розвідку в околицях міста. Цей загін, у випадку небезпеки, міг відбити напад невеликої групи ворогів, або вчасно попередити гарнізон замку. Збудували цю садибу після навали Менґлі Ґірея, під час, або невдовзі після того, як на Замковій горі відновили оборонні споруди.

---

7 Опимах О. Г., Куріло О. Ю. Монетний комплекс з розкопок Софії Київської // Матеріали IV Міжнародної науково-практичної конференції «Пам'ятки Національного заповідника "Софія Київська": культурний діалог поколінь». — К., 2009. — С. 454.

8 Боровський Я. Є., Калюк О. П. Дослідження київського дитинця // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989 рр. — К., 1993. — С. 36, 38.

9 Приходько Н. П. Некоторые вопросы истории жилища на Украине // Древнее жилище народов Восточной Европы. — Москва, 1975. — С. 260.

10 Киевлянин. — 1914. — № 232. — С. 3.

Г. А. Козубовський

Про одну київську монету XIV століття

В умовах значної обмеженості писемних пам'яток з історії Київської землі XIV ст., важливим і надзвичайно інформативним джерелом служать монети київського князя Володимира Ольгердовича (1362–1394). Із моменту першої публікації В. Б. Антоновича про знахідку двох таких монет у скарбі із с. Гвоздів на Київщині[1], київські монети вивчали багато дослідників. Велику увагу приділяє їм у своїх студіях Г. Ю. Івакін і, зокрема, у ґрунтовній праці з історії та археології післямонгольського Києва[2].

Різні проблеми, пов'язані з карбуванням власної монети в Києві XIV ст., дослідники продовжують вивчати й на теперішньому етапі. Але досі не існує одностайної думки на інтерпретацію зображень київських монет, їх, хронологію та метрологію. Не з'ясовано й сам початок карбування власної монети в Києві за Володимира Ольгердовича. Уведення до наукового обігу на початку XXI ст. нових монетних знахідок цього князя значно збільшило інформативні можливості пам'яток[3]. Виявлення таких монет відбулося далеко за межами Києва й Київської землі: на золотоординських центрах півдня України, у Поволжі[4] та в Литві[5].

---

1 Антонович В. Б. О новонайденных серебряных монетах с именем Владимира // Труды III Археологического съезда. — Т. II. — К., 1878. — С. 151–157.

2 Івакін Г. Ю. Історичний розвиток Києва XIII — середини XVI ст. — К., 1996. — С. 73–74, 138, 152–155, 213.

3 Зразюк З. А., Хромов К. К. Борщевский клад второй половины XIV в. // Монеты Джучидов и сопредельных государств в XIII–XV вв. — Ч. II. — К., 2007. — С. 99–117; Хромов К. К. К вопросу о начале монетной чеканки на территории Киевского княжества в XIV в. (о «киевских» подражаниях Джанибека) // Там же. — С. 60–79; Зразюк З. А., Строкова Л. В., Хромов К. К. Монетно-вещевой клад третьей четверти XIV в. из с. Василицы Черкасского района Черкасской области (монетная часть) // Там же. — С. 118–127.

4 Пиворович В. Б. Монеты и клады Юга Украины. — Херсон, 2008. — С. 154; Лебедев В. П., Клоков В. Б. Иноземные монеты XII–XV вв. на золотоордынских городищах Поволжья // Труды международных нумизматических конференций: Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв., Саратов, 2001, Муром, 2003. — Москва, 2005. — С. 58–60.

5 Ремецас Э. Новые данные о киевских монетах Владимира Ольгердовича (по новым находкам в Литве) // Pieniądz i systemy monetarne wspólne dziedzictwo Europy: Białorus — Bułgaria — Litwa —

Рис. 1. Монети Борщівського скарбу:
1 — Київське князівство, Володимир Ольґердович (1362–1394);
2 — Мамаєва Орда, Мухаммед Буляк (1370–1380),
ординський дирґем 773 р. г. (1371/1372)

Дослідження Борщівського скарбу 1948 р. з Переяславщини дало можливість до 5 раніше виділених типів монет Київського князівства[6] долучити ще 2[7]. Виявлений біля мосту через р. Трубіж скарб складався зі 113 срібних монет і двох фрагментів розламаної навпіл новгородської гривни з «горбатою» спинкою вагою 101,01 г та 90,92 г. Зі 113 монет абсолютну більшість (65)

Łotwa — Mołdawia — Polska — Rosja — Rumunia — Słowacja — Ukraina: Studia i materiały. — Augustów; Warszawa, 2012. — S. 94–107.

6 Котляр Н. Ф. Монеты Владимира Ольгердовича // Нумизматика и сфрагистика. — Вып. 4. — К., 1971. — С. 42–67.

7 Kozubowski G. Monety księstwa kijowskiego w XIV w. //Wiadomości numizmatyczne. — 1994. — R. XXXVIII. — Z. 3/4 (149/150). — S. 126.

становлять диргеми Золотої Орди від Токти (1291–1312) до Тохтамиша (1378–1395), причому переважають монети Абдуллаха (1362–1369) (12) й Мухаммеда Буляка (1370–1380) (33). Велике князівство Литовське представлене монетою типу «спис із хрестом» — «ПЄЧАТЬ». У скарбі є три обрізаних празьких гроші Яна I Люксембурзького (1310–1346) та два — Карла I (1346–1378).

Крім 17 наслідувань ґюлістанських диргемів Джанібека, віднесених до Київського князівства, карбування Володимира Ольґердовича представлено 3 монетами відомого типу «князівський знак» — «IS».

Ще одну монету Київського князівства (рис. 1, 1) з наслідуванням реверсу ординських монет Мухаммеда Буляка 773 р. г. (1371–1372) та зображенням князівського знаку з напівкруговою дворядковою легендою, в останніх публікаціях віднесено до новгород-сіверського карбування 1375–1379 рр. 4 монети з наслідуванням ординських монет Мухаммеда Буляка до новгород-сіверського карбування після 1372 р., ще 5 — до новгород-сіверського князя Дмитра-Корибута Ольґердовича (1380–1393).

14 наслідувань золотоординських диргемів Джанібека, Абдуллаха та Мухаммеда Буляка поки не локалізовано з відомими центрами карбування[8]. Вони могли походити з будь-якого феодального осередку Центральної України.

Привертають увагу 5 монет, що наслідують диргеми Мухаммеда Буляка 782 р. г. (7.04.1380 — 28.03.1381) із символом віри та без позначення монетного двору, відкарбовані однією парою штемпелів. Монети дуже доброго стану збереження й, напевно, фіксують час тезаврації скарбу, оскільки монети Тохтамиша з датою 781 р. г. (1379–1380) та без дати, представлено типами, карбованими до 1380 р.[9]

Одні дослідники з часів Х. М. Френа[10], саме так: Мухаммед Буляк (Булак, Булек) читають ім'я хана[11]. Інші, посилаючись на можливість і інакшого прочитання на монеті та подачу імені хана в деяких джерелах, уважають, що Мамай після «зам'ятні» в Орді, напередодні Куликовської битви стратив хана Мухаммеда Буляка та замість нього привів до влади нового хана Туляка, або

---

[8] Зразюк З. А., Хромов К. К. Боршевский клад второй половины XIV в. — С. 99–117.

[9] Там же. — С. 99, 110, 115–116.

[10] Френ Х. М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды, с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. — Санкт-Петербург, 1832. — С. 21, № 87.

[11] Савельев П. С. Монеты Джучидов, Джагатайдов и др., обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. — Санкт-Петербург, 1857. — С. 255, № 177; Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. — Санкт-Петербург, 1896. — С. 474–476, № 841–845; Янина С. А. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959–1962 гг. // Поволжье в средние века. — Москва, 1970. — С. 204–205; Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Золотой Орды. — Москва, 2003. — С. 192–193.

Тулябека[12]. Більш аргументованою видається традиційна думка, за якою Буляк визнається другим і останнім ханом Мамаєвої Орди[13].

На датування скарбу (1380 р.), певною мірою, вказує й відсутність празьких грошів Вацлава IV (1378–1419). Знайдені за останні роки нові монети та скарби дали можливість різним дослідникам запропонувати власні гіпотези на карбування монет XIV ст.

У декількох публікаціях єдина монета з Борщівського скарбу з князівським знаком Володимира Ольґердовича віднесена до карбування Дмитра Ольґердовича Брянського (1372–1379)[14]. Певних аргументів на користь такої атрибуції додала публікація ще однієї подібної монети у складі Севського монетно-речового скарбу 2008 р., датованого 1376–1377 рр. У кількох кілометрах від м. Севськ було знайдено 95 золотоординських диргемів та їх руських наслідувань, прикраси, половинку гривни новгородського типу. За запропонованою реконструкцією напису на монеті прочитано: «ПЕЧАТЬ [...] МИТРЕВА»[15].

Литовські дослідники Е. Іванаускас та М. Балчіус на монеті з Борщівського скарбу запропонували варіант прочитання напису як «ПЕЧАТЬ КНАЗА ВОЛОДИМЕР»[16].

Слід зазначити, що напис на монеті не визначається однозначно. Дійсно, частина літер має свої паралелі в написанні на найдавніших монетах типу «ПЕЧАТЬ» — «спис із хрестом», відомих типах київських монет Володимира Ольґердовича та деяких князівств Північно-Східної Русі. Але повне прочитання поки що залишається лише гіпотезою, хоч і дуже привабливою.

Саме на цьому типі монет вперше з'являється знак-герб, завдяки якому київські монети Володимира Ольґердовича виділяються серед решти. Дискусії з приводу того, що він уособлює, ведуться вже понад століття: «змінена колюмна»[17], «хоругва» — прапор попередників Володимира Ольґердовича —

---

[12] Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система. — Москва, 1983. — С. 97; Сидоренко В. А. Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Вып. 7. — Симферополь, 2000. — С.279–280; Кучкин В. А. Ханы Мамаевой Орды // 90 лет Н. А. Баскакову. — Москва, 1996. — С. 121–123.

[13] Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. — Санкт-Петербург, 2004. — С. 178–179.

[14] Гулецкі Д., Грамыка А., Крыворучка А. Манеты Беларусі. — Мінск, 2007. — С. 56–57; Зразюк З. А., Хромов К. К. Борщевский клад второй половины XIV в. — С. 113.

[15] Зайцев В. В. Монеты Дмитрия Ольгердовича Брянского (1372–1379) // Нумизматика. — 2010. — Февраль. — С. 11.

[16] Ivanauskas E., Balčius M. Lietuvos didžiosios kunigaikštystės lydiniai ir monetos nuo 1387 iki 1495 metų. — Vilnius, 1994. — P. 35–36.

[17] Антонович В. Б. О новонайденных серебряных монетах с именем Владимира. — С. 151–157.

київських князів[18], князівський герб, запозичений від київських і чернігівських Рюриковичів[19], зображення київських Золотих воріт[20], родовий знак[21], старовинний литовський видозмінений герб[22], церковна чи військова хоругва[23], спеціальна монограма з «К» і «В», від початкових літер слів «Київ» та «Володимир»[24], каплиця[25] чи церква — митрополія всея Русі[26], знак, що складається з двох основних частин: верхньої — меншої, хрест із відростками, та нижньої — більшої, хрест із відростками знизу[27].

Слід зазначити, що дуже подібне зображення знаку з'являється на печатках синів Володимира Ольгердовича: Олександра (Олелька) (1440–1454) від 1434 р. та Андрія — 1433 і 1446 рр.[28] В останній час досліджено ще дві печатки Андрія: при документах 1422 та 1435 рр.[29] Не зважаючи на деякі розбіжності, печатки відтворюють видозміни князівського знаку на монетах Володимира Ольгердовича. Причому на монеті з Борщівського скарбу знак представлено в найбільш архаїчній, але й найвиразнішій формі (рис. 2, 4).

Аналіз знахідок із Центральної України свідчить, що монети «мамаєвих ханів» посіли домінуюче місце в обігу Середньої Наддніпрянщині не раніше рубежу 1360–1370-х рр. А вірніше, після 1371–1372 рр. Саме ординські дирге-ми 773 р. г. домінують у знахідках до початку 1380-х рр.

Тож карбування монет цього типу обмежується теж початком 1380-х рр., на основі датування Борщівського скарбу та ретроспекції історичних реалій. За зразок береться монета хана «Мамаєвої орди» Мухаммеда Буляка, а не Тохтамиша, який став володарем Золотої Орди на початку 80-х рр. XIV ст., та здійснив у 1380 р. реформу, що вилучала монети попередників. За взірець бралася найрозповсюдженіша монета. Наслідування виконано досить ре-

---

[18] Толстой И. И. Древнейшие русские монеты великого кн. киевского. — Санкт-Петербург, 1882. — С. 221.

[19] Болсуновский К. В. Монеты киевских князей XIV ст.: Опыт историко-нумизматического исследования. — К., 1909. — С. 7–10.

[20] Петров Н. И. О новооткрытой киевской монете XIV в. — Харьков, 1908. — С. 6.

[21] Ильин А. А. Классификация русских удельных монет. — Ленинград, 1940. — С. 19.

[22] Лихачёв Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Труды музея палеографии АН СССР. — Вып. 2. — Москва, 1930. — С. 247, 258.

[23] Gumowski M. Numizmatyka litewska wieków średnich. — Kraków, 1920. — S. 66–71; Ремецас Э. Новые данные о киевских монетах Владимира Ольгердовича... — S. 106.

[24] Котляр Н. Ф. Монеты Владимира Ольгердовича. — С. 50.

[25] Gumowski M. Pieczęcie Książat Litewskich // Ateneum Wilenskie. — 1930. — Z. 3/4. — S. 691.

[26] Kozubowski G. Monety księstwa kijowskiego w XIV w. — S. 129–130.

[27] Хромова І. Сосницький скарб: до питання аналізу та класифікації монет Володимира Ольгердовича // Український історичний збірник. — Вип. 13. — К., 2010. — С. 33.

[28] Gumowski M. Pieczęcie Książat Litewskich. — S. 691–693, tabl. IX, 62–64.

[29] Hlebionek M. Nieznana pieczęć księcia Andrzeja Włodzimierzowica przy dokumencie pokoju Brzeskiego z roku 1435 // Сфрагістичний щорічник. — Вип. V. — 2015. — С. 135–141.

Рис. 2. Святиня на європейських, київських та візантійських монетах і печатках:
1 — святиня на денаріях Карла Великого (768–814);
2 — святиня на денаріях Генріха I (919–936);
3 — святиня на куявських монетах єпископа Стефана (1167–1168) (?);
4–10 — знак на київських монетах XIV ст.;
11–13 — печатки синів Володимира Ольґердовича (за М. Гумовським);
14 — модель храму Св. Софії на візантійських печатках X–XIV ст. (?);
15 — печатка кліру Св. Софії (Північна Болгарія, знахідка 1949 р., XI–XII ст.);
16–17 — Візантія, асаріон Іоанна V і Анни Савойської, Фесалоніки, 1353–1365 рр., модель міста на монеті і монета

тельно, дуже близько до свого прототипу. Навіть рік карбування майстер повторив дуже точно, тільки одна цифра не вмістилася в рядок, і він змушений був поставити її нижче (рис. 1). Складається враження, що автор дуже добре знав ці монети, напевно мав їх перед собою під час виготовлення штемпелів.

Сучасна наука визнає, що поновлення власного карбування у князівствах Східної Європи почалося з двобічних наслідувань золотоординських диргемів. Про це свідчать як скарби другої половини XIV ст., так і зміни зображень на монетах. Абсолютна більшість феодальних князівств у процесі становлення власних грошових систем пройшли стадії виробництва дво-, однобічних наслідувань, монет з окремими ординськими елементами.

У різних регіонах Східної Європи переважають ті чи інші групи таких монет, що різняться за типом наслідування, вагою, деталями у зображеннях і легендах. Виділяють рязанські, московські, суздальські, нижегородські, городецькі, мордовські, київські, сіверські, брянські групи наслідувань джучидских срібних монет[30]. В абсолютній більшості випадків наслідуються монети Узбека (1312–1342), Джанібека (1342–1357), Мухаммеда Буляка (1370–1380), Тохтамиша (1378–1395).

В останній час знайдено значну кількість нових варіантів і типів, частину з яких пов'язують навіть із невеличкими удільними князівствами, у тому числі Ґедиміновичів. Утім більшість такої інформації походить із джерел, які важко перевірити.

В історіографії не існує єдиної думки про початок карбування двобічних наслідувань. Більшість дослідників їх появу зв'язують із подіями 1360–1380-х рр., хоча й існує думка про можливість виробництва таких наслідувань у 1350-х рр.[31] Досі незрозуміло, коли в руських князівствах перейшли від виробництва двобічних наслідувань до монет зі «слов'янськими» символами, легендами й зображеннями на одному боці. Напевно, у різних князівствах Східної Європи цей процес різнився, і у значній мірі визначався рівнем економічної та політичної залежності від Орди, необхідністю використання тих чи інших джучидських монет, а також власними можливостями й потребами в накопиченні срібла.

---

[30] Янин В. Л., Янина С. А. Начальный период рязанской монетной чеканки // Нумизматический сборник. — Т. I [Труды ГИМ, вып. 25]. — Москва, 1955. — С. 120; Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. — Москва, 1981. — С. 67; Его же. Монеты Нижегородского княжества. — Москва, 1989. — С. 13–17; Его же. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. — Т. IV. — Москва, 1963. — С. 174–181; Kozubowski G. Monety księstwa kijowskiego w XIV w. — S. 127–129; Зразюк З. А., Хромов К. К. Борщевский клад второй половины XIV в. — С. 99–114; Хромов К. К. К вопросу о начале монетной чеканки на территории Киевского княжества... — С.60–79; Зайцев В. В. Монеты Дмитрия Ольгердовича Брянского (1372–1379). — С. 10–13.

[31] Гайдуков П. Г. Русские полуденги, четверетцы и полушки. — Москва, 2006. — С. 47; Хромов К. К. К вопросу о начале монетной чеканки на территории Киевского княжества... — С. 62.

Колосальні масштаби карбування якісної, стабільної й «конвертованої» джучидської монети стали одним із факторів економічної й політичної сили Золотої Орди. Дослідники відзначають, що монетний фонд монгольської держави щорічно оновлювався на 10%, тобто 15 млн монет, для чого було потрібно близько 18 т срібла[32]. Безумовно, ця цифра варіювала залежно від політичної й економічної ситуації. І в періоди криз, воєнних зіткнень, як це було в добу «Великої зам'ятні» 1360–1380-х рр., монетної маси не вистачало, срібло розходилося по декількох політичних ординських центрах.

Водночас руські князівства, що відроджувалися після ординського панування, потребували великої кількості срібла — на державну структуру, військо, дипломатію, церковне та світське будівництво, ремесла й т. п. Основною формою надходження срібної маси служили монети та зливки (гривни). Їх могли одержати або з Орди, що з 1360-х рр. сама відчувала гостру потребу у цьому металі, або з Європи. Але остання у той час не могла забезпечити Русь сріблом[33]. Окремі празькі гроші (основна, і часто єдина, європейська валюта), що зафіксовані у скарбах Центральної України 1360–1380-х рр.[34], значно поступаються золотоординським.

В умовах переваги натурального господарства й домінування грошової функції — засобу платежу зовнішній умовний зв'язок зі звиклою «конвертованою» й часто єдиною грошовою одиницею видається надзвичайно важливим. Тобто для власних монет використовуються виразні ознаки зв'язку з «конвертованою» грошовою одиницею та джерелом срібла для карбування власної монети, і, як наслідок, одержання прямої й дуже значної вигоди через використання права монетної регалії.

Оскільки до дати карбування зразка 773 р. г. (1371–1372), певно, слід додати ще декілька років на поширення таких монет, можливий початок карбування київської монети може бути датовано серединою — кінцем 1370-х — початком 1380-х рр. Відсутність таких знахідок серед маже 1000 київських монет Сосницького скарбу, та й серед півтора десятка інших скарбів із київськими монетами[35], може свідчити, що на 1380-ті — початок 1390-х рр. вони вже давно вийшли з обігу, були перелиті у зливки та наступні типи, а також про обмеженість емісії, разовий випуск.

---

32 Пономарёв А. Л. Чьи на Руси деньги? Финансовый кризис в Золотой Орде 1380–1381 гг. по данным бухгалтерской книги генуэзского казначейства в Каффе (Феодосия) // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв. — С. 47–49.

33 Пономарёв А. Л. Чьи на Руси деньги? ... — С. 48.

34 Soboleva N. A. Nálezy pražských grošů na území SSSR // Sborník Národniho Muzea v Praze: Ser. A. — 1970. — XXIV. — 3/4. — S. 200, № 8; Зразюк З. А., Хромов К. К. Борщевский клад второй половины XIV в. — С. 116.

35 Котляр Н. Ф. Монеты Владимира Ольгердовича. — С. 48, 65–67; Хромова І. Сосницький скарб: до питання аналізу та класифікації монет Володимира Ольгердовича. — С. 26–29.

Дід О. А. Івакін. Лікар 156-го
Астраханського полку. 1916

Дід і бабуся з боку матері Л. Гасснер
та М. О. Селенс-Гасснер. Волчанськ, 1900-ті

Мати Г. Л. Івакіна (Гасснер).
Викладач Станіславського учительського
інституту. 24 червня 1941

Батько Ю. О. Івакін.
1982

Син В. Івакін. Розкопки на Поділі.
2011

З онукою Олександрою.
2005

Лейтенант в Групі радянських військ
у Німеччині. Олімпішесдорф. 1972

Карадаг.
1970

Останній раз в Криму. День археолога на Мангупі.
2013

Робочий кабінет у відділі
(вул. Володимирська, 3). 2010

Робочий кабінет у відділі
(вул. Володимирська, 3). 2010

Конференція до 100-річчя з дня народження В. Й. Довженка. Чернігів. 2009

Сектор археології Києва на Старокиївській горі. Конгрес МУСА. 1985

Біля Іллінської церкви. Конференція в Чернігові. 1997

Міжнародна конференція в Переяслав-Хмельницькому.
2004

Відділ археології Києва (Володимирська, № 3).
2014

Вишгородська гора над Дніпром.
Поруч начальник Вишгородської експедиції В. М. Зоценко. 1978–1979

Президент України Леонід Кучма
вручає Державну премію України в галузі науки і техніки. 2003

З І. І. Мовчаном (ліворуч) і В. Д. Бараном.
2006

Центр візантиністики в Парижі. Колеж де Франс. Вийшов українсько-французький збірник.
М. Казанський (ліворуч) і К. Цукерман. 2005

Під Сорбонною. XIX Всесвітній Конгрес візантиністів.
Поруч В. П. Коваленко, П. П. Толочко, Є. І. Архіпова. 2001

За шахами з П. П. Толочко.
2013

Будинок М. Брайчевського. Я. Є. Боровський, І. І. Мовчан, В. М. Зоценко. 1999

Великий Новгород. Ювілей Новгородської археологічної експедиції. В. Л. Янін,
П. П. Толочко, О. П. Толочко, М. А. Макаров. 2007

Класики. Поруч О. І. Комеч та
О. М. Іоаннісян. Москва, Коломенське. 2002

З Інгмаром Янсоном. Швеція.
2004

XX Всесвітній Конгрес візантиністів. Поруч О. І. Айбабін. Лондон.
2006.

Перунів дуб. 1975

В Царгороді

Знахідка монументальної різьбленої плити із зображенням св. вершника Євстафія.
Поруч П. П. Толочко. 1997

Надбрамна церква XII ст. 1998

Розчистка рову на Старокиївській горі біля Десятинної церкви. 2009

Рів Старокиївського городища. Внизу О. В. Манігда, В. Г. Івакін, О. В. Комар. 2009

В. К. Козюба, О. М. Іоаннісян, В. М. Ричка, А. М. Кірпічніков,
Г. Ю. Івакін і М. А. Сагайдак. Десятинна церква. 2009

Розкопки Старого Арсеналу. 2005

Плінфа з написом кінця X ст. Десятинна церква. 2007

Знаки князя Володимира
на плінфі кінця X ст.
з Десятинної церкви.
2007–2008

Розкопки собору св. Ірини XI ст. на території Софійської садиби. 2014

«Знак» на монеті цього типу представляє собою схематичне зображення прямокутної церковної споруди, а скоріше її частини, покритої двоскатним дахом і увінчаної хрестом. По центру — такий самий хрест (рис. 1, 1).

Зображення культових споруд широко відомі серед європейських монет церковних і світських володарів (рис. 2, 1–3). Навіть робляться спроби ідентифікації конкретних храмів за зображеннями на монетах. Як правило, на середньовічних європейських денаріях відтворювали головний собор міста. Водночас зображення на монетах дуже символічні й схематичні, адже перенести архітектурну споруду на невеличку поверхню — завдання дуже складне для монетного майстра (розміри київських монет від 9 до 15 мм). Легше було зробити відповідне зображення не з натури, а скопіювати із фрески або мініатюри. Тому вторинне зображення на монеті могло збільшувати кількість неточностей та умовностей[36].

На монеті знак знаходиться в нижній частині, звільняючи місце для напівдугової дворядкової легенди («Печать (??)...»). Великі літери легенди обумовлюють невеличке зображення «знаку»-«храму», незважаючи на те, що монетне коло цього типу найбільше серед київських монет — 15 мм. На наступних типах знак займає все поле одного боку монети, набуваючи витягнутої вертикальної форми, прикрашається різними деталями (рис. 2, 5–10).

Дуги-дах (?) на завершенні зображення часто виступають за вертикальні лінії основного зображення. Із боків від знаку — крапки та зірочки (3 крапки, зірочка та 2 крапки, по зірочці та по крапці), які, напевно, символізують незавершеність композиції, обумовленої крихітними розмірами монети.

На останніх групах київських монет знак значно спрощується, часто не заходить за поле, лінії-контури основних зображень інколи не рівні. Це може пояснюватись як зменшенням монетного кружка, так і недбалістю карбування. Такі монети випускали в 1390-х рр.

Дослідники відзначають певне спрощення, умовність форм архітектури на мініатюрах до XVI ст. Адже одним із найбільших ранніх та сталих був прийом зображення цілого частинами[37].

Зображення каплиці, що з'являється на монетах Карла Великого (768–814) (рис. 2, 1), стає одним із найрозповсюдженіших елементів європейських монет X–XI ст. Але у своєму розвитку у значній мірі відійшло від взірця та збереглося у двох основних версіях: баварсько-швабсько-чеській і франконсько-саксонський[38].

---

36 Потин В. М. Монеты. Клады. Коллекции. — Санкт-Петербург, 1993. — С. 85.

37 Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. — Москва, 1965. — С. 183–184.

38 Suchodolski S. Karolińskie wpływy na mennictwo europejskie w X i XI w. // Wiadomości numizmatyczne. — 1974. — R. XXXVIII. — Z. 3/4. — S. 121–140.

Привертають увагу й візантійські печатки Св. Софії. Великі, гарно оздоблені печатки із зображенням Богоматері та імператора, які тримають храм Св. Софії з відповідною легендою: «Свята Софія» датуються X–XIV ст. (рис. 2, 14–15). Дослідники відзначають велику кількість варіантів, як і їх інтерпретацій. Але, зауважують, що модель маленької церкви з куполом дуже нагадує обриси Св. Софії в Константинополі. Храм, увінчаний великим хрестом (рис. 2, 14)[39]. Подібні зображення фіксуються й на київських монетах XIV ст. та печатках XV ст. (рис. 2, 10, 12).

Уважається, що зображення на печатці запозичено та стилізовано з якоїсь композиції у храмі Св. Софії, із ктиторського зображення Творця з храмом на руці. Хоча й відзначається, що однокупольний храм на печатці так стилізовано, що зображення нагадує розріз лише одного купола Св. Софії[40].

Добре відома композиція Софії Київської: княжий груповий портрет у центральній наві, ктиторський портрет, на якому ктитор — фундатор храму — підносить його модель Христові. Судячи із зарисовки голландського художника А. ван Вестерфельда, на 1651 р. поновлена фреска була в доброму стані. Існують різні реконструкції первинних зображень на фресці, їх розміщення й персоніфікації[41]. Але ні в кого не викликає сумнів щодо основного, саме ктиторського походження сюжету.

У XIV ст. її могли бачити Кипріян, Ольґерд, Володимир. Під нею відбувалися врочисті служби, можливо й саме «посадження» Володимира Ольґердовича на «київській стіл». Принаймні велична композиція в головному соборі — митрополії Русі повинна була справляти належне враження на сучасників, і напевно, була добре відома за межами Києва.

Дослідники зауважують, що ідея сакралізації храму через внесення до нього моделі виявляє реальну церемонію освячення собору князівською родиною. При цьому надвівтарний напис Софії цитує ключову молитву візантійського чину заснування храму, а також відображає літургійну символіку

---

39 Лихачёв Н. П. Моливдовулы греческого Востока. — Москва, 1991. — С. 299–307; Велков В. Археологические находки в Болгарии, относящиеся к истории Византии (публикации 1946–1956 гг.) // Византийский временник. — Т. XV. — Москва, 1959. — С. 254.

40 Лихачёв Н. П. Моливдовулы греческого Востока. — С. 306.

41 Лазарев В. Н. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской: Групповой портрет семейства Ярослава Мудрого // Византийский временник. — Т. XV. — М., 1959. — С. 148–169; Висоцький С. О. Реконструкція портретів Ярослава Мудрого в Софії Київській // Археологія. — XVII. — К., 1975. — С. 3–17; Нікітенко Н. М. Княжий портрет у Софії Київській: нові дослідження фрески // Нові дослідження давніх пам'яток Києва: Матеріали наукової конференції Національного заповідника «Софія Київська» (Київ, 22–23 листопада 2001 р.). — К., 2003. — С. 163–173.

освячення, пов'язану з ідеєю заснування храму, який є адекватним стольному граду Русі[42].

У Новгороді культ Св. Софії — центральна тема місцевої іконографії. Софії присвячено головний собор, який отримав значення символу самого міста, «де Софія, там і Новгород». Існує безсумнівний зв'язок між балканськими й новгородськими фресками з XI до XVIII ст., але саме у XIV ст. фіксується активізація софійної тематики та взаємозв'язок із південнослов'янською іконографією[43].

«Печать Полоцкая и святой Софии» — саме такий напис міститься на полоцькій печатці початку XV ст.[44]

Привертають увагу й візантійські монети XIV ст. із зображенням моделі міста[45] (рис. 2, 16–17). А також метрологічні параметри візантійських і болгарських монет того часу.

Вага монети з Борщівського скарбу — 1,10 г. Не виключено, що й у XIV ст. значною мірою орієнтувалися на візантійські вагові та грошові одиниці, тож вага монети може співвідноситися з параметрами одного з основних номіналів Візантійської імперії — дукатело/аспрона. За новою грошовою системою, 1367 р. Візантія перейшла на карбування великих срібних монет вагою до 8,8 г та їх фракцій: 1/2 й 1/8 частини –дукатело/аспрона[46].

Вага монети також дуже близька до тогочасних болгарських монет. За останніми дослідженнями, срібні болгарські монети Івана Срациміра (1356–1396) у 1371 р. мали вагу 1,15 г, у 1372–1373 рр. — 1,00 г, у 1374–1376 рр. — 0,85 г. Монети Івана Шишмана (1371–1395) у 1371 р. — 1,15 г, у 1371–1374 рр. — 0,90 г, у 1375–1377 рр. — 0,75 г[47]. Уважається, що монетна система Болгарії успадкувала основну базову систему Візантії та запозичила елементи монетно-грошових систем Золотої Орди й Венеції[48]. В історіографії закріпилася думка, що візантійська економіка XIII–XIV ст. перебувала у затяжній кризі. А монети Візантії не могли істотно впливати на грошовий ринок Балкан і

---

42 Нікітенко Н. М. Княжий портрет у Софії Київській. — С. 167, 171–172.

43 Брюсова В. Г. О русско-болгарских связях в искусстве // Byzantinbulgarica. — VIII. — 1986. — P. 144–147.

44 Лихачёв Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. — С. 18.

45 Gerasimov T. Monnaies des Paléologues aves des représentations d'étoiles // Byzantinbulgarica. — III. — 1969. — P. 112, № 37; Salamon M. Mennictwo bizantyjskie. — Kraków, 1987. — S. 334.

46 Grierson P. Byzantine Coinage. — Washington, 1999. — P. 16–17; Morrisson C. Bizantine Money Its Productin and Circulation // Dumbarton Oaks Research Library and Collection. — Washington, 2002. — P. 909–966.

47 Авдев С. Монетната система в Средневековна България през XIII–XV век. — София, 2005. — С. 201.

48 Авдев С. Монетната система в Средневековна България... — С. 203.

Причорномор'я. Але останні дослідження свідчать, що до середини XIV ст. візантійська грошова система зберігала свій вплив[49].

Поява таких монет у князівствах Східної Європи XIV ст. може бути пов'язана не тільки з кримськими володіннями Золотої Орди, а й з балканськими, де подібні монети були надзвичайно поширеними. Входження Болгарії до складу Орди в першій половині XIV ст. могло бути реальним фактором у поширенні монет і лічби з Балкан до ординських східноєвропейських і кримських володінь.

Значна кількість виявлених у районі Старого Криму мідних болгарських монет свідчить про безпосередні зв'язки регіонів. Серед знахідок XIII–XIV ст. переважають монети Івана Александра (1331–1371)[50]. Появу монет із Болгарії у золотоординських містах можна пояснити як економічними, так і політичними та культурними зв'язками. Своєю чергою, на території Тирновської Болгарії фіксуються мідні, срібні золотоординські монети[51]. До 1280-х рр. Болгарія перебувала в контексті інтересів Візантії. Але з 1290-х рр. тирновські володарі визнали себе васалами ординських ханів. За Теодора Святослава (1300–1322) до складу Тирновського царства було включено землі Південної Бессарабії до р. Дністер[52].

Константинопольська патріархія у значній мірі існувала за рахунок підвладних їй митрополій: чи то у формі надання прибутків, чи завдяки внескам із боку митрополитів. У вересні 1324 р. патріарший синод визначив розміри цієї щорічної митрополичої виплати залежно від статків церковних провінцій: від 15 до 200 іперперів[53]. І хоча конкретно про руського митрополита не згадувалося, це не означає звільнення від внесків[54].

Окрім регулярних надходжень, величезні кошти збиралися й у зв'язку з конкретними подіями. Відомий факт відправки чималої суми великим князем владимирським Симеоном Івановичем (1340–1353) на ремонт Св. Софії

---

49 Пономарёв А. Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв.: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. — Москва, 2010. — С. 37–38.

50 Гурулева В. В. Византийские медные монеты XIII–XIV вв., найденные в Крыму, из частных коллекций // Труды Государственного Эрмитажа: Балканский сборник. — Санкт-Петербург, 2011. — С. 7–21.

51 Дочев К. Монети и парично обръщение в Търново XII–XIV в. — Велико Търново, 1992. — С. 124; Авдев С. Монетната система в Средневековна България... — С. 106–110.

52 Мутафчиев П. История на Българския народ (681–1323). — София, 1986. — С. 326; Гюзелев В. Оцерци върху историята на Българския североизток и Черноморието (края на XII — началото на XV в.). — София, 1995. — С. 35; Авдев С. Монетната система в Средневековна България... — С. 110–111.

53 Соколов П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. — К., 1913. — С. 415.

54 Там же.

в Константинополі після землетрусу 1341 р. Збір коштів на Русі вважається заслугою митрополита Феогноста[55].

Підпорядкування константинопольській церкві передбачало й узгодження метрологічних норм основних вагових і грошових одиниць. Наприклад, у Кафі XIII–XIV ст. фіксується пріоритетне використання візантійської золотої монети у чіткій відповідності до константинопольського вагового еталона — лібри. Це дає підстави вважати, що і срібло (у зливках та в монеті) у XIV ст. зважувалося в Кафі за допомогою константинопольського походження еталонів[56].

Напевно, основні еталони русько-візантійського походження зберігалися у церквах руських міст. Зафіксована у джерелах із XII ст. функція церкви щодо контролю ваг і мір перейшла й у післямонгольський час. Як правило такі функції (як і інструменти ваги) пов'язувалися з головним собором міста чи землі. За законодавством Юстиніана, збереження цих мір і ваг доручалося «найбільш шанованим церквам міста»[57]. У Києві, напевно, це правило пов'язувалося саме із Софійським собором.

Згадка кількох десятків «кавкіїв» — срібних і золотих візантійських скіфатних монет поряд із гривнями в «Уривках В. М. Бенешевича з історії руської церкви XIV ст.»[58] — записах, які були віднесені до канцелярії митрополита Феогноста (1328–1353), може свідчити про доволі значну кількість таких монет XII–XIV ст. у церковних і світських феодалів золотоординського часу.

Участь грецького й балканського духівництва у церковно-політичному та духовному житті руських князівств другої половини XIII — першої половини XIV ст. стала важливим фактором збереження нормативів у князівських і церковних платежах. Відсутність нових золотих і срібних монет такого ґатунку до масового надходження золотих європейських монет і празьких грошів була об'єктивним чинником орієнтації на основні візантійські номінали й вагові норми.

Певно, у XIII — першій половині XIV ст. нормовані платежі у Східній Європі могли збиратися у великій золотій чи срібній монеті, яких до появи грошів (крім візантійських) тут не було. Збереженню візантійських монет у князівських і церковних скарбницях слугувала і християнська символіка таких монет (особливо в умовах переважання арабомовних золотоординських).

---

55 Там же. — С. 308–309.

56 Еманов А. Г. Византийские денежные и счетные единицы в Кафе конца XIII — начала XIV вв. // VI Всероссийская нумизматическая конференция. — Санкт-Петербург, 1998. — С. 52–53.

57 Щапов Я. Н. Из истории городского управления в Древней Руси (Служба мер и весов) // Города феодальной России: Сборник статей памяти Н. В. Устюгова. — Москва, 1966. — С. 99–104.

58 Присёлков М. Д., Фасмер М. Р. Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV в. // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. — Т. 21. — Кн. 1. — Петроград, 1916. — С. 48–70.

Надзвичайно тісними були зв'язки з Візантією та Балканами за митрополита Кипріяна, який був родом із Тирнова. Він значну частину життя провів на Балканах, багато подорожував, підтримував близькі стосунки з тирновським патріархом Євфимієм та константинопольським — Філофеєм[59]. Поява церковного зображення на київських монетах XIV ст. добре узгоджується з хронологією київського карбування, збігається з першим періодом перебування Кипріяна в Києві 1376–1380 рр. Ураховуючи реалії XIV ст., найважливіші суспільно-політичні події повинні були відбитися й на іконографії монет.

Поява знаку, напевно, пов'язана з діяльністю Кипріяна та Володимира Ольгердовича (не виключено, що й самого Ольґерда) щодо зміцнення київського митрополичого престолу. Взірцем для знаку, імовірно, стала якась частина головного митрополичого храму — Софії Київської, можливо, зображення на печатці.

Із літописних джерел відомо про «духовні» емблеми відповідних земель, їх небесних патронів і заступників. Так, для Києва й Новгорода це була св. Софія, Переяслава — св. Михаїл, Чернігова — Спас, Владимира-на-Клязьмі — Богородиця. Появу такої емблематики пов'язують з обрядом інтронізації, «посадження» володаря на князівський престол. Припускають, що київський «стіл» уже наприкінці XI ст. було перенесено з князівського палацу до кафедрального собору Святої Софії. Такі емблеми пов'язувалися з князівською владою, виступали охоронцями князів та їхніх дій[60].

Безумовно, Кипріян, добре обізнаний з історією за літописами, у своїй програмі об'єднання церкви давньої Київської держави намагався якнайширше використовувати традиційні символи. В очах книжників, які «літописали» при храмах, ці образи-символи пов'язувалися з відповідними храмами. Поява в Києві першого, не санкціонованого ханською владою, митрополита мала не тільки величезне політичне значення[61]. Із писемних джерел можна виокремити декілька основних економічних заходів Кипріяна зі зміцнення Київської митрополії під час його перебування в Києві 1376–1380 рр.

«Церкви святыа ставил есмъ. Христианьство утвердил есмь. Места церковная, запустошена давными леты, оправил есмь приложити к митропо-

---

59 Соколов П. Русский архиерей из Византии... — С. 431; Бакалов Г. Св. Киприанъ и неговото време // Киприанови чтения 600 години от успението на Св. Киприан, митрополит Московски. — София; М., 2006. — С. 43–47; Овчаров Т. Търновград по времето на митрополит Киприан // Киприанови чтения 600 години... — С. 392–397.

60 Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. — К., 1992. — С. 139–143.

61 Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. — К., 1987 . — С. 75.

лии всея Руси»[62]. Невідомо, які саме храми Кипріянові вдалося побудувати й відбудувати в Києві. Але саме за цього митрополита відбулося відновлення Софійського собору в післямонгольському місті[63].

«Новый Городок литовьскый давно отпал, и яз его оправил и десятину доспел к митрополии же и села. В Велыньской же земли тако же: колько лет стояла Вол[од]имерьская епископиа без владыки, запустошала; и яз владыку поставил и места исправил»[64]. Включення Новогрудка до складу Київської митрополії означало, що чимала частина всіх прибутків єпархії, як і з Волинської землі, спрямовувалася до Києва. Можливо, саме з цим пов'язується присутність найдавнішої литовської монети типу «ПЄЧАТЬ» — «спис із хрестом» — у Борщівському скарбі. Ареал поширення таких монет — литовські й білоруські землі. Із цим також може пов'язуватися й наявність у скарбі трьох обрізаних празьких грошів. Монету Яна I Люксембурзького (1310–1346) обрізано по колу до діаметра 18,2 мм й ваги 1,42 г; гріш Карла I (1346–1378) — до 17 мм і 1,25 г відповідно. Ще один фрагмент гроша Карла I у вигляді сегмента — 1/4 монети — має діаметр 13,7 мм і вагу 0,69 г. По суті, це найдавніша знахідка празьких грошів на Переяславщині й Лівобережжі Дніпра, вона фіксує два основних можливих шляхи надходження чеських монет. Обрізані по колу празькі гроші — характерні пам'ятки галицько-волинських земель першої половини — середини XIV ст. Обрізані у вигляді сегмента зафіксовані на території Литви[65].

«Тако же отприснаа села софийская отпала к князем и бояром, и яз тых доискываюся»[66]. Повернення маєтностей Св. Софії означало не тільки земельні надбання, а й відповідні грошові та натуральні надходження митрополичого дому.

Безумовно, усе це було можливим за підтримки Ольгерда й Володимира. Адже ці найважливіші заходи щодо зміцнення Київської митрополії, Києва та Київської землі почали здійснюватися ще за життя великого князя литовського[67].

---

62 Памятники древнерусского канонического права // Русская историческая библиотека. — Т. VI — Санкт-Петербург, 1908. — № 20, стб. 183; Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Приложения. — Ленинград, 1978. — С. 200.

63 Болховітінов Є. Вибрані праці з історії Києва. — К., 1995. — С. 59.

64 Памятники древнерусского канонического права. — № 20, стб. 183; Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Приложения. — С. 200.

65 Remecas E. Vilniaus žemutinės pilies piniqų lobis (XIV a pabaiga). — Vilnius, 2003. — P. 10, 21, 71.

66 Памятники древнерусского канонического права. — № 20, стб. 183; Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Приложения. — С. 200.

67 Памятники древнерусского канонического права. — № 20, стб. 183; Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Приложения. — С. 199, 195.

Під час ординського періоду Київ залишався адміністративним центром і місцем перебування адміністрації завойовників. Згадка в літопису під 1332 р. баскака передбачає й концентрацію в місті данини («ординського виходу»), а також — переробку нагромадженого срібла в регламентовану форму (гривни-зливки). Уважається, що лодієподібні «татарські» зливки — це саме результат переплавки зібраного татарами на Русі срібла[68]. Ці лодієподібні, а також новгородські зливки «з горбатою спинкою» зустрічаються у східноєвропейських скарбах разом із золотоординськими монетами XIV ст.[69] Серед майже 300 тис. монет XIV–XV ст., зафіксованих Г. О. Федоровим-Давидовим у джучидських скарбах, наявні приблизно 120 зливків і їх половинок[70]. Присутність гривен (половинок) у найдавніших Борщівському та Гвоздівському скарбах, поряд із київськими і джучидськими монетами передбачає можливість їх взаємної переробки.

Переїзд Кипріяна до Києва означав отримання контролю за найважливішою функцією — системою ваг і мір. Без цього важко уявити сам процес виробництва грошей — монет і гривен. Але, на відміну від своїх попередників, Кипріян був поставлений без санкції ханської влади, тож зібране через платежі й податки срібло не відправлялося в Орду.

«Князівський знак» нашої монети дуже близький до зображення на широковідомих монетах київського князя, знаходить своє продовження в зображеннях на печатках його синів. Але цей знак жодним чином не пов'язаний із символікою сіверських, брянських, трубчевських князів. Вироблення іконографічного типу монети хронологічно співвідноситься з діяльністю митрополита Кипріяна в Києві й датується 1376–1380 рр.

Постає питання: як поєднати з митрополитом чи церквою знак, котрий у різних своїх модифікаціях зберігся у синів Володимира Ольгердовича як родовий — князівський[71], що не зовсім вкладається у класичні приклади гербоутворення? Можна погодитися й з тим, що знак на київських монетах нагадує прапор — хоругву («labarum») візантійських імператорів на монетах[72]. Але дослідники відзначають безпосередній зв'язок між хоругвеними емблемами й гербами, які ставали символами територіальної земельної власнос-

---

68 Спасский И. Г. Русская монетная система. — Ленинград, 1970. — С. 71.

69 Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. — Петроград, 1921. — С. 18, № 30; С. 21, № 53; С. 29, № 107; С. 32, № 131; С. 45, № 193, 196; С. 50, № 211, 213; Сотникова М. П., Спасский И. Г. Русские клады слитков и монет в Эрмитаже // Русская нумизматика XI–XV вв. — Ленинград, 1979. — С. 58–61, № 34, 40, 49, 55, 63.

70 Пономарёв А. П Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи. — Москва, 2002. — С. 112.

71 Ремецас Э. Новые данные о киевских монетах Владимира Ольгердовича. — С. 106–107.

72 Там же.

ті[73]. Не виключена можливість використання зображень на хоругвах, що зберігалися в Києві чи були привезені Кипріяном із Візантії або Болгарії. Але пріоритет у виборі саме цього зображення, напевно, зумовили печатки, що ними в Києві скріплювали найважливіші документи Ольґерда й Володимира за участі Кипріяна. Зображення на монеті й печатках свідчить про те, що в очах сучасників знак пов'язувався саме з церковною спорудою, а це цілком відповідає конкретним історичним реаліям.

---

73 Румянцева В. В. Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма. — К., 1986. — С. 36–39.

А. В. Комар

Усечённые слитки из клада 1997 года на усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря

Раскопками Киевской архитектурной археологической экспедиции под руководством Г. Ю. Ивакина 1997 г. на территории усадьбы Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве был обнаружен клад ювелирных изделий и серебряных слитков, нарушенный погребениями позднего монастырского кладбища.

На относительно небольшом участке из слоя и заполнения погребальных ям удалось собрать 23 шестиугольных серебряных слитка киевского типа, принадлежавших кладу[1]. Судя по неполной комплектности ювелирного убора, часть предметов могла быть обнаружена и изъята во время копания могил, поэтому дошедшие до нас артефакты скорее составляют лишь фрагмент первоначального комплекса. Тем не менее, клад 1997 г. остаётся уникальным для киевской археологии по степени документирования, так как из всех кладов с включением платёжных слитков, происходящих с территории древнего Киева, это единственный комплекс, открытый и полностью извлечённый археологами, полностью сохранённый и разносторонне изученный специалистами.

Серебряные слитки из клада 1997 г. введены в научный оборот Г. Ю. Ивакиным и Г. А. Козубовским[2]. Исследователи выделили 5 групп повторяющих-

---

[1] Івакін Г. Ю., Козубовський Г. А., Козюба В. К., Поляков С. Є. Науковий звіт про архітектурно-археологічні дослідження комплексу Михайлівського Золотоверхого монастиря в м. Києві у 1996–1997 рр. К., 1998 // Науковий архів ІА НАНУ. — № 1997/103. — Арк. 172–182; Івакін Г. Ю., Козубовський Г. А., Козюба В. К., Поляков С. Є. Дослідження комплексу Михайлівського Золотоверхого монастиря в 1997 р. // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. — К., 1998. — С. 17–18; Івакін Г., Козубовський Г. Скарби Михайлівського Золотоверхого собору // Вісник Національного банку України. — 1998. — № 12 (34). — С. 55–58; Ivakin H. Excavations at St. Michael Golden Domes monastery in Kiev. Kiev; Cherson; Constantinople. Ukrainian papers at the XXth international congress of Byzantine studies (Paris, 19–25 August 2001). — Kiev; Simferopol; Paris, 2007. — P. 207–210.

[2] Івакін Г., Козубовський Г. Скарби Михайлівського Золотоверхого собору. — С. 56–58; Kozubovskiy G. West-European coins and local ingots in Kiev in the 11th — 12th centuries // Moneta Medievalis. — Warszawa, 2002. — P. 253–259.

ся форм слитков, сделав ряд интересных наблюдений относительно состава металла, маркировки слитков при помощи граффити и их возможного места производства. Особо была отмечена в составе клада редкая группа из 5 усечённых слитков (21,7 %), все из которых имели граффити на нижней стороне (№ 3, 7, 8, 14, 17) (рис. 1).

Лишь один из усечённых слитков клада (№ 8) обрублен грубо, ударами широкого зубила с двух сторон (рис. 2: *3*). На слитке № 3 (рис. 2: *1*) также видны следы широкого зубила, но торец заполирован, скорее всего с использованием мелкого абразива; на верхней стороне видны следы удара молотком в процессе обрубания или же при удалении заусениц. Слиток № 17 также был обрублен широким зубилом, но поверхность обреза сначала была доработана мелким зубильцем, а затем заусеницы зачистили напильником (рис. 2: *4*). Обрубленный торец слитка № 7 несёт следы срубания серебра мелким зубильцем и зачистки заусениц (рис. 2: *5*). Наиболее тщательно обработан слиток № 14 — после обрубания его торец запилен до практически ровной плоскости напильником и заполирован; на верхней поверхности слитка сохранились следы снятия заусениц напильником с достаточно крупной насечкой (рис. 2: *2*).

Из пяти усечённых слитков клада четыре специально обрабатывались для удаления заусениц и острых краёв, т. е. для запуска в оборот. При этом обрезка настолько визуально заметна, что и речи не могло идти о жульнической подрезке слитков. На примере слитков № 7 и 17 (рис.2: *4*, *5*) видим, что подрезание производилось мелкими шажками — слитки подгонялись под заданный вес с большой аккуратностью. Вес двух упомянутых экземпляров действительно очень близок, соответственно, 148,43 г и 148,97 г.

Усечённые слитки клада отнесены Г. А. Козубовским к трём разным группам по форме: 1-й (№ 3, 14, 17), 2-й (№ 7) и 4-й (№ 8). При этом близкие слитки 1-й группы оказались обрезанными в разной манере (рис. 2: *1*, *2*, *4*), т. е. производили её другие ремесленники уже после изготовления слитков, вероятно даже уже по экземплярам, покинувшим мастерскую[3]. На слитках № 7 и 8 дополнительно видим как минимум два этапа нанесения граффити, т. е. история их использования до момента попадания в клад не была короткой.

Г. Ю. Ивакин и Г. А. Козубовский рассмотрели разные версии причини появления граффити на слитках киевского типа, но, обратив внимание на факт наличия граффити на всех усечённых слитках клада 1997 г., предположили, что таковые могли обозначать факт утраты части слитка[4]. Отметим, что усечённые слитки и так бросались в глаза, а вот равные им по весу три

---

3 Івакін Г. Ю., Козубовський Г. А., Козюба В. К., Поляков С. Є. Науковий звіт про архітектурно-археологічні дослідження... — Арк. 172–182.

4 Івакін Г., Козубовський Г. Скарби Михайлівського Золотоверхого собору. — С. 58.

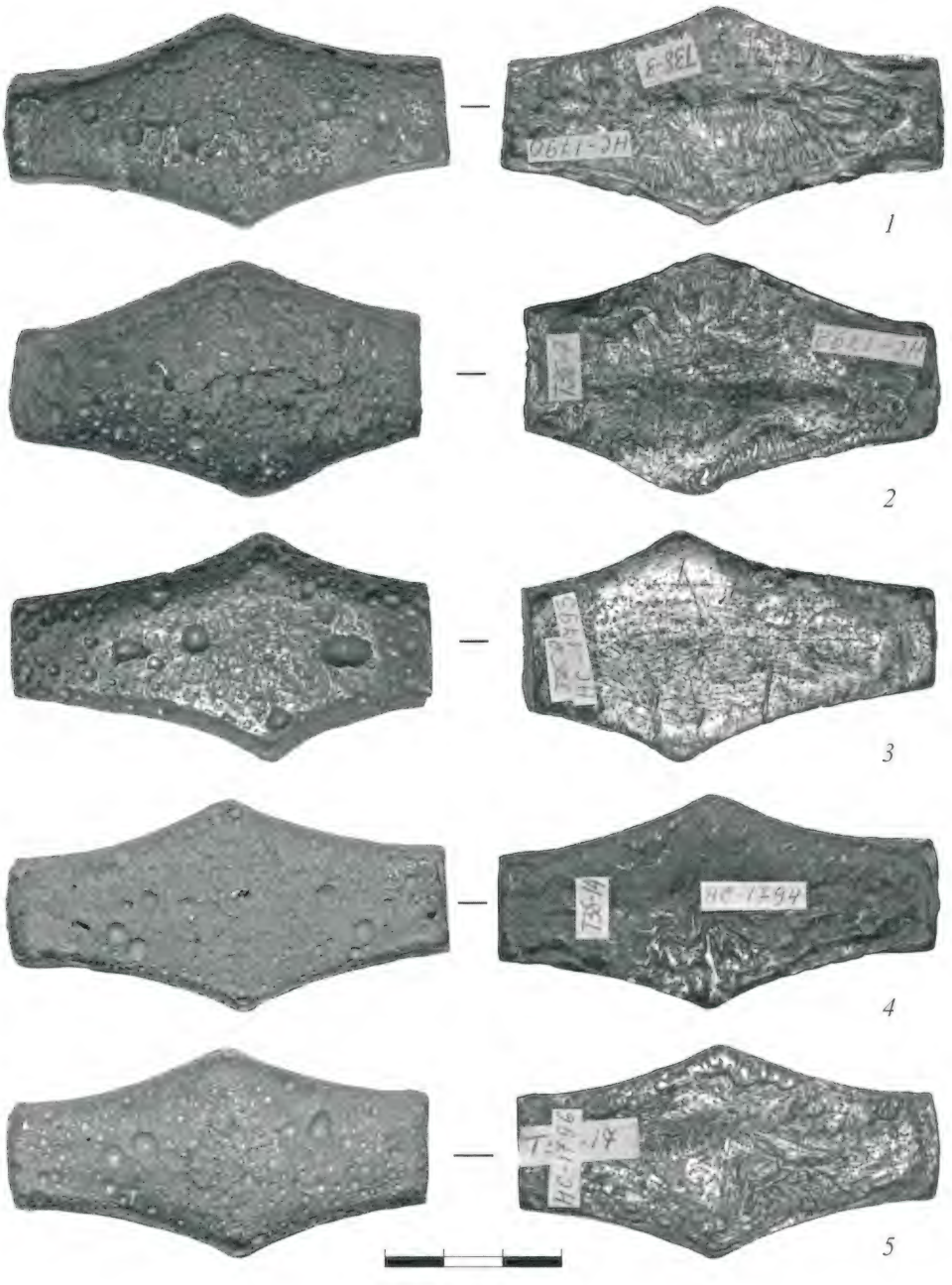


Рис. 1. Усечённые серебряные слитки из клада 1997 г. на усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря: 1 — № 3; 2 — № 7; 3 — № 8; 4 — № 14; 5 — № 17

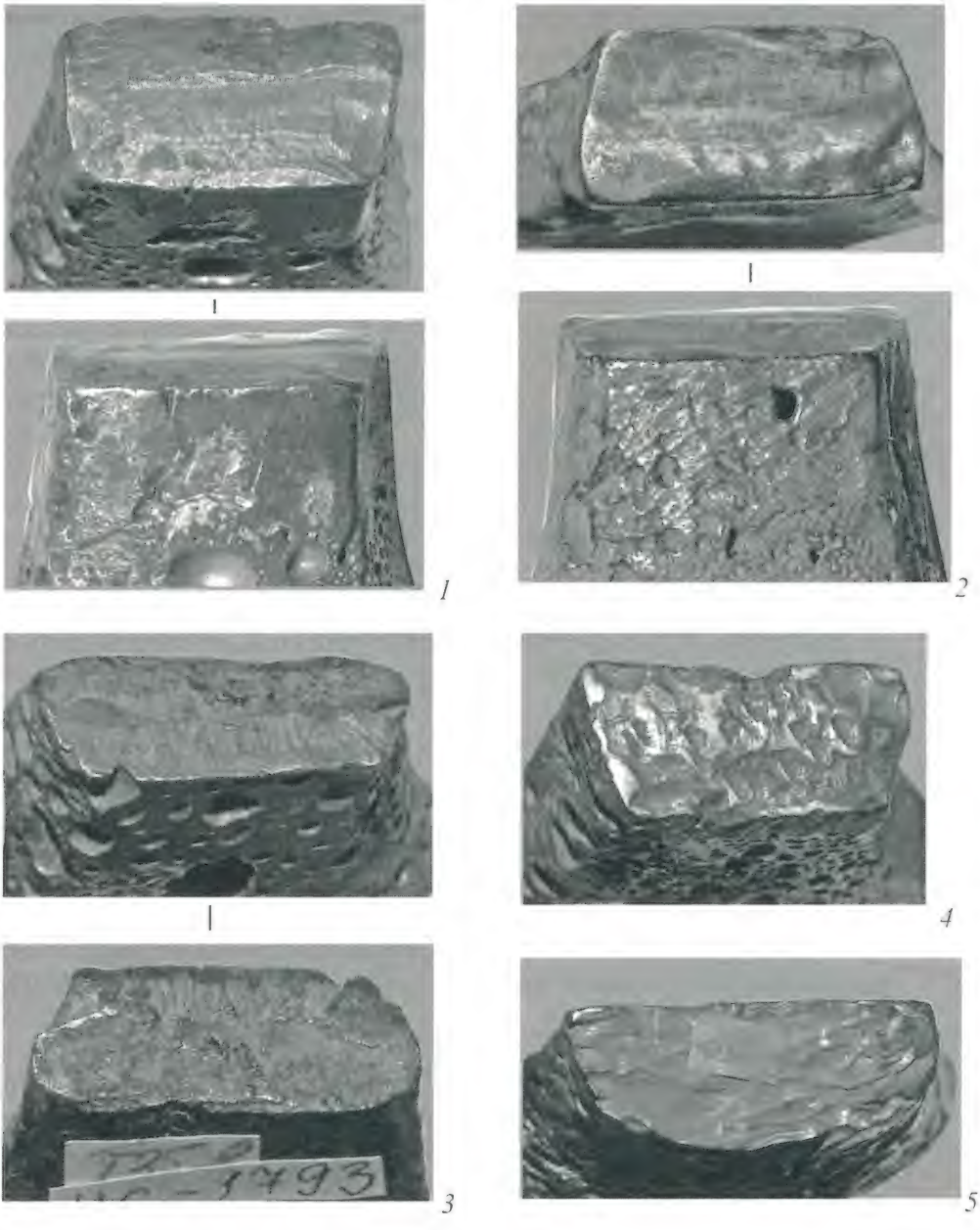


Рис. 2. Обрезанные торцы серебряных слитков из клада 1997 г. на усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря: 1 – № 3; 2 – № 14; 3 – № 8; 4 – № 17; 5 – № 7

целых слитка клада (№ 11, 13, 23) никаким образом не выделялись, что делает маловероятной связь нанесения граффити именно с весовыми характеристиками слитков.

Граффити на слитках киевского типа пока не были предметом самостоятельного исследования, в отличие от слитков новгородского и черниговского типов[5]. В качестве сравнительного материала слитки киевского типа привлекла в своём исследовании эпиграфики слитков новгородского типа лишь М. П. Сотникова, констатировав, что для слитков киевского типа не характерно наличие надписей, а если же таковые есть, то ограничиваются лишь одной — двумя буквами[6]. Наиболее частый вид граффити на киевских слитках — это параллельные или перекрещивающиеся нарезки. Развивая предположение И. Г. Спасского о производственном значении нарезок на древнерусьских слитках, М. П. Сотникова установила наличие их связи с производственными вычислениями литейщиков, предположив, что нарезки фиксируют доли убыли или угара серебра, достигавших довольно серьёзных величин: в среднем 9,1–14,3 %, а максимум — 25–33,3 %[7]. Впрочем, к несомненно производственным маркерам исследователь отнесла только множественные нарезки, в случаях же, когда на слитках нанесены всего по 2–4 нарезки, М. П. Сотникова оставила вопрос об их значении открытым.

На слитках Михайловского клада 1997 г. число параллельных нарезок составляет 2–3 (№ 3, 14, 16) (рис.3: *6*, *8*, *9*). Не исключено, что это всего лишь следы древнего пробирования слитков, выполненного путём царапания низкопробным серебром, например, острым краем половинки монеты. На слитке № 17 такие линии не параллельны (рис. 3: *7*), заставляя допускать, что и граффити в виде косого креста, представленные на слитках № 8, 18, 19 (рис. 3: *2–4*) также могут иметь отношение к пробированию. Косой крест (или литеру «Х»?) видим также на одном из слитков Михайловского клада 1940 г. (рис. 4: *3*); на слитке из Киевского клада 1880 г. с усадьбы Кувшинова и ряде депаспортизированных слитков из коллекции НМИУ (№ АЗС 460; 473;

---

5 Сотникова М. П. Эпиграфика серебряных платёжных слитков Великого Новгорода XII–XV вв. // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. IV. — Ленинград, 1961. — С. 79–91; Мельникова Е. А. Эпиграфика древнерусских платежных слитков (в связи с надписями на гривнах клада из Бюрге, Готланд) // Древнейшие государства Восточной Европы: 1994 г. — Москва, 1996. — С. 143–150.

6 Исключение — слиток из раскопок Любеча 1957 г. (см.: Янюшкина Е. В. Собрание слитков ГИМ // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. — Вып. 5. — Москва, 1997. — С. 153).

7 Сотникова М. П. Эпиграфика серебряных платёжных слитков Великого Новгорода XII–XV вв. — С. 79–91.

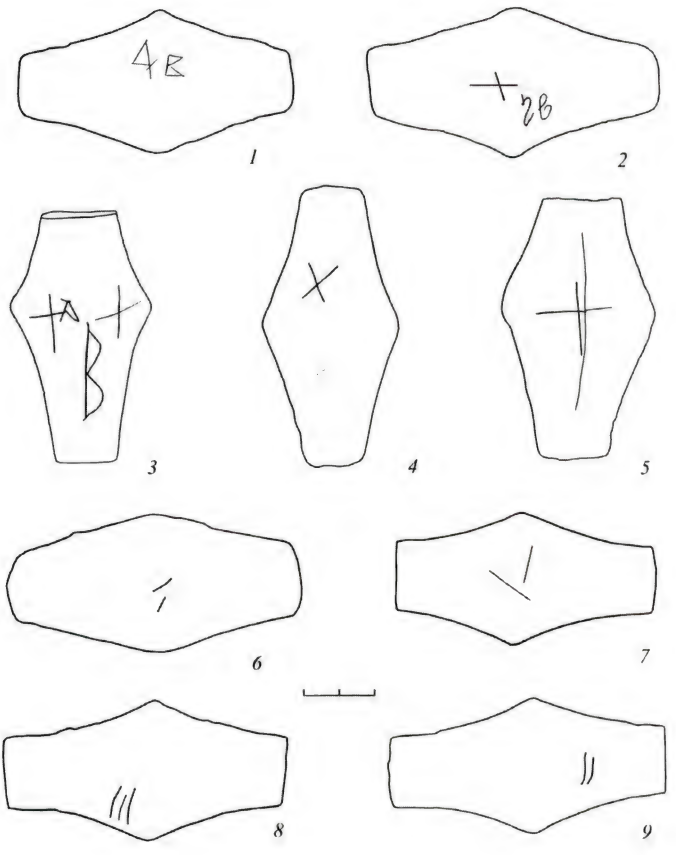


Рис. 3.
Граффити на слитках из клада 1997 г. на усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря:
1 – № 2;
2 – № 19;
3 – № 8;
4 – № 18;
5 – № 7;
6 – № 16;
7 – № 17;
8 – № 3;
9 – № 14

488; AR 3939)[8]. На слитках № 7 и 8 из клада 1997 г. (рис. 3: *3*, *5*) изображены и прямые кресты, которые заставляют вспомнить граффити в виде крестов с засечками на концах на 5 слитках из клада 1907 г. с усадьбы Михайловского Златоверхого монастыря[9].

Крест на слитке № 7 начертан поверх длинной узкой процарапанной линии (рис. 3: *5*). Возможно, у рисовавшего просто не получилось нанести прямую линию для креста по неровной поверхности, поэтому он прорисовал его ещё раз с более сильным нажатием на инструмент. Но если линия всё же не случайна, то она заставляет вспомнить другую группу граффити, хорошо представленную на слитках Михайловского клада 1940 г. По центру слитка

---

[8] Яушева-Омельянчик Р. Монетные гривни из XI–XV вв. (из собрания Национального музея истории Украины) // Нумізматика і фалеристика. — 1999. — № 1. — Табл. I, III.

[9] Сотникова М. П. Эпиграфика серебряных платёжных слитков Великого Новгорода XII–XV вв. — С. 78.

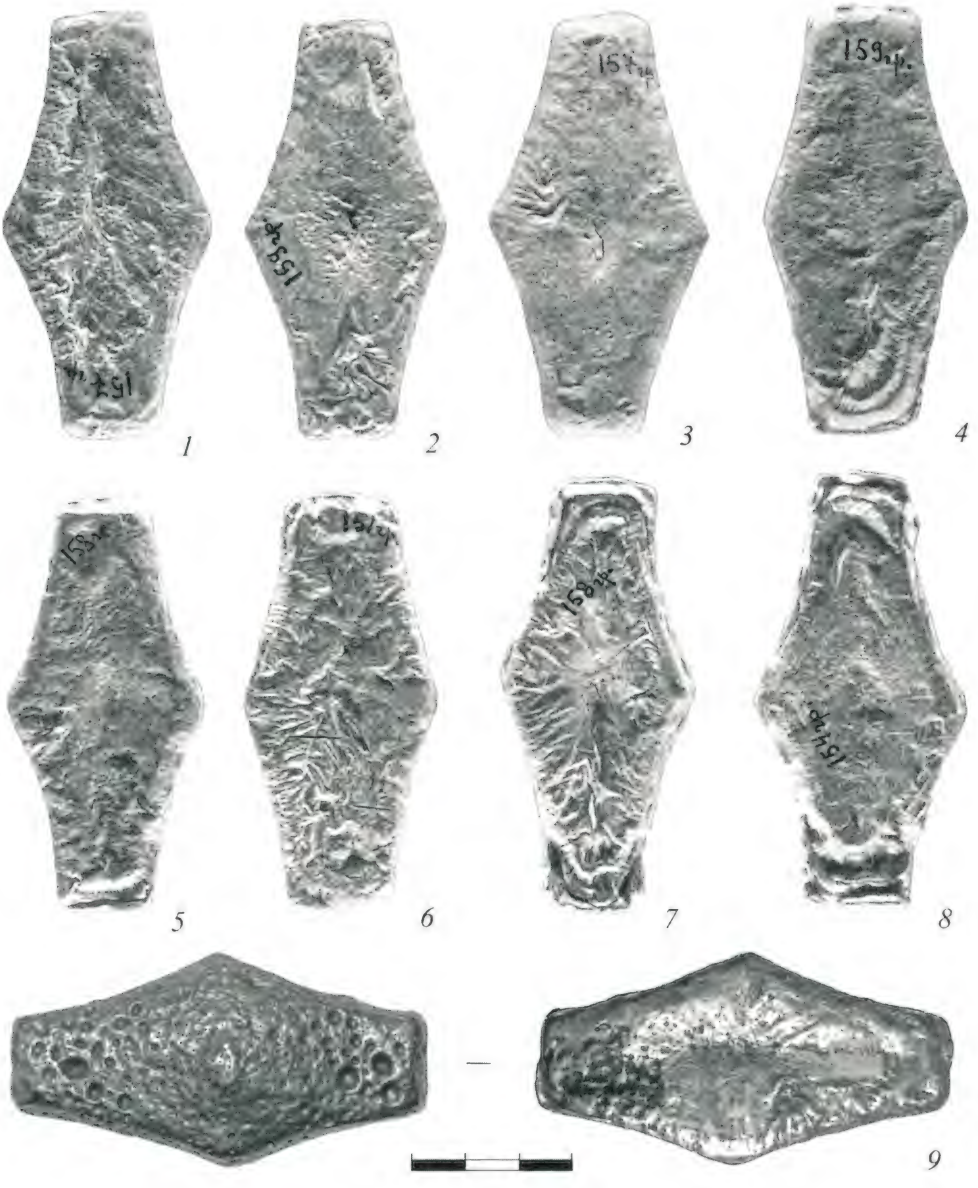


Рис. 4. Граффити на слитках: 1–8 — из клада 1940 г. на усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря (по негативам из Научного архива Института археологии НАНУ); 9 — слиток из Канева (1959 г.)

проводилась длинная линия, поверх которой наносились нарезки — от 2 до 8 (рис. 4: *4*, *5*, *7*–*8*). На одном из слитков (рис. 4: *6*), где добавилось всего две нарезки, видим также граффити в виде короткой линии, перечёркнутой двумя нарезками; этот вариант представлен и на двух слитках клада (рис. 4: *2*, *7*). Наконец, ещё один слиток маркирован просто 10-ю нарезками (рис. 4: *1*). Такая маркировка слитков находит аналогии в Михайловском кладе 1907 г., где короткая линия, перечёркнутая двумя или тремя нарезками, отмечена на 3-х слитках. Есть в составе Михайловского клада 1907 г. и слиток с параллельными нарезками, но такой тип граффити лучше представлен на слитках Тверского клада 1906 г.[10] Короткую косую линию с нарезками видим также на киевских слитках из коллекции В. Мишина и «из Киево-Печерской Лавры», а также из клада 1889 г. с Княжьей Горы; длинные — на одном из слитков из клада 1896 г. из Жадовки[11], а также на слитке из фондов Института археологии НАНУ, происходящем, согласно инвентарной записи, из Канева (1959 г.) (рис. 4: *9*).

С наибольшей долей вероятности, к производственным обозначениям на слитках киевского типа можно отнести граффити в виде линии, перечёркнутой нарезками, и длинные ряды параллельных нарезок. Прямые кресты на слитках из двух кладов 1907 и 1997 гг. с усадьбы Михайловского Златоверхого монастыря, напротив, скорее несли лишь символическую функцию — этим христианским символом могли обозначаться слитки для платежей церкви, но в кладе 1997 г. оба таких экземпляра оказались обрезанными (№ 7, 8). Косыми крестами в кладах 1940 и 1997 гг. обозначены целые слитки с весом от 153,65 г до 159,68 г, но в кладе 1997 г. такой же знак есть и на усечённом слитке № 8. Возможно, недорисованный из-за неровностей косой крест можно видеть и на усечённом слитке № 17. В целом же, из четырёх слитков клада 1997 г. с короткими параллельными нарезками (№ 3, 14–17) обрезаны 3, ещё один (№ 16) весит 154,88 г, т. е. заметно легче эталона слитков киевского типа в 1/2 византийской литры (163,73 г).

Как уже отмечалось, крайне редкими для слитков киевского типа являются буквенные граффити. В Михайловском кладе 1997 г. таковые представлены сразу на 3-х слитках (№ 2, 8, 19). Все три принадлежат разным почеркам. На слитке № 2 прочерчены в строку «АВ» или «ДВ», но первая буква достаточно неуверенная, тогда как «В» нанесено с бóльшим нажимом и даже с сохранением палеографических особенностей начертания (Рис. 3: *1*); вес слитка 157,99 г. На слитке № 8 буква «а» зеркальная, прочерчена ранее прямого креста, а литера «В» размещена ниже и значительно увеличена в размерах (рис. 3: *3*); вес слитка 151,83 г. На слитке № 19 иголкой одновременно процарапаны

---

[10] Там же. — С. 77–78, 85–86, № 96, 102–103, 210–214.

[11] Яушева-Омельянчик Р Монетные гривни... — Табл. I–II.

курсивными литерами «SB» (или же греческие «IB»?), тогда как косой крест нарисован другим инструментом (рис. 3: *2*); вес слитка 153,65 г. Только один из слитков усечён, а вес слитков № 2 и 8 с вероятно одинаковыми буквами «AB» различается на 6,16 г, т. е. если маркеры производственные, то нанесены они до усечения слитка № 8. Парность литер без разделителя в данном случае делает маловероятной версию о числительных (1 : 2; 6 : 2 ?) — речь скорее идёт о каких-то сокращениях. В Михайловском кладе 1907 г. буквенные граффити представлены на 4-х слитках: на двух — литера «Д», ещё на двух — буквы «N» и «Р»[12]. Литера «В» угадывается на слитке из коллекции С. В. Бодилевского, буква «К» изображена на одном из слитков из клада 1889 г. с Княжьей Горы, а буква «N» также на слитке № АЗС 457 из коллекции НМИУ[13]. На двух слитках из раскопок Любеча 1957 г. нанесены надпись «ПОЛОН» и буква «П»[14].

Повышенный процент граффити на слитках клада 1997 г. в целом вписывается в картину кладов с усадьбы Михайловского Златоверхого монастыря, но при наличии некоторых общих элементов их маркировка всё же достаточно отличается, не позволяя говорить о чёткой единой системе знаков для слитков киевского типа даже в рамках локального района Киева, а тем более — для типа в целом.

Гадать о значении буквенных сокращений сложно. Было бы заманчиво увидеть в надписях «ПОЛОН» и «П» на двух любечских слитках 1957 г. сокращения «ПОЛОN[ЫИ]», «полъныи» вес. Но оба слитка, наоборот, относятся к «ультралёгким» — 151,8 г и 154,7 г, что, впрочем, делает логичной поверку их веса. Буквенные сокращения на других слитках в том же контексте реконструируются как: «В» — «вѣсъ» или «вѣрьный»; «Д» — «добрыи»; «Р» — «равьно»; «К» — «кривыи»; «N» — «невѣрьный». Такие пометки вполне могли оставить проверявшие вес партии слитков «весцы», чтобы не перепутать уже взвешенные. Новгородская летопись под 1200 г. упоминает одного из таких мастеров — «Страшка серебряника вѣсца»[15]. Сочетания «АВ», «ДВ», «SB» можно скорее трактовать как «1 вѣсъ», «4 вѣса», «6 вѣсовъ» (в значении «гирек»). Учитывая вес конкретных слитков с такими сокращениями, речь шла бы о гирьках весом ок. 1/2 литры, 1/4 литры и 1/8 гривны серебра соответственно. «К[ривыи]» слиток из клада 1889 г. с Княжьей Горы весит в настоящее время 158,48 г, что действительно на 5,25 г ниже стандарта византийской

---

[12] Сотникова М. П. Эпиграфика серебряных платёжных слитков Великого Новгорода XII–XV вв. — С. 77, № 91–95.

[13] Яушева-Омельянчик Р. Монетные гривни... — Табл. I–III.

[14] Янюшкина Е. В. Собрание слитков ГИМ. — С. 153. № 29.

[15] ПСРЛ. — Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — Москва; Ленинград, 1950. — С. 239.

полулитры (163,73 г)[16]. А вот «В[ѣрьный]» слиток из коллекции С. В. Бодилевского оказывается, наоборот, даже тяжелее стандарта — 165,93 г. Для уверенного ответа, разумеется, нужно располагать бóльшей достоверной выборкой слитков с полными данными, тогда как даже современного сводного каталога древнерусьских слитков на данный момент нет.

Усечённый слиток № 8 из Михайловского клада 1997 г. (рис. 1: 3; 3: *3*), содержащий наиболее богатую историю пометок, согласно предложенной реконструкции, сначала был при проверке обозначен зеркальной «а» («1 [вѣсъ]»?); затем подвергся либо проверке на пробу, либо повторному взвешиванию, с добавлением косого креста; после отложен для церковного платежа и обозначен прямым крестом, перекрывшим частично букву «а»; одновременно или после этого слиток был обрублен и затем ещё раз контрольно проверен на вес, с появлением демонстративно крупно начертанной «В» («В[ѣрьный]»?). При этом его вес в 151,93 г оказывается фактически идентичным любечскому слитку с надписью «ПОЛОН» и весом 151,8 г. О какой весовой единице в данном случае может идти речь и какое отношение она имеет к церкви?

Полный весовой ряд усечённых слитков клада 1997 г. из усадьбы Михайловского Златоверхого монастыря следующий: 148,43 г; 148,97 г; 150,12 г; 151,08 г; 151,93 г; средний вес — 150,11 г. Они закономерно составляют наиболее лёгкую часть слитков клада (рис. 5: *2*, *3*) (на диаграммах вес округлён в бóльшую сторону ввиду неминуемых утрат из-за коррозии), но близкие показатели веса демонстрируют и целые слитки клада: 11 (151,83 г), 13 (150,53 г), 23 (152,13 г), что говорит о его неслучайности. Средний вес целых экземпляров клада — 155,34 г; всех слитков — 154,2 г, что заметно ниже установленного Н. П. Бауэром среднего показателя для слитков киевского типа в целом — 158,89 г[17] и, тем более, стандарта византийской полулитры (163,73 г). Общий диапазон веса всех слитков Михайловского клада 1997 г. (148,43 г — 159,68 г) при этом охватывает лишь половину весового спектра слитков киевского типа (рис. 5: *1*)[18] и не включает наиболее тяжёлую группу весом в 160–168 г, как и шестиугольных слитков «северного» веса.

Анализируя средний вес слитков отдельно для каждого клада, Н. П. Бауэр выделил в качестве достоверных и статистически показательных результаты для Тверского клада 1906 г. (161,43 г), Михайловского клада 1907 г. (160,57 г) и ещё одного киевского клада 1880 г. из усадьбы Кувшинова (154,1 г или, со-

---

[16] Впрочем, «К» могло означать и 20 весовых единиц по ок. 8 г, характерных для «бочковидных» или «сферических» гирек X–XI вв. с железным ядром.

[17] Бауэр Н. П. История древнерусских денежных систем: IX в. — 1535 г. — Москва, 2014. — С. 255.

[18] Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. — Москва, 2009, рис. 4.

гласно сводке индивидуального веса 34 слитков, должно быть 153,8 г)[19]. Средний вес слитков из последнего клада оказывается даже ниже веса слитков Михайловского клада 1997 г., что объясняется наличием в его составе целой группы из 16 «ультралёгких» слитков весом в диапазоне 141–154 г (141,84 г; 144,1 г; 144,2 г; 146,45 г; 147,9 г; 148,9 г; 148,9 г; 150,84 г; 151,21 г; 151,84 г; 152,84 г; 153,05 г; 153,45 г; 153,71 г; 153,75 г; 153,82 г) (рис. 5: *5*), общий же диапазон веса слитков клада составляет 141,84–164,12 г. Тверской клад 1906 г., наоборот, совсем не включает таких лёгких слитков, охватывая диапазон 154,89–167,39 г.

Клады, происходящие из усадьбы Михайловского Златоверхого монастыря, также дают разную картину. Так, в кладе 1903 г. представлен диапазон веса 157,6–160,54 г при среднем весе слитков 158,9 г (по 2 экз.); современное взвешивание немного отличается — диапазон веса 157,5–158,2 г; средний вес 157,85 г. В кладе 1906 г. диапазон веса слитков киевского типа 159,96–161,83 г, а средний вес 160,9 г (по 2 экз.); современное взвешивание — 158,7–160,5 г; средний вес 159,6 г. В кладе 1907 г. диапазон веса слитков шире — 152,23–164,49 г, но средний вес достаточно большой — 160,57 г (по 53 экз.) (рис. 3: *6*); по результатам же современного взвешивания диапазон веса слитков даже шире — 152,31–169,95 г[20]. Слитки клада 1940 г. взвешивались без десятых доль, поэтому вес их приблизителен: общий диапазон 150–160 г, средний вес 156 г (по 14 из 15 экз.)[21] (рис. 5: 4; рис. 4). Как видим, ближе всего из рассмотренных кладу 1997 г. по весовому составу оказывается Михайловский клад 1940 г. (рис. 5: *2*, *4*), хотя его весовые характеристики нуждаются в уточнении.

Территориально близок к михайловским клад 1949 г. по ул. Трёхсвятительская, 4 (вероятнее всего, происходящий с усадьбы соседнего Дмитровского монастыря), диапазон веса слитков киевского типа в котором составлял 157,01–159,01 г, а средний вес 158,34 г (по 3 экз.)[22]. В кладе присутствовали также 3 слитка новгородского типа, один из которых усечён (195,003 г), а второй, наоборот, нестандартно тяжёлого веса (227,031 г), составляя в сумме 621,8 г. Вес слитков клада из коллекции Национального музея истории Украины, по результатам современного взвешивания, не совсем совпадает с данными публикации, и составляет для киевского типа диапазон 153,2–159,6 г при среднем весе 156,73 г, а слитки новгородского типа весят 194,3 г (обрублен-

---

[19] Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. Eine archäologische Studie // Numismatische Zeitschrift: Neue Folge. — Bd 22. — Wien, 1929, 101–105, Tab. 4; Бауэр Н. П. История древнерусских денежных систем. — С. 256.

[20] Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters... — S. 102–105; Янюшкина Е. В. Собрание слитков ГИМ. — № 10–12.

[21] Бауэр Н. П. История древнерусских денежных систем. — С. 252.

[22] Самойловський І. М. Новий скарб часів Київської Русі // Археологія. — Т. VI. — К., 1952. — С. 120.

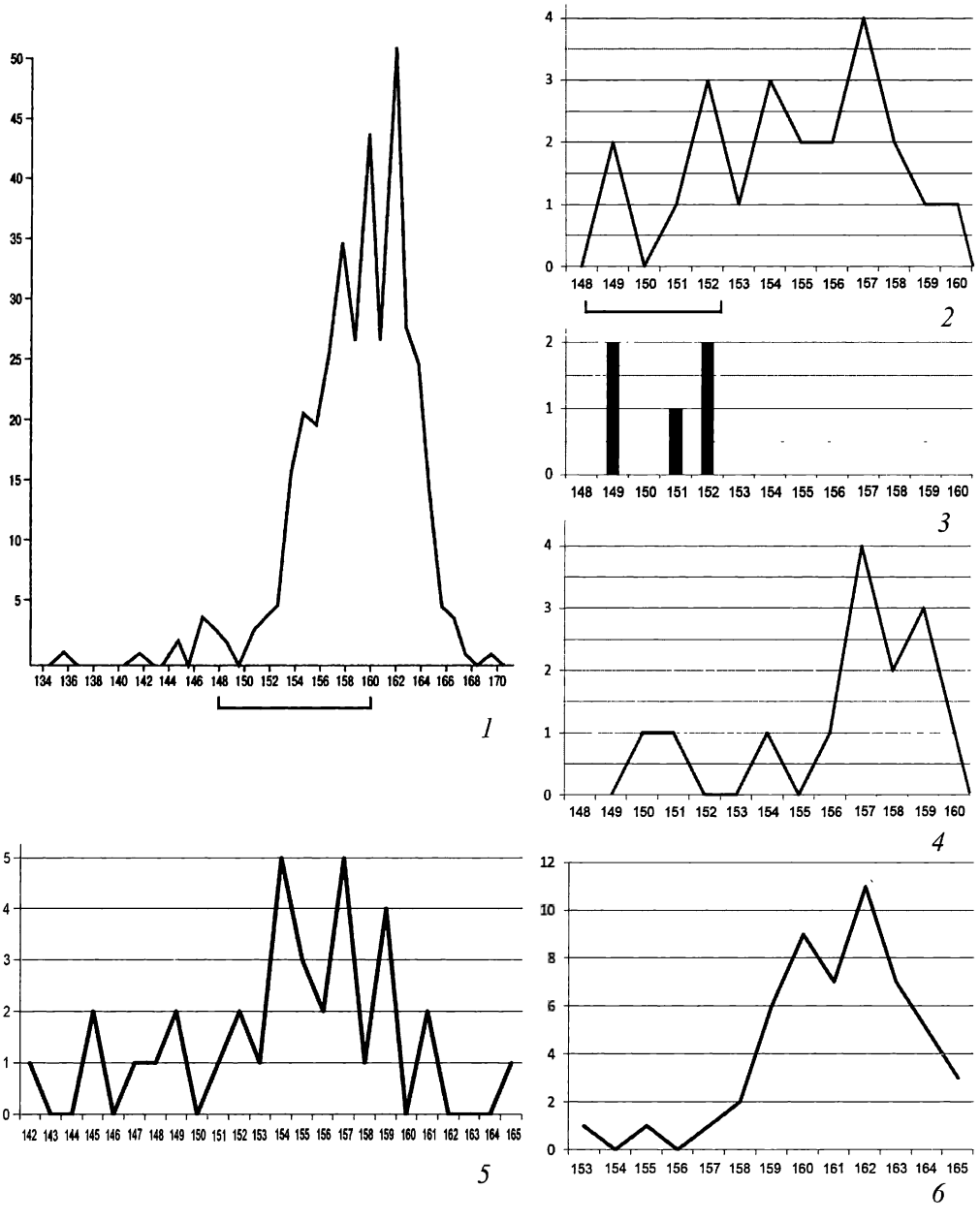


Рис. 5. Весовые диаграммы слитков киевского типа: 1 — общая выборка из древнерусьских кладов (по В.Л. Янину); 2, 3, 4, 6 — клады с усадьбы Михайловского Златоверхого монастыря, Киев: 2 — клад 1997 г.; 3 — усечённые экземпляры из клада 1997 г.; 4 — клад 1940 г.; 6 — клад 1907 г.; 5 — клад 1880 г. на усадьбе Кувшинова, Киев

ный), 196,3 г и 227,1 г[23], т. е. в сумме 617,7 г. Последняя сумма равнозначна по весу 4-м слиткам киевского типа весом в 154,4 г или же 3-м слиткам новгородского типа весом в 205,9 г.

Один «ультралёгкий» слиток весом в 150,51 г присутствовал в кладе 1885 г. из усадьбы Есикорского с диапазоном веса слитков 150,51–162,14 г и средним весом в 157,31 г (по 9 экз.). Ещё один слиток весом в 146,29 г найден в кладе 1911 г. из раскопок на усадьбе Десятинной церкви; диапазон веса слитков клада 146,29–165,76 г, средний вес 157,27 г (по 6 экз.).

В других киевских кладах, подобно Тверскому 1906 г., слитков весом ниже 153 г не наблюдалось, и лишь единичные слитки весили в диапазоне 153–155 г. Так, в кладе 1889 г. с усадьбы Гребеновского (7 экз.) — диапазон веса слитков 153,95–167,86 г, средний вес 161,1 г (по 7 экз.). Клад 1838 г. с усадьбы Королёва: диапазон веса 153,69–164,22 г; средний вес 157,86 г (по 2 экз.). Клад 1882 г. из усадьбы Агеева: диапазон веса 160,7–166,89 г; средний вес 163,8 г (по 2 экз.) (современное взвешивание — 159,75–166,8 г, средний вес 163,28 г)[24].

Вне Киева в контексте аналогий Михайловскому кладу 1997 г. наибольший интерес представляет клад 1893 г. из Задрутья (Верхнее Поднепровье)[25]. Из 92 слитков киевского типа 4 оказались обрубленными, их вес 145,47 г; 152,23 г; 152,99 г; 152,99 г. При этом среди целых экземпляров вес ниже 154 г имели сразу 14 экз. (135,43 г; 146,1 г; 146,5 г; 147,7 г; 147,74 г; 150,5 г; 151,16 г; 152,23 г; 152,5 г; 152,9 г; 153,03 г; 153,05 г; 153,12 г; 153,56 г). Общий диапазон веса слитков 135,43–164,76 г, средний вес целых слитков 156,99 г (по 87 экз.); обрубленных — 150,92 г (по 4 экз.); средний вес слитков в целом — 156,7 г (по 91 экз.). В кладе полностью преобладают слитки тяжелее 154 г, но и более лёгкие составляют заметный процент (19,8 %), впрочем, ниже, чем в Михайловском кладе 1997 г. (47,8 %) и в кладе 1880 г. из усадьбы Кувшинова (47,1 %). И лишь в кладе 1900 г., происходящем то ли из Киева, то ли с городища Девич-Гора у с. Сахновки, найдены 8 слитков весом в 143,5–153,7 г, т. е. исключительно «сверхлёгкие»[26].

В кладе 1900 г. из Великой Снитынки находились 5 слитков киевского типа, из которых 3 «северного» веса (197,13 г; 200,95 г; 202,9 г), 1 целый «южного» веса (169,84 г) и 1 обрубленный (124,03 г)[27]. Если сумма веса серебряных слитков клада в 894,85 г не случайна, то она равнозначна 6 лёгким слиткам киевского типа весом в 149,1 г. Ещё один слиток с обрубленным краем из со-

---

23 Яушева-Омельянчик Р. Монетные гривни... — С. 20.

24 Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. — S. 101–105; Яушева-Омельянчик Р. Монетные гривни... — С. 17.

25 Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. — S. 103–104.

26 Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. — Москва; Ленинград, 1954. — С. 31.

27 Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. — Петроград, 1921. — С. 28.

брания А. А. Бобринского, купленный в г. Смела, весит 155,49 г[28], на данный момент это самый тяжёлый из известных нам усечённых слитков киевского типа.

Из «сверхлёгких» слитков киевского типа стоит также упомянуть слиток весом в 149,8 г из клада 1938 г. в Мирополе; слиток весом в 152 г из раскопок Крутиловского городища, и слиток весом в 148,1 г из раскопок Серенска[29]. Из материалов раскопок Любеча 1957 г. происходят два слитка киевского типа весом в 151,8 г и 154,7 г[30].

В кладе 1877 г. с Княжьей Горы находился лёгкий слиток весом в 151,97 г; общий диапазон веса слитков клада 151,97–166,84 г, средний вес — 160,7 г (по 3 экз.); современное взвешивание 2 экз. — 151,75 г и 162,55 г. Клад 1889 г. с того же памятника более монолитен — диапазон веса слитков 156,58–159,03 г; средний вес 157,9 г (по 4 экз.), или же, по современному взвешиванию, 157,53–158,95 г, средний вес 158,14 г[31].

Информация о слитках клада 1896 г. из Жадовки, насчитывавшего 15 предметов, достаточно противоречива. Так, Н. П. Бауэр, со ссылкой на И. Г. Спасского, приводит сведения о 9 слитках, диапазон веса которых 154,36–165,82 г, а средний вес 160,07 г[32]. Р. М. Яушева-Омельянчик же приводит данные только о 7 экз. с весовым диапазоном 146,73–163,94 г и средним весом в 157,66 г[33], относя таким образом к кладу «сверхлёгкий» слиток в 146,73 г.

О кладе 1898 г. из Войтовцов сохранилась весовая информация только для 5 слитков диапазоном веса в 153,56–162,09 г, в среднем 158,03 г, а также для «сверхлёгкого» слитка в 128,78 г, оказавшимся, ко всему, изготовленным из сплава с более низким содержанием серебра, чем обычно (почти на 20 %)[34].

Как видим, «сверхлёгкие» слитки киевского типа в кладах либо единичны, либо встречаются целыми сериями; только из лёгких слитков состоял лишь «Сахновский» клад 1900 г.

В. М. Потин считал слитки киевского типа из Тверского клада 1906 г. (где нет экземпляров легче 154 г) наиболее ранними вариантами, а сам клад отно-

---

28 Яушева-Омельянчик Р. Монетные гривни... — С. 17–18.

29 Там же. — С. 20; Русанова И. П., Тимощук Б. А. Языческие святилища древних славян. — Москва, 2007. — С. 109; Янюшкина Е. В. Собрание слитков ГИМ. — № 7.

30 Янюшкина Е. В. Собрание слитков ГИМ. — № 29.

31 Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters, 103; Янюшкина Е. В. Собрание слитков ГИМ, № 13; Яушева-Омельянчик Р. Монетные гривни..., 18.

32 Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters, 103.

33 Яушева-Омельянчик Р. Монетные гривни..., 18.

34 Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. — S. 104; Яушева-Омельянчик Р. Монетные гривни... — С. 19.

сил к концу XII в., опираясь на облик украшений из его состава[35]. Напрашивающейся версии об эволюции весового стандарта слитков киевского типа от более тяжёлого к лёгкому, впрочем, противоречат многочисленные киевские (и в целом южнорусьские) клады горизонта монгольского погрома, во многих из которых «сверхлёгких» слитков нет. С другой стороны, сложно поверить, чтобы слитки весом ок. 150 г или даже ниже безропотно принимались в качестве равноценных слиткам стандарта 1/2 литры.

Анализируя различия в весе слитков киевского типа, Н. П. Бауэр предположил, что разница их веса в ±10 г объясняется несовершенством технологии производства, в частности примитивностью литья[36]. В. Л. Янин в проблеме отличия фактического веса древнерусьских слитков от метрологического стандарта ведущую роль отводил «угару» серебра в процессе плавки[37]. Намеренное усечение уже готовых слитков в нашем случае полностью исключает все технологические моменты («угар», «убыль» и т. п.) — значение для ремесленников, подгонявших вес слитков вручную, несомненно имел только вес эталона.

Ещё в 1841 г. физик Г. Г. Хельстрём провёл тест старых весов, обнаружив, что их чувствительность не позволяет различать вес в 100,3 г и 102,1 г (ошибка 1,8%). Практическое и теоретическое исследование проблемы чувствительности весов эпохи викингов Э. Спербером показало, что при нулевой загрузке для сдвига стрелки нужна разница в 0,2–0,4 *г*, тогда как при увеличении загрузки разница растёт, и при весе в 50–100 г различия между чашечками для сдвига стрелки должно достигать уже 2–3%, возрастая далее по мере роста диаметра чашечек и величины коромысла[38]. Учитывая, что конструкция таких весов оставалась неизменной на протяжении всего древнерусьского периода, при эталоне в 163,73 г для сдвига стрелки весов на практике необходимо было достичь разницы в ±4,9 г. На весовой диаграмме слитков киевского типа полученный диапазон в 158,83–168,63 г действительно очерчивает наиболее массовые выпуски слитков (рис. 5: *1*), но даже пики диаграммы в диапазоне 156–158 г, в таком случае, оказываются вне зоны допуска точности взвешивания, заставляя предполагать влияние дополнительных факторов.

Причины появления «лёгких» и «сверхлёгких», или усечённых, слитков киевского типа в кладах в комбинации со слитками новгородского типа или

---

35 Потин В. М. Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в. // Международные связи России до XVII в. — Москва, 1961. — С. 108–109.

36 Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. — S. 111.

37 Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси... — С. 42, 57, 227–228, 257, 338–341, 351.

38 Sperber E. How accurate was Viking Age weighing in Sweden? // Fornvannen. — Vol. 83. — 1992. — P. 158–165.

же слитками обоих типов нестандартного веса (как Киевский клад 1949 г., клад 1900 г. из Великой Снитынки), можно было бы попытаться объяснить подгонкой таким образом общей суммы веса слитков к заданной денежной сумме, выраженной в несколько меньшем количестве серебра, чем это получалось при полновесных слитках. Такой же вариант можно допустить для комбинации со слитками киевского типа, немного превышающими норму византийской полулитры (163,73 г), например, клада 1877 г. с Княжьей Горы. Но для большинства кладов такой вариант объяснения неприемлем и, в частности, его сложно применить к Михайловским кладам 1940 и 1997 гг. и кладу 1880 г. из усадьбы Кувшинова, средние показатели веса слитков в которых, соответственно, 156 г, 154,2 г и 153,8 г, при отсутствии нестандартно тяжёлых слитков. Наконец, если бы практика подгонки денежной суммы частями слитков реально существовала, в больших кладах неминуемо присутствовали бы и мелкие фракции, тогда как на практике такие находки крайне редки.

Слитки весом ниже 156 г, по всей вероятности, изготовлялись для какого-то особого, не самого распространённого вида платежей, для расчёта в которых использовался другой метрологический стандарт. Верхняя граница искомого весового диапазона закономерно заставляет вспомнить о 72-золотниковой литре весом в 307,134 г, слитки в 36 золотников для которой должны иметь стандарт в 153,57 г. С учётом поправки на точность взвешивания до 3% (±4,6 г) весовой диапазон таких слитков расширяется до 148,97–158,18 г, который, скорее всего, и объясняет первую часть весовой диаграммы слитков киевского типа (рис. 5: *1*).

Мнение о тождестве древнерусьской гривны «литре» в 72 золотника встречаем впервые у И. П. Болтина[39], позже тождество гривны литре и русьскому аптекарскому фунту (в 72 золотника) уверенно повторил Г. Успенский[40]. Считали 72-золотниковой литрой киевскую гривну также Ф. И. Круг, С. И. Шодуар, М. Заблоцкий, М. П. Погодин и др.[41] Их основным источником, скорее всего, выступала «Арифметика» Л. Ф. Магницкого, определявшего вес «литры» Московского государства в 72 золотника[42]. Такие же

---

39 Болтин И. Примечания на Историю древния и нынешния России. — Т. 1. — Санкт-Петербург, 1788. — С. 63.

40 Успенский Г. Опыт повествования о древностях русских. — Харьков, 1818. — С. 651–653.

41 Круг Ф. Критические разыскания о древних русских монетах. — Санкт-Петербург,1807. — С. 184–185, 258–262; Chaudoir S. Apercu sur le monnaies Russes et sur le monnaies etrangeres. — P. 1. — St. Petersbourg, 1836. — P. 56, 89; Заблоцкий М. О ценностях в Древней Руси. Санкт-Петербург, 1854. — С. 22–24; Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. — Т. VII. — Москва, 1856. — С. 333–334.

42 Магницкий Л. Арифметика. — Москва, 1703. — Л. 36.

данные содержала и «Торговая книга» конца XVI — начала XVII в.: «В литрѣ малыхъ полъ 2 гривенки, а золотниковъ в литре 72 золотника»[43].

В. Л. Янин счёл утверждение последнего источника ошибкой, произошедшей от неверной трактовки информации о чеканке из литры 72 солидов, весящих в реальности больше русского «золотника» (4,55 г, а не 4,266 г), а мнение историографии XIX — первой половины XX в. о существовании в России 72-золотниковой литры и вовсе назвал «заблуждением»[44]. Но ещё Д. И. Прозоровский и И. И. Кауфман обратили внимание на то, что источники различает сразу три «литры»: «добрую, среднюю и худую»; Г. Успенский и Д. И. Прозоровский указали на 72-золотниковый русьский «аптекарский фунт» (зафиксированный источниками уже в 1644–1645 гг.), а М. Заблоцкий — на 72-золотниковую литру, используемую до XIX в. как единицу веса золотой нитки[45].

«Азбуковник» конца XVI–XVII вв. также содержит информацию о двух стандартах литры: 1 литра золота равна 75 золотникам, тогда как в 1 литре серебра «златниковъ 72, а гривенокъ въ литрѣ полторы гривны»[46]. Аналогичные сведения обнаруживаем в белорусском переводе «Хроники» М. Бельского начала XVII в., где говорится: «лѣтра полторы гривны, а злотников 72»[47]. В приписке к Библии XVI в., разъясняющей греческие меры веса, «гривенка» заменяет литру, а её стандарт определён в 12 «оунцов» по 8 драхм в унции[48]. Согласно «Арифметике» Л. Ф. Магницкого, 1 русский фунт равнозначен 16 унциям, откуда вес «гривенки» памятника оказывается равным 72 золотникам.

Таким образом, сложно сомневаться в реальности бытования в XVI–XVIII вв. весовой единицы в 72 золотника, использовавшейся в качестве единицы для измерения аптекарских товаров, золотой нити, серебра. Но каков механизм её появления в древнерусьское время?

Составленная Э. Шильбахом таблица эволюции веса византийской литры на основании изменения веса золотых монет демонстрирует, что и в самой

---

43 Торговая книга: записки Отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества. — Т. 1, отд. 3. — Санкт-Петербург, 1851. — С. 114.

44 Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси... — С. 65–66.

45 Прозоровский Д. Древний русский вес // Журнал Министерства народного просвещения. — Ч. 86. — 1855. — С. 182; Его же. Монета и вес в России до конца XVIII ст. — Санкт-Петербург, 1865. — С. 139–141; Кауфман И. И. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историею русских денежных систем с древнейшего времени. — Санкт-Петербург, 1906. — С. 68, 71; Заблоцкий М. О ценностях в Древней Руси. — С. 23.

46 Сахаров И. П. Сказания русского народа. — Т. 2, кн. 5. — Санкт-Петербург, 1849. — С. 164.

47 Гістарычны слоўнік беларускай мовы. — Вып. 6. — Мінск, 1986. — С. 159.

48 Срезневский И. И. Материалы для древне-русского языка по письменным памятникам. — Т. 1. — Санкт-Петербург, 1893. — С. 591.

Византии в период с конца XI до начала XIII в., наряду с традиционным стандартом в 313–319 г, фиксируется значительная группа весовых единиц в диапазоне 290–310 г, а в XIII–XV вв. и вовсе доминирует группа в 285–310 г, к которой следует отнести и получившую широкое распространение в Средиземноморье венецианскую *libbra sottile* в 301,23 г[49].

Падение веса счётной золотой литры неминуемо влияло на удобство выражения её стоимости в серебре. Но ещё одним важным фактором было падение курса золота в серебряном эквиваленте. В Византии VII в. соотношение составляло 1 : 14,4; в IX–XI вв. 1 : 12, тогда как во второй половине XII в. уже 1 : 10,3[50]. В 1250 г. в Египте соотношение золота и серебра составило 1 : 9,3; в Англии 1257 г. — 1 : 9,3; в Италии 1254 г. — 1 : 8,45; Фризии середины — второй половины XIII в. — 1 : 8,18; в Индии середины XIII в. — 1 : 8,16[51]. В Средней Азии в 1128 г. зафиксирован другой курс золота к «чистому» серебру — 1 : 7,5; в начале XIV в. — 1 : 8,5[52]. Рост цен на серебро в XII–XIII вв., отмечавшийся ещё в начале XI в. в связи с «серебряным кризисом», стал явлением общим для огромного экономического региона.

Д. И. Прозоровский и А. В. Назаренко определяли соотношение стоимости золота и серебра в Руси XI–XII вв. как 1 : 12[53]. Не имея собственных источников этих металлов и полностью завися от их поступлений из других стран, Русь не могла не реагировать на колебания курса, оставляя неизменным это соотношение и в XIII в., когда стоимость золота заметно упала.

Одной из первых реформ стало появление не ранее второй половины XII в. на смену слиткам черниговского типа весовым стандартом в 1 гривну серебра нового «усечённого» слитка киевского типа стандарта 1/2 литры

---

49 Schilbach E. Byzantinische metrologie. — München, 1970. — S. 167, 187, 191.

50 Durliat J. La valeur relative de l'or, de l'argent et du cuivre dans l'empire protobyzantin (IVe — VIIIe siècle) // Revue numismatique. — Vol. 6. — № 22. — 1980. — P. 147, 154; Morrisson C., Cheynet J.-C. Prices and Wages in the Byzantine World // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century. — Vol. 2. — Washington, 2002. — P. 857; Morrisson C. Byzantine Money: Its Production and Circulation // Ibid. — Vol. 3. — Washington, 2002. — P. 965.

51 Bacharach J. L. The Dinar versus the Ducat // International Journal of Middle East Studies. — Vol. 4. — № 1. — 1973. — P. 82; Lopez R. S. Back to Gold, 1252 // The Economic History Review. — Vol. 9. — № 2. — 1956. — P. 234–235; Munro J. Money and coinage in late medieval and early modern Europe [Электронный ресурс]: https://www. economics. utoronto. ca/munro5/MONEYLEC. pdf, Table.3; Henstra D. J. The evolution of the money standard in medieval Frisia. — Amsterdam, 1999. — P. 320.

52 Давидович Е. А. Из области денежного обращения в Средней Азии XI–XII вв. // Нумизматика и эпиграфика. — Т. II. — 1960. — С. 93–99, 110–111.

53 Прозоровский Д. И. Монета и вес в России до конца XVIII ст. — С. 217–230; Назаренко А. В. Происхождение древнерусского денежно-весового счёта // Древнейшие государства Восточной Европы 1994 г. — Москва, 1996. — С. 29–30; Его же. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки торговых, культурных, политических связей IX–XII веков. — Москва, 2001. — С. 143, 147–149.

или 4/5 гривны серебра[54]. Таким образом сохранялось счётное соотношение: 1 гривна золота = 12 слитков серебра при новом курсе 1 : 10, вместо 1 : 12, но новый слиток равнялся 4 южнорусьским гривнам кун (40-резанным)[55], оказавшись более удобным при расчётах. К середине XIII в. расчёт в «гривнах золота» при помощи серебряных слитков киевского типа вновь стал неудобным, так как курс металлов упал до 1 : 9. На этой отметке слиток киевского типа уже должен был составлять 3/4 гривны серебра, т. е. искомых 36 золотников вместо 48. Как иллюстрируют усечённые экземпляры весом в 148–151 г из киевских кладов 1240 г., уменьшение веса литры даже на этом не остановилось — процесс прервался на фактической отметке ок. 300 г, что близко по весу стандарту венецианской *libbra sottile*. По всей видимости, снижение веса слитков киевского типа, специально изготавливаемых для расчётов в системе «гривны золота», было параллельным ритму снижения веса монетной византийской литры, выдерживая пропорцию 2 : 1 для ориентировки на международный рынок.

Наличие «лёгких» слитков в сбережениях людей, которые в декабре 1240 г. пытались укрыться от монголов за стенами Михайловского Златоверхого монастыря, не обязательно связано с их ролью в посредническ ой торговле. «Гривна золота» фигурирует как одна из основных единиц церковных штрафов в «Уставе Ярослава»[56], при том, что следов производства стандартизированных метрологически выверенных слитков золота в древнерусьское время до сих пор не выделено. Платежи в «гривнах золота» несомненно осуществлялись серебром, по действующему на тот момент курсу, часто специально отлитыми новыми или же усечёнными старыми слитками. Часть из них возвращались в оборот, когда, напротив, церковь заказывала услуги и товары, также оценивавшиеся в «гривнах золота» или же в византийской золотой монете. По сравнению с общим внутренним рынком Южной Руси, объёмы таких платежей не были значительными, чем и объясняется тот факт, что при понижении стоимости золота в первой половине XIII в. и соответственном снижении веса древнерусьской серебряной литры до 72 золотников, слитки нового формата не приобрели большого распространения, уступая количественно в кладах слиткам «старого» веса стоимостью в 4 южнорусьских гривны кун.

---

54 Комар А. В. Платёжные слитки черниговского типа // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура. — Москва; Вологда, 2015. — С. 532–541.

55 Янин В. Л. Русские денежные системы IX–XV вв. // Древняя Русь. Город. Замок. Село. — Москва, 1985. — С. 365.

56 Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. — Москва, 1976. — С. 85–139.

Ю. О. Коренюк, Р. Б. Гуцуляк, Н. О. Шевченко

Періодизація частин монументального ансамблю Софії Київської у світлі останніх досліджень мозаїк та фресок її підкупольного простору

Перший варіант періодизації створення художнього ансамблю Софійського собору в Києві запропонував у середині минулого століття В. Лазарєв[1], детально його аргументувавши в монографії «Мозаики Софии Киевской» (1960 р.). Початковим етапом, на його думку, було виконання мозаїк, після закінчення яких розпочалися розписи інтер'єру фресками. Освячення Софії Київської в 1046 р. В. Лазарєв пов'язував із завершенням у центральному куполі, підкупольному просторі й вівтарі мозаїчного ансамблю разом із фресковими розписами трансепта та центральної нави. Другим етапом робіт він уважав виконання фресок на хорах, у бокових навах та внутрішніх галереях, по завершенню яких собор у 1061 р. або 1067 р. освятили вдруге. А фрески зовнішніх галерей та обох веж, які ведуть на хори, фахівець датував рубежем XI–XII ст., або навіть періодом київського князювання Володимира Мономаха (1113–1125)[2], орієнтуючись на висновки тогочасних дослідників архітектури Софії Київської, які вважали зовнішні галереї та обидві сходових вежі храму прибудовами кінця XI — початку XII ст.[3] У 1970-х рр. теза про значну перерву між зведенням центрального ядра Софії та її зовнішніх галерей і веж було спростовано. Одним з аргументів стали результати дослідження розчинів тинькових основ фресок, які показали, що в п'ятинавовому ядрі собору, у його внутрішніх та зовнішніх галереях і у сходових вежах розчини фрескового тиньку мають однаковий склад мінеральних наповнювачів[4]. Після цього необхідність поділяти софійський фреско-

---

[1] *Лазарев В. Н.* Живопись и скульптура Киевской Руси // История русского искусства. — Т. 1. — Москва, 1953. — С. 181–182; *Его же.* Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской // Византийский временник. — Т. 10. — Москва, 1956. — С. 161–165; *Его же.* История византийской живописи. — Москва, 1986. — С. 78–79.

[2] *Лазарев В. Н.* Мозаики Софии Киевской. — Москва, 1960. — С. 55–57.

[3] *Каргер М. К.* Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. — Т. 2. — Москва; Ленинград, 1961. — С. 152–172.

[4] *Тоцька І. Ф.* Про час виникнення галерей Софії Київської // Стародавній Київ. — К., 1975. — С. 184–190; *Стріленко Ю. М.* Аналіз зразків фрескових та будівельних розчинів Софії Київської //

вий ансамбль на частини, датовані різними періодами, відпала. Штучною концепцією почав сприйматися й запропонований В. Лазарєвим поділ фресок п'ятинавового ядра собору на окремі етапи виконання. Однак його положення про те, що розписи фресками розпочалися після остаточного завершення мозаїк[5], залишилося незмінним, хоча в той час уже існувала тенденція виділяти в межах мозаїчного ансамблю окремі етапи робіт.

Наприкінці 1950-х рр. В. Левицька, яка вивчала техніку набору та палітру софійських мозаїк, запропонувала таку послідовність їх виконання: на першому етапі було прикрашене склепіння купола та верхня частина апсиди; на другому — барабан купола та нижня частина апсиди, паралельно роботи розпочалися у вімі й у вівтарній арці; на третьому етапі вони перейшли в підкупольну частину, північну та південну попружні арки, на яких виконання мозаїк закінчилося[6]. В. Левицька звернула також увагу на те, що набір золотого тла в підкупольному кільці на кількох ділянках виконано різномодульною смальтою, що може свідчити про дефіцит на стадії завершення робіт набірного матеріалу[7]. Тією ж обставиною може пояснюватися й заміна в одязі більшості зображень севастійських мучеників, розташованих на попружних арках купола, золотої смальти жовтою[8].

У 1989–1990 рр. при проведенні у Софії профілактичної консервації мозаїк центрального купола та підкупольного простору реставратори звернули увагу на орнаментальні фризи, які прикрашали щоки чотирьох попружних арок і бокові грані лопаток підкупольних стовпів до карнизів, відповідних рівню підлоги хорів (збереглися ці фризи в основному вертикальними ділянками, розташованими на лопатках, а вздовж півкіл арок вони майже повністю втрачені) (рис. 1, 2.*11–14*). На всіх чотирьох арках орнаменти представляють стрічково-рослинний мотив типу «візантійська лоза» (хвилясто-вигнуте центральне стебло з боковими галузками), але у фризів північної та південної арок їх частини, розташовані на різних стовпах, істотно одна від одної відрізняються; не менш помітно відрізняються фризи східної та західної арок.

Орнамент східної арки (вівтарної), що зберігся на східній парі підкупольних стовпів двома вертикальними ділянками й невеликим фрагментом біля замкової частини (рис. 1, 2.*11 А*, *Б*, *В*), має жовте тло орнаментального поля,

---

Там само. — С. 196–199, табл. 1–2.

5 *Лазарев В. Н.* Мозаики Софии Киевской. — С. 26, 38, прим. 4; *Его же.* Фрески Софии Киевской // *Его же.* Византийское и древнерусское искусство. — Москва, 1978. — С. 65.

6 *Левицкая В. И.* О некоторых вопросах набора мозаик Софии Киевской // Византийский временник. — Т. 15. — Москва, 1959. — С. 182–183.

7 Там же. — С. 178.

8 *Левицкая В. И.* Материалы исследований мозаик Софии Киевской // Византийский временник. — Т. 23. — Москва, 1963. — С. 132.

Рис. 1. Мозаїки купола та підкупольного простору

на якому стебла орнаментальних елементів набрані на бокових ділянках синьо-чорною смальтою (рис. 3, 4) і синьою — на верхньому фрагменті.

Фриз західної арки, що зберігся двома ділянками на західній парі підкупольних стовпів, порівняно зі фризом східної арки, має значно довші вигини хвиль центрального стебла, а його орнаментальне поле набране оливковою смальтою. На ділянці цього фриза, що збереглася на південно-західному стовпі (рис. 1, 2.*14 Б*), стебла набрано блакитною смальтою, яка на оливковому тлі виділяється дуже погано (рис. 5).

На ділянці цього фриза, що збереглася на північно-західному стовпі (рис. 1, 2.*14 А*), стебла набрані в основному чорною смальтою, котра місцями замінена синьо-блакитною; тло цієї частини заповнене смальтою кількох, темно- та світло-оливкових, відтінків, які на різних ділянках по-різному перемішані (рис. 6).

Фриз південної арки у частині, що збереглася на південно-східному стовпі (рис. 1, 2.*12 А*), має таке саме жовте тло орнаментального поля, як і розташована на цьому стовпі південна ділянка фриза вівтарної арки; стебла на жовтому тлі набрано темно-смарагдовою смальтою (рис. 7).

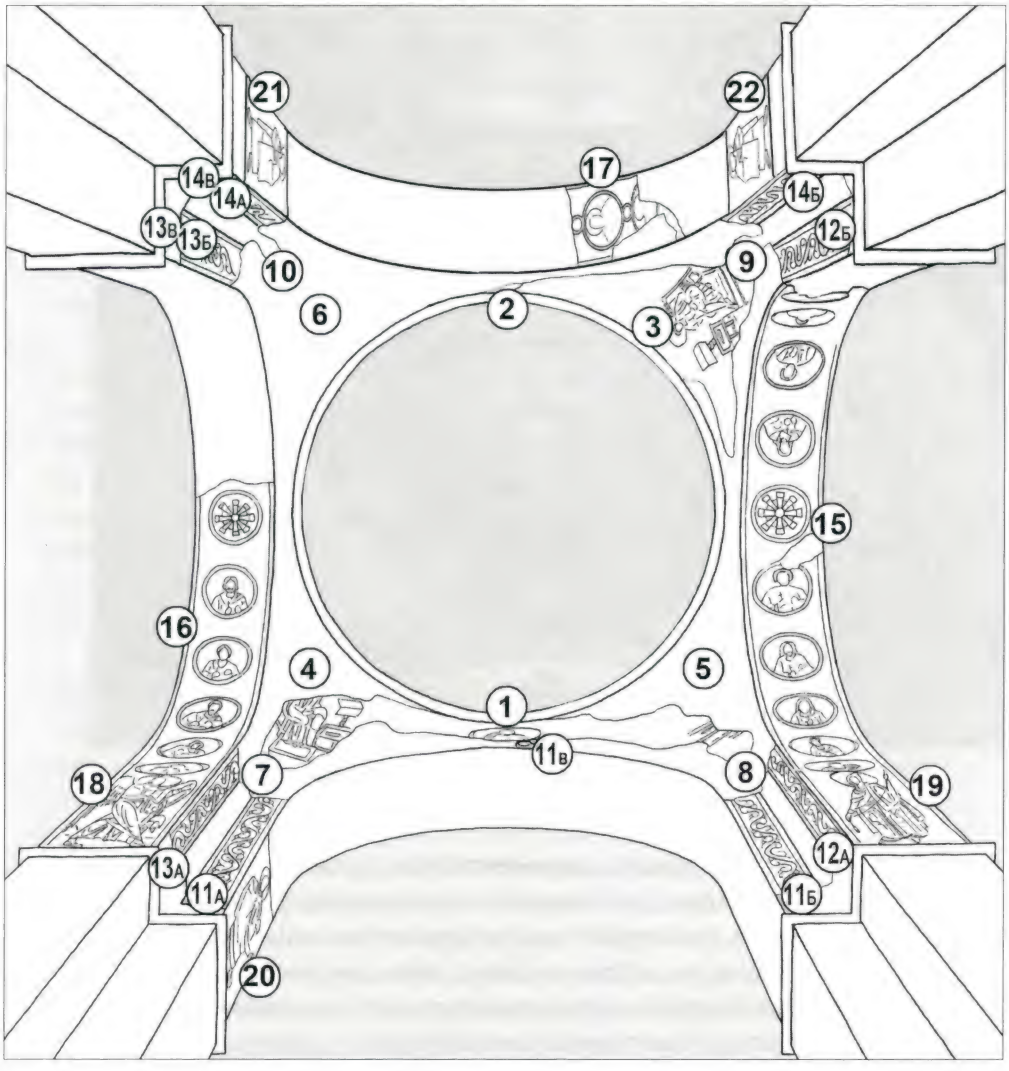


Рис. 2. Картограма розташування зображень мозаїк підкупольного простору

1. Підкупольне кільце, східна частина, Христос Священик у медальйоні
2. Підкупольне кільце, західна частина, Богородиця у медальйоні
3. Південно-західне парусне склепіння, євангеліст Марко
4. Північно-східне парусне склепіння, євангеліст Іоанн, фрагмент
5. Південно-східне парусне склепіння, євангеліст Матвій (зображення постаті втрачене, зберігся столик)

6. Північно-західне парусне склепіння, євангеліст Лука (мозаїчне зображення втрачене)
7. Голосник у північно-східному парусному склепінні
8. Голосник у південно-східному парусному склепінні
9. Голосник у південно-західному парусному склепінні
10. Голосник у північно-західному парусному склепінні, зображення двох хрестів під ним
11А. Північно-східний стовп, орнаментальний фриз східної попружної арки (вівтарної), північна частина
11Б. Південно-східний стовп, орнаментальний фриз східної попружної арки (вівтарної), південна частина
11В. Східна попружна арка (вівтарна), орнаментальний фриз, фрагмент над замковою частиною
12А. Південно-східний стовп, орнаментальний фриз південної попружної арки, східна частина
12Б. Південно-західний стовп, орнаментальний фриз південної попружної арки, західна частина
13А. Північно-східний стовп, орнаментальний фриз північної попружної арки, східна частина
13Б. Північно-західний стовп, орнаментальний фриз північної попружної арки, західна частина
13В. Північно-західний стовп, фрагмент фрески первинного розпису
14А. Північно-західний стовп, орнаментальний фриз західної попружної арки, північна частина
14Б. Південно-західний стовп, орнаментальний фриз західної попружної арки, південна частина
14В. Північно-західний стовп, фрагмент фрески первинного розпису
15. Південна попружна арка, медальйони з севастійськими мучениками і медальйон з хрестом
16. Північна попружна арка, медальйони з севастійськими мучениками (п'ять збережених медальйонів на східному схилі) і медальйон з хрестом
17. Західна попружна арка, фрагмент фрески із залишками двох медальйонів з севастійськими мучениками
18. Північно-східний стовп, архангел Гавриїл «Благовіщення»
19. Південно-східний стовп, Діва Марія «Благовіщення»
20. Північно-східний стовп, первосвященик Аарон
21. Північно-західний стовп, фрескова постать невідомого мученика
22. Південно-західний стовп, фрескова постать невідомого мученика

Рис. 3.
Північно-східний стовп, орнаментальний фриз східної попружної арки (вівтарної), фрагмент північної частини, поряд на західній лопатці стовпа архангел Гавриїл «Благовіщення»

Рис. 4.
Південно-східний стовп, орнаментальний фриз східної попружної арки (вівтарної), фрагмент південної частини, поряд на західній лопатці стовпа Діва Марія «Благовіщення»

Рис. 5.
Південно-західний стовп, орнаментальний фриз західної попружної арки, фрагмент південної частини

Рис. 6.
Північно-західний стовп, орнаментальний фриз західної попружної арки, фрагмент північної частини

Рис. 7.
Південно-східний стовп, орнаментальний фриз південної попружної арки, фрагмент східної частини

Рис. 8.
Південно-західний стовп, орнаментальний фриз південної попружної арки, фрагмент західної частини

Та частина фриза південної арки, що збереглася на південно-західному стовпі (рис. 1, 2.*12 Б*), має оливкове тло орнаментального поля, як і розташована на цьому стовпі південна ділянка орнаментального фриза західної арки, а для стебел тут застосовано смарагдово-чорну смальту, хоча у верхній частині збереженої ділянки кілька пагонів набрано блакитною смальтою (рис. 8).

Фриз північної арки у частині, що збереглася на північно-східному стовпі (рис. 1, 2.*13 А*), має жовте тло орнаментального поля, як і розташована на цьому стовпі північна ділянки фриза вівтарної арки, зі стеблами, набраними насичено-зеленою смальтою (рис. 9).

Тло орнаментального поля частини фриза північної арки, яка збереглася на північно-західному стовпі (рис. 1, 2.*13 Б*), заповнене строкатою сумішшю смальт коричневого й зеленого кольорів, темно- та світло-оливкового відтінків, доповнених на деяких ділянках світло-сірим каменем. Стебла вгорі збереженої ділянки цієї частини набрано смарагдово-чорною смальтою, нижче — чисто чорною, яка в окремих місцях чергується з блакитною. У найвищій частині ділянки і тло, і стебла набрано кубиками стандартного для софійських мозаїк розміру 5 × 5 мм, 5 × 7 мм, нижче смальта поколота нерегулярно, переважно крупно, розміром 10 × 10 мм і більше, при цьому кубики покладено з різними проміжкам, що у цілому створює враження недбалої роботи (рис. 10).

Подібним крупним модулем смальти та доволі недбалою технікою набору характеризується й розташована на цьому ж стовпі північна ділянка фриза західної арки. Ділянкам обох орнаментів, розташованих на північно-західному стовпі, притаманна ще одна спільна особливість: їхні облямування позбавлено мозаїчного набору, це смуги тиньку з червоно-вохристим фресковим пофарбуванням, поряд з якими покладено з одного боку лише два ряди кубиків білого каменю (рис. 6, 10). Окрім ділянок цих фризів у підкупольному просторі подібні позбавлені набору смуги облямувань існують ще на північній лопатці вівтарної арки під мозаїкою первосвященика Аарона (рис. 1, 2.*20*) та вздовж її правого краю, по східному ребру лопатки.

Не менш помітні відмінності демонструють облямування отворів голосників, розташовані (рис. 1, 2.*7–10*) нижче зображень євангелістів у парусних склепіннях підкупольного кільця (рис. 1, 2.*3–6*). Отвори східної пари голосників над стовпами вівтарної арки прикрашено орнаментованими дисками (рис. 1, 2.*7*, *8*, 11).

Голосник у південно-західному склепінні облямований майже монохромним зелено-синім диском, розташованим на зеленому тлі (рис. 1, 2.*9*). А в північно-західному парусі (рис. 1, 2.*10*) отвір голосника оточено лише рядом кубиків білого каменю та червоної смальти, але особливою деталлю цього парусного склепіння є два невеликих хрести, подібні до вотивних, розташо-

Рис. 9.
Північно-східний стовп, орнаментальний фриз північної попружної арки, фрагмент східної частини

Рис. 10.
Північно-західний стовп, орнаментальний фриз північної попружної арки, західна частина

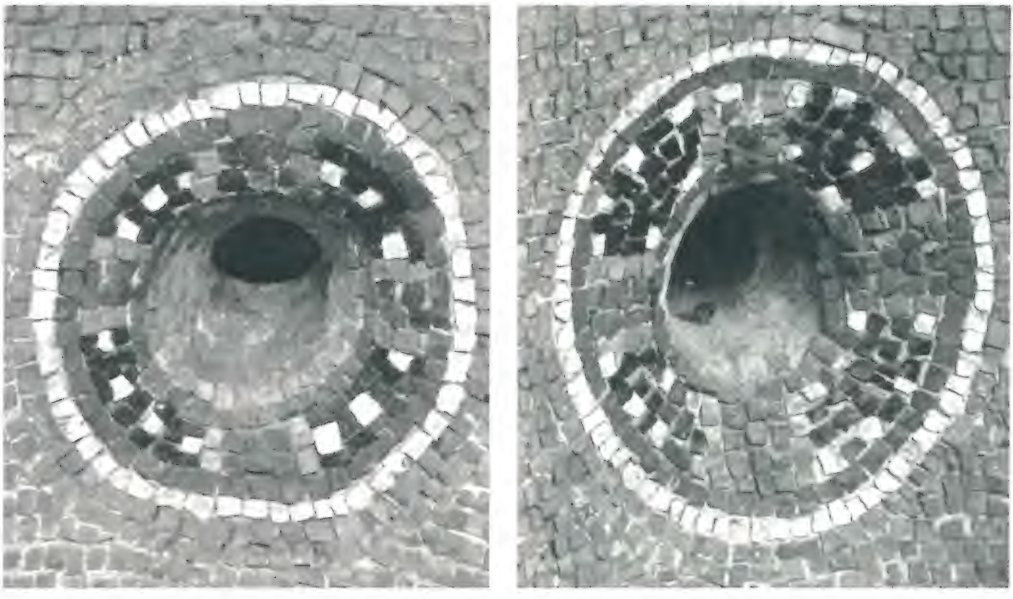


Рис. 11. Облямування голосників, зліва — у північно-східному парусі, справа — у південно-східному парусі

вані нижче отвору голосника й набрані червоною та блакитною смальтами (рис. 12).

У зв'язку з описаними відмінностями різних частин орнаментальних фризів та облямувань голосників реставратори висловили думку про те, що виконання набору нижніх частин західної пари парусних склепінь та західної пари стовпів під ними належить до останнього етапу створення мозаїчного ансамблю[9].

Наступна консервація мозаїк підкупольного простору проводилася у 2013–2014 рр. Вона охопила північну частину підкупольного кільця з північно-східним та північно-західним стовпами, а також частину південно-західного стовпа до рівня 10 м над підлогою підкупольного простору. Технологічні спостереження цього періоду підтвердили всі попередні висновки, доповнивши їх кількома новими фактами.

При видаленні реставраційного запису над карнизом північно-західного стовпа з'ясувалося, що під цим записом існують збережені фрагменти фрески, якою цей стовп було розписано до появи на ньому мозаїчної де-

---

9 Спостереження того періоду не публікувалися. Реставратори Анатолій Остапчук та Віктор Мінько усно ділилися з авторами цієї статті своїми думками з приводу особливостей виконання орнаментів на західних стовпах (в опублікованих працях В. Левицької про специфічні риси орнаментів на західній парі підкупольних стовпів не згадується).

Рис. 12.
Зображення двох хрестів під голосником у північно-західному парусі

Рис. 13.
Північно-західний стовп, бокова грань східної лопатки, фрагмент фрескової панелі первинного розпису

корації. Перед заміною фресок мозаїками вони були стесані, але не до кінця, над карнизними плитами збереглися їх фрагменти висотою 0,50–0,65 м (рис. 2.*13 В*, *14 В*). На східній лопатці стовпа мозаїчний тиньк (західна ділянка фриза північної арки) примикає до зрубаного торця фрескового тиньку у стик (рис. 13), а на південній лопатці стовпа мозаїчний тиньк (північна ділянка фриза західної арки) заходить на фреску шаром товщиною 1–2 см (рис. 14), із чого очевидно, що мозаїка на північно-західному стовпі з'явилася пізніше фрескового розпису. При цьому нижні торці мозаїчних орнаментів зі збереженими фрагментами первинних фресок безпосередньо не стикуються, залишаючи над ними невеликі ділянки тинькового розчину мозаїчної основи, позбавлені набору.

Рис. 14. Північно-західний стовп, бокова грань південної лопатки, фрагмент фрескової панелі первинного розпису

Розчищені над карнизами північно-західного стовпа фрагменти фресок зберегли залишки панелей, які у фресковому ансамблі Софії Київської розташовуються у цокольних частинах стін та стовпів над підлогою першого поверху й над підлогою хорів, а також на лопатках західної пари підкупольних стовпів над карнизами, відповідними підлозі хорів (рис. 15, 16).

Декорація обох панелей, відкритих над карнизом північно-західного стовпа, є типовим для бокових граней лопаток найпростішим варіантом живописної імітації полілітії (обличкування стін кольоровим мармуром) у вигляді однотонно пофарбованих прямокутників, оточених простим облямуванням (рис. 13, 14). Фрагмент панелі, розташований на боковій грані південної лопатки, по її ребру сполучається з панеллю, розташованою на лицевій грані лопатки, яка живописними засобами імітує значно складнішу декорацію типу «opus sectile». Ця панель збереглася на повну висоту разом із розташованою над нею фресковою постаттю мученика. Дослідження стику тинькових ділянок, фресок на лицевій та на боковій грані лопатки показує, що спочатку було розписано її лицеву грань, а потім бокову, оскільки тиньк бокової панелі заходить на тиньк панелі лицевої грані, а фреску бокової грані пізніше перекрив тиньковий розчин мозаїчного орнаментального фриза (рис. 15).

Рис. 15.
Північно-західний стовп, південна лопатка, фрескові панелі на її лицевій та боковій гранях, на боковій грані фрескова панель частково перекрита мозаїчним орнаментальним фризом

Рис. 16.
Південно-західний стовп, північна лопатка, фрескова постать невідомого мученика та панель під ним

На лицевій грані симетричної лопатки на південно-західному стовпі теж збереглися постать мученика і панель під нею. Мозаїчний орнаментальний фриз на боковій грані цієї лопатки також не доходить до карниза, однак зондування запису, який заповнює проміжок між торцем фриза та карнизом, виявило під ним лише пізній тиньк. Дослідження місця стикування мозаїчного орнаменту бокової грані лопатки південно-західного стовпа з фресковою постаттю на її лицевій грані показало ту саму картину, що й на лопатці північно-західного стовпа: спочатку було розписано фрескою лицеву грань, а мозаїка на боковій грані лопатки з'явилася пізніше.

Західна попружна арка, яка спирається на лопатки західної пари стовпів, зберегла на південному схилі ділянку фрески з рештками двох поясних зображень мучеників у медальйонах, які є частиною циклу Сорока севастійських мучеників, що займав схили всіх чотирьох попружних арок. На схилах східної арки всі первинні зображення втрачено, на схилах південної арки збереглися десять мозаїчних медальйонів із мучениками та медальйон зі хрестом у замковій частині (рис. 1, 2.*15*), у північній арці на її східному схилі збереглося п'ять медальйонів із мучениками і медальйон зі хрестом (рис. 1, 2.*16*). А у західній арці зберігся згаданий фресковий фрагмент (рис. 1, 2.*17*), який свідчить, що у цій арці севастійських мучеників було написано фрескою[10].

Дослідження проб тинькових розчинів мозаїк та фресок підкупольного простору, відібраних у 2013–2014 рр., показали, що всі фрески, які розташовуються вище карнизів (зона розташування мозаїчної декорації) (рис. 17 №11м/ф, №12м/ф, №13ф, №14ф), і ті фрески, котрі розташовуються нижче карнизів (рис. 17 №15ф), усі виконані на тинькових основах із вапняного розчину, нанесеного двома шарами приблизно однакового складу. Як мінеральні наповнювачі розчину обох шарів використано дрібно терту цем'янку, виготовлену з випаленого лесоподібного суглинку (рис. 19), і шлак від скловиробництва: товчені шматки перепаленого (рис. 20) та недовареного (рис. 21) скла. Загальний вміст мінеральних наповнювачів у більшості проб не перевищує 20 % маси розчину. В обох шарах присутні січені стебла соломи та полова. Такий склад тинькових основ фресок підкупольного простору збігається з даними досліджень розчинів фрескового тиньку Софії Київської, які проводилися в 1970-х рр. і виявили їх однаковий склад у ниж-

---

[10] В. Лазарєв, звертаючи свого часу увагу на несподіваний перехід у зображеннях севастійських мучеників від мозаїки до фрески, висловив припущення, що таким могло бути побажання замовника, князя Ярослава Мудрого, який хотів найшвидшого завершення малярського опорядження собору (див.: *Лазарев В. Н.* Фрески Софии Киевской. — С. 65).

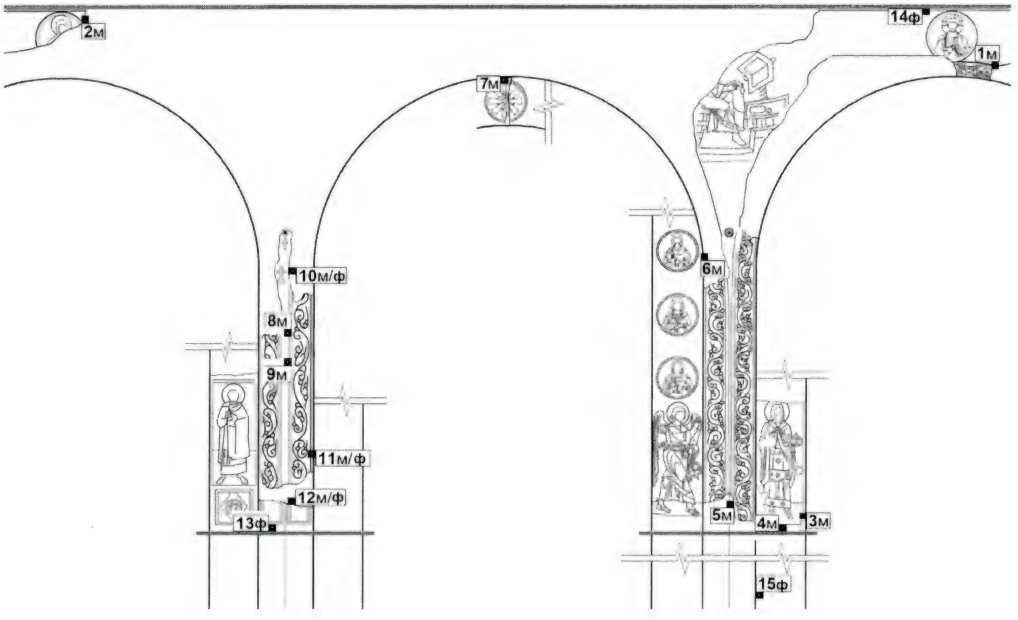


Рис. 17. Картограма відбору проб мозаїчного та фрескового тиньку
у північній частині підкупольного простору

№1м	Мозаїчний набір на трьох шарах тиньку
№2м	Мозаїчний набір на трьох шарах тиньку
№3м	Мозаїчний набір на трьох шарах тиньку
№4м	Три шари мозаїчного тиньку з фресковим пофарбуванням смуги облямування, позбавленої набору
№5м	Мозаїчний набір на трьох шарах тиньку
№6м	Мозаїчний набір на двох шарах тиньку
№7м	Мозаїчний набір на двох (?) шарах тиньку
№8м	Три шари мозаїчного тиньку з фресковим пофарбуванням смуги облямування, позбавленої набору
№9м	Два шари мозаїчного тиньку з фресковим пофарбуванням смуги облямування, позбавленої набору
№10м/ф	Мозаїчний набір на двох шарах тиньку, які перекривають тиньк фрески первинного розпису
№11м/ф	Мозаїчний набір на одному шарі тиньку, який перекриває фресковий тиньк первинного розпису
№12м/ф	Верхній шар мозаїчного тиньку, позбавлений набору, який перекриває фресковий тиньк первинного розпису
№13м/ф	Збережений фрагмент фрески первинного розпису, не перекритий мозаїчним тиньком
№14ф	Залишок фрескового тиньку первинного розпису, не перекритий мозаїчним тиньком
№15ф	Фресковий розпис поза зоною розповсюдження мозаїчної декорації

Рис. 18
Зонд на ребрі східного схилу північної попружної арки. Видно два шари мозаїчного тиньку

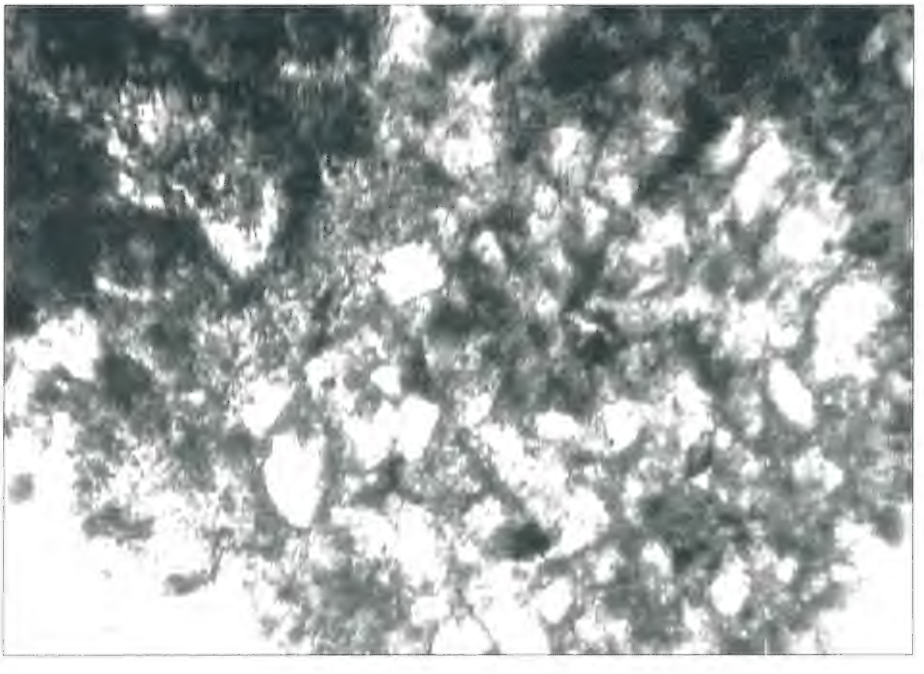


Рис. 19. Зерно цем'янки з лесовидного суглинку. Шліф тинькового розчину у поляризованому світлі (10х, нік. II)

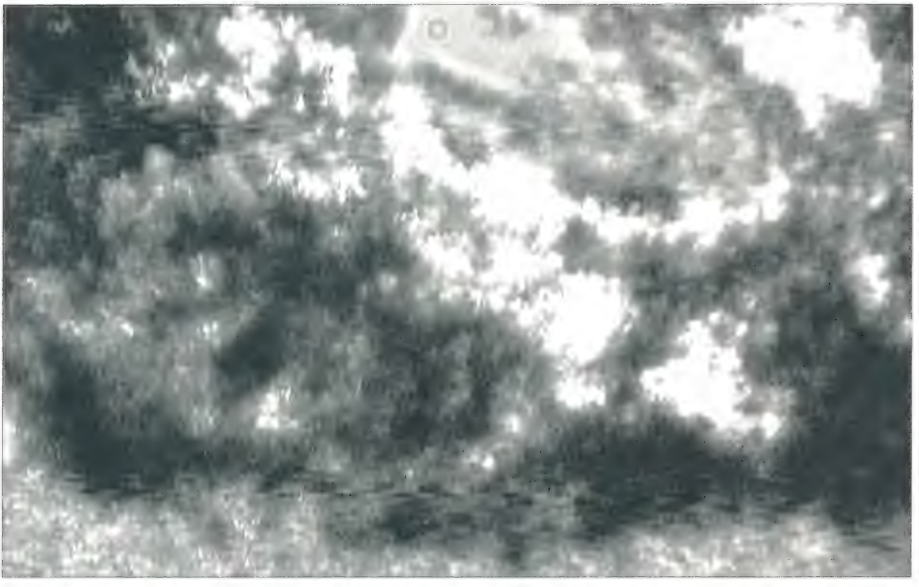


Рис. 20. Уламок перепаленого скла. Шліф тинькового розчину у поляризованому світлі (10х, нік. II)

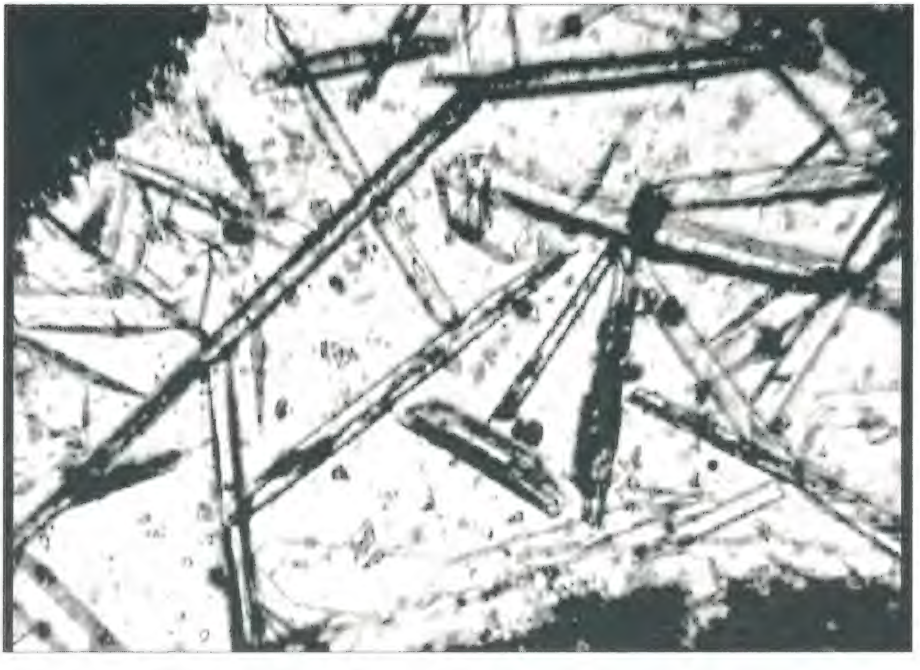


Рис. 21. Уламок недовареного скла з новоутвореннями. Шліф тинькового розчину у поляризованому світлі (10х, нік. II)

ній частині центральної нави, у бокових навах, у внутрішніх і зовнішніх галереях та у сходових вежах[11].

Мозаїки підкупольного простору набиралися переважно на тришарових тинькових основах, хоча зустрічаються і двошарові варіанти. Для нижнього шару, що накладався на мурування стін та стовпів, використовувався вапняний розчин із великим вмістом цем'янки, виготовленої з лесоподібного суглинку (до 50 % маси розчину), а обидва верхніх шари містять невелику кількість шлаку, такого ж, як у розчинах фрескового тиньку, але на відміну від останнього у верхніх шарах мозаїчного тиньку цем'янка з лесоподібного суглинку відсутня. Домішки січеної соломи та полови в мозаїчних основах існують у нижньому та середньому шарах розчину, у верхньому шарі вони відсутні, щоб не перешкоджати набору мозаїки. У двошарових варіантах мозаїчного тиньку шар розчину, на якому виконується набір, покладено на нижній шар із цем'янкою без проміжного середнього.

Застосування в мозаїках три- та двошарового тиньку сталих закономірностей не виявляє. Проби тиньку, відібрані в підкупольному кільці біля медальйонів зі Христом Священиком та Богородицею (рис. 1, 2.*1*, *2*), а також під постаттю Аарона на північній лопатці вівтарної арки, на її фресковому облямуванні (рис. 2.*20*) та під розташованими поряд орнаментальними фризами (рис. 1, 2.*11 А*, *13 А*) усі тришарові (рис. 17 №1-5м). Зонд на ребрі східного схилу північної попружної арки поряд із севастійськими мучениками (рис. 17 №6м), показує два шари тиньку (рис. 18).

У замковій частині північної попружної арки (в районі тріщини, яка перетинає медальйон зі хрестом) виявлено наповнювач нижнього шару та верхнього, аналогічного за складом середньому (рис. 17 №7м). На північно-західному стовпі у верхній частині збереженої ділянки орнаментального фризу, у місцях, де набір виконано смальтою стандартного невеликого розміру, тиньк тришаровий (рис. 17 №8м), а нижче, де модуль смальти збільшується (рис. 17 №9м), він стає двошаровим.

Окрім залишків первинних фрескових панелей, розташованих на північно-західному стовпі, було виявлено ще кілька місць, де мозаїка перекриває не збиту до кінця первинну фреску. На цьому ж стовпі, уздовж ребра його східної лопатки мозаїчний тиньк заходить на залишок червоно-вохристого фрескового облямування, що збереглося від втраченого зображення лицевої грані лопатки (рис. 17 №11м/ф). У зв'язку з цим варто згадати про інформацію В. Лазарєва, який із посиланням на реставраторів 1950-х рр. писав, що мозаїчна декорація на західних схилах північної й південної попружних арок обмежувалася їхніми п'ятами (нижніми медальйонами із зображення-

---

[11] *Тоцька І. Ф.* Про час виникнення галерей Софії Київської. — С. 184–190; *Стріленко Ю. М.* Аналіз зразків фрескових та будівельних розчинів Софії Київської. — С. 196–199, табл. 1–2.

ми севастійських мучеників), нижче яких лицеві грані лопаток стовпів було розписано фресками[12]. Тож мозаїчні орнаменти на бокових гранях лопаток західної пари стовпів виникли не лише пізніше фрескових постатей під західною аркою, а й тих фресок, які існували на лопатках під західними схилами північної та південної арок, навпроти мозаїчних постатей «Благовіщення», розташованих на лопатках східної пари стовпів (стовпів вівтарної арки) (рис. 2.*18*, *19*) (нині на лопатках під західними схилами північної й південної арок лише олійний живопис на тинькуванні XIX ст.).

Ще одна ділянка із залишками фрескового тиньку, перекритого розчином мозаїчного тиньку з набором, існує нижче голосника в північно-західному парусі, поряд із нижнім зображенням хреста (рис. 1, 2.*10*, 12, 17 №10м/ф). Вона свідчить про те, що не лише вертикальні частини лопаток, але й парусні склепіння спочатку було розписано фресками, а мозаїчна декорація з'явилася в них пізніше.

Існують підстави аналогічний висновок робити і стосовно всього підкупольного кільця, де під карнизом в основі барабана купола, дещо північніше медальйона із зображенням Христа Священика, на вузькій смузі тиньку, позбавленій мозаїчного набору (рис. 1, 2.*1*), виявлено два шари фрескового тиньку, що не перекриваються розчином тиньку, на якому набране оточуюче мозаїчне золоте тло (рис. 17 №14ф). Це, вочевидь, залишки первинних фрескових розписів підкупольного кільця, які при заміні їх мозаїками були на основній площі збиті, скоріш усього, повністю, але під карнизом, де видалення старої тинькової основи ускладнювалося, невеликими фрагментами збереглися.

Підсумовуючи наведені матеріали технологічних спостережень над різними частинами мозаїчного набору в підкупольному просторі та результати аналітичних досліджень відібраних у цьому просторі проб тинькових основ мозаїк і фресок, зробимо деякі узагальнення.

1. Мозаїки підкупольномго простору не належать до першого етапу декорації інтер'єра Софії Київської (якщо й належать, то далеко не всі). На першому етапі оформлення храмового інтер'єра підкупольний простір весь (або частково) було розписано фресками, які пізніше до рівня карнизів підкупольних стовпів замінили мозаїками, хоча й не повністю.

2. Фрагмент із двома фресковими севастійськими мучениками в медальйонах, які збереглися на західній попружній арці, слід уважати не фресковим доповненням незавершеного мозаїчного ансамблю (так свого часу думав В. Лазарєв[13]), а залишками первинних фрескових розписів, які у цій арці не було замінено мозаїкою.

---

[12] *Лазарев В. Н.* Фрески Софии Киевской. — С. 65.

[13] *Лазарев В. Н.* Мозаики Софии Киевской. — С. 38, прим. 4, 125; *Его же.* Фрески Софии Киевской. — С. 65.

3. Фрески всіх частин Софії Київської, від первинних розписів верхньої зони підкупольного простору, де вони пізніше майже всі були замінені мозаїками, до зовнішніх галерей і сходових веж є роботою однієї, або кількох генетично пов'язаних груп майстрів, які працювали без значних часових інтервалів, дотримуючись єдиної технологічної традиції. Про це свідчить всюди однаковий склад наповнювачів розчинів фрескового тиньку.

4. Технологія приготування тинькових розчинів основ мозаїк, які в підкупольному просторі замінили первинні фрески, також однакова. Проте окремі ділянки мозаїк підкупольного простору демонструють варіації кількості шарів розчину (три або два), різні використання палітри смальт і техніку набору. Це може пояснюватися участю в роботі над мозаїками підкупольного простору різних груп виконавців. Водночас деякі колористичні особливості зображень підкупольного простору пов'язані, вочевидь, із дефіцитом на етапі завершення робіт деяких сортів смальти, передусім золотої, яку в багатьох розташованих тут зображеннях замінено жовтою, а на окремі ділянки золотого тла покладено різномодульну та неякісну золоту смальту, яка втратила кантарель разом із золотою фольгою. Дефіцит існував і в деяких сортах хроматичної смальти, у тому числі жовтої, котру в орнаментах західної пари підкупольних стовпів замінено оливковою або випадковими кольорами. Цією обставиною найвірогідніше пояснити припинення роботи щодо заміни в підкупольному просторі фресок мозаїками, яка закінчилася, не досягши схилів західної попружної арки.

5. Підтверджується теза В. Левицької про те, що мозаїки підкупольного простору були останнім етапом виконання мозаїчного ансамблю Софії Київської[14], що на нинішній стадії досліджень доповнена новими даними, які свідчать про часткову заміну на останньому етапі виконання мозаїк більш ранніх фрескових розписів.

На завершення згадаємо про гіпотезу, висловлену в 1990-х рр. І. Тоцькою, яка звернула увагу на грубий характер мурування в декоративних нішах на зовнішній стіні центральної апсиди Софії Київської і припустила, що початково це були вікна, які пізніше заклали для того, щоб отримати в апсиді площу, достатню для розміщення мозаїчної композиції «Причастя апостолів» («Євхаристії»)[15]. Цю думку розвинув О. Лідов, висунувши гіпотезу, згідно з якою в первинній програмі вівтарної декорації Софії Київської «Євхаристії» не було. З'явилася вона тут у часи митрополита Єфрема (1055–1065), коли сюжет «Причастя апостолів» набув актуальності, пов'язаної з полемікою візантійських богословів та «латинян» стосовно євхаристичного хлі-

---

[14] *Левицкая В. И.* О некоторых вопросах набора мозаик Софии Киевской. — С. 183.

[15] *Тоцкая И. Ф.* Исследование строительного производства Киевской Софии // Проблемы изучения древнерусского зодчества. — Санкт-Петербург, 1996. — С. 28–29.

ба, що особливо загострилася напередодні церковного розколу (1054 р.)[16]. На сьогодні ми не маємо жодних фактів, навіть дотичних, для підтвердження цієї гіпотези, але у світлі результатів останніх досліджень мозаїк та фресок підкупольного простору, подальші пошуки у цьому напрямі видаються перспективними.

---

[16] *Лидов А. М.* Образы Христа в храмовой декорации и византийская христология после схизмы 1054 г. // Древнерусское искусство: Византия и Древняя Русь: К 100-летию Андрея Николаевича Грабара 1896–1999. — Санкт-Петербург, 1999. — С. 164, прим. 2.

М. Г. Крамаровский

Солхат-Крым в XIII–XV веках: религиозные общины и феномен городской культуры по данным археологии и истории

Солхат-Крым — один из молодых городов средневековой Таврики. Его возникновение можно отнести к 1240–1260-м гг.[1] Как административный центр золотоордынского Крыма, он был призван контролировать торговые караваны, следующие из Дешт-и-Кыпчак колёсными дорогами юго-восточного предгорья к морскому побережью и, прежде всего, к причалам Каффы. В то же время через городскую таможню осуществлялась доставка транзитов Романии, направлявшихся генуэзцами и венецианцами на отрезке степных маршрутов к ханскому домену на Волге. Выполнению этой задачи способствовало расположение города на границе предгорной и степной ландшафтных зон в непосредственной близости от Каффы.

Город изначально развивался в рамках трёх общин — *христианской*, *исламской* и *караимско-раббанитской*. Историческая топографии складывалась по мере их формирования. Но только исламская община вырастала в тесном взаимодействии и в прямом контакте со столичным Сараем, следуя за развитием религиозной и политической жизни правящего дома Батуидов и их близкого окружения. Это создавало почву для преференций, что не замедлило сказаться на социальных позициях общины и росте её общественной значимости. В результате Солхат обрёл восточный облик, хотя до XIII в. Северное Причерноморье не знало ислама как вектора развития. Заметим, что все религиозные группы города широко и постоянно поддерживали свои контакты с исторической родиной «старых» и «новых» поселенцев.

Наши представления о топографии Солхата основаны на сопоставлении натурных наблюдений и плана города, снятого русским военным топогра-

---

[1] Крамаровский М. Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа: Сборник научных трудов. — Ленинград, 1989. — С. 141–157; Его же. Джучиды и Крым: XIII–XIV вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Вып. 10. — Симферополь, 2003. — С. 506–532.

фом ок. 1873 г.[2] Согласно этому плану, градообразующая магистраль перерезает пятно городской застройки XV–XVIII вв. с запада на восток, расчленяя средневековое городище на три неравные части. При этом куст христианских памятников оказался в юго-западном секторе поселения, а *кенасса*, обозначившая центр иудаистского Солхата, указана на плане в юго-восточном секторе. Исламские кварталы, расположившиеся вдоль трассы, заполнили всю центральную часть города, потеснив застройку инокультурных общин. Примечательно, что два из шести христианских храмов, вероятно, принадлежавших греческой и армянской общинам, после 1363 г., когда город опоясал оборонительный ров, остались за линией укреплений. Необходимость строительства защитного рва (инициатива крымского *улусбека Кутлуг-Буга*) была вызвана боязнью наступления на Крым Великого княжества Литовского, нанёсшего поражение ордынцам на Синих Водах (1362). Спустя короткое время (1375–1380) беклярибек Мамай заменил ров и земляной вал каменными стенами с башнями[3]. Сооружение нового защитного пояса Солхата в период начала последней трети XIV в. на время уравновесил военный потенциал генуэзцев Каффы. Масштаб строительства оказался беспрецедентным. Только протяжённость каменных облицованных стен с башнями составила более 6,7 км, а количество башен превышало 60. Можно допустить, что за размахом строительства стояла не только идея нейтрализации планов генуэзцев, но и несостоявшийся замысел превращение города в столичный центр Мамаевой орды.

Наше рассмотрение топографии города целесообразно начать с анализа сведений о христианской общине Солхата.

Христиане занимали северо-западный сектор городища. По-преимуществу, это были аланы, греки, славяне, но также и тюрки старших поколений, принявшие православие константинопольского обряда ещё в византийский период. Есть глухие сведения о нахождении в Солхате греческих митрополитов[4]. О рядовых представителях общины можно судить только по материалам раскопок. Нами исследована однонефная базилика[5] середины XIV — начала XV вв. Храм состоит из основного объёма и притвора. Южная стена оказа-

---

[2] Крамаровский М. Г. К идентификации «Мечети Бейбарса» в Солхате // IV научные чтения памяти Усеина Боданинского. Бахчисарай, 2012. — Рис. 23.

[3] Крамаровский М. Г. Солхат и Мамай во второй половине 70-х — 80-е гг. XIV в. // Золотоордынское наследие: Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвящённой памяти М. А. Усманова, Казань, 29–30 марта 2011 г. — Вып. 2. — Казань, 2011. — С. 7–17.

[4] Гатин М. С. Бертольд Шпулер о религиозной ситуации в Золотой Орде // Ислам и власть в Золотой Орде. — Казань, 2012. — С. 296.

[5] Крамаровский М. Г. К идентификации... — С. 144–145. — Рис. 28.

лась снабжена двумя аркосолиями с нишами-склепами. Снаружи аркосолии обозначены стрельчатым завершением. Ниши использованы как фамильные усыпальницы (в инвентаре одной из них обнаружена створка энколпиона киевского типа XIII–XIV вв.). Представляется важным отметить, что христианским было и крупное поселение близ юго-восточной границы города. Здесь располагался один из ремесленных пригородов с развитым гончарным производством и некрополем. В сезоне 2004 г. при исследовании могильника было открыто мужское захоронение XIV в. со створкой бронзового энколпиона сирийского типа XII — начала XIII вв. Створка украшена изображением *Богоматери-оранты* и греческой надписью «θεοτόκος» — «Богородица»[6]. Во второй половине XIII в. христианская община пополнилась армянами из Высокой Армении и Киликии, исповедующими григорианство. В начале XIV в. (1318 г.) какая-то часть армян отошла от апостольской церкви и приняла католичество. В 1330 г. в Крыму возникает латино-армянская монашеская община «Fratres Unitores» с центром в Каффе, ассоциирующаяся с доминиканским орденом[7]. В последнем десятилетии XIII в. в Солхате отмечены латиняне-католики — выходцы из Латинской Романии и Лигурии[8]. Среди последних, вместе с новообращёнными, заметное место заняли францисканцы — Крым входил в кустодию Газзария Аквилонского викариата; центром её с 1289 г. являлась Каффа[9]. Возможно, что к 1290 г. здесь уже существовал генуэзский квартал со своим приходом. В настоящее время невозможно определить место латинского квартала на местности. Но ещё в 1780-х гг., судя по акварели француза Жана Бальтазара де ля Траверса, городской силуэт Эски-Крыма украшала генуэзская башня. Она, скорее всего, и отмечала генуэзское подворье, которое историк XVIII в. Одорико называл «Castello Kirma». После поражения Карло Ломеллино в 1437 г. консульство, видимо, окончательно прекратило своё существование.

С XIV в. в Солхате проживали *несториане*, по всей вероятности выходцы из Сирии. Известны следы их культурной деятельности. В Солхате в 1338 г. под руководством католических миссионеров, как полагает А. М. Пьемон-

---

6 Там же. — Рис. 29.

7 Cowe P. The Religious Significance of the Armenian Community of the Crimea in the 13th — 15th Centuries // Армяне Крыма: вчера, сегодня, завтра: Международная научно-практическая конференция, посвящённая 650-летию монастыря Сурб Хач, 25–26 июля 2008 г.: Сборник тезисов конференции. — Симферополь, 2008. — С. 19–20.

8 Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. — T. I: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289–1290. — Paris, 1973. — P. 68, 96, 140–141, 187, 193, 207, 220, 268–269, 285, 292–293.

9 Свет Я. М. Путешествия западных чужеземцев в стране Трёх Индий. — Москва, 1968. — С. 45, 58, 183–189.

тезе, переписаны Евангелие от Матфея[10] и от Марка (переписчик *Амин ад-Дин Кутлуг Бау*) и Евангелие от Луки и от Иоанна (переписчик *Зийа ад-Дин Хадже б. Маула Наиб Нур ад-Дин*); считается, что эта рукопись происходит из библиотеки Франческо Петрарки. Наличие монастырского (?) скриптория в городе скорее говорит в пользу существовании общины, на чьи средства переписывались богослужебные книги. Едва ли нас могут смутить тюркское и арабское имя переписчиков. Обращение тюрков в католичество и православие в конце XIII в. в Крыму демонстрируют как тексты «Codex'a Cumanicus» (конец XIII — начало XIV вв.), так и тюркские имена Судакского синаскаря[11].

У нас нет данных о взаимоотношениях христианской и исламской общин города. По-видимому, до конца XIII в. баланс сил между ними был близок к паритету. Однако благодаря одному из латинских текстов Ватиканской библиотеки, обнаруженному Дж. Голубовичем в кодексе Оттобони 2115[12], можно представить реальное соотношение сил. В отчёте кустодия Газзарии Ладислава генеральному министру ордена францисканцев Маттео д'Акваспарта (1287–1289) сообщается о конфликте латинян с набирающей силы исламской общиной из-за нежелания мусульман терпеть праздничный бой колоколов. Около 1286 г. в квартале францисканцев произошёл инцидент, связанный с притеснением мусульманами церковной общины и похищением церковного колокола. Однако уже в августе того же года по решению Тулабуги (1287–1290) и Ногая (ум. 1300 г.) иммунитет францисканского прихода в Солхате был восстановлен. В город вошёл воинский отряд во главе с порученцем Ногая, восстановившим статус-кво: «И хотя он (порученец Ногая — *М. К.*) был сарацином (т. е. мусульманином — *М. К.*), [он] поразил всех сарацин словно собак. Даже самые выдающиеся из сарацин, видя нависшую над ними угрозу их жизни, бежали, бросив всё, что имели, в ближайший с городом лес, где они и прятались в течение добрых семи дней. Упомянутый же посол повесил на место колокола, который они незаконно сняли, три колокола, с великим почётом и к бесконечной радости христиан». В Солхат,

---

[10] А. М. Пьемонтезе полагает, что Евангелие от Иоанна переведено с латыни, а три других — с сирийского (см.: Притула А. Д. Христианство и персидская книжность XIII–XIV вв. // Православный Палестинский сборник. — Вып. 101. — Санкт-Петербург, 2004. — С. 26–27).

[11] Golden P. B. The Codex Cumanicus // Central Asian Monuments / Ed. H. Paksoy. — Istanbul, 1992. — P. 38–40; Байер Г.-В. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времени Палеологов // Византия и средневековый Крым. — Симферополь, 1995. — С. 65–68.

[12] Golubovich G. Biblioteca Bio-Bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francescano. I Serie (Annali). Tomo II: Annali di Terra Santa. Addenda al sec. XIII e Fonti pel sec. XIV. Con tre carte geografiche dell'Oriente Francescano del Secoli XIII-XIV. — Quaracchi, 1913. — P. 444–445. Переводом этого текста я обязан Роману Хаутала, за что приношу ему глубокую благодарность.

впечатлённая актом справедливости, прибыла старшая жена Ногая — Яйлак, чтобы увидеть церковь миноритов с колоколами. Под впечатлением от этого события она попросила братию окрестить её и «наставить в католической вере». Акт крещения был проведён братом Ладиславом и Стефаном, гвардианом Каффы, в присутствии архиепископа армян со всем клиром и множеством иных священников и клириков-греков, воспринявших переход Яйлак в католичество неоднозначно. На месте крещения высокопоставленной хатуни в Кырк-Ере была возведена церковь в честь девы Марии[13].

Иудаистская община полуострова сложилась из субэтнических групп тюркоязычных караимов (некоторые авторы ошибочно видят в них «потомков хазар»)[14], караимов из стран Ближнего Востока и Малой Азии, перco- и грекоязычных раввинистов-романиотов из Византии и Ирана. Каждая из групп обладала собственной идентичностью. Переселенцами являлись люди разного исторического опыта, чьи судьбы вне Крыма представляются для нас слишком общо, а история укоренения на полуострове не всегда прозрачна и требует уточнений.

Раббаниты и караимы Солхата, судя по плану города 1783 г., проживали соседскими полуанклавами, окружёнными застройкой исламских кварталов. Но с точки зрения городской структуры, всё население караимско-раббанитской застройки составляло единую общину. У нас нет прямых данных для установления уровня паритета обеих групп населения. Я разделяю осторожное предположение М. Б. Кизилова о раббанитском большинстве евреев Солхата[15], но скорее во второй половине XIV в. Полагаю также, что ядро общины сложилось в догородской период, до 1250–1260-х гг. — времени на-

---

[13] Малышев А. Б. Начало католического миссионерства в Золотой Орде // Восток — Запад: проблема взаимодействия и трансляции культур: Сборник научных трудов. — Саратов, 2001. — С. 143–144; Хаутала Р. Исламизация татар, согласно латинским источникам конца XIII — первой половины XIV вв. // Ислам и власть в Золотой Орде. — Казань, 2012. — С. 18–72. Вопрос о запрете колокольного перезвона в городских центрах Крыма продолжал быть острым и после 1314 г., когда хан Узбек (1312–1341 гг.) подтвердил прежние привилегии францисканцев, освобождённых от налогов и воинской повинности ещё при Менгу Тимуре (1267–1280 гг.) и Токте (1290–1312 гг.). В конечном итоге Узбек запретил колокольный бой христианских церквей в Крыму. Апостолату францисканцев всё же удалось сохранить эту традицию в Каффе (колокольный перезвон в Керчи, так напугавший Ибн Баттуту, переночевавшего весной 1334 г. в храме Иоанна Предтечи (нач. XIII в.), скорее всего был связан с одним из православных церковных праздником).

[14] Критику «караимского характера» иудаизма в Хазарии см.: Кизилов М. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времён до наших дней. — Симферополь, 2011. — С. 72–75, 77, 87–90.

[15] Там же. — С. 178. Вместе с тем, уместно отметить существование иудаистского субстрата и в тюрко-византино-латинской Сугдее, о чём косвенно свидетельствует находка литейной формы с еврейской надписью (см.: Баранов И. А. Комплекс третьей четверти XIV в. в Судакской крепости // Сугдейский сборник. — К.; Судак, 2004. — С. 542–543. — Рис. 14).

чала работы монетного двора, обозначившего переход от поселения к собственно городу.

В наших раскопках на городище не обнаружены домонгольские слои Солхата. Гипотеза о хазарской эпохе караимской общины основана на сфальсифицированных датах пяти солхатских надгробий якобы X–XI вв.[16] Легенда о хазарском прошлом города, тем не менее, оказалась поддержана археологом И. А. Барановым[17]. Но его допущение несостоятельно, поскольку основано на ошибочных атрибуциях подъёмного материала. Необоснованным считается и сообщение Вениамина Тудельского о евреях таврического Солхата XII столетия: «[...] у нас, — отмечает М. Б. Кизилов, — *нет письменных источников о присутствии евреев в Крыму с конца XI ст. и вплоть до последней четверти XIII века*»[18]. С этим следовало бы согласиться.

Самое раннее бесспорное свидетельство о караимской и раббанитской общинах относится к 1278 г., когда в сочинении *Сефер а-мивхар* (ивр. «*Избранная книга*») караимского автора Аарона бен Иосифа а-Рофе (ок. 1250–1320) упомянут календарный спор между представителями обеих религиозных групп[19]. Это означает, что к последней трети XIII ст. (или несколько позже) каждая из них должна было располагать своей синагогой (греческое «синагога» соответствует еврейскому «bethhakenesset»).

Синагога, раскопки которой начаты нами в 2015 г., ориентирована по линии с/ю с азимутом 156–157[20]. Обмеры стен (по внешнему контуру) дали следующие результаты: длина зап. и вост. стен ~ 18,13 м.; южной и северной — 14,79 м., толщина стен 0,9 м. Таким образом, площадь объекта в интерьере (с учётом толщины стен) составляет ~ 214,3 кв. м.

Чтобы не обсуждать вздорное предложение об исламской альтернативе памятника (предложение архитектора П. И. Голандского, эксперта археологической экспедиции проф. А. Н. Бороздина, работавшей в 1924–1928 гг.), сообщу, нарушив последовательность изложения, что в процессе раскопок в августе 2015 г. в районе алтарной ниши в припольном слое молельного дома нами найден мраморный остракон с аккуратно вырезанными четырьмя

---

16 Firkovich A. Sefer Avnei Zikkaron Livnei Israel. — Vilna, 1872 (на иврите). — С. 210.

17 Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура) . — Киев, 1990. — С. 83–85.

18 Кизилов М. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времён до наших дней. — Симферополь, 2011. — С. 88.

19 Ахиезер Г. Завоевание Крыма Российской империей глазами караимских хронистов. — Иерусалим; Москва, 2015. — С. 25.

20 Съёмка GPS-координат дала следующие результаты: С-З угол кенассы N 45.03263, E 35.10348; Ю-З угол — N 45.03248, E 35.10356; Ю-В угол — N 45.03252, E35.10371; С-В угол — N45.03266, E 35.10358. Все определения А. Н. Тепляковой. Раскопки велись силами студентов под рук. канд. ист. наук Э. И. Сейдалиева; обмеры — архитектор П. Новиков.

квадратными буквами еврейского алфавита. По наблюдению М. Б. Кизилова, надпись, видимо состояла из фрагментов двух слов — окончания одного и начала другого, на что указывает небольшая цезура между буквами «куф» и «гей»[21]. Это первый и пока единственный артефакт подобного рода непосредственно из культурного слоя. Не переоценивая значения находки, нельзя всё же не отметить (вместе с другими признаками) её значения для определения памятника как руин раббанитской синагоги. Остракон, вероятно, является фрагментом мраморной плитки в форме шестиугольника[22]. Из подобных шестиугольников выкладывалась мозаика, композиция которой, можно полагать, украшала *гехал*. К сожалению, у нас нет данных для достоверной реконструкции рисунка этой мозаики.

В *гехал*, согласно предписаниям *галаха*, должен был находиться *арон а-кодеш* — «священный ковчег», в котором хранился свиток Торы[23]. Ниша расположена на расстоянии 0,6 м от пола (а это — важный признак, указывающий на синогогальную практику в геометрии сакральной стены, отличающий гехал от мусульманского михраба).

К настоящему времени круг артефактов, характеризующих культуру городской общины, крайне незначителен. Существует глухое утверждение, что из синагоги Солхата сохранился свиток Торы с датой 1300 г.[24], однако проверить это сообщение нельзя из-за отсутствия каких-либо сведений о рукописи. В Музее Тавриды (Симферополь) хранится часть надгробия из находок в Старом Крыму с эпитафией, в которой упомянуто имя *Мардохея, сына Мардохея* (1517 г.). В 1979 г. нами вне культурного слоя обнаружен фрагмент стелы с еврейской надписью квадратным письмом. Надпись на лицевой стороне стелы гласит: «*Памятник могильный старца сына Иосифа, память его благословенна, сына Авраама, память его благословенна. А скончался* (*сын Иосифа*) *дня 3-го 23 адара первого года 5311 от сотворения мира. Да будет душа его вплетена в венок жизни*» (перевод Е. К. Мещерской). Таким образом, дата надгробия — 1511 г.

Отмечу ещё две случайные находки серебряных прикладных печатей, вероятно XIV–XV вв. Первая из них содержит билингву с арабо-караимской надписью. Её арабоязычную часть пытался перевести О. Ф. Акимуш-

---

[21] Приношу глубокую благодарность М. Б. Кизилову за консультацию.

[22] Идея отождествления остракона с элементом геометрической мозаики подсказана мне проф. Д. Кассуто (University Center-Arielin Samaria) в консультации о солхатской синагоге, за что приношу ему глубокую благодарность.

[23] Размеры алтарной ниши: глубина — 0,75 м от лицевой поверхности стены, ширина — 1,7 м, высота от пола — 2,35 м. Ширина выступа кладки обрамления алтарной ниши на уровне пола — 5,5 м. Верхний край ниши очерчен по дуге с радиусом ок. 0,75 м.

[24] К сожалению, при личной беседе автор этого утверждения, Ф. Кандель, не смог припомнить источник информации о старокрымском свитке, но утверждал о надёжности своих сведений.

кин, но предложенное им чтение требует уточнения. А. А. Иванов читает в арабском тексте надписи скорее не имя, а почётное прозвище отца Моисея (Моше) — «*сāдӣк*» = *цадик* (ивр. «праведник»): «*Моше, сын почтенного Садика*». В иудаизме *цадик* — благочестивый, безгрешный человек, знающий и соблюдающий заповеди Торы, пользующийся особым расположением Бога. Надпись на иврите сообщает имя владельца: «*Моше сын почтенного господина Мельхиседека*» (перевод М. Б. Кизилова). С этим чтением не согласна Г. Ахиезер, предложившая иной вариант: «*Моше б к р* (*бен квод рав*) *Малкиц* [едек?] (или *Малкиель*)»[25]. В 2014 г. в северо-восточном секторе городища Солхата среди подъёмного материала найден серебряный перстень-печать с чернью, украшенный розеткой со «звездой Давида» на золочёном поле и зеркальной владельческой надписью на иврите, расположенной вокруг розетки, которая гласит: «*Моше, с*[*ы*]*н п*[*очтенного*] *г*[*осподина*] *Шаб*[*тая*]» (чтение М. Б. Кизилова).

Одна из самых трудных атрибутационных задач связана с датировкой объекта. При вскрытии примерно 1/3 площади синагоги летом 2015 г. найдено 32 монеты, из которых 17 ед. (53 %) неопределимы из-за плохой сохранности. Самыми ранними монетами оказались два медный пула хана Менгу Тимура (1266–1280). За ними следуют пулы Туда-Менгу (1280–1287) и Токты (1291–1312). Монеты хана Узбека (1312–1341) составляют четверть от общего числа найденных. Монетные находки с определённой осторожностью дают основания для предположения о строительстве кенассы до 1260–1280-х гг. По-видимому, синагога строится в период, когда наместником Крыма являлся Тука Тимур (665–674 гг. х. / 1257–1275). Дальнейшие исследования объекта позволят утвердить или опровергнуть предлагаемую дату.

Мусульманская община состояла из новообращённых тюрок (половцев, кыпчаков), переселенцев из Средней и сельджуков Малой Азии, основного населения исламского Солхата. Вплоть до конца XIV в. тонкую прослойку в ней составляли представители родоплеменной аристократии из *кыйатов* и *найманов*. На первых опирался Мамай-Кучук Мухаммед (ум. в 1385 г.), лидером вторых был Кутлуг-Буга (Благодатный Бык), переживший своего удачливого соперника на десятилетие.

Мусульмане, что уже было отмечено, не сразу заняли доминирующие позиции в городе. Первая квартальная мечеть появляется в Солхате только осенью 1263 г. Она была построена рядом с рынком (местонахождение неизвестно) на благотворительные средства сына хаджи Омера ал-Бухари[26].

---

[25] Приношу глубокую благодарность А. А. Иванову, М. Б. Кизилову и Г. Ахиезер за консультации и переводы надписей печати.

[26] Эвлия Челеби. Книга путешествия. — Т. VII. — Стамбул, 1928. — С. 663 (на тур. яз.).

Это событие, несомненно, отразило настроения, существовавшие в поволжской столице в окружении хана-мусульманина Берке (1257–1266). При ханах Менгу-Тимуре (1290–1312) и Узбеке (1312–1341) сформировался устойчивый исламский вектор развития, определивший культурное лицо города на несколько будущих столетий.

Крым и исламская Анатолия. Исторические источники позволяют датировать начало активной инфильтрации малоазийских тюрок в Восточный Крым ок. 1265 г. и связать первую волну диаспоры со сторонниками экс-султана Рума 'Изз-ад-Дина Кей Кавуса II (султан Рума в 1246–1257 гг.; ум. в 1280 г.; возможно, похоронен в Крыму в районе Ор-Капы). Орда Кей Кавуса пришла из Анатолии через Добруджу[27]. До этого времени, и даже в период захвата Судака сельджуками *Хусām ал-Дūн Чупāн'а* каких-либо заметных переселенческих потоков из Анатолии в Таврику нет. В Судаке румийцами была построена мечеть и на время установлены законы шариата. Традиция связывает эту мечеть с «храмом с аркадой», но этому противоречит археологическая дата памятника — XIV в.[28] По мнению британского медиевиста А. Пикока, строительство гарнизонной мечети не означало насильственного насаждения ислама[29]. Он считает, что крымский поход сельджуков состоялся до 1226 г.[30] Дата военного предприятия окончательно не установлена. В своё время А. Ю. Якубовский предложил отнести акцию сельджуков *Хусām ал-Дūн Чупāн'а* к периоду между 1221 и 1223 гг.[31] Р. М. Шукуров выделил в борьбе Трапезунда и сельджуков четыре пика военных обострений (в 1205–1214, 1225–1230, 1254–1265 и в 1277). По его мнению, судакская акция состоялась не позднее 1228 г.[32] А. В. Джанов поход сельджуков на Сугдак относит к 1226 г.[33], т. е. через три года после зимовки корпуса монгольской разведки в городе и прилегающей долине (1223 г.).

Сельджукские притязания на Судак уже давно принято, как это предлагал византинист В. Г. Васильевский, рассматривать сквозь призму со-

---

27 Wittek P. Yazijioghlu 'Ali on the Christian Turks of the Dobrujia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. XIV, part 3, 1952. — P. 639–667.

28 Фронжуло М. А. Раскопки «Храма с аркадой» в Судакской крепости (1969–1975) // Сугдейский сборник. — Вып. II. — К.; Судак, 2005. — С. 531–621.

29 Peacock A. C.S. The Saljūq Campaign against the Crimea and the Expansionist Policy of the Early Reign of 'Alā' al-Dīn Kayqubād // The Royal Asiatic Society. — Series 3. — 2006. — 16, 2. — P. 135.

30 Ibid. — P. 139–140; Idem. The Saljūq Campaign against the Crimea and the Expansionist Policy of the Early Reign of 'Alā' al-Dīn Kayqubād // Tarih Arastirmaları Dergisi. — 47. — Ankara, 2010. — S. 243–265.

31 Якубовский А. Ю. Рассказ Ибн ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // Византийский временник. — Т. 25. — Ленинград, 1927. — С. 53–76.

32 Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). — Санкт-Петербург, 2001. — С. 154.

33 Джанов А. В. Походы сельджукских войск на Сугдак и в Киликию в правление Ала ал-Дина Кайкубада I // Сугдейский сборник. — Вып. III. — К.; Судак, 2008. — С. 46–78.

перничества Рума с Трапезундом за влияние на Западный Крым и, в частности, его протекторат — Херсонес[34]. Война 1223 г. между сельджуками Ала ад-Дина Кайкубада (1219–1236) и трапезундским императором Андроником I Гидом (1223–1235) началась из-за ограбления греческого корабля, который должен был доставить в Трапезунд налоги Корсуня-Херсонеса и «стран Готии»[35]. «Синопсис чудес св. Евгения», откуда взяты сведения о захвате сельджукским наместником Этумом Раисом трапезундского судна с налогами, детально проанализирован Р. М. Шукуровым и Д. А. Коробейниковым[36]. Трапезунд находился в тесных контактах с Херсонесом, о чём свидетельствуют обнаруженные здесь печати Великих Комнинов. С. В. Сорочан и его соавторы пишут о неясном характере отношений протектората с заморской империей[37]. Однако акт выплаты налогов в 1220-е гг. и упоминание в полной титулатуре Великих Комнинов «*Perateia*» — «Заморской территории»[38] говорит о политической подчинённости Херсонеса Трапезунду. Это состояние сохранялось всю первую половину XIII в.[39] После третьей четверти века город медленно приходит в упадок. Примерно к этому времени относится слой мощного пожара, обнаруженный археологами в северных кварталах раскопками. Отсутствие в слое пожара джучидских монет свидетельствует, что к концу XIII в. этот район города, скорее всего, был уже заброшен[40]. Е. Ю. Гончаров на основе анализа находок монет из исламской Анатолии, Латинской империи, Византии, Трапезунда, Никеи и Болгарии пришёл к мысли о разрушении VIII и IX кварталов Северного района города концом 1230 — началом 1240-х гг.[41] Связаны ли разрушения в северных кварталах Херсонеса с сельджуками *Хусām ал-Дūн Чупāн'а* — предположение, остающееся в рамках гипотезы. По-видимому, малоазийско-сельджукские материалы Херсо-

---

34 Васильевский В. Г. Исторические сведения о Суроже // Его же. Труды. — Т. 3. — Петроград, 1915. — С. 273.

35 Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. — Cambridge, 1936. — P. 158–159.

36 Шукуров Р. М., Коробейников Д. А. Великие Комнины, Синоп, Рум в 1223–1230 гг. (Загадка текста Иоанна Лазаропула) // Причерноморье в средние века. — Вып. 6. — Санкт-Петербург, 1998. — С. 178–200; Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). — С. 166–190.

37 Сорочан С. В., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. — Харьков, 2001. — С. 325.

38 Карпов С. П. История Трапезундской империи. — Санкт-Петербург, 2007. — С. 194–195.

39 Богданова Н. М. Херсон в X–XV вв.: Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. — Москва, 1991. — С. 95.

40 Рыжов С. Г. Средневековые жилые кварталы X–XIII вв. в Северном районе Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Вып. 8. — Симферополь, 2001. — С. 310.

41 Гончаров Е. Ю. Восточная нумизматика Херсона (вторая половина XII — первая половина XV вв.) // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова. — Вып. VII. — Москва, 2009. — С. 118–132.

неса главным образом обусловлены торговыми обменами, что подтверждается обнаружением здесь серии сельджукских *фельсов* и *дирхемов* начала XIII в., но также и артукидских монет, чеканенных в Хисн Кайфе (Месопотамия)[42]. Поскольку раскопками в Херсонесе выявлена значительная группа сельджукской керамики и других материалов из Румского султаната[43], в том числе фрагмент металлической лампы[44], чей тип не характерен для частного дома, я не исключаю возможности существования в северной части города иноверческой общины. А где ещё могли бы находить защиту и приют купцы из исламской Анатолии? Возможно, её разрушение как-то связано с сельджукской военной акцией конца первой трети XIII в. из-за несовпадения коммерческих интересов представителей торгового сословия с интересами *Хусām ал-Дīн Чупāн'а*.

Рум и ордынский Крым. Суфизм. Относительно юго-восточной части полуострова, как уже было отмечено, мы располагаем надёжными сведениями об орде малоазийских сельджуков, пришедших в Крым с территории Балкан ок. 1265 г. во главе с *Сары Салтуком*. Об этом сообщает историческая компиляция, составленная турецким автором *Йазийи-оглу Али* в период правления султана Мурада II (1421–1451), возможно в 1424 г.[45] Согласно данным компиляции, опирающимся на сведения *Ибн Биби* (XIII в.), собранные для автора «Истории Завоевателя Мира» *Ата-Мелика Джувейни* (1266–1283), на Крымский полуостров вслед за низложенным султаном Рума *'Изз-ад-Дином Кей Кавусом II* пришли не только воины-всадники, но и члены их семей. Данных о топографии расселения анатолийских тюрок в Крыму нет. Румийцы были поселены вне городов, но сами «Солхат и Сут(д)ак», согласно Ибн Биби, переданы 'Изз ад-Дину, зятю хана Берке, в *икта*. По Ал-Айни, *'Изз ад-Дин* был женат на дочери Берке — Урбай-хатун[46]. А. А. Ромаскевич и С. Л. Волин трактуют крымское *икта* (в Золотой Орде традиции *икта* не было) как надел, данный под условие вассальной службы. В чём состояли

---

42 Alekseenko N. On the question of currency circulation and the Development of Chersonese Trade Ties in the Thirteenth Century // Acts of 18th International Congress of Byzantine Studies: Selected papers. — Vol. 4. — 1991. — P. 239–244; см. также: Гончаров Е. Ю. Восточная нумизматика Херсона (вторая половина XII — первая половина XV вв.). — С. 118–132.

43 Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залесская В., Журавлёв Д. Наследие византийского Херсона. — Севастополь; Остин, 2011. — С. 429, 438–440, 449, 455, 472, 474 и др.

44 Притула А. Д. Фрагмент бронзовой ажурной лампы для мечети из раскопок Херсонеса // Записки Восточного отделения Российского археологического общества: Новая серия. — Т. II (XXVII). — Санкт-Петербург, 2006. — С. 541–550.

45 Wittek P. Yazijioghlu 'Ali on the Christian Turks of the Dobrujia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. — Vol. XIV, part 3. — 1952. — P. 639–667.

46 История Казахстана в арабских источниках. — Т. I: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из арабских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном; перераб. и доп. изд. — Алматы, 2005. — С. 357.

обязанности держателя надела, мы не знаем, но на налоги от этих городов, скорее всего, содержалась его семья и семьи всадников орды экс-султана. Как родственник хана, *'Изз ад-Дин* и его близкие состояли в списке бенефициариев, получавших подарки из Каира, приходившие в столичный Сарай. Увы, но сколько-нибудь археологически убедительных следов пребывания *'Изз-ад-Дина Кей Кавуса* или его близкого окружения нет ни в Солхате, ни в Судаке. Находка на полуострове подвесной свинцовой печати с двуглавым орлом и арабской легендой с титулами трёх соправителей Рума 1249–1257 гг. — *'Изз-ад-Дина Кей Кавуса II, Рукн ал-Дина Килич Арслана IV* и *Ала ад-Дина Кай-Кубада II* — свидетельствует об уровне официальных контактов ордынских наместников Крыма и султанов Рума в период около середины XIII в.[47] Печать найдена в районе с. Межгорье (Белогорский район), где, очевидно, находилась летняя ставка крымских *баскаков*. Возможно, с сельджукской миграцией связана находка неподалёку от Солхата (близ с. Грушевка, старое название Суук-Су) каменной стелы XII — нач. XIII вв. с изображением воина-тюрка, вероятно из неизвестного нам святилища. Стела обнаружена при случайных обстоятельствах и сейчас я готовлю её к изданию. Около 1380 г., после смерти *'Изз ад-Дина*, сельджуки *Сары Салтука* вернулись обратно в Добруджу. В Крыму же с XIII в. постепенно укоренился культ последователя *Сары Салтука* шейха *Кемаль Баба* (*Кемаль Ата*). Последний умер в Солхате до 1278 г. и в память о нём по указанию *Сары Салтука*, как сообщает апокриф, были построены *суфийская обитель* и *мавзолей*, ставший *зияретом* (оба сооружения не сохранились). Предполагается, что зиярет располагался в северо-восточной части городища на высоком холме (на самом деле, насыпи кургана эпохи бронзы)[48]. В начале осени 1839 г. здесь по ошибке (целью поиска являлось захоронение высокочтимого караимского наставника Аарона га-Рофе) было вскрыто погребение шейха Кемаль Ата[49]. Между тем, *Масуд*, старший сын экс-султана, вернувшись на родину, был признан правителем восточной части Румского султаната (западную часть Рума возглавил его двоюродный брат *Кей Хосров III б. Рукн ад-Дин*).

Прямых данных о характере религиозного влиянии сельджукской диаспоры времени *'Изз ад-Дина* на исламскую общину Солхата нет. Известно лишь, что тюрки Сары Салтука, о чём можно судить по сведениям Йази-

---

47 Хромов К. К. Сельджукская печать из Крыма // Восточная нумизматика в Украине: Сборник публикаций. — Ч. III: Улус Джучи, Крымское ханство и сопредельные государства в XIII–XVIII вв. — К., 2013. — С. 123.

48 См.: Крамаровский М. Г., Хаврин С. В. Работы Старокрымской археологической экспедиции в 1997 г. // Отчетная археологическая сессия за 1997 г.: Тезисы докладов. СПб., 1998. — С. 21–25.

49 Firkovich A. Sefer Avnei Zikkaron Livnei Israel. — Vilna, 1872. — 43 (на иврите). Авраам Фиркович (1787–1874 гг.) — известный крымский собиратель и исследователь караимских древностей (о нём см.: Вихнович В. Л. Караим Авраам Фиркович. — Санкт-Петербург, 1997).

йи-оглу, не были устойчивы в своих религиозных предпочтениях, колеблясь между исламом и христианством. Тем не менее, возникновение в Солхате ок. 1263 г. первой мечети свидетельствует о формировании мусульманской общины, ориентированной на тюркско-кыпчакскую часть населения города, куда, естественно, вошла и тонкая прослойка исламизированных монголов.

Джучиды, выбирая ислам, повторили опыт сельджуков XII в. На это было несколько причин. Первая состояла в усвоении модели *тюркского ислама*, тяготеющего к *суфизму* — «особого мистического, религиозно-философского мировоззрения в рамках ислама, представители которого считают возможным через посредство личного психологического опыта полное духовное общение (созерцание или соединение) человека с божеством. Оно достигается путём экстаза или внутреннего озарения, ниспосланных человеку, идущему к богу с любовью к нему в сердце»[50]. Среди историков отличие тюркского ислама от арабо-персидского одним из первых отметил В. В. Бартольд[51]. Этот вопрос как научная проблема вошёл составной частью в общую тему соотношения местного и общего в культуре мусульманского мира, обсуждавшуюся участниками коллоквиума «Мусульманский мир 950–1150». Дискуссия была организована Оксфордским университетом и Ближневосточным центром Пенсильванского университета в 1969 г.[52]

Ключ к специфике тюркского ислама специалисты определили в его тяготении к *суфизму*. К. Э. Босворт мотивировал этот выбор за счёт сохранения в народном исламе тюрок родимых пятен наследия тенгризма и других верований, связанных с шаманизмом. Скрытым язычеством он объясняет не только выбор тюрками доктрины *суннизма*, но и его *ханафитского мизхаба*[53]. Во второй половине XIII–XIV вв. исламский опыт сельджуков повторили монголы.

Влияние тюрок-кочевников на городскую культуру Ближнего Востока становится очевидным уже с эпохи Великих Сельджуков. Это в частности подчеркнул Д. С. Ричардс. С тюркской экспансией он связал начавшуюся на рубеже XI–XII вв. «трансформацию мусульманской цивилизации» в це-

---

50 Акимушкин О. Ф. Суфийские братства: сложный узел проблем: Предисловие к переводу // Тримингэм Дж. С. Суфийские ордена в исламе / Пер. с англ. под ред. и с предисл. О. Ф. Акимушкина. — Москва, 1989. — С. 4.

51 Бартольд В. В. Сочинения. — Т. VI. — Москва; Ленинград, 1985. — С. 659.

52 Papers on Islamic History: III Islamic Civilization 950–1150 / Ed. D. S. Richads. — Oxford, 1973; русс. пер. см.: Мусульманский мир 950–1150. — Москва, 1981.

53 Босворт К. Э. Нашествие варваров: появление тюрок в мусульманском мире / Пер. с англ. М. Б. Пиотровского // Мусульманский мир 950–1150. — С. 32; см. также: Читтик У. Суфизм: Руководство для начинающего. — Москва, 2012. — С. 41–61.

лом[54]. Характерные черты симбиоза, выросшего на почве общения исламизированного оседлого населения с кочевниками в арабском мире и территориях, захваченных тюрками-сельджуками в XII в., стали предметом анализа К. Каэна. Так, одна из важных особенностей в распространении ислама состояла в том, что номадизм, в разных регионах и хронологических срезах, не всегда находился в жёсткой оппозиции к образу жизни земледельцев и горожан[55]. Автор обосновывает эту позицию гомогенностью природы номадизма — бедуинского (VII в.), арабского (VIII–X вв.), тюркского (XI–XIII вв.) и монгольского (вторая половина XIII–XIV вв.). «На Востоке [...] наиболее катастрофические последствия (для земледелия и городской жизни — *М. К.*) имело монгольское завоевание, а затем тимуридское вторжение. Громадный объём разрушений, появление номадов, абсолютно чуждых какой-либо земледельческой традиции, повлекли за собой последствия, которые невозможно отрицать. [...] Монголы лишь позднее обратились в ислам, и в какой ислам! И если Тимур, бывший убеждённым мусульманином, опирался на некоторые группы кочевников, например на Ак-Куюнлу в Малой Азии, то ни он сам, ни основное ядро его войск не являлись номадами. Более того, даже после этих опустошительных завоеваний произошло некоторое возрождение [...], и полный упадок относится в отдельных регионах лишь к новому времени, когда обстановка в мире стала иной, и когда у номадизма уже не было никаких перспектив»[56].

При Берке (1257–1267), первом из джучидских ханов принявшем ислам, новая религиозная доктрина должна была приспособиться к инокультурному большинству ханского окружения, состоящего из шаманистов, буддистов и несториан. Как отметил Дж. С. Тримингэм: «Роль суфизма здесь была очень значительной, но не в качестве тарика — "пути" мистического познания, а благодаря святым, наделённым сверхъестественной силой, проявлявшейся даже после их смерти, исходившей от гробниц, многие из которых были возведены монгольскими правителями»[57]. О. Ф. Акимушкин назвал эту линию массового ислама *рефлекторным суфизмом*[58].

Обращение Берке произошло в Бухаре, где его наставником стал *суфий ордена кубравийа Сайф ад Дин Са'ид ал-Бохарзи* (ум. в 1261 г.). С периода прав-

---

54 Ричардс Д. С. Предисловие / Пер. с англ. В. В. Наумкина // Мусульманский мир 950–1150. — С. 16–19.

55 Каэн К. Кочевники и оседлые в средневековом мусульманском мире / Пер. с фр. В. Я. Пархомовского // Там же. — С. 112–113.

56 Там же. — С. 120–121.

57 Тримингэм Дж. С. Суфийские ордена в исламе / Пер. с англ. под ред. и с предисл. О. Ф. Акимушкина. — С. 81.

58 Акимушкин О. Ф. Суфийские братства: сложный узел проблем: Предисловие к переводу // Тримингэм Дж. С. Суфийские ордена в исламе. — С. 3.

ления этого хана суфизм постепенно укоренился в религиозном сознании мусульман Поволжья, Приаралья и Хорезма[59]. В 1333 г. мавзолей и обитель *Са'ида ал-Бохарзи* в Бухаре, сооружённые попечительством Тимура, но так же и гробницу *Наджмаддина Кубра* (1145–1221), наставника самого *Са'ида ал-Бохарзи*, посетил арабский бербер, *шейх и кадий* Ибн Баттута, *суннит маликитского толка*. В обители *Са'ида ал-Бохарзи* он присутствовал при исполнении *сама* — религиозных песнопений и радений с музыкой и танцами, характерных для суфиев[60]. Несколько ранее — весной того же года — Ибн Баттута встретил в Солхате малоазийского шейха *Абу Бакра Руми*, представителя *шафиитского* меньшинства и автора суфийского трактата «*Каландар-наме*». Абу Бакр родился в Акхешире (Анатолия), но до конца жизни служил *имамом* одной из двух соборных мечетей города, возможно построенной на средства мамлюка Мелик Насыра (не сохранилась)[61]. По Каландар-наме, пронизанному пиететом перед Румом, к сельджукидам приписан и Кутлуг-Тимур[62], сын Тоглук-Тимура, правителя Солхата и области Крым при хане Узбеке (1312–1341). Как и отец, он принадлежал знатному монгольскому роду, родственник Джучидов в ветви, принявшей ислам. Кутлуг-Тимур (Мелик Тимур) — наместник Крыма при хане Джанибеке (1341–1357). Весной 1334 г. он вместе с мужской частью семьи и ведущими духовными авторитетами города (всего 9 человек) сопровождал Ибн-Баттуту в его поездке в Азак[63]. Важно отметить, что и в ономастиконе Солхата встречаются имена представителей *сельджукской диаспоры*, чьи отцы, судя по *нисбам*, были выходцами из Анатолии. Среди них: *ал-Кастамуни*, XIII в., *ал-Ахлати*

---

59 Васильев В. Д. К вопросу о роли суфизма в исламизации Золотой Орды // Гуманитарные исследования. — Вып. 6. — Астрахань, 2003. — С. 19–24; Абдульвапов Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья. — 2006. — № 79. — С. 140–143; Ислам в Улусе Джучи: конфессиональный переворот и этапы исламизации // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посвящённой 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым). — Симферополь, 2014. — С. 21–22.

60 О радениях см. ещё: Читтик У. Суфизм: Руководство для начинающего. — С. 120–151.

61 Крамаровский М. Г. К идентификации «Мечети Бейбарса» в Солхате // IV научные чтения памяти Усеина Боданинского. Бахчисарай, 2012. — С. 22–23; Миргалеев И. Абу Бакр Каландар Руми. Кто он? // Крымское историческое обозрение. — Казань; Бахчисарай, 2014. — № 1. — С. 41–45; Его же. Сочинение Абу Бакра Каландара Руми «Каландар-наме» // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посвящённой 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым). — Симферополь, 2014. — С. 126–132.

62 Благодарю за это сообщение переводчицу «Каландар-Наме» М. З. Исмагилову.

63 История Казахстана в арабских источниках. — Т. I: Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из арабских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном. — С. 210.

(в имени Ходжи Ахмеда, сына абу-Касыма), *ат-Токати*, *ас-Сиваси*; в этом же ряду — имя шейха из Отуз, что рядом с Солхатом, — *Яакуба Коневи* (729 г. х. / 1328 г.)[64]. Уместно также отметить имена двух строителей (архитекторов), принадлежащих к разным поколениям одной (?) семьи из *Арбел* (Ирбиля) в Северном Ираке. Первый — автор т. н. «Мечети Узбека» 1314 г. *Абдул-Азиз ибн Ибраим ал-Ирбили*, чьё имя содержится в посвятительной надписи портала[65]. Его появление в Крыму близко по времени к кровавой смуте в Арбеле, сопровождавшейся резнёй между тюрками-мусульманами и тюрками-христианами в 1310 г., о которой сообщает Бар Эбрай. Второй — Махмуд ибн *Осман ал-Ирбили* — известен по надписи на замковом камне из слоя разрушения небольшого мавзолея XV в., располагавшегося неподалёку от портала возобновлённой мечети Узбека, раскопанного нами в 1985 г.[66] Выходцами из Ирака, как свидетельствует Ибн Баттута, были основаны в Крыму и суфийские обители (*ханака*) — средоточия религиозного рвения и «школы» передачи *суфийского опыта*.

Мы не знаем, какой из четырёх школ *мизхаба* — *шафиитской*, *ханафитской*, *маликитской* или *ханбалитской* — принадлежали солхатские выходцы из Анатолии. Но благодаря Ибн Баттуте известно, что доминирующие позиции в общине Солхата занимали *ханафиты*. Тем не менее, источники сообщают и о *шафиитах*. Каирский арабист Амин аль-Холи приводит сведения о нахождении в Крыму в начале XIV в. представителя *арабского суфизма*, *шафиита* из ордена *рифа'ийа*[67]. О необыкновенных обрядах, которыми славился этот орден, мы знаем по Рихла Ибн Баттуты. Таким образом, «*малые миграции*», о чём свидетельствуют нарративные источники и имена анатолийских и, отчасти, североиракских беженцев, включая их крымскую ветвь, явились второй и, надо полагать, *основной* причиной укоренения сельджукской прививки в культуре исламской общины города.

Сельджукская традиция в материальной культуре Солхата. В жизни города сельджукская традиция нашла проявление практически во всех основных формах и видах строительной и ремесленной деятельности — от архитектуры общественных сооружений и архитектурной резьбы до производства по-

---

64 Акчокраклы О. Старокрымские и отузские надписи XIII–XIV вв. // Оттиск из «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии». — Т. I (58). — 1927. — С. 4, 11–12; № 70, 94, 190, 227.

65 Там же. — С. 14.

66 Крамаровский М. Г. Золотая Орда как цивилизация // Каталог выставки «Золотая Орда. История и культура». — Санкт-Петербург, 2015. — С. 116, 207. — Кат. № 211.

67 Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. / Сокр. пер. с араб. — Москва, 1962. — С. 18.

ливной керамики сграффито и малых форм ювелирной пластики, включая выделку ювелирных украшений и поясных наборов[68].

Центр *исламского Солхата* сложился в первой трети XIV — второй половине XV вв. Его ядром стал архитектурный комплекс, состоящий из медресе и возобновлённой на новом месте «мечети Узбека», которая сохранила портал, *михраб* и основные детали аркады первоначальной, датированной 1314 г. Мечеть была перенесена к северной стене медресе первой трети XIV в. скорее всего на исходе XV в. В 2014 г. «мечети Узбека» (а значит и всему архитектурному комплексу) исполнилось 700 лет[69].

Портал мечети сельджукского типа. Здесь объединены три стилистических признака: выступающая из плоскости фасада здания форма массивного прямоугольника, остроконечная ниша, заполненная сталактитами (*mugarnas*), над дверным проёмом, и максимальная загруженность резным декором в прямоугольном поле между дверью и нишей со сталактитами. В 1332–1333 гг. в Солхате на средства и при покровительстве Инджибек-хатун, матери монгольского правителя города, построено четырёхайванное медресе с величественным порталом[70]. Как отметил турецкий исследователь О. Асланапа, это медресе, помимо дидактической роли, выполняло ещё и функцию *муваккитхане* (службы определения времени для своевременного совершения молитвы)[71].

В основу его плана был положен прямоугольник со стороной ок. 28 м. Общая площадь медресе 837 кв. м. Оно располагало 14-ю *худжрами* для студенов и ещё несколькими помещениями, расположенными вокруг прямоугольни-

---

68 Представляется уместным подчеркнуть разницу в результатах усвоения сельджукского опыта городскими культурами Солхата и Сугдеи, где анатолийское начало едва ощутимо. Альтернативную точку зрения см.: Bulgakova V. Islamisch-christlicher Kulturkontakt im nördlichen Schwarzmeerraum. Sugdaia unter Herrschaft der Srldschuken // Mittelalter im Labor. Die Mediävistik testet Wege zu einer transkulturellen Europawissenschaft / Herausgegeben von Michael Borgolte, Juliane Schiel, Bern Schneidmuller, Annette Seitz. — Berlin, 2008. — S. 261–273.

69 Крамаровский М. Г. Комплекс мечети и медресе Солхата: актуальные проблемы изучения и сохранения // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посвященной 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым). — Симферополь, 2014. — С. 205–213.

70 Якобсон А. Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. — Москва; Ленинград, 1964. — С. 106–108; Зиливинская Э. Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. — Астрахань, 2011. — С. 51–53; Её же. Мечети Крыма и их место в культовой архитектуре Золотой Орды // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посвящённой 700-летию мечети хана Узбека (г. Старый Крым). — Симферополь, 2014. — С. 176–177; Крамаровский М. Г. Комплекс мечети и медресе Солхата... — С. 5–17; Его же. Золотая Орда как цивилизация. — С. 112–116.

71 Aslanapa O. Kirim ve Kuzey Azerbaycan"da Türk Eserleri. — Istanbul, 1979. — S. 5–11.

ка двора. План медресе[72] повторяет с некоторым развитием пространственную структуру медресе Бурусийе в Сивасе (1271 г.) (Центральная Анатолия)[73]. Солхатское медресе одно из немногих, наряду с Cifte Minareli и Gök Madrasa в Анатолии, чьи порталы выполнены в сельджукском стиле. К этой же традиции восходит и трёхплановый архитектурный декор *мечети* и *медресе*, включая и структуру двухъярусных капителей[74].

Сельджукская керамика Солхата представлена серией фрагментов поливных сосудов с подглазурным рисунком в технике сграффито. Наиболее интересной находкой явилась чаша, обнаруженная при исследовании нижних кладок т. н. «мечети Бейбарса» в слое заполнения землянки, перекрытой полом мечети (с джучидскими медными монетами XIV в. — 117 ед.)[75]. Наиболее поздние монеты относятся ко времени Токтамыша (1376–1399). Землянка, едва ли существовавшая уже при Токте (1290–1312), приходит в окончательное запустение в годы правления Узбека (1312–1341). Учитывая период бытования, чаша, по данным стратиграфии, может быть датирована концом XIII — первой половиной XIV вв. Все персонажи сцены в гранатовом саду подчёркнуто молоды, удалы, равны в месте на пиру. Естественно предположить в участниках застолья молодых мужчин, называвших себя на Ближнем Востоке *фитйан* (ед. ч. *фата* — «молодой человек», «юноша»). Клубы *фитйан* с IX в. получили название *футувва* — «молодость», «рыцарство»[76]. В Малую Азию идеи и обрядность *футувва* проникли при ʻИзз-ад-Дине Кей Кавусе I

---

72 Крамаровский М. Г. О благотворительности в Золотой Орде: семья Кутлуг-Тимура архитектурные доминанты Солхата // Сообщения Государственного Эрмитажа. [Вып.] LXX. СПб., 2013. — С. 35–45.

73 Kuran A. L'architecture seldjoukide en Anatolie // L'Art en Turquie. Sous la direction d'Ekrem Akurgal. — Fribourg, 1981. — P. 96. — Fig. 34.

74 Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы: Золотая Орда, Византия, Италия. СПб., 2012. — Рис. 50–51, 52, 54–56.

75 Там же. — С. 164–198. — Рис. 43–46. — Илл. 104–105.

76 Грюнебаум Г. Е. фон. Классический ислам: Очерк истории (600–1258) / Пер. с англ. И. М. Дижура, предисл. В. В. Наумкина. — Москва, 1986. — С. 99. См. также: Cahen Cl. Futuwwa // Enciclopédie de l'Islam, njuvelle édition, établic avec le concours des principaux orientalistes par B. Lewis, Ch. Pellio et J. Schacht sur la patronage de l'union académique internationale. — T. II. — Leiden; Paris, 1965. — P. 961–965. *Фитйан* придерживались определённого кодекса чести, чтили целомудрие (в братство принимались холостые мужчины). Первоначально объединения *фитйан* возникли в городах Ирака и Хоросана. На рубеже XI–XII вв. халиф ан-Насир (1180–1225 гг.) разрешил использовать движение *футувва* для расширения влияния халифата в странах ислама за пределами Ирака. В 1182–1183 гг. старейшина багдадской *футувва* облачил ан-Насира в *«одеяния футувва»*. В 1208 г. был опубликован декрет о признании халифа главой движения, положивший основание «придворной футувва», роль которой по-разному оценивается в литературе. «Но монгольская катастрофа, — как писал Г. фон Грюнебаум, — смела придворную футувва до того, как та сумела прочно утвердиться, и оставила только “бюргерскую” футувва, которая подвергалась меньшему политическому риску и не была связана с какой-либо определённой сис-

(1210–1219), приходившемся халифу ан-Насиру тестем[77]. Важнее, впрочем, то, что её народная линия была здесь подхвачена *ахи*, пришедшими в Малую Азию в VII в. из Месопотамии. Ибн-Баттута, посетивший Малую Азию и Крым в 1332–1333 гг., так отозвался о братьях — молодых людях: «*Ахи* живут по всей территории страны, населённой туркоманами, в каждой провинции Малой Азии, в каждом городе и каждом селении. Во всём мире нет таких людей, как они, полных такой заботы о чужеземцах, людей, так стремящихся к гостеприимству, обузданию тиранов, убийству пособников тиранов и злодеев, которые с ними заодно [...] Это сообщество называется также *футувва*»[78]. Марокканец был поражён контрастом дневной и ночной жизни этих людей. Ночные застолья здесь сопровождались пением и танцами. Братства *ахи*, перешагнув границы Малой Азии, известны в Крыму и Приазовье[79]. В 1333 г. Ибн-Баттута встретил в Азаке представителя местного объединения *фитйан ахи Бычакчи* («*он относится к высокопоставленным лицам и угощает путешественников*»)[80]. В Азак Ибн-Баттута прибыл из Солхата, где, судя по эпитафии надгробия 1375 г., жил и умер *алемдар* (знаменосец) *ахи*[81].

В мелкой пластике связь с сельджукской традицией наиболее явно отразилась в типе и декоре двух типов перстней. *Первую* — серебро с чернью — объединяет стременевидная форма с плоским ромбовидным щитком, украшенным по углам имитацией *прикрепов каста без вставки*. По типу близок к сельджукским перстням так называемого «смешанного стиля» («Collage Style» по классификации М. Венцель)[82]. *Вторая* представлена перстнем без прикрепов из золотистой бронзы. По типу он может быть отнесён к перстням «эполетного стиля» («Epaulette Style» по М. Венцель) из Анатолии, датируемым XIV–XV вв.[83] Другую группу находок составляют концевые пластины серебряных поясных наборов из Белореченского могильника (курган № 47), полная гарнитура поясного набора из кургана № 8 того же мо-

---

темой правления. Она продолжала существовать в различных локальных формах в различные периоды, причём особенно стойкой оказалась на тюркской территории».

77 Гордлевский В. А. Государство сельджукидов Малой Азии // Его же. Избранные сочинения. — Т. 1. — Москва, 1960. — С. 163.

78 Ibn Batoutah. Voyages d'Ibn Batoutah: Texte arabe accompagnè d'une traduction par C. Defrèmery et le Baron R. Sanguinetti. — I–II. — Paris, 1857–1858. — P. 360.

79 Главным образом по упоминаниям в надписях надмогильных камней Старого Крыма (см.: Акчокраклы О. Старокрымские и отузские надписи XIII–XIV вв. — 9. — № 25; 10. — № 41).

80 Ibn Batoutah. Voyages d'Ibn Batoutah: Texte arabe accompagnè d'une traduction par C. Defrèmery et le Baron R. Sanguinetti. — P. 368.

81 Надгробие хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № Сол.11). Издание см.: Акчокраклы О. Старокрымские и отузские надписи XIII–XIV вв. — № 25. — С. 9.

82 Wenzel M. Ornament and Amulet: Rings of the Islamic Lands // The Nasser D. Khalili collection of Islamic Art. — Vol. XVI / Ed. J. Raby. — London, 1993. — P. 60–61.

83 Ibid. — P. 89–91. — Cat. 298, 300.

гильника и серебряный поясной набор из захоронения в центральном нефе Мангупской базилики. К ней примыкают золотой поясной наконечник из Болгар и парадный золотой стрелковый пояс из состава Симферопольского клада[84]. Пояс из клада украшен вставками из крымского сердолика и входил, по-видимому, в сокровищницу правителя Солхата *Кутлуг Буга* — младшего брата *беглербека Могул Буги*, погибшего осенью 1361 г. С 1351 по 1357 гг. *Кутлуг Буга — беглербек* в правительстве *Джанибека*, сменивший на этом посту своего брата. Отстранён от правительственных дел в 1357 г. В конце 1358 — нач. 1359 гг. *Кутлуг Буга*, по-видимому не без участия *Мамая*, его родственника по материнской линии, занимает место крымского *улусбека*. Верхняя дата клада определяется *пайцзой* хана Кельдибека (1361 г.)[85]. Я не исключаю, что поясной набор (как и ряд других украшений из Симферопольского клада) изготовлен в Солхате по заказу *улусбека* в конце 1350-х гг. Если эти предположения верны, поясной набор Симферопольского клада — самый ранний из памятников вышеназванного круга.

Обратимся теперь к одной важной для нашей темы технической детали — плоскому литому язычку концевых накладок[86]. Эта деталь отливалась в жёсткую форму и орнаментирована двумя головками змееподобных рептилий в геральдической композиции. Наиболее близкую аналогию можно видеть в рисунке серебряной поясной накладки из Белореченского кургана № 30. Сопоставления с типом змеевидных драконов каменных рельефов северо-западного Ирака, северной Сирии и Анатолии, включая Конию, не оставляет сомнения в сохранении традиционной сельджукской стилистики Джазиры и Рума в материалах мелкой пластики Крыма и Северного Кавказа около середины — второй половины XIV в.

В заключение коснусь ещё одного сюжета, прямо, как будто, не связанного с сельджукской традицией Анатолии. В мелкой пластике украшений из Белореческого могильника нередок механически повторяющийся сюжет героя, разрывающего пасть льва. Наиболее полное изображение с этим мотивом можно видеть на лицевой стороне большой обоймицы из состава поясного набора, найденного в кургане № 8[87]. Образ героя-победителя — Давида (Самсона?, Мгера?, Дигениса Акрита?), борющегося со львом, приходит в Малую Азию не из романского искусства, как я полагал раньше, но из европейской поздней готики. В этой связи отмечу наблюдение Дж. Раби, сопоставившего библейский сюжет о Самсоне с загадочным рисунком *Мухама-*

---

[84] Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. — Санкт-Петербург, 2001. — С. 114–120. — Кат. № 527–564.

[85] Там же. — С. 115–116.

[86] Там же. — Кат. № 108. — С. 112–115, 142, 527.

[87] Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы, рис. 32.

да Сиях Калама (конец XIV–XV вв.). Здесь босой, подобно дервишу, *герой* в «плаще решимости» (?) со струящимися готическими складками разрывает пасть льва, *сидя на спине* зверя[88]. Сцена происходит на глазах дервишей в островерхих шапках-*кулахах*. Мне уже приходилось писать, что сюжет с сидящим на льве героем не находит прямых иконографических соответствий в европейской традиции. Нет ли в рисунке Сиях Калама аллюзии на известные в среде факиров-последователей *Ибн ар-Рифа'и* (1106–1182) подвиги, о которых шла молва, что у себя на болотах Батаиха в Южном Ираке (между Басрой и Васитом) они — *дервиши-рифаи — ездят* верхом на львах и совершают другие подвиги? Вот как писал в 1327 г. о рифаитах Ибн Баттута, посетивший могилу святого *Абу-л-'Аббаса ар-Рифа'и* и обитель, в которой живут «тысячи наших бедных братьев [...]. После окончания полуденной молитвы забили барабаны и литавры, и нищие братья пустились в пляс (речь идёт о ритуальном танце *ракс*, исполнявшемся во время радений — *М. К.*). После того, как они прочитали предзакатную молитву, принесли еду, состоящую из рисовой лепёшки, молока и фиников. Когда всё это было съедено и произнесена послезакатная молитва, они принялись читать свой *зикр* (ритмичное, повторное поминание имени бога для достижения состояния духовной сосредоточенности) [...] Затем они перешли к чтению под музыку. Они приготовили заранее вязáнки дров, которые бросали в костёр, и сами, танцуя, входили в него. Некоторые из них катались в пламени, в то время как другие глотали огонь, пока они, наконец, не погасили его полностью. Это их обычный обряд и отличительная черта корпорации братьев Ахмади. Некоторым из них ничего не стоит взять огромную змею и начисто откусить ей голову»[89]. Тот же Ибн Баттута, описывая другую рифаитскую традицию, восходящую к Кутбаддину Хайдару, отмечает, что последний «ввёл обычай носить железные кольца на руках, на шее и в ушах, и даже на мужском половом члене, так что половой акт становится невозможным». Этот обряд должен был демонстрировать победу духа над плотью и временное растворение плоти в абсолютной истине[90]. Из Хорасана обряды *хайдарийа* распространились на Сирию и Малую Азию, где ближе к концу XIV–XV вв., вероятно, получили отражение в рисунках Сиях Калама, но при изображении демонов, как можно предположить, ставших на путь исправления (?)[91].

---

88 Raby J. Samson and Siah Qalam // Between China and Iran: Paintings from Four Istanbul Albums / Ed. by Ernst J. Grube and Eleanor Sims. A Collogue held 23–26 June 1980 // Colloquies & Archaeology in Asia. — № 10. — University of London, 1980. — P. 160–163. — Fig. 477–478.

89 Цит. по: Тримингэм Дж. С. Суфийские ордена в исламе. — С. 42.

90 Там же. — С. 42–43.

91 Ipşiroglu Mazhar S. Wind der Steppe: Die schönsten Blätter des Meisters Siyah Qalem. — Graz, 1984. — Taf. 17–24, 26; 82, pl. 125, 127–130, 133.

Не исключено, что традиция *хайдаритов* в их экспериментах с человеческой плотью в борьбе за духовность нашла отражение в необыкновенно массивном бронзовом браслете из наших раскопок в Солхате 1978 г.[92] Браслет несомкнутый, на узких боковых сторонах выбиты знаки, характерные для гадательных чаш; на его широких концах изображения заячьих голов. В мифологии части сельджуков Малой Азии (огузских племён чепни) заяц — «мерило истинной веры»: кто ест зайца, тот поганый (нечистый). Вероятно, что изображение заячьих или кроличьих голов на браслете частью ортодоксально настроенного исламского населения воспринималось как символ похоти. В сочетании с необыкновенной массивностью, сюжет декора даёт основание для предположения о заказчике из *хайдаритов*, склонном к подавлению плоти в борьбе за истинную духовность.

Наконец, важно подчеркнуть, что причины и механизм переноса сельджукской ремесленной и художественной традиций из Северо-Западного Ирака и исламских областей Малой Азии в Крым в эпоху расцвета Золотой Орды не были изолированным явлением. На это указывают памятники резьбы по камню из внутреннего Дагестана. С этим вектором связана группа рельефов XIV в. из сланца, созданная в Кубачи[93]. Более того, саму возможность основания поселения А. А. Иванов рассматривает с точки зрения деятельности мигрантов из Джазиры и Рума. Вместе с тем, появление мастеров-каменотёсов, создавших знаменитые рельефы, по времени соотносится с утверждением в Кубачи ислама на рубеже XIII–XIV вв. Учитывая значение в социальной организации общины и её ремесленной жизни суфизма, отмечу наблюдение А. А. Иванова о деятельности в Дагестане *шейха Хасана* (убит в 1305 г.). Последний принадлежал к мистическому братству *сухравардийа*[94]. Исламоведы считают, что основателем *сухравардийа* как способа следования по мистическому «пути» был *Шихабаддин Абу Хафс 'Омар* (1145–1234), прошедший первоначальное обучение в *рибате* (суфийской обители) своего дяди *Абу-и Наджиба ас-Сухраварди* (1097–1168), чьим наставником на суфийском пути был шейх *Ахмад ал-Газали*. О своей приверженности к сухравардийа не преминул сообщить и наш основной источник по характеристике исламской общины Солхата времени Узбека — Ибн Баттута. Он дважды примеривался к *хырка* (рубищу) дервиша сухравардийа, что должно было символизировать верность канонам этого ордена (в первый раз в Исфаха-

---

92 Эрмитаж, инв. № Сол. 17.

93 Иванов А. А. Дракон в искусстве Кубачи // Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина (21.01.1932 — 10.09.1984): К 80-летию со дня рождения: 2007–2012. — Санкт-Петербург, 2014. — С. 84–94.

94 Об этом способе следования по мистическому пути см.: Тримингэм Дж. С. Суфийские ордена в исламе. — С. 39–43.

не в 1327 г.), но так и не стал им. Представляя избирательность Ибн Баттуты, можно судить о высоком уровне популярности ордена *сухравардийа* не только на Ближнем Востоке и Малой Азии, но и Крыму.

Итак, наши материалы из Юго-Восточного Крыма, но также из Дагестана (аул Кубачи), датируемые, по-преимуществу, XIV и началом XV вв., свидетельствуют о сохранении сельджукской художественной традиции в районах Северного Причерноморья и Большого Кавказа у западных берегов Прикаспия в период распада и исчезновения государства Сельджукидов. Перенос традиций осуществлён исламской диаспорой из Анатолии. Отметим также, что привлекательность западных областей Золотой Орды, ставших на три четверти века районом стабильности, состояла не только в успешном развитии рынка и существовании богатых заказчиков, нуждавшихся в ремесленниках, способных соответствовать запросам новых городских или сельских элит, но и специфике *укоренения* религиозного опыта суфизма. В формировании этого религиозно-философского мировоззрении, впустившего в рамки ислама местные культы и народные верования, особая роль принадлежала странствующим *дервишам* (*каландарам*). Именно они служили посредниками между *шейхами суфийских рибатов* (обителей), предлагавших конкретные практики следования по мистическому «пути» отдельных орденов, и массовым населением исламской общины города. *Каландары,* однако, хотя и пользовались обителями, но, тем не менее, организационно не входили в структуру *рибатов*, как приверженцы принятых на местах способов следования по мистическому «пути». В нашем случае — в Солхате, как я пытался показать, заметна роль *традиций* таких сообществ, как *кубравийа*, *сухравардийа* и, возможно, *рифаийа.*

И, наконец, рассмотрим вопрос о *диалоге культур.* Речь идёт об одном из самых деликатных вопросов исторической жизни города. Для анализа мы располагаем уникальным в своей убедительности артефактом: кенотафом XIV в. работы местного каменотёса, предназначавшимся, вероятно, для несторианина-сирийца. На его торцах изображения креста — *символа Спасителя*, и лампы — одного из наиболее почитаемых мотивов в искусстве ислама и символа Аллаха. И крест, и лампа обрамлены венками, придающими композициям устоявшийся геральдический характер. Арабская надпись гласит: «*Кто скромен с людьми, того Аллах возвысит! Кто оставляет после себя в наследие знание, не умирает!*». Надпись и декор кенотафа — свидетельство признания городской улицей жизни безымянного интеллигента, чья скромность и образованность вызвали бесспорное уважение.

Имперсональность героя кенотафа не означает отсутствие реальных имён (в дошедшх до нас документах их десятки в каждой из городских общин). Ограничусь тремя: в христианской — это имя переписчика и художника богослужебных текстов, выходца из Высокой Армении Натера (в Солхате

с 1333 г.); в исламской — малоазийского шейха *Абу Бакра Руми*, автора трактата «*Каландар-наме*», созданного в Солхате; в раббанитской общине — уроженца Солхата экзегета-рационалиста *Авраама Кирими* (*Авраама Крымского*), чей комментарий к Торе — «Язык истины» (1358 г.) — является самым ранним из известных оригинальных произведений евреев Крыма периода развитого средневековья.

Итак, повседневная жизнь горожан (в период расцвета города в первой половине XIV в. их число достигало, вероятно, 8–9 тыс. чел.) определялась несколькими объединяющими факторами. Главных из них три: власть представителя золотоордынского хана — *баскака* (тюрк.); общий для всех горожан рынок, развитие которого подхлестнуло введение с начала 1260-х гг. общегосударственного монетного чекана; единая для всех трёх общин хозяйственная деятельность, например, создание и поддержание системы водопользования[95]. В отношениях с властью приоритеты, начиная с первой трети XIV в., оставались за исламской общиной.

---

95 Средневековая система водопользования к настоящему времени полностью утрачена. Результаты изучения традиционной системы водного хозяйства средневекового Солхата см.: Крамаровский М. Г., Теплякова А. Н. Отчёт Золотоордынской (Старокрымской) археологической экспедиции о работах на городище средневекового Солхата (г. Старый Крым) в 2014 г. // Архив Института археологии РАН — Санкт-Петербург, 2015. — Т. I. — С. 25–37; Т. II. — С. 179–197.

А. Е. Леонтьев, Т. А. Пушкина

Ростовские находки скандинавских вещей

Археологические данные показывают, что Ростов с начала своего возникновения имел широкие внешние связи. Поэтому неудивительно, что в ранних слоях культурного слоя среди находок разного рода импортных вещей встречаются предметы североевропейского происхождения. Они найдены в раскопах у церкви Григория Богослова в Митрополичьем саду (1995–1996) и на территории Конюшенного двора (2005, 2013).

Наиболее раннее изделие — навершие железного пинцета биконической формы с гранчатым основанием (рис. 1, *1*) — найдено в раскопе у церкви Григория Богослова, пласт 13. Происходит оно из горизонта мерянского поселения, предшествовавшего древнерусскому городу. С учётом имеющихся радиокарбоновых дат этот культурный слой может быть датирован IX в.[1] Наряду с навершием из явно привозных вещей найдены раковина-каури, плетёная бронзовая цепочка-змейка, стеклянные и сердоликовые бусы[2].

Ещё одно бронзовое навершие железного пинцета в форме трёх последовательных сферических головок (рис. 1, *2*) происходит из того же раскопа, пласт 11, и связано с горизонтом начальной городской застройки конца X в. Датировка определяется дендродатами постройки: 990–995 гг.[3] Слой характеризуется находками предметов разного происхождения. Среди них есть бóлгарская керамика, стеклянные и каменные бусы, бисер, фрагменты больших и малых односторонних роговых гребней, самшитовый двухсторонний гребень, ладейная заклёпка и т. п.[4]

---

[1] Леонтьев А. Е. «Мерянское начало» Ростова // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. — Т. II / Ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. — Санкт-Петербург; Москва; Великий Новгород. — С. 64–65.

[2] Леонтьев А. Е. На берегах озёр Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама / Ред. Н. А. Макаров. — Москва, 2012. — С. 172–173. — Рис. 12.

[3] Самойлович Н. Г. Стратиграфия и хронология Григорьевского раскопа в Митрополичьем саду Ростовского кремля // Практика и теория археологических исследований / Ред. А. С. Смирнов. — Москва, 2001. — С. 231, 236. — Табл. 1.

[4] Леонтьев А. Е. Ростов эпохи Ярослава Мудрого // Историческая археология. Традиции и перспективы. — Москва, 1998. — С. 136–146.

Оба навершия отлиты из медного сплава, у обоих утрачены венчавшие их пластинчатые петли и сохранилась только верхняя часть пары пластин стальных губ, зажатых головкой. Длина сохранившихся наверший ок. 2 см, размер сохранившихся стальных пластин 2,4 × 0,4 и 1,8 × 0,35 см. Пинцеты с объёмными навершиями нехарактерны для древностей Восточной Европы и их находки здесь достаточно редки. Фигурные навершия пинцетов, близкие по оформлению к одной из ростовских находок (рис. 1, *1*), известны на Рюриковом Городище[5] и в Гнёздове[6].

В Северной Европе такие предметы встречаются в погребениях IX–X вв. Обычно их рассматривают в качестве туалетных пинцетов, отдельные находки которых известны здесь и в более раннее время[7]. Неполная сохранность находок несколько затрудняет их точное определение, однако двух- и трёхчастный характер оформления головки (четырнадцатигранная и биконическая бусины в первом случае и три сферических вертикальных пояска — во втором) позволяют отнести их к группе C, выделенной Ю. Валлер по материалам могильника шведской Бирки[8]. Для головок пинцетов этой группы характерны рельефные зоны, образованные многогранниками, шаровыми поясками или их сочетаниями. Несохранившееся в нашем случае пластинчатое ушко могло иметь округлую или многоугольную форму[9]. Большинство пинцетов Бирки по оформлению головки относится именно к этой группе. Как отмечал автор, находки в целом можно датировать IX–X вв.[10] Наиболее убедительная аналогия нашему первому пинцету происходит их погребения 639 в Бирке[11].

Из постройки 990–995 гг. также происходит фрагмент железной двойной костыльковой (коленчатой) цепочки (рис. 1, *7*). Три сохранившихся отдельных звена закреплены на проволочном кольце с завязанными концами (кольцо сломано). Отметим, что концы кольца завязаны характерным для скандинавов способом, который наблюдается на многих проволочных брас-

---

5 Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) Городище. — Ленинград, 1990. — Рис. 48, *1*, с. 126.

6 Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. — Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска // МАР. — № 28. — Санкт-Петербург, 1902. — Табл. VII, 7; Авдусин Д. А. Отчёт о раскопках гнёздовских курганов в 1949 году // МИСО. — Вып. 1. — Смоленск, 1952. — Рис. 4, с. 338. В публикации Д. А. Авдусина в тексте и подрисуночной подписи находка неверно названа верхней частью «коромысла весов».

7 Petersen J. Vikingatidens redskapper. — Stavanger, 1951. — S. 502–503.

8 Ю. Валер отмечает, что из-за сохранности находок не всегда удалось определить назначение предмета: булавка, шило или пинцет. Поэтому автором предложена общая типологическая схема наверший для всех групп названных предметов (см.: Waller. J. Nadeln/Pfrieme und Pinzetten // Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. — Stockholm, 1984. — S. 183).

9 Ibid. — S. 186. Abb. 20: *13–23, 25*.

10 Ibid. — S. 190.

11 Ibid. — Abb. 20:*16*; Arbman H. Birka. Die Gräber. I. Tafeln. — Stockholm, 1940. — Taf. 173:*8*.

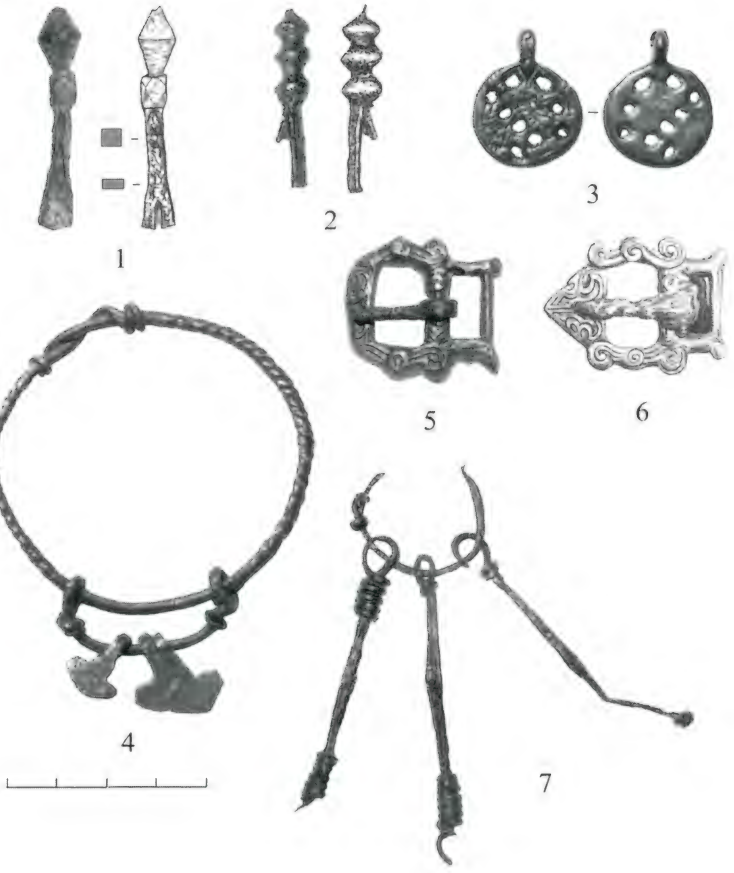


Рис. 1. Ростовские находки скандинавских вещей: 1, 2 — фигурные навершия пинцетов; 3 — ажурная подвеска; 4 — вотивное кольцо; 5, 6 — пряжки ременные; 7 — цепочка костыльковая

летах или небольших кольцах разного назначения: внахлёст с последующей обмоткой вокруг стержня. Длина кованых стержней 5–6 см, верхний и нижний края загнуты и их концы намотаны на стержень, образуя округлые петли. Среди собственно славянских или финно-угорских древностей таких цепочек нет. На территории Руси фрагменты костыльковых цепочек известны в коллекциях Владимирских курганов[12] и Гнёздова[13], где они встречены не только в курганах с кремацией, но и на разных участках поселения.

---

[12] Спицын А. А. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сернеева // ИАК. — Вып. 15. — Санкт-Петербург, 1905. — С. 66. — Рис. 130.

[13] Спицын А. А. Владимирские курганы // Там же. — С. 108. — Рис. 29.

По имеющимся данным, такого рода изделия были в ходу в Северной Европе во второй половине X в. Звенья длиной 5–6 см могли образовывать довольно длинную цепочку, на которой крепились футляры роговых гребней, ножны больших ножей и др. Цепочки, состоящие из звеньев такой же конструкции, но длиной 10 см и больше, использовались для более крупных предметов[14].

Отдельные находки подобных ростовской цепочке звеньев известны в могильнике Ире на Готланде, правда, здесь они немного крупнее[15]. Несколько аналогичных находок происходят из женских погребений на о. Эланд[16]. Среди многочисленных и разнообразных по конструкции цепочек Бирки железные костыльковые образуют третью по численности группу находок — это тип 7[17]. Надо отметить, что железные костыльковые цепочки нельзя отнести к украшениям, хотя они и входили в состав костюма, выполняя чисто утилитарную функцию.

Одной из наиболее интересных находок, относящихся к скандинавскому кругу древностей, является железное тордированное кольцо с привесками-«молоточками Тора» (рис. 1, *4*). Оно найдено в раскопе Конюшенного двора, в нижней части заполнения «глинища» — крупной искусственной материковой выемки. Отложения датируются концом X — первой половиной XI вв. К тому же горизонту относятся находки денария конца X в. (Оттон и Адельгейда, 983–991 гг.[18]) и бочонковидной железной гирьки с медной обтяжкой.

Кольцо диаметром 6,5 см сделано из перекрученной в двух местах кованой проволоки квадратного сечения толщиной 0,3 см. Концы соединены внахлёст и затем обмотаны вокруг стержня. На кольцо надета подвижная скоба подпрямоугольной формы, сделанная из такого же дрота. На скобе помещены три плоских подвески-молоточка, слегка суженные к концам, рукояти которых просто загнуты вокруг прута скобы — подвески легко перемещались по нему. Длина рукояти молоточков до места сгиба 0,8–1,2 см, ширина головок пятиугольной формы 1,1–1,4 см.

Подобные предметы, найденные на некоторых древнерусских памятниках, иногда называют «гривнами Тора», что не совсем верно. Так, например, интерпретировано кольцо, происходящее из кургана 138 Шестовицкого могильника — его диаметр ок. 6 см, кольцо перекручено в трёх местах

---

14 Petersen J. Vikingatidens redskapper. — S. 411–413, 503–504. — Fig. 220, 278.

15 Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands. — Stockholm, 1998. — II. Typentafeln, 1998. II. Taf. 289, *8*; III:1. Text. S. 240–241.

16 Ölands järnålders-gravfält. I. 1987. Fig. II:*25*. S. 58–59, 110.

17 Arwidsson G. Ketten // Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde. — Stockholm, 1989. — Tabl. 14, *1*; Arbman H. Birka. Die Gräber. I. Tafeln. Taf. 113:*17*.

18 Здесь и далее определения П. Г. Гайдукова.

и на нём закреплена железная подвеска-молоточек[19]. Миниатюрной гривной (или амулетом) названо перекрученное в двух местах железное кольцо диаметром 5,5 см, несущее на себе подвеску-молоточек, которое было найдено в заполнении углублённой постройки второй половины IX в. на Рюриковом Городище под Новгородом[20]. Второе кольцо диаметром ок. 6 см (без подвески), найденное в слоях Рюрикова Городища первой половины X в., фигурирует в публикации как «браслет»[21]. Диаметр колец 5,5–6,5 см не позволяет отнести их к гривнам, поскольку он очень мал — наименьшие из известных в Бирке железных гривен имели диаметр не менее 10,5 см[22]. Отличается и оформление концов дротовых колец и гривен — у первых они завязаны, а у вторых представляют собой две спирали, крючок и петлю или два крючка, т. е. гривну можно было расстегнуть[23]. Концы же колец завязаны так же, как и концы бронзовых или серебряных дротовых браслетов. С другой стороны, скоба с закреплённой на ней подвеской или подвесками делала браслет неудобным. Вероятно, подобные тордированные кольца можно отнести к кругу вотивных предметов или своеобразных амулетов. Молоточки, подвешенные к ростовскому кольцу, ничем не отличаются от подвесок, найденных вместе с гривнами или не связанных с ними, и вполне соответствуют выделенному К. Стрёмом типу молоточков с пятиугольной головкой — типу С (правда, они чаще оказываются серебряными, а не железными). Как и железные гривны, подвески-молоточки и вотивные кольца в основном датируются X в.[24]

Бронзовая литая подвеска (рис. 1,*3*) была найдена в основании культурного слоя, перекрывшего территорию бывшего «глинища» в конце XI — начале XII вв. (пласт 19). Характер отложений позволяет предполагать, что поверхность бывшего глинища выравнивалась за счёт перемещённого грунта, отчего в заполнение пласта попали различные по времени и происхождению предметы. Среди них оказались халцедоновая сасанидская печать, использовавшаяся, вероятно, как игральная шашка[25], фальшивый медный дена-

---

19 Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. — К., 1977. — С. 108. — Рис. XXXV, 6; Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси: Каталог. — Париж, 2012. — С. 174. — Рис. 211.

20 Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) Городище. — С. 158. — Рис. 46, *4*.

21 Там же. — С. 74. — Рис. 30, *1*.

22 Ström K. Thorshammerringe und andere Gegenstände des heidnischen Kults // Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. — Stockholm, 1984. — S. 127.

23 Ibid. — S. 128. Abb. 15:*1*.

24 Ibid. — S. 135 (табл. без назв.).

25 Леонтьев А. Е. Археологические данные к истории Ростова в X–XI вв. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. — Т. III / Ред. А. Г. Ситдиков. — Казань, 2014. — С. 287. — Рис. 2,1.

рий, копирующий монету середины XI в. (Лотарингия, Дуйсбург, Генрих III, не ранее 1046–1047), трёхбусинное височное кольцо или серьга, нательный крестик с круглым сечением лопастей.

Ажурная подвеска отлита из медного сплава, вероятно, в закрытой форме (?). Диаметр подвески 2,2 см, высота ушка 0,7 см. В неровный ободок тулова подвески вписано изображение туловища расположенного в профиль зооморфного существа, голова которого развёрнута анфас и помещена на ушко. Характер изображения в самых общих чертах совпадает с декором скандинавских подвесок, украшенных зооморфными фигурами в стиле Борре/Еллинге, датированных X — началом XI вв. Среди них Я. Петерсен выделил в отдельный тип украшения с маской, расположенной анфас в основании ушка или на самом ушке — тип 159[26]. Однако наша подвеска заметно отличается от «классических» скандинавских образцов деталями и качеством изображения. Маска уменьшена, приобрела слегка вытянутую по вертикали форму и сильно стилизована за счёт удаления таких деталей, как выпуклые круглые глаза и петлеобразные уши. Кроме того, поперечные рельефные полосы, украшающие у скандинавских подвесок фигуру переплетённого зверя, превращены в двойной ряд мелких бугорков, которые рассыпаны и внутри контура плохо различимых конечностей. Ободок, обычно имеющий вид круга из ровной двойной ленты, здесь состоит из неровных отрезков иногда двойной, а иногда — одинарной ленты.

Формально ростовская подвеска относится к числу подвесок «гнёздовского типа»[27]. Относительно недавно ок. 130 известных подвесок этого облика были детально рассмотрены в статье А. С. Дементьевой[28]. Как оказалось, эта группа украшений чрезвычайно разнообразна и вариативна. По своим параметрам и деталям оформления ростовская подвеска вписывается в круг подвесок, выделенных в тип AIV, объединивший как вещи скандинавского происхождения (тип 159 ЯП) второй половины X — начала XI вв., так и их более поздние древнерусские дериваты. Подвески типа AIV оказываются наиболее многочисленными среди украшенных скандинавским зооморфным орнаментом (27 экземпляров из 129). Наша подвеска может быть отнесена к варианту 4 этого типа, для которого характерна определённая деградация орнамента и упрощенная технологии изготовления. Древнерусские подвески этого варианта датируются XI — первой поло-

---

26 Petersen J. Vikingatidens smykker. — Stavanger, 1928. — Fig. 159. — S. 140.

27 Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Труды ГИМ. — Вып. 43. — Москва, 1967. — С. 106. — Рис. 18, *1*.

28 Дементьева А. С. «Подвески гнёздовского типа» на территории Древней Руси X–XII вв. // Гнёздово: Результаты комплексных исследований памятника. — Москва, 2007. — С. 211–271.

виной XII вв.[29] Ближайшими аналогиями ростовской находке оказываются подвески из Березовецкого и Нефедьевского могильников, поселения Усть-Шексна и Шекшово[30].

Две серебряные подвески входили в состав ожерелья женского захоронения кургана 124 Березовецкого могильника второй половины X — начала XII вв., расположенного на берегу оз. Селигер. Погребение, по мнению автора раскопок, принадлежит представительнице верхушки местного общества, а самые богатые погребения могильника в основном относятся к XI в.[31] Ещё одна серебряная подвеска происходит с территории древнерусского поселения на месте современного г. Рыбинска (Ярославская обл.) — Усть-Шексна, где она была найдена в залегавшем на материке культурном слое конца XI — середины XIII вв. Однако А. С. Дементьева считает возможным отнести находку ко времени «не позже первой половины XII в.»[32].

Аналогичная подвеска, выполненная, как и ростовская, из медного сплава, происходит с северной окраины Руси, из грунтового Нефедьевского могильника, расположенного на р. Порозовица, на средневековом пути от р. Шексны к Кубенскому озеру. Она найдена в детском погребении 59 (трупоположение), которое по комплексу находок датировано автором раскопок первой половиной XII в.[33] Такая же подвеска отмечена в каталоге как происходящая с селища Шекшово — одного из крупнейших древнерусских поселений Суздальского Ополья в 100 км южнее Ростова[34]. Однако информация о предмете, находящемся в частной коллекции, может быть недостоверна.

В предматериковом горизонте погребенной почвы раскопа в Конюшенном дворе была обнаружена поясная пряжка с характерным орнаментом (рис. 1, *5*). Автор раскопок датировала её в рамках второй половины XI в.[35], хотя обстоятельства находки позволяют допустить более раннее попадание в землю этого предмета.

Пряжка отлита из медного сплава, короткий язычок железный. Размеры 2,9 × 3 см. Рамка украшена довольно чётким изображением ленточного пле-

---

29 Там же. — С. 231. — Табл. 3; Рис. 7, *3*.

30 Там же. — Каталог, № 62–66.

31 Успенская А. В. Березовецкий могильник X–XII вв. // Средневековые древности Восточной Европы // Труды ГИМ. — Вып. 82. — Москва, 1993. — С. 89, 121–122, 134. Рис. 10.

32 Дементьева А. С. «Подвески гнёздовского типа» на территории Древней Руси X–XII вв. — С. 256.

33 Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. — Москва, 1997. — С. 117, 128. Рис. 145, 14; 152, 3.

34 Совр. Гаврилов-Ямский р-н Ивановской обл. В публикации А. С. Дементьевой ошибочно указана Курская обл.

35 Самойлович Н. Г. Конюшенный раскоп в Ростове Великом: Результаты охранных археологических исследований 2001–2005 гг. // Материалы охранных археологических исследований. — Т. 9 / Ред. А. В. Энговатова. — Москва, 2007. — С. 8, 10. Рис. 11, *22*.

тения с включением крыловидных или петлеобразных фигур, образованных двойными лентами, и спиральных завитков в их основании, что вызывает прямые ассоциации с характерными элементами скандинавской орнаментики (стиль Борре). Они хорошо известны, в частности, по овальным двухскорлупным фибулам и ременным пряжкам X в.[36]

Точные аналогии в материалах Скандинавии нам неизвестны. Однако в коллекции Владимирских курганов из раскопок А. С. Уварова имеется пряжка подобной формы и с похожим декором. Владимирская находка немного крупнее, её размеры 3,5 × 2,7 см. Самое главное отличие — выраженный подтреугольный выступ в передней части рамки пряжки, украшенный переплетением двойной ленты, которое образует две симметричные петли[37] (рис. 1, *б*). Аналогичные петли прослеживаются и на передней части рамки ростовской находки, но здесь они резко обрываются у верхней кромки рамки, имеющей сглаженный контур. Правда, никаких следов излома или спила на её поверхности не заметно. Видимо, ростовская пряжка была отлита в глиняной форме с некачественным оттиском оригинального изделия. Ориентируясь на характер орнамента, время создания и ростовской находки можно отнести ко второй половине X в.

Таким образом, рассмотренные нами ростовские находки в целом логично вписываются в круг вещей второй половины X–XI вв., скандинавского происхождения или восходящих к североевропейским образцам. Хронология категорий и типов вещей в целом соответствует стратиграфическим датировкам находок.

---

36 Jansson I. Oval spännbucklor: En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björköfynden. — Uppsala, 1985. — Fig. 54, 59–60; Arbman H. Birka. Die Gräber. I. Tafeln. — Taf. 87: 1.

37 Спицын А. А. Владимирские курганы. — С. 109, 132. Рис. 52.

Л. П. Михайлина, С. В. Пивоваров

Коригування хронології середньовічної та ранньомодерної кераміки Буковини нумізматичними матеріалами

Знахідки монет на археологічних пам'ятках важливі ще й тому, що місце, обставини та супровідний матеріал, виявлений із кожною монетою, добре відомі. Тобто знахідки цих монет задокументовані (паспортизовані), що перетворює їх на цінне історичне джерело. Переваги таких монет перед виявленими за випадкових обставин очевидні. В останніх, як правило, відсутня інформація про точне місцезнаходження, а опис речей, знайдених поряд, поверховий або й зовсім відсутній. На цьому тлі монети з археологічних пам'яток, особливо виявлені у закритих комплексах, вигідно вирізняються. Вони дають опорну дату не тільки для датування всієї археологічної пам'ятки, а й окремих типів речей. Завдяки нумізматичному матеріалу встановлюються точніші дати для багатьох розкопаних об'єктів, переглядається час їх функціонування та призначення.

Особливу роль монетні знахідки відіграють для датування керамічних комплексів — найчисельнішого матеріалу серед археологічних старожитностей. Монети, завдяки даті карбування чи періоду правління емітента, дозволяють простежити еволюцію форм посуду на конкретній території впродовж значного хронологічного відрізку і таким чином отримати періодизацію керамічних комплексів. Це має важливе значення для датування тих археологічних пам'яток, де кераміка іноді виступає єдиною категорією виявленого.

Вітчизняні дослідники широко використовують монетні знахідки для датування середньовічних археологічних пам'яток, дослідження соціально-економічного розвитку та торгово-економічних зв'язків давнього населення. Про використання монет з археологічних пам'яток для з'ясування питань давньої історії свідчить численна історіографія. Серед низки праць зазначимо дослідження В. М. Потіна, О. П. Моці, Т. В. Равдіної, Т. Талвіо, А. О. Добролюбського[1], присвячені монетним знахідкам на середньовічних могиль-

[1] Потин В. М. Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии // Труды Государственного Эрмитажа. — Т. XII. — Ленинград, 1971. — С. 49–119; Его же. Нумизматическая хронология и дендрохронология (по материалам новгородских раскопок) // Там

никах та поселеннях, методиці використання монет для датування закритих археологічних комплексів тощо.

Важливе значення для розуміння можливостей нумізматичного матеріалу при визначенні абсолютних дат розкопаних об'єктів (культових споруд, решток будівель, укріплень, садиб) та хронології конкретного археологічного матеріалу мають спостереження Г. Ю. Івакіна[2], Г. А. Козубовського[3], Л. Л. Польового[4], М. Ф. Котляра[5], Т. М. Берги[6], Р. К. Цепліте[7], В. Л. Янінa[8], Н. Д. Руссева[9], І. К. Свєшнікова[10] та ін.

Окрема увага в історіографії приділялася датуванню на підставі монет предметів із монетно-речових скарбів. Цю проблематику висвітлено в до-

---

же. — Т. XXI. — Ленинград, 1981. — С. 78–89; Его же. Нумизматическая хронология и вопросы истории Руси и Западной Европы в эпоху средневековья // Северная Русь и её соседи в эпоху раннего средневековья. — Ленинград, 1982. — С. 127–134; Его же. Монеты. Клады. Коллекции: Очерки нумизматики. — Санкт-Петербург, 1992. — С. 193–197.

Моця О. П. Монети з давньоруських поховань Середнього Подніпров'я // Археологія. — № 45. — 1984. — С. 75–80.

Равдина Т. В. Археологические замечания к нумизматическим работам // Советская археология. — 1975. — № 1. — С. 316–329; Её же. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. — Москва, 1988. — С. 133–135.

Талвио Т. Монеты из захоронений эпохи викингов и крестовых походов в Финляндии // Новое в археологии СССР и Финляндии. — Ленинград, 1984. — С. 176–181.

Добролюбский А. Тайны причерноморских курганов. — Одесса, 1988. — С. 105–136, 178–201; Добролюбский А. О., Субботин Л. В., Сегеда С. П. Золотоордынское погребение у Дуная // Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тыс. н. э. — К., 1987. — С. 90–91.

2 Івакін Г. Ю. Знахідка сельджукидських монет XIII ст. у Києві // Старожитності Південної Русі. — Чернігів, 1993. — С. 73–76; Його ж. Історичний розвиток Києва XIII — середини XVI ст. — К., 1996. — С. 101, 113–114, 118–121, 146.

3 Козубовський Г. А. З приводу однієї знахідки в Успенському соборі // Лаврський альманах. — Вип. 26. — К., 2012. — С. 56–57; Козубовский Г. А. Находки монет XIV–XV ст. на территории Киева [Препринт]. — К., 1991.

4 Полевой Л. Л. Нумизматические данные к истории молдавского средневекового города Старого Орхея // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. — Вып. 66. — Москва, 1956. — С. 78–83; Его же. Монеты из раскопок 1968–1969 гг. // Археологические исследования в Молдавии в 1968–1969 гг. — Кишинёв, 1972. — С. 146–161.

5 Котляр М. Ф. Кладоискательство и нумизматика. — К., 1974. — С. 25–36.

6 Берга Т. М. Монеты в археологических памятниках Латвии IX–XII вв. — Рига, 1988. — С. 61–67.

7 Цеплите Р. К. Монеты, обнаруженные при археологических раскопках на Асотском городище // Асотское городище. — Рига, 1961. — С. 201–202.

8 Янин В. Л. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья // История СССР. — 1973. — № 3. — С. 67–78.

9 Руссев Н. Д. Возникновение городов Поднестровья XIV в. в свете нумизматических материалов // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. — Кишинёв, 1990. — С. 118–139.

10 Свєшніков І. К. Битва під Берестечком. — Л., 1993. — С. 196–203.

слідженнях М. Ю. Брайчевського[11], О. М. Приходнюка[12], А. І. Семенова[13]. У нумізматичних працях знайшли також відображення питання визначення хронології глиняних посудин (скарбова кераміка), в яких було знайдено монетні скарби. Про це йдеться у студіях Н. Д. Мец[14] та В. О. Калініна[15].

Буковина (сучасна Чернівецька обл.) — один із регіонів України, де виявлено численні археологічні пам'ятки й матеріали доби середньовіччя та ранньомодерного часу. Тут під час розкопок археологічних об'єктів трапляється чимало монетних знахідок. Нумізматичні матеріали відомі переважно на закритих комплексах, тож вони слугують доволі надійним індикатором для визначення хронології керамічних решток, разом з якими їх було виявлено.

Найбільш ранньою монетою, що залучається до датування місцевої кераміки, стало мідне наслідування альморавидських динарів Іспанії. Монета відкарбована в Угорщині за правління короля Стефана (Іштвана) IV (1162–1163). Виявили її на Ленковецькому поселенні в господарській ямі на південь від житла 3 (кв. Ж. 5)[16]. Знайдену разом із монетою кераміку представлено гончарними горщиками з характерним різко окресленим вінчиком, косо зрізаним краєм і жолобком-гніздом для накривки. Це так званий «галицький» тип посудин[17]. Усі посудини виготовлено з добре відмуленого тіста, до якого домішували дрібний просіяний пісок. Особливість цієї кераміки — видовжені пропорції горщиків, присутність значної кількості керамічних накривок та мисок. Більшість посудин прикрашено горизонтальними чи хвилястими лініями, які часто вкривають їх плічки й середню частину. За монетною знахідкою такі матеріали слід датувати другою половиною XII ст.

Наступні монетні знахідки походять із Чорнівського городища. Їх виявлено в руїнах клітей № 1, 8, 13[18]. Чотири монети мають візантійське походження, відкарбовані в роки правління імператорів Алексія III Комніна (1197–1203), Федора I Комніна Дуки (1215–1230), Деметрія Комніна Дуки (1244–1246). Ще

---

[11] Брайчевський М. Ю. Скарби знайдені і незнайдені. — К., 1992. — С. 33–44.

[12] Приходнюк О. М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н. е.). — Чернівці, 2001. — С. 25–72.

[13] Семёнов А. И. Византийские монеты Келегейского комплекса // Археологический сборник. — Вып. 31. — 1991. — С. 121–130.

[14] Мец Н. Д. Датировка чёрной лощёной керамики по собранию кладов нумизматического сектора ГИМ // КСИИМК. — Вып. 24. — Москва; Ленинград, 1949. — С. 108–115.

[15] Калинин В. А. Русская кладовая керамика в Эрмитаже // Русская нумизматика XI–XX вв.: Материалы и исследования. — Ленинград, 1979. — С. 95–103.

[16] Талвио Т. Монеты из захоронений эпохи викингов и крестовых походов в Финляндии // Новое в археологии СССР и Финляндии. — С. 123.

[17] Там же. — С. 13–14.

[18] Моця О. П. Монети з давньоруських поховань Середнього Подніпров'я. — С. 154–159; Пивоваров С. Християнські старожитності в межиріччі Верхнього Прута та Середнього Дністра. — Чернівці, 2001. — С. 243–255.

Рис. 1.
Кераміка з Ленківецького поселення (стародавні Чернівці) (1), датована мідним наслідуванням альморавидським дінарам, та з Чорнівського городища (2), датована візантійськими монетами та угорськими брактеатами першої половини XIII ст.

чотири належать емісіям угорського короля Бели IV (1225–1270), випущені в ранній період його правління[19].

Знахідки вказаних монет на Чорнівському городищі значно уточнюють датування його керамічного комплексу, який у цілому відноситься до першої половини XIII ст. (раніше датувався в межах XII — першої половини XIII ст.)[20]. Цьому не суперечать інші знахідки (візантійські енколпіони з чіткими хронологічними прив'язками, давньоруські енколпіони зі зворотними написами, візантійська кераміка, прикраси, предмети озброєння тощо). Підтверджує це й невелика товщина культурного шару.

Кераміка з Чорнівського городища за фактурою та технологією виготовлення аналогічна ленковецьким гончарним посудинам. Вона зроблена з добре відмуленого тіста з незначними домішками піску. Посудини мають переважно червоний та оранжевий кольори. Водночас керамічні вироби з пам'ятки характеризуються й рядом особливостей. Так, посуду з городища

---

[19] Ільків М., Калініченко В., Пивоваров С. Нумізматичні знахідки XIII ст. з Чорнівського городища // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології та етнології. — Т. 1 (39). — Вижниця, 2015. — С. 20–35.

[20] Возний І. П. Чорнівська феодальна садиба XII–XIII ст. — Чернівці, 1998.

притаманні більш приземкуваті форми. Він прикрашений, у більшості випадків, лінійним, значно рідше хвилястим, орнаментом. Серед керамічних знахідок практично відсутні глиняні накривки, хоча на посудинах є жолобки для їх фіксації. Більшість горщиків низькогорлі зі сильно профільованою шийкою. У цілому керамічний комплекс із городища становить наступну фазу в розвитку давньоруського посуду в регіоні.

Третій керамічний комплекс, датований нумізматичними об'єктами, було виявлено на городищі у с. Зелена Липа (в історіографії пам'ятка відома також під назвою Перебиківське городище)[21]. Під час розкопок центрального майданчика в руїнах будівель (житлових та господарських) на кам'яних фундаментах разом із предметами матеріальної культури знайдено 11 монет. Це п'ять екземплярів празьких грошів (усі обрізані), наслідування золотоординських монет — двох срібних диргемів і двох мідних анепіграфних пулів, угорський срібний денарій та фрагмент аквілейського денарія (?). Виявлені празькі гроші відкарбовано в роки правління Яна I Люксембурзького (1310–1346) та Карла I (1346–1378). Угорський денарій був випущений за часів Людовіка I (1342–1382), а аквілейський, очевидно, датується 1340 р. Золотоординські наслідування, а саме срібні диргеми, виявилися наслідуваннями ґюлістанських диргемів Джанібека (1341–1357). Уважається, що ці наслідування карбував київський князь Володимир Ольґердович (1362–1394) на початку свого правління.

Знайдені на городищі монети датують весь комплекс археологічних знахідок і, у першу чергу, кераміку. Остання представлена фрагментами доволі товстостінних гончарних посудин сірого, темно-сірого чи бурого кольору. В їх тісті помітно домішки крупнозернистого кварцового піску, товченої кераміки, дуже рідко трапляється товчений вапняк.

Переважна більшість уламків гончарних посудин належить опуклобоким горщикам із розширенням у верхній частині. Вінчики горщиків овальні або з косими зрізами із зовнішнього боку, денця практично не мають виступів-підставок. У цілому посуд нагадує форми попередніх періодів, але відрізняється від нього пропорціями, формою вінчика та плічок. Він виготовлений більш примітивно, очевидно на ручному гончарному крузі. Майже всі горщики орнаментовано у верхній частині, на плічках чи на шийці рядами хвилястих ліній (від 1 до 5). Рідше зустрічається орнамент у вигляді прямих пара-

---

[21] Возний І., Масан О. Про місцезнаходження «города Хмєлова» // Буковина — мій рідний край. — Чернівці, 1996. — С. 37–38; Масан О., Возний І. Де лежав середньовічний «город» Хмелів // Археологічні студії. — Вип. 1. — К.; Чернівці, 2000. — С. 99–112; Тимощук Б. О. Давньоруська Буковина. — К., 1982; Томенчук Б. П. Звіт про розкопки давньоруського городища Городок — літописного Городка на Черемошу в с. Карапчеві на Черемошу Вижницького р-ну Чернівецької обл. // Науковий архів ІА НАН України. — 1979–80/47.

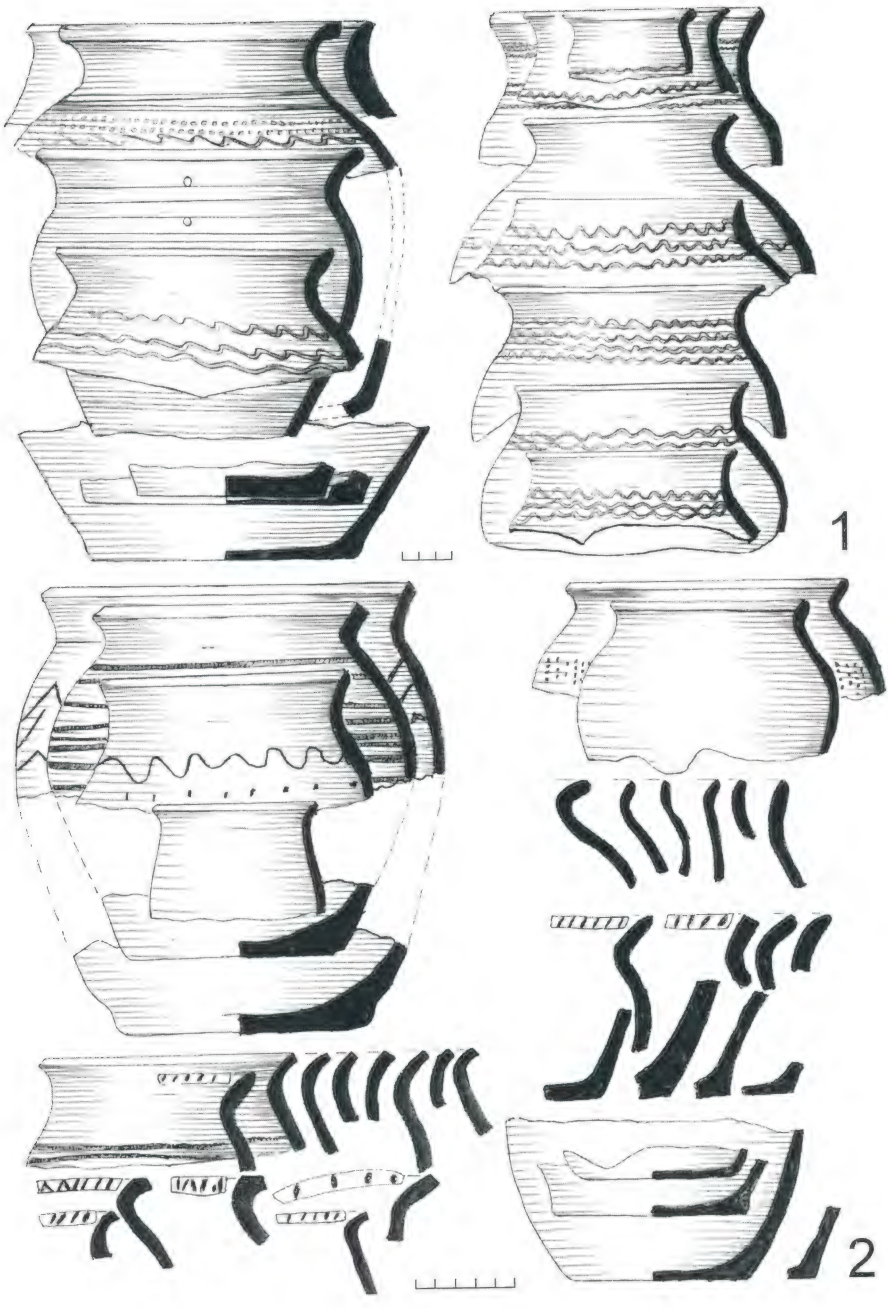


Рис. 2. Керамічний посуд з городища Зелена Липа (1), датований нумізматичними матеріалами 60–80-ми роками XIV ст., та із напівземлянки у Василеві (2), датований грошем Петра Мушата

лельних ліній або штампованих квадратів. За нумізматичними матеріалами кераміка з городища може датуватися в межах 1360–1380-х рр.

Четверту групу середньовічної кераміки з регіону репрезентує комплекс із Василева, датований молдавською монетою. Він походить із решток житла напівземлянкового типу, знайденого в обриві корінного берега Дністра. У заповненні споруди разом із численними фрагментами глиняних посудин виявлено гріш молдавського господаря Петра Мушата (1375–1392). У житлі знайдено уламки гончарних виробів, що представлені горщиками темно-сірого кольору, виготовленими з глини, до якої додавали крупнозернистий пісок і товчений вапняк. Ці посудини значно відрізняються від кераміки із Зеленої Липи. Зокрема вінчики горщиків мають косо зрізаний край, відігнуті назовні, по краю вони часто прикрашені насічкою. За формою посудини приземкуваті, банкоподібні. Бочки орнаментовано одинарними, рідше подвійними хвилястими чи горизонтальними лініями, іноді відбитками гребінчастого штампу. За знайденою монетою подібна кераміка повинна бути датована кінцем XIV — початком XV ст. Вона становить собою наступну фазу в розвитку місцевих керамічних форм.

До п'ятої групи кераміки належить посуд, знайдений у рештках гончарного горну, відкритого у старій частині Чернівців (район вул. Сагайдачного і Синагоги (кол. А. Барбюса). У верхній частині заповнення горну серед фрагментів кераміки виявлено мідну (?) монету — півгріш Стефана III Великого (1480–1504).

Керамічний комплекс представлено сироглиняними горщиками та глеками. Для перших характерні потовщені S-подібні в перетину вінчики з внутрішньою виїмкою під накривку, тонкі стінки, потовщені у придонній частині, доволі крихке керамічне тісто зі значними домішками піску. За пропорціями та орнаментикою поверхні горщики поділяються на два типи. Посудини першого мають гладку неорнаментовану поверхню, а максимальне розширення стінок припадає на 2/3–3/4 їх висоти. У горщиків другого типу максимальне розширення припадає приблизно на 1/2–2/3 висоти, а їх стінки на плічках та нижче орнаментовано рядами горизонтального рифлення.

Глеки представлено 3 цілими формами, 2 з яких фактично ідентичні. Від попередніх типів посудин вони відрізняються більш якісним складом тіста — без помітних домішок, а також кращою обробкою зовнішньої поверхні, місцями лискованої. Посудини мають світло-сірий колір поверхні, місцями з брунатним відтінком. Глеки характеризуються усічено-конічним корпусом, найбільший діаметр припадає на верхню третину посудин або ближче до її середини. Вінчики вертикальні, зі зливом навпроти ручки, у верхній частині майже горизонтально зрізані. Ззовні простежуються невеликі виступи. Шийка у глеків чітко виражена, плічка похилі та плавно переходять у корпус. На кожному глеку наявна широка стрічкоподібна ручка з двома поздовжніми

Рис. 3. Кераміка з гончарного горна у Чернівцях (1), датована мідним півгрошем Стефана III Великого, та з монетних скарбів Вербівці (60 — початок 70-х рр. XVI ст.) (2), Кадубівці (кінець XVI — початок XVII ст.) (3) й Вікно (60–70 рр. XVII ст.) (4)

заглибленнями. Їх верхній корінь кріпився збоку вінчика, а нижній — у місці найбільшого діаметра глечика — на плічках. На них у двох посудин присутній орнамент у вигляді трьох смуг із врізаних паралельних горизонтальних ліній, нанесених, очевидно, гребінкою[22].

---

[22] Пивоваров С., Калініченко В., Ільків М. Гончарний горн із середньовічних Чернівців // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні: Зб. наук. праць. — Вип. 24. — К., 2014. — С. 73–76.

Нумізматичний матеріал не втрачає свого датуючого значення і для пам'яток наступних століть. Це красномовно підтвердили археологічні пошуки на території Хотинської фортеці. За час її дослідження тут знайдено понад двісті монет XIV–XX ст., окремі з них виявлено у закритих археологічних комплексах разом із керамічними виробами.

Усі нумізматичні знахідки трапилися разом з іншими предметами матеріальної культури, а саме полив'яними кахлями, уламками керамічного та фаянсового посуду, глиняними люльками, свинцевими кулями, деталями озброєння, прикрасами, побутовими речами тощо. Особливо важливим виявилося значення монетних знахідок для встановлення часу виготовлення та побутування кераміки, глиняних люльок. Удалося з'ясувати, що люльки, виявлені з монетами, добре поділяються на дві великих групи — XVII ст. та XVIII–XIX ст. Для перших характерні невеликі розміри та червонуватий колір, а другі — значно масивніші, мають темно-коричневе чи темно-червоне забарвлення, часто супроводжуються округлими або прямокутними клеймами, інколи з турецькими написами на поверхні.

На окрему увагу заслуговує керамічний посуд (скарбова кераміка), який слугував оболонкою для тезаврацій (зберігаються у фондах Чернівецького обласного краєзнавчого музею). У нашому розпорядженні є три гончарних вироби з регіону, в яких переховувалися монетні скарби. Дослідження цих посудин має важливе значення для встановлення хронології пізньосередньовічної кераміки, позаяк датування місцевого посуду XVI–XVII ст. взагалі нерозроблене. Водночас на Буковині часто фіксуються знахідки пізньосередньовічних керамічних виробів на багатьох пам'ятках, а відсутність класифікації призводить до сумарного їх датування «пізньосередньовічним», «молдавським» чи «козацьким» часами. Це зменшує наукову цінність та інформативні можливості виявленого матеріалу. Зауважимо, що вивчення скарбової кераміки дозволило уточнити час появи середньовічної чорнолощеної та полив'яної кераміки[23].

Усі три посудини зі скарбами — це гончарні одноручні опуклобокі глечики. Монетний скарб із с. Вербівці знаходився в білоглиняному глекові, укритому світло-зеленою поливою. Його висота становить 16,7 см, діаметр горла — 8 см, денця — 6,4 см, найбільша ширина тулуба — 11,8 см. У верхній частині (горловина) він орнаментований зигзагами, а тулуб вкритий смугами з паралельних ліній. Полива на горщику неоднорідна, вона має темно-зелені вкраплення, що нерівномірно розташовуються по поверхні. Денце посудини без поливи. Наймолодшою монетою скарбу, який у ньому знаходився, є литовський півгріш Сигізмунда II Августа, що датується 1566 р. Отже побутування

---

[23] Мец Н. Д. Датировка чёрной лощёной керамики по собранию кладов нумизматического сектора ГИМ. — С. 108–115; Калинин В. А. Русская кладовая керамика в Эрмитаже. — С. 95–103.

кераміки такого типу — друга половина XVI ст. Завдяки цьому з'являється можливість передатувати окремі керамічні знахідки з регіону. Це, зокрема, стосується фрагментів полив'яного посуду, виявленого у верхніх шарах поселення в Ревному (ур. Ріпа), які датували XIV ст.

У зовсім іншій техніці виготовлено глечик із Кадубівського скарбу. Він тонкостінний, темно-сірого кольору, який отримано завдяки випалюванню посудини у відновлювальній атмосфері. Глечик має висоту 12,2 см, діаметр його денця становить 5,8 см, найбільша ширина тулуба — 10,5 см, верхня частина не збереглася. Посудина орнаментована лише двома подвійними лініями. За наймолодшою монетою скарбу період використання такої кераміки відноситься до кінця XVI — початку XVII ст. Аналогічного типу кераміка часто трапляється на пізньосередньовічних поселеннях, особливо на території сучасних буковинських сіл.

Третій глечик найменший за розмірами. У ньому знаходилася тезаврація із с. Вікно. Посудина сироглиняна, вона має висоту 8,3 см, діаметр горла — 5,5 см, денця — 4,5 см, найбільша ширина тулуба — 7 см. У глечика чітко окреслені горло та злив. Наймолодша монета скарбу датує посудину другою половиною XVII ст., точніше 1660–1670-ми рр. Як і попередні керамічні вироби, форма й техніка виготовлення цієї посудини знаходять широкі відповідники в археологічному матеріалі з регіону.

Скарбовий посуд із Буковини, як і кераміка з закритих комплексів, дозволяє визначити хронологічні періоди існування гончарних виробів певного типу й тим самим його точніше продатувати. Ознайомлення зі скарбовою керамікою регіону дає змогу відзначити одну її особливість. Це — використання для тезаврацій одноручних глечиків. Схожа картина спостерігається й на інших українських землях[24]. Очевидно, це пояснюється певною традицією або зручністю саме глечиків для переховування грошей. Не виключено, що ці посудини виконували ще й магічні функції з «охорони» захованих монет. Добре відомо, що посуд відігравав важливу роль в обрядовості[25].

Використання нумізматичного матеріалу для уточнення датування середньовічної та ранньомодерної кераміки дозволяє значно ефективніше датувати археологічні комплекси, з'ясувавши чіткі дати, що стає зразком для визначення хронології кераміки з інших пам'яток і надає нові можливості для історичних реконструкцій.

---

[24] Берг Д. Я. Клад монет XVII века из с. Жаботина Черкасской области // Нумизматика и сфрагистика. — Вып. 4. — К., 1971. — С. 92; Котляр М. Ф. Кладоискательство и нумизматика. — Табл. I.

[25] Русанова И. П., Тимощук Б. А. Языческие святилища древних славян. — Москва, 1993. — С. 80.

А. В. Назаренко

Изгнанный печерский игумен в Выдубицком монастыре, или Когда и почему в Киеве возникли монастыри Святослава и Всеволода Ярославичей

Как известно, на северном фасаде собора Св. Михаила в киевском Выдубицком монастыре имеется достаточно хорошо сохранившееся двухстрочное граффито:

[ГИ ПОМ]ЛУИ МѦ ГРѢШЪНАГО РАБА СВОЕГО СТЕФАНА // [ГРѢШИВ]ШАГО ПАЧЕ ВЬСѢХЪ ЧЕЛОВѢКЪ СЛОВЪМЪ ИЛИ ДѢ^{Л}МЪ И ПОМЫШЛЕ[НИЕМЪ][1].

Надпись во всех отношениях размашиста: с учётом утраченных знаков верхняя строка имеет длину 1,5, нижняя — 2 м, а литеры составляют от 3,5 до 5,5 см в высоту.

По палеографическим признакам запись относится, похоже, ко второй половине XI в., на что указывает, прежде всего, начертание буквы Ѣ с мачтой, не выходящей за высоту строки, и максимально низким коромыслом[2]. К этому соображению, высказанному издателем граффито, добавим несколько наблюдений от себя. Написание с выносным Л в слове «дѣломъ» говорит о том, что надпись выполнена человеком книжной культуры. Обращает на себя внимание окончание творительного падежа единственного числа, последовательно выдержанное с финальным Ъ вместо положенного Ь: СЛОВЪМЪ, ДѢ^{Л}МЪ. Этой особенности, иногда встречающейся в древнерусских текстах XII–XIII вв.[3], можно было бы не придавать значе-

---

[1] Высоцкий С. А. Надпись XI в. на стене церкви Михаила Выдубицкого монастыря в Киеве // Средневековая Русь: Сборник статей памяти Н. Н. Воронина. — Москва, 1976. — С. 42–43; Его же. Киевские граффити XI–XVII вв. — К., 1985. — № 325. — Табл. XIX 1, 2.

[2] Щепкин В. Н. Русская палеография. — Москва, 1967 (впервые книга вышла в 1918 г. под названием «Учебник русской палеографии»). — С. 112; Высоцкий С. А. Надпись XI в. на стене церкви Михаила Выдубицкого монастыря в Киеве. — С. 44; Его же. Киевские граффити XI–XVII вв. — С. 46; Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора, XI–XIV века. — Москва, 1987. — С. 182–183.

[3] Древнерусская грамматика XII–XIII вв. — Москва, 1995. — С. 179.

ния, если бы не аналогичное написание с Ъ на месте этимологического Ь совсем в другой позиции: ГРѢШЪНАГО. Дело в том, что фонема [ш] сохраняет свою мягкость в древнерусских диалектах в течение всего домонгольского времени[4]. Графические варианты с *-шъ-* лингвисты склонны квалифицировать как показатель одноерового письма (неразличения ъ и ь)[5]. Для сравнения можно привлечь написание ПР[И]ШЪЛЪЦА в известной надписи начала 1050-х гг. «Николы пришельца из Кыева града» в новгородском Софийском соборе, которая и в целом, кажется, была выполнена в одноеровой графике[6]. Если так, то мы имеем дело ещё с одним датирующим признаком, который подкрепляет приурочение автографа Стефана ко времени не позднее рубежа XI–XII вв.[7]

В связи с такой характеристикой и датировкой надписи напрашивается отождествление грамотея — автора выдубицкого граффито — с единственным Стефаном, известным в Киеве второй половины XI в.– игуменом Печерского монастыря, впоследствии епископом во Владимире-Волынском. Как мы знаем, эта идентификация, высказанная впервые, кажется Б. А. Рыбаковым[8] и поддержанная С. А. Высоцким, всерьёз под сомнение никогда не ставилась[9]. Будем исходить из неё и мы. В таком случае выдубицкое граффито приобретает значение как источник по истории строительства собора Св. Михаила.

---

4 Там же. — С. 66–68.

5 Там же. — С. 66.

6 Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора, XI–XIV века. — Москва, 1987. — № 182. — С. 114–124.

7 Именно этим периодом датируются одноеровые памятники русской эпиграфики (см.: Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. — Санкт-Петербург, 1992. — С. 37–47).

8 Рибаков Б. Іменні написи XII ст. в Київському Софійському соборі // Археологія. — Т. 1. — К., 1947. — С. 54. — Прим. 4.

9 За исключением В. А. Богусевича, который высказал предположение, неубедительное вдвойне — как по вычурности прочтения второй строки надписи («сотворившаго паметь всех человекам овым наидем и помщаем»), так и по фантастичности персонажа (якобы венгерский королевич Стефан, возглавлявший войско венгерских союзников Изяслава Мстиславича в походе на Киев в 1150 г.) (см.: Богусевич В., Колесниченко Ю. Напис на стіні // Вечірній Київ. — 1967. — 11 січня). О неприемлемости этой идеи достаточно сказано в публикации С. А. Высоцкого (см.: Высоцкий С. А. Киевские граффити XI–XVII вв. — С. 45–46). От себя заметим, что представлять Стефана (Иштвана), младшего брата короля Гезы II (1141–1162 гг.), вождём венгерского войска в русском походе 1150 г. — чистый домысел: в подробном рассказе Ипатьевской летописи он ни разу не упоминается. Более того, то, как летописец говорит о венграх, практически исключает присутствие Стефана: Изяслав устраивает совет, «и Угорьскимъ мужемъ пришедшимъ на думу» (см.: Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — 2-е изд. — Т. 2. — Санкт-Петербург, 1908. — Стб. 413); вряд ли так уместно было бы выразиться, если бы среди «угорских мужей» и во главе их был королевич.

В самом деле, текст нацарапан по второму слою штукатурки, который был нанесён после того, как к первоначальному зданию храма пристроили массивный нартекс[10]. Считается, что это произошло непосредственно сразу по завершении строительства основного объёма собора. Видимо, так оно и было, поскольку княжеская церковь должна иметь хоры, а лестничная башня, без которой собор с хорами функционировать не мог, была, между тем, вписана в конструкцию нартекса. Следовательно, появляется некоторая возможность сузить принятую в науке[11] широкую датировку строительства церкви, которая заключена между известными по летописи годами заложения (1070 г.)[12] и освящения (1088 г.)[13].

Благодаря «Повести временных лет» и «Житию преп. Феодосия Печерского» мы осведомлены об основных вехах жизненного пути Стефана довольно хорошо, хотя хронологически не всегда вполне определённо. Преемник Феодосия в качестве игумена Киево-Печерского монастыря после 3 мая 1074 г., он был назначен по выбору братии и вопреки совету умиравшего настоятеля, который, тем не менее, благословил такой выбор[14]. Игуменство его было недолгим, но насыщенным. При нём «въ мало лѣтъ» возвели монастырский собор Успения Пресвятой Богородицы, в закладке которого (ещё при Феодосии, в 1073 г.) принял участие новый киевский князь Святослав Ярославич (1073–1076)[15]. Но через некоторое время вследствие недовольства части братии, как о том глухо сообщается в «Житии Феодосия», Стефан оказался изгнан, основал собственный монастырь в Киеве, на Клове, в честь Влахернской иконы Божией Матери[16], затем был поставлен во

---

[10] Высоцкий С. А. Киевские граффити XI–XVII вв. — С. 46.

[11] Высоцкий С. А. Надпись XI в. на стене церкви Михаила Выдубицкого монастыря в Киеве. — С. 47; Мовчан И. И. Культовые постройки // Новое в археологии Киева. — К., 1981. — С. 202–212; Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. — Ленинград, 1982 [Археология СССР: Свод археологических источников. — [Вып.] Е1–47]. — С. 26–27 и др.

[12] Полное собрание русских летописей. — 2-е изд. — Т. 1. — Ленинград, 1928. — Стб. 174; Т. 2. — Стб. 164; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова (далее — НПЛ). — Москва; Ленинград, 1950. — С. 17, 191.

[13] ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 207; Т. 2. — Стб. 199.

[14] Там же. — Т. 1. — Стб. 186–187; Т. 2. — Стб. 176–177; Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; под ред. С. И. Коткова. — Москва, 1971. — С. 128, л. 62г — 63а.

[15] Успенский сборник XII–XIII вв. — С. 133, л. 66б; Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик — Волоколамский патерик / Изд. подгот. А. А. Ольшевская, С. Н. Травников. — Москва, 1999 [«Литературные памятники»]. — С. 9; здесь в тексте, на основе списка РНБ, собр. Яворского (ф. 299), № 159, принятого издателем за основной, ошибочно значится «Изяслава, сына Ярославля», но в остальных рукописях находим правильное чтение «Святослава» (см.: Там же. — С. 351. прим. 5 к л. 3).

[16] Успенский сборник XII–XIII вв. — С. 134, л. 66г.

главе Волынской епископии и умер 27 апреля 1094 г.[17] Последовательность этих событий не вызывает сомнений, но их абсолютная хронология, равно как и вероятная связь с политическими обстоятельствами, являются предметом научной реконструкции.

С. А. Высоцкий, задавшись вопросом о времени написания граффито, исходил из того соображения, что столь монументальная надпись под стать только лицу начальствующему («князю церкви», как выразился историк, несколько неудачно применив термин из арсенала западной церкви к киевскому иерарху XI в.). Поэтому Стефан расписался на стене Михайловского собора, уже будучи игуменом или епископом, то есть между 1074 и 1094 гг.[18]

Полагаем, столь широкий промежуток позволительно сузить. Гротескным было бы предположение, что Стефан оставил надпись мимоходом во время случайного посещения Выдубицкого монастыря. Нет, сокрушённая мольба, пусть и не лишённая литургической трафаретности, но далеко выходящая за пределы дежурного «Господи, помози рабу Твоему имярек», была помещена справа от северных дверей в собор (ныне не существующих — следствие резкого сокращения размеров храма после обрушения его восточной части при оползне берега). Надпись, не случайно исполненная вершковыми литерами, должна была каждый раз напоминать о собственном окаянстве входившему, а входить в храм именно здесь было естественно одному из служащих иереев, который отсюда проходил сразу через северные алтарные врата к жертвеннику (южные вели в диаконник).

Когда же Стефан мог пребывать в такой роли и в таком настроении? Логично думать, что после изгнания из Печерского монастыря[19], но до появления у него своих стен в заложенном им самим «Стефанече» Влахернском монастыре. К сожалению, ни о времени строительства Стефанеча монастыря, ни о времени поставления Стефана на епископию точных данных источники не сообщают. Последнее нас в данном случае занимает меньше, чем первое.

Согласно букве патерикового рассказа, «егда же Стефан игумен, демественик, из манастыря изгнан бысть, видѣвъ преславнаа чюдеса, како мастери приидоша, икону носяще, и Царичино видѣние, еже Влахѣрне, повѣдающе, и сего ради сам Влахѣрньскую церковь на Кловѣ създа»[20].

---

[17] ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 226; Т. 2. — Стб. 217.

[18] Высоцкий С. А. Надпись XI в. на стене церкви Михаила Выдубицкого монастыря в Киеве. — С. 45–46; Его же. Киевские граффити XI–XVII вв. — С. 48.

[19] Преп. Нестор, автор «Жития Феодосия», с горечью отмечает, что Стефана не только «от игуменьства отставиша», но и «от манастыря того тъща отгънаша» (см.: Успенский сборник XII–XIII вв. — С. 133–134, л. 66в).

[20] Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик — Волоколамский патерик. — С. 16.

Это сообщение помещено в заключение слова о пришествии в Печерский монастырь «писцов иконних», что способно ввести в заблуждение, поскольку Влахернскую икону принесли цареградские мастера, строившие Успенский собор, о которых сказано несколько выше и которые явились в Киев незадолго до смерти Антония Печерского (1073 г.). Если понимать слова «Патерика», будто мастера чудесным образом получили деньги за работу «на 3 лѣта» от самой Богоматери[21], как «*vaticinium ex eventu*», то начавшееся ещё при Феодосии весной 1073 г. строительство Успенского собора завершилось в 1075 г. Действительно, 1 июля 1075 г. как дата завершения строительства прямо значится в «Повести временных лет»[22]. Таким образом, можно с определённостью думать, что изгнание игумена состоялось не ранее 1076 г. Как раз в это время, узнав о смерти Святослава в декабре 1076 г., в монастырь после своей вторичной отлучки вернулся Никон, которому предстояло стать преемником Стефана[23].

Лёжа на смертном одре, Феодосий поручил монастырь и его нового игумена попечению киевского князя Святослава: «се предаю ти манастырь на сблюдение, егда будеть что смятение в немь, се поручаю Стефану игуменьство, не даваи его въ обиду, князь же цѣловавъ его и обѣщася пещися манастыремъ»[24]. Это не было причудой, политической вежливостью или преувеличенной осторожностью: князь действительно играл особую роль в юридическом положении Печерской обители, которое в этом отношении, похоже, воспроизводило статус некоторых византийских — в частности афонских — монастырей, подопечных, в обход священноначалия, непосредственно императорам[25], что, случалось, ставило печерян в прямую оппозицию к митрополии и на сторону княжеской власти[26]. Назначенный

---

21 Там же. — С. 12–13.

22 ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 198; Т. 2. — Стб. 189.

23 Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. — Санкт-Петербург, 1913 (переизд.: Санкт-Петербург, 2003; цит. по этому последнему изд., для облегчения поиска страниц в первом изд. даются также ссылки на параграфы). — С. 119–125. — § 71–74. Нет нужды следовать за автором в его интерпретации церковной подоплёки конфликта между Ярославичами и роли Никона в строительстве Печерского монастыря (заметно преувеличенной), но хронологическая реконструкция монастырских событий в связи с переменами на киевском столе представляется убедительной.

24 ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 187; Т. 2. — Стб. 178; НПЛ. — С. 201.

25 Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. — С. 170. — § 92г; Поппэ А. Студиты на Руси: Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. К., 2011 [Ruthenica. Supplementum, 3]. — С. 32, 48 (прим. 91).

26 Назаренко А. В. Несостоявшаяся митрополия (об одном из церковно-политических проектов Андрея Боголюбского) // «Хвалам достойный...»: Андрей Боголюбский в русской истории и культуре: Междунар. науч. конф. (Владимир, 5–6 июля 2011 г.). — Владимир, 2013. — С. 32–33 и прим. 116.

при Святославе и облечённый защитой Святослава игумен Стефан воспринимался как протеже этого князя. Видимо, на то были ещё и какие-то особые причины: недаром же место Стефана занял не кто-либо, а именно Никон, который отличился непримиримостью по отношению к узурпации киевского стола Святославом и даже покинул из-за этого Печерскую обитель — очевидно, не желая разделять компромисс Феодосия с новым князем. Всеволод, участник мятежа 1073 г., унаследовав в декабре 1076 г. стол Святослава, наследовал также роль опекуна Печерского монастыря и его игумена. Но когда в июле 1077 г. в Киев вернулся Изяслав, он не пожелал терпеть Стефана, и печеряне предпочли принципиального Никона: то была демонстрация лояльности «старому новому» князю.

Достоин внимания тот факт, что неугодный Изяславу печерский игумен искал убежища именно у Всеволода и нашёл его. То немногое, что известно о договоре Изяслава и Всеволода, сопровождавшем третье вокняжение старшего из Ярославичей в Киеве, подталкивает к заключению, что Всеволод, уступая стол брату, выступил гарантом прав Святославичей, над которыми нависла угроза гонения за вину их отца. В науке почему-то мало замечают то многозначительное обстоятельство, что и Глеб, и Олег Святославичи лишились своих столов не сразу по вокняжении Изяслава, а почти год спустя — весной 1078 г. Олег явился «из Володимеря выведенъ» в Чернигов ко Всеволоду на Пасху 1078 г.[27], тогда же и Глеба «выгнаша» из Новгорода[28], судя по дню его гибели в Заволочье — 30 мая. Не исключаем, что Изяслав и Всеволод только к этому времени уладились о волостях, а до той поры удерживался *status quo ante*, но показательно, что Олег пришёл именно к Всеволоду. Выходит, по условиям договора с Изяславом, именно Всеволод должен был обеспечивать волостями Святославичей (почему черниговский князь не захотел или не смог удовлетворить Олега, который в итоге прибег к силе — другой вопрос). Трудно не увидеть здесь следствия каких-то более ранних обязательств Всеволода перед Святославом: умиравший ки-

---

[27] Так в «Поучении» Владимира Мономаха (см.: ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 247). Когда «Повесть временных лет» замечает сразу же после сообщения о водворении Изяслава в столице: «Олегъ же с(ы)нъ С(вя)тославль бѣ у Всеволода Черниговѣ» (см.: ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 199; Т. 2. — Стб. 190), — она, кажется, спрямляет события, вынося за скобки краткий эпизод волынского княжения Олега при Изяславе. Но главное для нас — покровительство Всеволода в отношении Святославича — явно и здесь.

[28] Так в статье «А се князи Великого Новагорода» в Комиссионном списке Новгородской первой летописи (см.: НПЛ. — С. 470); год, указанный в «Повести временных лет» — 1078-й (см.: ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 199–200; Т. 2. — Стб. 190–191), предпочтительней, чем тот, который зафиксировала новгородская традиция — 1079-й (см.: НПЛ. — С. 201), хотя имеющаяся в последней здесь дневная дата — 30 мая — выглядит вполне надёжной, учитывая дату погребения Глеба в Спасском соборе Чернигова — 23 июля.

евский князь передавал судьбу сыновей в руки своего преемника. Очевидно, частью этого крестоцелования Всеволода Святославу стало также обязательство оберегать Стефана и его монастырь, некогда взятое на себя Святославом перед уходившим из жизни Феодосием. Вот почему Всеволод до времени укрыл печерского изгнанника в стенах своего киевского монастыря.

Сказанное побуждает отнести смену настоятеля в Печерском монастыре ко второй половине 1077 или первой половине 1078 гг. (напомним, что Изяслав погиб в октябре 1078 г.[29]), что вполне совпадает с утвердившейся в науке датировкой на основании косвенных патериковых данных[30].

За посвящением Стефанеча монастыря именно иконе Влахернской Божией Матери, наместной иконе Печерского монастыря, сквозит не просто обида, а желание воздвигнуть неподалёку под своим водительством некое подобие, если не сказать альтернативу, печерской *alma mater*. Такая психологическая природа замысла Стефана не располагала откладывать его осуществление на многие годы. Не станем относить закладку Влахернского монастыря точно к 1078 г.[31], но здравый смысл подсказывает, что её не следует слишком далеко отодвигать от времени изгнания Стефана из Печер. Думаем, к началу строительства опальный игумен, который отнюдь не был стеснён в материальных средствах[32], приступил при первой же возможности после смерти Изяслава, то есть скорее всего уже в строительный сезон 1079 г.

Итак, вероятное время пребывания Стефана в Выдубицком монастыре определяется примерно как период третьего княжения Изяслава Ярославича в Киеве: вторая половина 1077–1078 гг. Иными словами, Михайловский собор Всеволода Ярославича в Киеве был начат и завершён строительством в пору, когда князь сидел в Переяславле. Сравнивая архитектурные формы

---

29 ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 202; Т. 2. — Стб. 193.

30 Макарий, митр. московский и коломенский. История Русской церкви. — Кн. 2. — Москва, 1995. (доп. и комм. переизд. 2-го прижизненного изд.). — С. 165; Голубинский Е. Е. История Русской церкви. — 2-е изд. — Т. 1, 2-я половина тома. — Москва, 1904. — С. 587; Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как памятнике историко-литературном. — Санкт-Петербург, 1902. — С. VI. — Прим. 22 и др. В «Слове о Никите Затворнике» (см.: Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик — Волоколамский патерик. — С. 36–37) приводятся его прозрение о гибели новгородского князя Глеба Святославича (см.: Прим. 28), и совет Изяславу скорее послать в Новгород сына Святополка; так как Никита «бысть во дни преподобнаго игумена Никона», то отсюда выводят, что последний стал настоятелем не позже 1078 г. Такое умозаключение нельзя признать строгим, но некоторый повод для сближения начала игуменства Никона с 1078 г. налицо.

31 В историографии блуждает эта дата (см., напр.: Poppe A. L'organisation diocésaine de la Russie aux XIe–XIIe siècles // Byzantion. Bruxelles, 1971. T. 40 (1970) (перепечатано: *Poppe A.* The Rise of Christian Russia. London, 1982. Nr. VIII). — P. 192).

32 Ему помогали «мнози от боляръ», его духовных чад еще печерского периода (см.: Успенский сборник XII–XIII вв. — С. 134, л. 66в–г).

основного объёма собора и нартекса, А. И. Комеч пришёл к аналогичному выводу, что они возводились друг за другом без большого перерыва, но при этом разными артелями: мастера, завершившие в 1075 г. работу над печерским Успенским собором, затем достроили собор в Выдубичах[33].

В заключение и дополнение к этим пространным хронологическим выкладкам уместно задаться вопросом: зачем переяславскому князю нужен был монастырь в чужой волости — в Киеве?

Единственным, насколько мы знаем, кто попытался дать ответ, был М. Д. Присёлков. Историк обратил внимание на то, что в торжественном перенесении мощей свв. Бориса и Глеба в 1072 г. среди настоятелей киевских монастырей присутствовали Софроний, «с(вя)таг(о) Михаила игуменъ», и Герман, «игуменъ с(вя)таг(о) Сп(а)са»[34]. Посвящения монастырей Софрония и Германа совпадают с посвящениями кафедралов в Переяславской и Черниговской епархиях. Совпадение дало повод отнести учреждение двух названных епископий, а, следовательно, и монастырей (к которым Присёлков добавляет ещё Дмитриевский, основанный Изяславом), к мероприятиям, характеризовавшим троевластие Ярославичей на Руси[35].

Эта гипотеза не только остроумна (под стать многим другим наблюдениям М. Д. Присёлкова), но и (что случается много реже) в целом, как нам кажется, верно ухватывает суть дела. Но её конкретное исполнение всё же неудовлетворительно.

Спасский монастырь, где в 1072 г. игуменил Герман, в летописной статье 1096 г. поименован «Германечь»[36], что, по всей вероятности, указывает на ктиторство Германа и, тем самым, ставит под вопрос предполагаемое ктиторство Святослава. Далее, в 1077 г. умирает новгородский епископ Феодор[37], и на его место ставится Герман[38]. Всё это происходит как раз в то время, когда Стефан, по немилости Изяслава, прозябает во Всеволожe Выдубицком монастыре, и потому совсем не вяжется с представлением о Германе как игумене Святославова монастыря. Наконец, если отождествлять собор Спасского Германеча монастыря со Спасской церковью на Берестове (что было бы

---

33 Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X–начала XII в. — Москва, 1987. — С. 266–268. Непонятно только, почему исследователь относит окончание строительства Успенского собора к 1077 г. — это явная ошибка.

34 ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 181; Т. 2. — Стб. 171; Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подг. к печ. Д. И. Абрамович. — Петроград, 1916. — С. 56.

35 Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. — С. 71–72. — § 36б–в.

36 ПСРЛ. — Т. 2. — Стб. 222. В Лаврентьевской летописи это место испорчено.

37 НПЛ. — С. 18, 201.

38 Там же. — С. 473 (в перечне «А се новгородскыи епископы»).

естественно)[39], то непонятно, как и почему Святославов монастырь в первой четверти XII в. оказался в руках Владимира Мономаха (который, как считается, и построил каменный Спасский собор[40]) и его потомков[41]. Довершает список сомнений и несоответствий тот факт, что Всеволод посвятил выдубицкий собор св. Михаилу вовсе не потому, что таково было посвящение переяславского кафедрального собора, а потому, что как раз в 1070 г. у него от второго брака родился сын Ростислав, в крещении, вероятно, Михаил[42]. Не говорим уже о том, что источники не подтверждают мнения М. Д. Присёлкова об учреждении епископий в Чернигове и Переяславле во второй половине 1060-х гг.[43]

Однако самое главное — в другом. Известно, что Святослав действительно построил в Киеве свой монастырь, но посвящённый св. Симеону. Когда в 1147 г. в ходе возмущения киевлян против Ольговичей погиб Игорь Ольгович, то хоронивший его игумен Феодоровского монастыря (фамильного монастыря Мономашича Мстислава) повёз князя «на конець града в манастырь с(вя)т(о)му Семеону, бѣ бо манастырь от(ь)ца его и дѣда ег(о) С(вя)тослава»[44]. Спустя немного лет черниговский князь Святослав Ольгович перенёс тело брата в черниговский Спасский собор, в связи с чем мы узнаём, что Симеоновский монастырь располагался в Копыреве конце[45] —

---

39 Голубинский Е. Е. История Русской церкви. — Т. 1, 2-я половина тома. — С. 585–586. Такого отождествления, заметим, придерживался и сам М. Д. Присёлков.

40 Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. — № 32; Его же. Древнерусская архитектура. — Санкт-Петербург, 1993. — С. 261, № 32; Комеч А. И. Древнерусское зодчество. — С. 291–297.

41 Здесь в 1137/1138 г. похоронена венгерская королева-изгнанница Евфимия, дочь Мономаха (см.: ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 305), здесь же — Мономашич Юрий Долгорукий и его сын Глеб, скончавшиеся во время княжения в Киеве (см.: Там же. — Стб. 348, 363–364; Т. 2. — Стб. 489, 563–564). Владимиру Всеволодовичу Спасский Германец монастырь мог достаться по завещанию ктитора после смерти последнего в 1096 г. — так же, как Стефанец в 1094 г. достался волынскому (затем — дорогобужскому) князю Давыду Игревичу, который довёл дело до освящения собора и распорядился похоронить себя в нём (см.: Там же. — Т. 2. — Стб. 273).

42 См. прим. 12; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. — Москва, 2006. — С. 599–600.

43 Византийский список епархий Киевской митрополии последних лет правления императора Мануила I Комнина (1143–1180 гг.) склоняет отнести учреждение Черниговской епископии ко времени Владимира, а Переяславской — Ярослава (см.: Назаренко А. В. Митрополии Ярославичей во второй половине XI века // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (Историко-филологические исследования) [Древнейшие государства Восточной Европы. 2007] . — Москва, 2009. — С. 172–206).

44 ПСРЛ. — Т. 2. — Стб. 354.

45 Перенесение состоялось «от с(вя)т(а)го Семена ис Копырева конца» (см.: Там же. — Стб. 408). Временным погребением Симеонов монастырь стал в 1162 г. и для Изяслава Давыдовича, другого внука Святослава Ярославича (см.: Там же. — Стб. 518).

это практически исключает всякую попытку отождествить его со Спасским монастырём.

Посвящение Симеоновского монастыря до известной степени загадочно, ведь крестильным именем Святослава Ярославича было Николай[46], да и среди Святославичей Симеонов также не замечено[47]. Кроме того, неизвестно, когда Святослав построил монастырь в Копыреве конце — во время ли своего киевского княжения в 1073–1076 гг. или ранее. Обе загадки разрешились как нельзя лучше с помощью данных иностранных источников.

Совершенно твёрдо установлено, что в ходе подспудного противостояния между Изяславом Киевским, с одной стороны, и Святославом Черниговским и Всеволодом Переяславским — с другой, Святослав ок. 1070 г. вступил во второй брак с саксонкой Одой. Союз был призван связать руки польскому родственнику Изяслава — князю Болеславу II (1054–1079), вмешательство которого и обеспечило возвращение Изяслава в мае 1069 г. из своего первого изгнания[48]. И вот оказывается, что почитание подвизавшегося в Трире св. Симеона Столпника (нового) (умер в 1035 г. и вскоре канонизирован) было весьма актуальным для семейства второй супруги Святослава. Её род был тесно связан с Триром и, более того, с трирским монастырём Св. Симеона, в котором настоятелем собора был родной брат Оды — Бур-

---

46 Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. — Санкт-Петербург, 1892. — С. 24, 33; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. — Т. 1: Печати X — начала XIII в. — Москва, 1970. — С. 34. Тем не менее (и, как можно понять, именно на основании посвящения Симеоновской церкви) в науке Святославу иногда приписывают христианское имя Симеон (см.: Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. — Москва, 1989. — С. 136), что представляется недоразумением.

47 Давыд и Роман Святославичи имели только христианские имена, Олег был в крещении Михаилом, а Ярослав — Панкратием (см.: «Хожение» игумена Даниила в Святую землю в начале XII в. / Изд. подгот. О. А. Белоброва, М. Гардзанити, Г. М. Прохоров, И. В. Фёдорова; отв. ред. Г. М. Прохоров. — Санкт-Петербург, 2007. — С. 134, 268). Крестильное имя Глеба, старшего из Святославичей, неизвестно, но если его нарекли Симеоном, то основание Симеоновского монастыря пришлось бы отнести ко времени княжения Ярослава Мудрого, что представляется крайне маловероятным.

48 См. подробный разбор ситуации и источников: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. — Москва, 2001. — С. 506–522. Новый и, пожалуй, главный источник по теме, введённый нами в науку в указанной работе (Санкт-Галленское продолжение начала XII в. «Хроники» Херманна из Райхенау), до сих пор, к сожалению, остаётся неизданным. Потому будет не лишним подробнее сказать о единственной рукописи, в которой сохранился памятник, где на foll. 17–17v и находится сообщение об интересующем нас браке «короля Руси»: Staats- und Stadtbibliothek Augsburg, 2° cod. 254, foll. 16–23, первая четверть XVI в. (см.: Gehrt W. Die Handschriften der Staats- und Stadtbibliothek Augsburg 2° cod. 251–400e. — Wiesbaden, 1989 [Handschriftenkataloge der Staats- und Stadtbibliothek Augsburg. Bd 4]. — S. 2–3) (благодарим коллегу T. Zajac из Торонтского университета за эту кодикологическую информацию).

харт[49], тот самый, который в 1075 г. приезжал к Святославу в Киев во главе посольства от германского императора Генриха IV (1056–1106), столь красочно описанного в летописи[50].

Эта экзотическая и, вместе с тем, полагаем, непререкаемая связь между киевским монастырём Св. Симеона и второй женитьбой Святослава Ярославича помогает датировать постройку и, как следствие, вскрыть её церковно-политический смысл.

Если Святослав женился на Оде в 1070 г., то появляется не только возможность, но и определённая вероятность синхронизировать (как то и виделось М. Д. Присёлкову) основание Святославова Симеоновского и Всеволодова Михайловского монастырей. Летопись, по понятной причине, не столь внимательна к наследию Святослава, как к деяниям Всеволода, и, в отличие от Выдубицкого собора, молчит о храме Святослава. И всё же некоторый параллелизм между обоими угадывается.

Несмотря на то, что оба были княжескими ктитореями, ни тот, ни другой не стали ни усыпальницами своих основателей, ни привлекательными центрами для их потомства. Никто из Святославичей или Всеволодовичей не был захоронен в отцовских монастырях, никто не расширил их за счёт собственных построек. Всеволод, став киевским князем, заложил новый фамильный монастырь в честь св. апостола Андрея внутри древней цитадели — в городе Владимира. Всеволод Ольгович, внук Святослава, став в 1139 г. киевским князем, предпочёл построить свою Кирилловскую церковь не в Копыреве конце, рядом с дедней, а далеко на севере — на Дорогожичах. Это отличает монастыри Святослава и Всеволода от Изяславова Дмитриевского монастыря. Да, Изяслава погребли не здесь, а почему-то в Десятинной церкви[51], но Изяславичи блюли отцовский монастырь. Ярополк построил здесь свою церковь Св. Петра, где и был погребён[52], Святополк — церковь Св. Михаила Златоверхую, также ставшую местом упокоения ктитора[53].

---

49 Эта сторона дела исследована недавно, см.: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Монастырь св. Симеона в Киеве и русско-немецкие связи второй половины XI в. // Их же. Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII века. — Москва, 2010. — С. 9–20.

50 ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 198–199; Т. 2. — Стб. 189–190.

51 Или в Софийском соборе (см.: Кучкин В. А. «Съ тоя же Каялы Святоплъкъ...» // Russia Mediaevalis. — T. VIII, 1. — München, 1995. — P. 87–113).

52 ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 206; Т. 2. — Стб. 198.

53 Там же. — Т. 2. — Стб. 275. Спор о том, принадлежала или нет эта Михайловская церковь монастырю Св. Дмитрия (см.: Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. — С. 135), выглядит напрасным, ибо не видно, почему правнуки Святополка Изяславича — Святополк и Глеб Юрьевичи, князья туровские, должны были к 1190-м гг. потерять право и возможность захоронения в прадедовом храме (а они были там захоронены, см.: ПСРЛ. — Т. 2. —

Уже из сказанного видно, что причина такой сходной судьбы Симеоновского и Михайловского монастырей — не в их топографическом положении. Они лежат вне стен города Ярослава, но ведь и Дмитриевский — тоже, причём, если Михайловский вынесен далеко на юго-восток, то Симеоновский расположен не просто рядом со стенами, но и совершенно симметрично Дмитриевскому: первый примыкает к Ярославову городу с северо-запада, второй — с северо-востока. Киевский князь Святослав Всеволодович в годы правления в Киеве построил церковь Св. Василия на княжеском дворе[54], но это не помешало ему избрать местом погребения в 1194 г. отцовский, пусть и загородный, Кириллов монастырь[55]. Нет, природа «дефектности» Симеоновского и Михайловского монастырей в глазах их основателей и потомков оных кроется в другом — в некоем особом статусе обеих обителей, а вернее — в государственно-династическом статусе самих учредителей на момент постройки.

В самом деле, 1070-й год замечателен не только тем, что тогда Всеволод Ярославич заложил собор Св. Михаила, а Святослав Ярославич, как можно думать, — собор Св. Симеона. На 1070 г. пришлось удивительное, в каком-то смысле даже соблазнительное, событие: на Руси открылись две новые митрополии (не епархии, как полагал М. Д. Присёлков) — в Чернигове и Переяславле[56]. Эта радикальная перемена в церковном строе, в силу которой единая территория Киевской митрополии разделилась на три церковно-юридически равноправных области, стала следствием перемены в строе политическом: вернувшийся в 1069 г. в Киев Изяслав не смог восстановить своё прежнее положение в полном объёме, и сеньорат (старейшинство) киевского князя, установленный завещанием Ярослава Мудрого в 1054 г., испытал кризис, сменившись троевластием Ярославичей. Суверенитет политический предполагал и имел следствием суверенитет церковный.

Мы не знаем всех деталей нового договора между Ярославичами, но вправе догадываться, что, кроме передела волостей (так, Новгород в 1069 г. не вернулся под Изяслава, оставшись за Святославом Черниговским), абсолютизацией независимости Чернигова и Переяславля от Киева дело не ограничилось. В силу неизменного традиционного представления о Руси как общем совладении княжеского рода[57] новый статус черниговского и переяславского князей в системе троевластия мог подразумевать и какие-то внешние,

---

Стб. 665–666, 694), если Дмитриевский монастырь с 1128 г. принадлежал монастырю Киево-Печерскому (см.: Там же. — Т. 1. — Стб. 299).

54 ПСРЛ. — Т. 2. — Стб. 634.

55 Там же. — Т. 1. — Стб. 412; Т. 2. — Стб. 680.

56 Назаренко А. В. Митрополии Ярославичей во второй половине XI века. — С. 207–245.

57 Там же. — С. 47–87.

репрезентативные проявления. Осмелимся предположить, что одним из таких и стало устройство в Киеве неких зримых, если угодно, «официальных», знаков троевластия — личных монастырей Святослава и Всеволода, в дополнение к основанному ещё ок. 1060 г. Изяславову монастырю Св. Димитрия.

Очевидно, Ярославичи сознательно создавали новый, не свойственный Руси до тех пор политический порядок и старались как можно отчётливее подчеркнуть это. Это не было просто упразднение сеньората, то есть возврат к старой практике независимости братских княжеств-уделов[58], которая теперь усугублялась их церковной независимостью от Киева. Похоже, новый строй предполагал ещё какую-то особую демонстрацию присутствия младших Ярославичей в Киеве Изяслава, о чём тоже догадывался М. Д. Присёлков.

Если так, то это ещё более усиливает ощущение «экстерриториальности» Михайловского Выдубицкого монастыря в Киеве, которое возникает из-за предоставления в нём убежища ставшему неугодным игумену Стефану. Совсем недавно, в 1069 г., в аналогичной ситуации Святослав не имел возможности укрыть за стенами своего монастыря (которого ещё не было) другого опального печерянина — Антония от гнева того же Изяслава, так что Антонию пришлось спасаться в самом Чернигове[59].

Вот почему нам кажется предпочтительной максимально ранняя датировка строительства церкви Св. Симеона, примерно совпадающая с заложением Михайловского собора на Выдубичах, а не поздняя — когда Святослав вокняжился в Киеве[60].

---

58 Там же. — С. 69–70.

59 ПСРЛ. — Т. 1. — Стб. 193; Т. 2. — Стб. 185; Житие Феодосия Печерского / Подг. текста, пер., комм. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. — Т. 1. — Санкт-Петербург, 1997. — С. 372 (в «Успенском сборнике» бóльшая часть эпизода утрачена); Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик — Волоколамский патерик. — С. 53.

60 Как полагает, напр., Ю. А. Артамонов (см.: Артамонов Ю. А. Симеоновский монастырь // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под ред. Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина. — Москва, 2014. — С. 739).

Е. Н. Носов

От Городища к Новгороду или всё же от Новгорода к Городищу? (к истории названия центра Северной Руси)

Любые выводы о соотношении древних топонимических наименований почти всегда вызывают споры и им находятся возражения, особенно если речь идёт о названиях исторически значимых центров. Действительно, все лингвистические данные выявлены, новых фактов, за исключением некоторых археологических уточнений, не появляется и вряд ли они появятся, возможные цепочки связи топонимов проанализированы, аргументация изложена. И, тем не менее, каждое очередное поколение исследователей возвращается к подобным вопросам и пытается предложить наиболее рациональное объяснение. Это заставляют делать меняющийся со временем общеисторический подход к оценке прошлого, некоторых конкретных событий и фактов и, наконец, появление новых данных.

Вопрос о древнейшем названии Новгорода — городского центра в истоке р. Волхов — и связанных с ним исторических топонимов принадлежит к числу именно таких вопросов, встающих перед лингвистами и историками Древней Руси. Сегодня мы отсчитываем сорок лет с начала систематических раскопок Рюрикова городища под Новгородом (1975 г.). Сорок последних лет ежегодно продолжались и начатые в 1932 г. археологические исследования самого Новгорода. Определённые уточняющие новые археологические материалы за эти годы получены. Именно поэтому допустимо ещё раз вернуться к соотношению исторических наименований центрального поселения Северной Руси, которые донесли до нас письменные источники, и, взвесив аргументы, попытаться выстроить наиболее логичную схему, какой она представляется сейчас.

Речь идёт о наименованиях «Новгород», «Хольмгард» и «Городище». Само название «Новъгородъ», судя по его буквальному смыслу «Новый город», явно вторично по отношению к некоему иному топониму (топонимам). Поиски этого предшественника продолжались уже не одно столетие, и за ними стоит давняя историографическая традиция. Казалось бы, и думать много не надо. В 2 км от новгородского Кремля, в самом истоке Волхова из озера Ильмень, располагалась резиденция новгородских князей с симптоматичным

названием — Городище. В русском языке суффикс «-ище» обозначает «заброшенное место», «место, где было...» (селище, церковище, усадище, дворище), соответственно и термин «городище» употребляется в первую очередь в отношении тех мест, на которых ранее находились укреплённые поселения, городки. В рассматриваемом случае несомненна древность появления топонима, поскольку в летописи Городище впервые упомянуто под 1103 г. в связи с постройкой церкви Благовещения. Это подтверждает и археология. На Городище найдены укрепления с дубовыми конструкциями и слои IX в.[1] На территории самого Новгорода слоёв ранее 930-х гг. не обнаружено даже в его центральных частях, и тем самым выводы А. В. Арциховского 1956 г. и В. Л. Янина 1977 г. об отсутствии в городе слоёв более ранних, чем X в., остаются в силе[2]. На территории новгородского кремля, на холме в его северной, древнейшей, части постройка на материке датируется 962 г., а укреплений более ранних, чем вал 1044 г., нет. На политическую сцену северная часть кремлёвского холма вышла в последней четверти X в. при принятии христианства, с основанием здесь Владычного двора, строительством епископской церкви Иоакима и Анны, а затем деревянного Софийского собора в 989 г.[3]

Из этого следует, что: 1) поселение на Городище хронологически древнее новгородской застройки не меньше, чем на столетие; 2) это укреплённое поселение является «старым городом» по отношению к Кремлю 1044 г. как «новым укреплениям»; 3) топоним Городище появился тогда, когда произошла замена одних укреплений другими, т. е. в середине XI в.

Однако выясненное временное соотношение укреплённых поселений в истоке Волхова и появление топонима Городище в середине XI в. отнюдь не

---

[1] Носов Е. Н. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции. — Санкт-Петербург, 2007. — С. 32–35. — Рис. 6–7.

[2] Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода // МИА. — № 55. — Москва, 1956. — С. 15, 42–43; Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. — Москва, 1977. — С. 216. Самые древние новгородские постройки к настоящему времени обнаружены в Люденом конце (Троицкий раскоп), и относятся к 930–940-м гг. (см.: Фараджева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г. Усадьбы Ярышевой улицы Людина конца средневекового Новгорода в X в. (по материалам Троицкого раскопа) // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. — Москва; Вологда, 2014. — С. 134–158. — Табл. 1).

[3] Носов Е. Н. Новгородский детинец и Городище (к вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // НИС. — Вып. 5 (15). — Санкт-Петербург, 1995. — С. 3–17. Особую роль церкви в древней административной структуре города отмечал Н. Ю. Дежевский. Касаясь истории городского детинца, он заключил, что «цитадель, очевидно, появилась в ходе христианизации Новгорода», а крепость середины XI в. также была возведена как епископская (см.: Dejevsky N. J. Novgorod: The Origins of a Russian Town // European Towns: Their Archaeology and Early History. — London; New York; San Francisco, 1977. — P. 391–402).

Рис. 1. Общий вид на Городище с запада с высоты птичьего полёта во время паводка 30 мая 2010 г. Фото А. А. Кочевника

решает проблему становления Новгорода. Название «Новьгородъ» не появилось только после строительства нового кремля в середине XI в. Уже в летописных сводах XI в., лежащих в основе Начального свода 1093–1095 гг., название «Новьгородъ» («новгородцы») широко соотносится с событиями более ранними и подразумевает весь город, а не только его крепость. Невозможно допустить, что на все летописные известия о деяниях времён Рюрика, Олега, Ольги, Владимира и Ярослава летописцы лишь проецировали новый топоним, появившийся во второй половине XI в. Одним словом, наименование «Новьгородъ» существовало до возведения детинца 1044 г. и до появления топонима Городище. Учитывая, что на территории новгородского детинца нет слоёв ранее третьей четверти X в., а весь комплекс на его месте приобрёл особое значение в городской структуре только с утверждением в конце X в. христианства, строительством деревянного Софийского храма и Владычного двора, можно полагать, что летописцы, говоря о Новгороде при описании событий IX–X вв., подразумевали поселение на Городище. Итак, городищенский военно-административный и торгово-ремесленный центр и есть древнейший «Новьгородъ» русских летописей, а Городище — это одно из локальных названий в рамках Новгорода, появившееся на более позднем этапе его развития, так же, как, например, «Ярославово дворище».

Новгород в форме «Немогард» («Невогард»?) впервые упоминается в письменных источниках в сочинении 948–952 гг. византийского императора

Рис. 2. Новгород и исток Волхова с высоты птичьего полёта 30 мая 2010 г.
Фото А. А. Кочевника

Константина Багрянородного с сообщением, что в нём «сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России». Конструкция с корнем «-гард» во второй части слова указывает на скандинавского информатора византийцев, который для передачи названия центра Северной Руси использовал привычную ему форму для обозначения пунктов на пути «из варяг в греки»[4].

Однако название «Новъгородъ» было более ранним, но не изначальным наименованием укреплённого поселения в истоке Волхова, которое в дальнейшем стали именовать Городищем. Скандинавы появившись в низовьях Волхова в середине VIII в., что доказали раскопки в Ладоге; вскоре поднялись вверх по реке, где за встреченным здесь поселением закрепилось название — «Hólmgarðr» в древнейшей скандинавской огласовке. Никакого Новгорода ещё не было.

---

4 А. Н. Кирпичников предположил, что речь в данном случае идёт не о Новгороде, а о Ладоге, указывая на наименование Ладожского озера — озером «Нево» (см.: Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы (Славяно-русские древности). — Вып. 1. — Ленинград, 1988. — С. 55). С этим категорически нельзя согласиться. В скандинавском языке Ладога имела вполне определённое устоявшее название — Aldeigja/Aldeigjuborg. Выдумывать нечто новое скандинавскому информатору византийцев не было никакого смысла. В Немогарде/Невогарде сидел старший сын киевского князя. Такая ситуация с посадничеством на новгородском столе сына великого князя была известна на Руси для Новгорода, но не для Ладоги.

В принципиальном плане возможны два пути возникновения такого скандинавского наименования. Первый — Хольмгардр (Hólmgarðr) — является сугубо скандинавским по происхождению топонимом. Тогда название можно пытаться объяснить как «город на острове», «островной город» (от «holmr» — «остров») или территорией с «усадьбами на холмах», «поселениями в островной местности» (от «holmr» — «остров, возвышенность на болоте, залитом лугу» и «gardr» — «ограда, двор, усадьба»). Название заселённой местности в этом случае затем перешло на город.

С лингвистической точки зрения эти объяснения не безупречны[5]. Кроме того, все городские поселения на территории Восточной Европы в древнескандинавской передаче представляли собой воспроизведения фонетического облика адекватных им местных топонимов: *Aldeigja/Aldeigjuborg* — Ладога; *Pallteskja* — Полоцк; *Móramar* — Муром; *Surdalar* — Суздаль; *Rostofa* — Ростов. Три названия главных пунктов на пути «из варяг в греки» — *Hólmgarðr*, *Kænugarðr*, *Miklagarðr* — входят в состав единого топонимического ряда, то есть образовались по одной схеме. В основе наименований *Kænugarðr* (Киев)[6] и *Miklagarðr* (*Великий город*[7] — Константинополь) лежат местные названия, а значит и при появлении наименования *Hólmgarðr*, очевидно, первого по времени формирования как находящегося в самом начале пути на юг, также лежит локальный топоним. Им мог быть некий славянский Холмъ-Городъ в истоке р. Волхов на месте будущего Городища. Скандинавы, попавшие в Приильменье к концу IX в., восприняли славянское наименование поселения и переосмыслили его в соответствии с действующим при межэтнических контактах механизмом народной этимологии.

---

5 Джаксон Т. Н., Молчанов А. А. Древнескандинавские названия Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки» // ВИД. — Вып. XXI. — Ленинград, 1990. — С. 226–229; Джаксон Т. Н. Austr i görðumi: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. — Москва, 2001. — С. 22–89.

6 Сейчас общепринято, что прототипом для Koniugardr послужил «Кыян(ов)ъ городъ» — былинный вариант топонима «Кыевъ», восходящий к широко распространённому древнему наименованию Киева, бытовавшему в устной речи (см.: Джаксон Т. Н., Молчанов А. А. Древнескандинавские названия Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки». — С. 234).

7 Обиходными греческими наименованиями Константинополя являлись «Царственный город», «Царица-город» в значении «первенствующий, выдающийся, великий город». Первая часть древнескандинавского топонима возводится к прилагательному «mikill» — «большой, великий» (см.: Джаксон Т. Н., Молчанов А. А. Древнескандинавские названия Новгорода в топонимии пути «из варяг в греки». — С. 234). Здесь следует напомнить, что даже в худшие времена своего упадка в середине IX в. население Константинополя составляло 40–50 тыс. чел., что вдвое превосходило численность жителей Рима, а зарождавшиеся в середине IX в. городские центры Восточной и Северной Европы выглядят жалкими карликами на фоне Константинополя как по численности населения, так и по своим размерам.

Суть этого явления, отмечала Т. Н. Джаксон, «заключается в том, что звучание чуждого топонима воспроизводится в другом языке с параллельным его осмыслением и, следовательно, с искажениями, с заменой исходных корней на другие, близкие к ним по звучанию, но порой весьма далёкие по смыслу. Заимствованное слово, имя, понятие, или его составляющая, принимают при этом в родном языке значение слова, близкого к исходному по звучанию»[8]. Так произошло и с центральным поселением Приильменья, когда славянское название Холмъ-Город было воспроизведено и по-своему переосмыслено скандинавами как Hólmgarðr.

Сказание о призвании варягов, в чём соглашается большинство современных исследователей, не лишено исторической подосновы. Согласно вариантам «Повести временных лет» по Радзивилловской и Ипатьевской летописям, варяжский князь Рюрик в середине IX в. «пришед ко Илмерю, и сруби город(о)къ над Волховом, и прозва и Новъгород, и сяде ту княжа раздаа волости»[9]. Это полностью топографически соответствует местоположению современного Городища (древнего «Холмъгорода») и отстоит на 2 км вверх по течению реки от детинца 1044 г. Приход Рюрика к истоку Волхова и строительство им укреплений, ныне открытых раскопками, — важное свидетельство значения, придававшегося поселенческому ядру Северного Приильменья уже в середине IX в.

Немало противоречивых суждений в научной литературе вызывала летописная фраза: «ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска преже бо беша словени»[10]. Но если согласиться, что Новую крепость заняла прибывшая дружина Рюрика («от рода варяжска»), а изначальными обитателями расположенного здесь «Холмъгорода» были словене, то весь контекст летописной фразы становится понятным. Название «Новъгородъ» постепенно закрепилось у словен за всей поселенческой агломерацией истока Волхова, а наименование центра Северной Руси *Hólmgarðr* осталось в скандинавской среде со времён первого появления варягов на Ильмене.

Итак, наиболее вероятная схема развития поселенческого центра в верховьях Волхова на данный период разработки вопроса следующая: 1) древнейшее поселение словен «Холмъгород», трактовка его названия на скандинавский манер *Hólmgarðr*; 2) в середине IX в. устройство Рюриком новых

---

[8] Джаксон Т. Н. Austr i görðumi: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. — С. 157–158; Успенский Ф. Б. Древнескандинавская топонимия Восточной Европы: проблема наименования Руси и некоторых городов, лежащих на «пути из варяг в греки» // Его же. Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. — Москва, 2002. — С. 289–296.

[9] Полное собрание русских летописей. — Т. 2. — Санкт-Петербург, 1908. — Стб. 14; Т. 38. — Ленинград, 1989. — С. 16.

[10] Повесть временных лет. — Изд. 2-е. — Т. 38. — Санкт-Петербург, 1996. — С. 13.

укреплений на его месте и появление топонима Новый город с постепенным охватом им всей территории застройки в верховьях Волхова; 3) середина XI в. — строительство очередной крепости вокруг формирующегося церковного центра и появление топонима Городище в отношении места старого городка (бывшего «Холмъгорода» и древнейшего Новгорода).

Важнейшей задачей археологии ближайших лет будут являться поиски доказательств достаточно продолжительного существования «Холмъгорода» до строительства крепости Рюрика[11]. Определённые археологические факты для этого есть, а косвенно об этом говорит существование в третьей четверти I тыс. н. э. славянского поселения Прость, расположенного как раз напротив «Холмъгорода», рядом с известным по летописям языческим капищем в урочище Перынь. Поселение Прость являлось самым крупным неукреплённым селищем раннего средневековья в окрестностях Новгорода и важнейшим центром словен Ильменского Поозёрья. В конце 1990-х гг. тут уже проводились целенаправленные раскопки Новгородской областной экспедицией ИИМК РАН[12].

К решению вопроса о взаимосвязи топонимики городского центра в истоке Волхова в описанном выше варианте автор шёл постепенно на протяжении многих лет, неоднократно корректируя и изменяя свою позицию по мере появления новых фактов и интерпретаций[13]. Ближе всего с изложенным ходом мыслей всегда совпадали также уточнявшиеся и основанные в большей степени на лингвистических материалах взгляды на проблему московских коллег Т. Н. Джаксон и А. А. Молчанова. Важнейшие из их работ (а мы далеко не все их упомянули в настоящем тексте) тщательно собраны в статье А. А. Молчанова к юбилею Т. Н. Джаксон[14].

---

[11] Перспективными в этом плане могут оказаться результаты исследований в северной части Городища на Благовещенском раскопе, начатые в 2014–2015 гг. под руководством И. И. Еремеева.

[12] Носов Е. Н., Плохов А. В. Новые раскопки поселений в Северном Приильменье // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья (Новые материалы и исследования). — Санкт-Петербург, 2005. — С. 140–146.

[13] Носов Е. Н. Новгород и новгородская округа в IX–X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // НИС. — Вып. 2 (12). — Ленинград, 1984. — С. 3–38; Его же. Новгородское (Рюриково) городище. — Ленинград, 1992. — С. 170–171, 183–184, 190–199; Его же. Новгородский детинец и Городище (к вопросу о ранних укреплениях и становлении города). — С. 5–17; Его же. У истоков Новгорода // Славянский средневековый город: Труды VI Международного конгресса славянской археологии. — Т. 2. — Москва, 1997. — С. 272–285.

[14] Молчанов А. А. Новгородское боярство в X–XI вв.: Славянский и скандинавский компоненты // Висы дружбы: Сборник статей в честь Татьяны Николаевны Джаксон. — Москва, 2011. — С. 269–275.

М. А. Плавінскі

Сярэднявечны могільнік Гаравец у вярхоўях Бярэзіны

У ліпені 1986 г. археалагічная экспедыцыя гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта пад кіраўніцтвам А. М. Плавінскага і В. Н. Рабцэвіча правяла раскопкі сярэднявечнага могільніка Гаравец Зарэч'еўскага сельскага савета Барысаўскага раёна Мінскай вобласці.[1] Помнік размяшчаецца на самай поўначы раёна, побач з яго мяжой з Лепельскім раёнам Віцебскай вобласці, на левабярэжжы ракі Мрай — правага прытока Бярэзіны Дняпроўскай у яе верхнім цячэнні (мал. 1: *1*).

Могільнік размяшчаецца за 700 м на паўночны ўсход ад вёскі Гаравец, у старым яловым лесе. Некропаль выцягнуты з захаду на ўсход і займае плошчу 500×400 м (мал. 1: *2*). Паўночную частку могільніка складаюць курганы, пераважна паўсферычнай формы, вышынёй да 1,5 м і дыяметрам ад 5 да 10 м. Шмат якія з курганоў абкладзеныя вялікімі валунамі. Паўднёвую частку некропаля займаюць каменныя магілы — невялікія авальныя насыпы, абкладзеныя вялікімі камянямі (мал. 1: *3*). У галовах і нагах пахаваных усталяваныя буйныя валуны, на некаторых з якіх маюцца сляды грубага абцёсвання. У асобных выпадках на валунах, размешчаных «у галовах», высечаныя крыжы розных форм (мал. 8–10).

Могільнік уключаны ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культуных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь як нерухомая гісторыка-культурная каштоўнасць катэгорыі 3 з шыфрам 613В000013.[2] У 2012 г. абследаванне могільніка было ажыццёўлена В. І. Кошманам у межах інвентарызацыі гісторыка-культурных каштоўнасцей Барысаўскага раёна.[3]

---

[1] Рябцевич В. Н. Отчёт за 1986 г. Раскопки могильника Горавец Борисовского района Минской области / Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі Цэнтральнага навуковага архіва Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Справа № 1053.

[2] Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь. Мн.: БЕЛТА, 2009. С. 505.

[3] Кошман В. І. Археалагічныя помнікі Барысаўскага раёна і праблемы інвентарызацыі // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зборнік

У 1986 г. у Гараўцы А. М. Плавінскім і В. Н. Рабцэвічам было даследавана 2 курганы і 5 каменных магіл. Матэрыялы раскопак гэтага пахавальнага помніка да нядаўняга часу практычна не ўводзіліся ў навуковы зварот.[4] Разам з тым, варта адзначыць, што ўрыўкавыя дадзеныя аб раскопках некропаля Гаравец былі выкарыстаны ў абагульняючай працы А. В. Квяткоўскай, прысвечанай яцвяжскім могільнікам на тэрыторыі Беларусі[5], таксама ў артыкуле Л. У. Дучыц, у якім разглядаюцца курганна-жальнічныя могільнікі на тэрыторыі Полацкай зямлі.[6] Акрамя таго, вынікі раскопак у Гараўцы былі выкладзены А. М. Плавінскім у невялічкім артыкуле ў энцыклапедыі «Археалогія і нумізматыка Беларусі»,[7] які ўтрымлівае цэлы шэраг недакладнасцяў. Гэты ж артыкул быў прадубляваны ў новым двухтомным выданні энцыклапедыі «Археалогія Беларусі» ў 2009 г.[8] Нарэшце, частковая публікацыя матэрыялаў раскопак могільніка Гаравец была апошнім часам ажыццёўлена аўтарам сумесна з А. М. Плавінскім.[9]

Мэтай дадзенай публікацыі з'яўляецца паўнавартасная публікацыя вынікаў раскопак некропаля сярэднявечнага некропаля ў Гараўцы, вызначэнне яго датавання і месца сярод сінхронных пахавальных помнікаў вярхоўяў Бярэзіны Дняпроўскай і сумежных рэгіёнаў.

Курган 1 быў размешчаны за 10 м на ўсход ад лясной дарогі, якая вядзе ў вёску Гаравец. Насып вышынёй 0,7 м і дыяметрам 4,5 м быў абкладзены камянямі, меў авальную форму, выцягнутую з захада на ўсход. Вяршыня кургана прадстаўляла сабой адносна роўную пляцоўку, вольную ад камянёў. Слаба задзірванены насып складаўся з шэравата-жоўтага пяску з уключэннямі шматлікіх дробных каменьчыкаў (мал. 2: *1*). Пад ім прасочаны слой пяску з попелам — сляды пахаванай дзённай паверхні, які ў цэнтры кургана меў магутнасць 0,1 м і некалькі патаўшчаўся бліжэй да краёў насыпу. У гэтым слаі, непасрэдна на аснаванні кургана, была выяўлена значная колькасць невялікіх камянёў. Вакол насыпа добра прасочваўся раўчук шырынёй 0,5 м і

навуковых артыкулаў II міжнароднай навуковай канферэнцыі, Полацк, 17–18 красавіка 2014 г. Частка 1. Наваполацк: ПДУ, 2014. С. 46–54.

4 Рябцевич В. Н. Отчёт за 1986 г...

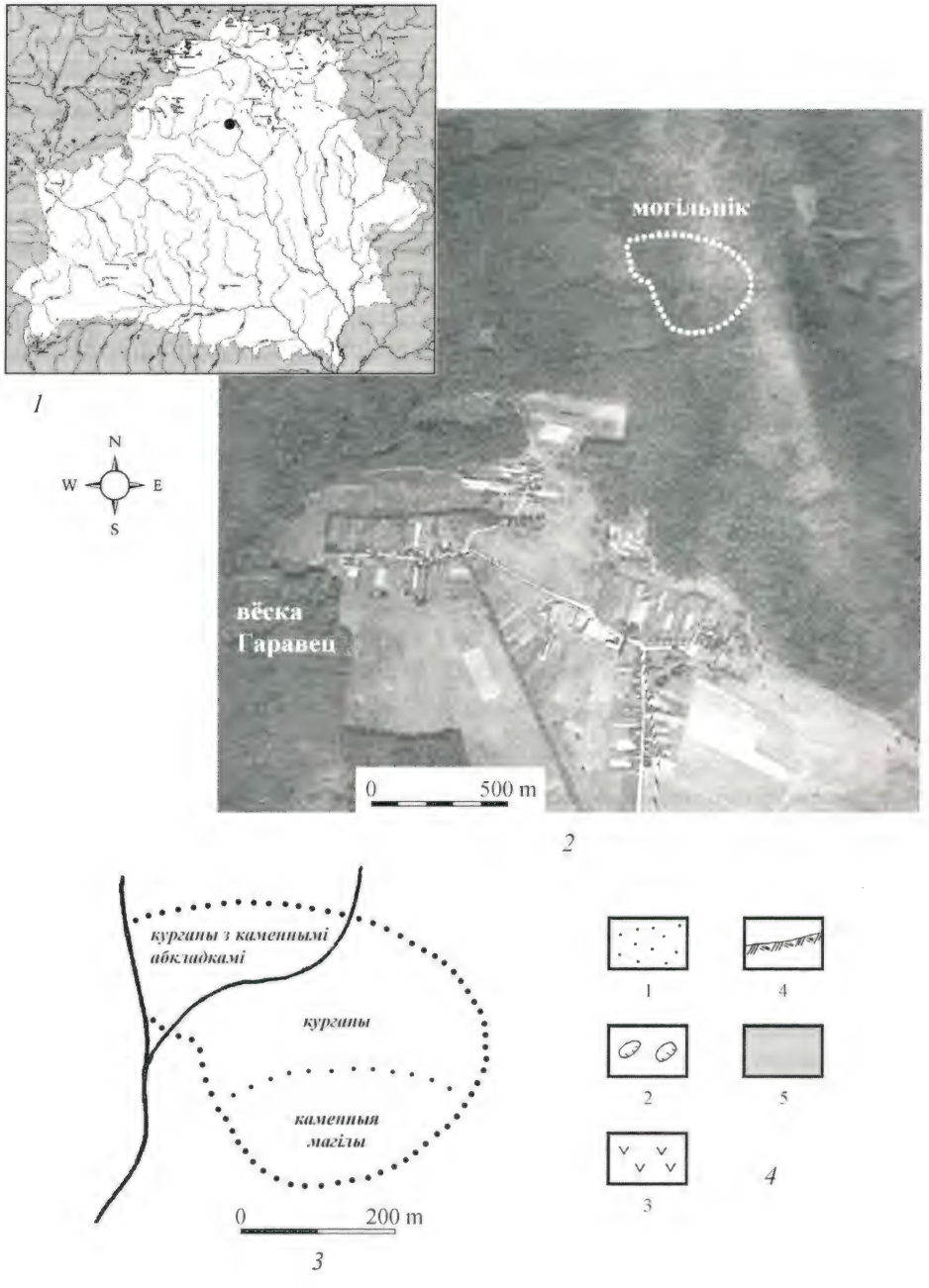
5 Квятковская А. В. Ятвяжские могильники Беларуси (к. XI–XVII вв.). Vilniaus: Diemedžio, 1998.

6 Дучыц Л. У. Курганна-жальнічныя могільнікі на тэрыторыі Полацкай зямлі (да пастаноўкі пытання) // Гістарычна-археалагічны зборнік. №. 10. Мн., 1996. С. 39.

7 Плавінскі А. М. Гаравец // Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыклапедыя. Мн.: БелЭн, 1993. С. 155.

8 Плавінскі А. М. Гаравец // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя. Т. 1. Мн.: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. С. 219.

9 Плавінскі М., Плавінскі А. Раскопкі сярэднявечнага могільніка Гаравец Барысаўскага раёна ў 1986 г. // Гісторыя Друцка-Бярэзінскага краю: матэрыялы Першых грамадскіх навукова-краязнаўчых чытанняў, Мінск — Крупкі — Магілёў, 28 сакавіка — 20 чэрвеня 2015 г. Мн.: Медысонт, 2015. С. 57–64.



Мал. 1. Могільнік Гаравец: 1 — месцазнаходжанне могільніка на мапе Беларусі, 2 — месцазнаходжанне могільніка ў ваколіцах вёскі Гаравец, 3 — схематычны план могільніка (паводле А.М. Плавінскага), 4 — умоўныя пазначэнні (1 — пясок, 2 — камяні, 3 — попел, 4 — мацярык, 5 — запаўненне магільнай яміны)

глыбінёй 0,2–0,3 м, у паўночнай частцы — да 0,5 м, запоўнены пяском з вугліем і попелам.

Пахаванне па абрадзе інгумацыі было выяўлена ў магільнай яміне авальнай формы, якая размяшчалася па цэнтры насыпу. Яна мела памер 2×0,9 м пры глыбіні 0,7 м і была выцягнута з захаду на ўсход (мал. 2: *2*). Запаўненне магільнай яміны складалася з шэравата-жоўтага пяску з дробнымі каменьчыкамі. Нябожчык ляжаў на спіне галавой на ўсход са складзенымі на жываце рукамі. Пахаванне не змяшчала ніякага інвентару.

Курган 2 размяшчаўся ў цэнтры могільніка і быў разбураны скарбашукальніцкай траншэяй шырынёй каля 0,7 м, якая перарэзала яго з поўдня на поўнач.[10] Нягледзячы на значную ступень пашкоджанасці насыпу, можна меркаваць, што яго вышыня дасягала 1,2 м пры дыяметры 7 м. Скарбашукальніцкая траншэя разразала курган і паглыблялася ў мацярык прыкладна на 0,2 м. Насып складаўся з жоўтага пяску. Пад ім, на ўзроўні 1,1 м ад вяршыні, выяўлены попельны слой магутнасцю 0,05–0,1 м (сляды пахаванай дзённай паверхні).

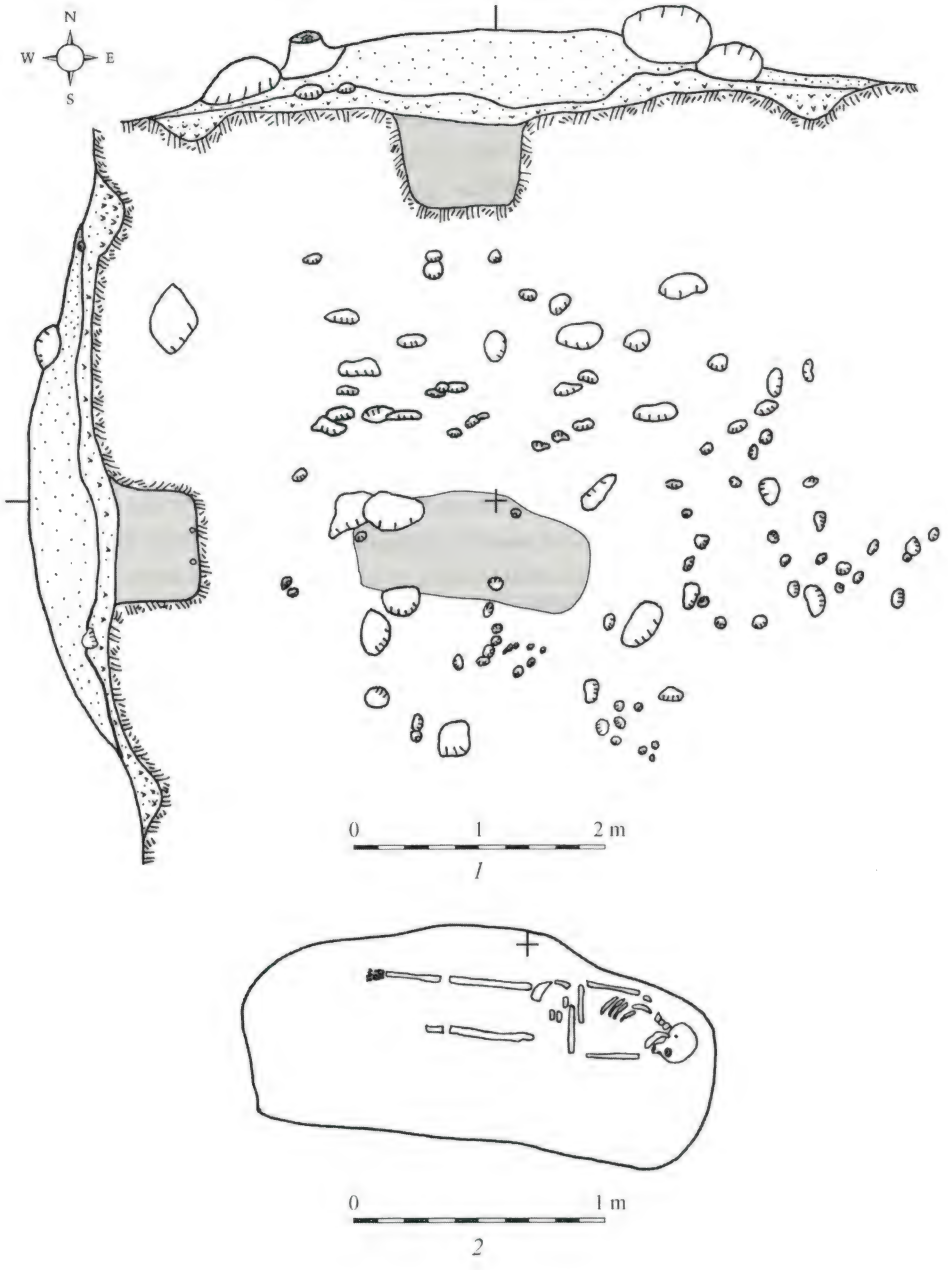
Пахаванне па абрадзе інгумацыі змяшчалася ў магільнай яміне глыбінёй 0,5 м і было арыентаванае галавой на ўсход. Рукі нябожчыка былі выцягнутыя ўздоўж цела. Пахавальны інвентар адсутнічаў.

Каменная магіла 1[11] знаходзілася ў паўднёвай частцы могільніка, за 12 м на захад ад лясной просекі. Авальная каменная абкладка насыпу вышынёй

---

[10] Нажаль, у справаздачы аб раскопках могільніка ў Гараўцы адсутнічае графічная і фота дакументацыя па дадзеным пахавальным комплексе (Рябцевич В. Н. Отчёт за 1986 г...).

[11] У папярэніх публікацыях ў дачыненні да пахаванняў дадзенага тыпу А. М. Плавінскі і аўтар выкарыстоўвалі тэрмін «жальнік» (Плавінскі А. М. Гаравец // Археалогія і нумізматыка Беларусі... С. 155; Плавінскі А. М. Гаравец // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя... С. 219; Плавінскі М., Плавінскі А. Раскопкі сярэднявечнага могільніка Гаравец ... С. 57–64). У сваю чаргу А. В. Квяткоўская выкарыстоўвала для азначэння пахаванняў у Гараўцы тэрмін «каменная магіла» (Квятковская А. В. Ятвяжские могильники Беларуси... С. 21). У сувязі з гэтым варта кратка спыніцца на акрэсленні значэнняў абодвух тэрмінаў. Па-сутнасці, варта канстатаваць, што абодва яны выкарыстоўваюцца ў літаратуры для азначэння аднаго і таго ж тыпу пахаванняў — грунтовых магіл з пахаваннямі па абрадзе інгумацыі, пазначаных наверсе каменнымі абкладкамі круглай, авальнай альбо прамавугольнай формы (Седов В. В. Жальники // Российская археалогия. № 1. 2000. С. 7; Квятковская А. В. Ятвяжские могильники Беларуси... С. 41–47). Тоеснасць абодвух тэрмінаў адзначалася Г. В. Штыхавым (Штыхаў Г. В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мн.: Навука і тэхніка, 1992. С. 93) і В. В. Сядовым, які пісаў, што «...новгородские жальники, которые составляют лишь северную часть ареала однотипных погребальных памятников. Он простирается далеко на юго-запад: через области полоцкого течения Западной Двины, верхней Вилии и Верхненеманские земли достигает Мазовии и Подляшья, где наблюдается концентрация таких памятников, именуемых в литературе каменными могильниками... Курганно-жальничные могильники Северной Белоруссии (бассейн Западной Двины и верховья Вилии)... ничем не отличаются от новгородско-псковских...» (Седов В. В. Жальники... С. 9). Тоеснасць разумення абодвух тэрмінаў у беларускай археала-



Мал. 2. Могільнік Гаравец. Курган 1: 1 — план і профілі кургана,
2 — план пахавання (мал. А. М. Плавінскага)

0,6 м і памерам 2×0,7 м была арыентаваная з паўднёвага захаду на паўночны ўсход (мал. 3: *1*). У яго заходняй частцы размяшчаўся вертыкальна ўсталяваны валун памерам 1,3×1,4 м са слядамі абцёсвання. Другі, крыху меньшы камень (0,7×0,5 м) ўсталяваны ва ўсходняй частцы пахавальнага насыпу. Насып пад каменнай абкладкай складаўся з шэравата-жоўтага пяску з дробнымі камянямі. На ўзроўні мацерыку плошча аснавання жальніка была пакрытая слоем пяску з попелам магутнасцю да 0,1 м (сляды пахаванай дзённай паверхні), у якім сустракаліся невялікія камяні памерам да 0,1 м.

Пахаванне па абрадзе інгумацыі змяшчалася ў магільнай яміне памерам 2×0,7 м, арыентаванай па лініі паўднёвы захад — паўночны ўсход. Яе запаўненне складалася з шэравата-жоўтага пяску з уключэннем попелу і дробных камянёў. Пахаванне па абрадзе інгумацыі знаходзілася на глыбіні 0,45 м і было абкладзна дрэнна захаванымі плахамі (мал. 3: *2*). Нябожчык ляжаў на спіне галавой на паўднёвы захад, рукі былі складзены на жываце. Пахавальны інвентар адсутнічаў.

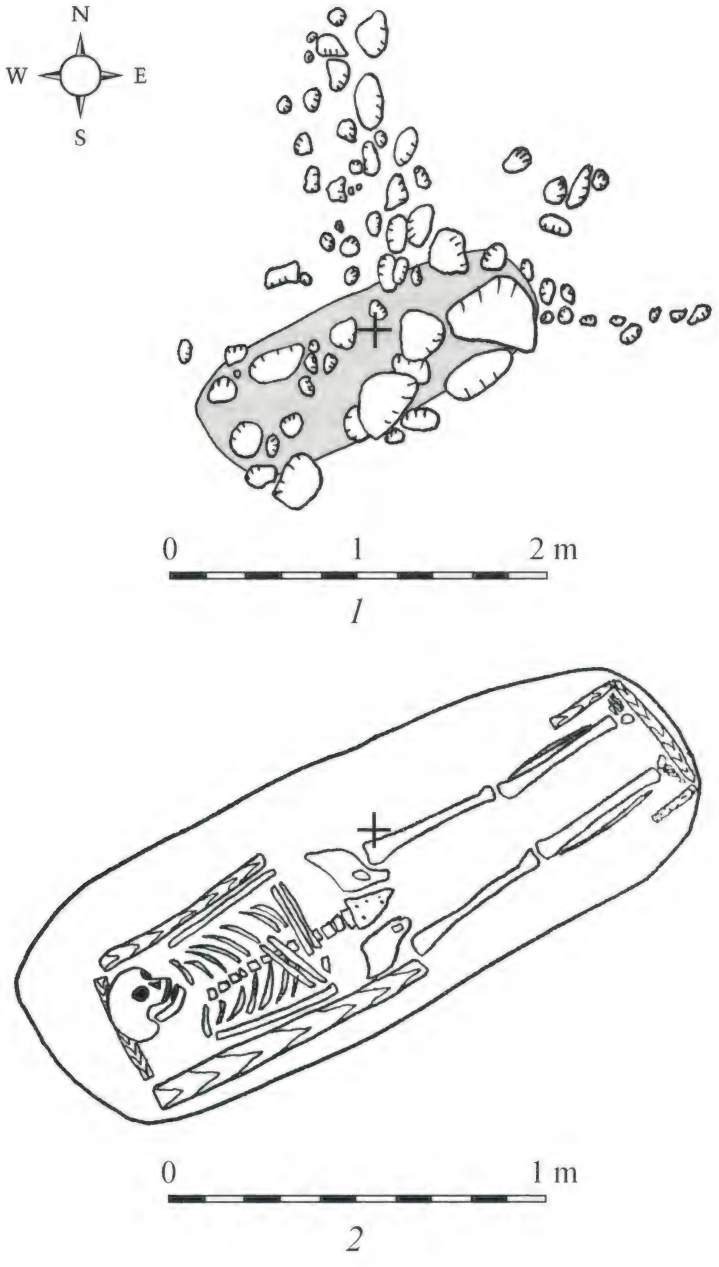
Каменная магіла 2 размяшчалася за 12 м на паўднёвы ўсход ад каменнай магілы 1. Каменная абкладка насыпу вышынёй 0,5 м і памерам 2,4×1,6 м была арыентаваная па лініі паўднёвы захад — паўночны ўсход (мал. 4: *1*). Насып пад ёй складаўся з жоўтага пяску. Пад ім выяўлены тонкі слой пяску з попелам магутнасцю да 0,05 м (сляды пахаванай дзённай паверхні).

Магільная яміна авальнай формы памерам 2,2×0,8 м была арыентаваная па лініі паўднёвы захад — паўднёвы ўсход. Яе запаўненне складалася з жоўтага пяску з дробнымі каменьчыкамі і глінай. Пахаванне па абрадзе інгумацыі змяшчалася на глыбіні 0,7 м. Нябожчыца ляжала на спіне, галавой на паўднёвы захад, рукі складзены на жываце (мал. 4: *4*). Пахаванне было перакрытае драўлянай плахай памерам 0,52 × 0,45 × 0,05 м (мал. 4: *3*). Дно магільнай яміны пакрывалася тонкім слоем гліны магутнасцю ад 0,03 м пад нагамі да 0,05 м пад галавой.

На лобнай частцы чэрапа прасочвалася палоска зеленаватай пацыны шырынёй каля 1,5 см — сляды амаль цалкам спарахнелага галаўнога веньчыка, ад якога захавалася толькі адна моцна каразіраваная ціснёная бляшка квадратнай формы, якая знаходзілася ў левай частцы лобнай косткі. Бляшка памерам 1,25×1,15 см зроблена з пласцінкі металу шэрага колеру

гічнай літаратуры стае відавочнай, зыходзячы з іх вызначэнняў у энцыклапедычных выданнях (Дучыц Л. У. Жальнікі // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя. Т. 1. Мн.: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. С. 335–336; Квяткоўская А. В. Каменныя могільнікі // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя. Т. 1. Мн.: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. С. 409–410).

Такім чынам, тэрміны «жальнік» і «каменная магіла» могуць разглядацца як тоесныя. Аднак, улічваючы, што тэрмін «каменная магіла» ў дачыненні да помнікаў Беларускага Панямоння, Падзвіння і вярхоўеў Бярэзіны з'яўляецца найбольш шырока ўжывальным у беларускай археалагічай літаратуры, ён будзе выкарыстоўвацца і ў дадзенай публікацыі.



Мал. 3. Могільнік Гаравец. Каменная магіла 1: 1 — план каменнай магілы, 2 — план пахавання (мал. А. М. Плавінскага)

(верагодна, сплаў на асонове медзі) таўшчынёй 0,2 мм (мал. 4: *2*). Арнамент на бляшцы ў выглядзе крыжападобнай разеткі з падквадратным выступам па цэнтры быў адціснуты з унутранага боку, у той час як адтуліны прабітыя з вонкавага боку.

Ачэллі, якія складаюцца з бляшак квадратнай формы шырока вядомыя на тэрыторыі Літвы, дзе яны датуюцца рознымі даследчыкамі ў шырокіх межах XIII — трэцяй чвэрці XV ст.[12], у каменных могільніках Беларускага Панямоння.[13] Цэлы шэраг ачэлляў з квадратных бляшак быў выяўлены ў курганных могільніках і жальніках вярхоўяў Віліі і Бярэзіны[14]. Разам з тым, варта мець на ўвазе, што тэрыторыя Панямоння і прылеглыя да яго рэгіёны не былі месцам, дзе ўзнік дадзены тып жаночых упрыгажэнняў. Знаходкі ціснёных бляшак вядомыя з раскопак шэрагу старажытнарускіх гарадоў, у тым ліку, Цвяры, Яраполча Залескага, Дзмітрава, Разані, Друцка. Галаўныя веньчыкі, упрыгожаныя ціснёнымі бляшкамі, выяўлены таксама ў пахаваннях на гарадскіх могілках Старой Русы, Таропца, Расціслаўля Разанскага. Ачэллі з ціснёных бляшак вядомыя не меньш як у 15 курганна-жальнічных і жальнічных могільніках Наўгародскай зямлі.[15] У Ноўгарадзе нашыўныя ціснёныя бляшкі, паводле назіранняў Ю. М. Лесмана, датуюцца часам паміж 1025 і 1382 гг., а найбольш позняя знаходка паходзіць са слою 1422–1429 гг., але яна адараваная ад асноўнай серыі.[16]

---

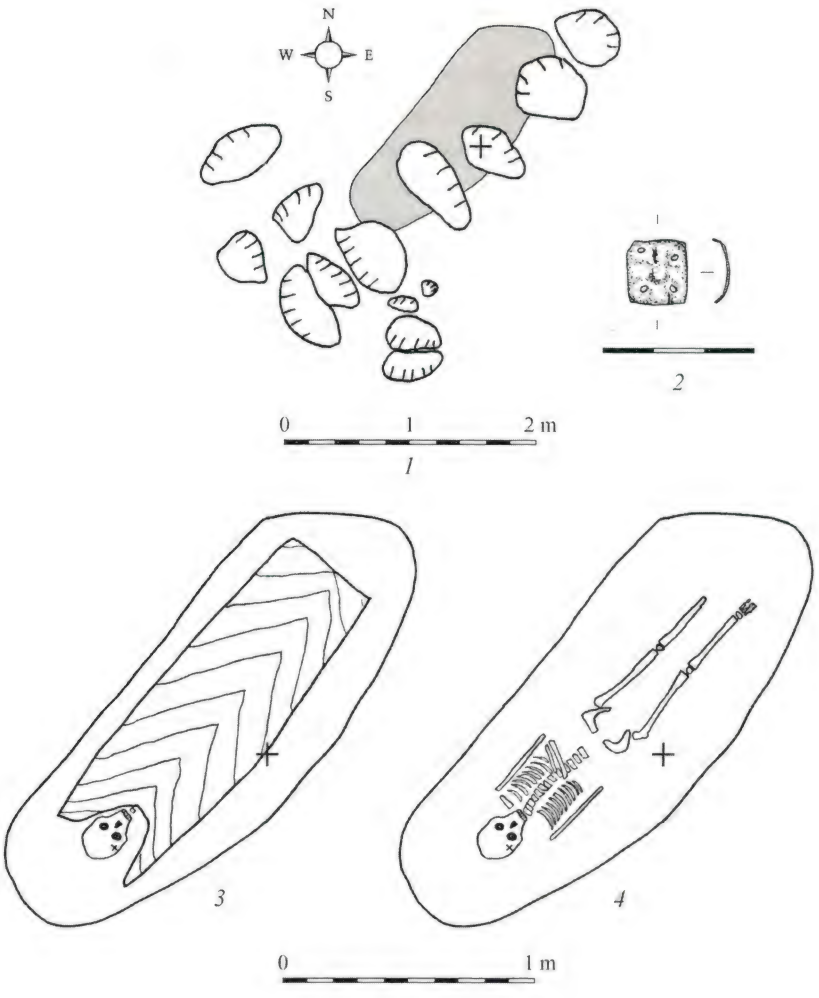
[12] Йонайтис Р. Община «Русского города» XIII–XIV веков в Вильнюсе в свете новейших археологических открытий // Археология и история Пскова и Псковской земли. М. — Псков, 2011. С. 177, рис. 3, 7; Svetikas E. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės christianizacija XIV a. pab XV a. Archeologiniai radiniai su krikščioniškais simboliais. T. I. Vilnius: Diemedžio, 2009. P. 40–52; Svetikas E. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės christianizacija XIV a. pab XV a. Archeologiniai radiniai su krikščioniškais simboliais. T. II. Vilnius: Diemedžio, 2009. P. 7–25; Vėlius G. Kernavės miesto bendruomenė XIII–XIV amžiuje. Vilniaus: Vilniaus universiteto leidykla, 2005. P. 102–104, 12–15 pav.

[13] Квятковская, А. В. Ятвяжские могильники Беларуси... С. 68–72, 242–243, рис. 10, 56, фото 22, 47.

[14] Вайцяховіч А. В. Асаблівасці пахавальнага абрада курганнага могільніка Бірулі (Парэчча) Докшыцкага раёна Віцебскай вобласці // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 15. Мн., 2008. Мал. 12:1; Дучыц Л. У., Квяткоўская А. В. Пахавальныя помнікі наваколіц Падсвілля // Гістарычна-археалагічны зборнік. №. 4. Мн., 1994. Рыс. 5; Дучыц Л., Вайцяховіч А., Кенька П. Курганна-жальнічны могільнік каля в. Малявічы Вілейскага раёна // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 23. Мн., 2007. С. 52, 154–155, мал. 11–12; Звяруга Я. Г. Даследаванне курганных могільнікаў у вярхоўях Віліі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 3. Мн., 2001. С. 178, мал. 10–11; Квятковская, А. В. Ятвяжские могильники Беларуси... С. 242–243; Svetikas E. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės christianizacija... T. II. 1 žem.

[15] Соболев В. Ю. Комплекс находок из раскопок Н. Е. Бранденбурга 1886–1887 гг. // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 5. СПб., 2015. С. 103– 04.

[16] Леман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Ногород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.: Издательство ЛГУ, 1984. С. 137; Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.). Введение // Материалы



Мал. 4. Могільнік Гаравец. Каменная магіла 2: 1 — план каменнай магілы, 2 — бляшка ад галаўнога веньчыка, 3–4 — план пахавання (1, 3–4 — мал. А .М. Плавінскага, 2 — мал. М. А. Плавінскага)

Па меркаванні В. Ю. Собалева, найбольш раннія старажытнарускія знаходкі, апроч наўгародскіх, паходзяць са скарбаў упрыгажэнняў, якія былі ўхаваныя ў першай трэці XIII ст., і звязваюцца з татара-мангольскім

по археологии Новгорода. 1988. М., 1990. С. 80; Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. С. 153–155.

нашэсцем. У сваю чаргу, найбольш позняя знаходка паходзіць з пахавання 5 на могілках ля царквы Параскевы Пятніцы ў Таропцы і можа быць датаваная XIV–XV стст.[17]

Відавочна, што пытанне дакладнага датавання ачэлляў, якія складаліся з ціснёных бляшак, застаецца далёкім ад канчатковага вырашэння. Аднак, папярэдняе датаванне ачэлля з каменнай магілы 2 можа быць вызначана ў межах XIII–XIV стст.

Каменная магіла 3 была размешчана на паўднёва-ўсходняй ускраіне могільніка. Каменная абкладка насыпу вышынёй 0,6 м і памерам 2,4×1,6 м мела авальную форму і была выцягнутая з захаду на ўсход (мал. 5: *1–2*). У заходняй і ўсходняй частках абкладкі былі ўсталяваныя валуны са слядамі грубага абцёсвання. Насып пад каменнай абкладкай складаўся з жоўтага пяску з уключэннямі вугольчыкаў і дробных камянёў. Плошча аснавання была пакрытая тонкім слоем пяску з вугольчыкамі і попелам магутнасцю да 0,05 м (сляды пахаванай дзённай паверхні).

Магільная яміна авальнай формы памерам 1,7×0,7 м была арыентаваная па лініі захад — усход (мал. 5: *3*). Яе запаўненне складалася з жоўтага пяску з вугольчыкамі і дробнымі каменьчыкамі. Пахаванне па абрадзе інгумацыі змяшчалася на глыбіні 0,75 м. Нябожчыца ляжала на спіне галавой на захад, яе рукі былі складзены на жываце. На ілбе і скронях пахаванай захаваліся рэшткі валасоў і палоска медных вокіслаў шырынёй 1,5 см — сляды цалкам разбуранага карозіяй галаўнога веньчыка, што складаўся з бляшак, якія мацаваліся на аснове з тканіны. Адзіная захаваная бляшка квадратнай формы надзвычай моцна пашкоджана карозіяй, яе краі часткова страчаны. Бляшка памерам прыкладна 1,3×1,3 см зроблена з бронзавай пласцінкі таўшчынёй 0,3 мм (мал. 5: *4*). Арнамент у выглядзе ромба адціснуты з унутранага боку пласцінкі, у той час як адтуліны прабітыя з вонкавага боку. Вельмі блізкія па форме і арнаментацыі бляшкі паходзяць з пахавання 4 (24) могільніка ў Кернаве, дзе яны датуюцца XIII–XIV стст.[18] Адпаведна, пахаванне ў каменнай магіле 3 можа быць датаванае тым жа часам.

Каменная магіла 4 размяшчалася за 17 м на захад ад супрацьпажарнай просекі, якая перасякае могільнік з паўночнага ўсходу на паўднёвы захад. Каменная абкладка насыпу вышынёй 0,6 м і памерам 2×2,2 м мела авальную форму і была выцягнутая з захаду на ўсход (мал. 6: *1*). Ля яе заходняга схілу ўсталяваны вялікі пляскаты камень памерам 1,2×0,66 м (мал. 6: *2*). На яго вонкавай паверхні выбіты перакрыжаваны галгофскі крыж (мал. 6: *4*). Ва ўсходняй частцы абкладкі знаходзіўся другі валун, некалькі меньшы па памерах, са слядамі абцёсвання. Насып складаўся з шэравата-жоўтага пяс-

---

[17] Соболев В. Ю. Комплекс находок из раскопок Н. Е. Бранденбурга... С. 104.

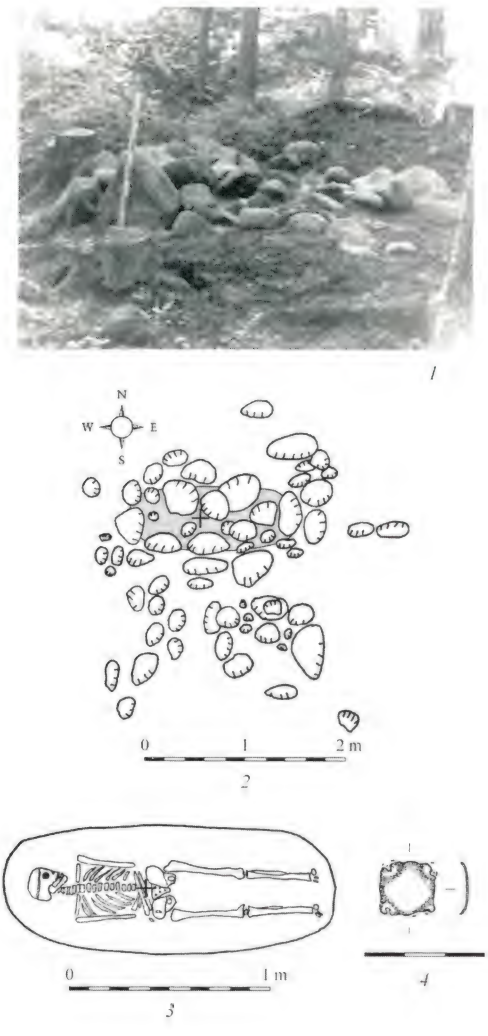
[18] Vėlius G. Kernavės miesto bendruomenė... 12 pav.

ку з вугольчыкамі і дробнымі камянямі, пад якім выяўлены слой попелу магутнасцю 0,03–0,06 м — сляды пахаванай дзённай паверхні.

Магільная яміна авальнай формы памерам 2×0,7 м была арыентаваная па лініі захад — усход. Яе запаўненне складалася з шэравата-жоўтага пяску з вугольчыкамі. Пахаванне па абрадзе інгумацыі змяшчалася на глыбіні 0,8 м. Нябожчык, абкладзены плахамі, ляжаў на спіне галавой на захад, рукі былі скрыжаваныя на грудзёх (мал. 6: *3*). Пахавальны інвентар адсутнічаў.

Каменная магіла 5 размешчалася за 7 м на паўднёвы захад ад каменнай магілы 4. Абкладка насыпу авальнай формы складалася з вялікіх камянёў, мела вышыню 0,6 м, памер 3×1,6 м і была выцягнутая з паўднёвага захаду на паўночны ўсход (мал. 7: *1*). Ля галавы і ў нагах былі размешчаныя вялікія валуны. З заходняга боку абкладкі быў усталяваны валун памерам 0,68×0,65 м са слядамі абцёсвання, на якім з вонкавага боку выбіты перакрыжаваны галгофскі крыж (мал. 7: *4*). Насып складаўся з шэравата-жоўтага пяску з асобнымі дробнымі камянямі. Пад ім выяўлены слой вугольчыкаў і попелу магутнасцю 0,03–0,05 м — сляды пахаванай дзённай паверхні.

Магільная яміна памерам 1,9×0,5 м была арыентаваная па лініі паўднёвы захад — паўночны ўсход. Яе запаўненне складалася з шэравата-жоўтага пяску з дробнымі каменьчыкамі. Пахаванне па абрадзе інгумацыі змяшчалася на глыбіні 0,7 м (мал. 7: *2*). Нябожчыца ляжала на спіне галавой на паўднёвы ўсход, рукі былі пакладзены ўздоў цела.



Мал. 5. Могільнік Гаравец. Каменная магіла 3: 1 — знешні выгляд каменнай магілы пасля расчысткі камянёў, від з захаду, 2 — план каменнай магілы, 3 — план пахавання, 4 — бляшка ад галаўнога веньчыка (1–3 — фота і мал. А. М. Плавінскага, 4 — мал. М. А. Плавінскага)

Ля правай скроні выяўленыя рэшткі валасоў, драбнюткія фрагменты цалкам разбуранага карозіяй упрыгажэння з медных пласцінак — верагодна, галаўнога веньчыка і моцна каразіраванае бронзавае скроневае колца з S-падобным завітком (мал. 7: *3*). Дыяметр колца — 2,5×2,9 см, дыяметр круглага ў сячэнні дрота, з якога ён зроблены — 0,2 см. Аналагічныя скроневыя колцы вядомыя на надзвычай шырокім абшары рассялення заходніх і ўсходніх славян,[19] пры гэтым, традыцыйна лічыцца, што яны былі найбольш характэрнымі для заходнеславянскіх тэрыторый,[20] Датаванне скроневых колцаў з S-падобным завітком вызначаецца ў вельмі шырокіх храналагічных межах ад IX да пачатку XIV ст.[21]

Акрамя камянёў на каменных магілах 4 і 5, высечаныя крыжы выяўленыя яшчэ на шасці надмагільных камянях. Сярод гэтых крыжоў ёсць просты (мал. 9: *1–2*), кастыльны (мал. 9: *3–4*), і розныя варыянты перакрыжаваных галгофскіх крыжоў (мал. 8, 10).

На падставе наяўных матэрылаў, папярэдняе датаванне каменных магіл у Гараўцы вызначаецца ў межах XIII–XIV стст. У сваю чаргу, безынвентарны характар інгумацый у курганах не дазваляе вызначыць колькі-небудзь вузкі час іх узвядзення, аднак, можна меркаваць, што пахаванні ў курганах здзяйсняліся раней за жальнікі. Таму, папярэдняе датаванне часу функцыянавання могільніка Гаравец на дадзены момант можа быць абмежаванае XII–XIV стст., прычым не выключана яго некалькі больш ранняе ўзнікненне і некалькі больш позняе спыненне функцыянавання.

Нягледзячы на невялікую колькасць даследаваных у Гараўцы каменных магіл, варта зрабіць некалькі заўваг наконт асаблівасцяў іх пахавальнага абраду і інвентара. У першую чаргу варта адзначыць, што галаўныя веньчыкі з ціснёных металічных бляшак выяеўлены адразу ў трох пахаваннях — каменных магілах 2, 3 і, верагодна, 5. Як ужо ўзгадвалася, дадзены тып упрыгажэнняў сустракаецца ў пахаваннях, даследаваных у вярхоўях Бярэзіны, дастаткова часта. Прычым, знаходкі галаўных веньчыкаў вядомыя і ў курганных пахаваннях, напрыклад, у кургане 40 могільніка Бірулі Докшыцкага раёна Віцебскай вобласці[22] і кургане 20 могільніка

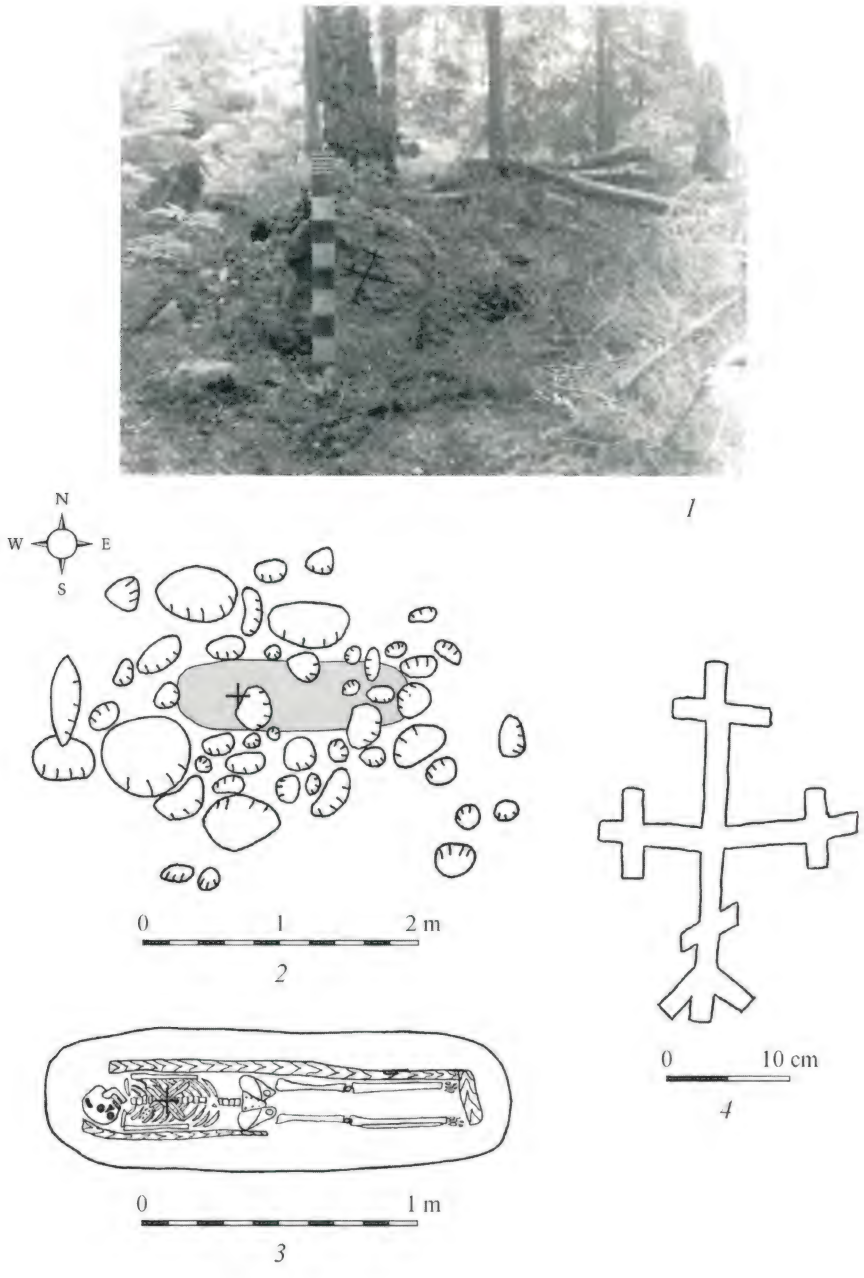
---

[19] Макаров Н. А. Население русского Севера в XI–XIII вв.: По материалам могильников Прионежья. М.: Наука, 1990. С. 66, табл. XV:20.

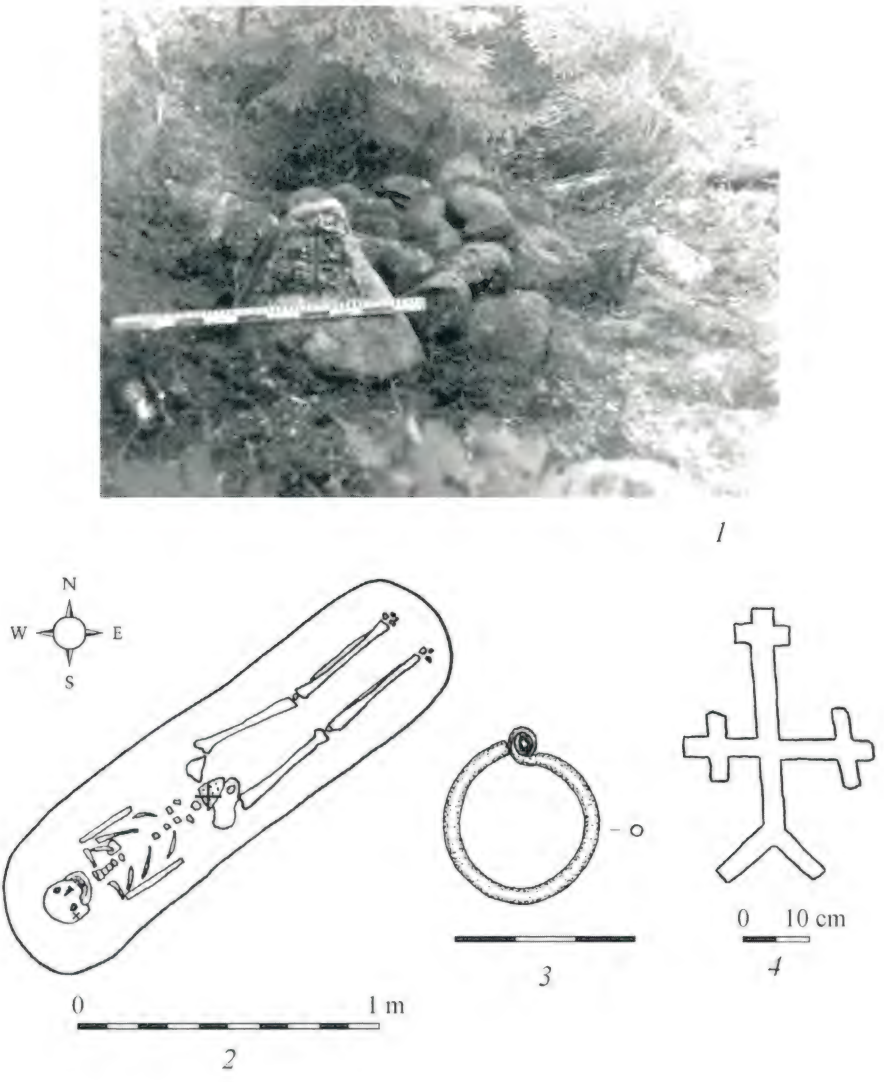
[20] Левашева В. П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 36; Jaskanis D. Święck. Wczesnośredniowieczny zespół osadniczy na północno-wshodnim Mazowszu. Warszawa, 2008. S. 190–201.

[21] Kóčka-Krenz, H. Wczesnośredniowieczna biżuteria metalowa ze zbiorów Państwowego Muzeum Archeologicznego / H. Kóčka-Krenz // Skarby wieków średnich. — Warszawa: PMA, 2007. S. 24

[22] Вайцяховіч А. В. Асаблівасці пахавальнага абрада курганнага могільніка Бірулі (Парэчча) Докшыцкага раёна Віцебскай вобласці // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 15. Мн., 2008. С. 218–219, мал. 12:1.



Мал. 6. Могільнік Гаравец. Каменная магіла 4: 1 — знешні выгляд каменнай магілы пасля расчысткі камянёў, від з захаду, 2 — план каменнай магілы, 3 — план пахавання, 4 — прамалёўка крыжа на надмагільным камяні (фота і мал. А. М. Плавінскага)



Мал. 7. Могільнік Гаравец. Каменная магіла 5: 1 – знешні выгляд каменнай магілы пасля расчысткі камянёў, від з захаду, 2 – план пахавання, 3 – скроневае колца, 4 – прамалёўка крыжа на надмагільным камяні (1–2, 4 – фота і мал. А. М. Плавінскага, 3 – мал. М. А. Плавінскага)

Харчычы Бярэзінскага раёна Мінскай вобласці,[23] што дазваляе меркаваць аб іх адносна раннім з'яўленні ў дадзеным рэгіёне. Пры гэтым, час іх найбольшай папулярнасці, напэўна, прыпадае на XIII–XIV стст., а, магчыма, і нейкую частку XV ст. Распаўсюджанне галаўных веньчыкаў у жаночым строі насельніцтва вярхоўеў Бярэзіны, гэтаксама як і ў вярхоўях Віліі і ў басейне Заходняй Дзвіны варта разглядаць як частку працэсу іх пашырэння на значных усходнееўрапейскіх абшарах. Пытанне аб шляхах і прычынах распаўсюджання падобных упрыгажэнняў у рэгіёне пакуль не можа быць вырашана адназначна, тым больш, у межах дадзенай працы. Разам з тым, ужо зараз зразумела, што пашырэнне ў XIII–XIV стст. галаўных веньчыкаў у жаночым строі насельніцтва вярхоўяў Бярэзіны адбывацца практычна сінхронна з распаўсюджаннем новага пахавальнага абраду — інгумацый у каменных магілах.[24]

Пытанні аб часе і прычынах распаўсюджання каменных могільнікаў у вярхоўях Віліі і Бярэзіны і ў басейне левых прытокаў Заходняй Дзвіны таксама застаюцца надзвычай складанымі. В. В. Сядоў меркаваў, што распаўсюджанне жальнікаў (каменных магіл) ў паўночна-заходніх рэгіёнах Русі, у тым ліку і ў вяхрхоўях Віліі, на Верхняй Бярэзіне і на левабярэжжы Заходняй Дзвіны звязана з перасяленнем сюды ў XII–XIII стст. груп яцвяжска-прускага насельніцва з тэрыторыі Мазовіі і Падляшша.[25]

Блізкіх поглядаў прытрымлівалася і А. В. Квяткоўская, якая, у сваю чаргу, лічыла што каменныя магілы ў вярхоўях Бярэзіны звязана з перасяленнем сюды ў пачатку XII ст. груп яцвяжскага насельніцтва. Існаванне некропаляў, якія складаюцца з курганоў і каменных магіл, даследчыца, таксама як і В. В. Сядоў, тлумачыла сумесным пражываннем тут крывічоў і яцвягаў.[26] З перасяленнем яцвягаў у вярхоўя Віліі і Бярэзіны ў пачатку XII ст. звязвае з'яўленне каменных магіл у дадзеным рэгіёне і Л. У. Дучыц. Разам з тым, даследчыца адзначае, што «курганна-жальнічныя могільнікі Полацкай зямлі неаднародныя. Каб зрабіць высновы аб іх этнічнай прыналежнасці і датыроўцы неабходна дасканалае вывучэнне».[27] Апошняе меркаванне Л. У. Дучыц застаецца цалкам актуальным дагэтуль.

Разам з тым, нягледзячы на існаванне сталай гістарыяграфічнай традыцыі, якая сцвярджае, што распаўсюджанне звычая пахаванняў у каменных магі-

---

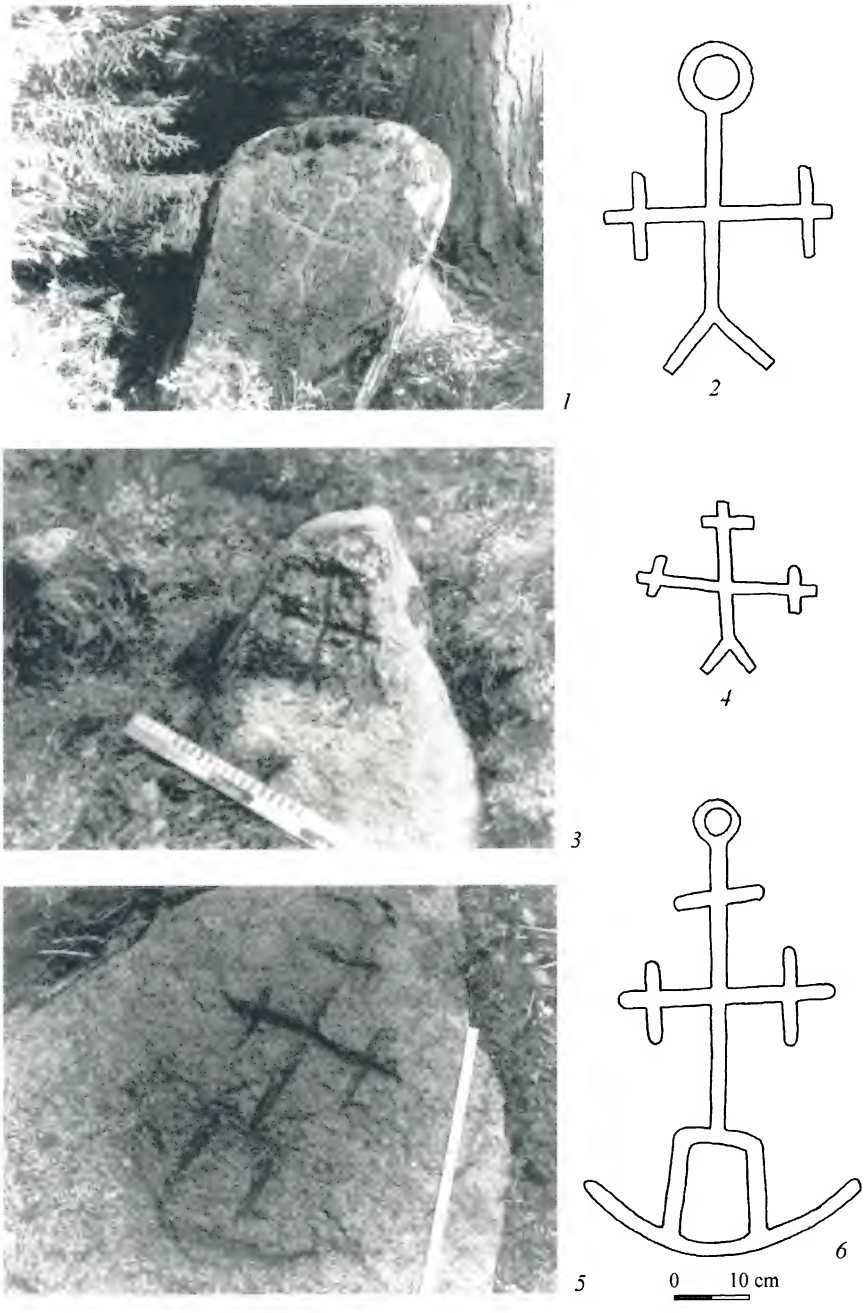
23 Плавинский А. Н. Раскопки курганов у деревни Харчичи // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 18. Мн., 2003. С. 271.

24 На гэты факт ужо звяртала ўвагу Л. У. Дучыц (Дучыц Л. У. Курганна-жальнічныя могільнікі... С. 38–40).

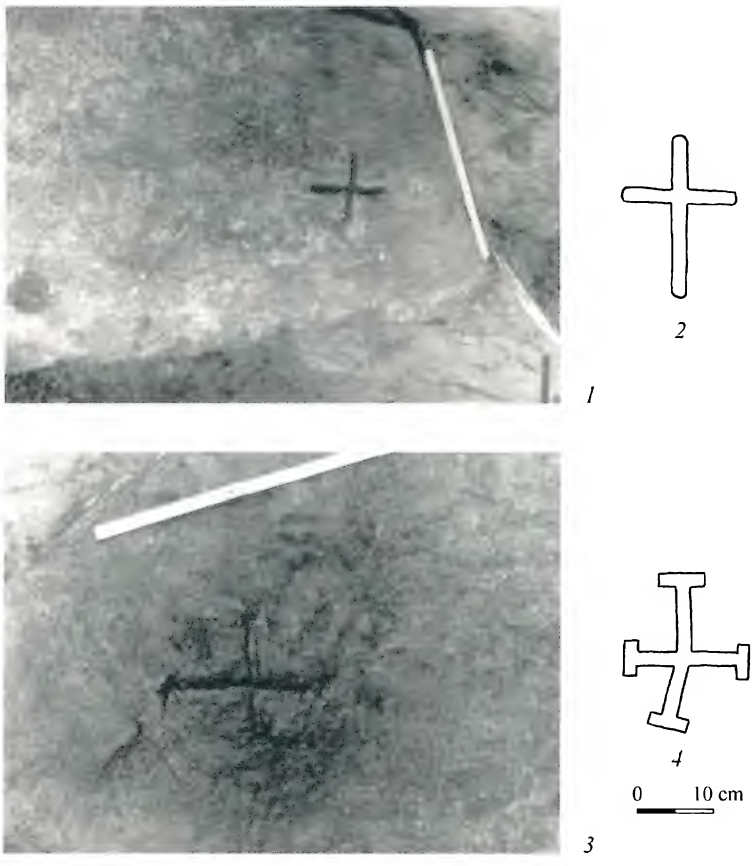
25 Седов В. В. Жальники... С. 18.

26 Квятковская А. В. Ятвяжские могильники Беларуси... С. 175–176.

27 Дучыц Л. У. Курганна-жальнічныя могільнікі... С. 39–40.



Мал. 8. Могільнік Гаравец. Выявы крыжоў на надмагільных камянях
(фота і мал. А. М. Плавінскага)



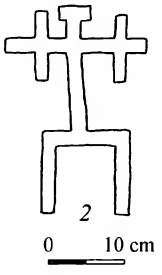
Мал. 9. Могільнік Гаравец. Выявы крыжоў на надмагільных камянях
(фота і мал. А. М. Плавінскага)

лах у вяхрхоўях Віліі, на Верхняй Бярэзіне і ў басейне левых прытокаў Заходняй Дзвіны стала вынікам з'яўлення тут груп яцвяжскіх перасяленцаў, надзейнай археалагічнай аргументацыі гэтага няма. Не паглыбляючыся ў дыскусію аб прычынах пашырэння новага абрада, хочацца адзначыць, што, перш чым выказваць новыя гіпотэзы на гэты конт варта ажыццявіць максімальна поўную публікацыю і аналіз усіх даследаваных на сённяшні дзень пахавальных комплексаў рэгіёна. І толькі на падставе гэтай працы можна будзе зноў звярнуцца да вызначэння пытанняў паходжання абраду пахавання ў каменных магілах.

Аднак ужо зараз варта адзначыць адзін вельмі істотны факт, які стае відавочным на прыкладзе матэрыялаў раскопак могільніка Гаравец. Наяўнасць крыжоў, высечаных на надмагільных камянях, сведчыць аб хрысціянскім характары пахаванняў у каменных магілах. Гэта, у сваю чар-

гу, дазваляе меркаваць, што з'яўленне новага абраду магло быць звязана не толькі з міграцыямі пэўных груп насельніцтва, але і з уплывам хрысціянскай традыцыі на пахавальныя звычаі калектыву, што пакінуў некропаль у Гараўцы.[28]

1



Мал. 10. Могільнік Гаравец.
Выява крыжа на надмагільным камяні
(фота і мал. А. М. Плавінскага)

[28] У сувязі з гэтым варта ўзгадаць, што А. Я. Мусін звязвае распаўсюджанне абраду пахавання ў жальніках у Паўночна-Усходнім Прычуддзі і Водскай зямлі Вялікага Ноўгарада менавіта з працэсамі хрысціянізацыі мясцовага насельніцтва (Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 2002. С. 205).

В. М. Ричка

Градобудівництво князя Володимира: політика найменувань

Витворюючи образ мудрого володаря, доброго дбайливця Руської землі, старокиївські книжники чимало уваги приділяли градобудівництву князя Володимира. Визначальною для характеристики його діяльності була сакрально-книжна, зокрема біблійна, традиція. На її історичні зразки, як ми знаємо, насамперед і було орієнтовано найдавніші літописні тексти[1]. Міська тематика є однією з основних біблійних тем. Образ міста у Святому Письмі, за спостереженнями Ж. Ле Ґоффа, — складний і багатоплановий. У Старому Заповіті на початку місто виступає втіленням різноманітних людських вад і пороків. Проте, зазнавши певної еволюції, образ міста дедалі ставав більш привабливим і незабаром у біблійних книгах з'явився новий тип міста, новий урбаністичний сюжет про міста-сховища, і одночасно з ним — сюжет про обрані міста (Книга Ісуса Навина, 20–21; 4 М., 35, 9–34). Потім у Книгах Царств спостерігається переоцінка поглядів на місто й відбувається нечуване звеличення міста. Позитивна його оцінка пов'язана з розвитком і піднесенням Єрусалима:

> Єрусалим, що заднім числом увійшов у Книгу Буття (XIV, 18) разом зі своїм царем-священиком Мелхіседеком, першим міським союзником євреїв, нечувано вивищується у другій і третій Книгах Царств. Творцями цього успіху є два великих царя: Давид, який узяв місто й наказав перенести туди ковчег Божий (2 Цар., V, 6–12; VI), та Соломон, котрий збудував там Храм (3 Цар., V, 15–32) і Палац (1 Цар., VI–VIII, 1–13). Так створюється матеріальне, інституціональне й символічне обличчя зразкового міста, гарного та заможного, із прекрасними монументальними спорудами, де перебувають резиденції обох гілок влади, релігійної й царської[2].

---

[1] Raba J. The Biblical Tradition in the Old Russian Chronicles // Forschungen Osteuropäischen Geschishte. — 1992. — Bd 46. — S. 9–20; Данилевский И. Н. Библеизмы Повести временных лет // Герменевтика древнерусской литературы XVI вв. — Москва, 1992. — Сб. 3. — С. 75–103; Его же. Библия и Повесть временных лет: К проблеме интерпретации летописных текстов // Отечественная история. — 1993. — № 1. — С. 86–94.

[2] Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — Москва, 2001. — С. 282–283.

Рецепція християнської історіософії на Русі об'єктивно зумовлювала формування уявлень про її співпричетність з подіями та явищами священної історії. Тому закономірно, що тема міського облаштування Руської *vs* Святої Землі стала предметом особливо глибокої рефлексії. Призначенням Володимира було втілити цей урбаністичний ідеал у його земних формах.

У Києві, якому відводилася роль головного сакрального центру Русі — «Другого Єрусалима», він подібно до Соломона збудував «Храм» — церкву Пресвятої Богородиці (Десятинну)[3].

Як і Соломон, котрий після завершення зведення Храму вибудував багато нових міст «в пустині краю панування свого» і залюднив їх народами, «які були не з Ізраїлю» (3.Цар. IX: 17–19), Володимир після прийняття християнства також звів цілу мережу укріплених міст і спрямував у них на проживання представників різних племен:

> И рече Володимеръ . се не добро еже малъ городъ около Киева . и нача ставити городы по Деснѣ и по Востри . и по Трубешеви . и по Сулѣ . и по Стугнѣ . и поча нарубати мужѣ лучьшие . от Словень и от Кривичь . и от Чюди . и от Вятичь . и от сих насели грады[4].

Про безпосередню причетність Володимира до будівництва й найменування міст у літописах виписано два таких епізоди. У першому з них, уміщеному у складі «Повісті временних літ» під 991 р., розповідається про будівництво Білгорода на річці Ірпінь поблизу Києва:

> «В лѣто 6499. Володимеръ заложи градъ Бѣлъгородъ . и наруби въ не от инѣхъ городов . и много людии сведе во нь . бѣ бо любя градъ сь»[5].

Далі, відразу після короткої вставки про похід Володимира на хорватів, під 992 р. міститься розлога розповідь про печенізько-руське протистояння на Трубіжі біля броду та єдиноборство молодшого сина старого Кожум'яки з печеніжином, що навернуло ворога на втечу:

> «...и Печенѣзи побѣгоша . и Русь погнаша по них сѣкуще . и прогнаша я. Володимеръ же радъ бывъ . заложи город на бродѣ томъ . и нарече и Переяславль . зане перея славу отроко тъ»[6].

---

3 Див.: Ивакин Г. Ю. Церковь Богородицы Десятинной на Старокиевской горе: проблемы исследований и сохранения // Православ'я — цивілізаційний стрижень слов'янського світу. — К., 2011. — С. 70–77; Івакін Г. Ю., Іоаннісян О. М., Йолшин Д. Д. Архітектурно-археологічні дослідження церкви Богородиці Десятинної в Києві у 2008–2011 рр. // Слов'яни і Русь: археологія та історія: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 75-річчя. — К., 2013. — С. 77–84.

4 Лаврентьевская летопись. — Вып. 1: Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. — Т. 1. — Москва, 1962. — Стб. 121.

5 Там же. — Стб. 122.

6 Там же. — Стб. 122–123.

Літописець початку XII ст. не розпізнав закладений у назвах збудованих Володимиром Білгорода й Переяслава їх змістовне символічне наповнення. Те, що було важливим і актуальним для Володимира Святославича та його сучасників — носіїв комунікативної пам'яті того покоління, у часи укладання літопису втратило свою злободенність, поступившись місцем іншій пам'яті про минуле. Комунікативна пам'ять, за визначенням Я. Ассмана, охоплює спогади, які пов'язані з недавнім минулим: «Це ті спогади, котрі людина розділяє зі своїми сучасниками. Пам'ять покоління формується історично. Вона виникає на певному історичному проміжку часу і щезає разом із ним, точніше, зі своїми носіями. Коли носії, що втілювали цю пам'ять, умирають, вона поступається місцем новій пам'яті. Ці рамки спогадів, задані для кожного особистим комунікативним досвідом, відповідають тим трьом — чотирьом поколінням у Біблії, які, наприклад, повинні спокутувати провину»[7].

Основний ідейний зміст Володимирової, сказати б, політики найменування збудованих ним міст визначала, як уявляється, пам'ять про завойовницькі походи Святослава Славного й боротьбу Русі за хозарську та болгаро-дунайську «спадщину». Ідею панування над хозарами експліцитно висловлено літописцем у недатованій частині «Повісті временних літ». Автор уміщеного тут сказання «Про хозарську данину» вкладає в уста «старців хозарських» провішення, згідно з яким дніпровські поляни (себто Русь)

> «имуть имати дань на насъ . и на инѣхъ странах . се же сбыся все . не от своеа воля рекоша но отъ Божья повелѣнья . яко и при Фаравонѣ цари Еюпетьстѣмь еда приведоша Моисѣя преди Фаравона и рѣша старѣишина Фараоня . се хочеть смирити область Еюепетьскую . якоже и бысть погибоша Еюптяне от Моисея . а первое быша работающе имъ . тако и си владѣша а послѣже самѣмъ владѣють якоже и бысть володѣють бо Козары Русьскии князи и до днешнего дне»[8].

Під 964–965 рр. «Повість временних літ» містить повідомлення про похід Святослава на Оку й Волгу, його перемогу над хозарами та завоювання міста-фортеці Саркел:

> «Иде Святослав на Козары . слышавшее же Козари . изидша противу . съ княземъ своимъ Каганомъ . и съступишася бить . о бивши брани . одолѣ Святославъ Козаромъ . и град ихъ и Бѣлу Вѣжю взя»[9].

Розміщена на західних рубежах Хозарського каганату, ця фортеця була зведена візантійськими інженерами між 834 і 837 рр. Константин Багрянородний

---

7 Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Соколовой. — Москва, 2004. — С. 52–53.

8 Лаврентьевская летопись. — Стб. 17.

9 Там же. — Стб. 65.

зауважував, що назва «Саркел» у хозар означає «Білий дім»[10]. Її давньоруське найменування — Біла Вежа (Біла фортеця) — перетворилося на Білгород унаслідок пригадування, осмислення та привласнення «хозарської спадщини» Святослава правлячою елітою Київської Русі[11]. Назва цього міста стала «мнемотопом» культурної пам'яті: вона стала своєрідним маркером пригадування увінчаного славою хозарського переможця.

Так само й у назві Переяслава — третього за зазначенням міста Руської землі — закладено глибший, ніж це уявлялося досі[12], сакральний зміст. Як і у випадку з Білгородом вона є «мнемотопом» культурної пам'яті, або, услід за В. Я. Петрухіним, «топонімічним» спогадом про балканські походи Святослава[13].

Зовнішня політика Святослава Ігоревича, зокрема уявлення давньоруських книжників щодо суті його домагань на Балканах, не знайшла ще належного висвітлення в науці. Буквально сприймаючи подієву канву розповіді «Повісті временних літ» історики, як правило, убачали в ній військове авантюрництво, забарвлене героїкою дружинного епосу. Прийнято вважати, що грандіозні войовничі задуми Святослава та його радників перешкоджали створенню міцного фундаменту давньоруської державності й були, у кращому випадку, покликані розірвати кільце ворожих сусідніх держав, які блокували торгові шляхи Київської Русі. Між тим, відтворюючи образ від-

---

[10] Константин Багрянородный. Об управлении империей (Текст. Перевод. Комментарий) / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева [Древнейшие источники по истории народов СССР]. — Москва, 1991. — С. 170–171.

[11] Висловлюю щиру подяку О. П. Толочку за висловлені ним думки та поради під час обговорення цього сюжету. Розглядаючи Білгород як своєрідні «ворота» Києва, раніше мені привабливою видавалася ідея пов'язати назву цього київського передмістя з Білгородськими воротами Константинополя, біля яких локалізується резиденція руських купців X ст. — монастир Св. Маманта.

[12] Свого часу, коментуючи літописний сюжет про молодшого сина старого Кожум'яки, який зумів приборкати розлюченого бика та здолати в поєдинку грізного печеніга, Г. М. Барац висловив припущення, що він зобов'язаний своїм походженням Біблії. Дослідник уважав його переосмисленням єдиноборства Давида з Ґоліафом (1 Цар. 17: 23–51) (див.: Барац Г. М. Происхождение летописного сказания о начале Руси. — К., 1913. — С. 102–105). На думку М. М. Корінного, «народна легенда про виникнення назви міста від імені села Переї (Славної) веде до якоїсь невиразної хозарської традиції. Регеа або Регеја — давня назва Лівобережжя Йордану в Палестині (мальовнича Переяславщина аналогічно знаходиться на Лівобережжі Дніпра). Таким чином цілком допустимий єврейсько-хозарський вплив на вибір назви міста, який поступово видозмінювався і трансформувався у сучасну назву. Найбільш сприятливим часом виникнення топоніма у цьому випадку слід уважати другу половину VIII — початок IX ст. (див.: Коринный Н. Н. Переяславская земля, X — первая половина XIII в. — К., 1992. — С. 27–28).

[13] Петрухин В. Я. Город и сакральное пространство: библейский миф в начальном русском летописании // Сакральная топография древнерусского города [Известия Института христианской культуры, Т. 1]. — Москва, 1998. — С. 26.

важного, невибагливого у своєму дружини-польовому побуті язичницького воїна, давньоруські книжники, у притаманних для християнської культурної традиції категоріях символічного способу мислення, убачали в його діяльності творче начало.

Уміщене в «Повісті временних літ» під 967 р. лапідарне повідомлення про перший болгарський похід Святослава є тільки преамбулою до амбітних претензій київського князя:

> В лѣто 6475. Иде Святославъ на Дунаи и на Болгары . и бившемъся обоимъ . одолѣ Святославъ Болгаромъ . и взя городъ 80 по Дунаеви . и сѣде княжа ту . въ Переяславци . емля дань на Грьцѣх[14].

Намагаючись скористатися ослабленням Болгарського царства, що сталося внаслідок внутрішньополітичної кризи 963 р., Константинополю вдалося спокусити Святослава привабливою перспективою взяти під свою руку Балкани. Відповідно до договору, укладеного з візантійським імператором Никифором Фокою, руське військо й виступило проти болгар. Воно оволоділо Дунайським Пониззям, а військовою базою тут став Переяславець — місто Малий Преслав[15]. Не виключено, що під час цього походу Святослав поширив свою владу не тільки на землі Нижнього Дунаю, а й на захід та на південь від нього з Великим Преславом — столицею Болгарського царства — включно.

Під час своєї другої болгарської виправи 969 р. Святослав захопив Великий Преслав, полонивши при цьому царя Бориса II з родиною. У «Повісті временних літ» під 969 р. міститься знаменита «промова», укладена літописцем в уста київського князя:

> Не любо ми есть в Киевѣ бытии . хочю жити в Переяславци в Дунаи . яко то есть середа в земли моеи . яко ту вся благая сходятся . от Грекъ злато поволоки . вина и овощеве разноличныя . изъ Чехъ же из Угоръ сребро и комони . из Руси же скора и воскъ медъ . и челядь[16].

Ці Святославові слова І. М. Данилевський співвідніс із хіліастичним пророцтвом Єзекіїля (Єз. 37, 21–23), що разом з іншими, виявленими ним, літературними паралелями дозволило дослідникові обґрунтувати їх як претензію київського князя стати на чолі правовірного християнського світу[17]. Зіставив-

---

[14] Лаврентьевская летопись. — Стб. 65.

[15] Питання локалізації цього міста та його ролі в дунайських війнах Святослава залишається дискусійним (див.: Перхавко В. Б. Летописный Переяславец на Дунае // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования: 1992–1993 годы. — Москва, 1995. — С. 168–172).

[16] Лаврентьевская летопись. — Стб. 67.

[17] Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций: Учебное пособие для студентов вузов. — Москва, 1999. — С. 177; Его же. Почему «середа земли» была в Переяславце на Дунае? // Источниковедение и краеведение в культуре России:

ши літописний фразеологізм «середа землі», яким у давньоруській літературі прийнято було позначати Єрусалим, із відповідними фрагментами житія Василя Нового й біблійної Книги Ездри, дослідник виявив у поведінці Святослава ряд цікавих аналогій із діями перського царя Кіра.

Згідно з пророцтвом Єремії, саме язичникові Кіру належало відродити Єрусалим і храм Господній: «[...] збудив Господь духа Кіра, царя перського, і він оголосив по всьому царству своєму, а також на письмі, говорячи: Так говорить Кір, цар перський: Усі земні царства дав мені Господь Бог Небесний, і Він наказав мені збудувати Йому храм в Єрусалимі, що в Юдеї. Хто між вами з усього Його народу, — нехай Бог його з ним, і нехай він іде до Єрусалиму, що в Юдеї, і нехай будує дім Господа, Бога Ізраїлевого. Це той Бог, що в Єрусалимі. А кожному позосталому по всіх тих містах, хто мешкає там, нехай допоможуть йому люди його місця сріблом і золотом, і маєтком, і худобою, з добровільною жертвою для дому Божого, що в Єрусалимі» (Езд. 1: 2–4). Розвиваючи низку аналогій Святослава з Кіром, І. М. Данилевський виявив спорідненість образів перського царя і давньоруського князя в історії смерті обох правителів. Дослідник наводить переказ Геродота, згідно з яким Кір загинув у битві з масагетами. За наказом цариці Томіріс, тіло Кіра знайшли на полі бою, а потім обезголовили. Його відтяту голову кинули у чан із кров'ю, щоб перський правитель міг удосталь напитися нею, чого він так жадав[18]. За аналогічними літературними зразками[19] вибудовано літописний сюжет про загибель Святослава на Дніпровських порогах.

Виписана в літопису історія Святослава закладає в язичницьке минуле Русі ідею її одвічної богообраності та претензію на спадкоємність християнських сакральних центрів правовірного світу, якими були Єрусалим, Царгород/Константинополь і столиця Симеона Болгарського — Преслав Великий, або «Преславен град»[20]. Ці рефлексії, очевидно, і визначили вибір назви третього за значенням після Києва й Чернігова міста «Руської землі» — Переяславля: «Столиця Болгарії Великий Преслав чи Переяславець

Сб. к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. — Москва, 2000. — С. 41–45; Его же. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. — Москва, 2004. — С. 165–166.

[18] Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. — С. 165–166.

[19] Лаврентьевская летопись. — Стб. 74. Близькою аналогією цьому літописному сюжету є оповідь «Хроніки» Георгія Амартола про смерть візантійського імператора Никифора (див.: Истрин В. М. Книгы временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. — Т. I: Текст. — Петроград, 1920 [репринтне відтворення: Die Chronik des Georgios Hamartolos. — München, 1972]. — С. 487–488).

[20] Див.: Йорданов И. Името на Преслав в писмените източници // Плиска — Преслав. — Т. 7. — Шумен, 1995. — С. 71–80.

(Малий Преслав) не стали центрами держави Святослава, але князь Володимир заснував власний Переяслав на південному кордоні хрещеної Руської землі, і цей кордон був схожим із дунайським кордоном Візантії — за ним простягалося Дике поле, кочували "погані" печеніги — "варвари" руського середньовіччя»[21]. Таке уподібнення головного прикордонного міста Русі болгарському прообразу і загальним для них прототипу Божого Граду стало закономірним наслідком характерного для давньоруської церковно-політичної еліти прагнення до імітації «ромейської» парадигми облаштування на Русі богохранимого християнського царства.

Покликані до життя градобудівництвом Володимира топонімічні реалії, наділені своєрідною сакральністю, доповнювали й унаочнювали книжні мотиви богообраності Руської землі, яка в багатьох пам'ятках давньоруської літератури покволом уподібнюється до Святої Землі. Не випадковим збігом, треба думати, був і вибір для міських центрів Середнього Подніпров'я таких назв, як «Корсунь», «Богуславль», «Треполь», «Халеп». Вони засвідчують тяглість і спадкоємність політики найменування руських міст. Зведений Ярославом Мудрим на Росі Корсунь був, безсумнівно, названий у пам'ять про кримський похід його батька та став топонімічним спогадом про джерело прилучення Русі до християнства. Треполь і Халеп на Дніпрі, імовірно, кореспондуються з християнськими центрами Близького Сходу — Тріполі й Халеб/Алеппо. «Другим Солунем» на Русі з розвитком культу Бориса і Гліба позиціонувався Вишгород: «выший и превыший город всѣхъ, вторый Селунь явися въ Русьскѣ земли»[22].

У «політичній теології» християнського середньовіччя ідея міського влаштування була невід'ємною частиною побудови «християнського царства». Цими спонуками, не в останню чергу, у Київській Русі й визначалася політика найменування міст. Києво-руська правляча еліта намагалася ще й у такий, сказати б, топонімічний спосіб вибудувати власну версію Святої Землі («Terra Sancta»), продемонструвати свою співпричетність із подіями та явищами священної історії, монополізованої Візантією.

---

[21] Петрухин В. Я. Город и сакральное пространство: библейский миф в начальном русском летописании. — С. 26.

[22] Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им [Памятники древнерусской литературы, вып. 2]. — Санкт-Петербург, 1916. — С. 50. На близькість культу братів-страстотерпців св. Димитрієві — небесному покровителеві другої столиці Візантії — указав свого часу С. О. Бугославський. За його спостереженнями, літописець виявляє знайомство з болгарськими перекладами літературних пам'яток, що прославляють св. Димитрія. Серед них, можливо, був і приписуваний зазвичай Мефодієві канон Димитрію Солунському, що входить до складу Мінеї XII ст. та його житіє (див.: Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. — Т. 2: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе / Сост. Ю. А. Артамонов. — Москва, 2007. — С. 247).

С. С. Рябцева, Л. В. Дергачёва

Этнокультурная атрибуция серии находок из цветных металлов с территории Республики Молдова и из Украины

Ниже рассматривается группа накладок, хранящихся в частных собраниях города Кишинёва. Часть из этих предметов происходит из окрестностей села Еникиой/Enichioi Кантемирского района Республики Молдова. Все изделия сходной удлинённой формы, но разного размера и отличаются декором (рис. 1). Основная часть предметов пришивалась к основе сквозь небольшие отверстия (рис. 1: 2–11), лишь одно имеет с оборотной стороны остатки двух напаянных петель (рис. 1: 1).

Все накладки литые, присутствуют экземпляры из серебра, оловянистой бронзы и медного сплава. Часть из них снабжена выступающими петельками с отверстиями, близкими к полукругу. Другие — выступающими выпуклыми полыми «головками». Противоположные стороны нашивок заострены. Декор поверхности достаточно разнообразен. Выделяются предметы, украшенные треугольниками ложной зерни (рис. 1: 7–8), прорезным орнаментом (рис. 1: 2–4, 10), обрамлённые по краю углублённым зубчатым бордюром (рис. 1: 5, 9, 11), украшенные растительным узором (рис. 1: 1) или без каких-либо элементов, практически гладкие (рис. 1, 6).

Изделия являются одёжными застёжками, но в данной подборке нет ни одного комплекта, сохранившего парность. Весьма близкие по форме застёжки происходят и с территории Украины (к сожалению, тоже без чёткого места находки) (рис. 2). Среди них выделяется ажурное изделие со сложным контуром, напоминающее древо. Выступ-крючок у этой половинки застёжки почти плоский (рис. 2: 13).

Отсутствие у рассматриваемых нами находок с территории Молдовы и аналогичных из Украины каких-либо хронологических или культурных привязок заставляет нас обратиться к поискам аналогий в других регионах[1]. Так, застёжки сходной конструкции представлены в древностях кимаков и кипчаков Западной Сибири. Например, изделие с подобной схемой застёжки

[1] Приносим глубокую благодарность В. Прокопенко (НАНУ, Киев) за консультации и помощь в подборе литературы.

найдено в захоронении № 3 кургана, раскопанного в урочище Басандайка Томской области[2]. В данном случае накладки парные, имеют овально-листовидную форму, на одной расположена удлинённая застёжка, на другой — щелевидная прорезь.

Если застёжка из Басандайки могла быть как поясной, так и одёжной, то небольшая группа изделий с парными ромбическими накладками и вынесенными вперед крючком и петлёй была предназначена для соединения пол одежды. Три пары подобных застёжек найдены в кургане середины X в. Гульбище в Чернигове[3] (рис. 3: 1; 4: 1–3). Сходные застёжки известны с территории Венгрии — из Компоц[4] (рис. 3: 9–10).

Похожие ромбовидные пластинки (но без крючков) зачастую встречаются в венгерских захоронениях, где они декорировали одеяния, в том числе одежду типа кафтана[5] (рис. 4: 7–8). Пластинки подобной ромбовидной формы применялись и для застёгивания сумок-ташек и поясных кошелей[6]. Но, в таких случаях, использовалась одна пластинка, через которую продёргивался ремешок (рис. 3: 17). В погребении № 149 Танкеевского могильника были обнаружены остатки сумочки с парными застёжками, правда, не с ромбовидными, а с подтреугольными пластинками. Система их застёгивания такая же, как на венгерской и украинской находках[7] (рис. 3: 16).

Аналогичную конструкцию имеют ажурные застёжки, датированные предположительно X–XII вв. и происходящие из Змейского могильника на Кавказе[8] (рис. 4: 4–6). Сходный вариант застёжек был распространён и в ордынское время. Пара изящных серебряных одёжных застёжек с листовидными пластинками, декорированными гравированным криновидным орнаментом на прочеканенном фоне, была найдена в составе Нейзацкого клада XIV в. в Крыму[9] (рис. 5: 1–4). Целая серия подобных

---

2 Гриневич К. Э. Археологическое обследование урочища Басандайка близ г. Томска // Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Труды ТГУ им. В. В. Куйбышева. — Т. 98. — Томск, 1947/1948. — С. 5–50, табл. 33.

3 Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. — 1949. — Кн. 11. — № 2. — С. 7–99; Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. — Москва, 2012. — С. 102–107.

4 Балинт Ч. Археология эпохи обретения венграми Родины // Проблемы древних угров на Южном Урале. –Уфа, 1988. — С. 88–101, № 18.

5 Fodor I., Hapák J., Seleanu M., et al. The ancient Hungarians: the Exhibition Catalogue. — Budapest, 1996. — P. 115, fig. 6; 143, fig. 2; 210, 300, fig. 2.

6 Меч и златник, 2012. — С. 100; Fodor I., Hapák J., Seleanu M., et al. The ancient Hungarians: the Exhibition Catalogue. — P. 139, fig. 6; 207, fig. 1.

7 Erdélyi Ist. Les Anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est. — Budapest, 1977.

8 Габуев Т. А. Аланский всадник. — Москва, 2005. — С. 73.

9 «Подарок созерцающим»: Странствия Ибн Баттуты: каталог выставки. — Санкт-Петербург, 2015. — С. 334, кат. 168.

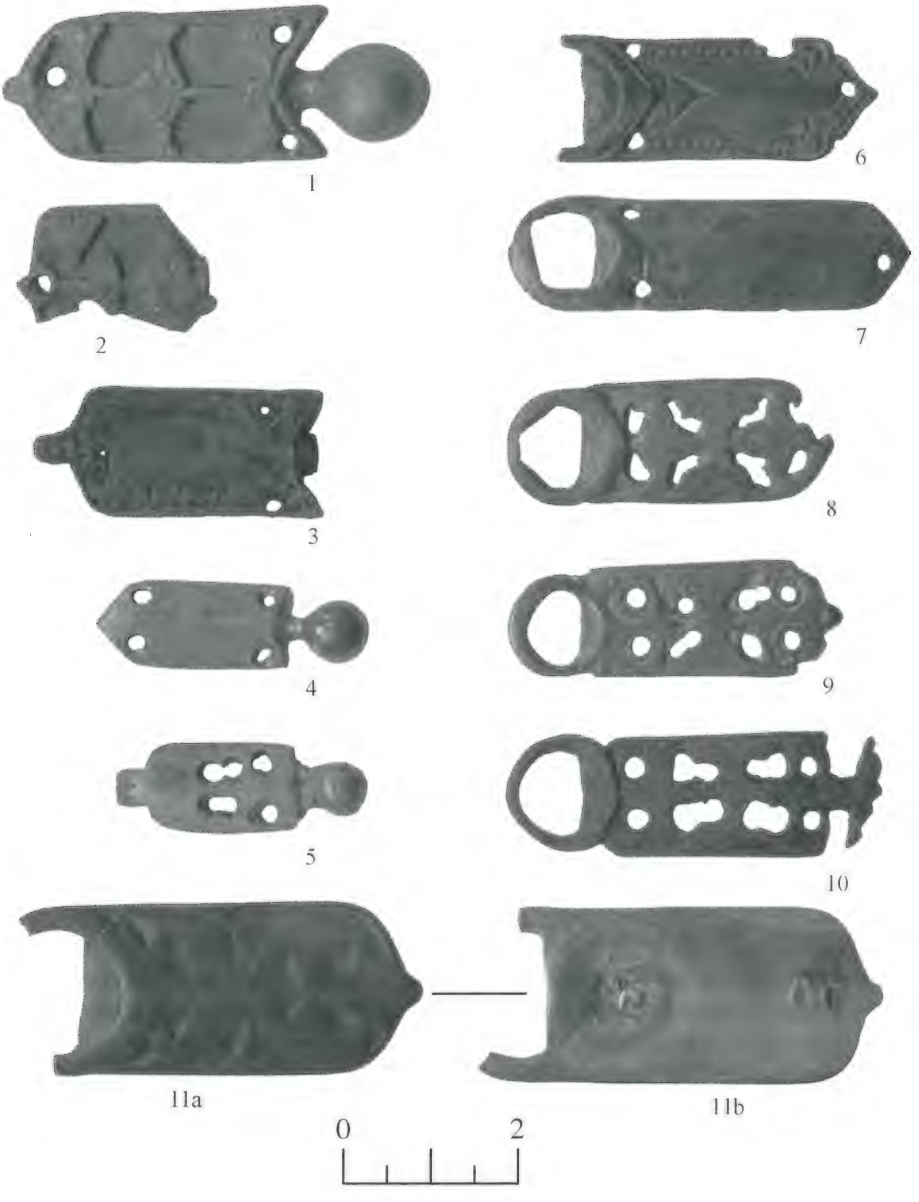


Рис. 1. Нашивки с территории Пруто-Днестровского междуречья (фото авторов)

Рис. 2. Нашивки с территории Украины (подборка авторов из различных источников, доступных на: http://www.reviewdetector.ru/lofiversion/index.php?t454722.html; http://forum.violity.com/viewtopic.php?t=908165&)

серебряных позолоченных одёжных застёжек хранится в фонде Марджани в Казани[10] (рис. 5: 5–6).

Ряд золотоордынских пряжек, также, как и одёжные застёжки из Нейзаца, фиксируются при помощи круглого язычка на одной пластине и приёмника с прорезью на второй (рис. 6: 7–9). Подобные пряжки были выделены Г. А. Фёдоровым-Давыдовым в «особый тип», их находят как в кочевнических захоронениях, так и в материалах золотоордынского Увека[11] (рис. 5: 7–8). Две пряжки с таким типом застёжки были найдены в Белгороде-Днестровском и также относятся, по всей видимости, к золотоордынскому времени[12]. Этим же периодом могут быть датированы две половинки таких застёжек, найденные в погребении № 47 Белореченских курганов на Северном Кавказе (рис. 5: 9). Круглые язычки пряжек декорированы сюжетом «лев и солнце», популярным в Орде с середины XIV в.[13]

Наиболее близкие к рассматриваемой подборке с территории Республики Молдова и из Украины застёжки представлены на Кавказе, где традиция изготовления таких изделий имеет весьма длительную историю. В этом регионе они становятся отличительной чертой женского этнографического костюма. Подобные детали декорировки женской одежды найдены в целом ряде могильников Кавказского региона XVI–XIX вв. (рис. 6: 1–16). При этом образцы XVI–XVIII вв. отличаются миниатюрными размерами (до 3,5 см в длину)[14]. В XVIII–XIX вв. в костюме балкарок и карачаевок появляются более крупные застёжки, в том числе с чеканным орнаментом. Примером подобных находок могут служить застёжки длиной 5 см, происходящие из погребения XVIII в., исследованного в могильнике Ташлы-Тала[15].

---

[10] Там же. — С. 335, кат. 169.

[11] Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. — Москва, 1966. — С. 47, рис. 8: 1–2; Юрченко А. Г. Элита монгольской империи: Время праздников, время казней. — Санкт-Петербург, 2013. –Рис. 94.

[12] Біляєва С. Слов'янські та тюркські світи в Україні: З історії взаємовідносин XIII–XVIII ст. — К., 2012. — С. 190. — Рис. 39; Богуславский Г. С. Белгород — Акджа Керман — Аспрокастро (очерк истории и археологии средневекового города) // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины) / Отв. ред. И. В. Бруяко, Т. Л. Самойлова. — Одесса, 2013. — С. 757–791. — Табл. 27.

[13] Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: Культурное наследие Золотой Орды. — Санкт-Петербург, 2001. — С. 265.

[14] Мизиев И. М. Могильник у с. Ташлы-Тала // Археолого-этнографический сборник / Отв. ред. Г. Х. Мамбетов, И. И. Чеченова. — Вып. 1. — Нальчик, 1974. — С. 110–120; Тменов В. Х. Два склепа из селения Уакац // Новые материалы по археологии Кавказа в древности и средневековье / Ред. колл.: В. А. Кузнецов, А. Г. Кучиев, В. Х. Тменов. — Орджоникидзе, 1986. — С. 142–153; Биджиев Х. Х. Могильник Карт-Джурт // Археология и этнография Карачаево-Черкесии / Отв. ред. Я. А. Фёдоров. — Черкесск, 1979. — С. 5–27. — Рис. 4.

[15] Мизиев И. М. Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. — Нальчик, 1981. — С. 74.

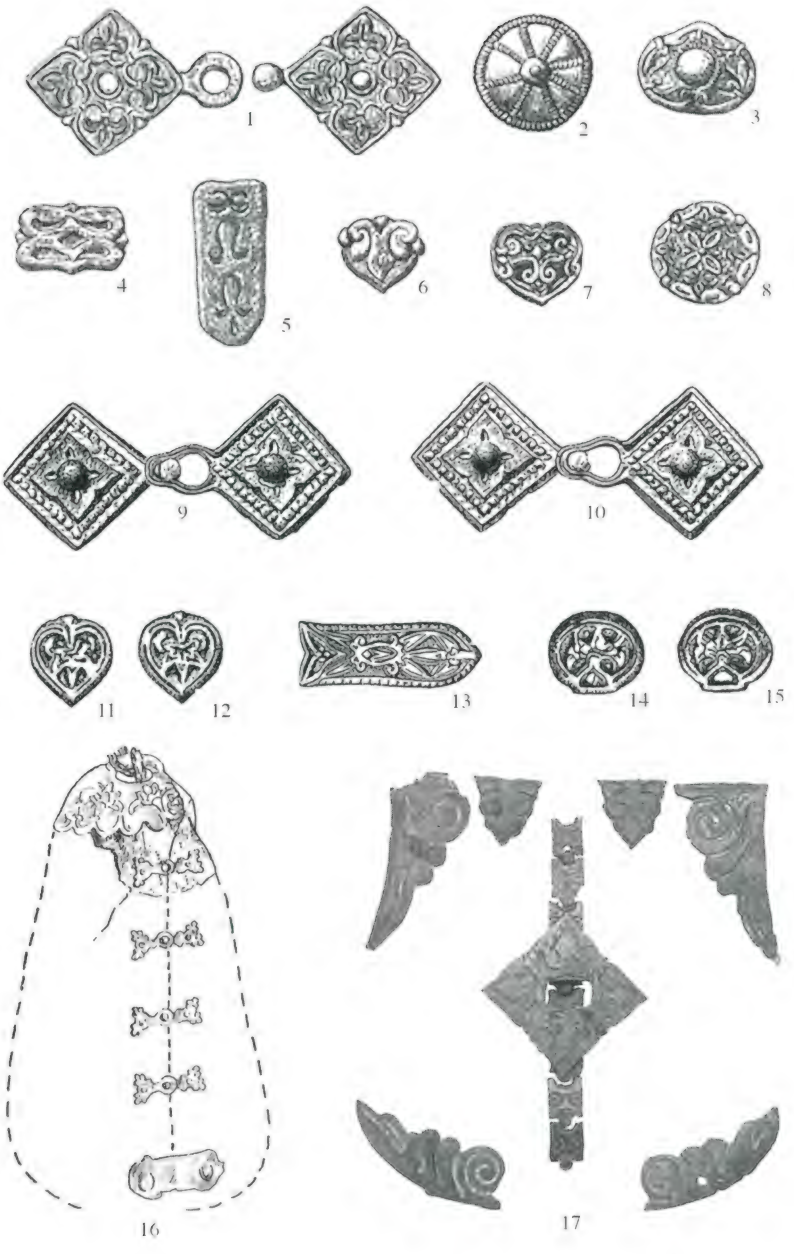


Рис. 3. Материалы из: 1–8 — кургана Гульбище в Чернигове, Украина (по Рыбаков, 1949); 9–15 — могильника Компоц, Венгрия (по Балинт, 1988); 16 — Танкеевского могильника, Российская Федерация (по Erdélyi, 1977); 17 — Шестовицких курганов, Украина (по «Меч и златник», 2012). Масштабы разные

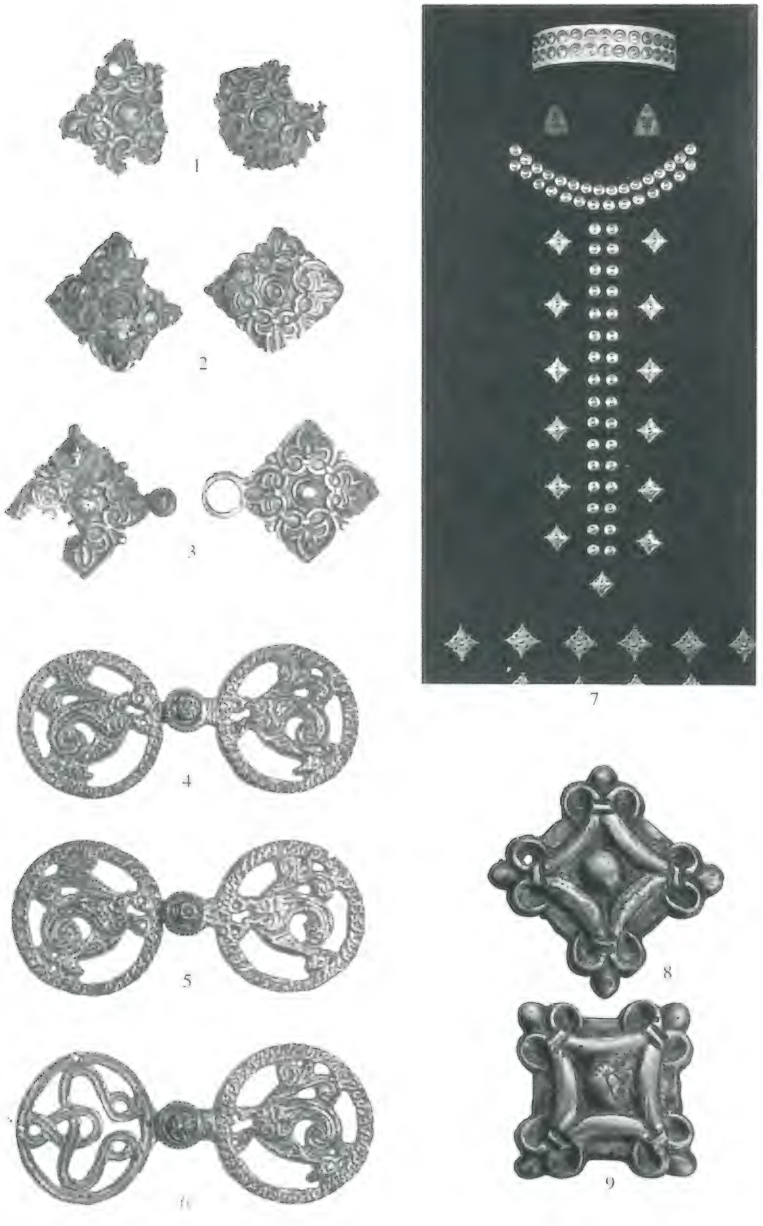


Рис. 4. Застёжки и накладки из: 1–3 — кургана Гульбище в Чернигове, Украина (по «Меч и златник», 2012); 4–6 — Змейского могильника, Российская Федерация (по Габуев, 2005); 7 — могильника Надьтеремия; 8–9 — могильника Нагкору, Венгрия (по Fodor, Hapák, Seleanu et al., 1996). Масштабы разные

Такие изделия использовались для застёгивания и декора узких коротких кафтанчиков, которые носили женщины Кавказского региона. У адыгских и ногайских женщин они начинают фиксироваться на изобразительных произведениях со второй половины XVIII — начала XIX вв. Этот тип одежды характерен и для карачаевцев, балкар, осетин[16]. Кафтанчики, носившиеся под платьем, постепенно эволюционировали в безрукавки, а затем и в нагрудники. Застёжки играют роль нагрудных украшений, видимых в глубокий вырез платья. На позднем этапе застёжки могли заменяться или имитироваться вышивкой. Застёжки изготавливали чаще всего из серебра (иногда с позолотой), декорировали гравировкой, чернью, зернью, филигранью, цветными стёклами и камнями. Как правило, они имели продолговатую форму, сужались к концам, одна из них кончалась петлёй, вторая — полушаровидным выступом (рис. 6: 19; 8: 1–2, 4; рис. 7: 21). Кроме того, получают распространение и застёжки сложной фигурной формы — растительно-геометрической, цветочной, «турецкого огурца»[17] (рис. 6: 17–18, 20, 22; 7: 5).

Благодаря работе с материалами кавказских коллекций в фондах Российского этнографического музея[18], мы смогли ознакомиться с подборкой кафтанчиков, жилеток и нагрудников, снабжённых застёжками рассматриваемого типа. Это позволяет определить несколько особенностей нашего материала, который мы можем условно именовать «археологическим», отличным от этнографических комплексов XIX — начала XX вв.

Первая важная особенность — размер. Рассматриваемые нами пластинчатые застёжки — миниатюрные (от 2,2 до 4,5 см). Застёжки из этнографической коллекции длиной 5–7 см. Вторая отличительная черта — форма. Среди застёжек из Кавказского региона преобладают изделия в форме узких вытянутых пластинок. Но есть и образцы в виде «кинжальчиков», а также сложные, вычурные. Кроме того, наши изделия более плоские, это касается оформления крючка, петли и самой пластинки. Их достаточно широкие пластинки нашли наиболее близкие аналогии среди подборки изделий, принадлежащих ногайцам (аналогичны изображённым на рис. 6: 21 и 7: 6).

Весьма важен и способ крепления изделия к основе. Наши находки в большинстве своём имеют отверстия для пришивания. У рассмотренных нами кавказских этнографических образцов для крепления к основе служат

---

[16] Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. — Москва, 1989. — С. 46.

[17] Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. — С. 136–146; Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана. — Москва, 1981. — С. 116.

[18] Приносим глубокую благодарность сотрудникам Российского этнографического музея: учёному секретарю Л. А. Жгун, главному хранителю Н. Н. Прокопьевой, заведующей отделом этнографии Белоруссии, Украины и Молдовы Н. М. Калашниковой, хранителю фондов изделий из драгоценных металлов народов Кавказа Е. И. Нератовой.

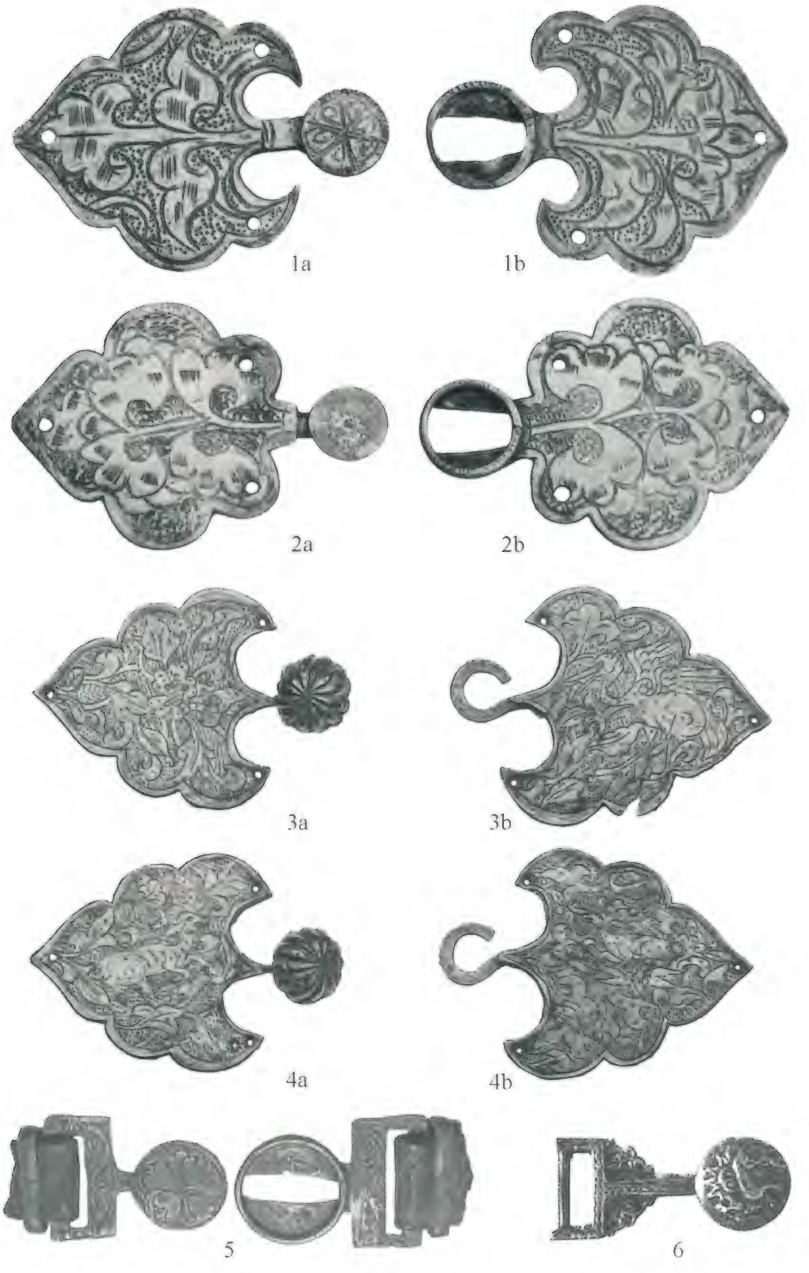


Рис. 5. Одёжные и поясные застёжки: 1–2 — Нейзацкий клад, Крым; 3–4 — коллекция фонда Марджани, Татарстан, Российская Федерация (по «Подарок созерцающим», 2015); 5 — Увек, Российская Федерация (по Юрченко, 2013); 6 — Белореченские курганы, Российская Федерация (по Крамаровский, 2001). Масштабы разные

металлические петли, расположенные на обороте изделия. Сквозь эти петли продёргивался шнур, крепивший данную металлическую гарнитуру к основе. Именно этот способ крепления, на наш взгляд, обусловил специфическую конусообразную выступающую форму пластины ряда этнографических нашивок. Среди рассмотренных нами кавказских этнографических материалов нет изделий с ажурным прорезным орнаментом, аналогичных тем, которые были представлены в нашей подборке и на некоторых археологических находках из Кавказского региона. Подобные отверстия выполняли как декоративную функцию, так и служили для пришивания застёжек на предметы одеяния. При этом кавказские археологические материалы, также, как и найденные на территории Молдовы, демонстрируют два способа крепежей — и с помощью отверстий, и при помощи петелек[19]. При этом некоторые гладкие пластины имеют специальные маленькие отверстия для пришивания (рис. 1: 5–9, 11; 2: 1–3, 7, 9; 7: 7–8).

Как уже отмечалось выше, по форме ближайшие аналогии рассматриваемым нами изделиям представлены в костюме ногайцев, где они характерны для женских бешметов, кафтанчиков, безрукавных кафтанчиков, жилеток, нагрудников. В ногайском костюме присутствует несколько основных видов застёжек. Наиболее близкими к рассматриваемым нами экземплярам являются *тоьс тюйме* («дощатая пуговица»). Они представляют собой застёжки щитообразной формы с утолщениями на концах. Застёгиваются при помощи полушаровидной головки с правой стороны и петли — с левой. В наборе может присутствовать от 6 до 20 парных застёжек. Изделия предварительно нашивались на полосу ткани или кожи, крепившуюся затем к одежде[20].

Таким образом, выделяется целый пласт застёжек, весьма близких к найденным в Республике Молдова и в Украине. Они являются своеобразной визитной карточкой девичьего и женского костюма в Кавказском регионе, в частности очень популярны у адыгов и ногайцев. Однако каковы механизмы распространения данного типа изделий, связанных с кроем женской одежды? Вопрос о взаимодействиях оседлого и кочевого населения, в результате чего могли передаваться подобные одежные и ювелирные инновации, выходит за рамки нашего исследования. Мы можем лишь вкратце упомянуть о миграциях адыгов (*касоги*, *черкасы/черкесы)* на территорию со-

---

[19] Биджиев Х. Х. Могильник Карт-Джурт. — С. 10.

[20] Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX — начале XX вв. — Москва, 1976. — С. 130–140, 174–176; Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Ногайцы: Историко-этнографический очерк. — Черкесск, 1988. — С. 127, 133.

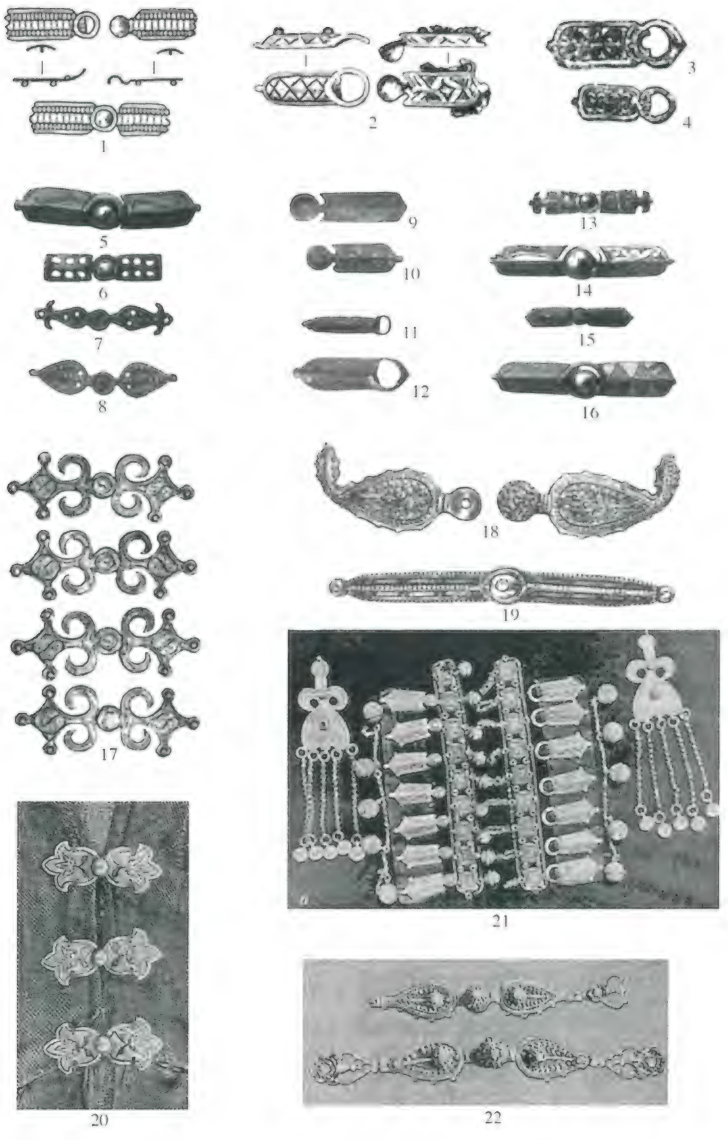


Рис. 6. Одёжные застёжки из Кавказского региона: 1 – Ташлы-Тала, Кабардино-Балкария (по Мизиев, 1974); 2 – Верхняя Балкария, Кабардино-Балкария; 3–4 – склеп у с. Уакац, Северная Осетия (по Тменов, 1986); 5–12 – башни склепа близ с. Дергавс, Северная Осетия (по Уварова, 1900); 13–16 – могильник у с. Лизгор, Северная Осетия (по Уварова, 1900); 17 – нагрудные застёжки (черкесы); 18–19 – застёжки (балкары) (по Студенецкая, 1989); 20 – застёжки на платье (нашиты на талии) кумыков с. Гели; 21 – украшения женского ногайского кафтанчика; 22 – застежки на платье (нашивались на уровне талии) кумыков с. Каранай Аул (по Булатова, Гаджиева, Сергеева, 2001). Масштабы разные

Рис. 7. Одёжные застёжки кафтанов из Кавказского региона: 1 — застёжки с бубенчиками (адыгейцы); 2 — нагрудник с застёжками и птичками (карачаевцы); 3 — украшения в виде застёжек (карачаевцы); 4 — нагрудные застёжки с бляхами и бубенчиками (осетины) (по Студенецкая, 1989); 5 — застёжки на платье (нашиты на уровне груди) ногайцев с. Уйсалган (по Булатова, Гаджиева, Сергеева, 2001); 6 — ногайский женский костюм (по Калмыков, Керейтов, Сикалиев, 1988). Масштабы разные

временной Украины[21], о фиксируемом исследователями аланском присутствии на территории Пруто-Днестровского региона[22], об алано-половецких взаимодействиях в период монгольского нашествия — как в Северокавказском регионе, так и на территории Венгрии и карпато-днестровских земель[23]. Кроме того, некоторые исследователи прослеживают взаимосвязь между кипчаками, половцами и ногайцами[24].

Поселение Еникиой (с которого происходит часть рассматриваемых застёжек) расположено в зоне расселения ногайского населения. Для южной части Пруто-Днестровского региона выделяется целый пласт топонимов, которые могут быть соотнесены с историей расселения ногайцев: Акуй, Баймаклия, Жавгур, Жолтай, Конгаз, Кочулия, Коштангалия, Тараклия, Тартаул, Томай, Чимишлия и др.[25]

Вероятно, подмеченное нами сходство между находками с территории Молдовы и Украины и ногайскими застёжками не случайно (рис. 7: 21; 8: 5). Это заставляет нас предположить возможность соотнесения рассмотренных застёжек именно с ногайцами.

Ногайцы появились в Буджаке в конце XV в. После похода султана Баязида II на Молдавию в 1484 г., южная часть Пруто-Днестровского междуречья вошла в Силистрийский санджак Османской империи. В результате часть земель была пожалована крымскому хану, сюда переселились его подданные ногайцы[26]. Миграции отмечаются и в более позднее время. Так, в 1569 г. в Буджак депортируются ногайцы из районов Астрахани, в 1606 г. переселяются ногайцы мангыты. Предводитель последних Хантемир-мурза объединяет

---

[21] Бубенок О. Б. Данные топонимики о миграциях адыгов на украинские земли в развитое и позднее средневековье // Древняя и средневековая культура адыгов: Мат. Междунар. науч.-практ. конф., г. Нальчик, 16–20 октября 2013 г. / Отв. ред. Б. Х. Бгажноков, В. А. Фоменко. — Ч. 1. — Нальчик, 2014. — С. 30–35.

[22] Postică Gh., Tentiuc I. Amulete-călăreţi de bronz din perioada medieval timpurie în spaţiul carpato-nistrean // Tyragetia. — 2014. — Issue 8 (23). — № 1. — P. 45–72.

[23] Нарожный Е. И. Половцы Северного Кавказа (Некоторые итоги и перспективы изучения) // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы...) / Отв. ред. С. Г. Кляшторный, В. А. Иванов, И. К. Загидуллин. — Казань, 2013. — С. 48–76; Осипян А. Л. Миграция, адаптация и интеграция кочевников в оседлом обществе: сравнительный анализ перехода половцев к оседлому образу жизни в Галицкой Руси и Венгерском королевстве в XIII–XV вв. // Там же. — С. 122–174.

[24] Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Ногайцы: Историко-этнографический очерк. — С. 11–15; Гизер С. Н. Ногайцы и их культура // Буджак: историко-этнографические очерки народов юго-западных районов Одесщины / Отв. ред. А. И. Кисе, А. А. Пригарин, В. Н. Станко. — Одесса, 2014. — С. 85–117.

[25] Еремия А. И. Географические названия рассказывают. — Кишинёв, 1990. — С. 51.

[26] Гизер С. Н. Турецкий источник по истории буджакских ногайцев // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII–XIX ст. — Вип. 6. — Запоріжжя, 2001. — С. 212–215.

местных ногайцев, под его началом формируется Белгородская орда, которая в 1622 г. вышла из повиновения Крымскому ханству и перешла под начало турецкого султана. Следующая группа мангытов переселяется в 1659–1665 гг., её происхождение связывают с Волжской ордой. Численность ногайского населения колеблется, но она весьма значительна: отмечается, что в конце 1560-х гг. они составляли до 30 тыс. чел., в середине XVII в. — 45 тыс., а в середине XVIII в. Буджакская орда могла выставить до 30 тыс. всадников. В XVIII в. Буджакская орда уже вновь находилась в подчинении крымского хана, а часть ногайцев откочевала в сторону Крыма. В начале XIX в., в период русско-турецких войн, орда прекращает своё существование, а ногайцы переселяются в район Измаила[27].

С ногайцами Буджака может быть связан целый ряд археологических памятников. Предположительно, им могли принадлежать остатки жилищ на поселении Тараклия I, средневековые захоронения грунтовых могильников Комрат, Балабаны, Гайдар, Казаклия, а также целый ряд впускных захоронений в курганах более ранних эпох. К сожалению, для большинства ногайских захоронений характерно отсутствие инвентаря. В ряде случаев их трудно дифференцировать от более ранних памятников, но наличие в ряде могил турецких монет даёт некоторую уверенность в их датировке[28]. Определённо говорить о том, что именно ногайцы являлись носителями (или одними из носителей) рассматриваемых застёжек в Пруто-Днестровском регионе, можно будет только в случае нахождения подобных изделий, связанных с кроем и отделкой одежды, на памятниках, бесспорно оставленных ногайцами. Таким образом, мы можем предложить в качестве рабочей гипотезы «ногайскую» версию происхождения рассматриваемой группы изделий, не исключая того факта, что они могли быть распространены и у других групп населения, а их появление в зоне между Дунаем и Днестром и не связано напрямую с импульсами из Кавказского региона.

---

[27] Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И. Ногайцы: Историко-этнографический очерк. — С. 28; Бачинский А. Д., Добролюбский А. О. Буджакская орда в XVI–XVII вв. (историко-археологический очерк) // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма / Отв. ред. П. В. Советов. — Кишинёв, 1988. — С. 82–94; Грек И. Ф., Руссев Н. Д. 1812 поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев» // Stratum plus (Кишинёв). — 2011. — № 6. — С. 48–51; Руссев Н. Д. «Татары как-то совсем исчезли...» (последние месяцы истории Буджакской орды) // Русин. — 2012. — № 1 (27). — С. 153–157.

[28] Добролюбский О. А., Субботин Л. В., Сегеда С. П. Погребальные памятники Буджакской орды // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья / Отв. ред. П. П. Бырня. — Кишинёв, 1988. — С. 131–144; Агульников С. М. Средневековые кочевники в Юго-Западном Буджаке // Moldova devletleri 655 yaşinda: Tombarlak masini materiallari: Avgustun 20-si 2014 y. — Komrat, 2014. — P. 144–141.

Что касается датировки рассмотренных нами застёжек, то после сравнения их с группой этнографических изделий, исходя из их размеров, специфики крепежей и декора пластин, а также опираясь на исторические данные о пребывании ногайцев в регионе, мы можем отнести большинство рассмотренных нами предметов к XVI–XVIII вв.

М. С. Сергєєва

До питання про косторізне ремесло в Києві XIII–XVIII століть

Монгольська навала перервала розвиток київського косторізного ремесла, яке сягло вершин свого розвитку у XII — першій половині XIII ст. Домонгольський Київ можна по праву назвати центром косторізного виробництва Південної Русі, де зосереджувалась основна маса відповідних майстерень і випускалася більша частина розрахованої на широкий ринок продукції[1]. Проте долю цієї галузі ремесла майже не простежено. Короткий огляд післямонгольського косторізного виробництва здійснила авторка цієї статті[2], вона також порушила питання про наявність у середньовіччі культового різьблення по кістці[3]. Загалом проблема ставилася тільки в тезисному вигляді[4]. Дослідження зазначеної теми практично відсутні, тож київське косторізне виробництво другої половини XIII–XVIII ст. залишається «білою плямою» в науці.

Відсутність інтересу до цієї проблематики можна пояснити гіршим вивченням зазначеного періоду в Києві порівняно з давньоруськими часами й відносною нечисленністю все ще несистематизованого матеріалу. Незруйнований культурний шар як післямонгольського часу (XIII–XIV ст.), так і XV–XVII ст., особливо закриті комплекси, залишаються дуже рідкісним явищем. Шари XVIII–XIX ст. не стали об'єктом належної уваги до останніх десятиліть. Отже київська пізня різьблена кістка ще чекає на своє фундаментальне дослідження. Ця стаття — лише перший крок у зазначеному напрямі, постановка проблеми. Наше завдання полягає у визначенні стану косторізного ремесла у зазначений період.

---

[1] Сергєєва М. С. Косторізна справа у Стародавньому Києві. — К., 2011. — 256 с.

[2] Див.: Сергєєва М. До питання про київську різьблену кістку XIII–XIV ст. // НЗУІ. — 2010. — Вип. 25. — С. 30–34; Її ж. Косторізна справа... — С. 155–158.

[3] Див.: Сергєєва М. С. Культові вироби з кістки та рогу з території Південної Русі // Ніжинська старовина. — 2015. — Вип. 20 (23). — С. 153–159.

[4] Сергєєва М. С. Косторізне ремесло у післямонгольському та пізньосередньовічному Києві // Церква — наука — суспільство: питання взаємодії: Мат. Одинадцятої Міжнар. наук. конф. (28–30 травня 2014 р.). — К., 2014. — С. 26–28.

Свого часу О. Р. Тищенко в узагальнюючій праці з культури України XIII–XVIII ст. написав про зменшення обсягів косторізної продукції в післямонгольський час. Він пов'язував цей процес із занепадом металургії, а отже зменшенням кількості залізних інструментів, придатних для обробки кістки й рогу[5]. Проте ця галузь ремесла в місті повністю не зникла та продовжувала розвиватися.

На відміну від давньоруського часу (період розквіту)[6], сліди масового виробництва у XIII–XIV ст. не зафіксовано. Поки що єдиний косторізний комплекс, який, імовірно, можна датувати післямонгольським періодом, — це залишки будівлі, дослідженої Т. М. Мовчанівським на садибі художньої школи (Старокиївська гора, нині — територія Національного музею історії України). Із комплексом пов'язано кілька сотень уламків тваринної кістки й готові вироби (ґудзики, наконечники стріл, проколки, трубочки)[7]. Фотографію речей із цього місця пізніше опублікував М. К. Каргер у зв'язку з давньоруським ремеслом[8], проте для Т. М. Мовчанівського, як правило, був характерним доволі критичний підхід до матеріалу, що дозволяє схилитися до його датування. У цьому випадку можна говорити про продовження в післямонгольський час традиції обробки кістки на Старокиївській горі, де у XII — першій половині XIII ст. функціонували професійні косторізні майстерні[9].

Ремісничий центр на Киселівці, який функціонував в XI — першій половині XIII ст.[10], імовірно припинив своє існування з монгольською навалою. Із середини XIV ст. цей район набув нових соціальних функцій — Киселівка перетворилася на цитадель, дитинець, а отже стала місцем перебування адміністративної верхівки Києва[11]. Функціонування тут косторізних майстерень у зазначений час видається маловірогідним.

---

5 Тищенко О. Р. Історія декоративно-прикладного мистецтва України (XIII–XVIII ст.). — К., 1992. — С. 23.

6 Шовкопляс А. М. Косторезное ремесло Древнего Киева // Древнерусский город (Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева). — К., 1984. — С 49–151; Сергєєва М. С. До питання про розвиток косторізного ремесла у стародавньому Києві // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. — Т. 2. — Коростень, 2008. — С. 132–136; Її ж. Косторізна справа... — С. 13–28.

7 Мовчанівський Т. М. Археологічні дослідження городищ з часів Київської Русі: Києва, Вишгорода, Райок, Городська [Чернетки статті] // НА ІА НАНУ. — Авт. фонд. — С. 44.

8 Каргер М. К. Древний Киев. — Т. 1. — Москва; Ленинград, 1958. — Табл. XCIV.

9 Шовкопляс А. М. Косторезное ремесло Древнего Киева. — С. 150; Сергєєва М. С. До питання про розвиток.... — С.133; Її ж. Косторізна справа... — С. 22–23.

10 Шовкопляс А. М. Некоторые данные о косторезном ремесле в древнем Киеве // КСИА АН УССР. — Вып. 3. — К., 1954. — С. 27–32; Сергєєва М. С. Косторізна справа... — С. 23–24.

11 Івакін Г. Ю. Історичний розвиток Києва XIII — середини XV ст. (історико-топографічні нариси). — К., 1996. — С. 132–138.

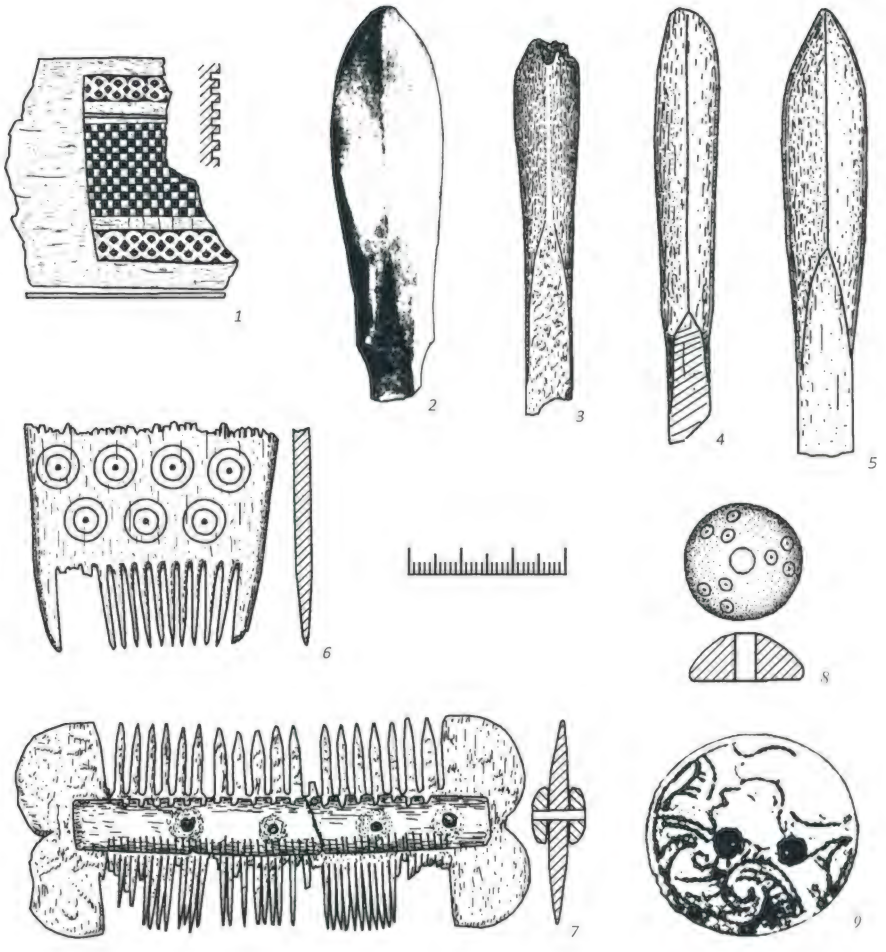


Рис. 1. Вироби XIII–XIV ст.: 1–6, 8 – Старокиївська гора; 7 – Поділ; 9 – Киселівка (9 – за Г.М. Шовкопляс, решта – рисунки автора)

Поки що не виявлено післямонгольські косторізні майстерні на київському Подолі, який залишався торговельно-ремісничим центром міста, хоча його площа й суттєво скоротилася. Не виключено, що це пояснюється не стільки їх повною відсутністю, скільки недостатнім вивченням подільських культурних нашарувань зазначеного періоду. Питання про післямонгольські майстерні з'ясується тільки після подальших археологічних досліджень у зазначеній частині Києва.

Незважаючи на занепад ремісничої діяльності, серед київських старожитностей подеколи зустрічаються вироби з кістки й щільного рогу, які можна датувати XIII–XIV ст. Іноді складно, з одного боку, відрізнити артефакти

післямонгольського часу від речей XV–XVII ст., і давньоруських — з іншого боку, чому сприяє те, що непошкоджених шарів XIII–XIV ст. майже не виявлено. У зв'язку з цим звернемо увагу на склад продукції з будівлі, розкопаної Т. М. Мовчанівським. Серед відповідної продукції чільне місце посідають напівсферичні гудзики (рис. 1, *8*) та їх напівфабрикати. У XII — першій половині XIII ст. місцеві ремісники забезпечували ними не тільки Київ, але й сусідні території[12]. Питання про побутування цих речей у післямонгольській Русі поки що не порушувалося через брак інформації. На території Євразії такі гудзики датуються в межах X–XIV ст., проте їх поширення у другій половині XIII–XIV ст. пов'язують переважно з культурою кочівників. Наведені дані свідчать про те, що виготовлення в Києві у зазначений період також не зникло.

Окремі гребені можна датувати XIII–XIV ст. Серед них найбільший інтерес становить виявлений на Подолі (вул. Щекавицька, 30) набірний гребінь, виготовлений із рогу оленя (рис. 1, *7*), якій має аналогії в Польщі, зокрема у Ґданську[13], де такі гребені датуються кінцем XIII — початком XIV ст. Київський екземпляр походить із верхнього культурного шару, де виявлено цеглу-литовку. Часом не раніше XIV ст. слід датувати плаский суцільний гребінь трапецієподібної форми з розкопок В. В. Хвойки на Старокиївській горі, орнаментований концентричними колами[14] (рис. 1, *6*). За Б. О. Колчиним, пласкі суцільні гребені з'являються не раніше XIV ст.[15]

У зв'язку з проблемою післямонгольських старожитностей варто звернутися до деяких деталей озброєння. Серед них накладка на сагайдак із розкопок Т. М. Мовчанівського на садибі художньої школи й деякі наконечники стріл (рис. 1, *1*). Накладку на сагайдак авторка розглядала доволі докладно[16], тому тут зазначимо тільки, що вона належить до кола степових старожитностей часів Золотої Орди. Можна припускати, що орнаментовані кістяні сагайдачні накладки зазначеного типу на давньоруських пам'ятках з'являються

---

[12] Сергєєва М. С. Косторізна справа... — С. 154; Її ж. Про один тип середньовічних гудзиків на території Східної Європи // Археологія: можливості реконструкцій / АДІУ. — 2014 — Вип. 2 (13). — С. 153–154.

[13] Chmielowska A. Grzebienie starożytne i średniowieczne z ziem Polskich // Acta archaeologica Lodziensia. — Łódź, 1971 — № 20. — Ryc. 28; Hilczerówna Z. Rogownictwo gdańskie w X–XIV wieku // Gdańsk wczesnośredniowieczny. — T. IV. — Gdańsk, 1961. — S. 127. — Ryc. 58–59; Hołowińska Z. Dzielnica rzemieślnicza z XIII i XIV wieku w Gdańsku (stanowisko 2) // Ibid. — T. VI. — Gdańsk, 1967. — Tabl. III.

[14] Сергєєва М. С. Кістяні та дерев'яні вироби з колекції «Десятинна церква» у збірці НМІУ // Церква Богородиці Десятинна в Києві. — К., 1996. — № 34; Її ж. Косторізна справа... — Рис. 58, 5.

[15] Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. — Москва, 1982. — С. 156–177.

[16] Сергєєва М. С. Кістяні та дерев'яні вироби... — № 3; Її ж. До питання про київську... — С. 31; Її ж. Косторізна справа... — С. 155.

разом із монголами, а їх зв'язок із місцевим виробництвом залишається під сумнівом, хоча виключати його не можна.

Імовірно, до кочівницьких старожитностей XIII–XIV ст. слід відносити наконечник стріли з пласким насадом та упором (рис. 1, *2*), опублікований М. К. Каргером[17], для якого є аналогії у Прибайкаллі[18], але не на Русі. Іншим типом наконечників стріл, що викликає інтерес у зв'язку з окресленою проблематикою, стали екземпляри з широким пласким насадом і кілеабо клиноподібним пером без упору (рис. 1, *3–5*). Такі наконечники добре відомі серед київських старожитностей[19] і поза Києвом[20]. Сперечаючись з А. Р. Артем'євим[21], який уважав їх монгольськими, ми вже зазначали, що такі наконечники були розповсюджені дуже широко від Центральної Азії до Східної Європи, хоча й могли генетично сягати степових кочівницьких прототипів[22]. Зазначений тип наконечників стріл слушно зіставляти з іншими спільними елементами євразійського озброєння XIII ст., які побутують скрізь і не пов'язані з будь-яким конкретним етнічним контекстом.

Київські культурні нашарування XIV–XVI ст. залишаються майже невивченими, тому говорити про місцеве косторізне виробництво цього періоду можна лише у плані постановки проблеми. Відповідні вироби репрезентовано окремими знахідками, переважно елітних речей (шахові фігурки, деякі предмети культу та ін.). Із Киселівки походить кістяний гудзик із гравійованим зображенням[23], котрий, імовірно, можна датувати литовським часом (рис. 1, *9*).

Окремі предмети XIV–XV ст. виявлено під час досліджень Михайлівського монастиря 1996–1998 рр.[24] Серед них згадаємо невеличку круглу намистину

---

17 Каргер М. К. Древний Киев. — Табл. XCIII.

18 Свинин В. В., Харинский А. В. Средневековые погребения на берегу залива Хужир-Нугэ, озеро Байкал // Сибирь в панораме тысячелетий. — Т. 1. — Новосибирск, 1998. — Рис. 5, *3*, *4*, *5*, *8*.

19 Каргер М. К. Древний Киев. — Табл. XCIII; Толочко П. П. Древний Киев. — К., 1983. — Рис. на с. 157; Сергєєва М. С. Косторізна справа... — Табл. 51, *10*, *12*, *14*, *20–22*, *24*.

20 Черненко О. Археологічна колекція Чернігівського історичного музею ім. В. В. Тарновського (1896–1948). — Чернігів, 2007. — С. 39; Сергєєва М. Деталі озброєння з кістки та рогу з території Південної та Західної Русі // Фортеця: збірник заповідника «Тустань» на пошану Михайла Рожка. — Л., 2009. — С. 337–338.

21 Артемьев А. Р. Проблемы выделения монголо-татарского комплекса вооружения среди древнерусских материалов XIII в. // Восточная Европа в средневековье. — Москва, 2004. — С. 143–152.

22 Сергєєва М. Деталі озброєння з кістки та рогу. — С. 338; Її ж. До питання про київську різьблену кістку... — С. 32; Її ж. Косторізна справа... — С. 109–110.

23 Шовкопляс А. М. Некоторые данные о косторезном ремесле. — Табл. 1, *13*.

24 Івакін Г. Ю., Козубовський Г. А., Козюба В. К., Поляков С. Є. Науковий звіт про архітектурно-археологічні дослідження комплексу Михайлівського Золотоверхого монастиря в 1996–1997 рр. // НА ІА НАНУ. — 1996–1997/103. — 201 с.; Івакін Г. Ю., Козубовський Г. А., Козю-

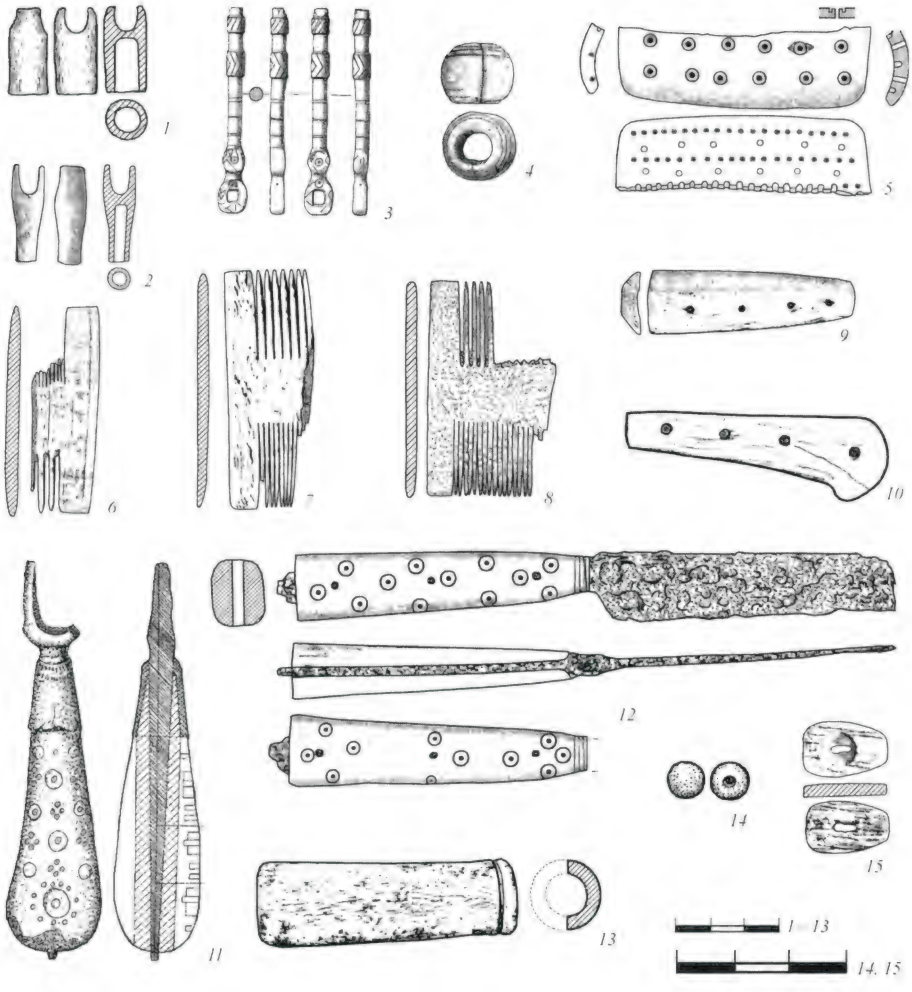


Рис. 2. Вироби XV–XVIII ст. із різних районів Києва
(1, 3, 14 – за Г. Ю. Івакіним, решта – рисунки автора)

(рис. 2, *14*), вушко древка стріли (рис. 2, *1*) і фрагментований виріб, імовірно ручку вухочистки (рис. 2, *3*). Ще одне подібне кістяне вушко древка стріли походить із території лаври (рис. 2, *2*).

ба В. К., Поляков С. Є., Чекановський А. А., Чміль Л. В. Науковий звіт про дослідження комплексу Михайлівського Золотоверхого монастиря та прилеглих територій в місті Києві у 1998 р. // Там само. — 1998/92. — Ч. 1. — 151 с.

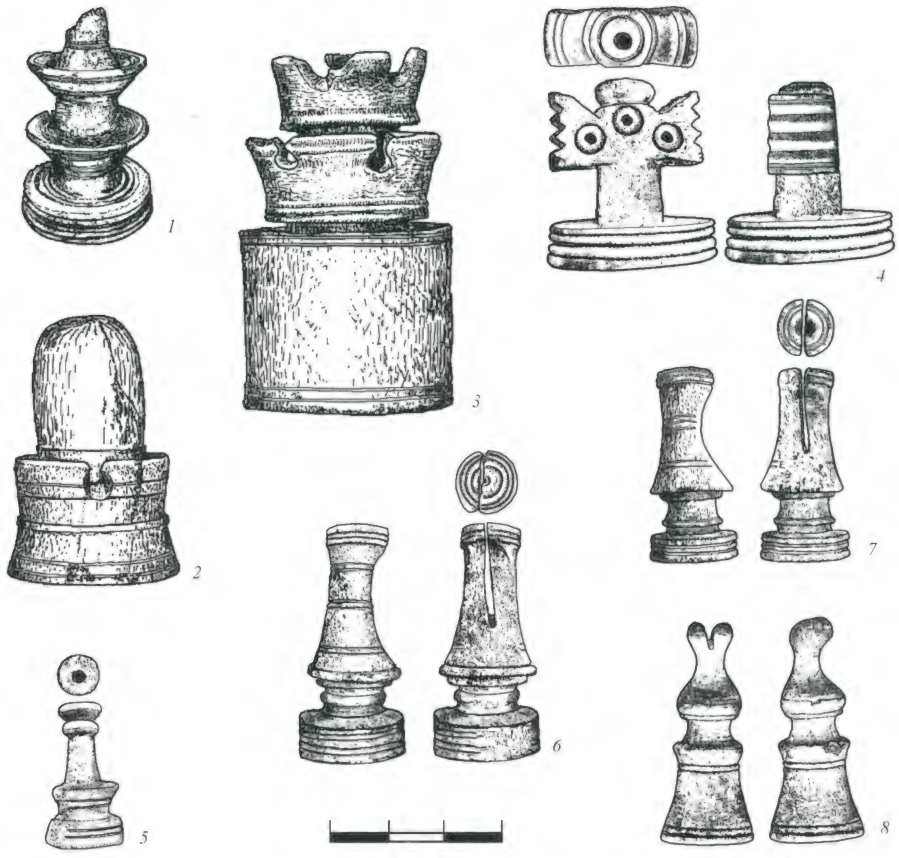


Рис. 3. Шахові фігурки XIV–XVII ст.: 1 – Старокиївська гора; 2–3 – Киселівка; 4–7 – Мистецький Арсенал; 8 – Поділ

Деякі виявлені в Києві шахові фігурки належать до післямонгольського часу[25]. Більшість їх неодноразово опублікована та проаналізована, тож зараз немає необхідності в їх докладному опису. Останніми знахідками є чотири фігурки, виявлені під час розкопок Арсеналу в 2005 р.[26] Вони цікаві тим, що наочно демонструють особливості технології виготовлення цієї категорії речей, характерні для XIV–XVI ст.

Основи з них: точіння на токарному верстаті з наступним наданням потрібної форми (рис. 3, *4–7*). Виявлені раніше фігурки тури XIII ст. при зі-

---

[25] Линдер И. М. Шахматы на Руси. — Москва, 1975. — С. 120–121; Шовкопляс Г. М. Найдавніші шашки і шахи з Києва // Археологія. — Т. XIX. — 1965. — С. 196–200.

[26] Івакін Г. Ю., Балакін С. А. Розкопки на території старого Київського Арсеналу 2005–2007 років // Лаврський альманах. — Вип. 21. — К., 2008. — Іл. 4.

Рис. 4. Шахові фігурки (тура): 1, 2 – XIII ст., 3 – XV–XVI ст.

ставленні з турою з Арсеналу дозволяють простежити зміни у формі цієї фігури впродовж певного часу (рис. 4). Прикладом пізньої модифікації слона може бути шахова фігурка, виявлена під час досліджень на вул. Верхній Вал, 8 (рис. 3, *8*). Вона походить із шару без чіткого датування, проте за формою може належати до часу не раніше XVI–XVII ст. Цю фігурку цілком сформовано на токарному верстаті.

Поодинокими екземплярами репрезентовано культові речі, проте вони належать до найкращих зразків художнього різьблення по кісткових матеріалах. Серед виявленого під час розкопок на території Мистецького Арсеналу в Києві — різьблена іконка та хрестик (рис. 5, *2*, *4*). Автори досліджень датують першу XV — початком XVI ст. і вважають, що її знайдення разом із матеріалами XVII ст., як і затерта поверхня, можуть свідчити про тривале використання[27]. Хрестик можна датувати приблизно тим самим часом.

Основна кількість виявлених виробів із кістки XV–XVI ст. відзначається професійним виконанням. Отже незважаючи на те, що майстерні цього часу не виявлено, можна припускати діяльність ремісників-професіоналів у Києві зазначеного періоду. Нечисленність виробів із кістки дає підстави припускати, що це могли бути різьбярі, які працювали з різними матеріалами (кістка, дерево, камінь та ін.) на замовлення, або взагалі суміщали різні види ремісничої діяльності.

У колекції київських знахідок є прямокутні суцільні гребені XVI–XVII ст., виготовлені здебільшого з рогових чохлів порожнистого рогу великої рогатої худоби (рис. 2, *6*, *7*; 5, *3*). Гребінь аналогічної форми, але вироблений з

[27] Там само. — С. 11–12, іл. 5.

Рис. 5. Вироби XV–XVIII ст.: 2, 4 – Мистецький Арсенал; решта – Поділ

оленячого рогу, походить із Подолу з недатованих шарів (рис. 2, *8*). Судячи з матеріалу, він, можливо, більш ранній, ніж екземпляри з порожнистого рогу. Використання останнього в косторізному виробництві давньоруського часу було обмеженим[28] і таку категорію виробів, як гребені, із цього матеріалу не виготовляли. У Києві гребенів із порожнистого рогу, датованих періодом раніше XVII ст., не виявлено. Попередньо можна припускати, що звернення ремісників до рогів свійської худоби могло бути викликане скороченням кількості диких копитних і розвитком полювання на них як економічно обумовленої діяльності. Одночасно вироби з оленячого рогу стають елітними.

---

[28] Сергєєва М. С. Косторізна справа... — С. 48–50; Її ж. Обробка та використання порожнистого рогу у Київській Русі // Археологія: від джерел до реконструкцій / АДІУ. — 2011. — Вип. 5. — С. 222–226.

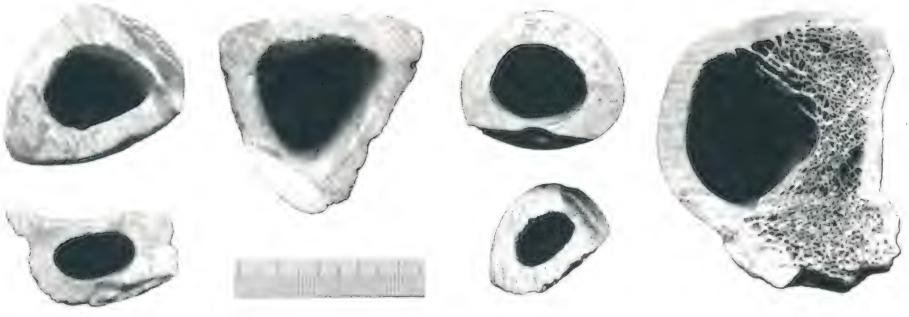


Рис. 6. Сліди пилки на торцях фрагментів кісток, Андріївський узвіз

Наприклад, із цього матеріалу виготовляли відомі козацькі порохівниці, проте щодо Києва сліди їх виробництва тут поки що не виявлено.

Вироби з кістки XVII–XVIII ст. нечисленні. Це насамперед побутові речі: гребені, вухочистки, шахові фігурки, руків'я виделок і ножів, часто без орнаменту, проте іноді орнаментовані або оздоблені різьбленим декором (рис. 2, 5, *9–13*; рис. 5, *5–7*). Прикладом тонкої різьбленої роботи можуть слугувати інкрустована металом (мідь або бронза) ручка виделки (Михайлівський монастир[29], рис. 2, *11*), ложечка з Подолу (рис. 5, *1*). Обидва вироби датуються XVIII ст.

Майстерні цього часу не виявлено. Скоріше за все це пояснюється слабкою вивченістю київського культурного шару відповідного періоду. Нещодавно (2013 р., дослідження Центру археології Києва) декілька екземплярів пиляних кісток свійської тварини (бика) знайдено на Андріївському узвозі (рис. 6). Проте загалом невеликий обсяг кісткового матеріалу, виявленого на ділянці (всього 9 екземплярів кісток), дозволяє говорити лише про обробку кістки в рамках домашнього промислу.

Загалом, говорячи про стан косторізної справи у другій половині XIII – XVIII ст., можна констатувати суттєве зменшення асортименту виробів із кісткових матеріалів порівняно з давньоруським часом. Продукція косторізів обмежується кількома основними видами виробів. Наступні періоди також не демонструють розквіту цього виду ремісничої діяльності в інтересах масового ринку. Незважаючи на те, що більшість виявлених речей мають ознаки професійного ремесла (якість обробки, застосування спеціалізованого інструменту, у тому числі токарний верстат), діяльність ремісників-кос-

---

[29] Івакін Г. Ю., Козубовський Г. А., Козюба В. К., Поляков С. Є., Чекановський А. А., Чміль Л. В. Науковий звіт про дослідження комплексу Михайлівського Золотоверхого монастиря... — С. 82. — Рис. 72, *1*.

торізів мала обмежений характер, можливо на замовлення, що передбачає поєднання роботи по кістці з іншими видами ремісничої діяльності. Не виключено, що подальше дослідження київського ремесла післямонгольського періоду, а також XV–XVIII ст. змусить по-новому подивитися на нього, проте на сучасному етапі вивчення можна констатувати, що рівня давньоруського товарного виробництва часів його розквіту у XII — першій половині XIII ст. косторізний промисел Києва вже ніколи не досягав.

В. И. Ставиский

«Лютъ бо бѣ бои оу Чернигова»

Уже невозможно представить современный взгляд на историю южнорусских городов XIII в. без исследований Г. Ю. Ивакина. В первую очередь, это касается истории Киева как крупнейшего из них. Систематические археологические изыскания, проводимые учёным на протяжении нескольких десятилетий, позволили ему сделать важные наблюдения и по поводу масштабов разрушения города под ударом орд хана Батыя. В то же время общие условия развития городов Поднепровья и внешнеполитические обстоятельства, перед лицом которых они оказались в середине XIII в., позволяют интерполировать локальные выводы исследователя на весь регион, все города которого постигла схожая участь, когда они в период с осени 1239 по зиму 1240 гг. подверглись жестокому монгольскому разорению.

Эти события с разной степенью полноты были описаны летописцами. Наиболее полно и подробно они переданы в рассказе, помещённом в текстах группы летописных списков типа Ипатьевского (Ипат.), восходящих к общему архетипу, «замолкнувшему» по неизвестной причине на рубеже 1280–1290-х гг.[1] Ощущение структурной и стилистической цельности этого рассказа сохранилось, невзирая на то, что он был разорван многочисленными авторскими вставками, в которых речь шла о событиях в Галицко-Волынской Руси и о военной деятельности князя Даниила Романовича[2]. Этот рассказ насыщен многочисленными деталями, якобы сопровождавшими осаду и штурм южнорусских городов, которые создавали ощущение трагизма рисуемой картины. На поверку же оказалось, что, к примеру, в описании событий, развернувшихся у стен Киева, «есть несколько странностей, причём, связаны они именно с деталями, выглядящими наиболее реалистично», и что описание было создано «не по свежим следам и, тем более,

---

[1] Котляр Н. Ф. Комментарий // Галицко-Волынская летопись: Текст, комментарий, исследование / Под ред. Н. Ф. Котляра. — Санкт-Петербург, 2005. — С. 368.

[2] Котляр Н. Ф. Композиция, источники, жанровые и идейные характеристики Галицко-Волынской летописи // Там же. — С. 43–44.

не со слов очевидца, но составлено профессиональным писателем без малого четверть века спустя после трагедии»[3], во всяком случае, не раньше 1251 г.[4]

Изучив описание штурма Киева осенью 1240 г. по Ипат. А. П. Толочко пришёл к важному выводу о том, что этот рассказ сюжетно и лексически возник на основе переводных греческих текстов, известных его составителю из «Иудейского хронографа», составленного ок. 1262 г.[5], и служивших литературным источником Ипат. вплоть до статьи 1265 г.[6] Соответственно реальная ценность сообщаемой в рассказе о штурме Киева информации стремится к нулю, если не допускать, что «какие-то крупицы можно было бы добыть, следя за умолчаниями летописца, вернее, за бывшими в его распоряжении, но отвергнутыми возможностями. Так, например, среди "сосудов стенобитных" Иосиф Флавий называет пороки (катапульты) и овны (тараны), но ГВл упоминает только пороки. Значит ли это, что монголы не располагали под Киевом всем арсеналом осадной техники?»[7]. Г. Ю. Ивакин, ссылаясь на «Хронику» Матвея Парижского, якобы записавшего свидетельства очевидцев, считает, что «завоеватели штурмовали крепости Южной Руси с помощью 32 осадных устройств [...] Все они, конечно, были стянуты к Киеву»[8].

И действительно, современник событий Плано Карпини ничего не сообщает о разрушении стен осаждённых монголами городов, а пишет о том, что «если они не могут овладеть укреплением [...] то бросают на него греческий огонь»[9]. Джувейни уточняет, что столицу Руси войска Батыя штурмовали после того, как выставили напротив стен города «метательные орудия»[10]. Между тем Р. П. Храпачевский, ссылаясь на Шихаба ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави (ум. 1250 г.), пишет, что монголам были известны среди прочих и «стенобитные средства» — просто тараны и тараны, прикрытые от противодействия со стен («черепахи»). В описании современником дей-

---

3 Толочко А. П. Взятие Киева монголами: источники летописного описания // Palaeoslavica. — XXII/2 (2014). — P. 102, 104.

4 Ставиский В. И. «История монгалов» Плано Карпини и русские летописи // Древнейшие государства на территории СССР. — Москва, 1991. — С. 196–197.

5 Толочко А. П. Взятие Киева... — P. 103–104.

6 Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР. — Т. 31 (1928). — С. 93–126.

7 Толочко А. П. Взятие Киева... — P. 115.

8 Ивакин Г. Ю. Киев в XIII–XV веках. — К., 1982. — С. 12.

9 Иоанн де Плано Карпини. История монгалов / Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. — Санкт-Петербург, 1911. — С. 32.

10 Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. — Т. II. — Москва; Ленинград, 1941. — С. 23.

ствий монголов они двигаются к стенам с «прикрытиями-домами вроде таранов, сделанных из дерева и прикрытых шкурами»[11].

Но о «таране» мы узнаём из описания событий, происходивших у стен Чернигова в 1235 г., т. е. за несколько лет до появления войска Батыя. Вот как в тексте Ипат. описывается этот эпизод:

> и придоша же ѡпѧть Черниговоу створиша же миръ со Володимеромъ. и Даниломъ . Мьстиславъ . и Черниговьчи . люто бо бѣ бои оу Чернигова . ѡже и таранъ на нь поставиша . меташа бо каменемь . полтора перестрѣла . а камень ѣкоже можахоу . д̄ . моужи силнии подъѧти. ѿтоуда с миромъ преидоша Кыевоу .[12]

Текст явно не лишён внутреннего противоречия: вслед за заключением мира между Даниилом Романовичем и Владимиром Рюриковичем — с одной стороны и Мстиславом Глебовичем и черниговцами — с другой, военные действия внезапно возобновляются и, опять-таки неожиданно, завершаются «миром».

Поэтому исследователями давно обсуждается версия о том, что часть этого текста, — «люто бо бѣ бои оу Чернигова . ѡже и таранъ на нь поставиша . меташа бо каменемь . полтора перестрѣла . а камень ѣкоже можахоу . д̄ . моужи силнии подъѧти», — на самом деле относилась к описанию штурма Чернигова одним из подразделений войска хана Батыя в октябре 1239 г. В этом убеждают тексты новгородских летописей XV в. — Софийской первой, Новгородской четвёртой (свод 1448 г.) и Московского летописного свода 1479 г. (МЛС), в которых вызывающая недоумение фраза стоит в описании событий 1239 г., где выглядит совершенно безупречно. Вот как под 1239 г. этот текст представлен в МЛС:

> А иную же рать посла на Чернигов. Пришедше же послании оступиша город в силе тяжце. Слышавъ же Мстиславъ Глѣбович, внук Святославль Ольговичя, нападение иноплеменных на град и приде на нь с вои своими. И бившемся им крѣпко, люто бо бѣ бои у Чернигова, оже и тараны на нь поставиша, и меташа на нь камением полтора перестрѣла, а камень же, яко можаху 4 мужи сильнии подъяти его. Но побеженъ бысть Мстиславъ и множество от вои его избиено бысть, и град взяша и запалиша огнем, а епископа оставиша жива ведоша и въ Глухово, и оттоле пустиша и[13].

В 1963 г. Ю. А. Лимонов опубликовал небольшую статью о том, что при составлении МЛС был использован наряду с Ипатьевским списком, находившемся в Новгороде, ещё один «южнорусский источник», который, по его мнению, завершался началом 1240-х гг. Исследователь выделил ряд

---

[11] Храпачевский Р. П. Осадные технологии монголов // XLegio: военно-исторический портал античности и средних веков [Электронный ресурс]: http://www. xlegio. ru/siege-machinery/medieval-siege/mongolian-siege-technologies/

[12] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — Т. 2. — Москва, 1962. — Стб. 772.

[13] Там же. — Т. 25. — Москва; Ленинград, 1949. — С. 130.

уникальных известий МЛС о Южной Руси, которые «преподносятся ГВЛ в совершенно иной интерпретации», и появление которых он связывал с использованием этого источника. Изменение, появившееся в МЛС в тексте о Чернигове, Ю. А. Лимонов увязал с приоритетным использованием этого «южнорусского источника» перед Ипат. В своём кратком текстологическом исследовании автор этого наблюдения не подтвердил собственную мысль подробным сопоставлением текстов МЛС и Ипат. Но предположил, что этот же текст был использован также при написании части Ипат. до 1260 г., и представлял собой Киевскую летопись с добавлениями о Чернигове за 1220–1230-е гг.[14]

Позднее С. К. Черепанов, сопоставив известие МЛС о штурме Чернигова в 1239 г. с текстами, передающими свод 1448 г., пришёл к выводу, что его источник в данном случае «можно отождествить с протографом двух рассказов Ипат. 6742 и 6747 гг. [...] Считаем, что он взят из источника, общего Ипат., но отличающегося от её оригинала»[15]. Исследователь аргументировал свой вывод тем, что сводчик 1448 г., восстанавливая рассказ 1239 г. на основе независимого от Ипат. текста, по ошибке захватил и указание о примирении, «которое не относилось к первоначальному цельному известию о татарском походе»[16], и каковое отсутствует в тексте МЛС. Сводчик 1479 г. исправил ошибку, а это значит, что оба они независимо друг от друга пользовались текстом, отличным от известной нам версии Ипат., составитель которой был также с ним знаком. Иначе он не смог бы разорвать «цельный текст описания похода татаро-монгол и боя у Чернигова», чтобы поместить их в разные места своего свода[17].

М. Димник также присоединился к мнению исследователей о том, что «бóльшая часть описания в Ипат. осады Чернигова в 1235 г. была заимствована из описания татарского нашествия 1239 г.»[18]. В частности, он обратил внимание на тот факт, что в Древней Руси для штурма городов никогда не использовались катапульты, а потому их упоминание в описании событий 1235 г. выглядит неуместным[19]. По мнению специалиста, гипотетический Киевский свод 1238 г. и свод 1448 г. имели общий источник, что ещё больше усложняет возможный сценарий взаимоотношения текстов. Явным недоразумением представляется также точка зрения М. Димника о достовер-

---

14 Лимонов Ю. А. О южнорусском источнике Московского свода 1480 г. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. — Москва, 1963. — С. 149.

15 Черепанов С. К. К вопросу о южном источнике Софийской I и Новгородской IV летописей // Труды Отдела древнерусской литературы. — Т. XXX. — Ленинград, 1976. — С. 282–283.

16 Там же. — С. 282.

17 Там же. — С. 281.

18 Dimnik M. The Siege of Chernigov in 1235 // Mediaeval Studies. — Vol. 41 (1979). — P. 401.

19 Ibid. — P. 397.

ности известия свода 1448 г. о заключении договора между черниговцами и монголо-татарами в 1239 г. Автор откровенно заблуждается по поводу функции, выполнявшейся «таранами» при осаде города. Он относит их к разряду камнеметательных машин[20], которые, тем не менее, в тексте Ипат. совершенно определённо назывались «пороками». То, что в данном случае они названы «тараном», М. Димник объясняет растерянностью очевидца событий перед невиданным ранее орудием[21]. Следует признать, что в этом заблуждении учёный был не одинок, о чём свидетельствует, например, пояснение Л. Е. Махновца, который в примечании к переводу текста Ипат. высказал своё мнение о том, что «хоча тут ужито слова "таран", але цілком ясно, що це була катапульта, метавка, праща»[22]. По ничем не подкреплённому мнению Н. Ф. Котляра, «здесь речь идёт, вероятно, о разновидности катапульты»[23].

Между тем, из текста Ипат. совершенно не следует, что «тараном» метали камни. В Ипатьевском и Хлебниковском списках текст передан одинаково — «таранъ на нь поставиша . меташа бо каменемь». Наличие знака препинания между глаголами «поставиша» и «меташа» опровергает возможность установления между ними причинно-следственной связи, о чём можно было бы говорить в случае употребления местоимения «который», либо союза в этом же значении. Например, перед этими глаголами в тексте употреблён союз «ѡже» в значении «ибо», «так как», за которым следует текст, разъясняющий утверждение автора пассажа о «лютом бое»: «Бой был у Чернигова лют, даже таран против него поставили, метали камни». Дальше читается союз «ѣкоже» в значении «какой», вводящий в текст пояснение величины камней, обрушившихся на стены города — «а камень был таков, что поднять его»[24]. Оба глагола представлены во множественном числе, но если бы глагол «метати» относился к существительному в единственном числе «таран», то и он был бы в единственном числе. В нашем же случае они естественным образом продолжают развивать сюжет о том, как «в то же времѧ посла на Черниговъ . ѡбьстоупиша граⷣ в силѣ тѧжцѣ [...] и градъ взѧша и запалиша ѡгньмь епⷭпа ѡставиша жива . и ведоша и во Глоуховъ»[25].

Можно предполагать, что новгородский сводчик 1479 г. вслед за своим предшественником обнаружил это несоответствие между существительным

---

[20] Ibid.

[21] Ibid. — P. 397, 401–402.

[22] Літопис руський / Пер. з давньорус. Л. Є. Махновця; відп. ред. О. В. Мишанич. — К., 1989. — С. 391 [Електронний ресурс]: http://izbornyk. org. ua/litop/lit. htm

[23] Котляр Н. Ф. Комментарий. — С. 234.

[24] Галицко-Волынская летопись / Подгот. текста, пер. и комм. О. П. Лихачёвой [Электронный ресурс] http://lib. pushkinskijdom. ru/Default. aspx?tabid=4961

[25] ПСРЛ. — Т. 2. — Стб. 782.

в единственном числе и глаголом во множественном и решил привести текст в соответствие с правилами грамматики. Но сделал он это, увеличив число «таранов», что было логично в условиях фортификационных реалий его времени, когда стены крепостей в его регионе начали повсеместно сооружать из камня. Что же касается древнерусских городов, то они были окружены земляным валом на высоту до 12–15 м, по верху которого шёл деревянный частокол. Применять «тараны» для уничтожения таких укреплений было бессмысленно — достаточно просто сбить камнемётами деревянные «заборола» или поджечь их с помощью «греческого огня». Таран целесообразно использовать лишь для разбивания ворот и поэтому он мог быть только один, как это указано в тексте Ипат.

Итак, на связь между установкой «тарана» и метанием им камней грамматика текста никоим образом не указывает. А это значит, что фразой «меташа бо каменемь» в тексте обозначено действие неназванных в нём «пороков», но дважды упомянутых ниже по тексту в описании осады и штурма Киева. В этом случае «пороки» были установлены «подълѣ вратъ Лѧдьскѣ^{х}. тоу бобѣахоу. пришли дебри», позволявшие эффективнее обстреливать городские стены, а не за «полтора перестрѣла», чтобы обезопасить осаждавших. В описании осады Киева подчёркивается, что «пороками» непрерывно воздействовали на городские стены — «порокомъ же бес престани бьющимъ. дн҃ь и нощь. выбиша стѣны», а говоря о подготовке к штурму Чернигова автор сосредоточился на другом аспекте — величине камней, посылавшихся в сторону городских укреплений. И из этого сопоставления становится очевидно, что в обоих случаях речь шла об одном и том же осадном орудии, тактические отличия в применении которого были обусловлены, вероятно, особенностями рельефа.

А. П. Толочко убедительно продемонстрировал, что «подвергнутый процедуре "медленного чтения" рассказ (или, если угодно, повесть) о взятии монголами Киева [...] рассыпается на цепочки заимствований, прямых и скрытых цитат, аллюзий и парафраз, имитаций сюжетных положений» в основном из хронографических текстов[26]. В качестве примеров литературного заимствования в описании штурма Киева войсками Батыя исследователь приводит несколько эпизодов из текста «Иудейской войны» Иосифа Флавия, в которых в частности упомянуты «пороки». Один из них находится в описании штурма Иотапаты войском Веспасиана:

> «оуєсписїанъ же постави ѡкрестъ града. стенобничьныѧ съсоуды. бѧше ихъ .ѯ҃. и тръкапаныи камень метахѹ порочами» (413г, 19–23)[27].

---

[26] Толочко А. П. Взятие Киева... — P. 115.

[27] Здесь и далее «История иудейской войны» цит. по: История иудейской войны Иосифа Флавия. Древнерусский перевод / Изд. подг. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. — Т. 1–2. — Москва, 2004 (с указанием номеров листа, столбца и строки).

Упомянутый в данном случае «трькапьныи камень» (в греческом тексте — ταλαντιαῖοι) — это огромный, весом в три капи[28] (капь — мера веса, равная четырём пудам) камень. Логично сопоставить масштабность событий, происходивших у стен Иотапаты, с описанием осады Чернигова, когда на город «меташа бо каменемь [...] а камень ѣкоже можахоу . д҃ . моужи силнии подъѧти». То есть камни, летевшие на Чернигов, были так же велики, как и те, которыми обстреливали Иотапату. Но можем ли мы видеть за этими словами исключительно литературный текст, через который не «прорывается действительность»?

Монголы достаточно рано приняли на вооружение метательные осадные орудия, известные их соседям. А позднее произошло мусульманское влияние на развитие у монголов осадной техники. Оно заключалось в использовании больших торсионных (на основе кручения волокон) катапульт и машин с противовесами, о которых в китайской доогнестрельной артиллерии до монголов не знали, во всяком случае, их использование не зафиксировано. Но, по словам Р. П. Храпачевского, известно точно, что в Китае в 1260–1270-х гг. монголы уже широко использовали так называемые «хуйхуй-пао» — орудия с противовесами, отмеченные в китайских источниках под этим названием, которые по-арабски назывались «манджаник». Упоминание о мусульманских камнемётах в китайских источниках приходится на конец 1260-х гг. — первое прямое свидетельство об этом относится к 1271 г., когда Хубилай запросил из Ирана мастеров-артиллеристов. Исследователь утверждает, что когда в 1251 г. на престол был возведён Менгу-каан, он принял новую стратегию завоевания Сун — отсечения стратегических пунктов по окраинам путём дальних глубоких рейдов на крайнем юге. А там им приходилось воевать с племенами мань, укрепления которых не сравнимы с крепкими каменными стенами городов Центрального Китая. Поэтому для этих походов не считали нужным готовить мощную осадную технику и не имели её в тех местах[29].

Эти особенности военной стратегии эпохи Менгу заставляют нас вспомнить об обстоятельствах походов Куремсы и Бурундая 1254–1260 гг. на земли Галицко-Волынского княжества. Именно тогда во время второго похода последовал приказ от Бурундая князю Васильку — «ѡже есте мои мирници . розмечете* городы своѣ всѣ», а город Владимир ещё и велел

---

[28] См.: Пичхадзе А. А. Лексические особенности памятника и вопрос о локализации перевода // История иудейской войны... — Т. 1. — С. 35–36; Пеев Д. Славянската версия на Юдейската война на Йосиф Флавий в контекста на Архивския хронограф: Автореферат на дисертация за присъждане на образователната и научна степен «доктор». — София, 2016. — С. 13.

[29] Храпачевский Р. П. Осадные технологии монголов.

«роскопати»[30]. Судя по всему, у монгольского военачальника не было необходимой осадной техники, ведь, возможно, незадолго до того последний «порок» тяжёлого типа разломался «чудесным образом» во время неудачной осады Луцка Куремсой — «изломисѧ Бѫ́иею силою пракъ. ихъ. и не оуспѣвше ничтоже»[31]. Напомним, что хан Куремса, как и хан Батый в 1241 г., «приде ко Кремѧнцю . и воева . ѡколо Кремѧнца [...] и не оуспѣвше ничто оу Кремѧнца . и възвратишасѧ во страны своѣ»[32], а Бурундай во время первого похода очень радовался приведённому Васильком из Литвы «сайгату» в виде пленных, а также «конѣи во сѣдлѣхъ. щитъı соуличѣ шеломъı»[33].

Только когда после смерти Менгу (1259 г.) и победы Хубилая в междоусобице, последний в 1266 г. вернулся к политике завоевания Сун, тогда и появилась реальная необходимость в мощных камнемётах мусульманского типа, которыми можно было осуществить полное разрушение стен. Это достигалось устройствами противовесного типа, так как обычные китайские блиды на это были неспособны. Кроме того, подобные приспособления достаточно универсальны. Р. П. Храпачевский напоминает, что из-за недостатка камня в окрестностях Гурганджа-Хорезма, для этих «манджаников» использовались снаряды из корней тутовых деревьев. Но для китайских блид они менее подошли бы по размерам (для такого веса они были объёмнее камня и плохо держались бы пращевым захватом), в то время, как противовесные требушеты не имеют ограничений в створе для метания — его можно устанавливать согласно заданным параметрам снаряда, что напоминает нам о нестандартных камнях, использовавшихся во время осады Чернигова.

Исследователь совершенно определённо говорит о том, что в период с 1238 г. у монголов не было нужды в крупных камнемётных машинах. Тем более, когда речь шла о разрушении деревянных укреплений древнерусских городов, которые проще было поджечь с помощью «греческого огня», о чём нам напомнил Плано Карпини. Следовательно, можно предполагать, что использование мощных камнемётов типа «черниговского» отражает более поздние реалии, характерные для периода после смерти хана Менгу в 1259 г. Их включение в ранний текст могло быть вызвано исключительно желанием продемонстрировать грандиозность происходившего.

Впечатление о чрезвычайности событий, развернувшихся у стен Чернигова, усиливалось тем, что метательные орудия находились вне зоны поражения со стороны вооружённых луками защитников города — «полтора перестрѣла». Эту особенность тактики осады отметил Плано Карпини — ког-

---

30 ПСРЛ. — Т. 2. — Стб. 848.

31 Там же. — Стб. 842.

32 Там же. — Стб. 829.

33 Там же. — Стб. 857.

да монголы не могут сходу захватить город, они «ставят против него свой лагерь или укрепление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий, и стоят против него долгое время»[34]. Но во время осады Иотапаты осаждавшие предохранялись от стрел осаждённых иным образом — они соорудили специальное укрытие «желѣвъ» (от «жьлы»), т. е. «черепаху»[35], «да быша не пакостили из града», а затем «поставиша овенъ иже есть дрѣво велико и тлъсто» (414б, 12–20). Как следует из пояснения издателей текста, «овенъ» обозначает тип осадного орудия — «тарана»[36]. Этот «овен» специально описан. Он был подобен «щеглѣ корабелнои, а в конець же его всажено желѣзо велико рогато, имже и онъ наречется» (414б, 20–23). Это соответствует описанию боя у стен Чернигова в Ипат., где указан один «таран», а не во множественном числе, как это представили себе сводчики XV в.

Таким образом, мы точно знаем, откуда в текст Ипат. было заимствовано описание «лютого боя», происходившего у стен Чернигова осенью 1239 г. А это значит, что его следует рассматривать в комплексе с описанием осады и штурма Киева, и предполагать, как и в случае с описанием штурма Киева, достаточно позднее время составления текста — после 1259 г. Но учитывая то, что в основе его лежит текст «Иудейского хронографа», а А. С. Орлов определил, что цитаты из него, заключавшего в себе фрагменты хроник Иоанна Малалы и Георгия Амартола, «Иудейской войны» Иосифа Флавия, а также «Александрию», с регулярностью простираются вплоть до статьи Ипат. 1265 г., и за этими пределами хронограф ни разу не использован, мы с большой долей вероятности можем предположить, что анализируемый нами текст о захвате Чернигова войсками хана Батыя был составлен в пределах 1259–1266 гг.

Но возможно ли из этого сделать вывод о том, «тексты, подобные рассказу о падении Киева, никакой ценности для суждения о прошлом не имеют и для исторической реконструкции непригодны»? Такой пессимистический прогноз актуален исключительно на фоне слабой изученности текста Ипат., который будет раскрывать «картину достоверной реальности» по мере овладения его читателями языком «лексических и фразеологических заимствований».

---

34 Иоанн де Плано Карпини. История монгалов. — С. 32.

35 Словарь древнерусского языка. — Т. III. — Москва, 1990. — С. 273.

36 Пичхадзе А. А. Лексические особенности памятника и вопрос о локализации перевода. — Т. I. — С. 20.

С. В. Тарасаў

Археалагічнае вывучэнне беларускіх гарадоў: праблема захавання археалагічнай спадчыны

Беларускія гарады, як і іншыя гарады Цэнтральнай і Сярэдне-Усходняй Еўропы на працягу ўсёй сваёй гісторыі і існавання з'яўляюцца спалучэннем розных сацыяльных, палітычных, эканамічных і культурных традыцый народаў у межах існавання якіх яны ўзніклі. Маючы на ўвазе не столькі спрэчнасць, колькі многаварыятыўнасць узнікнення гарадоў, трэба зазначыць, што ў любым выпадку яны станавіліся цэнтрамі прыцягнення рэгіёну, акругі, адыгрывалі ці не галоўныя ролі ва ўзнікненні і станаўленні старажытных дзяржаў. Ад моманту ўзнікнення і па сённяшні дзень менавіта горад у Еўропе з'яўляецца стваральнікам і правадніком найноўшых тэхналогій, ідэй, эканамічных структур. Кампактнасць і шчыльнасць пражывання на гарадской тэрыторыі выклікае зусім іншыя, адрозныя ад вёскі ўнутраныя сувязі ў грамадстве, стымулюючы іх і пашыраючы. Нават калі не паглыбляцца ў адну з прынцыповых праблем у канцэпцыі развіцця горада — падзел рамяства і земляробства — трэба адзначыць, што гэты падзел ніколі б не адбыўся, калі б не было горада як такога. Прыцягненне ў горад вясковага насельніцтва — хутчэй фактар уздзеяння традыцыйнай сельскагаспадарчай псіхалогіі чым эканамічны. Тое, аб чым пісаў Ф. Брадэль для гарадоў Паўднёвай Францыі XVII ст., калі восенню практычна ўсё насельніцтва выпраўлялася на збор вінаграду, было характэрна і для іншых, напрыклад, Полацка, дзе большасць гараджан мелі свае вясковыя надзелы — «нівы за Палатой».

Тым не менш, ад часу ўзнікнення беларускіх гарадоў у IX–X ст. і па сённяшні дзень мы назіраем устойлівую тэндэнцыю ўрбанізацыі жыцця. Для Беларусі найбольш яскрава яна праявілася за апошняе стагоддзе. Перапісы насельніцтва 1977, 1991 і 2001 гг. паказалі тэндэнцыю прапарцыянальнага размеркавання вясковага і гарадскога насельніцтва ў краіне. У 1977 г. жыло ў вёсцы 60 %, у горадзе — 40 %. У 1991 г., адпаведна, 40 % і 60 %, у 2001 г. — 30 % і 70 %. Гэтая тэндэнцыя, верагодна ў іншых суадносінах, можа быць экстрапаліраваная на ўсю больш чым тысячагадовую гісторыю суіснавання гарадоў і вёсак на беларускіх землях.

Вось чаму праблема вывучэння беларускіх гарадоў метадамі археалогіі, а таксама непасрэдна звязаная з ёй праблема захавання археалагічнай спадчыны, бачыцца сёння надзвычай актуальнай для беларускай археалогіі. Яне не толькі акадэмічна з пункту гледжання атрымання ведаў дзеля ведаў, але і практычна ў прадбачанні і вырашэнні многіх пытанняў, з якімі ўжо сутыкаецца і будзе ў будучым сутыкацца любое ўрбаністычнае грамадства.

Першыя беларускія гарады ўзніклі ў IX–X ст. Полацк — 862 г. Першая згадка ў летапісе, Тураў — 980 г. Услед за імі ў Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі паўсталі Менск, Барысаў, Заслаўль, Друцк, Лукомль. На поўдні Беларусі ў межах Тураўскага княства існавалі Пінск, Берасце, Клецк, Рагачоў, Мазыр і інш. У Заходняй Беларусі — Гродна, Ваўкавыск, Навагрудак і г. д. Усяго ў X–XIII ст. на Беларусі вядома прыблізна 35 гарадоў[1]. Аднак археалагічнае вывучэнне гэтай багатай навуковай і гістарычнай спадчыны пачалося адносна нядаўна.

У XIX — на пачатку XX ст. археалагічнымі старажытнасцямі цікавіліся аматары гісторыі, краязнаўцы. Навуковыя метады даследавання толькі-толькі выпрацоўваліся, а таму асноўнай мэтай было збіральніцтва артэфактаў, часам нават шляхам «варварскіх» па сённяшніх мерках раскопак археалагічных каштоўнасцяў. У першую чаргу гэта тычылася курганоў. Археалагічныя калекцыі і першыя музеі (братоў Тышкевічаў у Лагойску і братоў Луцкевічаў у Вільні) складаліся ў многім з выпадковых артэфактаў. Толькі некаторыя з іх былі дакументіраваны ці здабыты ў выніку мэтанакіраваных пошукаў.

У пачатку XX ст. даследаванні беларускіх гарадоў засяроджваліся выключна на вывучэнні архітэктурнай спадчыны. У першую чаргу гэта тычылася помнікаў XI–XIII ст. у Полацку, Гродна, Камянцы, Навагрудку. Гэтая традыцыя ў значнай ступені працягвалася і ў 20–30-я гг. XX ст. Вядомы працы такіх выдатных знаўцаў гісторыі архітэктуры як І. Хозераў і М. Шчакаціхін, прысвечаныя помнікам Беларусі і Смаленшчыны. У другой палове 20-х гг. археолагамі А. Ляўданскім, С. Дубінскім, А. Каваленям, С. Шутавым былі праведзены даследаванні ў Полацку, Заслаўе, Оршы, Тураве, Рагачове, Слуцку, Друцку, Лукамлі, Чачэрску[2]. Работы гэтыя не мелі маштабнага характару. Аднак іхняй вялікай заслугаю было тое, што яны канстатавалі наяўнасць ў гарадах старажытных культурных напластаванняў, а таксама паставілі шэраг пытанняў па гісторыі, тапаграфіі, матэрыяльнай культуры гарадоў IX–XIII ст.

Асобна трэба адзначыць вывучэнне археалагічнай спадчыны польскімі вучонымі ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. Вялікую ролю адыгралі супрацоўнікі Дзяржаўнага археалагічнага музея ў Варшаве на чале з Р. Які-

---

[1] Археалогія Беларусі. — Т. 3. — Мінск, 2000. — С. 168.

[2] Вяргей В. Археалагічная навука ў Беларускай ССР 1919–1941 гг. — Мінск, 1992. — С. 71–76.

мовічам. Былі праведзены раскопкі ў Ваўкавыску (Ю. Ядкоўскі), Гродна (Ю. Ядкоўскі, З. Дурчэўскі), Давыд-Гарадку (Р. Якімовіч)[3]. Вынікам даследаў сталі меркаванні аб храналогіі, тапаграфіі гарадоў, матэрыяльнай культуры, занятках жыхароў.

У 30-я гг. XX ст. археалагічная дзейнасць у БССР спыняецца. У выніку масавых рэпрэсій супраць розных слаёў насельніцтва навуковая інтэлігенцыя страціла найбольш. Былі арыштаваны і растраляны многія навікоўцы. У тым ліку: А. Ляўданскі, С. Дубінскі, А. Каваленя.

Адноўлены археалагічныя даследы беларускіх гарадоў былі адразу пасля Другой сусветнай вайны. У 1948 г. распачаліся археалагічныя раскопкі ў Мінску пад кіраўніцтвам В. Тарасенка. У 50–70-я гг. даследаваліся Полацк (Г. Штыхаў, Л. Побаль, М. Каргер, Вал. і Вас. Булкіны); Тураў, Бярэсце, Пінск (П. Лысенка); Мінск, Заслаўе, Барысаў, Лагойск, Друцк, Віцебск, Браслаў (Г. Штыхаў, В. Ляўко, Ю. Заяц, Л. Аляксееў); Ваўкавыск, Гродна, Навагрудак, Слонім (Я. Звяруга, М. Ткачоў, А. Трусаў, Ф. Гурэвіч, М. Варонін, П. Рапапорт); Магілёў (А. Трусаў, І. Чарняўскі), Гомель (І. Юшчанка, М. Ткачоў). У 80–90-я гг. значна пашырылася кола даследчыкаў за кошт маладой генерацыі навукоўцаў. Археалагічнымі даследамі былі ахоплены практычна ўсе беларускія старажытныя гарады, мястэчкі, прыватнаўласніцкія замкі. Значна павялічылася факталагічная база, веды па ранняй гісторыі гарадоў, іх тапаграфічнаму развіццю, матэрыяльнай і духоўнай культуры, эканамічных сувязях паміж сабой і з суседнімі рэгіёнамі. У гэты перыяд, што вельмі істотна, на падставе археалагічных даследаванняў былі вызначаны і на дзяржаўным узроўні замацаваны ахоўныя межы распаўсюджання культурных напластаванняў у гістарычных гарадах. Дзеючае заканадаўства па ахове гісторыка-культурнай спадчыны дэкларавала абарону ўсіх археалагічных помнікаў.

У выніку напружанай працы беларускіх археолагаў за апошнія 50 гадоў сталася магчымым на падставе археалагічных і гістарычных звестак, абагульненя гісторыка-картаграфічных і іншых матэрыялаў, пабачыць у цэлым этапы развіцця беларускіх старажытных гарадоў і ўплыў розначасовых палітыка-урбаністычных павеваў на захаванне ў іх культурных напластаванняў.

У цэлым трэба адзначыць, што культурныя напластаванні ў розных гарадах адкладаліся па-рознаму, мелі розную магутнасць і плошчу распаўсюджання. Гэта залежала не толькі ад старажытнасці таго ці іншага горада, колькі ад яго тапаграфічных асаблівасцяў, умоваў утварэння слоя і захаванасці ў ім арганічных рэчываў. Найбольшая магутнасць культурных напластаванняў (да 6–8 м) зафіксавана ў Полацку, Віцебску, Мінску, Бе-

---

[3] Там жа. — С. 86–87.

расце. Пры наяўнасці слоя да 3 м у ім складваліся спрыяльныя ўмовы для вывучэння рэшткаў старажытнай драўлянай архітэктуры, забудовы. Так, напрыклад, у Берасце пры магутнасці культурнага пласта да 7 м на плошчы ў 1444 кв. м было выяўлена да 31–48 адначасова існуючых пабудоў XIII ст., а шчыльнасць забудовы ў цэлым складала да 47–59 %, некаторыя пабудовы захоўваліся на 10–12 вянцоў[4]. Плошча распаўсюджання культурных напластаванняў таксама розная ў залежнасці ад храналогіі слоя. Калі браць перыяд IX–XVII ст., то, напрыклад, для Полацка яна складае больш 200 га.

У ступенях уплыву ўрбаністыкі і палітыкі на развіццё і захаванне культурных пластоў старажытных гарадоў нам бачыцца пяць этапаў: IX–XVI ст., XVII–XIX ст., 20–40-я гг. XX ст, 50–60-я гг. XX ст., канец XX — пачатак XXI ст.

На першым, так бы мовіць «натуральным», этапе развіцця старажытных гарадоў ішло фармаванне гарадской тапаграфічнай структуры. Большасць беларускіх (як, дарэчы і еўрапейскіх) гарадоў паўставала на прытоках вялікіх рэк. Заснавальнікамі часцей за ўсё было прышлае насельніцтва (у дадзеным выпадку славяне), якія выкарыстоўвалі ўмацаваныя паселішчы сваіх папярэднікаў перыяду жалезнага века. Назвы большасці беларускіх гарадоў звязаны з гідронімамі балцкага паходжання: Полацк ад р. Палаты, Віцебск — р. Віцьба, Друцк — р. Друя, Мінск — р. Мена, Пінск — р. Піна, Орша — р. Рша (Ршіца) і г. д. Толькі некалькі з іх мелі патранімічныя назовы: Барысаў — князь Барыс, Браслаў — князь Брачыслаў, Заслаўе — князь Ізяслаў; альбо ад славянскага «гарадзіць» — «агароджа» — «град»: Гродна, Навагрудак, Давыд-Гарадок (з патранімам князя Давыда). Ужо на першых этапах гэтыя гарады мелі сістэму якая складалася з умацаванага дзядзінца і гандлёва-рамеснага пасада (часам некалькіх: Полацк, Віцебск, Магілёў). Амаль ва ўсіх выпадках агульным можна лічыць тое, што створаныя (заснаваныя) у сутоках дзвюх рэк (малая, якая давала назву гораду, упадала ў вялікую — транспартную артэрыю) першыя гарады прадвызначаны былі развівацца па веерна-радыяльнай схеме. У некаторай ступені яе можна разглядаць як натуральнае развіццё гарадзішчаў мысавага тыпу для перыяду сярэднявечча. Такім чынам рост і пашырэнне горада ішло ад умацаванага цэнтра ў бок пасада незалежна ад першаснай яго арыентацыі.

Такая схема таіла ў сябе схаваныя супярэчнасці, што выявіліся даволі хутка. Іх сэнс быў у тым, што цэнтр горада — дзядзінец з паступовым набыццём усё большых і большых палітычных, эканамічных і культурных функцый не мог задавольвацца адной і той жа плошчаю. Ён патрабаваў пашырэння. А паколькі яно не магло на справе адбыцца за кошт зносу,

---

4 Археалогія Беларусі. — Т. 3. — С. 257–259.

перабудовы, знішчэння пасадскай тэрыторыі (шчыльна прылягаючай да дзядзінца), то гарадскія цэнтры пераносіліся на новыя месцы. Найбольш актыўна гэты працэс ішоў у XI–XII ст. Былі перанесены на новыя месцы Полацк, Мінск, Барысаў, Усвяты а таксама Смаленск, які знаходзіўся ў зоне рассялення крывічоў. Аналагічныя з'явы назіраліся на поўначы сучаснай Расіі і ў Польшчы[5].

Так ці іначай, але разам з пашырэннем, перанясеннем гарадоў ішло накапленне ў іх рэшткаў матэрыяльнага жыцця, якія ператвараліся ў сучасныя культурныя напластаванні. Фактычнага парушэння слоя, яго знішчэння цалкам не было і быць не магло. Парушэнні неслі дробны характар, які не адбіваўся на агульнай характарыстыцы і структуры культурных адкладаў. Нават форс-мажорныя абставіны — стыхійныя бедствы (пажары, навадненні, землятрусы) не маглі ўплываць на кардынальную змену ўтварэння культурных адкладаў. Іх наступствы самі ператвараліся ў адклады — прадмет вывучэння будучымі археолагамі.

Так доўжылася на Беларусі да XVI ст. Гэты час мы вызначаем па першых зменах, якія адбыліся ў знешнім выглядзе гарадоў на ўсходзе пад ўздзеянням мэтанакіраванага знешняга ўплыву. У 1563 г. першы беларускі горад — Полацк — быў захоплены войскам маскоўскага цара Івана Грознага. Вайсковы захоп гарадоў, войны — справа сама па сабе не дзіўная для чалавечай супольнасці, каб не адна акалічнасць. Упершыню на Беларусі пасля захопу горада былі зроблены захады па змене і перапланіроўцы гарадской тапаграфічнай структуры. Прычым, падпарадкаваны яны былі выключна волі аднаго чалавека, і залежалі ад яго поглядаў на неабходнасць вайсковага ўмацавання як гарадской фартэцыі, так і самога горада.

Полацкі Вялікі пасад з усімі яго ўмацаваннямі быў выпалены. Людзей, што засталіся ў жывых, перасялілі на Запалоцкі пасад. Блізка асноўнай гарадской фартэцыі — Верхняга замка з напольнага боку было згадана будаваць умацаванні ў выглядзе вала вышынёй больш за 10 м і драўляныя сцены на ім. Новы замак атрымаў назву Стралецкі (бо па загаду цара ў ім пасяліліся стральцы) альбо Ніжнім[6]. Пры будаўніцтве новага замка была парушана і натуральная структура гарадской тапаграфіі. Першапачатковае полацкае ўмацаванае гарадзішча IX–XI ст. было адрэзана ад таго ж пасада новым пракапаным, выпрастаным рэчышчам р. Палаты[7]. Яно адразу пачало прыходзіць у заняпад і на ўсіх планах Полацка XVII–XVIII ст. паказана як могілкі. Да і Ніжні замак, як паказалі падзеі вайны 1579 г., калі горад

---

5 Штыхов Г. Города Полоцкой земли. — Минск, 1978. — С. 18–20.

6 Полное собрание русских летописей. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Пол. 2-я.— Санкт-Петербург, 1906. — С. 355–357.

7 Тарасаў С. В. Полацк IX–XVII ст.: Гісторыя і тапаграфія. — Мінск, 1998. — С. 48–51.

быў вернуты Вялікаму княству каралём Стэфанам Баторыем, сваёй вайсковай функцыі не выканаў. Пад час асады горада ён граў вельмі сціплую ролю.

У многіх гарадах тапаграфічныя змены адбываліся ў асноўным па прычынам натуральнага развіцця палітычнай і тапаграфічнай інфраструктуры. Ад канца XV і асабліва ў XVI ст. многія гарады атрымліваюць магдэбургскае права. Цэнтры гарадскога жыцця перамяшчаюцца на пасады (у «места»). Гэта выклікае неабходнасць не толькі пашырэння тэрыторый, але і рознага будаўніцтва: гарадской плошчы, ратушы, гандлёвых радоў, фартыфікацыі вакол пасада. Так адбывалася ў Віцебску, Мінску, Оршы, Магілёве, Пінску, а таксама і ў Полацку[8]. Функцыя замка як гарадской дамінанты адыходзіць на другі план. Гэта ўплывае на фарміраванне гарадскіх кварталаў і вуліц ужо бліжэй да радыяльнай схемы, дзе яны з'яўляюцца натуральным працягам гандлёвых шляхоў. Яскрава гэта праявілася, напрыклад ў Гомелі[9]. Толькі ў некаторых выпадках парушаліся ўтвораныя раней культурныя напластаванні, ды і тое не значна, як ў Віцебску і Мінску. У іншых гарадах, такіх як Дзісна, Копысь, Мсціслаў, Дуброўна фартэцыяй абносілася ўжо заселеная частка «места».

Такім чынам, за рэдкімі выпадкамі па XVII ст. уключна развіццё гарадской тапаграфіі і ўтварэнне культурных напластаванняў ішло натуральным чынам.

Сітуацыя пачала змяняцца ў XVIII ст., асабліва пасля падзелаў Рэчы Паспалітай, калі беларускія землі апынуліся пад маскоўскім «скипетром и державой». Ужо ў першай палове стагоддзя цар Пётр I, натхнёны ідэямі рэформ і рэгулярызацыі ўсяго ў дзяржаве пераносіць нямецкую і італьянскую «рэгулярнасць» у горадабудаўніцтва. Найяскравейшым чынам гэта праявілася ў планіроўцы і тапаграфіі «горада на Няве» — Санкт-Пецярбурга. На голым роўным месцы — балоце — «прама-перпендыкулярна» былі размешчаны гарадскія кварталы і вуліцы ў іх. Ідэі суцэльнага картаграфавання імперыі, прывядзення ў «парадак» паддадзеных тэрыторый яскрава пачалі выступаць на першы план[10].

У час царавання Кацярыны II (1762–1796) і Паўла (1796–1801) ідэі ператварэння «стыхійнай» планіроўкі сярэднявечных беларускіх гарадоў у рэгулярную забудову набылі рэальныя абрысы. У 70-х гг. XVIII ст. з'явіўся цэлы шэраг планаў па перабудове гарадоў. Адзін з іх — план рэгенерацыі Полацка 1778 г., знойдзены намі ў Расійскім дзяржаўным архіве ваенна-марскога флоту, фонд № 3. План прадугледжваў разбіўку горада на кварталы,

---

[8] Археалогія Беларусі. — Т. 4. — Мінск, 2001. — С. 28–30.

[9] Макушников О. А. Гомель с древнейших времён до конца XVIII в. — Гомель, 2002. — С. 169–171.

[10] Постников А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. — Москва, 1985. — С. 138.

выпрастанне вуліц, пабудову вакол горада бастыённай сістэмы ўмацаванняў. Аднак ён не быў здзейснены з-за адсутнасці сродкаў.

XIX ст. моцна не адбілася на знешнім выглядзе гарадской структуры. Праўда, ў гэты час пачалося актыўнае цаглянае будаўніцтва, якое, тым не менш, не кранала культурныя напластаванні, там дзе яны перавышалі магутнасць у 2–3 м.

Значна больш сур'ёзныя змены пачалі адбывацца з пачаткам новага «рэвалюцыйнага», савецкага, часу. Пакажам на яскравым прыкладзе Полацка. Першы генплан развіцця Полацка быў складзены ў 1937–1938 гг. архітэктарам І. Рапапортам. Яго ідэяй было тое, што з пачаткам будаўніцтва новага сацыялістычнага грамадства для грамадзян трэба было будаваць і адпаведны «сацыялістычны» горад. Ставілася задача ліквідацыі «узаконенной веками классовым обществом противоположностей между центром города и его окраинами, т. е. местом, где жили привилегированные и где жила-трудилась масса эксплуатируемых людей»[11]. Гэтым планам прадугледжваўся знос ўсіх забудоў ўздоўж Дзвіны па старажытнай Ніжнепакроўскай вуліцы і будаўніцтва набярэжнай, знос усёй старажытнай забудовы цэнтральнай (ратушнай) плошчы, будаўніцтва на Верхнім горадзе побач з Сафійскім саборам XI ст. бальніцы і парка, будаўніцтва парка на тэрыторыі старажытнага манастыра Іаана Прадцечы.

Але ў тыя гады план не здзейсніўся. Замінала «цяжкае міжнароднае становішча». У 1948–1949 гг. з'явіўся другі план перабудовы горада, які не толькі паўтараў, але і пашыраў папярэдні за кошт зносу яшчэ большай колькасці будынкаў. Гэты план пачаў ажыццяўляцца з касмічнай хуткасцю. Як пісаў сведка падзей І. Дэйніс, таму «спрыялі» пасляваенныя разбурэнні горада. У цэнтры горада былі знесены цэлыя вуліцы, знішчаны будынкі на гандлёвай плошчы, разабраны сабор і кляштар дамініканаў. Працягам гэтай праграмы быў знос у 1964 г. Сабора Св. Стэфана, закладзенага ў XVII ст. і часткі Езуіцкай калегіі таго ж часу. На жаль, руйнаванні на гэтым не пыніліся. У 80-я гг. на месцы раней знесенага (у 30-я гг.) сабора францысканаў (XVII ст.) пабудавана новая міліцыя, па знесеным у 20-х гг. храмам Бельчыцкага манастыра XII ст. праведзена дарога, у рэштках бернардынскага кляштара размешчана псіхбальніца, тэрыторыя старажытнага Верхняга замка больш чым на палову занята будынкамі раённай бальніцы.

Менавіта ў гэтыя часы наносіцца непапраўная шкода археалагічным напластаванням горада. У рэдкіх выпадках удаецца правесці папярэднія даследаванні плямы забудовы, як на Верхнім замку пад будаўніцтва анкалагічнага дыспансера ў 1960–1962 гг., ці на Вялікім пасадзе ў 1987–

---

[11] Дейнис И. П. Полоцкая старина // Национальный Полоцкий историко-культурный заповедник. — Личный фонд И. П. Дейниса. — Кн. 21422/8.

1988 гг., прымушаючы ўлады адмовіцца ад планаў забудовы тэрыторыі ўвогуле. Пракладка розных сетак, будаўніцтва асобных дамоў, так званае «добраўпарадкаванне» ідзе ў гістарычнай частцы горада паўсюдна, насуперак закону. Апошні раз гэта назіралася ў горадзе ў 1999 г. пад час падрыхтоўкі да свята «Дажынак». Ніякія захады з боку Акадэміі навук, нават Дэпартамента па ахове гісторыка-культурнай спадчыны, не маглі паўплываць на гарадскія ўлады з мэтай спынення гвалтоўнага разбурэння археалагічных культурных напластаванняў.

Аналагічная Полацку сітуацыя назіралася ў многіх гарадах: Мінску, Гродна, Віцебску, Гомелі. У выніку, гістарычныя цэнтры гэтых гарадоў, асабліва замкі і старажытныя пасады апынуліся скрозь забудаванымі. Іх культурныя напластаванні шчыльна перарэзаны рознымі вода-, газа-, цепласеткамі, кабелямі. Па папярэдніх ацэнках можна казаць, што захаванасць культурных напластаванняў у падобных гарадах складае ад 30 да 60%. Інакчай як катастрафічным гэты стан назваць нельга.

Пачатак XXI ст. даў падставу для некаторых спадзяванняў у перспектыве вывучэння і захавання археалагічнай спадчыны старажытных беларускіх гарадоў. У першую чаргу яны звязаны з удасканаленнем заканадаўчай базы. У 2002 г. з'явілася пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь «Аб ахове археалагічных аб'ектаў у зоне земляных і будаўнічых работ». Гэтая пастанова вызначыла меры па ахове аб'ектаў археалагічнай спадчыны і адказных за іх выкананне. Прынята новая рэдакцыя закона Рэспублікі Беларусь «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны», куды ўнесена паняцце археалагічнага помніка з поўнай расшыфроўкаю. Таксама складзены і зацверджаны Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцяў, распрацавана і зацверджана праграма па вызначэнні ахоўных зон гістарычных гарадоў, з'явіліся новы праекты рэгенерацыі гістарычных гарадоў, аднаўлення страчанай забудовы. Са спазненнем, але законатворчасць адгукнулася на натуральныя грамадскія працэсы ў выніку якіх абудзіліся значныя вытворчыя сілы.

У гэтай сувязі перад беларускай археалогіяй паўсталі новыя комплексныя задачы па стварэнні дзейснага механізма, структуры, якая адсочвала бы ўсе наступствы ўрбанізацыі, будаўніцтва як ў гарадах, так і за іх межамі. Амаль што гамлетаўскае пытанне «будаваць ці не будаваць» у большай ступені ляжыць у сферы кампетэнцыі архітэктараў і рэстаўратараў. Аднак хартыі і іншыя дакументы ICAMOS прадугледжваюць меры па захаванні аўтэнтычнасці як архітэктурнай, так і археалагічнай спадчыны. Таму найгалоўнейшай задачай стаіць папярэдняе даследаванне, дакументаванне таго, што можа быць страчана (і будзе страчана) у выніку розных будоўляў назаўжды.

У першым дзесяцігоддзі бягучага стагоддзя беларускія археолагі пачалі актыўную працу ў гэтым накірунку. Праводзіліся працы на месцах

перспектыўнага будаўніцтва ў Мінску, Полацку, Віцебску, Пінску, Берасце, Гродна, Магілёве, Гомеля і іншых гарадах. Сумесна з Упраўленнем па ахове гісторыка-культурнай спадчыны і рэстаўрацыі Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь археолагі Нацыянальнай акадэміі навук праводзілі папярэднюю экспертызу праектаў будаўнічых і земляных работ. У гэтай сувязі трэба зазначыць, што здабытыя матэрыялы з аднаго боку, безумоўна папаўняюць скарбніцу навукі, ідзе павялічэнне артэфактаў, пашырэнне ведаў па матэрыяльнаму, эканамічнаму, духоўнаму жыццю насельніцтва старажытных гарадоў. Разам з тым, з другога боку, гэтыя звесткі пакуль недастаткова ўплываюць на якасць урбаністычных працэсаў тых жа гарадоў.

Даследаваўшы нейкую тэрыторыю, навукоўцы толькі канстатуюць факт наяўнасці той ці іншай забудовы ў яе рэтраспектыўным часе, род і характар заняткаў насельніцтва, асаблівасці тапаграфічнай структуры і рэльефа даўняга горада. Але гэтыя матэрыялы не ўспрымаюцца сучаснымі архітэктарамі і «урбаністамі» як зыходнае для перспектыўнага планавання, не ўлічваюцца стагоддзямі назапашаныя і натуральным чынам склаўшыяся тэндэнцыі развіцця таго ці іншага горада. А гэта ці не ёсць як раз тая адметнасць і асаблівасць месца, якая можа супрацьстаяць прымітыўным глабалістычным тэндэнцыям, усё больш і больш пранікаючым ў сучаснае жыццё. У апошнія гады наступ «урбаністаў» узмацніўся. Скараціліся таксама шэрагі прафесійных археолагаў. У выніку мы скрозь назіраем не толькі парушэнні дзеючага заканадаўства па ахове гісторыка-культурнай спадчыны, але і суцэльнае знішчэнне археалагічных культурных адкладаў у градах. Найяскравейшы прыклад — Мінск. За апошнія два гады ў выніку так званай «рэканструкцыі» гістарычнага цэнтра, практычна поўнасцю знішчаны культурныя адклады ў гістарычных зонах горада: Верхні горад, Ракаўскае прадмесце, па вул. Няміга. Асабліва прыкра, што без папярэдніх доследаў знішчаны культурныя адклады па вул. Гандлёвая, якія ўтрымлівалі ў сабе артэфакты і рэшткі гарадской драўлянай забудовы XII–XVII ст. Аналагічныя працэсы адбываюцца ў Горадні, Берасце, Воршы, Віцебску. Знікнуўшыя гісторыка-культурныя каштоўнасці ўжо ні чым не могуць быць кампенсаваны. А таксама, і страчаныя ў выніку не вывучэння гістарычныя рысы гарадоў ужо не могуць быць выкарыстаны ў далейшым планаванні развіцця гэтых месцаў.

Так, гарады Еўропы, а можа і свету, усе маюць аднолькавыя рысы, зыходзячы з свайго функцыянальнага прызначэння. Але кожны горад мае сваё непаўторнае аблічча, сваю спецыфіку сацыяльнай, палітычнай, эканамічнай і іншых структур. Напрыклад, гарады Ганзы — стаялі на буйных водных гандлёвых магістралях. Вада, прыстані, караблі, гандлёвыя плошчы, складскія памяшканні, спецыфічныя храмы розных канфесій і г. д. складалі аснову сацыяльна-тапаграфічнай структуры гэтых

гарадоў у перыяд актыўнага выкарыстання водных магістраляў. Іншыя — дзяржаўныя цэнтры мелі развітую, нават складаную сістэму фартыфікацыі, кафедральныя саборы, саборныя плошчы, ратушы, сістэму манастыроў, калегіі і ўніверсітэты. Яны вызначаліся пастаянным знаходжаннем у гарадскіх межах каралеўскіх, княжаскіх гарнізонаў, прысутнасцю вышэйшых духоўных і свецкіх асобаў. Ад дзяржаўных гарадоў адрозніваліся прыватнаўласніцкія, дзе структура была падпарадкавана не стыхіі, а мэтанакіраванаму планаванню з найсучаснейшымі абарончымі ўмацаваннямі, замкамі, паркамі і садамі.

Найноўшы час прывёў да пэўнай нівеліроўкі гэтых гарадскіх асаблівасцяў. Сучасныя архітэктары, найчасцей дрэнна азнаныя ў археалагічнай гісторыі сваіх гарадоў, не сягаюць у сваіх гістарычных даследаваннях глыбей XVIII–XIX ст. Архітэктуру, тапаграфію менавіта гэтага часу вызначаюць за базавую, не бачучы ўсёй тэндэнцыі, а адпаведна і перспектывы развіцця паселішча.

Такім чынам, задачы гарадской археалогіі ў Беларусі і ў цэлым у Еўропе, гэта не толькі вывучэнне матэрыяльнай культуры гарадоў і мястэчак IX–XVIII ст., не толькі назапашванне матэрыялу (у значнай ступені колькасць не пераходзіць у якасць), не музеефікацыя адкрытых парэшткаў старадаўняй планіроўкі (пераважна драўлянай), але распрацоўка гістарычна абгрунтаванай, дакладна вядомай, вывучанай канцэпцыі ўрбаністычнага развіцця таго ці іншага горада, дзе былі бы ўлічаны ўсе заканамернасці і тэндэнцыі фармавання гарадской структуры на працягу ўсяго часу яе існавання. Суправаджэннем гэтай галоўнай мэты будзе і чыстая «акадэмічная» навука ў розных праявах: ад гістарычнай тапаграфіі да металаграфіі, і ажыццяўленне папулярызатарска-асветнай функцыі (музеі, выставы, гісторыка-музейная прастора), развіццё новых падыходаў і тэхналогій ў галіне будаўніцтва і рэстаўрацыі.

Адным з важных вынікаў рэалізацыі падобных праграм будзе фармаванне псіха-фізічнага тыпу сучаснага гараджаніна: ураўнаважанага і спакойнага ў традыцыйна абумоўленай прасторы, адчуваючага асабістую адказнасць за захаванне спадчыны ўсяго народа і праз гэта адказнасць да краіны, праз асабістую працу і паводзіны. Гэта асабліва актуальна для Беларусі, дзе на сённяшні дзень у гарадах пражывае больш 70 % насельніцтва. Бо менавіта ад яго залежыць будучыня нацыі і дзяржавы.

П. П. Толочко

Об авторстве предсмертных княжеских молитв

При обсуждении доклада «Житие Игоря Ольговича» на конференции, посвящённой Киевской летописи второй половины XII в. (Институт истории Украины НАН Украины, Киев, октябрь 2010 г.), мне был задан вопрос о временном и смысловом соотношении молитвы Игоря и близких к ней молитв Андрея Боголюбского и Давыда Ростиславича. Прямого отношения к теме он не имел, а поэтому остался, по существу, без ответа. Между тем, вопрос представляет несомненный интерес.

Тема эта не новая. В той или иной мере она рассматривалась многими исследователями, наиболее полно в работе А. П. Толочко[1], где автор обратил внимание не только на чрезвычайную близость молитв Игоря Ольговича, Андрея Боголюбского, Давыда Ростиславича и Владимира Васильковича, вызванную элементарными литературными заимствованиями, но и на тематически близкие сюжеты (плачи княгинь, плачи горожан), которые также отразились в названных молитвах. Как представляется автору, они являют нам не столько твёрдую литературную традицию летописных заимствований, сколько манеру средневекового мышления, когда каждый новый князь оказывался воплощением своих предков и предшественников. Учитывая, что князья на Руси были фигурами в значительной мере сакральными, посмертные панегирики им напоминают жития[2].

В данной заметке речь пойдёт об авторстве княжеских молитв: принадлежат они разным летописцам или же какому-то одному, внёсшему свои сочинения в тексты своих предшественников? Такой вопрос неизменно возникает при знакомстве с первыми тремя молитвами. Содержащиеся в них смысловые и текстуальные параллели производят впечатление единого авторского замысла. А поскольку последняя молитва (Давыда Ростиславича) датируется временем составления Киевского свода конца XII в., невольно

---

[1] Толочко А. П. Похвала или Житие? (Между текстологией и идеологией княжеских панегириков в древнерусском летописании) // Palaeoslavica. — VII (1999). — P. 26–38.

[2] Ibid. — P. 38.

возникает фигура Моисея Выдубицкого. Не он ли прошёлся по всем трём молитвам своим авторским и редакторским пером? Так, как сделал это в некрологах князьям — Ростиславичам. Написанные в годы их смерти, они были затем литературно обработаны и дополнены новыми текстами. Руку Моисея выдают характерные литературные штампы: «приложися к отцем своим и дедом своим, отдав общий долг, его же несть убежати всякому роженому» и «злата и серебра не собирал, но давал дружине»[3].

Несмотря на всю заманчивость такого предположения, подтвердить его нечем. В статье, посвящённой житийному сказанию Игоря Ольговича, я пришёл к выводу, что оно создано в Чернигове в конце 1150-х гг. в кругу «черниговских греков», возглавляемых епископом Антонием и опальным митрополитом Константином. В пользу этого свидетельствуют вполне очевидные заимствования в нём из Жития херсонских святых и уподобление Игоря херсонскому мученику Василию. Есть основания полагать, что сказание о мученической кончине князя создавалось как обоснование его святости в годы черниговского княжения его брата Святослава Ольговича. В 1150 г. он перенёс останки Игоря из Киева и захоронил их в специально устроенной гробнице у Святого Спаса[4].

Что касается предполагаемого причастия летописца Моисея к этому черниговскому житию Игоря, то оно, по-видимому, ограничивалось только внесением его в Киевский свод 1200 г. О том, что это в принципе было возможно, свидетельствует некролог черниговскому князю Всеволоду Святославичу (сыну Святослава Ольговича), взятый Моисеем в свой свод определённо из *Черниговской летописи* и дополненный им характерным окончанием: «давъ ѡбщии долгъ . емоу же нѣ҆ оубѣжати всѧкомоу роженомоу»[5]. Ничего подобного в Житии Игоря мы не обнаруживаем.

При внимательном текстологическом сличении трёх княжеских предсмертных молитв — Игоря Ольговича, Андрея Боголюбского и Давыда Ростиславича — обнаруживается, что они имеют не только заметное сюжетное и литературное сходство, но и существенные различия, что исключает наличие здесь единого авторского начала. К тому же, в летописи есть ещё и четвёртая аналогичная княжеская молитва, принадлежащая волынскому князю Владимиру Васильковичу, находящаяся в статье 1288 г. Галицко-Волынской летописи.

Из трёх первых молитв XII в. наиболее близки между собой молитвы Игоря Ольговича и Андрея Боголюбского. Объяснением этому служат сходные обстоятельства княжеских смертей, а также и то, что автором вто-

---

3 Толочко П. П. Давньоруські літописи і літописці X–XII ст. — К., 2005. — С. 182–183.

4 Толочко П. «Емше, влачаху поверзше ужи за ноги» // Ruthenica. — IX (2010). — P. 17–22.

5 Полное собрание русских летописей. — Т. 2. — Стб. 696.

рой молитвы мог быть черниговец. Говоря о южнорусском происхождении автора *Повести об убийстве Андрея Боголюбского* и полагая, что им был Кузьмище Киянин, Б. А. Рыбаков, тем не менее, полагал, что происходил он не столько из Киева, сколько из Чернигово-Северской земли. В пользу этого свидетельствует характерное употребление в тексте *Повести* местоимений «та» и «тот», а также замена «въ» на «у», что, как будто, также больше присуще чернигово-северскому диалекту древнерусского языка[6]. В свою очередь, в пользу чернигово-северского происхождения Кузьмища Киянина может свидетельствовать молитва Боголюбского, сюжетно и литературно зависимая от Игоревой.

Чрезвычайная близость, в том числе и текстуальная, обеих молитв, тем не менее, не даёт оснований утверждать, что вторая лишь повторяет первую. В ней отсутствуют не только отдельные слова Игоревой молитвы, но целые выражения. Особенно такие специфические, как: «тъı бо сп҃се гл҃алъ еси . вѣроуæ в мѧ аще оумреть живъ боудеть въ вѣкъı», или «сподоби мѧ прити на свѣ҂ . ѿ темнаго и соуетнаго . и маловременьна҂ сего вѣка». Автор молитвы Андрея Боголюбского в ряде мест отредактировал текст Игоревой молитвы. Фраза «и въздохноувъ из глоубинъı ср҃ца скроушеномъ смиреномъ смъıсломъ» у него сокращена до трёх слов и несколько изменена: «вьздохнувъ из глубины ср҃чныæ». Фраза «да на тѧ оуповаæ стерплю» передана двумя словами: «да оуповаæ терпьлю».

Вместе с тем, в молитве Андрея Юрьевича значительно более пространный и оригинальный предмолитвенный зачин. Существенно отличается в ней и окончание. В нём не только опущена фраза Игоревой молитвы «и въ цр҃твии твоемъ причастьника æви мѧ нетлѣньнъı҂ твоихъ и неисповѣдимъıхъ бл҃гъ . съ всими праведьнъıми оугожьшими тебе Г҃и», но и изменено обращение молящегося к Богу. Андрей Боголюбский просит Господа причесть его к лику святых мучеников: «аще и кровь и мою пролъють . а причти мѧ . вь ликы с҃тхъ . мученикъ твоихъ . Г҃и», тогда как Игорь объявлял о своём мученичестве: «аще кровь мою прольють то мч҃къ боудоу Г҃оу моемоу».

Содержащиеся разночтения не оставляют сомнения в том, что перед нами — разновременные и принадлежащие разным летописцам молитвы. Вторая определённо зависима от первой. Даже если её автором был и не Кузьмище Киянин, а игумен Федул, как полагал М. Д. Присёлков[7], или поп

---

6 Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». — Москва, 1972. — С. 79.

7 Присёлков М. Д. История русского летописания XI–XIV вв. — Ленинград, 1940. — С. 76.

Микула, что казалось вероятным Н. Н. Воронину[8], в руках любого из них несомненно находилась молитва Игоря Ольговича.

Молитва Игоря Ольговича. 1147 г.
ИЛ. Стб. 350–351

Игорь же оуслъшавъ поиде въ цр҃квь ст҃го Федора . и въздохноувъ из глоубинъı ср҃дца скроушеномъ смиреномъ смъıсломъ . и прослезивсѧ . и помѧноу всѧ . Ииѡвова . и размъıщлѧше . въ ср҃дци своемъ . тако толикъı стр҃ти и различнаѥ смр҃ти на праведники находили соуть . и како ст҃ии пр҃рци ап҃ли съ мч҃нкъı вѣнцаша҃ и по Г҃дѣ крови своѥ прольѥша . и како ст҃ии сщ҃енномч҃нци прп҃бнии ѿц҃и многъıѥ напасти . и горкъıѥ моукъı . и различнъıѥ см҃рти приѥша искушени бъвъше ѿ дьѥвола ѥко злато в горнилѣ . ихже мл҃твами Г҃и (избраномъ твоемъ стадѣ.) причти мѧ избраномъ твоемъ стадѣ . съ деснъıми мѧ ѡвцами и како ст҃ии правовѣрнии цр҃и прольѥша крови своѥ . стражюще за люди своѥ . и еще же Г҃ь на҃ Ис҃ъ Х҃ъ искоупи мира ѿ прельсти дьѥволѧ . ч҃тною кровию . и тако гл҃ѧ тѣшашеть҃ и пакъı гл҃ть тъı Г҃и призри на немощь мою . и вижь смирение мое и злоую печаль и скорбь . ѡдержащюю мѧ нъı҃ . да на тѧ оуповаю стерплю . тъı бо сп҃се тл҃алъ еси . вѣроуѥ в мѧ аще оумреть живъ боудеть въ вѣкъı . и ѡ вси҃ сихъ бл҃годарю тѧ Г҃и ѥко смирилъ еси дш҃ю мою . и сподоби мѧ прити на свѣ҃ . ѿ темнаго и соуетнаго . и маловременьна҃ сего вѣка . и въ цр҃твии твоемъ причастьника ѥви мѧ нетлѣньнъı҃ твоихъ и неисповѣдимъıхъ бл҃гъ . съ всими праведьнъıми оугожьшими тебе Г҃и и се нъı҃ аще кровь мою прольють то мч҃нкъ боудоу Г҃оу моемоу

Молитва Андрея Боголюбского. 1175 г.
ИЛ. Стб. 587–589

и вьздѣвъ руцѣ на н҃бо помолисѧ Б҃у гл҃ѧ аще Г҃и и в семь ѡсужение и конѣць . приимаю аще и много согрѣшихъ . Г҃и заповѣди твоѥ не схранивъ . но вѣдѣвъ ѥко мл҃твъ еси плачюща видиши и противу течеши ѡбращаѥ блудьнаго . и вьздохиувъ из глубины ср҃чныѥ . и прослѣзисѧ . и помѧну всѧ И҃вова и размышлѧше вь ср҃ци своемь . и рече Г҃и аще и во времѧ . живота моего мало и полно труда и злы҃ дѣлъ . но ѿпущение ми даруи и сподоби мѧ Г҃и недостоинаго приѥти конѣць сѣи ѥкоже вси ст҃ии тако и толикы стр҃ти и различныѥ смр҃ти на правѣдникы находилы суть . како ст҃ии пр҃рци и ап҃ли с мч҃нкы вѣнчашасѧ по Г҃дѣ крови своѥ прольѥша и тако и ст҃ии свѧщен҃омученици и приподобнии ѡц҃и и горькыѥ мукы различныѥ см҃рти приѥша . и скрушени быша ѿ дьѥвола . ѥко злато в горнилѣ . ихъ же мл҃твами Г҃и избраномъ твоемь стадѣ сь деснымн ѡвцами . причти мѧ . како ст҃ии правовѣрнии ц҃ри прольѥша крови стражюще за люди своѥ . и ѣще же и Г҃ь нашь І҃сь Х҃ъ искупи мира ѿ прельсти дьѥволѧ . а ч҃тьною кровью своею . и гл҃ѧ тѣшашесѧ . пакы же гл҃ше Г҃и призри на немощь мою и вижь смиренье мое и зьлую мою печаль и скорбь мою ѡдержащюю мѧ нынѣ . да оуповаѥ терпьлю . ѡ всихъ си҃ бл҃годарю тѧ Ги . ѥко смирилъ еси дш҃ю мою . и вь цр҃твии твоѥмь . причастьника мѧ створи . и се нынѣ Г҃и аще и кровь и мою прольють . а причти мѧ . вь ликы ст҃хъ . мученикъ твоихъ . Г҃и

Третья молитва (Давыда Ростиславича) определённо зависима от двух первых. Правда, их литературные клише переданы в ней в немного изменённой редакции. Это справедливо уже по отношению предмолитвенного зачина. В молитве Игоря говорится: «поиде въ цр҃квь ст҃го Федора», в молитве Давыда: «и вшедъ в манастъıрь». Примерно около трети текста имеет па-

---

[8] Воронин Н. Н. Повесть об убийстве Андрея Боголюбского и её автор // История СССР. — 1963. — № 3. — С. 87–88.

раллели в обеих молитвах, но в целом она ближе к молитве Андрея Юрьевича. Дословно из последней перенесено в молитву Давыда Ростиславича обращение к Богу от «Г^е^и призрı на немощь мою» и до «во цр^с^твии твоемь причастника мѧ створи». Фраза «искоушенъı бъıша ѿ дьæвола . æко злато в горнилѣ» списана с Игоревой молитвы. В молитве Андрея эта фраза начинается со слова «скрушени». Зачин Давыдовой молитвы — «воздѣвъ роуцѣ свои на н҃бо . молѧшесѧ . гл҃ѧ» — определённо списан с молитвы Боголюбского, хотя и в сокращённом виде.

Молитва Давыда Ростиславича. 1198 г.
ИЛ. Стб. 705–706

и вшедъ в манастъıрь воздѣвъ роуцѣ свои на н҃бо . молѧшесѧ . гл҃ѧ вл^д^ко Г^е^и Б҃е мои . Г^е^и призрı на немощь мою . вижь смирение мое . ѡдержащаæ мѧ нынѣ да тобою оуповаæ терплю . и ѡ всихъ сихъ бл҃годарю тѧ . Г^е^и . æко смирилъ еси дш҃ю мою . и во цр^с^твии твоемь причастника мѧ створи . мл҃твами пр^с^тъıæ твоеæ м҃три. пр҃ркъ и ап^с^лъ. и моучекъ. и всихъ прп^д^бнъıхъ . ст҃хъ ѡц҃ь . æкоже и тѣ пострадавше . и оугодивъше тобѣ . искоушенъı бъıша ѿ дьæвола . æко злато в горнилѣ ихже мл҃твами Г^е^и . избранному твоемоу стаду с деснъıми мѧ ѡв҃цами причти и бъı живота его . до того же дн҃и

и познавсѧ хоудъ изнемогаæ . ко исходоу дш҃и . и возрѣвъ на н҃бо . и воздавъ хвалоу Б҃оу гл҃ѧ . бесмр҃тнъıи Бж҃е хвалю тебе ѡ всемь воздаю . ц҃рь бо еси тъı всимъ единъ . во истиноу подаваæ своеи твари . все б҃атьство имъ в наслажение . створивъ бо тъı мира сего . тъı соблюдаеши ѡжидаæ дш҃а . æже посла . да доброу жизнь жившимъ . почтеши æко Б҃ъ . а еже не покорившюсѧ твоимъ заповѣдемъ . предаси соудоу . всь бо соудъ праведенъ ѿ тебе . и безъ конца жизнь ѿ тебе бл҃годатью своею . и всѧ милоуеши . притекающиæ к тебе . и кончавъ мл҃твоу воздѣвъ роуцѣ на н҃бо . и предасть дш҃ю свою в роуцѣ Бж҃ии

По поводу авторства молитвы Давыда Ростиславича, как будто, нет разночтений. Она заканчивается характерным некроложным клише — «приложисѧ ко ѡц҃мь своимъ . и дѣдомъ своимъ . ѿдавъ ѡбщии долгъ егоже нѣ^с^ оубѣжати всѧкомоу роженомоу», которое все исследователи, вслед за М. Д. Присёлковым и Б. А. Рыбаковым, связывали с творчеством Моисея Выдубицкого. Ещё одним аргументом в пользу авторства Моисея может быть похвала Давыду Ростиславичу за постройку необыкновенной красоты церкви Св. Михаила в Смоленске. Она содержит сходство со Словом о законе и благодати митрополита Илариона, который аналогичным образом характеризовал Софию Киевскую. А учитывая, что обращение к Слову имеет место и в похвале Рюрику Ростиславичу, несомненно принадлежащей Моисею, можно уверенно утверждать, что обе похвалы написаны одним и тем же автором.

Окончательно укрепляет нас в выводе о последовательном появлении княжеских молитв четвёртая, вложенная в уста волынского князя Владимира Васильковича.

Молитва Владимира Васильковича. 1288 г.
ИЛ. Стб. 916–917

и вниде во цр҃квь . ст҃го и великаго мчнка Хс҃ва Геѡрьгиæ . [...] и воздѣвъ роуцѣ на н҃бо . молѧшесѧ со слезами гл҃ѧ влд҃ко Гс҃и Бе҃ мои призри на немощь мою . и вижь смирение мое . ѡдержащаа мѧ нынѣ . на тѧ бо оуповаæ . терьплю . ѡ всихъ сихъ . бл҃годарю тѧ Гс҃и Бе҃ . бл҃гаæ приæхъ ѿ тебе в животѣ моемь . то злыхъ ли не могоу терпѣти . æко державѣ твоеи годѣ тако и быс҃ æко смирилъ еси дш҃ю мою во цр҃твии твоемь причастника мѧ створи . мл҃твами прчс҃тыæ твоеæ матери прѻ҃ркъ . и апс҃лъ . мчн҃къ всихъ приподобных҃ . ст҃ых ѡц҃ь . æкоже и тии пострадав҃ша . и оугожьше тобѣ искоушени быша ѿ дьæвола . æко злато в горнилѣ . ихже мл҃твами Гс҃и избраньномь твоемь стадѣ с десными мѧ ѡвцами причти

ихже мл҃твами Гс҃и избраньномь твоемь стадѣ с десными мѧ ѡвцами причти ст҃ых ѡц҃ь . æкоже и тии пострадав҃ша . и оугожьше тобѣ искоушени быша ѿ дьæвола . æко злато в горнилѣ . ихже мл҃твами Гс҃и избраньномь твоемь стадѣ с десными мѧ ѡвцами причти [...] и возрѣвъ на н҃бо и воздавъ хвалоу Бо҃у гл҃ѧ бесмрт҃ныи Бе҃ . хвалю тебе ѡ всемь . цс҃рь бо еси всім҃ ты единъ во истиноу подаæ всеи твари . все ба҃тьствомь наслажение . [...] ты бо створивъ мира сего ты сблюдаешь . ѡжидаа дш҃а æже посла да доброу жизнь жившимь почтеши æко Бъ҃ . [...] и предасть дш҃ю свою в роуцѣ Бж҃ии . и приложисѧ ко ѡц҃мь своім҃ и дѣдомъ . ѿдавъ ѡбщии долгъ егоже нѣс҃ оубѣжати всѧкомоу роженомоу

Как и молитвы Игоря Ольговича и Давыда Ростиславича, произнесена она также в храме (Св. Георгия). Повторяет зачин молитвы Андрея Боголюбского: «и воздѣвъ роуцѣ на н҃бо». Молитвенное обращение к Богу — «влд҃ко Гс҃и Бе҃ мои призри на немощь мою . и вижь смирение мое», — содержащееся во всех четырёх молитвах, списано, по-видимому, с молитвы Давыда Ростиславича. Оттуда же взята и фраза «мл҃твами прчс҃тыæ твоеæ матери», правда, вместо «пречистая» там употреблено слово «пресвятая». Одинаково в обеих молитвах и молитвенное завершение: «предасть дш҃ю свою в роуцѣ Бж҃ии».

Словосочетание «оугожьше тобѣ» определённо позаимствовано из молитвы Игоря Ольговича. В Давыдовой написано «угодивъше тобѣ», а в молитве Андрея Боголюбского этих слов вообще нет. По-видимому, из молитвы Игоря взята и фраза «искоушени быша ѿ дьæвола . æко злато в горнилѣ». В молитве Андрея Юрьевича эта фраза начинается словом «скрушени». Правда, в такой же редакции она передана и в Давыдовой молитве, что не исключает её заимствования волынским летописцем и отсюда.

В пользу большей зависимости молитвы волынского князя от Давыдовой, возможно, свидетельствует и весь посмертный панегирик Владимиру Васильковичу, завершённый точно такой же фразой, как и некролог смоленскому: «и приложисѧ ко ѡц҃мь своім҃ и дѣдомъ . ѿдавъ ѡбщии долгъ егоже нѣс҃ оубѣжати всѧкомоу роженомоу». На то, что автор летописи Владимира Васильковича пользовался молитвой Игоря Ольговича указывает, по-видимому, упоминание в ней св. Иова.

Об авторстве Владимировой молитвы в летописи прямых данных нет. Из косвенных можно предположить, что сочинена она волынским епископом Евсигнием, которому принадлежит и весь текст летописи Владимира Васильковича. В пользу этого свидетельствует обильная церковная фразеология летописи, присутствие в ней ассоциаций из мировой истории, а также литературное мастерство. Трудно представить, чтобы всё это было подвластно «светскому человеку», как предполагал М. С. Грушевский, или какому-то духовному лицу, близкому к епископу, как казалось В. Т. Пашуто[9].

Подводя краткий итог, следует признать, что все четыре княжеские молитвы являются сочинениями разных авторов. Протографной была молитва Игоря Ольговича. Последующие три создавались по её образцу, с большей или меньшей долей прямых текстуальных заимствований. Характерно, что каждая следующая молитва текстуально ближе к предшествующей.

---

9 Подр. см.: Толочко П. П. Давньоруські літописи і літописці X–XII ст. — С. 336–346.

О. П. Толочко

Як починався Галицько-Волинський літопис?

Серед багатьох особливостей Галицько-Волинського літопису (далі — ГВл), що серед історичних творів Русі виділяють його в окремий і самостійний розряд, чи не найбільш незвичним є його початок. Літопис не має експозиції чи бодай заголовку. Найперше ж його речення апелює до нерозказанної, відсутньої в тексті історії: "По смр҃ти же великаго кнѧзѧ Романа [...]". Аномальність подібного початку — на фоні звичних літописних текстів — настільки очевидна, що дехто з дослідників вважав, ніби ГВл починається з підрядного речення[1]. Літопис, отже, розпочинає свою оповідь in medias res. У старій літературі це породжувало гіпотези, що ГВл колись таки мав "нормальний", подібний до решти літописів, початок із описом "давніх часів", який був втрачений в момент приєднання до Київського літопису (далі — Кл)[2]. Інші дослідники припускали, що втрачений початок мав містити опис принаймні подій 1200 — 1205 рр. (до яких апелює його перша фраза)[3]; ще інші вважали, що роль експозиції в літописі покликана була виконувати яскрава похвала Роману Мстиславичу[4].

Здається, лише М. С. Грушевський наполягав:

> Ніщо не вказує на те аби Галицько-волинський літопис що-небудь стратив на своїм початку. Страшенний період („По смерти (же) великаго князя Романа" etc. аж до „сретоша и (Рюрика) бояре галичкыи и володимерь-

---

[1] Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. – Т. 12. – Москва, 1941. – С. 241.

[2] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. – Кн. I, Т. I. – Санкт-Петербург, б. д. – С. 787, 793; Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. – Ч. I: Источники русской истории. – Санкт-Петербург, 1861. – С. 47; Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV — XVI вв. – Москва; Ленинград, 1938. – С. 69–72; Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. – Санкт-Петербург, 1996. – С. 95–96.

[3] Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. – К., 1985, 119–120; див. тотожно, але без посилання на джерело: Войтович Л. До волинського літописання // Дрогобицький краєзнавчий збірник. – Вип. 8. – 2004. – С. 71.

[4] Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. – Москва, 1950. – С. 18.

стии"), розширений різними вставками [...] служить вповні природним (як на стиль літопису) вступом до Галицького літопису, і всякі припущення про якісь утрачені вступні частини зовсім довільні — на них у літопису не знаходимо ніяких вказівок. Зрештою це й зовсім раціональна вихідна точка для літописця, що заберався описати історію Данила — почати від смерті його батька й тих замішань, які з того виникли[5].

Вставний панегірик Роману Мстиславичу

У тому вигляді, як ГВл дійшов до нас, його зачин містить знаменитий панегірик Роману Мстиславичу. Утім, давні помічено, що у початковому тексті літопису панегірик не читався. Його було досить невправно вставлено всередину першої фрази літопису, через що вона виявилася штучно розірваною[6].

Обсяг вставки Грушевський визначав наступним чином: від слів "одолѣвша всимъ поганьскъимъ язъıкомъ" до слів "тщашеся погоубити иноплеменьникъı"[7]. Дещо інакше визначав обсяг вставки Л. Махновець, зараховуючи до початкового тексту також і фрагмент: "приснопамѧтнаго самодержьца всеѧ Роуси . ѡдолѣвша всимъ поганьскъимъ ꙗзъıкомъ оума моудростью . ходѧща по заповѣдемь Бжимъ"[8].

Грушевський вважав, що "тирада" про Романа "не з'явилася мабуть зразу в цілості, а наросла кількома наворотами", тобто — українською мовою — в декілька прийомів[9]. Розвиваючи цю думку у пізнішій праці, Грушевський наступним чином реконструював початок: "По смерті великого князя Романа приснопам'ятнаго, велику мятежю воставшю в землѣ Руской, собравшю же Рурику Половци и Руси много" і т. д. Згодом до вступних слів (очевидно, редактором початкового тексту) було додано коротку похвалу Роману: від слів "самодержьца всеѧ Роуси" до слів "ревноваше бо дѣдоу своемоу Мономахоу", що безпосередньо змикалися із фіналом "тщашеся погоубити иноплеменьникъı". Ще пізніше третій редактор між двома останніми фразами вирішив вставити "уривок епосу про Кончака і його батька Отрока"[10].

---

5 Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинського літопису // ЗНТШ. – Т. 41. – Львів, 1901. – С. 2, прим. 2.

6 Грушевський М. С. Історія української літератури. – Т. 3. – К., 1993. – С. 135; тотожно, але без посилання: Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. Исторические записки. – Т. 12. – Москва, 1941. – С. 241; Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. – С. 68.

7 Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинського літопису. – С. 1.

8 Літопис руський. Пер. Л. Махновця. –К., 1989. – С. 368–369.

9 Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинського літопису. – С. 1.

10 Грушевський М. С. Історія української літератури. – С. 135. Тотожно, але без посилання див.: Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. – С. 241.

Існують, однак, серйозні підстави сумніватися, що фантастичний титул Романа "самодержець всея Русі" був початком панегірика, а отже і вставного тексту (найближчою паралеллю тут виявляється титул Володимира Святославича у Сказанні про Бориса і Гліба: "самодєржьцю всеѣ Русьскыѣ землѧ Владимєру"[11]. Також предметом сумнівів міг би бути інший титул Романа Мстиславича — "великий князь", адже Роман в Києві ніколи не князював. Але згадки Романа із тим же титулом за межами панегірика ("иже бѣ загналъ великъıи кн҃зь Романъ . невѣръı ради", "ѡц҃а своего великаго кнѧзѧ Романа", "ко братоу си великомоу кнѧзю Романови"[12]), а також його вдови ("кнѧгини великаѧ Романоваѧ"; "приведе ѧтровь свою . великоую кнѧгиню Романовоую"; "тогда же великаѧ кнѧгини Романоваѧ . восприимши мниским чинъ"; "прислаша кнѧзи Литовьскии . к великои кнѧгини Романовѣ"[13]) схиляє на користь думки, що так його справді титулував галицький літописець. Оскільки початок панегірика педалює тему перемог над половцями Романа, уподібненого до свого предка Володимира Мономаха, немає жодних підстав гадати, ніби половецька тема ("уривок епосу") була відсутня у початковому варіанті і була додана пізніше.

Так само немає підстав виключати із оригінального вигляду фрази фрагмент про дітей Романа та їхній вік: саме вони є головними героями наступної саги, а введення цих персонажів напочатку оповіді цілком вмотивоване.

Таким чином, вилучаючи вставний панегірик, поки що здобуваємо наступний вигляд початку ГВл:

> По см҃рти же великаго кнѧзѧ Романа великоу мѧтежю воставшю . в землѣ Роускои . ѡставившима же сѧ . двѣима сн҃ома его . единъ . д҃ . лѣ҃ а дроугии двоу лѣтъ. собравшю же Роурикоу Половци и Роуси много . и приде на Галичь.

Ясно, що зачин ГВл очевидним чином імітує початок одного із головних своїх взірців: першої фрази слов'янського перекладу Іудейської війни Іосифа Флавія, пор.: "Въ то же врѣмѧ мѧтежю бывшоу въ сылныхъ жидо^{x} . и розсварившесѧ ѡ честь и ѡ волость."[14].

---

[11] Бугославський С. Україно-руські пам'ятки XI — XVIII вв. про князів Бориса та Гліба (Розвідка й тексти). – К., 1928. – С. 18–19; пор. втім згадку "самодержців" у останньому повідомленні Кл: "мнозіи самодръжци преидоша дръжащеи столъ . кнѧжениѧ кіевскаго" (ПСРЛ 2: 709).

[12] ПСРЛ 2: 718, 726, 727.

[13] ПСРЛ 2: 726, 727, 734, 735.

[14] Древнерусский перевод «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия. Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А.Уткин. – Т. I. – М., 2004. – С. 65.

Два шари тексту ГВл

М. С. Грушевський гадав, ніби "первісний початок [галицької] повісті виглядав приблизно так: «По смерті великого князя Романа приснопам'ятнаго, велику мятежю воставшю в землѣ Руской, собравшю же Рурику Половци и Руси много, и приде на Галичь, оставив мниский чинъ — бѣ бо приялъ боязни ради Романовы. И пришедшю єму на Галичь и срѣтоша и бояре галичькыи и володимерьстии у Микулина на рѣцѣ Серетѣ. И бившимася има всь день о рѣку Серетъ и мнози язвени быша. И не стерпѣвше и возвратишася в Галичь» і т. д."[15].

У такій реконструкції початок "галицької повісті" структурно мав би нагадувати повідомлення про ці події у Суздальському літописі:

> Галичане же цѣловаша кр҃тъ къ сн҃у ѥго Данилу [...] Рюрик же слышавъ се ѡже оубьенъ бы҃ Романъ . иже бѣ и постриглъ . и смета с себе чернечьскыѣ порты . и сѣде Кыѥвѣ . [...] Ѡлговичи же придоша къ Днѣпру . Рюрикъ же выде противу ихъ . и цѣловаша кр҃тъ Рюрикъ . къ Ѡлговичемъ . и Ѡлговичи к Рюрику . како имъ поити всѣм҃ к Галичю . Рюрикъ же поѣха со Ѡлговичи к Галичю . пришедши м҃ же имъ к городу . Галичане же бишасѧ с ними оу города . Ѡлговичи же не оуспѣвше ничтоже . възвратишасѧ с срамом҃ великимъ в своꙗ си[16].

Можливо, цей паралелізм і вплинув на "редакторський" вибір Грушевського. Насправді ж ситуація виглядає дещо складнішою.

У межах тексту, що міститься між фразами "Собравшю же Роурикоу Половци и Роуси много . и приде на Галичь" та "малоу же времени миноувшю . и приведоша кормиличича", літопис розвиває дві теми: невдалий похід на Галич Рюрика Ростиславича (що знаходить відповідник у Лавр.) і підступи галицьких бояр щодо Романовичів (невідомий іншим літописам сюжет). Є підстави припускати, що два сюжети належать до двох різних шарів тексту: початкового і надбудованого (редакторського). З'єднано їх "черезполосно" і не цілком вдало, так що логічні та текстуальні шви все ще проглядаються. Звернімо увагу: провал спроби Рюрика захопити Галич пояснюється тією обставиною ("за то"), що перед тим угорський король зустрічався з Романовою вдовою, прийняв Данила як сина і залишив йому військову залогу ("засаду"): "и не оуспѣвши . ничто же . за то бѣ по смрти Романовѣ снимался король со ятровью". Це суперечить прямому змісту повідомлення, за яким Рюрик бився не з угорською залогою, а з галицькими та володимирськими боярами. Натомість з останньої фрази цього "пояснення" випливає, що його смисл полягав в іншому: завдяки тому, що король залишив у Галичі "засаду",

---

15 Грушевський М. С. Історія української літератури. – Т. 3. – С. 134.

16 ПСРЛ I: 425–426.

галицькі бояри не насмілювалися вигнати Данила ("и инъıи Оугръı многи . и за то не смѣша Галичанѣ . ничто же створити")[17].

Отож у нинішньому вигляді текст містить суперечності на грані абсурдальності: Рюрик не захопив Галича, бо йому не дозволила угорська залога, яка насправді була залишена проти ворожих Романовичам бояр, які б'ються за Романовичів із Рюриком, який не вступає у битву із угорською залогою.

Розшарування тексту можна представити наступним чином[18]:

великоу мѧтежю воставшю . в землѣ Роускои . ѡставившима же сѧ . двѣима сн҃ома его . единъ . д҃ . лѣ҃т а дроугии двоу лѣтъ

Собравшю же Роурикоу Половци и Роуси много . и приде на Галичь . ѡставивъ мнискии чинъ . бѣ бо приѩлъ боѩзни ради . Романовъı . И пришедшю емоу на Галичь . и срѣтоша и боѧре Галичкъıи . и Володимерьстии . оу Микоулина на рѣцѣ Серетѣ . и бившимасѧ има всь дн҃ь ѡ рѣкоу Сереть . и мнози ѩзвени бъı^ш и не стерпѣвше . и възвратишасѧ в Галичь и пришедшю же Рюрикоу в Галичь . и не оуспѣвши . ничто же .

за то

бѣ по смр҃ти Романовѣ снималсѧ король со ѩтровью своею во Саноцѣ . приѧлъ бо бѣ Данила . како милога сн҃а своего . ѡставилъ бо бѣ оу него . засадоу . Мокъѧ великаго . слѣпоѡкого . и Корочюна Въ^л пта . и сн҃а его . Витомира . и Благиню . [и] инъıи Оугръı многи . и за то не смѣша Галичанѣ . ничто же створити .

бѣ бо инѣхъ много Оугоръ

тогда же два кнѧзѧ Половѣцкаѩ . Соутоевича Котѧнь . и Сомогоуръ . поткоста на пѣшьцѣ . и оубьена бъıста конѧ под ними . и за мало ихъ не ѧша . Рюрикъ же воротисѧ Къıевоу .

малоу же времени миноувшю . и приведоша кормиличича . иже бѣ загналъ великъıи кн҃зь Романъ . невѣръı ради

Як бачимо, перехід від одного "шару" до іншого здійснюється простим засобом: повтором звороту чи фрази, що уже містилася в тексті (пор.: "и за то" — "за то"; "инъıи Оугръı многи" — "бѣ бо инѣхъ много Оугоръ"). Цей редакторський прийом — "повтору після вставки" — взагалі властивий ГВл.

Котрий із цих шарів належить до "первісного" вигляду галицького літопису, котрий — пізніший? Треба гадати, редакторським (вставним) є текст

---

17 Дж. Перфецький досягає осмисленості англійського перекладу лише замінивши першу каузальну конструкцію ("за то") на meanwhile, "тим часом"; а другу спорядивши кон'єктурою: "And because there were so many other Hungarians, the Galicians could not act on their own initiative [when Rjurik appeared before the city walls]" (The Galican-Volynian Chronicle, An annotated translation by George A. Perfecky (München, 1973), 18).

18 "Редакторський" текст позначаємо курсивом, "перехідні" фрази — напівжирним шрифтом.

із оповіддю про похід Рюрика на Галич. Він "надбудований" над основною сюжетною лінією літопису, яка полягала у змалюванні безпорадного становища малолітніх Романовичів після смерті батька і наступного вигнання Романової із дітьми та запрошення галицькими боярами на княжіння чернігівських Ольговичів.

Отже, вилучаючи — окрім панегірика Роману — також і "редакторський" шар тексту, початок власне подієвої оповіді галицького літопису мусив виглядати наступним чином:

> По смр҃ти же великаго кнаꙗ Романа великоу матежю воставшю . в землѣ Роускои . ѡставившима же сѧ . двѣима сн҃ома его . единъ . д҃ . лѣ҃ а дроугии двоу лѣтъ . бѣ по смр҃ти Романовѣ снималсѧ король со ятровью своею во Саноцѣ . приалъ бо бѣ Данила . како милога сн҃а своего . ѡставилъ бо бѣ оу него . засадоу . Мокъѧ великаго . слѣпоѡкого . и Корочюна Въ҃пта . и сн҃а его . Витомира . и Благиню . [и] инъи Оугры многи . и за то не смѣша Галичанѣ . ничто же створити . малоу же времени миноувшю . и приведоша кормиличича . иже бѣ загналъ великъи кн҃зь Романъ . невѣры ради

Переміщений фрагмент початку

Але можливо зробити ще один крок.

Серед повідомлень за 1225 — 1227 рр. знаходимо фрагмент, який розриває послідовну історію відвоювання Данилом Романовичем спадщини Мстислава Німого:

> Начнемь же сказати . бещисленъıа рати и великъıѧ троудъı . и частъıѧ воинъı . и многиѧ крамолъı и частаꙗ востаниѧ . и многиѧ матежи . из млада бо не бъı има покоѧ .[19]

Ця непов'язана із оточуючим текстом фраза виглядає як заголовок (так, до речі, гадали й давні копіїсти: у т. зв. списку Бундура фраза оформлена як заголовок, що розпочинає новий розділ літопису, перед яким залишено порожніми півсторінки (БАН 21.2.14, арк. 185), і сучасні дослідники: у перекладі Махновця її виділено як заголовок червоним чорнилом[20]. Утім як заголовок ця фраза не має жодного смислу: вона не тільки не вводить наступну за нею оповідь, але навпаки — розриває цілісну історію. Більше того, вона обіцяє самий початок оповіді, момент, з якого почнеться історія (пор. у ПВЛ: "се начнемь повѣсть сию"), а між тим знаходиться всередині, коли усі герої уже виведені на сцену, інтрига давно зав'язана, "многі коромоли і многі мятежі" подолано, а більшість "великих трудів" уже відбулася.

---

[19] ПСРЛ 2: 750.

[20] Літопис руський. — С. 384.

Як справедливо зазначив М. Ф. Котляр, "досі нікому з істориків чи філологів не щастило задовільно пояснити вміщення таких слів у текст оповіді" про луцьку спадщину[21]. На неорганічність фрагменту саме в цьому місці ГВл звертали увагу віддавна. М. С. Грушевський відзначав "абсурдність" (тобто, треба гадати, немотивованість) фрази і припускав, що вона є "вставкою якогось книжника"[22]. Щодо причин, які спонукали редактора (чиїм завданням здогадно було все ж "покращення" тексту, а не очевидне псування його) зробити "абсурдну" вставку, Грушевський не висловився. М. Ф. Котляр гадав, що наш фрагмент є фразою, яка відкривала здогадну "Повість про збирання Данилом волинської отчини" і виявилася переміщеною із свого належного місця (в описі подій 1219 р.)[23].

Фрагмент, справді, справляє враження механічно переміщеного. Змістовно (а також і граматично) він не узгоджується із попереднім текстом, пор.: "из млада бо не бъı има покоѧ", тобто обом Романовичам — і Данилові, і Василькy. Між тим у попередніх фразах Василько не згаданий; не згадано його й у наступних за нашим "заголовком" фрагментах, де дійовою особою є лише сам Данило. Більше того, сама фраза, так як вона стоїть в тексті, позбавлена ясності: "из млада бо не бъı има покоѧ" є підрядним реченням, яке передбачає, що попереду — в основному реченні — Данила і Василька названо на імена, або хоча б згадано як суб'єктів фрази. Між тим такого головного речення немає.

Крім того, оповідь, запропонована слідом за драматичним "вступом", не відзначається особливою загостреністю, на яку налаштовують читача: жодних "числених крамол" і "частих заколотів" ми в ній не знаходимо. Навпаки, мова йде про цілком вдалі дії Данила, завдяки яким він відібрав таки колишні володіння Мстислава Німого і змирив суперників. Отож фрагмент мав стосуватися іншого тексту, де Данило і Василько згадані разом — і при тому як діти, а до того ж в контексті "мятежів". Таким текстом видається самий початок літопису, де мова саме йде про "великий мятеж". Наш фрагмент виглядає як фрагмент, приналежний власне до вступної фрази ГВл, що внаслідок якихось редакторських втручань (здогадно: після вставки обширного панегірика Роману Мстиславичу, який його "витіснив") був переміщений на інше місце. Отож самий початок літопису можна реконструювати наступним чином:

---

[21] Галицько-Волинський літопис. Дослідження, текст, коментар. За ред. М. Ф. Котляра. – К., 2002. – С. 199 (далі — Коментар).

[22] Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинської літописі. – С. 22.

[23] Див.: Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1995. – Москва, 1997. – С. 92; Коментар. – С. 199).

> *Начнемь же сказати . бещисленыꙗ рати и великыѧ троуды . и частыѧ воины . и многиѧ крамолы и частаꙗ востаниѧ . и многиѧ мѧтежи.* По смр҃ти же великаго кнѧзѧ Романа великоу мѧтежю воставшю . в землѣ Роускои . ѡставившима же сѧ . двѣима сн҃ома его . единъ . д҃ . лѣ҃ а дроугии двоу лѣтъ. *из млада бо не бы има покоѧ .*[24]

Наш "заголовок" безумовно пов'язаний із іншим фрагментом, також оформленим як заголовок у рукописах[25]:

> По семь . скажє҃м . многии мѧтежь . великиꙗ льсти [и] бещисленыꙗ рати

Щодо цього другого дослідники загалом згодні, що він стоїть на належному йому місці[26]. Обидва "заголовки" видають єдину руку (пор.: "многии мятежи", "бещисленыя рати"; прикметно також, що обіцяні "першим заголовком" "многия крамолы" згадані виключно після "другого заголовку": 762 та 774 (двічі)).

Перемістивши "перший заголовок" у початок тексту, ми з'ясовуємо, що у такій позиції він корелює із частотністю лексеми "мятеж" у тексті ГВл, розподіленої у двох "серіях": на початку літопису — 717, 719, 722, 729; та через великий інтервал після "другого заголовку" — 789, 820, 859, 863 (двічі), 911 (єдиний раз у волинській частині літопису). Виходило б, що кожний із "заголовків" (у відповідності із буквою обіцяного) вводив серію оповідей про "мятежі". "Мѧтежь" у значенні "повстання", "бунт", "заворушення" (рідко — "сум'яття", "безладдя") відоме попередньому літописанню XI–XII ст. (у ПВЛ — 8 разів; у Кл — 8; у Суздальському літописі — 2; у Синодальному списку — 3 (в межах до 1200 р.). Але прикметно, що "мѧтежь" і похідні від нього надзвичайно частотні в Іудейській війні, яка, вочевидь, і була тут визначальним впливом ("мѧтежь" — 49; "мѧтежьникъ" — 51)[27].

Реконструкція

Отже після усіх маніпуляцій, вірогідний оригінальний початок ГВл мав виглядати наступним чином:

> Начнемь же сказати . бещисленъıꙗ рати и великъıѧ троудъı . и частъıѧ воинъı . и многиѧ крамолъı и частаꙗ востаниѧ . и многиѧ мѧтежи. По смр҃ти же великаго кнѧзѧ Романа великоу мѧтежю воставшю . в землѣ Роускои . ѡставившима же сѧ . двѣима сн҃ома его . единъ . д҃ . лѣ҃ а дроугии двоу лѣтъ.

---

24 Переміщений фрагмент позначаємо курсивом.

25 ПСРЛ 2: 762.

26 Пашуто В. Т. Очерки. — С. 212; Коментар. – С. 207.

27 Див.: Древнерусский перевод «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия. – Том 2: Древнерусско-греческий указатель. – С. 137–138.

из млада бо не бъı има покоѧ . бѣ по смр̄ти Романовѣ снималсѧ король со ѥтровью своею во Саноцѣ . приѧлъ бо бѣ Данила . како милога сн̄а своего . ѡставилъ бо бѣ оу него . засадоу . Мокъѧ великаго . слѣпоѡкого . и Корочюна Въ^{h}пта . и сн̄а его . Витомира . и Благиню . [и] инъıи Оугръı многи . и за то не смѣша Галичанѣ . ничто же створити . малоу же времени миноувшю . и приведоша кормиличича . иже бѣ загналъ великъıи кн̄зь Романъ . невѣръı ради .

О. М. Иоаннисян, Е. Е. Черненко

Спасо-Преображенский собор в Чернигове в свете последних архитектурно-археологических исследований

Спасо-Преображенский собор в Чернигове — древнейший из сохранившихся до наших дней памятников древнерусского зодчества (рис. 1). Уже почти полтора столетия он привлекает к себе внимание исследователей архитектуры Древней Руси, при этом каждое новое исследование даёт возможность прочитать новые страницы его почти тысячелетней истории.

Первые архитектурно-археологические и натурные исследования памятника были проведены в 1871 г. А. А. Авдеевым, а в 1881 г. — А. М. Павлиновым[1]. Впоследствии к его изучению обращались Ф. Ф. Горностаев и Д. В. Айналов (1906 г.), Н. Е. Макаренко и И. В. Моргилевский (1923–1929), Ю. С. Асеев (1947 и 1952), Н. В. Холостенко и М. М. Говденко (Александрова) (1966–1982). Специальные исследования этому памятнику посвятил А. И. Комеч[2].

---

[1] Спасо-Преображенский соборный храм в г. Чернигове // Зодчий. — 1882. — С. 81–82.

[2] Рукописный архив Научного архива института истории материальной культуры. — Ф. 4. — Д. 53. — л. 5–6; Труды XIV Археологического съезда в Чернигове. — Т. 2: Протоколы. — Москва, 1911. — С. 66–67, 160; Айналов Д. В. Архитектура Черниговских храмов: Речь, произнесённая профессором Д. В. Айналовым в заседании комитета по устройству XIV Археологического съезда в Чернигове, 10 августа 1906 г.: Отдельный оттиск. — Чернигов, 1906.

Макаренко М. Біля Чернігівського Спаса: археологічні досліди року 1923 // Чернігів і Північне Лівобережжя: розвідки, досліди, матеріали. — К., 1928. — С. 184–196; Його ж. Досліди над Чернігівським Спасом: Коротке звідомлення // Записки іст.-філологічн. відділу ВУАН. — Кн. IV. — К., 1929. — С. 240–244; Його ж. Найдавніша стінопись княжої України // Україна. — 1924. — № 1/2. — С. 7–13; Його ж. Чернігівський Спас: Археологічні досліди р. 1923.– К., 1929; Моргілевський І. Дослід пам'яток старого чернігівського будівництва в рр. 1923–1924 // Україна. — 1925. — № 1/2. — С. 231–233; Його ж. Спасо-Преображенський собор у Чернігові за новими дослідами // Чернігів і Північне Лівобережжя: розвідки, досліди, матеріали. — С. 169–183.

Холостенко Н. В. Исследования Спасского собора в Чернигове // Реставрация и исследования памятников культуры — Москва, 1990. — С. 6–18; Говденко М. М. Спас Чернігівський: дослідження // З історії української реставрації: дод. до щорічника «Архітектурна спадщина України». — К., 1996. — С. 143–151; Архів Українського державного науково-дослідного та проектного інституту «УкрНДІпроктреставрація». № 631а. Спаський собор у Чернігові. Холостен-

1. Чернигов. Спасо-Преображенский собор. Общий вид. Фото 2015 г.

Археологические раскопки в пределах собора и на прилегающих к нему участках осуществлялись в 1923 г. Н. Е. Макаренко, в 1950-х и 1960-х гг. — Н. В. Холостенко, в 1972–1976 гг. — А. А. Карнабедом[3], в 1991 г. — В. Я. Руденком[4].

ко Н. В. Отчёт об исследованиях 1968–69 гг. внутри Спасо-Преображенского собора в Чернигове, 70 л.

Комеч А. И. Архитектура конца X — середины XI века // История русского искусства: В 22 т. — Т. 1: Искусство Киевской Руси: IX — первая четверть XII в. — Москва, 2007. — С. 111–177; Его же. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в.: Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. — Москва, 1987; Его же. Об особенностях пространственной структуры Спасо-Преображенского собора в Чернигове // От Царьграда до Белого моря. — Москва, 2007. — С. 161–182; Его же. Спасо-Преображенский собор в Чернигове // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. — Москва, 1975. — С. 8–26.

3 Карнабед А. А. Новые данные о памятниках Чернигова XI–XII вв. // Древнерусское искусство. Художественная культура X — первой половины XIII вв. — Москва, 1988. — С. 31–35.

4 Руденок В. Я., Новик Т. Г. Археологічні дослідження Чернігівського Спаса співробітниками НАІЗ «Чернігів стародавній» // Чернігівські старожитності. — Вип. 1 (4). — Чернігів, 2012. — С. 120–127.

Из летописных сообщений следует, что Спасо-Преображенский собор был заложен князем Мстиславом Владимировичем во время его правления в Чернигове (1024–1036). Однако точная дата начала строительства неизвестна. В летописи есть лишь упоминание, что когда князь внезапно заболел и умер, его похоронили в основанном им же храме — «положиша и у святаго Спасу, юже сам заложил бе бо въздано ея иемь възвыше яко на кони стояще досящи»[5]. Сообщение, почти идентичное по содержанию, находим в Ипатьевском, Лаврентьевском и других летописных сводах. Хотя, как отмечал М. Н. Бережков, «летописи несколько разнятся в обозначении года кончины Мстислава Владимировича»[6], принято относить это событие к 1036 г.

Известия о завершении строительства собора в источниках также отсутствуют. Следующее после 1036 г. упоминание о Спасе Черниговском — сообщение 1076 г. о погребении князя Святослава Ярославича: «Сего лета преставился Святослав, сын Ярославль [...] и положен Чернигове у святого Спаса»[7]. Вероятно, к тому времени храм был уже достроен.

В целом из сообщений письменных источников можно заключить, что строительная история собора включала не менее двух этапов (первый — начало возведения Мстиславом; второй — окончание работ после его смерти). Их существование было подтверждено во время натурных исследований А. М. Павлинова[8] в конце XIX в. и в ходе работ Н. В. Холостенко и М. М. Говденко в 1960-х гг. При этом Н. В. Холостенко и М. М. Говденко выделили особенности строительной техники, характерные для каждого из строительных периодов[9]. В то же время перерыв в возведении Спасского собора признавали далеко не все исследователи, проводившие изучение памятника. Так, его отрицали И. В. Моргилевский и Г. Н. Логвин[10], а А. И. Комеч, не возражая против самого факта перерыва в строительстве, считал, что это никоим образом не сказалось на изначально задуманном зодчими облике собора и не привело к изменениям в первоначальном замысле[11].

Н. В. Холостенко считал, что в XII в. Спасский собор горел, после чего был отремонтирован и реконструирован (переложены полы и заменены

---

5 Полное собрание русских летописей. — Т. I: Лаврентьевская летопись. — Москва, 2001. — С. 150.

6 Бережков М. Н. К истории Черниговского Спасского собора // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове, 1908. — Т. 2. — Москва, 1911. — С. 22.

7 Полное собрание русских летописей. — Т. II: Ипатьевская летопись. — Москва, 2001. — С. 190.

8 Спасо-Преображенский соборный храм в г. Чернигове. — С. 82.

9 Холостенко Н. В. Исследования Спасского собора в Чернигове. — С. 6–8; Говденко М. М. Спас Чернігівський: дослідження — С. 145.

10 Моргілевський І. Спасо-Преображенський собор у Чернігові за новими дослідами. — С. 169; Логвин Г. Н. Спасский собор в Чернигове // История СССР. — 1969. — № 6. — С. 193–198.

11 Комеч А. И. Архитектура конца X — середины XI века // История русского искусства. — Т. 1. — С. 140.

основные архитектурные элементы алтаря). Пожар в Спасе он связывал с усобицей между Владимиром Мономахом и Олегом Святославичем, а ремонтные работы — со строительной деятельностью Давида Святославича[12].

По мнению М. М. Говденко, собор горел и в 1239 г., во время взятия Чернигова монголами, однако конструктивная основа здания не пострадала[13]. Как отмечал Н. В. Холостенко, наиболее обширные ремонтные роботы в соборе проводились в XVII–XVIII вв. (перестраивались верхи, надстраивались апсиды и т. д.), однако и они не изменили объёмно-пространственную структуру здания и основной массив его конструкций[14].

Первым достоверным изображением Спаса можно считать миниатюру на «Абрисе Черниговском» 1706 г., введённом в научный оборот в 1970-х гг. (рис. 2)[15]. Судя по всему, на ней воспроизведён южный фасад храма, с пониженной восточной закомарой и ещё не надстроенной ко времени создания «Абриса» южной апсидой.

Известно, что в 1770 г. над древней лестничной башней собора надстроили колокольню, а с севера, юга и с запада пристроили притворы[16]. В 1790-х гг. была осуществлена ещё одна реконструкция[17], во время которой, как сообщает Н. Е. Марков, «приделы все разобраны и уничтожены; в симметрию башни, теремом называвшейся, сделана с правой стороны юго-западной другая башня, обе круглые, с конусными верхами, мраморные столбы обложены кирпичом и оштукатурены, хоры оставались только над ходом в церковь, т. е. у западной стороны, коим соединялись боковые хоры, а эти последние разобраны»[18]. Судя по всему, именно во время этой перестройки были перенесены южный и северный порталы. Как установил Н. В. Холостенко, их сместили на ось подкупольного квадрата. Впоследствии, в XIX в., в них вписали порталы меньшего размера[19]. Таким образом во время этой реконструкции собор, в основном, приобрёл тот облик, в котором он и дошёл

---

[12] Холостенко Н. В. Мощеница Спаса Черниговского // Культура средневековой Руси. — Ленинград, 1974. — С. 199–202; Его же. Исследования Спасского собора в Чернигове. — С. 14.

[13] Говденко М. М. Спас Чернігівський: дослідження. — С. 145.

[14] Холостенко Н. В. Исследования Спасского собора в Чернигове. — С. 8–9, 16.

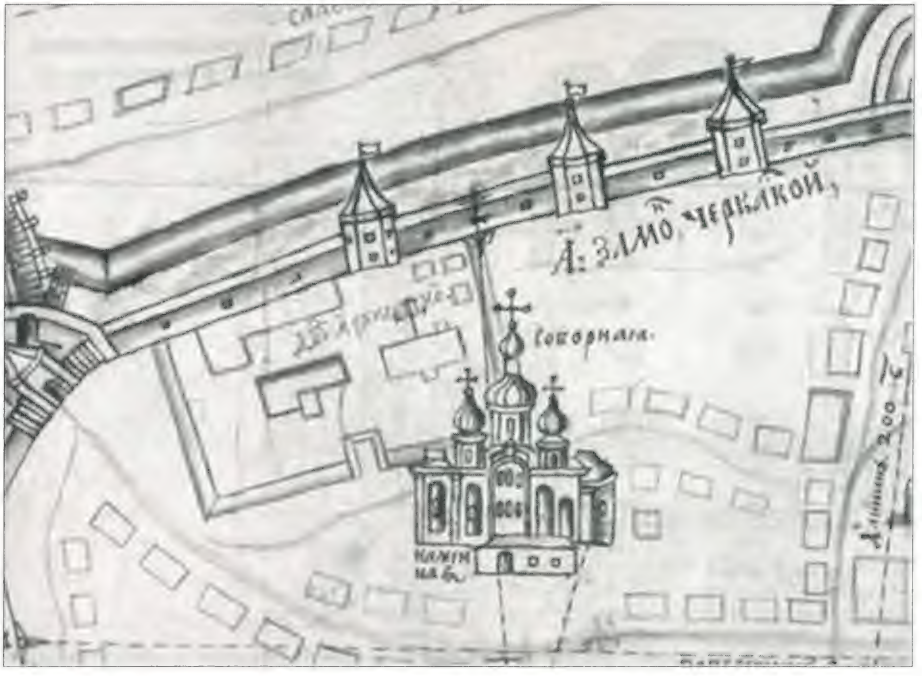
[15] Пляшко Л. «Абрис Чернігівський» // Наука і суспільство. — 1971. — № 8. — С. 30–31.

[16] Юбилейный сборник в память 900-летия епископской кафедры в г. Чернигове. — Чернигов, 1893. — С. 75–76; Спас Чернігівський. — Чернігів, 2012. — С. 145–146.

[17] Ванжула О. М. Ремонт Чернігівського Спасо-Преображенського собору 1791–1792 рр. за проектом архітектора І. Д. Яснигина // Церква — наука — суспільство: питання взаємодії: Мат. Тринадцятої Міжнар. наук. конф. — К., 2015. — С. 117–119.

[18] Бережков М. Н. Михайла Егоровича Маркова разные сочинения к пояснению истории Чернигова // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове. — Т. 2. — Москва, 1911. — С. 273.

[19] Холостенко Н. В. Исследования Спасского собора в Чернигове. — С. 9, 15–16, рис. 18.



2. Фрагмент «Абриса Черниговского» 1706 г. с изображением Спасо-Преображенского собора

до наших дней, хотя отдельные его ремонты проводились на протяжении всего XIX в.[20]

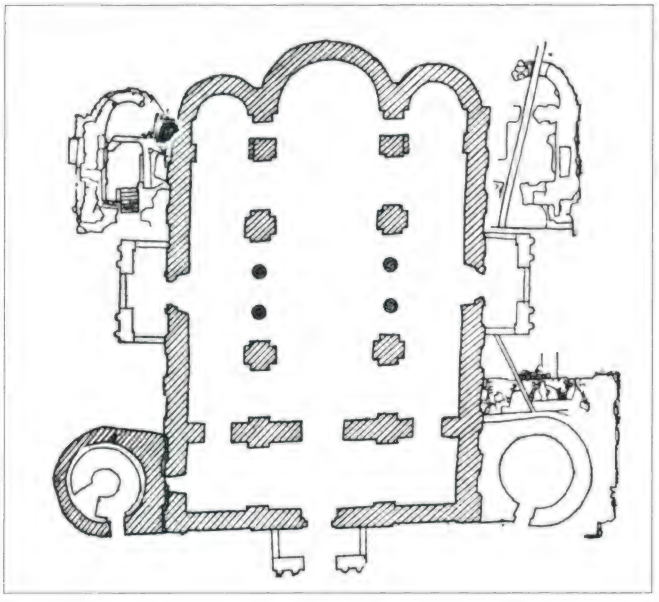
В современном виде Спасо-Преображенский собор представляет собой трёхнефный трёхапсидный пятикупольный храм с нартексом (рис. 3; 4). Его длина 33,2 м, ширина — 22,1 м, высота — 29 м от современного уровня пола и 30 м — от первоначального.

При удлинённых пропорциях (соотношение ширины к высоте 3/4) плановая схема собора имеет черты базиликальности (широко расставленные между подкупольными пилонами колонны трёхпролётных аркад), соединённые с композицией крестовокупольного храма. Главный купол находится в геометрическом центре; верхи (подпружные арки, купола, завершения апсид) были переделаны в XVIII–XIX вв.

Наружные фасады храма разделены пилястрами, плоскими в нижнем ярусе и сложнопрофилированными в верхнем. При этом равномерный ритм боковых аркад нижнего яруса не связан с внутренним членением храма. Это

---

[20] Добровольский П. М. Архив Черниговского кафедрального собора // Труды Черниговской губернской архивной комиссии. — Вып. 4: Отд. второй. — Чернигов, 1902. — С. 6–57.



3. Чернигов.
Спасо-Преображенский собор.
План (по Н. В. Холостенко)

обусловило отсутствие связи в расположении находящихся в центральных арках боковых стен первоначальных входов с внутренними осями членений собора.

Пилястры верхнего яруса не совпадают с разбивкой аркады первого и, в отличии от них, соответствуют внутреннему членению, в котором преобладающее значение получает центральный пространственный крест. Как считал Н. В. Холостенко, это несоответствие связано с изменением первоначального замысла зодчих — на первом этапе строительства собор имел черты купольной базилики, но на втором этапе эти черты не получили развития и в пространственной композиции решающее значение получает пространственный крест[21].

Нартекс отделён от наоса стенкой. Они соединяются через арочные проходы, расположенные по осям нефов. Восточную пару столбов образуют торцы выступающих межапсидных стенок с проходами. В западной части храма над нартексом сохранились хоры с входом из северной башни. Хоры вдоль боковых нефов разобрали в XVIII в. Как показали исследования И. В. Моргилевского, они были исполнены как деревянный настил, опирались на четыре прямоугольные в сечении балки и доходили до восточной пары крестчатых пилонов[22]. От этих боковых хоров уцелели только остат-

---

[21] Холостенко Н. В. Исследования Спасского собора в Чернигове. — С. 7–8.

[22] Моргілевський І. Спасо-Преображенський собор у Чернігові за новими дослідами. — С. 179; Научный архив ИА НАН Украины, фонд ВУАК, д. 23. Моргілевський І. Звідомлення про істо-

4. Чернигов.
Спасо-Преображенский собор.
Разрез через центральній неф

ки ограждения: резные пирофиллитовые (шиферные) плиты древнерусского времени на пролётах аркад. Исследование кирпичных барьеров над нартексом показало, что некогда и здесь находились аналогичные шиферные ограждения. От них сохранились фрагменты их заделки в пилоны[23]; реконструкция ограждения относится к XVII в.[24]

Первый ярус трёхпролётных аркад образовывали две пары мраморных колонн (50 см в диаметре[25]) с базами аттического типа и ионическими капителями. Поверх капителей колонн положены импостные карнизные плиты из пирофиллита (розового шифера), на которые опираются выполненные из плинфы гранёные столбы аркады второго яруса.

Н. В. Холостенко исследовал нижнюю часть одной из колонн северной аркады. Оказалось, что колонна установлена на кирпичном основании из двух рядов плинфы, положенных на поперечные каменные фундаментные ленты[26].

рично-архітектурні досліди в м. Чернігові. Л. 7.

23 Холостенко Н. В. Исследования Спасского собора в Чернигове. — С. 15.

24 Моргілевський І. Спасо-Преображенський собор у Чернігові за новими дослідами. — С. 179; Холостенко Н. В. Исследования Спасского собора в Чернигове. — С. 15.

25 Спасо-Преображенский соборный храм в г. Чернигове. — С. 81.

26 Холостенко Н. В. Исследования Спасского собора в Чернигове. — С. 13.

Из описания Н. Е. Маркова известно, что колонны Спасского собора треснули во время пожара 1750 г.[27] В ходе ремонта в конце XVIII в. они были обложены кирпичом и, согласно результатам исследований Н. В. Холостенко, превращены в гранённые столбы[28]. Современный вид (круглые, с покрытием из искусственного мрамора) колонны приобрели уже в XIX в.[29]

Толщина стен Спасского собора составляет от 1,4 м до 1,65 м. Они сложены в технике «opus mixtum» из подтёсанных блоков камня (песчаника). При этом в нижних частях стен (на высоту от 2,5 м до 3 м) камень в кладке преобладает над плинфой. Выше этого уровня плинфа используется намного более активно, в том числе — для декоративной кладки, а пилястры, перемычки и своды выполнены исключительно из плинфы. Следует отметить, что в той же технике, что и основной объём храма, выполнена его единственная сохранившаяся пристройка — лестничная (северная) башня (рис. 5).

Н. В. Холостенко отмечал, что первому строительному периоду в истории Спаса соответствует кладка, не имеющая закономерности в чередовании камня и плинфы. Здесь использована плинфа длиной 25–28 см, на ряду с желтоватой и розоватой, толщиной 2,5–3 см, встречается более толстая (до 4 см) красная, а некоторые плинфы достигают в длину 37 см. При этом отделочный слой покрывает почти всю поверхность кладки и разграфлён углублёнными линиями под квадры. Второму периоду соответствует кладка с закономерным чередованием рядов камня и плинфы; все пилястры, тяги, перемычки и своды выполнены в плинфяной кладке с утопленным рядом; в большинстве случаев применяется плинфа формата 31–35 × 22–30 × 2,5–3,5 см, а для деталей — лекальная плинфа; отделка поверхности осуществлена в два этапа с последующим нанесением лицевого слоя раствора, при котором выступающие плинфы не закрыты отделкой, а выявлены подрезкой[30].

Характерная особенность первоначального внешнего оформления собора — использование декоративной кладки из кирпича-плинфы в виде орнаментальных вставок на фасадах (в тимпанах закомар, в пространстве между арками, на стенах лестничной башни, на центральном барабане и т. д.). Декоративная кладка выступает над поверхностью обмазки и подчёркнута прографленными по её поверхности контурами.

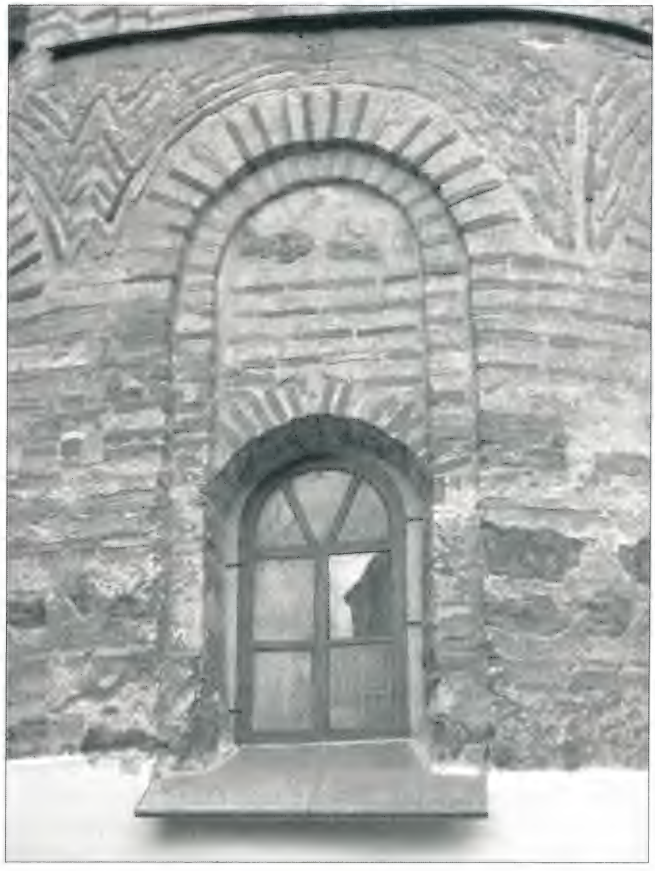
---

27 Бережков М. Н. Михайла Егоровича Маркова разные сочинения...– С. 293.

28 Архів Українського державного науково-дослідного та проектного інституту «УкрНДІпроектреставрація». № 631а. Спаський собор у Чернігові. Холостенко Н. В. Отчёт об исследованиях 1968–69 гг. внутри Спасо-Преображенского собора в Чернигове. Л. 22.

29 Добровольский П. М. Архив Черниговского кафедрального собора. — С. 18–19.

30 Холостенко Н. В. Исследования Спасского собора в Чернигове. — Москва, 1990. — С. 6–8.



5. Чернигов. Спасо-Преображенский собор. Фрагмент кладки и декорации фасада лестничной башни в верхних частях кладки

Ленточные фундаменты Спасо-Преображенского собора сложены из плитняка и булыги на цемяночном растворе, с использованием брусов-связей. В основании апсиды они переходят в сплошную платформу. Ширина фундаментов достигает 3 м, они выступают по отношению к обрезу стен и в середине, и снаружи постройки. По наблюдениям Н. В. Холостенко, глубина закладки фундаментов составляет 2,7–2,8 м от дневной поверхности (примерно 3,25 м от современной)[31].

Из древних пристроек Спасского собора до наших дней сохранилась только северная башня, приставленная к его основному объёму с северо-запада без перевязки в кладке (рис. 1; 3)[32]. Как установил Н. В. Холостенко, её основанием служит большая по площади, чем сама башня, сплош-

---

31 Холостенко Н. В. Исследования Спасского собора в Чернигове. — С. 6–18; Говденко М. М. Спас Чернігівський: дослідження. — С. 143–151.

32 Моргілевський І. Спасо-Преображенський собор у Чернігові за новими дослідами. — С. 170.

ная прямоугольная платформа, сложенная из блоков песчаника. Глубина закладки платформы достигает 1,26 м от древней поверхности (1,76 м — от современной)[33].

В башню, как в настоящее время, так и в древности, ведёт единственный вход — снаружи, на нижнем ярусе. В ней находится винтовая лестница. На втором ярусе лестница сообщается с хорами через проём в стене. Причём древний, первоначальный вход был несколько выше и шире существующего[34]. Как было отмечено во время исследований И. В. Моргилевского и подтверждено в ходе работ Н. В. Холостенко, внутренняя поверхность стен башни и опорный столб лестницы облицованы кирпичом-пальчаткой (т. н. «литовка») в XVII–XVIII вв.[35]

Вторая из существующих башен собора, южная, сооружена в конце XVIII в. на месте т. н. «крещальни» древнерусского времени. На уровне второго яруса башни в южной стене хоров есть древний портал, симметричный тому, что ведёт на них с севера[36]. Некогда он вёл в «крещальню», а теперь выходит на второй ярус южной башни.

Археологические исследования 2012–2014 гг. (рис. 6) были направлены, прежде всего, на повторное изучение утраченных пристроек Спасо-Преображенского собора, ранее раскопанных Н. Е. Макаренко. В 2012 г. удалось осуществить исследование пределов, пристроенных к Спасу с севера (раскоп 1) и с юга (раскоп 2). Тогда же были начаты работы по изучению южной галереи и заложен шурф в южном отсеке нартекса (шурф 1). В 2013 г. основным объектом работ стали остатки т. н. «крещальни», сохранившиеся в основании южной башни. Одновременно продолжились работы по изучению южной галереи. В 2014 г. была проведена фиксация участков кладки собора, открытых в подвале под северным тамбуром 1818 г. Хотя подвал был сооружён для обслуживания отопительной системы ещё в конце XIX в., доступные в нём участки древней кладки ранее не фиксировались[37]. Кроме

---

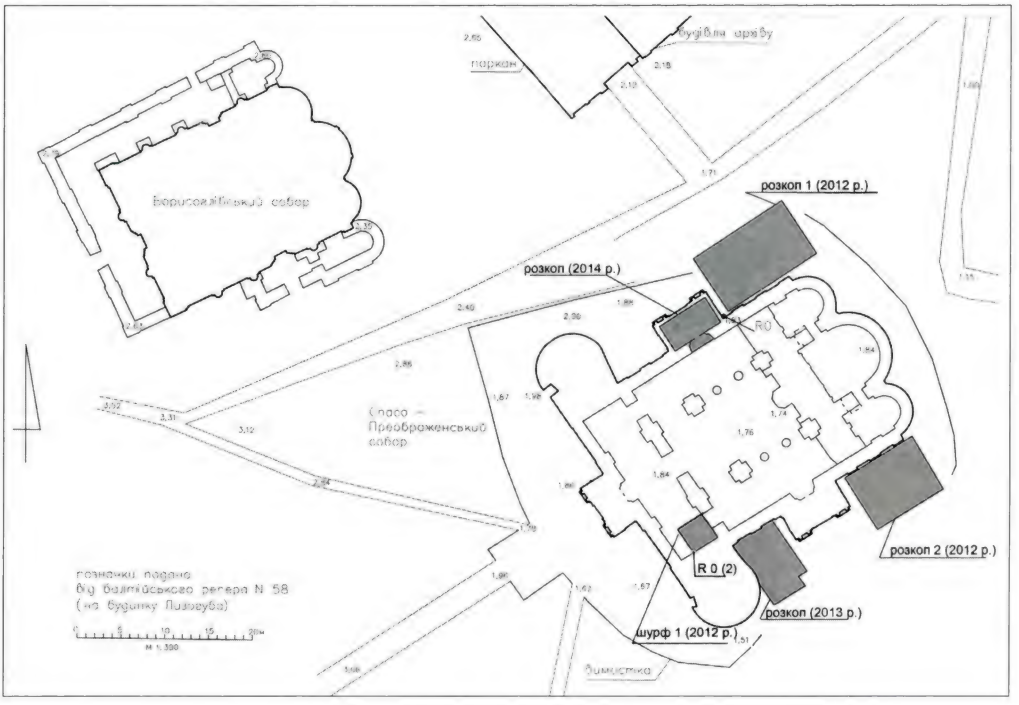
33 Холостенко Н. В. Исследования Спасского собора в Чернигове. — С. 11.

34 Там же. — С. 15.

35 Моргілевський І. Спасо-Преображенський собор у Чернігові за новими дослідами. — С. 170; Холостенко Н. В. Исследования Спасского собора в Чернигове. — С. 15; Говденко М. М. Спас Чернігівський: дослідження. — С. 157–148.

36 Моргілевський І. Спасо-Преображенський собор у Чернігові за новими дослідами. — С. 177.

37 Иоаннисян О. М., Черненко Е. Е. Черниговский Спасо-Преображенский собор в свете новых исследований // Древнерусское искусство: 1963–1912: Итоги и перспективы. — Москва, 2013. — С. 22–25; Черненко О. Є., Іоаннисян О. М., Новик Т. Г. Чернігівський Спасо-Преображенський собор у світлі останніх археологічних досліджень // Слов'яни і Русь: археологія та історія: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 75-річчя. — К., 2013. — С. 321–329; Черненко О. Є., Іоаннисян О. М., Новик Т. Г. Дослідження Спасо-Преображенського собору в Чернігові // Археологічні дослідження в Україні 2012. — К, 2013. — С. 395–397; Черненко О. Є., Іоаннисян О. М., Новик Т. Г. Нові до-



6. Чернигов. Спасо-Преображенский собор. Схема расположения раскопов 2012–2014 гг.

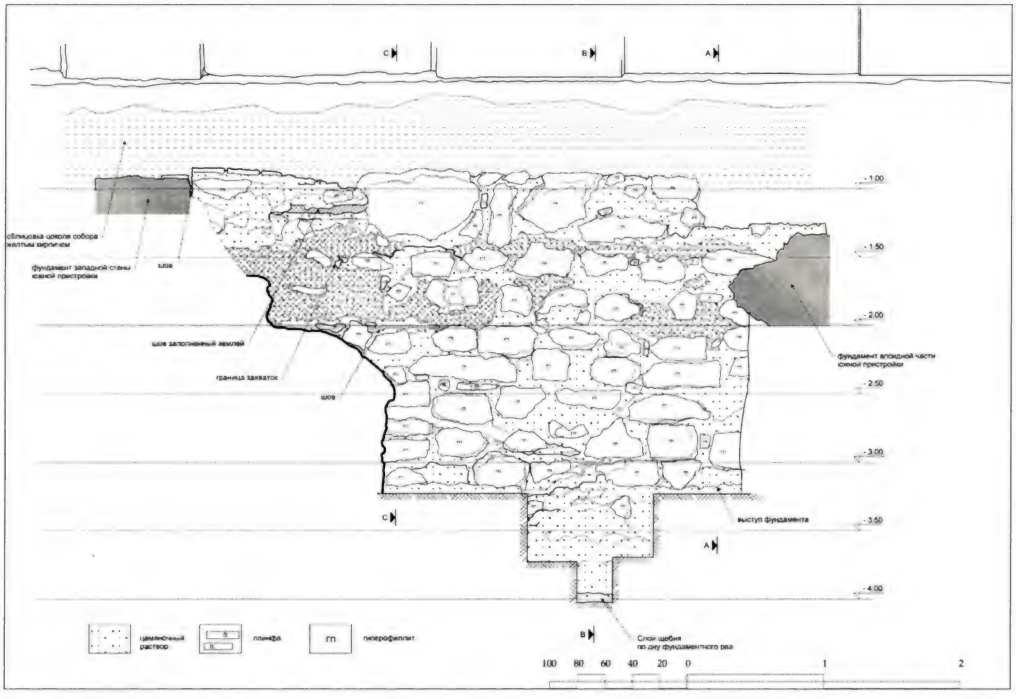
того, в рамках работ были проведены исследования строительных растворов (Ю. М. Стриленко) и строительного камня (И. С. Никитенко)[38].

В 2012 г. удалось исследовать фундаменты Спасского собора на нескольких участках. Прежде всего они были раскрыты в пределах южной пристрой-

---

слідження Спасо-Преображенського собору в Чернігові // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2012 г. — Гомель, 2013. — С. 200–204; Черненко О. Є., Іоаннисян О. М., Новик Т. Г. Дослідження Чернігівського Спасо-Преображенського собору // Археологічні дослідження в Україні 2013. — К., 2014 — С. 294–295; Черненко О. Є., Іоаннисян О. М., Новик Т. Г. Прибудови Чернігівського Спасо-Преображенського собору (за матеріалами археологічних досліджень) // Могилянські читання 2014 року: Зб. наук. пр.: Давньоруські храми: дослідження та збереження: До 925-ліття освячення Великої печерської церкви. — К., 2015. — С. 328–338; Черненко О. Є., Іоаннисян О. М., Новик Т. Г. Архітектурно-археологічні дослідження Чернігівського Спасо-Преображенського собору // Археологічні дослідження в Україні 2014. — К., 2015. — С. 301–303.

38 Никитенко І. С., Черненко О. Є. Результати петрографічного дослідження фундаментів Спасо-Преображенського собору в Чернігові // Геолог України. — 2013. — № 2. — С. 147–154; Никитенко І. С., Черненко О. Є. До питання про виділення Новгород-Сіверського гірнодобувничого району часів Київської Русі // Національний гірничий університет: Зб. наук. праць НГУ. — № 45. — Дніпропетровськ, 2014. — С. 12–21.



7. Чернигов. Участок фундамента южной стены Спасо-Преображенского собора (Раскоп 2, 2012 г.)

ки, в зондаже, заложенном с уровня материкового дна ямы, вырытой во время прокладки отопления в XIX в. до основания подошвы фундаментов.

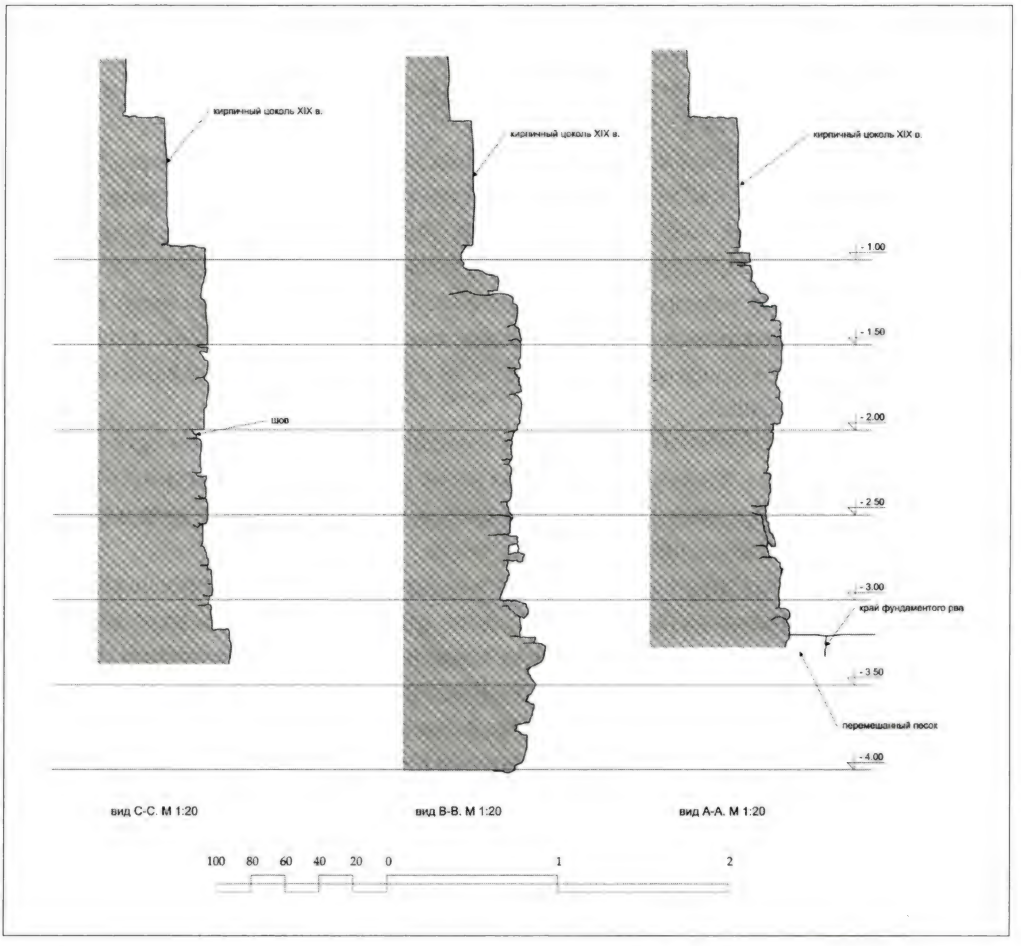
На этом участке (восточная часть южной стены) глубина заложения фундаментов достигает 3,6 м от уровня современной поверхности и ок. 2,7 м от древней (рис. 7; 8). Это в целом соответствует данным Н. В. Холостенко[39]. Фундамент сложен из уложенных рядами подтёсанных блоков песчаника, залитого очень плотным интенсивно-розовым цемяночным раствором. Следует отметить, что по заключению Ю. М. Стриленко, пробы растворов с исследованного участка имели полные аналогии с пробами растворов фундаментов 1972 г. В обоих случаях структура цемянки оказалась полностью идентична структуре раствора в нижней части стен основного объёма Спаса.

Внешний обрез фундамента храма выступает на 0,35–0,4 м за пределы плоскости южной стены (рис. 8). В то же время, согласно данным Н. В. Холостенко, у западной стены фундаментный выступ составляет 0,61–0,65 м, а в апсидной части — до 1,45 м[40].

---

39 Холостенко Н. В. Исследования Спасского собора в Чернигове — С. 11.

40 Там же.



8. Чернигов. Спасо-Преображенский собор. Разрез через южную стену и фундамент (Раскоп 2, 2012 г.)

Строительный котлован собора сохранился ниже уровня заложения фундаментов южной пристройки (рис. 8). Борт котлована отстоял от фундамента на 1 м и почти вертикально спускался вниз до глубины ок. 1,9 м. С этого уровня он заложен в фундаментный ров.

На поверхности фундамента очень хорошо прослеживалось несколько остановочных швов, отвечавших, вероятно, непродолжительным перерывам в строительном цикле (рис. 7; 8). Наиболее чётко прослеживается горизонтальный шов, выше которого фундамент практически вертикален и аккуратно выложен. Ниже шва он постепенно сужается (максимально — на 0,15 см), его поверхность неровная, наружу выступают отдельные каменные блоки.

Платформа, находившаяся в основании южной апсиды Спасского собора, входила в пределы раскопа 2 2012 г. в его северо-западном углу. Был открыт её край, выступавший за плоскость южной стены на 0,35 м и от изгиба апсиды — на 1,2 м.

Верх платформы образовывали блоки песчаника, залитые сверху толстым (не менее 2 см) слоем интенсивно-розового цемяночного раствора. Из-под заливки наружу выступали отдельные глыбы камня. Боковая поверхность платформы была вертикальной. Её также покрывал толстый, аккуратно заглаженный затирочный слой розового цемяночного раствора. Как свидетельствует химико-технологическое исследование, состав раствора идентичен тому, что показали проведённые в 1972 г. исследования растворов из основания Спаса.

Для исследования фундаментов и наслоений во внутреннем пространстве собора в 2012 г. был заложен шурф (шурф 1) размером 3 × 3 м (рис. 6). Шурф располагался в южном отсеке нартекса, в восточном углу; в западной части частично включал шурф 1 1923 г.

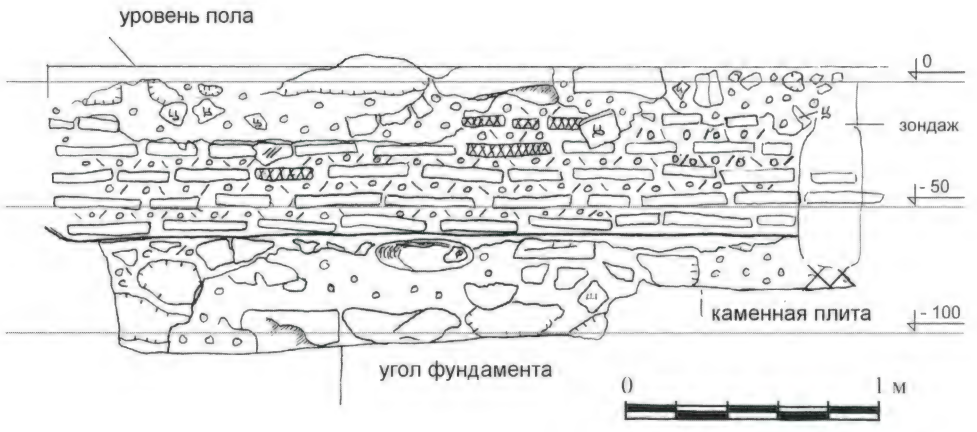
В пределах шурфа верхняя часть цоколя собора была прослежена только ниже уровня существующего пола (рис. 9). Выше она скрыта под современной штукатуркой. Цоколь сложен в технике opus mixtum. От уровня фундамента до высоты 0,6 м он образован рядами плинфы. Всего можно насчитать 4 горизонтальных ряда, а поверх них — отдельные ряды, заполнявшие промежутки между расположенными выше блоками песчаника. Ряды плинфы перемежались прослойками (5–10 см) цемяночного раствора, превышавшими их по толщине.

Фундамент собора выступает по отношению к плоскости стены на 0,95–1,0 м. на глубине 1,07–1,14 м от уровня современного пола. Поверх выступа фундамента положена лента кладки шириной 0,6 м и высотой 0,2 м из плинфы на цемяночном растворе (упоминается и в материалах работ 1923 г.[41]). Эта кладка примыкает без перевязки к южной стене нартекса по всей её длине. Её верхняя плоскость находится на уровне первоначального пола (на 1 м ниже современного[42]). В западной части поверх кладки положена массивная (ширина 0,5 м, толщина 0,12 м) шлифованная плита песчаника. Она входит в пределы шурфа 2012 г. частично (на длину 0,55 м). Одна-

---

[41] Макаренко М. Чернігівський Спас: Археологічні досліди р. 1923. — С. 38, рис. 34; Научный архив ИА НАН Украины. Ф. 6. Д. 1. Смолічев П. І. Розкопки Спаського собору в Чернігові, улаштовані ВУАН під доглядом професорів М. О. Макаренка та І. О. Моргілевського в липні 1923 р. Л. 8: Дополнение: Креслення «Раскопки в южной стороне нартекса».

[42] Холостенко Н. В. Исследования Спасского собора в Чернигове. — С. 10–12, рис. 10.



9. Чернигов. Спасо-Преображенский собор. Участок внутреннего фасада южной стены в нартексе (Шурф 1, 2012 г.)

ко, исходя из того, что в шурфе 1923 г. была открыта противоположная часть плиты[43], можно заключить, что её общая длина составляет ок. 2 м.

Можно предположить, что данная конструкция была устроена в древнерусский период, но уже после окончания строительства. Не исключено, что она предназначалась для установки саркофага, а плита песчаника служила для него основанием[44].

К западу от плиты в уступе растёсана ниша (рис. 9). Возможно, от находившейся рядом шлифованной плиты песчаника её некогда отделял тонкий простенок, ныне не сохранившийся. Внутреннюю стенку ниши образовывала кладка южной стены храма, северо-восточная отстояла от обреза пилона на 0,1 м. Длина ниши — 1,9 м, дно находится на 1,11—1,14 м ниже уровня современного пола. На внутренней стенке ниши сохранились остатки тонкого (до 1,5 см) слоя штукатурки, похожей на известковую затирку с растительным клеем. По заключению Ю. Н. Стриленко, в качестве заполнителя в штукатурке была использована жёлтая плинфа. Это позволяет отнести появление ниши ко времени не ранее второй половины XI в., когда подобная плинфа начинает использоваться в черниговском строительстве. Дно ниши покрывал довольно толстый (до 2 см) слой белой известково-мело-

43 Макаренко М. Чернігівський Спас: Археологічні досліди р. 1923. — С. 38; Научный архив ИА НАН Украины. Ф. 6. Д. 1. Смолічев П. І. Розкопки Спаського собору в Чернігові. Л. 8.

44 См.: Черненко О. Є. Про місцезнаходження князівських поховань у Чернігівському Спасо-Преображенському соборі // Opus mixtum. — 2015. — № 3. — С. 75.

вой массы с волокнистым наполнителем (солома), похожей на штукатурку под фресковую роспись.

Вдоль юго-западной стенки ниши в слое обмазки прослеживаются остатки канавки шириной 0,5 см. Скорее всего, это — след, оставшийся от установленной здесь некогда вертикальной боковой стенки пирофиллитового саркофага. О его существовании свидетельствуют найденные во время расчистки ниши мелкие обломки и сколы пирофиллита (розового шифера), во многих случаях — со шлифованной поверхностью. Можно допустить, что в нише был установлен саркофаг, разрушенный в результате обвала парусно-купольного свода под южной боковой камерой хор. Как отмечает Н. В. Холостенко, свод здесь был разрушен в послемонгольское время и переложен в XVII в.[45]

В восточном углу ниши, на её дне, обнаружен железный мастерок-кельма с роговой рукоятью (рис. 10). Рукоять кельмы выступала на дно ниши, а её рабочая часть оказалась вмурованной в шов розового цемяночного раствора между блоками фундамента Спасского собора. Общая длина кельмы — 23 см, высота — 9,5 см; длина металлической части — 13,5 см, ширина — до 5,5 см; длина рукояти — 11,5 см, диаметр — 3,7–4,0 см.

В слое обмазки на дне ниши рядом с мастерком был вмурован обломок жёлтой плинфы. Он располагался таким образом, что его поверхность находилась на одном уровне с поверхностью рукояти кельмы. Складывалось впечатление, что замурованная в фундамент во время строительства Спаса кельма была открыта во время обустройства ниши для гробницы. Однако её оставили на месте, подложив рядом плинфу, чтоб сохранить кельму от разрушения под весом установленного поверх неё саркофага.

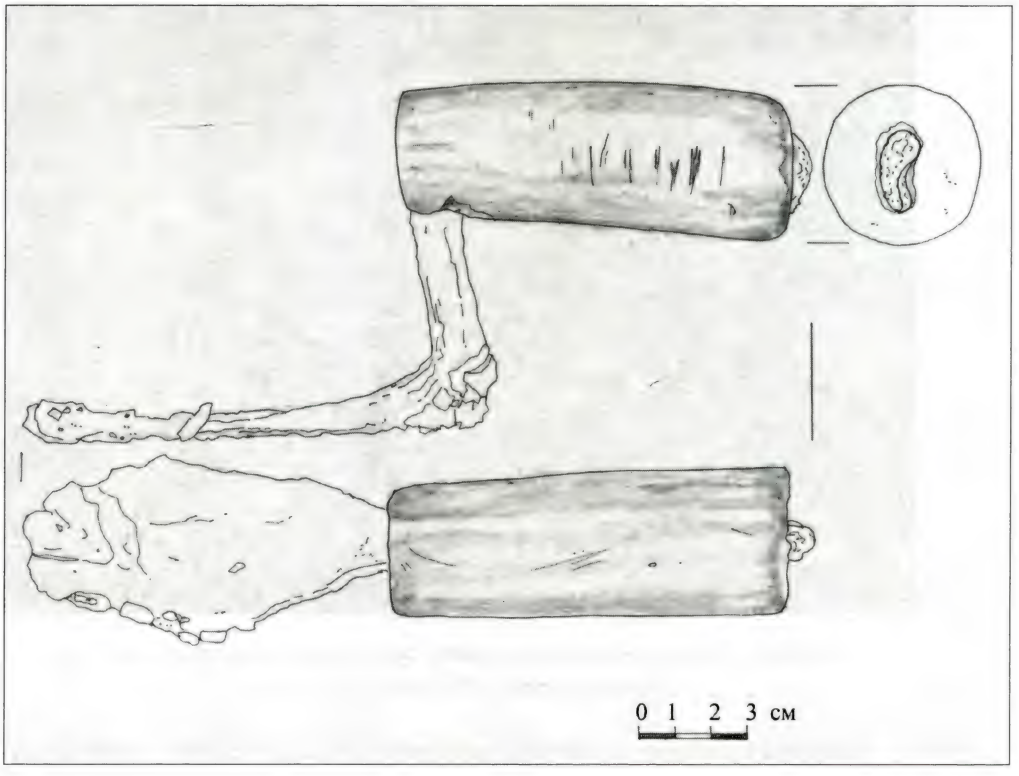
Ниже выступа с нишей обрез фундамент собора отвесно падает вниз, ко дну котлована, до глубины 2,94 м. Здесь, как и на остальных исследованных участках, фундамент состоит из подтёсанных блоков песчаника на цемяночном растворе. В верхней части (до глубины 1,8 м) его структура почти не прослеживается, поскольку поверхность покрывает плотный слой затирки. Ниже этого уровня хорошо фиксируются два ряда плитняка (их наличие отмечено и в 1923 г.[46]), под которыми кладка состоит из постелистых блоков песчаника различного размера. На глубине 3,05–3,10 м чётко прослеживается горизонтальный шов, отвечающий, вероятно, завершению отдельного строительного цикла. Ниже этого уровня фундамент слагается из булыги, залитой цемяночным раствором.

Кладку стены, отделявшей нартекс от наоса, удалось исследовать с южной стороны проёма, ведущего в южный неф, ниже уровня нынешнего пола

---

45 Холостенко Н. В. Исследования Спасского собора в Чернигове. — С. 8.

46 Макаренко М. Чернігівський Спас: Археологічні досліди р. 1923. — С. 38–39. — Рис. 34.



10. Чернигов. Спасо-Преображенский собор. Кельма (Шурф 1, 2012 г.)

(выше она закрыта современной штукатуркой). Как и в южной стене, до глубины 0,6 м кладку здесь образовывали слои плинфы. Ниже она слагалась из подтёсанных блоков песчаника.

Стена опирается на поперечную фундаментную ленту, примыкавшую к основанию южной стены Спасского собора, сложенному из постелистых подтёсанных блоков песчаника. Край ленты отвесно спускается вниз. Как и в фундаменте южной стены, в верхней части (примерно до глубины 1,80 м) кладку покрывает плотный слой затирки. Ниже фундамент сложен из обломков песчаника на цемяночном растворе.

Лента установлена на дне строительного котлована. Её основание находится на глубине 3,07–3,14 м, высота достигает 2 м. При этом высота поперечных фундаментных лент, раскрытых Н. В. Холостенко в наосе, составляет 1,1–1,2 м. Они заложены на ту же глубину, что и фундамент стен[47], т. е. значительно глубже, чем та лента, что исследована в 2012 г.

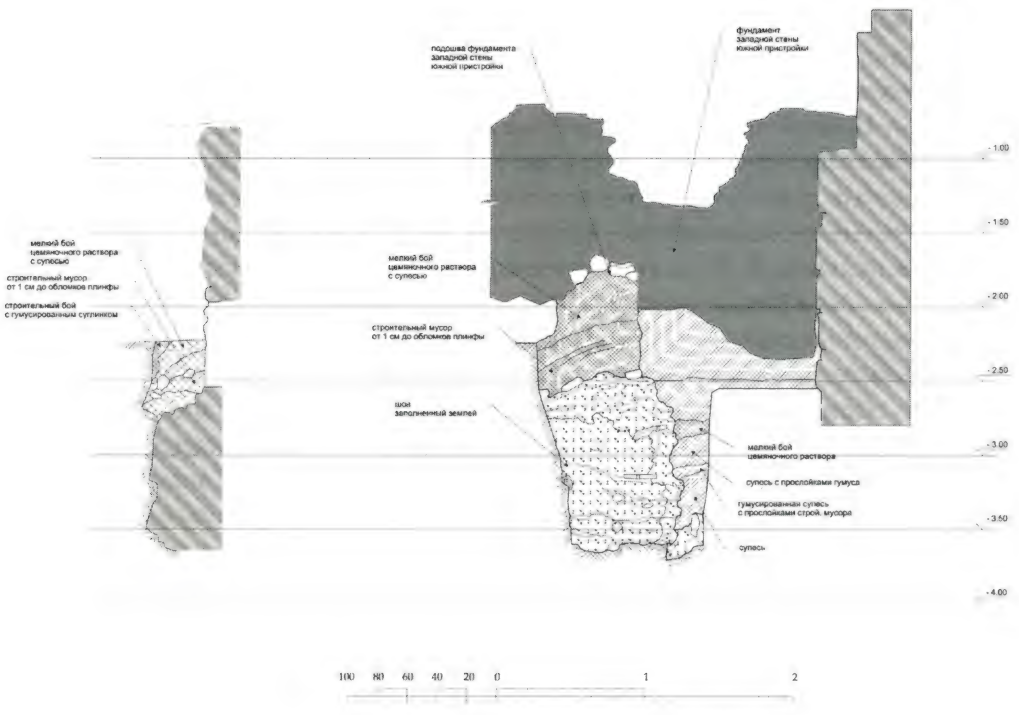
47 Холостенко Н. В. Исследования Спасского собора в Чернигове. — С. 11.

11. Чернигов. Спасо-Преображенский собор. Фундаментный ров южного портика в пределах южной капеллы (Раскоп 2, 2012 г.)

Заключая описание новых исследований Спасского собора, особо следует отметить и один элемент, оставшийся незамеченным в ходе предыдущих работ.

Речь идёт о следах южного притвора (или портика). Их удалось обнаружить во время исследования южной капеллы (раскоп 2, 2012 г.). В её внутреннем пространстве на уровне материка были выявлены остатки фундаментного ровика (рис. 11). Стенка ровика проходила параллельно западной стене капеллы, за 0,6–0,75 м от неё, и выходила за пределы пристройки.

Как оказалось, ровик впущен в материк ниже основания фундамента западной стены капеллы (рис. 12). Его стенки спускались вниз под небольшим углом. В верхней части заполнение ровика состояло из мелкого боя розового цемяночного раствора с супесью; в нижней части в заполнении встречались мелкие обломки плинфы, аналогичной той, что использована в нижней части стен Спасского собора. При этом цемянка, заполняющая ровик, по составу была схожа с растворами северной капеллы Спаса. Это может свидетельствовать о том, что строительство северной капеллы и южного притвора началось одновременно, вероятно — ещё на первом этапе строительства собора (до 1036 г.). По-видимому, строительство сооружения, фундаментный ровик которого удалось зафиксировать, было частью первоначального замысла зодчих, возводивших Спасский собор. Однако этот замысел, скорее



12. Чернигов. Спасо-Преображенский собор. Разрез фундаментного ровика южного притвора. Вид с запада (Раскоп 2, 2012 г.)

всего, остался нереализованным. В любом случае, на момент постройки южной капеллы этот компартимент уже не существовал.

К сожалению, полученная в 2012 г. информация не позволяет восстановить планировку ранней пристройки-притвора. Можно лишь утверждать, что в пределах южной капеллы другие его следы отсутствуют. Таким образом, открытый участок ровика, скорее всего, соответствует его восточной стене. В случае, если это — остатки притвора, то его продольные стены должны были располагаться симметрично по отношению к первоначальной центральной оси южного портала собора.

Подводя итоги исследованиям Спасо-Преображенского собора в 2012–2014 гг. можно отметить, что полученные результаты заставляют вновь задуматься о высказывавшихся ещё на рубеже XIX и XX вв. предположениях о малоазиатских или кавказских корнях строителей, начинавших возведение Спасо-Преображенского собора при жизни Мстислава Владимировича.

Напомним, что с самого начала изучения собора его либо связывали с «кавказско-малоазиатской школой» византийского зодчества, сравнивая с храмами Лыхни и Никеи, либо относили к столичной константинопольской

(«царьградской») школе. Первая точка зрения была наиболее последовательно сформулирована П. А. Лашкарёвым[48] и развита Г. К. Лукомским[49]. Сторонниками второй точки зрения выступали И. Э. Грабарь и Г. Г. Павлуцкий[50].

Н. И. Петров, подводя первые итоги изучения Спаса, в работах 1915[51], а также 1917[52] годов отстаивал идею оригинальности архитектурного плана собора и отличия его от древнерусских церквей Киева. Это своеобразие автор связывал с «кавказским» происхождением зодчих. Такого же мнения придерживался Ф. И. Шмидт, утверждая, что ближайшим аналогом Спаса была церковь в Мокви (Абхазия). Он считал, что «не из далёкого Константинополя выписывал Мстислав нужных ему зодчих, а от своих непосредственных кавказских соседей»[53].

Однако впоследствии в литературе утвердилась точка зрения И. Э. Грабаря о принадлежности Спасского собора столично-константинопольской школе. Наиболее детально она была обоснована А. И. Комечем[54]. Кавказские аналоги черниговскому храму он объяснял синкретичным характером византийской столичной архитектуры[55].

Тем не менее, последние исследования памятника показали, что всё же представляется уместным вернуться к точке зрения на Спасский собор в Чернигове, высказанной ещё Г. К. Лукомским, отмечавшим, что «по своему плану и замыслу Черниговский Спас никоим образом не связан с константинопольским зодчеством, но имеет ближайшие аналогии в Абхазии и на Кубани»[56].

Все без исключения исследователи Спасского собора обращали внимание на его противоречивые архитектурные формы. Причина кроется, возможно, в самой истории строительства. Как уже указывалось, Мстис-

---

48 Лашкарёв П. А. Церкви Чернигова и Новгород-Северского // Труды XI Археологического съезда в Киеве. — Т. 2. — Москва, 1902. — С. 151.

49 Лукомський Г. К. О происхождении форм древнерусского зодчества Чернигова. — Санкт-Петербург, 1912.

50 История русской архитектуры. — Т. 1: Допетровская эпоха. — Москва, 1910. — С. 6, 156–158.

51 Петров Н. Черниговское церковное зодчество XI–XII вв. — Чернигов, 1915. — С. 3–43.

52 Петров Н. И. Черниговский Спасо-Преображенский собор и его архитектурные особенности // Труды Киевской духовной академии. — Т. XXIII, кн. 1. — К., 1917. — С. 183–195.

53 Шмит Ф. И. Искусство древней Руси-Украины — Харьков, 1919. — С. 32.

54 Комеч А. И. Спасо-Преображенский собор в Чернигове. — С. 9–26; Его же. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. — С. 134–168; Его же. Об особенностях пространственной структуры Спасо-Преображенского собора в Чернигове // От Царьграда до Белого моря: Сборник статей по средневековому искусству в честь Э. С. Смирновой. — Москва, 2007. — С. 161–182.

55 Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. — С. 177–178.

56 Лукомский Г. К. О происхождении форм древнерусского зодчества Чернигова. — Санкт-Петербург, 1912. — С. 12–16.

лав не успел завершить постройку. При его жизни стены возвели лишь на небольшую высоту. После смерти князя строительство было прервано и, вероятно, продолжилось только через несколько лет. Причём при возобновлении работ первоначальный замысел зодчего, по всей видимости, был изменён. Если в плане собора заложена структура купольной базилики, то в итоге был возведён не базиликальный, а крестовокупольный храм типа вписанного креста. Всё же некоторые черты базиликальности ему придают широко расставленные между подкупольными пилонами крещатой формы круглые колонны опор 2-го яруса, образующие в интерьере тройные аркады. Кстати, именно это обстоятельство заставляло А. И. Комеча видеть сходство между плановыми структурами основного ядра Десятинной церкви и Спасского собора. Правда, при этом он считал, что и первая, и второй изначально задумывались и возводились как крестовокупольные храмы, ориентированные на промежуточный типологический вариант, воплощённый в памятниках византийских провинций в Малой Азии (Дере-Агзы) и Кавказа (храм в Мокви)[57].

Наличие мощных фундаментных платформ под апсидами самого собора и небольшой капеллы, пристроенной к его северо-восточному углу, совершенно аналогичных фундаментной платформе под апсидой первого возведённого Мстиславом храма — церкви в его причерноморских владениях — Тмутаракани (рис. 13)[58], заставляет говорить о том, что мастера, строившие её, оказались и в составе черниговской артели князя. О малоазиатских или кавказских корнях творцов Спасского собора заставляет говорить и привычка к преимущественному использованию постелистых блоков камня в нижних частях северной капеллы, и самого собора, напоминающая кладку таких памятников, как Чанлыкилисе в Анатолии, церкви в Лыхнах в Абхазии и, особенно, храмов Архызского городища в Карачаево-Черкесии[59]. В этих памятниках плинфа используется лишь в самых ответственных частях — арках, сводах или на интерьерной плоскости стен (рис. 14). С подобным почерком мы сталкиваемся и в нижних частях Спасского собора.

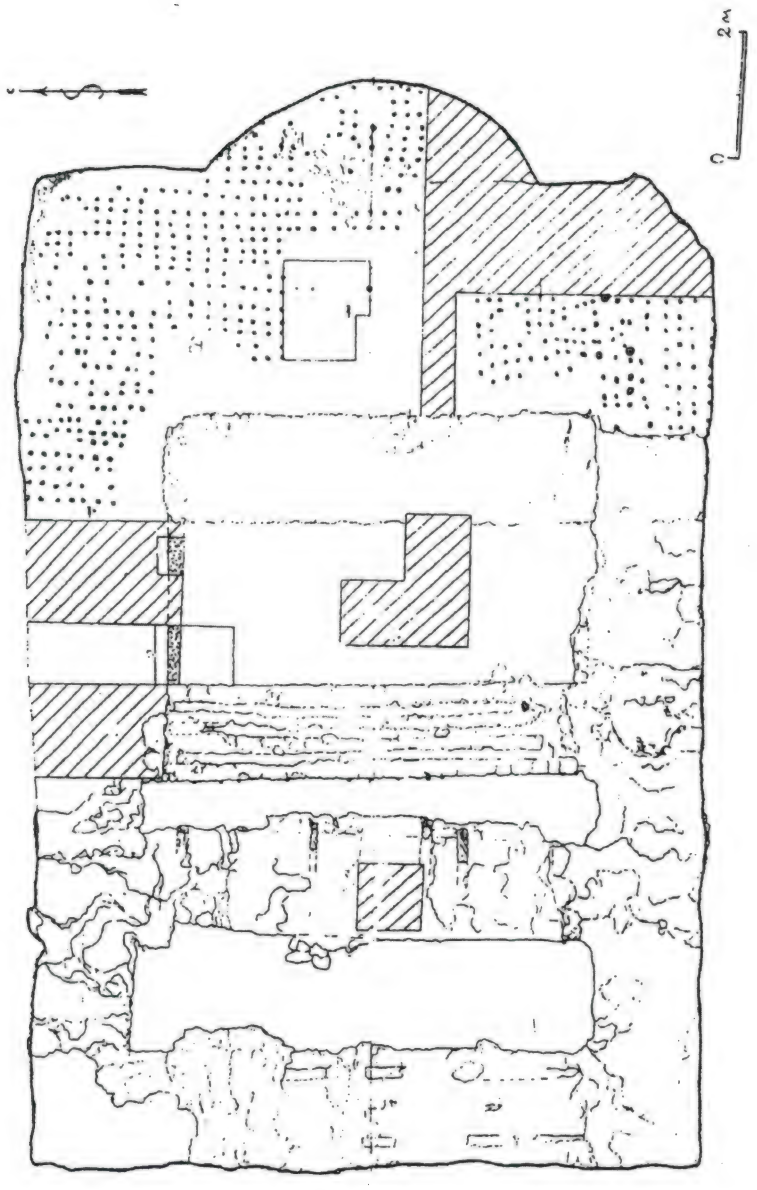
Как показали новые исследования, толстый растворный шов между плинфяными рядами кладки в нижних частях стен Спаса, до сих пор воспринимавшийся исследователями как скрытый ряд, на самом деле таковым

---

57 Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. — С. 134–168, 175.

58 Макарова Т. И. Церковь Св. Богородицы в Тмутаракани // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Вып. XI. — Симферополь, 2005. — С. 377–405.

59 Хрушкова Л. Г. Лыхны: средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. — Москва, 1998. — С. 57–61; Ousterhout R. A Byzantine Settlement in Cappadocia // Dumbarton Oaks Studies. — Vol. 42. — Washington, 2005. — P. 15–76; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты — древнейшие храмы России. — Москва, 2011.



13. Церковь Богородицы в Тмутаракани. План (По Т.И. Макаровой)

14. Чанлыкилисе. Церковь

не является. Он представляет собой равный по толщине кирпичу слой цемянки, заставляющий вспомнить кладку таких малоазиатских памятников, как Чанлыкилисе и пристроек XI в. к церкви Успения в Никее[60].

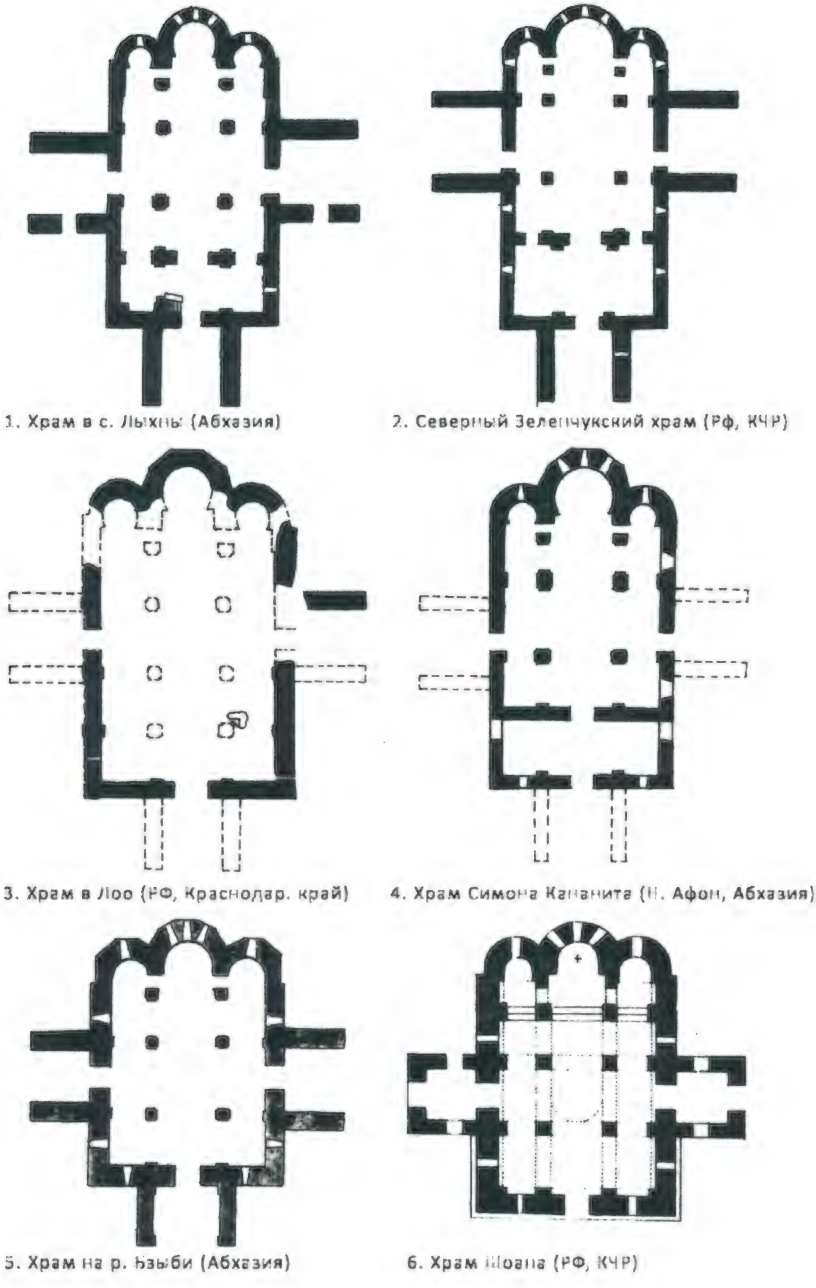
В верхних частях Спасского собора характер кладки существенно меняется и заставляет вспомнить уже константинопольские памятники и Софийский собор в Киеве. О тяготении к этим же традициям говорят и сами пластика и декоративное решение плоскости стен в верхних частях собора.

Как справедливо отмечал А. И. Комеч, само по себе несоответствие ритма ниш нижнего и верхних ярусов храма не может служить доказательством изменения замысла строительства[61]. Такой же приём применён в церкви Чанлыкилисе в Анатолии, служившей прототипом и северокавказских памятников, и Спасского собора[62]. Однако изменение как характера кладки, так и пластики стен на высоте «выше всадника, стоящего на коне» (т. е. — выше отметки, до которой, согласно летописи, успели выстроить собор к мо-

60 Оустерхаут Р. Византийские строители. — К.; Москва, 2005. — С. 185–187.

61 Комеч А. И. Архитектура конца X — середины XI века. — С. 140.

62 Ousterhout R. A Byzantine Settlement in Cappadocia. — P. 15–76.



15. Планы храмов IX–X вв. в Алании и Абхазии (по Д. Чачхалиа)

менту смерти Мстислава в 1036 г.), свидетельствует, что храм могли достраивать уже другие мастера, прошедшие школу на возведении Софии Киевской.

Вполне возможно, что Спасский собор в Чернигове, изначально задуманный мастерами Мстислава как купольная базилика, в итоге был возведён уже другими зодчими как крестово-купольный храм. При этом мастера Мстислава, начиная строительство в Чернигове, ориентировались на архитектуру Малой Азии или Северного Кавказа.

В то же время, храмы Алании и Абхазии, из круга которых, судя по всему, вышли Мстиславовы зодчие, в своей плановой структуре содержат то же противоречие, что и Спасский собор. Базиликально ориентированные, они, тем не менее, всё же принадлежат к типу вписанного креста (церковь Ахаш-ныха в с. Алахадзы, храм на реке Бзыбь, храм Симона Кананита в Новом Афоне, церковь в Лыхнах (Абхазия); аланские храмы — Северный Зеленчукский на городище Архыз, Шоанинский в Карачаево-Черкесии, церковь в Лоо в окрестностях Сочи) (рис. 15).

Таким образом, исследования последних лет не только заставили по-иному взглянуть на устоявшиеся точки зрения на проблему истоков архитектуры Спасского собора в Чернигове, но и вернуться к некоторым, уже высказывавшимся в начале XX в., мнениям на эту тему.

Н. И. Храпунов

Между Византией и Русью: история и археология Крыма глазами интеллектуалов конца XVIII — начала XIX века

Одним из результатов «покоренья Крыма» Россией в 1783 г. стал общественный интерес к полуострову, его современному состоянию и историко-культурному наследию. Регион, долгое время находившийся на периферии общественного сознания, который Монтескье считал самым неизвестным местом в Европе[1], внезапно очутился в центре внимания всего континента. Российское правительство организовало широкомасштабное изучение природных богатств, прошлого и настоящего новой провинции империи[2]. Западноевропейские политики задумались об изменении международного баланса сил и об открывавшихся в Причерноморье экономических возможностях[3]. Крым превратился в составную часть «большого путешествия» («grand tour»), предпринимавшегося образованными европейцами в поисках практических знаний и для подготовки к карьере, а иногда даже из простого любопытства[4]. Для большинства путешественников и исследователей прошлое Крыма представляло собой увлекательную загадку, которую только предстояло разгадать. Поначалу основное внимание уделяли античному наследию Крыма, в ущерб его средневековой истории[5].

---

1 Монтескье Ш. Л. О духе законов / Пер. А. В. Матешук. — Москва, 1999. — С. 121–122.

2 Ена В. Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В. Открыватели земли Крымской. — Симферополь, 2007. — С. 71–102; Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). — Санкт-Петербург, 2002. — С. 39–60.

3 Черкасов П. П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. — 2-е изд. — Москва, 2004. — С. 216–240, 279–281; Мезин С. А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. — 2002. — № 10. — С. 154–155; Ададуров В. «Наполеоніда» на Сході Європи: Уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних окраїн Російської імперії на початку XIX ст. — Львів, 2007.

4 См., напр., известный труд А. И. Маркевича, в котором указаны десятки опубликованных травелогов этого времени: Маркевич А. И. Taurica: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще // Известия Таврической учёной архивной комиссии. — 1894. — № 20. — С. 104–160; 1898. — № 28 [Отд. II]. — С. 17–24; 1902. — № 32–33. — С. 58–62.

5 Характерны слова знаменитого британского путешественника Эдварда Даниэля Кларка (1800 г.): «Мы стоим по колено в древностях, обломав ноги о поучительные мраморы, которые многие

Но среди немногих средневековых сюжетов, рассматривавшихся в это время, особое место занимало осмысление роли Крыма во взаимоотношениях Византии и Древней Руси, взаимоотношениях, которые являются предметом особенного интереса Глеба Юрьевича Ивакина. Надеюсь, что попытка рассказать о том, как начиналось изучение византийского прошлого Крыма, и как это прошлое осмысливалось с точки зрения политической идеологии, окажется небезынтересной для юбиляра.

В конце XVIII — начале XIX в. скудные сведения письменных источников стали связывать с сохранившимися в Крыму многочисленными материальными памятниками прошлого. Этим занялись не только профессиональные историки, но и путешественники, исследователи-энциклопедисты, литераторы, шпионы и просто образованные люди. Их труды сделали полуостров широко известным по всей Европе, соответствующим образом формируя определённое общественное мнение. Разумеется, русские идеологи пытались использовать византийское наследие Крыма как аргумент, оправдывающий южную экспансию России, претендовавшей, в частности, на роль «защитника христиан», к тому же в прошлом — владельца Крымского полуострова[6]. Но, конечно, большинство исследователей и путешественников искренне хотели понять историю региона, прежде совершенно неизвестную. В этой статье речь пойдёт о нескольких сюжетах, демонстрирующих особенности изучения и интерпретации памятников прошлого в конце эпохи Просвещения, причём «учёные заблуждения» нередко куда более показательны, чем корректные с нашей нынешней точки зрения умозаключения. Нельзя сказать, что разные истории и травелоги (записки путешественников) образуют единую традицию понимания крымской истории — наоборот, путешественники зачастую дискутируют друг с другом, потому их сочинения отражают различные способы восприятия прошлого Крыма, древнерусского и византийского наследия, предложенные европейскими интеллектуалами. В эпоху, когда травелоги были главнейшим источником, откуда образованная публика черпала информацию о дальних странах, описания Крыма сформировали исключительно стойкие традиции

годы, вплоть до нашего прибытия, беседовали лишь с жабами и ящерицами. Никогда я не был настолько очарован путешествием, как сейчас. Может ли Греция быть интересней тех стран, где сохранились основы её первых колоний, в которых мы роемся?» (см.: Otter W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke, Professor of Mineralogy in the University of Cambridge. — New York, 1827. — P. 292).

6 Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX в. — Москва, 2004. — С. 100–120; Гончарова О. М. Крым как Византия (вторая половина XVIII в.) // Крымский текст в русской культуре. — Санкт-Петербург, 2008. — С. 13–22.

понимания полуострова и его места в истории и политике, нередко доживающие до настоящего времени[7].

Записки путешественников — явление настолько разнообразное, что невозможно свести его к какому-то одному жанру, ведь среди них встречаются, например, энциклопедические описания провинций и нередактированные дневники, подборки писем и вымышленные путешествия. Вряд ли получится отыскать чёткую грань, отделяющую травелоги от научных трудов и художественной литературы[8]. Потому при их изучении используется инструментарий, разрабатываемый не только исторической наукой, но и литературоведением, политологией, культурологией. Накопленная к настоящему времени историография настолько обильна, что полностью описать её, по существу, невозможно. Формирование современной методики изучения травелогов в «западной» науке обычно связывают с тремя классическими англоязычными работами Э. В. Саида, Б. Андерсона и Л. Вульфа[9]. Развивая и корректируя предложенные ими идеи и подходы, исследователи изучают разнообразные общие и частные проблемы, которые обычно относят к области «исторической имагологии» и «воображаемой географии», то есть восприятию и изображению мира, разделённого на «свою» и «чужую» зоны, которые одновременно отрицают и дополняют друг друга[10]. В последние годы на русском языке издан целый ряд работ, чьи авторы успешно используют указанный инструментарий[11]. Заметим, что многие

---

7 Напр.: Зорин А. Крым в истории русского самосознания // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 31; Jobst K. The Crimea as a Russian Mythical Landscape (From the 18th Century to the First World War). A Framework for Research // Mythical Landscapes Then and Now: The Mystification of Landscapes in Search for National Identity. — Yerevan, 2006.

8 См.: Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий, 1790–1840 / Пер. Л. Соловьёв. — Санкт-Петербург, 2004.

9 Саид Э. В. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. А. В. Говорунов. — Москва, 2006; Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. В. Г. Николаев. — Москва, 2001; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. И. Федюкин. — Москва, 2003. Отметим, что некоторые предложенные здесь подходы использовались в вышедшей ранее книге немецкого исследователя Д. Гро, которая, однако, не привлекла особенного внимания англоязычной историографии (см.: Groh D. Rußland und das Selbstverständnis Europas: Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. — Neuwied; Berlin, 1961).

10 Eisner R. Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. — Ann Arbor, 1993; Нойманн И. Б. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. В. Б. Литвинов, И. А. Пильщиков. — Москва, 2004; Offord D. Journeys to a Graveyard: Perceptions of Europe in Classical Russian Travel Writing. — Dordrecht, 2005; Rubiés J.-P. Travellers and Cosmographers: Studies in the History of Early Modern Travel and Ethnology. — Aldershot, 2007; Todorova M. Imagining the Balkans. — Oxford University Press, 2009 и др.

11 Строев А. Россия глазами французов XVIII — начала XIX в. // Логос 1991–2005: Избранное. — Т. 2. — Москва, 2006; Эткинд А. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и ин-

идеи, воспринимаемые сегодня как достижения «западноевропейской» науки, независимо от неё разрабатывались исследователями, жившими в Российской империи и Советском Союзе. Путешественникам была посвящена первая напечатанная работа В. О. Ключевского[12]. На примере Георгиевского монастыря близ Севастополя А. Л. Бертье-Делагард продемонстрировал, что травелоги могли быть источником важной археологической информации, но также и способствовали распространению ошибочных сведений[13]. Востоковеды В. Р. Розен, В. В. Бартольд и другие критиковали существовавшие в Западной Европе представления о «Востоке», предвосхитив многие идеи современных «постколониальных» исследований[14]. В украинской историографии выделяются монографии Д. С. Наливайко и А. П. Толочко, демонстрирующие как информативный потенциал травелогов, так и возможности использования современной методики их исследования[15]. Что же касается «крымоведения», сегодня в ряде работ травелоги используются преимущественно как источник конкретных фактов, характеризующих историю, археологию и этнографию полуострова[16], в других же больше внимания уделяется происхождению и функционированию идей, образов и стереотипов[17]. Разумеется, разработанный для изучения травелогов инструмента-

---

тертекстах. — Москва, 2001; Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX в. — Москва, 2010; Смекалина В. В. Русские путешественники в Швейцарии во второй половине XVIII — первой половине XIX в. — Москва, 2015.

12 Ключевский В. Сказания иностранцев о Московском государстве. — Москва, 1866.

13 Бертье-Делагард А. Л. К истории христианства в Крыму // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. — Т. XXVIII. — Одесса, 1910.

14 Тольц В. «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. — Москва, 2013. — С. 87–178.

15 Наливайко Д. Очима Заходу: Рецепції України в Західній Європі XI–XVIII ст. — К., 1998; Толочко А. Киевская Русь и Малороссия в XIX в. — К., 2012.

16 Работы по истории науки: Тункина И. В. Русская наука о классических древностях...; Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI — начало XX в.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Вып. 3. — Симферополь, 2008; Шаманаев А. В. Путешествия в Крым Екатерины II и Александра I и становление системы сохранения исторического наследия Северного Причерноморья // Известия Уральского федерального университета: Сер. 2: Гуманитарные науки. — 2014. — № 3; Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII — начала XIX в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — 2011. — Вып. XVII; Его же. Некоторые новые данные о начале исследований городища Керменчик — предполагаемого скифского Неаполя // Археология и история Крыма. — Вып. 2. — Симферополь, 2015. Прочие труды: Kizilov M. Karaites through the Travelers' Eyes: Ethnic History, Traditional Culture and Everyday Life of the Crimean Karaites according to the Descriptions of the Travelers. — Simferopol'; Warsaw, 2003; Мальгин А. Русская Ривьера: Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи: Конец XVIII — начало XX в. — Симферополь, 2014.

17 Формозов А. А. Пушкин и древности. — Москва, 2000; Шаманаев А. В. Образ Херсона (Корсуни) как русской религиозной святыни в XVIII–XIX вв. // Символ в религии и философии. — Севастополь, 2005; Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю

рий имеет свои ограничения. Так, принципиально невозможно определить степень субъективности анализируемого сочинения. Кроме того, аналитик, если речь заходит об идеях, а не о чём-то материальном вроде «формы и количества», всегда будет субъективен в отборе источников и аналогий, выборе конкретных методов, а также оценке результатов своего анализа[18]. В любом случае, изучение травелогов (и шире, литературы, повествующей о «других» странах и народах) требует комплексного использования филологических и исторических методов, и будет бессмысленным без понимания исторических, археологических, этнографических реалий описываемого региона[19].

В марте 1783 г., когда подготовка присоединения Крыма была в самом разгаре, Екатерина II работала над «Записками касательно российской истории», а именно над той их частью, которая рассказывала о жизни и деятельности киевского князя Владимира. Этот литературный проект, начатый годом ранее, должен был суммировать взгляды императрицы на русскую историю как урок для нынешней России и как материал для обучения подрастающего поколения[20]. Екатерина видела во Владимире своего предтечу — «просветителя России». Фигура киевского князя позволяла показать, что российская история начиналась отнюдь не с Петра I, и потому использовалась в важнейшем для императрицы переосмыслении образа Петра в интересах текущего политического момента. Одновременно Владимир интерпретировался как участник «большой игры», интересы которого простирались далеко за пределы своей страны. В частности, его власть над Полоцким княжеством и территорией Литвы обосновывали претензии России на польские земли — здесь мы находим, конечно же, очевидную параллель с Причерноморьем[21]. Кульминацией истории Владимира было его крещение. Это событие Екатерина рассматривала как приобщение русских к цивилизации и тем самым доказательство их преемственности от греков, что, в свою оче-

---

Крыма // Известия Уральского федерального университета: Сер. 2: Гуманитарные науки. — 2015. — № 4; Храпунов Н. И. Эдвард-Даньел Кларк о крымских древностях: как сделать археологию орудием идеологии // Боспорские чтения. — Вып. XVII: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Исследователи и исследования. — Керчь, 2016.

[18] См.: Миллер А. Предисловие // Вульф Л. Изобретая Восточную Европу... — С. 6–8; Forum AI: Андрей Зорин. Кормя двуглавого орла... // Ab Imperio. — 2002. — № 1.

[19] Земсков В. Образ России в современном мире и другие сюжеты. — Москва; Санкт-Петербург, 2015. — С. 11–27.

[20] Шарф К. Екатерина II, Германия и немцы / Пер. Д. Сдвижков, И. Ширле. — Москва, 2015. — С. 217–222, 232.

[21] Rasmussen K. Catherine II and the Image of Peter I // Slavic Review. — 1978. — Vol. 37. — № 1. — P. 58–60; Шарф К. Екатерина II... — С. 245–247.

редь, позволяло России как наследнице и защитнице Греции строить планы на изгнание турок из Европы и «возрождение» Византийской империи[22].

Древнерусская летопись — основной тогда источник о крещении Руси — не уточняла, где находится «град греческий» Корсунь, в котором крестился Владимир[23]. Исторический Херсон (античный Херсонес) запустел и был оставлен жителями в XV в.[24], а его окрестности (нынешний Гераклейский полуостров) превратились в сезонное пастбище, где не было постоянного населения. Крымские татары называли развалины Херсона «Жёлтой Крепостью» (Сары-Кермен), поскольку стены его сложены были из желтоватого известняка[25]. Описывая крещение Владимира, Екатерина II понимала, что точное местоположение летописной Корсуни оставалось неизвестным[26]. Путешественники, военные картографы и кабинетные исследователи XVIII в. предлагали следующие варианты локализации древнего города: 1) на месте Кафы (Феодосии) в Восточном Крыму[27]; 2) в Кезлеве (Евпатории) на западе полуострова[28]; 3) на юго-западной оконечности полуострова, то есть там, где город находился по современным представлениям[29]; 4) за пределами Крыма,

---

22 Зорин А. Л. Вольтер и восточная политика Екатерины II // Вольтер и Россия. — Москва, 1999. — С. 107–108; Его же. Кормя двуглавого орла... — С. 36–37.

23 Повесть временных лет / Ред. Д. С. Лихачёв, В. П. Адрианова-Перетц. — 2-е изд. — Санкт-Петербург, 1996. — С. 49–52. Изучение истории крещения Владимира породило колоссальную историографию. Основные итоги исследования вопроса см.: Франклин С., Шепард Д. Начало Руси, 750–1200 / Пер. Д. М. Буланин, Н. Л. Лужецкая. — Санкт-Петербург, 2009. — С. 260–263; о реконструкции событий по письменным источникам: Оболенский Д. Д. Херсон и крещение Руси: против пересмотра традиционной точки зрения / Пер. А. А. Чекалова // Византийский временник. — 1994. — Т. 55. — Ч. 1; об археологических материалах, которые можно связать с ними: Сазанов А. В. Когда же Владимир взял Корсунь? Споры о датах // Русский исторический сборник: Средневековый Херсон X–XI вв. — Москва, 2015.

24 Крымский Херсонес: Город, хора, музей и окрестности / Ред. Г. Р. Мак, Дж. К. Картер. — [Остин; Севастополь,] 2003. — С. 39–43.

25 Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области / Пер Е. В. Бахревский. — Симферополь, 2008. — С. 67–68; Кёппен П. Крымский сборник: О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. — Санкт-Петербург, 1837. — С. 231, прим. 340; Dubois de Montpéreux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. — T. 6. — Paris, 1843. — P. 133–134.

26 Записки касательно российской истории. Сочинение государыни Екатерины II. — Ч. I. — Санкт-Петербург, 1801. — С. 124–125, прим. 9.

27 Ломоносов М. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. — Санкт-Петербург, 1766. — С. 115–118; Щербатов М. История российская от древнейших времён. — Т. I. — Санкт-Петербург, 1770. — С. 259–263.

28 D'Anville. Géographie ancienne abrégée. Nouvelle edition. — Paris, 1769. — P. 90; De Peyssonnel. Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube & du Pont-Euxine. — Paris, 1765. — P. 87–89.

29 Тункина И. В. Русская наука о классических древностях... — С. 480–485. — Рис. 120–125. По-видимому, так же считал и Г. З. Байер (см.: Краткое описание всех случаев касающихся до Азова

в устье Днепра[30]. Императрица избрала последнюю версию, вероятно потому, что она была предложена В. Н. Татищевым, труд которого пользовался особым её уважением[31]. Несколько ранее, в 1775 г., Екатерина II дала имя Херсона новому городу, каковой решили возвести на Нижнем Днепре, недалеко от того места, на которое указывал В. Н. Татищев[32]. Неизвестно, руководствовалась ли она в этот момент наблюдениями историка или политической целесообразностью[33]. Как бы то ни было, события 1783 г. заставили Екатерину пересмотреть свои взгляды на место крещения её далёкого предшественника на троне.

Уже через год, утверждая герб созданной на месте бывшего Крымского ханства Таврической области, императрица включила в него символы крещения Владимира: «*В золотом поле двуглавый орёл, в груди оного в голубом поле золотой восьмиконечный крест, означающий, что крещение во всей России чрез Херсонес произошло*»[34]. Таким образом, официально у российских властей не осталось сомнений в том, что крещение Владимира случилось именно на полуострове. Герб новой провинции демонстрировал роль Крыма как посредника между Византией и Русью, «передавшего» христианство с юга на север, и потому — законного владения Российской империи.

Всесильный правитель Юга России Г. А. Потёмкин изначально считал Крым «источником нашего христианства, а потому и людскости»[35], в силу

от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу / Пер. И. Г. Тауберт. — Санкт-Петербург, 1782. — С. 7, 12, 19, 46).

30 Татищев В. Н. Собрание сочинений. — Т. II/III: История российская. — Ч. 2. — Москва, 1995. — С. 60–62, 232, прим 182.

31 Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей. — Т. II. — Санкт-Петербург, 1906. — С. 612. Любопытно, что в вопросе о Корсуни императрица была не вполне последовательной — при описании договора Руси и Византии 945 г. она определённо связала «корсунские места» с Крымом (см.: Записки касательно российской истории. — С. 56 и прим. 6). Впрочем, точно так же писал и В. Н. Татищев (см.: Собрание сочинений. — Т. II/III. — С. 42–43, 220, прим. 112), несомненно, бывший источником для Екатерины II и в этой части.

32 Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел // Сборник Императорского русского исторического общества. — Т. 27. — 1880. — С. 51.

33 Идеологический смысл этого названия недвусмысленно раскрывается в указе о создании Славянской и Херсонской епархии (см.: Полное собрание законов Российской империи. — Т. XX. — Санкт-Петербург, 1830. — С. 206–207).

34 Полное собрание законов Российской империи. — Т. XXII. — Санкт-Петербург, 1830. — С. 69. «Херсонес» здесь означает, конечно, Крымский полуостров, согласно античной традиции (см.: Храпунов Н. И. О древнем названии города: Херсонес Таврический или Херсонес в Таврике? // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Вып. XII. — Ч. 2. — 2006).

35 Екатерина II и Г. А. Потёмкин: Личная переписка, 1769–1791 / Подгот. В. С. Лопатин. — Москва, 1997. — С. 180. Возможно, Г. А. Потёмкина убедил меморандум одного из его приближённых, составленный предположительно в конце 1770-х гг., в котором предлагался план присоедине-

чего хорошо понимал, какой символический капитал можно приобрести, отыскав самое место крещения князя Владимира. Теоретические разыскания по этому вопросу он поручил отставному архиепископу славянскому и херсонскому Евгению (Булгари), известному учёному, знавшему древние языки. Практические же поиски городища были доверены полковнику Бальдани и таврическому вице-губернатору Карлу Габлицу. Все трое вскоре отыскали убедительные доказательства того, что древний Херсон располагался в юго-западной части Крыма[36]. Кажется, Г. А. Потёмкин сообразил, что произошло «раздвоение» Херсона: в письме к Екатерине II от 13 июня 1783 г. он говорит, что «Херсон Ахтиярский», то есть Севастополь, по праву заслуживает звания третьей столицы империи[37]. Очевидно, к этому моменту он понимал, что историческая Корсунь находилась в Крыму, а новый Херсон — на Днепре. Вышедшая из окружения Потёмкина в 1785 или 1786 гг. «Краткая идея об укреплении севастопольского пристанища» (для Черноморского флота) сообщает: «*Ближайший* [...] *к Севастополю залив есть Херсонесский, получивший себе звание от города Херсона, где надобно думать, что наш великий князь Владимир восприял св. крещение*»[38]. О том же писали в официальной программе готовящейся поездки Екатерины II в её южные владения[39]. Однако учёное заблуждение оказалось стойким. В 1784 г. француз Шарль де Бар утверждал, что видел в Феодосии «*церковь, где крестился Владимир, великий князь русский, которую турки обратили в мечеть*»[40]. Так научная гипотеза приобрела

ния и интеграции Крыма, в частности, утверждавший (несомненно, под влиянием кого-то из отмеченных выше историков), что крещение Владимира произошло именно в Кафе (см.: Вернадский Г. В. Записки о необходимости присоединения Крыма к России (из Тавельского архива В. С. Попова) // Известия Таврической учёной архивной комиссии. — 1919. — № 56. — С. 112, 120).

36 Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / Пер. К. И. Раткевич. — Ленинград, 1941. — С. 29; Sestrencewicz de Bohusz S. Histoire de la Tauride. — Т. 1. — Brunswick, 1800. — P. 304, note 1 (русс. пер.: Сестренцевич-Богуш С. История о Таврии [История царства Херсонеса Таврийского]. — Т. 1. — Санкт-Петербург, 1806. — С. 340, прим. 1); О следах древнего греческого города Херсона, доныне видимых в Крыму // Отечественные записки. — 1822. — № 22. — С. 145–155. См. также: Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Российского государства в 1793–1794 годах / Пер. А. Л. Бертье-Делагард, С. Л. Белявская. — Москва, 1999. — С. 47–48.

37 Екатерина II и Г. А. Потёмкин: Личная переписка... — С. 172.

38 Бобринский А. Херсонес Таврический: Исторический очерк. — Санкт-Петербург, 1905. — С. 172; Овчинников В. Д. Адмирал Ф. Ф. Ушаков: влияние деятельности на строительство отечественного флота и развитие военно-морского искусства (вторая половина XVIII — начало XIX в.): Прилож. к дисс. ... д-ра ист. наук. — Москва, 2014. — С. 28–29.

39 Путешествие ея императорского величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году. — [Санкт-Петербург,] 1786. — С. 74–75.

40 [Baert Ch. A. de.]. Mémoire extrait du journal d'un voyage fait, au printems de 1784, dans la partie méridionale de la Russie // Voyages historiques et géographiques dans les pays situés entre la Mer Noire

материальное обрамление. Другие путешественники и историки или продолжали держаться за «феодосийскую локализацию» крещения Владимира, или же пытались примирить «херсонесскую» и «кафинскую» версии[41]. Своеобразным памятником научных и идеологических проектов екатерининской эпохи стало «великое перемещение названий»[42]. В частности, поскольку имя древнего Херсона получил нынешний областной центр на Нижнем Днепре, название для базы Черноморского флота, возводившейся близ развалин Корсуни, пришлось искать в Восточном Причерноморье, позаимствовав его у римского Севастополя — нынешнего Сухума[43].

Размышления о крещении Владимира в Крыму неожиданно оказались связанными с одной группой археологических памятников, представлявшихся людям эпохи Просвещения явлением загадочным. Речь идёт о так называемых «пещерных городах» и «пещерных монастырях». Крымские горы, расположенные в южной части полуострова, сложены из известняков, которые легко позволяют создавать искусственные пещеры. Сегодня там известны десятки «пещерных» памятников, относимых исследователями к византийскому времени[44]. По современным представлениям, при императоре Юстиниане I и его преемниках на горных вершинах под руководством византийских инженеров соорудили несколько крепостей, защищавших местное население и подступы к главной твердыне империи в Северном Причерноморье — Херсону. Искусственные пещеры не использовались для жилья, но были, например, наблюдательными постами, казематами или складами и хлевами в усадьбах местных жителей. Впоследствии, в иконоборческое время, или, что вероятнее, ещё позже, в регионе появились монастыри, полностью состоявшие из помещений, высеченных

---

et la Mer Caspienne... — Paris, 1798. — P. 23 (русс. пер.: Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Вып. XX. — 2015. — С. 408).

41 Clerc [N. G. Le]. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne. — T. I. — Paris, 1783. — P. 125–127; Levesque P.-Ch. Histoire de Russie. — T. I. — Hambourg; Brunswick, 1800. — P. 160 (= Левек [П.-Ш.]. Российская история. — Москва, 1787. — С. 126–127); Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. — Москва, 1800. — С. 33; Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795–6, Through the Taurida, Or Crimea... — London, 1802. — P. 104, 142–143; [Castelnau G. De]. Essai sur l'histoire ancienne et modern de la Nouvelle Russie. — T. I. — Paris, 1820. — P. 115–117.

42 О политике наименования причерноморских городов см.: Unbegaun B. Les noms des villes russes: la mode slavonne // Revue des études slaves. — 1936. — T. 16. — Fasc. 1–2; Idem. Les noms des villes russes: la mode grecque // Ibid. — Fasc. 3–4.

43 См.: Качарава Д. Д., Квирквелия Д. Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи (малый энциклопедический справочник). — Тбилиси, 1991. — С. 86–87, 234.

44 Могаричев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. — Симферополь, 1997; Его же. «Пещерные города» в Крыму. — Симферополь, 2005.

в скалах, как правило, на большой высоте. Некоторые из этих монастырей связаны с «пещерными городами», а потому все памятники вместе нередко рассматривали как возникшие в одно время и при одних обстоятельствах. Поскольку письменных источников, рассказывающих о ранней истории этих объектов, сохранилось очень мало, в XVIII в. их происхождение представляло собой загадку, из-за чего возникали самые необыкновенные фантазии. Например, согласно распространённому мнению, некогда уровень Чёрного моря был много выше, а на месте Крыма находился архипелаг, представлявший собой выступавшие над волнами горные вершины. Его жители и соорудили «пещерные» жилища — к ним причаливали лодки, которые привязывали к высеченным в скалах кольцам[45]. Можно сказать, что на роль гипотетических строителей искусственных пещер примеряли представителей самых разных народов, живших в Крыму, начиная с «троглодитов» каменного века и заканчивая таврами и готами[46]. Популярное умозаключение связывало возникновение некоторых из упомянутых крепостей с деятельностью средневековых генуэзцев[47].

Натуралист Петер Симон Паллас (1741–1811), немец по происхождению, поступил на русскую службу и, по указанию Екатерины II, занялся изучением отдалённых провинций Российской империи[48]. Исследования Поволжья, Урала и Сибири в 1768–1774 гг. принесли ему широкую известность. Через два десятка лет он, по не до конца понятным причинам, вновь оставил столицу и в 1793–1794 гг. за собственный счёт предпринял путешествие на Юг России, а через несколько лет с разрешения императрицы поселился в Крыму, где завершил работу над описанием своей экспедиции[49]. Среди прочего, Паллас подробно описал многочисленные пещерные памятники неподалёку от Херсонеса, в Инкерманской долине. Согласно современным представлениям, расположенные здесь византийская (впоследствии пере-

---

45 См. об этом сюжете: Храпунов Н. И. Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка: Восток, Россия и Крым // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2014. — № 4. — С. 149; Его же. Записки Жильбера Ромма о Крыме: археологический комментарий // Французский ежегодник. — 2014. — Т. 2: Франция и Восток. — С. 81–82.

46 Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Херсон и его округа в конце X–XI вв. «Пещерные города» // Русский исторический сборник: Средневековый Херсон X–XI вв. — Москва, 2015. — С. 434–437.

47 Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы. — Санкт-Петербург, 1790. — С. 281, 289; Baert Ch. A. de. Mémoire. P. 19 (= Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г. — С. 404–405); Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. — Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. — 4th ed. — Vol. 2. — London, 1817. — P. 275, 277.

48 См.: Сытин А. К. Ботаник Пётр Симон Паллас. — Москва, 2014.

49 Pallas P. S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. — Bd 1. — Leipzig, 1799; Bd 2. — Leipzig, 1801 (перевод второго тома: Паллас П. С. Наблюдения...).

строенная османцами) крепость, «пещерные» церкви и монастыри представляют собой множество разных памятников: крепость возвели в VI в., а бóльшую часть «пещерных» сооружений, вероятно, в XIV–XV вв.[50] Но Паллас и другие путешественники XVIII — начала XIX вв. об этом не знали и потому воспринимали всю совокупность инкерманских памятников как единое целое. Описывая обезлюдившие искусственные пещеры, Паллас пришёл к выводу, что их высекли беглые монахи, искавшие убежища в далёком краю. Прославленный путешественник знал, что в ранневизантийское время в Крыму жили племена готов, и что их соплеменники на материке были арианами. Поэтому, согласно Палласу, пещерные кельи и часовни соорудили ариане — монахи и светские лица — скрывавшиеся от преследований властей. Этот вывод исследователь распространил и на другие «пещерные монастыри» в Крыму, заметив, что греческие (то есть православные?) монахи подобным образом выкопали искусственные пещеры Святогорского монастыря близ нынешнего Донецка[51]. Палласовы «Путешествия» завоевали огромную популярность, а потому представление о связи между крымскими «пещерными городами» и беглыми византийскими монахами утвердилось в историографии на без малого две сотни лет[52].

Другое отмеченное Палласом обстоятельство, а именно сходство между крымскими и находившимися на материке монастырями, имевшими искусственные пещеры, приобрело дополнительное значение в труде Станислава Сестренцевича-Богуша (1731–1826), который посетил Крым по приглашению Потёмкина[53]. Сестренцевич, занимавший пост католического архиепископа могилёвского, знал древние языки и потому показался наместнику Юга России подходящей кандидатурой для сочинения истории Крыма. Этот труд был опубликован много позже, в 1800 г.[54] Учёный поляк

---

50 Могаричев Ю. М. «Пещерные города». — С. 68–88; Его же. Пещерные церкви. — С. 6–30.

51 Pallas P. S. Bemerkungen. — Bd 2. — S. 81–83 (= Паллас П. С. Наблюдения... — С. 50).

52 Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Херсон и его округа... — С. 435–444.

53 [Шерпинский О. С.]. Краткое начертание деятельной и трудолюбивой жизни его высокопреосвященства митрополита римских церквей в России // Отечественные записки. — 1826. — Ч. 28. — № 80. — С. 392, прим.

54 А. Л. Бертье-Делагард язвительно — и, надо признать, не без основания — писал, что сочинение Сестренцевича «*долго служило и служит ещё и до сих пор обычным источником всевозможного баснословия по истории Крыма*» (см.: Бертье-Делагард А. Л. К истории христианства в Крыму. — С. 5–6). Для Сестренцевича история вообще служила доказательством необходимости повиноваться божественным законам, управляющим хаосом народов и событий; крымская же история закономерно завершилась переходом Таврики под власть российских монархов (см.: Sestrencewicz de Bohusz S. Histoire de la Tauride. Dédicace. — P. 3 = Сестренцевич-Богуш С. История о Таврии. Посвящение. — С. 11–12). Исходя из этих принципов, он и выстраивал своё повествование, которое современному исследователю кажется местами фантастичным, но является вполне логичным с точки зрения авторских задач.

отметил разительное сходство между пещерными памятниками Юго-Западного Крыма, которые известны ныне как Бакла и Качи-Кальон[55], и одной из самых почитаемых православных святынь Киева. «*В самом деле кажется, что эти убежища — дело рук древних греческих монахов, занимавшихся выкапыванием для себя монастырей, как об этом свидетельствует ныне Печерский* (монастырь — *Н. Х.*) *в Киеве. Греческие надписи, разные атрибуты святых, принятые в этой* (т. е. православной — *Н. Х.*) *церкви, которые не стёрла ещё рука времени с некоторых стен в этих пещерах, на мой взгляд, подтверждают эту догадку*»[56]. Как и в наши дни, Киево-Печерский монастырь в конце XVIII — начале XIX вв. был одним из важнейших духовных центров российского православия, привлекавшим множество паломников, одним из которых оказалась сама Екатерина II[57]. Так работа Сестренцевича обнаружила важную связь между археологическими памятниками Крыма и русским православием.

Сходство крымских пещерных монастырей с христианскими пещерными сооружениями, расположенными на материке к северу от полуострова, было довольно очевидным. Другой знаменитый путешественник, француз Шарль-Жильбер Ромм (1750–1795), впоследствии ставший одним из ярких участников Французской революции и её жертвой, прибыл в Крым в 1786 г. в качестве гувернёра молодого дворянина Павла Строганова и секретного агента своего правительства[58]. Во время путешествия из Киева в Крым Ромм увлёкся историей и археологией. Не удивительно, что учёного француза заинтересовал эпизод с крещением Владимира. Ромм несколько раз обращался к этой теме, в частности, попытавшись отыскать в окрестностях Херсонеса место, где был крещён князь[59]. Затем путешественник обнаружил, что крымские «пещерные монастыри» были звеном в культурных и религиозных связях Византии и Руси. Осмотрев Инкерман, который находится в 9 км от Херсона по прямой линии, путешественник заключил, что во время корсунского похода князя Владимира его войско заняло окрестности византийского города, обнаружив там пещерные монастыри и церкви, откуда и заимствовало приёмы строительства искусственных пещер. Когда же Владимир вернулся в Киев, его свита и вывезенные из Крыма греческие монахи применили эту технологию для строительства Киево-Печерского монастыря. По словам Ромма, «*представляется если не очевидным, то весьма вероятным,*

---

55 О них см.: Могаричев Ю. М. «Пещерные города». — С. 150–153, 181–184.

56 Sestrencewicz de Bohusz S. Histoire de la Tauride. — P. 23–24; ср.: Сестренцевич-Богуш С. История о Таврии. — С. 34–35.

57 Толочко А. Киевская Русь и Малороссия. — С. 154–157.

58 Чудинов А. В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. — Москва, 2010.

59 Храпунов Н. И. Записки Жильбера Ромма о Крыме. — С. 77–78.

что киевские подземелья (т. е. пещеры — *Н. Х.*) *сделаны по образцу инкерманских гротов, а последние могли частично быть делом рук славян, являвшихся тогда подданными греческой* (т. е. Византийской — *Н. Х.*) *империи*»[60]. Путевой дневник Ромма остался неизвестным современникам — русский перевод основных его фрагментов был издан только в годы советской власти, тогда как французский текст до сих пор не опубликован. Однако можно заключить, что Ромм и Сестренцевич сделали именно то, что российские идеологи ждали от историков, обнаружив прочные «материальные» доказательства связей между Византией, Крымом и Россией в виде крымских памятников.

Эти связи становились ещё более очевидными и ясными благодаря известиям о двух походах князя Владимира Мономаха (1053–1125) на Крым, которые историки и путешественники раннего нового времени относили ко второй половине XI — первой половине XII вв. Источником сведений о первом походе является «История» Татищева. Здесь под 1076 г. (6584 г. от сотв. мира) рассказывается, что по просьбе византийского императора Михаила VII князья Всеволод и Святослав Ярославичи отправили против отложившегося от империи Херсона войско во главе со своими сыновьями — Владимиром Всеволодовичем (будущим Мономахом) и Глебом Святославичем[61]. Отсюда информация о походе попала в сочинения Екатерины II и Сестренцевича[62], а впоследствии утвердилась в историографии, причём имеются даже попытки отыскать археологические свидетельства этого события[63]. В настоящее время можно считать установленным, что данный отрывок в сочинении Татищева противоречит имеющимся источникам и, надо думать, вымышлен автором[64]. Но ещё любопытнее известие о втором «крымском» походе Владимира Мономаха.

---

60 См.: Ромм Ж. Путешествие в Крым. — С. 66–67. Перевод К. И. Раткевич уточнён по французскому оригиналу, за возможность ознакомиться с которым я очень признателен А. В. Чудинову (Москва).

61 Татищев В. Н. Собрание сочинений. — С. 91–92.

62 Записки касательно российской истории. — С. 223–224; Sestrencewicz de Bohusz S. Histoire de la Tauride. — P. 308 (= Сестренцевич-Богуш С. История о Таврии. — С. 344–345).

63 Весьма характерна недавняя работа: Смирнов Р. П. К дискуссии о походе русских на Херсон в последней четверти XI века по материалам раскопок // II Свято-Владимирские чтения: тезисы докладов и сообщений. — Севастополь, 2015. — С. 61–62. Историографию проблемы см.: Слядзь А. Н. Византия и Русь: опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI — начало XII века). — Санкт-Петербург; Москва, 2014. — С. 120–129; Сазанов А. В. Херсон в XI веке // Русский исторический сборник: Средневековый Херсон X–XI вв. — Москва, 2015. — С. 327–334.

64 Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». — Санкт-Петербург, 2009. — С. 140, 179–185; Каштанов Д. В. К критике известий об угрозах Херсону в последней четверти XI в.: «Татищевское известие» о походе русского войска //

Рассказывая о нём, обычно ссылаются на западные хроники, прежде всего на труд польского историка второй половины XVI в. Мацея Стрыйковского[65]. В этом походе противником Владимира Мономаха якобы были жившие в Кафе генуэзцы, причём древнерусский князь победил в поединке их вождя, взяв в качестве трофея его драгоценности, ставшие инсигнией московских правителей, и получив за это своё прозвище, означавшее по-гречески «единоборец». Татищев отнёс эти события к 1095 (6603) г.[66] Впоследствии о них писали достаточно часто, причём хронологию иногда корректировали, сдвигая её в первую половину XII в.[67] Заметим, что были и скептики, справедливо указывающие на ряд противоречий в этом сообщении, прежде всего на то, что генуэзские колонии возникли в Крыму значительно позже Владимира Мономаха[68]. Современные исследователи также, как правило, отказывают ему в достоверности[69]. Интересен, однако, первоисточник всех этих сообщений, который легко устанавливается по свидетельству самого Стрыйковского: это австрийский дипломат Сигизмунд фон Герберштейн, в первой половине XVI в. дважды побывавший в Москве. Герберштейн, очевидно, зафиксировал ситуацию, когда, стремясь упрочить свою власть, русские цари обратились к популярной фигуре Владимира Мономаха. В это время, по всей вероятности, возникают две альтернативные истории, объясняющие прозвище этого князя и связывающие с ним появление инсигний московских правителей. Согласно первой из них, князь получил их от византийского императора Константина IX Мономаха (1000–1055) после успешного похода во Фракию[70]. По другой, уже известной нам, все-

---

II Международный византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис»: Тезисы докладов и сообщений. — Севастополь, 2010. — С. 15–16.

65 Stryjkowski M. Kronika polska, litewska, żmódska i wszystkiéj Rusi. — T. I. — Warszawa, 1846. — S. 188.

66 Татищев В. Н. Собрание сочинений. — С. 103, 252, прим. 312.

67 Записки касательно российской истории. — С. 275; Sestrencewicz de Bohusz S. Histoire de la Tauride. — P. 309–310 (= Сестренцевич-Богуш С. История о Таврии. — С. 345–347).

68 Байер Г. З. Краткое описание. — С. 50–53; Levesque P.-Ch. Histoire de Russie. — P. 226–227 (= Левек П.-Ш. Российская история. — С. 218–220); Guthrie M. A Tour. — *P.* 143–144; Карамзин Н. М. История государства Российского. — Т. 2/3. — Москва, 1991. — С. 278, прим. 221.

69 См.: Сазанов А. В. Херсон в XI веке. — С. 320–323; Слядзь А. Н. Византия и Русь. — С. 158–160.

70 Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. — Москва; Ленинград, 1955. — С. 162–165, 175–177, 182–184, 189–195, 197–199, 209–210. Заметим, что история эта очевидно вымышлена хотя бы потому, что в момент смерти Константина IX древнерусский князь был ещё младенцем. При этом её авторы могли руководствоваться не только фантазией, но «творчески переработать» один из эпизодов известных им хроник, например, рассказ о русско-византийской войне 1043 г., благо в нём фигурирует княжич по имени Владимир (Ярославич), совершивший (правда, неудачный) поход на Византию, правителем которой был Константин IX Мономах (см. об этой войне: Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). — Санкт-Петербург, 2000. — С. 228–276). Как бы то ни было, «Мономахова легенда» имела особое значение для легитимации власти московской династии и её политической идеологии (см.:

му виной был поход в Крым[71]. В этом втором случае полуостров выступает в роли «заменителя» Византии, как бы примеряя на себя роль источника легитимности княжеской династии.

Итак, предполагаемые «крымские походы» Владимира Мономаха оказываются в ряду других экспедиций в Причерноморье, якобы предпринятых Русью в более раннее время (в IX в.), сведения о которых, сохранившиеся в «Житиях» Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, были, по всей видимости, сфабрикованы греческими агиографами[72]. Важно, однако, что деятели конца XVIII — начала XIX вв. могли увидеть в известиях о набегах Владимира Мономаха свидетельство особой роли Крыма в истории России, жители которого оказывались вовлечены в отношения между Византией и Русью и не раз завоевывались последней. Характерно, что Екатерина II, весьма тщательно отбиравшая материалы для включения в собственную историю, поместила в неё оба фрагмента, повествующие о походах на Крым популярного древнерусского князя. Императрица фактически переписала второй фрагмент у Татищева, где отсутствуют сведения о крымском происхождении инсигний московских царей. Зато они имелись у Сестренцевича, придавая Крыму особую роль в легитимации российской монархии, устанавливая связь региона с царями и давая им право претендовать на власть над полуостровом.

Проанализированные тут примеры показывают, как связанные с Крымом свидетельства письменных источников и находившиеся здесь материальные памятники византийской эпохи осмысливались интеллектуалами — путешественниками, исследователями и политиками конца XVIII — начала XIX вв. В византийское время полуостров считался местом отдалённым, диким, холодным и неуютным[73]. Через два с лишним столетия после гибели великой империи Крым стал восприниматься как рай, в котором так нуждалась Россия[74]. Византийское же наследие, воплощённое в истории и археологии Крыма, приобрело особую ценность для российской истории, идео-

---

Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. — Т. I / Пер. С. В. Житомирская. — Москва, 2002. — С. 47–51). Интересно, что вторая, «крымская» версия происхождения «Мономаховых барм», в исследовательской литературе, кажется, не рассматривается, если не считать предположения Р. П. Дмитриевой о том, что её создал сам С. фон Герберштейн, творчески переосмыслив «фракийскую» версию (см.: Дмитриева Р. П. Сказание... — С. 107).

71 Герберштейн С. Записки о Московии. — Т. I / Пер. А. И. Малеин, А. В. Назаренко. — Москва, 2008. — С. 122–123; Дмитриева Р. П. Сказание... — С. 106–108.

72 Толочко А. Очерки начальной руси. — К.; Санкт-Петербург, 2015. — С. 137–139.

73 См., напр.: Бородин О. Р. Римский папа Мартин и его письма из Крыма (статья, перевод, комментарий) // Причерноморье в средние века. — Москва, 1991. — С. 178–179.

74 Schönle A. Garden of the Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea // Slavic Review. — 2001. — Vol. 60. — № 1; Зорин А. Кормя двуглавого орла... — С. 114–120.

логии и идентичности. Пытаясь осмыслить прошлое Крыма, российские и зарубежные интеллектуалы «встраивали» его историю в сложные конструкции, описывающие прошлое и цивилизацию России в целом. Некоторые из сформулированных ими идей, в частности утверждавших связь между «пещерными» городами и монастырями и беглыми византийскими монахами, или представление о походах Руси на Крым в XI в., или об особой роли полуострова в русской истории и культуре оказались удивительно стойкими, сохраняясь в научном и общественном дискурсе до наших дней. Так Россия обрела в Крыму не только важную часть своего древнерусского прошлого, но и свою собственную Византию[75].

---

75 Гончарова О. М. Крым как Византия. — С. 13–22.

А. В. Чернецов

К интерпретации одного рельефа Лаврской типографии

Научная биография юбиляра, члена-корреспондента НАН Украины Глеба Юрьевича Ивакина, связана главным образом с изучением древностей стольного града домонгольской Руси — Киева. Свой заслуженный научный авторитет ему приходилось отстаивать в условиях жёсткой конкуренции с целой плеядой выдающихся специалистов — как предшественников, так и современников. Работы Глеба Юрьевича отмечены необычайно широким по сравнению с более ранними археологическими исследованиями хронологическим охватом. Спектр специальных сюжетов, рассматриваемый в его публикациях, обширен и разнообразен. При этом он порой касается сложных вопросов истории культуры, искусства, религиозной жизни[1]. Одному из таких сюжетов на примере раннесредневекового памятника киевского происхождения и посвящена эта публикация.

Богатейший архитектурный скульптурный декор домонгольской Руси обычно ассоциируется в первую очередь с зодчеством Владимиро-Суздальской земли. Между тем более ранние, и, следовательно, ключевые в рассматриваемом ряду образцы скульптурного декора связаны с Киевом и Черниговом.

Так называемые рельефы Лаврской типографии попали в поле зрения исследователей, когда они находились во вторичном залегании, переиспользованные для украшения позднейшего здания типографии Киево-Печерской лавры. Существует вполне правдоподобное предположение, что первоначально они декорировали стены древнего собора монастыря. Это шиферные прямоугольные плиты значительного размера с достаточно сложными композициями. Они отмечены отсутствием связи с почитаемыми церковью сюжетами (антропоморфные персонажи представлены без нимбов).

Рельеф, о котором пойдёт далее речь, украшен изображением колесницы, запряжённой парой львов (львом и львицей), в которой полулежит фигура,

---

[1] См. напр.: Ивакин Г. Ю. Древнерусская подвеска-амулет из Киева // Живая старина. — 2002. — № 1. — С. 9–11.

Рис. 1. Рельеф Лаврской типографии

представленная в необычном наряде с чертами экзотики (рис. 1). Очевидно, что рассматриваемая композиция должна была представляться древнерусским горожанам (во всяком случае большинству из них) непонятной, требующей пояснений, расшифровки. Она включает черты несомненной фантастики (впряженные в колесницу львы), и с первого взгляда вызывает предположение, что перед нами мифологические или сказочные образы. М. В. Алпатов счёл возможным назвать основного персонажа «царевичем в колеснице»[2]. В старых работах вскользь высказывалось предположение, что композиция представляет античное божество восточного происхождения — Кибелу (Рею-Кибелу). По мнению автора статьи, эта старая догадка может рассматриваться как наиболее вероятная и обоснованная.

В 1968 г. В. П. Даркевич нашёл убедительную параллель лаврскому рельефу в декоре резных византийских ларцов из слоновой кости[3] (рис. 2). Это изображение триумфа Диониса на ларце X–XI вв. из музея Виктории и Альберта в Лондоне (весьма сходная костяная пластинка того же времени и с аналогичным сюжетом хранится в музее Чивико в Венеции). Лаврский рельеф сближают с византийскими композициями важные, бросающиеся в

---

[2] Алпатов М. В. Русское искусство с древнейших времён до начала XVIII в. // Всеобщая история искусств. — Т. III. — Москва, 1955. — Илл. 64.

[3] Даркевич В. П. О некоторых византийских мотивах в древнерусской скульптуре // Славяне и Русь. — Москва, 1968. — С. 410–419; Его же. Светское искусство: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII вв. — Москва, 1975. — С. 277, 281.

Рис. 2. Композиция на византийском ларце из слоновой кости X–XI вв.
Музей Виктории и Альберта, Лондон (по В.П. Даркевичу)

глаза черты. Это пара хищников, запряжённая в мягкую упряжь (без ярма), полулежачая поза антропоморфной фигуры, представленной в обоих случаях со скрещёнными ногами. Даже колёса с восемью спицами на лаврском рельефе могут рассматриваться как огрублённое воспроизведение византийского образца. Разительное сходство композиций привело В. П. Даркевича к утверждению, что на рельефе изображено то же античное божество — Дионис. Реминисценции античной мифологии в средневековом византийском и западноевропейском искусстве имеют длительную традицию изучения, привлекали внимание выдающихся исследователей[4]. Параллель между лаврским рельефом и памятниками византийской резной кости была впервые продемонстрирована В. П. Даркевичем. Он также правильно указал на связь сюжета композиции с античной мифологией.

Отмечая это сходство, необходимо оговорится, что наряду с ним существуют значительные стилистические различия (рельеф выполнен грубее, чем резьба ларцов), и, кроме того, имеются некоторые отличия в композиции и деталях, которые вполне могли иметь важное семантическое значение для выяснения того, кого изображает центральный персонаж рельефа.

---

4 Мацулевич Л. А. Византийский антик в Прикамье // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1940. — № 1; Weitzmann K. Greek mythology in Byzantine art. — Princeton, 1950; Seznec J. The Survival of the Pagan Gods. — New York, 1953.

Начнём с изображений антропоморфных фигур. Обе представлены полулежачими, но расположены они по-разному. У Диониса на резных ларцах голова фигуры обращена в сторону запряжённых в колесницу хищников; персонаж лаврского рельефа развёрнут в противоположную строну, ногами к зверям. Возникает предположение, что истоком рассматриваемых композиций мог быть некий набор из двух симметричных изображений, на которых могли быть объединены различные персонажи, составляющие некую пару. Фигура Диониса, в соответствии с античной традицией, почти полностью обнажена. Плащ накинут на плечи и прикрывает область поясницы. Персонаж лаврского рельефа представлен в одежде с длинными рукавами, имеющими значительные расширения по концам. Ноги персонажа показаны обнажёнными выше колен. В целом наряд не соответствует ни античным, ни византийским традициям и отражает стремление указать на его чужеземное происхождение. Дионис изображён с непокрытой головой, копна курчавых волос украшена размещённой надо лбом лентой. Персонаж лаврского рельефа представлен в высоком головном уборе, несколько расширяющемся кверху. Вдоль щёк на грудь спускаются длинные пряди волос. Персонажи сильно отличаются друг от друга тем, что в одном случае наличествует специфический головной убор (весьма значимая иконографическая деталь), а в другом его нет; причёски показаны принципиально различными.

Наконец, хотя на обеих композициях в колесницы запряжены хищники семейства кошачьих, очевидно, что мастера стремились изобразить разные виды. На византийских ларцах представлены пантеры, хищники, у которых отсутствуют заметные внешние признаки полового диморфизма. На лаврском рельефе изображены львы — самец, с присущей ему пышной гривой и безгривая львица (показаны сосцы). Пантера — обычная спутница Диониса в античном искусстве и литературе. «Пантера, появляющаяся около него — [...] примета этого бога [Диониса]» (Филостраты, Картины, III в. н. э.)[5]. Изображение именно львов, а не пантер, по-видимому, представлялось мастеру важным. Во всяком случае, на парном рельефе лаврской типографии представлена борьба героя со львом. Значение образа льва прослеживается с глубокой древности; оно весьма широко бытовало в византийской и древнерусской традициях. Победитель льва на лаврском рельефе, очевидно, библейский Самсон, а отнюдь не Геракл, как нередко утверждают. Геракл не раздирал пасть льва, и этот мотив с ним обычно не связывается в письменности и изобразительном искусстве. Между тем именно этот способ умерщвления зверя упоминается в Библии и приписывается Самсону (Судьи, 14, 6).

---

5 Поздняя греческая проза. — Москва, 1960. — С. 513.

Рис. 3. Миниатюра византийской рукописи «Кинегетика» Оппиана Апамейского. X–XI вв. Венеция, библиотека Марчиана (по З. Кадару)

Наконец, в средневековом обществе образ Самсона пользовался несравненно большей популярностью, чем образ Геракла.

Оба лаврских рельефа отражают идею торжества антропоморфного персонажа (разума) над грубой силой, воплощаемой в популярном образе «царя зверей».

Неизбежно возникает предположение, что колесница, запряжённая хищниками, не обязательно является признаком, связанным с конкретным божеством, Дионисом. Это предположение наглядно подтверждает миниатюра византийской рукописи X–XI вв. охотоведческого сочинения автора VI в. Оппиана (Псевдооппиана) Апамейского «Кинегетика»[6] (рис. 3). На ней мы находим композицию, в которой, как и на лаврском рельефе, и на византийских ларцах, представлена фигура, восседающая в колеснице, запряжённой парой хищников. Очевидно, что во всех случаях использован один и тот же иконографический стереотип. Однако фигура в колеснице, представленная на миниатюре, изображает не Диониса, а иное античное божество, причём женского пола — Рею, богиню земли. В колесницу впряжены несомненные львы (животные обоих полов, с отмеченным диморфизмом). Одежда Реи на миниатюре не имеет черт сходства с облачениями персонажа лаврского рельефа.

---

[6] Kadar Z. Survivals of Greek zoological illuminations in Byzantine manuscripts. — Budapest, 1978. — O. 168, 1.

По-видимому, ключевым признаком, позволяющим идентифицировать центральный персонаж лаврского рельефа, является необычный головной убор. Его можно сопоставить с калафом, нередко изображавшимся на голове малоазийской богини Кибелы[7] (рис. 4). Форма этого головного убора может несколько варьировать, и в наиболее упрощённом виде напоминает усечённый конус, расположенный широкой стороной кверху. Львы (иногда львёнок на коленях скульптуры) — обычный атрибут этой богини. Известны её изображения в колеснице, запряжённой львами. Найти сколько-нибудь выразительную параллель облачению персонажа лаврского рельефа не удаётся, но оно отмечено несомненно негреческим, восточным колоритом. Предложенные наблюдения свидетельствуют о том, что лаврский рельеф воспроизводит не классическое античное (эллинское) наследие, воспринятое через византийское посредство, а воспроизведение эллинистических, греко-восточных традиций. Проникновение их на Русь вполне естественно, учитывая значительное распространение культов восточных божеств, в частности Кибелы, в Северном Причерноморье[8].

Культ Кибелы, богини-матери, зачастую сливался с культом божеств земли, в частности Реи (вспомним упомянутую выше миниатюру «Кинегетики), образуя синкретический образ Реи-Кибелы. В знаменитом «Золотом осле» Апулея рассказано о злоключениях героя, попавшего в руки адептов «сирийской богини» (Кивевы, т. е. той же Кибелы)[9]. Последние обрисованы как фанатики и изуверы, а также одновременно как шарлатаны и распутники. Однако в конце этого произведения сам автор присоединяется к почитателям верховной богини-матери, которой разные народы поклоняются под разными именами[10]. Мы можем, таким образом, приблизиться к пониманию того, как мог восприниматься образ богини Кибелы позднеантичным и византийским населением. Гораздо труднее понять, что могли в нём видеть жители средневекового Киева.

Очевидная иконографическая близость изображений колесницы Диониса в византийской резной кости и на лаврском рельефе привела В. П. Даркевича к спорной интерпретации последней композиции. Это объясняется тем, что в античном и средневековом искусстве существовала значительная группа композиций, связанных с различными мифологическими и иными персонажами. Это так называемые «триумфы», как правило (но отнюдь не всегда) включавшие изображение триумфальной колесницы. Среди них

---

7 Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. — Москва, 1978. — С. 32–38; рис. 1–14 на с. 58–70.

8 Там же. — С. 10–13.

9 Апулей. Золотой осёл / Пер. М. Кузьмина. — Москва, 1933. — С. 249–255, 373–374.

10 Там же. — С. 329–333.

Рис. 4. Известняковая плита II–IV вв. н. э. с изображением Кибелы. Херсонесский музей (по М. М. Кобылиной)

многочисленные триумфы божеств (Вакха и Ариадны, Плутона и Прозерпины и др.). Тема триумфа приобретает исключительную популярность в западноевропейской литературе и искусстве позднего средневековья и Возрождения. Достаточно напомнить поэму Петрарки «Триумфы», а также названия книг известного проповедника Джироламо Савонаролы «Триумф креста» и алхимика XV в. Базилиуса-Валентина «Триумфальная колесница сурьмы». В восточнохристианских землях тема триумфа имела меньшую популярность и не была отмечена таким богатством и разнообразием форм, какие получили распространение на Западе. Однако основная, исходная композиция, на которой тот или иной персонаж был представлен восседающим в колеснице, была достаточно хорошо известна. Сюда относится и полёт/вознесение Александра Македонского на колеснице, запряжённой грифонами, и иконография огненного восхождения пророка Илии, и аллегорические изображения Солнца и Луны в виде персонажей в колесницах (их можно видеть, например, в Киевской Псалтыри 1397 г.).

Приведённый в этой статье критический разбор сюжета, детально анализировавшегося в работах В. П. Даркевича, показывает, что этот исследователь, на определения которого можно, как правило, уверенно положиться в тех случаях, когда он устанавливает происхождение привозных памятников, изготовленных чужеземными мастерами, обращаясь к рассмотрению древнерусских изделий, создававшихся под влиянием привозных образцов, испытывает значительные затруднения. Эти трудности обусловлены тем, что подобные образцы, как правило, не просто копировались, а подвергались трансформации и переосмыслению (зачастую упрощению, искажению, а также частичной или полной утрате первоначального содержания).

Список наукових праць члена-кореспондента НАН України, доктора історичних наук, професора Гліба Юрійовича Івакіна

1975

Исследования Копырева конца древнего Киева // Новейшие открытия советских археологов: Тез. докл. конф. К., 1975. С. 81–82. Співавт.: Боровский Я. Е.

Киевская экспедиция // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 364–366. Співавт.: Толочко П. П., Боровский Я. Е., Гупало К. Н., Сагайдак М. А.

Печатки Давньої Русі, знайдені на Подолі // Наука і суспільство. 1975. № 9. С. 38–39. Співавт.: Гупало К. М.

Розкопки у Києві // Наша культура. 1975. № 11. Співавт.: Гупало К. Н.

Сподівана несподіванка: Мандрівки углиб Київ. століть: (Про роботу Подільського археологічного загону Київської експедиції) // Вітчизна. 1975. № 7. С. 159–168. Співавт.: Гупало К. Н.

1976

До історичної топографії пізньосередньовічного Києва // Археологічні дослідження стародавнього Києва. К.: Наук. думка, 1976. С. 214–221.

Місто давніх предків // Літературна Україна. 1976. 21 верес. Співавт.: Гупало К.

Писало для берестяної грамоти // Україна. 1976. № 42. Співавт.: Гупало К. М.

Раскопки в Киеве // Культура и жизнь. 1976. № 7. Співавт.: Гупало К. Н.

Розкопки древнього Києва // Дружно вперёд. 1976. № 1.

1977

Бібліотеки Давньої Русі // Наш друг книга. К.: Реклама, 1977. С. 130–142. Співавт.: Боровський Я. Є.

Давньокиївські ремісники // Наука і суспільство. 1977. № 9. Співавт.: Гупало К.

Исследования Киевского Подола // Археологические открытия. 1976. М.: Наука, 1977. Співавт.: Гупало К. Н., Сагайдак М. А., Зоценко В. Н.

Мандри і спогади Абу Хаміда // Наука і суспільство. 1977. № 7. С. 38–39.

Священный дуб славян // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 300–301. Співавт.: Гупало К. Н.

1978

Исследования церкви Успения Пирогощи // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 317–318. Співавт.: Гупало К. Н., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А.

Позднесредневековые планы Киева и археология // Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг.: Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР. Ужгород, 1978. С. 104–105.

Ювелирные формы X в. из Киева // Декоративное искусство СССР. 1978. № 7. Співавт.: Гупало К. Н.

1979

Давня споруда // Вечірній Київ. 1979. 12 січ. Співавт.: Гупало К. М.

Дерев'яний водопровід: Знахідки археологів // Вечірній Київ. 1979. 5 черв.

До питання про кам'яну архітектуру пізньосередньовічного Києва // Археологія Києва. Дослідження і матеріали. К., 1979. С. 107–124.

Дослідження Київського Подолу (1974–1975 рр.) // Археологія Києва. Дослідження і матеріали. К., 1979. С. 38–62. Співавт.: Гупало К. М., Сагайдак М. А.

И нарекоша имя ему Киев // Київ–79. К.: Радянський письменник, 1979. Співавт.: Боровський Я. Є.

Мати міст руських // Наука і суспільство. 1979. № 9.

Раскопки в Киеве // Археологические открытия 1978 года. М., 1979. С. 323–325. Співавт.: Гупало К. Н., Зоценко В. Н., Степаненко Л. Я., Чернов С. М.

Священный дуб языческих славян // Советская этнография. 1979. № 2. С. 106–115.

Чудовий витвір // Вечірній Київ. 1979. 28 лют.

1980

Дніпровський дар Перуна // Наука і суспільство. 1980. № 6. С. 46.

Импостная капитель из киевских находок // Советская археология. 1980. № 1. С.293–299. Співавт.: Пуцко В. Г.

Київ та південноруські землі у післямонгольський час // Тези доповідей V-ої Подільської історико-краєзнавчої конференції. Кам'янець-Подільський, 1980. С. 145–147.

О ремесленном производстве на киевском Подоле // Советская археология. 1980. № 2. С. 203–219. Співавт.: Гупало К. Н.,

Священный дуб // Знание — сила. 1980. № 5.

1981

Археологическое изучение Киева в 1970 гг. // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докл. К., 1981. С. 4–7. Співавт.: Гупало К. Н., Сагайдак М. А.

Біскупщина // Київ: Енциклопедичний словник. К.: УРЕ, 1981. С. 66.

Верхнє місто // Київ: Енциклопедичний словник. К.: УРЕ, 1981. С. 93–94.

XII–XIII сторіччя – розвій чи занепад // Наука і суспільство. 1981. № 7.

Де зроблено Янчин пряслень // Україна. 1981. № 30. Співавт.: Гупало К. М.

Запаведныя і ахоўныя зоны горада // Помники гисторыи и культуры Беларуси. 1981. № 4.

Звіринець // Київ: Енциклопедичний словник. К.: УРЕ, 1981. С. 215–216.

Набор литейных форм для поясных украшений X в. // Древности Среднего Поднепровья. К., 1981. С. 105–113. Співавт.: Гупало К. Н.

О причинах разрушения древнерусских памятников зодчества в послемонгольском Киеве // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тез. докл. республик. конф. К., 1981. С. 129–130.

Охранные раскопки на Киевском Подоле // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 252

Памятники сфрагистики и нумизматики // Новое в археологии Киева. К.: Наукова думка, 1981. С. 403–414

Перевісище // Київ: Енциклопедичний словник. К.: УРЕ, 1981. С. 463.

Священный дуб Перуна // Древности Среднего Поднепровья. К.: Наук. думка, 1981. С. 124–136.

Седяше Кий на горе // Вітчизна. 1981. № 7.

Сетомль // Київ: Енциклопедичний словник. К.: УРЕ, 1981. С. 546.

Стояв на горі Перун // Знання та праця. 1981. № 8. Співавт.: Боровський Я. Є.

1982

Бібліотеки стародавнього Києва // Київ. К.: Рад. письменник, 1982. Вип. 8. С. 208–210. Співавт.: Боровський Я. Є.

Бискупщина // Киев: Энциклопедический справочник. К., 1982. С. 61.

Верхний город // Киев: Энциклопедический справочник. К., 1982. С. 84–85.

Заповідні та охоронні зони Києва // Пам'ятники України, 1982, № 2. С. 58–60.

Зверинец // Киев: Энциклопедический справочник. К., 1982. С. 194.

Киев в XIII–XV веках. К.: Наукова думка, 1982. 104 с.

Оповіді про стародавній Київ / За ред. С. О. Висоцького. К.: Рад. школа, 1982. 112 с.

Перевесище // Киев: Энциклопедический справочник. К., 1982. С. 429.

Политическое положение Киева в IX — первой половине XIII в. // История Киева: В 3-х т., 4-х кн. Т. 1: Древний и средневековый Киев. К.: Наукова думка, 1982. С. 110–143.

Сетомль // Киев: Энциклопедический справочник. К., 1982. С. 502.
Слідами найновіших знахідок // Вісті з України. 1982. № 14, квіт.

1983

Раскопки в северо-западной части Подола // Археологические открытия 1981 года. М., 1983. С. 262–263.

1984

Дослідник стародавнього міста: [Присвяч. М. Берлінському] // Київ. 1984. № 9. С. 163–168.
Исследование церкви Пирогощи // Древнерусский город: Матер. Всесоюзн. археолог. конф. К., 1984. С. 37–41.
Раскопки в северо-западной части киевского Подола // Археологические открытия 1982 года. М., 1984. С. 263.

1985

Ігорева обітка // Пам'ятки України. 1985. № 3 (65). С. 28–30.
Киев во второй половине XIII — первой половине XVI вв.: Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. Институт археологии Академии наук УССР. К., 1985. 17 с.
Киев во второй половине XIII–XV вв. // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. М.: Наука, 1985. С. 82–83.
Раскопки в северо-западной части Подола в 1980–1982 гг. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. К., 1985. С. 77–106. Співавт.: Степаненко Л. Я.

1986

Киев // Археология Украинской ССР: В 3-х т. Т. 3: Раннеславянский и древнерусский периоды. К.: Наукова думка, 1986. С. 252–272. Співавт.: Толочко П. П.
Клад монет XVII в. из фондов Остерского музея // Тезисы Черниговской областной научно-методической конференции, посвященной 90-летию Черниговского областного музея. Чернигов, 1986. С. 28–30. Співавт.: Зоценко В. Н.
Політична історія Києва в IX — першій половині XIII ст. // Історія Києва в 3-х томах. Т. 1: Давній та середньовічний Київ. К.: Наукова думка, 1986. С. 104–135.
V Міжнародний Конгрес археологів-славістів // Український історичний журнал. 1986. № 2. Співавт.: Моця О. П.

Работы на киевском Подоле // Археологические открытия 1984 г. М.: Наука, 1986. С. 237–238.

1988

Киев во второй половине XIII–XV вв. // Материалы V-го Конгресса археологов-славистов. Т. 2. К.: Наукова думка, 1988. С. 74–78.

1989

Дослідження урочищ Гончарі та Кожум'яки у Києві в 1987–1988 рр. // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР: Тези доп. К., 1989. С. 83–84. Співавт.: Козубовський Г. А.

О церкви Успения Богородицы Пирогощей // Древние славяне и Киевская Русь. К., 1989. С. 168–180.

1990

К вопросу о роли нашествия Батыя для исторических судеб Руси // Славяне и Русь (в зарубежной историографии) / Ин-т археологии АН УССР; отв. ред. П. П. Толочко. К.: Наук. думка, 1990. С. 139–147.

Монеты сельджуков Рума в Киеве // Чернигов и его округа в IX–XIII вв.: Тезисы историко-археологического семинара. Чернигов, 1990. С. 106–109.

О населении Среднего Поднепровья в XIII–XV вв. // VI Международный конгресс славянской археологии: Тез. докл. М., 1990. С. 33–35.

1991

Дослідження Кожум'яцького загону // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. К., 1991. С. 24. Співавт.: Козубовський Г. А., Чміль Л. В.

Дослідження пам'яток XIV–XV ст. на Київському Подолі в 1985–89 рр. // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини: Тез. доп. К., 1991. С. 42–43. Співавт.: Козубовський Г. А.

К связям Киева с Крымом в XIII ст. // Проблемы истории Крыма: Тез. докл. Вып. 1. Симферополь, 1991. С. 52–53.

Киево-Печерский монастырь в XIII–XV вв. // Духовная культура населения Украины с древнейших времен. К., 1991. С. 9–22.

Колумб киевских древностей // Берлинский М. Краткое описание Киева. Репринт. изд. СПб., 1820. К.: Час, 1991. С. III–XIII.

Нова знахідка візантійського скла у Києві // Археологія. 1991. № 2. С. 142–145.

Новый клад пражских грошей вблизи Киево-Печерского монастыря // Древняя история населения Украины. К. 1991. С. 76–85. Співавт.: Козубовский Г. А.

Розкопки урочищ Гончарі та Кожум'яки в 1987–1990 рр. // Проблеми вивчення та охорони пам'яток археології Київщини: Тез. доп. К., 1991. С. 47–48. Співавт.: Козубовський Г. А., Чекановський А. А.

Связи Киева с Византией во второй половине XIII–XIV вв. // Южная Русь и Византия. К., 1991. С. 51–54.

1993

Дослідження на житловому масиві Теремки-2 (м. Київ) // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк, 1993. С. 33–34. Співавт.: Сєргєєва М. С.

Дослідження південної частини Подолу в 1984–1989 рр. // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989 рр. К.: Наук. думка, 1993. С. 104–133. Співавт.: Козубовський Г. А.

Дослідження по вул. Сагайдачного в Києві у 1991 році // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк, 1993. С. 37–38. Співавт.: Козубовський Г. А., Герасимов Д. М., Чекановський А. А., Чміль Л. В.

Дослідження урочищ Гончарі та Кожум'яки у 1987–1989 рр. // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989 рр. К.: Наук. думка, 1993. С. 238–270. Співавт.: Козубовський Г. А., Чекановський А. А.

Знахідка сельджукидських монет XIII ст. у Києві // Старожитності Південної Русі: Матер. III іст.-археолог. семінару «Чернігів і його округа в IX–XIII ст.» (Чернігів, 15–18 травня 1990 р.). Чернігів, 1993. С. 73–76.

Київський Псалтир 1397 року не належить Москві // Пам'ятки України. 1993. № 1–6. С. 87–91.

1994

Київ у другій половині XIII ст. // Старожитності Русі-України. К., 1994. С. 237–242.

1995

До ювілею Стефанії Ромуальдівни Кілієвич // Археологія. 1995. № 4. С. 154–155.

Храмы древнекиевского Подола // Церковная археология. Ч. 2: Христианство и древнерусская культура. СПб.; Псков, 1995. С. 91–92.

1996

Історичний розвиток Києва XIII — середини XVI ст.: (історико-топографічні нариси) / Ін-т археології НАНУ. К.: Тираж, 1996. 271 с.

Еще раз о датировке церкви Успения Пирогощей // Проблемы изучения древнерусского зодчества: Матер. архитект.-археолог. чтений. СПб., 1996. С. 51–53.

Золотоординські монети з литовськими контрамарками // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1996. Т. CCXXXI. С. 290–297. Співавт.: Козубовський Г.

Київ часів Михайла Всеволодовича // Святий князь Михайло Чернігівський та його доба. Чернігів: Сіверянська думка, 1996. С. 41–44. Співавт.: Сагайдак М. А.

Київська земля та Київ у другій половині XIII–XIV ст. // Третій міжнародний конгрес україністів. Історія. Ч. 1. Харків, 1996. С. 31–39.

Літописні повідомлення про Десятинну церкву // Церква Богородиці Десятинна в Києві. К.: АртЕк, 1996. С. 10–11.

Нові дослідження Михайлівського Золотоверхого собору // Пам'ятки архітектури і монументального мистецтва в світлі нових досліджень. К., 1996. С. 26–29.

Пам'яті Віктора Олександровича Харламова // Археологія. 1996. № 1. С. 156–157.

1997

Історичний розвиток Києва XIII — середини XVI ст.: Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня доктора історичних наук / Ін-т археології НАНУ. К., 1997. 46 с.

Нова знахідка святого вершника з території Михайлівського Золотоверхого монастиря // Візантія і Київська Русь: Каталог виставки. К.: Абрис, 1997. С. 13–14.

Храм-хрещальня Михайлівського Золотоверхого собору // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. Чернігів, 1997. С. 212–213.

1998

Археологічні дослідження Успенського собору у 1998 р. // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. К., 1998. С. 78–79. Співавт.: Балакін С. А.

Відродження Михайлівського Золотоверхого // Україна, 1998, № 2.

Дослідження Михайлівського Золотоверхого монастиря та прилеглих площ у 1998 р. // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. К., 1998. С. 79–80. Співавт.: Козубовський Г. А., Козюба В. К., Поляков С. Є., Чміль Л. В.

Дослідження Михайлівського Золотоверхого собору в 1997 р. // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. К., 1998. С. 17–18. Співавт.: Козубовський Г. А., Козюба В. К., Поляков С. Є.

Дослідження опалювальних каналів Успенського собору Києво-Печерської лаври у 1997 р. // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. К., 1998. С. 5–6. Співавт.: Балакін С. А., Сіткарьова О. В.

Київ доби Олельковичів // Історія Русі-України. К., 1998. С. 281–288.

Поливная кадильница начала XII в. из Киева // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998. С. 105–106.

Про причини руйнування давньоруських кам'яних храмів // Галич і Галицька земля: Зб. наук. праць. Київ—Галич, 1998. С. 54–59.

Скарби Михайлівського Золотоверхого собору // Науковий світ. 1998. № 2. С. 1.

Скарби Михайлівського собору // Вісник Національного банку України. 1998. № 4 Співавт.: Козубовський Г. А.

1999

Археологічне вивчення Михайлівського Золотоверхого монастиря в 1996–1998 рр. // Пам'ятки України. 1999. № 1. С. 52–59.

Відновлення видатних пам'яток давньоруського зодчества в Києві // IV Одеський конгрес україністів. Ч. 2. Одеса, 1999. С. 99. Співавт.: Поляков С.

Дослідження оборонних споруд XI-XVII ст. Копиревого кінця у 1998 р. // Археологічні відкриття в Україні 1998–1999 рр. К., 1999. С. 10–11. Співавт.: Гончар В. М., Сиром'ятніков О. К.

Дослідження території Михайлівського Золотоверхого монастиря у 1998–1999 рр. // Археологічні відкриття в Україні 1998–1999 рр. К., 1999. С. 5–6. Співавт.: Козубовський Г. А., Козюба В. К., Поляков С. Є., Чміль Л. В.

Дослідження Успенського собору Києво-Печерської лаври 1999 р. // Археологічні відкриття в Україні 1998–1999 рр. К., 1999. С. 91–92. Співавт.: Балакін С. А., Сиромятников О. К.

Енколпіон-квадрифолій з Києва // Археологія. 1999. № 2. С. 144–150.

Київ туристичний. Путівник. К.: Держінфотур, 1999. Співавт.: Панченко Т. Ф., Попович С. І., Омельченко О. О.

Нова надбрамна церква XII ст. у Києві // Археологічні відкриття в Україні 1998–1999 рр. К., 1999. С. 92–94. Співавт.: Козубовський Г. Ю., Козюба В. К., Поляков С. Є., Чекановський А. А.

Підсумки археологічного дослідження Успенського собору Києво-Печерської Лаври у 1998 р. // Археологічні відкриття в Україні 1998–1999 рр. К., 1999. С. 11–13. Співавт.: Балакін С. А.

Попередні результати палінологічних досліджень 1998 р. у Києві // Археологічні відкриття в Україні 1998–1999 рр. К., 1999. С. 59–60. Співавт.: Безусько Л. Г., Томашевський А. П.

Проблеми охорони археологічних пам'яток Києва // Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. 1999. № 3. С. 111–115. Співавт.: Климовський С. І.

Поховальний комплекс XV ст. у нартексі Успенського собору Києво-Печерської лаври // Лаврський альманах. Вип. 2. К., 1999. С. 76–86. Співавт.: Балакін С. А.

Раскопки Михайловского Златоверхого собора в Киеве // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения: Тез. докл. СПб., 1999. С. 38–42.

Слово про історика // Михайло Брайчевський. Вибрані твори. Нью-Йорк; К.: KM Academia, 1999. С. 14–27.

Рец.: Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена. — Харьков: АО «Бизнес Информ», 1998. — 452 с., илл. // Археологія. 1999. № 4. С. 166–169.

Церква, 12 ст. // Звід пам'яток історії та культури України. Київ, Кн. І, ч. 1. А—Л. К., 1999. с. 322.

Чи був Михайлівський храм X ст. в Києві // Археологічний літопис Лівобережної України. 1999. № 2. С. 43–44.

2000

Киев и монгольское нашествие // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций?: Тез .докл. науч. конф. М., 2000. С. 47–49.

Київ та битва на Ворсклі 1399 р. // Археологічний літопис Лівобережної України. 2000. № 1–2. С. 121–122.

Киевский каменный рельеф с изображением Евстафия Плакиды // Российская археология. 2000. № 4. С. 160–168. Співавт.: Пуцко В. Г.

Клад 1997 г. из раскопок Михайловского Златоверхого собора // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докл. М., 2000. С. 127–129. Співавт.: Козубовский Г. А.

Монгольська навала на Русь // Давня історія України. В 3-х т. Т. 3: Слов'яно-Руська доба. К.: Поліграфкнига, 2000. С. 573–588.

Перші відомості про флору та рослинність Києва у X ст. н. е. (за матеріалами палінологічних досліджень) // Наукові записки НаУКМА. Спец. вип. 2000. Т. 18, ч. 2. С. 279–283. Співавт.: Безусько А. Г., Безусько Т. В., Томашевський А. П., Безусько Л. Г.

Поліцентричний характер міжнародних відносин Русі // Давня історія України. В 3-х т. Т. 3: Слов'яно-Руська доба. К.: Поліграфкнига, 2000. С. 535–546.

Посилення тенденцій загальноруської єдності в першій третині XII ст. // Давня історія України. Т. 3: Слов'яно-Руська доба. К.: Поліграфкнига, 2000. С. 305–318.

Русь в XI ст. // Давня історія України. В 3-х т. Т. 3: Слов'яно-Руська доба. К.: Поліграфкнига, 2000. С. 287–304.

Слово про історика // Брайчевський М. Вибрані твори: Історико-археологічні студії. Публіцистика. Нью-Йорк; К., 1999. С. 14–27.

Формування міжнародних зв'язків на ранньофеодальному етапі розвитку Русі // Давня історія України. В 3-х т. Т. 3: Слов'яно-Руська доба. К.: Поліграфкнига, 2000. С. 515–535.

Kiev aux VIII–X siecles // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / ed.: M. Kazanski, A. Nercessian, C. Zuckerman. Paris: Editions P. Lethielleux, 2000. P. 225–240.

2001

Антонович В. Б. // Православная энциклопедия. Т. 2: Алексий, Человек Божий — Анфим. М., 2001. С. 696–697. Співавт.: Фетисов А. А.

Асеев Ю. С. // Православная энциклопедия. Т. 3: Анфимий — Афанасий. М, 2001. Співавт.: Фетисов А. А.

Археологічні дослідження на території Києво-Печерської лаври у 2000 р. // Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр. К., 2001. С. 116–122. Співавт.: Балакін С. А.

Відновлення видатних пам'яток давньоруського зодчества в Києві // Мистецтвознавство. IV-й Міжнародний Конгрес україністів. Кн. 2. Одеса; К., 2001 с.99–103. Співавт.: Поляков С. Є.

Деякі підсумки археологічних досліджень на території Києво-Печерської лаври у 2000 р. // Могилянські читання 2000 року. К., 2001. С.36–38.

Дослідження давньоруської трапезної Печерського монастиря // Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр. К., 2001. С. 122–124. Співавт.: Балакін С. А., Сиром'ятников О. К.

Знаменна дата // Киевский альбом. Вып. 1. К., 2001. С. 30–32.

Нове в історії «міста Ізяслава» в Києві // Магістеріум. Археологічні студії. 2001. Вип. 6. С. 19–25.

Нові дані про флору та рослинність стародавнього Києва (за матеріалами палінологічних досліджень) // Наукові записки НаУКМА. Спец. вип. 2001. Т. 19, ч. 2. С. 389–391. Співавт.: Безусько Т. В., Томашевський А. П.

О воссоздании Михайловского Златоверхого собора // Древний Мир. 2001. № 1. С. 40–46.

Поховання X століття на Софійській площі в Києві // Киевский альбом. Вып. 1. К., 2001. С. 50–55. Співавт.: Козюба В.

Проблемы восстановления утраченных памятников архитектуры XI–XII вв. // Древности Московской земли. Проблемы современной археологии. Тез. науч. конф. М., 2001. С. 18–20.

Уникальный амулет из Златоверхого // Древний Мир. 2001. № 2. С. 36–38. Співавт.: Чернецов А. В.

New excavations in Saint Michael Monastry of Golden Domes in Kiev // XX-e Congres International des Etudes Byzantsnes. Pre-actes. Vol. II. Paris, 2001. P. 334.

New Objects of Christian Cult from the Saint Michael Monastery of the Golden Roof // Interacademica. II–III. Bucuresti, 2001. P. 175–180.

Relations between Kiev and the Lower Danube Area in the 13th–15th Centuries // Interacademica. II–III. Bucuresti, 2001. P. 173–174.

2002

До 65-річчя Ярослава Євгеновича Боровського // Археологія. 2002. № 3. С. 146–147.

Історична топографія Михайлівської гори у Києві в XI–XIII ст. // А сє єго срєбро: Зб. праць на пошану члена-кореспондента НАН України М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. К., 2002. С. 71–88. Співавт.: Козюба В. К.

М. Брайчевський та пізньосередньовічна археологія України // Михайло Брайчевський: вчений і особистість. К., 2002. С. 100–109.

Монетные находки с территории Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002. Співавт.: Козубовский Г. А.

Надвратная церковь XII в. в Киеве // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002. С. 194–203.

Очелье из Михайловского клада 1997 г. // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. К.; Судак, 2002. С. 109–113.

Погребения X–XI вв. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (1996–1997 гг.) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга: Тез. докл. Науч. конф. Москва, 19–21 ноября 2002 г. М.: Ин-т археологии РАН, 2002. С. 38–42.

Уникальный амулет из раскопок в Киеве // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М, 2002. С. 521–532. Співавт.: Чернецов А. В.

Феномен М. Ю. Брайчевського // Михайло Брайчевський: вчений і особистість. К., 2002. С. 6–14. Співавт.: Павленко Ю. В.

Христианская подвеска-амулет из Киева // Живая старина. М., 2002. № 1. С. 911.

Южная Русь и Батыево нашествие // Родина. 2002. № 11–12. С. 59–65.

2003

Берестове // Енциклопедія історії України. Т. 1: А–В. К., 2003. С. 235–236.

Володимира місто // Енциклопедія історії України. Т. 1: А–В. К., 2003. С. 620.

До питання про ідентифікацію поховань у саркофагах собору Києво-Печерської лаври // Нові дослідження давніх пам'яток Києва. К., 2003. С. 85–92. Співавт.: Козак О. Д.

Исследования Верхнего Киева: (по материалам 1996–2002 гг.) // Псков в российской и европейской истории. Т. 1. М., 2003. С. 73–85.

Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003. С. 59–65.

Киев и монгольское нашествие // Киевская Русь и Польша в средние века (X–XIII вв.). Варшава, 2003. С. 55–72.

Нові поховання X–XI ст. Верхнього Києва (з розкопок Архітектурно-археологічної експедиції 1997–1999 рр.) // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–X ст. Чернігів, 2003. С. 38–50. Співавт.: Козюба В. К.

О строительных материалах памятников Киева XII века // Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы: Матер. архитект.-археолог. семинара. СПб., 2003. С. 66–69.

Памяті Ярослава Євгеновича Боровського // Археологія. 2004. № 4. С. 169–170.

Передмова. Рукописи оживають // Іванцов І. О. Стародавній Київ. К.: Фенікс, 2003. С. 7–28. Співавт.: Павленко Ю. В.

Поховання в саркофагах Успенського собору Києво-Печерської лаври // Праці Центру пам'яткознавства. Вип. 5. К., 2003. С. 85–103. Співавт.: Балакін С. А.

Поховання X–XI ст. на Михайловській горі в Києві // Нові дослідження давніх пам'яток Києва. К., 2003. С. 93–103. Співавт.: Козюба В. К., Поляков С. Є.

2004

Безкурганний могильник, 15 ст. // Звід пам'яток історії та культури України. Київ. Кн. І, ч. ІІ. К., 2004. С. 907.

Борисоглібська церква, 12 ст. // Звід пам'яток історії та культури України. Київ. Кн. І, ч. ІІ. К., 2004. С. 907.

Городок Пісочний // Енциклопедія історії України. Т. 2: Г–Д. К., 2004. С. 472.

Дерев'яний водогін та мостова, 17–18 ст. // Звід пам'яток історії та культури України. Київ. Кн. І, ч. ІІ. К., 2004. С. 907–910.

Десятинна церква // Енциклопедія історії України. Т. 2: Г–Д. К., 2004. С. 370–371.

Дослідження архітектурно-археологічної експедиції в 2002–2003 рр. // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. К., 2004. С. 139–141. Співавт.: Козубовський Г. А., Козюба В. К., Чекановський А. А.

Житловий будинок 1954 р. по вул. Прорізній // Звід пам'яток історії та культури України. Київ. Кн. І, ч. ІІ. К., 2004. С. 985.

Исследования Михайловского Златоверхого монастыря // Новгородские археологические чтения — 2. Великий Новгород, 2004. С. 271–280.

Михайла св. архістратига Собор, 12 ст. // Звід пам'яток історії та культури України. Київ. Кн. І, ч. ІІ. К., 2004. С. 721.

«Місто Святослава-Святополка», 11–13 ст. // Звід пам'яток історії та культури України. Київ. Кн. І, ч. ІІ. К., 2004. С. 720–721.

Надбрамна церква, остання чв. 12 ст. // Звід пам'яток історії та культури України. Київ. Кн. І, ч. ІІ. К., 2004. С. 721–722.

Некоторые итоги исследований церкви Спаса на Берестове в 2003 г. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской междунар. науч. конф., 12–16 сентября 2004г. Ч. III. Киев; Судак, 2004. С. 63–72. Співавт.: Балакин С. А.

Пам'яті Івана Овсійовича Іванцова // Археологія. 2004. № 3. С. 142–144.

Перстни золотоордынского времени из Киева // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 170–173.

Ремісничі слободи Гончарі та Кожум'яки, 12–18 ст. // Звід пам'яток історії та культури України. Київ. Кн. І, ч. ІІ. К., 2004. С. 910.

Собор архістратига Михаїла, 12–20 ст. // Звід пам'яток історії та культури України. Київ. Кн. І, ч. ІІ. К., 2004. С. 675–679. Співавт.: Кухаренко Р. І., Тоцька І. Ф.

Церква св. Василія (Трьохсвятительська), 1183 // Звід пам'яток історії та культури України. Київ. Кн. І, ч. ІІ. К., 2004. С. 720.

Церква, 12–13 ст. // Звід пам'яток історії та культури України. Київ. Кн. І, ч. ІІ. К., 2004. С. 910–911.

Церква Різдва Богородиці (вірменська), 14–15 ст. // Звід пам'яток історії та культури України. Київ. Кн. І, ч. ІІ. К., 2004. С. 911.

Церква Успіння Богородиці Пирогощі, 12 ст. // Звід пам'яток історії та культури України. Київ. Кн. І, ч. ІІ. К., 2004. С. 912.

Scandinavian grave finds in Kiev // Historiska Nyheter. Specialnummer om Olga & Ingigerd. Statens Historiska Museum, 2004–2005. Stockholm, 2004. P. 50–53.

2005

Археологічні дослідження на території київського Арсеналу 2005 р. (попередня інформація) // Праці Центру пам'яткознавства. Вип. 8. К., 2005. С. 119–144. Співавт.: Козубовський Г. А., Балакін С. А.

Валентин Сєдов (1924–2004) // АНТ. 2005. № 13–15. С. 83–86 Співавт.: Абашина Н.

Визначні пам'ятки Києва: Енциклопедичний довідник / відп. ред. Ю. О. Храмов; Ін-т гуманітарних досліджень Української академії наук. К.: Фенікс, 2005. 494 с. Співавт.: Кальницький М. Б., Павленко Ю. В., Храмов Ю. О., Храмов О. Ю.

Геофизические и археологические исследования Хотовского городища скифской эпохи // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Запоріжжя, 2005. С. 400–405. Співавт.: Дараган М. Н., Орлюк М. И., Кравченко Э. А., Куприй С. А.

До 60-річчя Михайла Андрійовича Сагайдака // Археологія. 2005. № 3. С. 116–117.

До 60-річчя Олексія Володимировича Чернецова // Археологія. 2005. № 1. С. 108–109. Співавт.: Моця О. П.

Дослідник стародавнього Києва // Повернення: Зб. доповідей наук. конф., присвяч. 100-літтю з дня народж. І. О. Іванцова. К, 2005. С. 12–20.

Знахідки творів кам'яної пластики з розкопок 1998 р. Михайлівського золотоверхого монастиря // Наукові записки з української історії. Вип. 16. Переяслав-Хмельницький, 2005. С. 88–93. Співавт.: Пуцко В. Г.

Клад 1997 г. из Михайловского Златоверхого монастыря // Боспорские чтения VI: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Керчь, 2005. С. 133–135.

Круглий стіл «Археологія України і Франції» // Археологія. 2005. № 2. С. 116–120. Співавт.: Яковлева Л. А., Джинджан Ф.

Марія Володимирівна Сєдова (1930–2004) // АНТ. 2005. № 13–15. С. 105.

Нова пам'ятка в с. Великі Дмитровичі на Київщині // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Запоріжжя, 2005. С. 160–164. Співавт.: Квітницький М. В., Готун І. А.

Об этой книге // Оустерхаут Р. Византийские мастера. К.; М., 2005. С. 9–14. Співавт.: Беляев Л. А.

Пам'яті Ярослава Боровського (1937–2003) // Софія. К., 2005, № 1. С. 223–225.

Пам'ятки пластичного мистецтва з розкопок Верхнього Києва 1998–2001 рр. // Археологія. 2005. № 4. С. 94–107. Співавт.: Пуцко В. Г.

Підземні скарби Старого Арсеналу // Відлуння віків. К., 2005. № 2. С. 52–56. Співавт.: Козубовський Г., Балакін С.

Погребения в шиферных саркофагах Успенского собора Киево-Печерской лавры // Сугдейский сборник. Вып. II. К.; Судак: Академпериодика, 2005. С. 88–104. Співавт.: Балакин С. А.

Погребения X — первой половины XI вв. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря (1997–1999) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга / отв. ред.: Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М., 2005. С. 287–303.

2006

Археологические исследования Старого Арсенала в Киеве // Проблемы спасательной археологии. М., 2006. С. 5–8.

Десятинная церковь: новые исследования (предварительное сообщение) // Боспорские чтения VII: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2006. С. 160–165. Співавт.: Иоаннисян О. М.

Дослідження Десятинної церкви в Києві 2005 р. // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. К., Запоріжжя: Дике поле, 2006. С. 171–175. Співавт.: Козюба В. К., Лукомський Ю. В., Єлшин Д. Д., Манігда О. В., Чекановський А. А.

Дослідження на території Старого Арсеналу в Києві // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. — К., Запоріжжя. „Дике поле", 2006. С. 175–177. Співавт.: Козубовський Г. А. Балакін С. А., Абишкіна О. А., Чміль Л. В., Оногда О. В.

Исследования Десятинной церкви в 2005 году // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб., 2006. С. 169–171. Співавт.: Козюба В. К.

Київ. Парки, площі, вулиці / відп. ред. Ю. О. Храмов; Інститут гуманітарних досліджень Української Академії наук. К.: Фенікс, 2006. 320 с.: фот. Співавт.: Кальницький М. Б.; Павленко Ю. В.; Храмов О. Ю.; Храмов Ю. О.

Київські саркофаги давньоруського періоду (XI–XIII ст.) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Матер. III Судакской междунар. науч. конф. Т. 2. К.; Судак, 2006. С. 153–158.

Нова надбрамна церква XII ст. з Києва // Українсько-Македонський науковий збірник. Вип. 2. К., 2006. С .121–129.

Новый надвратный храм Древнего Киева // Мир древности. Симферополь, 2006. № 1. С. 32–35.

Предварительные итоги археологических исследований 2005 г. на территории киевского Арсенала // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Матер. III Судакской междунар. науч. конф. Т. 2. К.; Судак, 2006. С. 159–168. Співавт.: Балакин С. А.

Проблемы погребального обряда праболгар юго-восточного Крыма (по материалам раскопок некрополей на горе Ай-Фока) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: Матер. III Судакской междунар. науч. конф. Т. 2. К.; Судак, 2006. С. 169–173. Співавт.: Баранов В. И.

The urban development of Kiev in the tenth and elevens centuries // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies. Vol. III. Abstracts of Communication. London, 2006. P. 100.

2007

Археологічні дослідження в корпусі Старого Арсеналу в 2006 р. // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. К.; Запоріжжя, 2007. С. 175–178. Співавт.: Балакін С. А., Баранов В. І., Оногда О. В.

Археологічні дослідження 2006 р. території дівочого Вознесенського монастиря в Києві // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. К.; Запоріжжя, 2007. С. 178–180. Співавт.: Балакін С. А., Відейко М. М., Козубовський Г. А., Оногда О. В., Чекановський А. А., Чміль Л. В.

Архитектурно-археологические исследования Успенского собора Киево-Печерской лавры в 1997–2000 гг. // Российская археология. 2007. № 2. С. 108–119. Співавт.: Балакин С. А.

Дослідження в північній частині Митрополичого корпусу в заповіднику «Софія Київська» // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. К.; Запоріжжя, 2007. С. 185–188. Співавт.: Івлєв М. М., Козловський А. О.

Київ 1242 — 18 ст. // Енциклопедія історії України. Т. 4: Ка–Ком. К., 2007. С. 528–529.

Київ. Історико-біографічний енциклопедичний довідник. К.: Фенікс, 2007. 1120 с. Співавт.: Кальницький М. Б., Павленко Ю. В., Храмов О. Ю., Храмов Ю. О.

Критерії класифікації та поцінування пам'яток археології // Пам'яткознавчі студії в Україні: теорія і практика. К., 2007. С. 141–176. Співавт.: Титова О.

Нові дослідження Десятинної церкви та чернігівський Спас (розкопки 2005–2006 рр.) // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Централь-

но-Східної Європи. Чернігів, 2007. С. 166–180. Співавт.: Йолшин Д., Іоаннісян О., Лукомський Ю.

Підземні скарби Київського Арсеналу // Відлуння віків. 2007. № 1(7). С. 26–32. Співавт.: Балакін С. А.

Поховання в склепах та на цегляних вимостках Вознесенського некрополя XVII–XVIII століття // Лаврський альманах, вип. 19. К., 2007. С. 17–26. Співавт.: Балакін С. А.

Результати спелеоархеологічних досліджень Ближніх печер Києво-Печерської лаври // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. К.; Запоріжжя, 2007. С. 181–184. Співавт.: Бобровський Т. А., Балакін С. А., Зажигалов О. В.

Розкопки Десятинної церкви 2006 р. // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. К.; Запоріжжя, 2007. С. 188–194. Співавт.: Козюба В. К., Комар О. В., Манігда О. В., Лукомський Ю. В., Єлшин Д. Д.

Святой Евстафий без святого Михаила: Михайловский Златоверхий в Киеве: возрождение // Родина. 2007. № 6. С. 53–57.

Excavations at St. Michael Golden Domes Monastery in Kiev // Kiev — Cherson — Constantinople: Ukrainian papers at the XXth International Congress of Byzantine Studies (Paris, 19–25 August 2001) / Hrsg.: Ajbabin A. Paris, 2007. P. 177–220.

The investigation of St. Michael the Golden Domes Temple in Kiev // Constantinopla. 550 aňnos de su caída (eds. E. Motos Guirao — M. Morfakidis Filactós, vol. 1. Granada, 2007. P. 353–358.

2008

Богородица десятинная. Первый каменный храм в свете новых факторов // Родина. 2008. № 8. С. 39–42.

Клад монет XVII в. из с. Тарасив Черниговской области // Науково-практична конференція з нагоди 100-річного ювілею Остерського краєзнавчого музею: Зб. наук. праць та публікацій. Остер, 2008. С. 55–59. Співавт.: Зоценко В. Н.

Некрополь церкви Спаса на Берестове в Киеве и «погребение Юрия Долгорукого» // Российская археология. 2008. № 2. С. 107–117.

О новых раскопках Десятинной церкви (2005–2007 гг.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. Т. I. С. 12–19. Співавт.: Иоаннисян О. М.

Первый каменный храм Руси в свете новых фактов // Родина. 2008. № 8. С. 48–52. Співавт.: Иоаннисян О. М.

Перші підсумки вивчення Десятинної церкви у 2005–2007 рр. // ДЬНЄСЛОВО: Зб. праць на пошану дійсного члена НАН України П. П. Толочка з нагоди його 70-річчя / Ін-т археології НАН України. К.: Корвінпрес, 2008. С. 191–213. Співавт.: Іоаннісян О. М.

Петро Петрович Толочко — шлях в науці // ДЬНЄСЛОВО: Зб. праць на пошану дійсного члена НАН України П. П. Толочка з нагоди його 70-річчя / Ін-т археології НАН України. К.: Корвінпрес, 2008. С. 7–12.

Предварительные итоги археологических исследований 2005 г. на территории Киевского Арсенала // Сугдейский сборник. Вып. III / Национальный заповедник «София Киевская». К.; Судак: Академпериодика, 2008. С. 448–462. Співавт.: Балакин С. А.

Предварительные оценки результатов раскопок Десятинной церкви в 2005–2008 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / КО Ин-та востоковедения НАНУ. Симферополь, 2008. Вып. XIV. С. 236–254. Співавт.: Иоаннисян О. М., Зыков П. Л.

2009

Археологічні дослідження ділянок біля Десятинної церкви 2008 р. // Археологічні дослідження в Україні 2008 / Ін-т археології НАНУ. — К.: Академперіодика, 2009. С. 91–93. Співавт.: Козюба В. К., Комар О. В., Манігда О. В.

Археологічні дослідження на внутрішньому подвір'ї Старого Арсеналу 2007 р. // Археологічні дослідження в Україні 2006–2007. К.: Академперіодика, 2009. С. 119–121. Співавт.: Козубовський Г. А., Чекановський А. А., Чміль Л. В., Оногда О. В.

Археологічні дослідження території навколо Десятинної церкви 2007 р. // Археологічні дослідження в Україні 2006–2007. К.: Академперіодика, 2009. С. 122–126. Співавт.: Козюба В. К., Комар О. В., Йолшин Д. Д.

Архітектурно-археологічні дослідження Десятинної церкви 2007 р. // Археологічні дослідження в Україні 2006–2007. К.: Академперіодика, 2009. С. 127–132. Співавт.: Манігда О. В., Іоаннісян О. М., Йолшин Д. Д., Зикін П. Л., Лукомський Ю. В.

Архітектурно-археологічні дослідження на території Старого Київського Арсеналу // Археологічні дослідження в Україні 2008 / Ін-т археології НАНУ. К.: Академперіодика, 2009. С. 84–87. Співавт.: Баранов В. І., Оногда О. В.

Архітектурно-археологічні дослідження у підвалі корпусу Старого Арсеналу та навколо нього // Археологічні дослідження в Україні. 2006–2007. К.: Академперіодика, 2009. С. 115–118. Співавт.: Балакін С. А., Баранов В. І., Оногда О. В.

Ворота с надвратной церковью конца XII века в Киеве (по исследованиям 1998–1999 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. 2009. № XLVI.: Архитектура и археология Древней Руси. С. 85–100. Співавт.: Козюба В. К.

Десятинная церковь в Киеве (предварительные итоги исследований 2005–2007 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. 2009. № XLIX: Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. С. 330–367. Співавт.: Ионнисян О. М., Елшин Д. Д., Зыков П. Л., Козюба В. К., Комар А. В., Лукомский Ю. В.

Десятинная церковь в Киеве: «старый взгляд» в новом освещении (предварительные результаты раскопок 2005–2007 гг.) // Archeologia Abrahamica : исследования в области археологии и художественной тради-

ции иудаизма, христианства и ислама / Ин-т археологии РАН. М.: Индрик, 2009. С. 179–202. Співавт.: Иоаннисян О. М.

Десятинная церковь в свете работ 2007–2008 гг. // Боспорские чтения X. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь, 2009. С. 187–194. Співавт.: Иоаннисян О. М., Елшин Д. Д., Зыков П. Л.

Іван Мовчан // Ант. 2009/2010. № 22. С. 134–135. Співавт.: Сагайдак М.

Культура Київської Русі // Україна: хронологія розвитку. Т. 2: Давні слов'яни. Київська Русь. К.: Кріон, 2009. С. 312–384.

Релігійні уявлення // Україна: хронологія розвитку. Т. 2: Давні слов'яни. Київська Русь. К.: Кріон, 2009. С. 385–399.

Ремесло. Торгівля. Грошовий обіг // Україна: хронологія розвитку. Т. 2: Давні слов'яни. Київська Русь. К.: Кріон, 2009. С. 400–435. Співавт.: Толочко П. П.

Роботи Архітектурно-археологічної експедиції на Десятинній церкві 2008 р. // Археологічні дослідження в Україні 2008 / Ін-т археології НАНУ. К.: Академперіодика, 2009. С. 88–90. Співавт.: Іоаннісян О. М., Йолшин Д. Д., Зиков П. Л., Лукомський Ю. В.

2010

Архитектурно-археологические исследования Десятинной церкви в Киеве в 2008–2009 годах // Труды Государственного Эрмитажа. 2010. № LIII: Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. С. 377–390. Співавт.: Иоаннисян О. М., Ёлшин Д. Д.

Архитектурно-археологические исследования Десятинной церкви в 2009 г. // Боспорские чтения XI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010. С. 169–177. Співавт.: Иоаннисян О. М., Ёлшин Д. Д.

Архітектурно-археологічні дослідження Десятинної церкви 2008–2009 рр. // Археологія і давня історія України. К., 2010. Вип. 1: Проблеми давньоруської та середньовічної археології. С. 388–394. Співавт.: Іоаннісян О. М., Йолшин Д. Д., Лукомський Ю. В.

Архітектурно-археологічні дослідження Десятинної церкви 2009 р. // Археологічні дослідження в Україні 2009 / Ін-т археології НАНУ. К.; Луцьк, 2010. С. 164–168. Співавт.: Іоаннісян О. М., Йолшин Д. Д., Лукомський Ю. В.

Десятинна церква — новини сезону 2010 року // Ruthenica. 2010. Т. IX. С. 160–165. Співавт.: Козюба В., Комар О., Марченко Г.

З приводу нового датування Софійського собору // Матеріали Круглого столу «Заснування Софійського собору в Києві: проблеми нових датувань», (7 квітня 2010 р., м. Київ). К., 2010. С. 70–76.

Использование пирофиллитового сланца и кварцита в строительном деле Южной Руси // Труды Государственного Эрмитажа. 2010. № LIII: Архитекту-

ра Византии и Древней Руси IX–XII веков. С. 391–411. Співавт.: Томашевский А. П., Павленко С. В.

Київ і Русь-Україна у післябатиєві часи // Історичний атлас України: Найдавніше минуле. Русь (Київська держава, Галицько-Волинська держава). К.: Мапа, 2010. С. 284–289.

Круглий стіл «Заснування Софійського собору в Києві: проблема нових датувань» (Київ, 7 квітня 2010 р.) // Археологія. 2010. № 4. С. 128–131.

Монеты сельджукидов Рума начала XIII в. в Киеве // I. Uluslararasi Selçuklu sempozyumu. Kayseri. 2010. S. 206.

Мурована архітектура // Історія українського мистецтва у 5-ти томах. Т. 2: Мистецтво середніх віків. К., 2010. С. 457–524. Співавт.: Іоаннісян О. М.

О происхождении мастеров Десятинной церкви: Константинополь или Балканы (к вопросу о начальном этапе развития монументального зодчества на Руси) // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2010. № LI: Византия в контексте мировой культуры. С. 492–518. Співавт.: Иоаннисян О. М.

Особливості розвитку культури Київської держави // Історичний атлас України: Найдавніше минуле. Русь (Київська держава, Галицько-Волинська держава). К.: Мапа, 2010. С. 252–261.

Розкопки 2009 р. на Старокиївській горі поблизу Десятинної церкви // Археологічні дослідження в Україні 2009 / Ін-т археології НАНУ. К.; Луцьк, 2010. С. 169–172. Співавт.: Козюба В. К., Комар О. В., Манігда О. В.

Церковь Рождества Богородицы Десятинная митрополита Петра Могилы (история, археология, изобразительные источники) // Ruthenica. 2010. Т. IX. С. 74–109. Співавт.: Ёлшин Д.

Строителите на Десятъчната църква в Киев. Балканската следа (по дани от разкопките през 2005–2009 г.) // Отражения на варята: християнска архитектура и изкуства IV–XV в. Варна-Бяла, 2010. С. 37–40. (на болгарском языке).

Kiev et l'espace méditerranéen au X-e siècle // Sainte Russie. L'art russe des origenes á Pierre le Grand. Paris, 2010. P. 42–45.

2011

Архітектурно-археологічні дослідження Десятинної церкви // Археологічні дослідження в Україні 2010 / Ін-т археології НАНУ. К.; Полтава, 2011. С. 154–155. Співавт.: Іоаннісян О. В., Йолшин Д. Д.

До вивчення храму Дмитріївського монастиря XI ст. у Києві // Археологічні дослідження в Україні 2010 / Ін-т археології НАНУ. К.; Полтава, 2011. С. 156–157. Співавт.: Козюба В. К., Комар О. В., Манігда О. В.

Дослідження в районі літописного «Красного Двору» Всеволода Ярославича // Археологічні дослідження в Україні 2010 / Ін-т археології НАНУ. К.; Полтава, 2011. С. 160–161. Співавт.: Тараненко С. П., Кириленко О. С.

Дослідження Київського Подолу // Археологічні дослідження в Україні 2010 / Ін-т археології НАНУ. К.; Полтава, 2011. С. 291. Співавт.: Сагайдак М. А., Тараненко С. П.

Дослідження на ділянці Десятинної церкви // Археологічні дослідження в Україні 2010 / Ін-т археології НАНУ. К.; Полтава, 2011. С. 158–159. Співавт.: Козюба В. К., Комар О. В., Манігда О. В.

Наступающий псевдоюбилей Софии Киевской // Православ'я — цивілізаційний стрижень слов'янського світу / Ін-т археології НАНУ, Ін-т політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАНУ, УТОПІК. К.: Фенікс, 2011. С. 40–50.

Нова давньоруська пам'ятка на Печерську // Археологічні дослідження в Україні 2010 / Ін-т археології НАНУ. К.; Полтава, 2011. С. 151–153. Співавт.: Балакін С. А.

Пирогоща // Енциклопедія історії України: у 10 т. Т. 8: Па–Прик. К. : Наук. думка, 2011. С. 211. Співавт.: Вортман Д. Я.

Рентгенографическое и электронно-микрозондовое исследование природы керамики древнего Киева // Кристаллохимия, рентгенография и спектроскопия минералов — 2011. Матер. XVII междунар. совещания 20–24 июня 2011 г. СПб., 2011. С. 157–158. Співавт.: Вальтер А. А., Чмиль Л. В., Писанский А. И., Кузнецов В. Н.

Сельджукские монеты XIII в. из Киева // Откровения древнего Солхата. Матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Солхат — центр золотоордынской культуры Крыма: итоги и перспективы исследования, проблемы сохранения памятников». Керчь, 2011. С. 27–34.

Церковь Богородицы Десятинной на Старокиевской горе: проблемы исследования и сохранения // Православ'я — цивілізаційний стрижень слов'янського світу / Ін-т археології НАНУ, Ін-т політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАНУ, УТОПІК. К.: Фенікс, 2011. С. 70–78.

2012

Археологические исследования пилона у западного фасада Десятинной церкви в Киеве в 2009–2010 гг. // Труды Государственного Эрмитажа. 2012. № LXV: Первые каменные храмы Древней Руси. С. 125–135. Співавт.: Иоаннисян О. М., Ёлшин Д. Д.

Архітектурно-археологічні дослідження Десятинної церкви // Археологічні дослідження в Україні 2011. Луцьк: Волинські старожитності, 2012. С. 250–251. Співавт.: Іоаннісян О. М., Йолшин Д. Д.

Дослідження Десятинної церкви в Києві у 2007–2008 рр. // Матеріальна та духовна культура Південної Русі: Матер. Міжнар. польового археолог. семінару, присвяч. 100-літтю від дня народж. В. Й. Довженка (Чернігів — Шестовиця, 16–19 лип. 2009 р.). К.; Чернігів, 2012. С. 130–138. Співавт.: Іоаннісян О. М., Йолшин Д. Д., Лукомський Ю. В.

Дослідження території, прилеглої до Десятинної церкви // Археологічні дослідження в Україні 2011. Луцьк: Волинські старожитності, 2012. С. 252–253. Співавт.: Козюба В. К., Комар О. В., Манігда О. В.

Коллекционеры должны занять принципиальную позицию // Антиквар. 2012. № 3 (61): Археологическое наследие. С. 40–46.

Критерії визначення та класифікація // Основи пам'яткознавства / заг. ред.: Л. О. Гріффен, О. М. Титова. К., 2012. С. 70–82. Співавт.: Тітова О. М.

Мінералогічні дані про природу кераміки Давнього Києва // Мінералогічний журнал. 2012. № 4. С. 25–29. Співавт.: Вальтер А. А., Чміль Л. В., Андрєєв О. В., Писанський А. І., Кузнєцов В. М.

На гербе столицы — куша и архангел Михаил // Антиквар. 2012. № 5 (63). Киеву и киевлянам. С. 46–47.

Науковий звіт про результати спелео-археологічного обстеження Ближніх печер Києво-Печерської лаври у 2005–2006 рр. в зв'язку з аварійною ситуацією на ділянці «Батиєм убієнних» // Лаврський альманах. Вип. 27: Дослідження печерних комплексів Києво-Печерської лаври., К., 2012. С. 244–279. Співавт.: Балакін С. А., Боровський Т. А., Зажигалов О. В.

Новый древнерусский пункт в Киеве (из новостроечных раскопок 2010 г.) // Археология Москвы — линия жизни: Сб. стат. и матер. в связи с 80-летием академика архитектуры, професора А. Г. Векслера и к 20-летию крупномасштабных археологических исследований Манежной площади, проводившихся под его руководством. М., 2012. С. 200–204.

О «юбилее» Софийского собора в Киеве // Труды Государственного Эрмитажа. 2012. № LXV: Первые каменные храмы Древней Руси. С. 259–273.

Памяти В. Н. Зоценко // Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси: Каталог. Paris, 2012. С. 7–10.

Проблеми збереження археологічної спадщини // Основи пам'яткознавства / заг. ред.: Л. О. Гріффен, О. М. Титова. К., 2012. С. 67–70 Співавт.: Тітова О. М.

Передмова // Матеріальна та духовна культура Південної Русі: Матер. Міжнар. польового археолог. семінару, присвяч. 100-літтю від дня народж. В. Й. Довженка (Чернігів — Шестовиця, 16–19 лип. 2009 р.). К.; Чернігів, 2012. С. 7–12.

Рец.: Stratum plus 2011, № 5: Культурная антропология и археология // Археологія. 2013. № 3. С. 128–131.

Технологические особенности составов фресковых штукатурок Десятинной церкви в Киеве // Труды Государственного Эрмитажа. 2012. LXV: Первые каменные храмы Древней Руси. С. 86–95. Співавт.: Стриленко Ю. Н., Козюба В. К.

Южная Русь и Батыево нашествие // Древняя Русь. Кн. 1. / отв. ред. Ю. А. Борисёнок. М., 2012. С. 142–149.

Petro Petrovych Tolochko — Scholar and Citizen // Ukrainian Archaeology. 2012. P. 3–6.

2013

Архітектурно-археологічні дослідження церкви Богородиці Десятинної в Києві у 2008–2011 рр. // Слов'яни і Русь: археологія та історія: Зб. праць на пошану дійсного члена НАН України П. П. Толочка з нагоди його 75-річчя / Ін-т археології НАНУ. К.: Стародавній світ, 2013. С. 77–84. Співавт.: Іоаннісян О. М., Йолшин Д. Д.

Він йшов попереду // Храм і люди / Національний заповідник «Софія Київська», Ін-т археології НАНУ. К., 2013. С. 3–11.

Киев (топография, археология) // Православная энциклопедия. М., 2013. Т. 32. С. 664–680.

Киевский Златоверхий во имя архангела Михаила мужской монастырь (археология) // Православная энциклопедия. М., 2013. Т. 33. С. 362–363.

Нові архітектурно-археологічні дослідження церкви Богородиці Десятинної церкви в Києві (2005–2009 рр.) // Археологія домобудівництва Європи / Ін-т археології НАНУ. К.: Стародавній світ, 2013. С. 377–393.

Петро Петрович Толочко — вчений і громадянин: До 75-річчя з дня народження // Археологія. 2013. № 1. С. 3–6.

Проблеми охорони та збереження археологічних пам'яток в Україні // Вісник НАН України. 2013. № 3/5. С. 86–88.

Середньовічна овруцька індустрія пірофілітового сланцю і кварциту та монументальне зодчество давньоруського Києва // Археологія і давня історія України. К., 2013. Вип. 11: Середньовічні міста Полісся. С. 56–71. Співавт.: Томашевський А. П., Павленко С. В.

Слово про ювіляра // Слов'яни і Русь: археологія та історія. Зб. праць на пошану дійсного члена НАН України П. П. Толочка з нагоди його 75-річчя / Ін-т археології НАНУ. К.: Стародавній світ, 2013. С. 9–16.

2014

Городец Песочный // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 196.

Десятинная церковь — символ победы христианства на Руси // Владимир Святой и Крещение Руси: междунар. науч. конф., Киев, 26–27 июля 2013 г. / Ин-т археологии НАНУ [и др.]. К.: АДЕФ-Украина, 2014. С. 118–137.

Дослідження у садибі Софійського собору в Києві // Археологічні дослідження в Україні 2013. К., 2014. С. 299–301. Співавт.: Бобровський Т. А., Козюба В. К.

Ильинская церковь // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 369.

Киев // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 364–368.

Михайловский (Златоверхий) монастырь // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 503.

Михайловский (Михаила Архангела) Златоверхий собор. Архитектура // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 504.

О начальном периоде храмового зодчества на Руси // Владимир Святой и Крещение Руси: междунар. науч. конф., Киев, 26–27 июля 2013 г. / Ин-т археологии НАНУ [и др.]. К.: АДЕФ-Украина, 2014. С. 138–169. Співавт.: Иоаннисян О. М., Черненко Е. Е.

Олешье // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 574.

Про «поховання Юрія Долгорукого» біля Спаса на Берестові // Лаврський альманах. Вип. 29. К., 2016. С. 124–138.

Римов // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 680.

Успенская (Успения Богородицы Пирогощи) церковь // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 371–372.

Федоровский (Федора Тирона) собор // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 841.

Хортица // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 861–862.

Construction Materials and Building Techniques in the Architecture of Medieval Rus' from the 10th to the Beginning of the 12th centuries: [Електронний ресурс]. Точка доступу: http://www. sas. upenn. edu/ancient/masons/Ivakin_Ioannissian. pdf (від 2.11.2016 р). Співавт.: Ioannissian O.

Polish archaeological mission «Tyritake» — a new step in Ukrainian-Polish scientific relations // Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosporus: Proceedings of the international conference, Warsaw (27–28 November 2013) / ed. A. Twardecki. Warsaw: National Museum in Warsaw, 2014. P. 9–14.

2015

Культурна спадщина в контексті «Зводу пам'яток історії та культури України» / ред.: С. І. Кот; Ін-т історії України НАНУ, УТОПІК. К.: Ін-т історії України НАНУ, 2015. 486 с. Співавт.: Кот С. І., Денисенко Г. Г., Катаргіна Т. І., Ковпаненко Н. Г.

Мистецтво Київської Русі / авт.-упоряд. Г. Івакін; гол. ред. Н. Прибєга. К.: Мистецтво, 2015. 304 с.: іл.

Відділ археології Києва // Інститут археології Національної академії наук України. 1918–2014. К., 2015. С. 187–202. Співавт.: Козубовський Г. А.

Нові дослідження храму XI ст. у садибі Софії Київської // Археологічні дослідження в Україні. 2014 / Ін-т археології НАНУ. К.: Стародавній світ, 2015. Співавт.: Бобровський Т. А., Козюба В. К.

Нумізматичні знахідки XIV–XV ст. з розкопок Михайлівського золотоверхого собору // Актуальні проблеми нумізматики у системі спеціальних галузей історичної науки: тези доп. III Міжнар. наук.-практ. конф., 5–6 лист. 2015 р. Кіровоград; К.; Переяслав-Хмельницький, 2015. С. 50. Співавт.: Козубовський Г.

Проблемы изучения Южной Руси послемонгольского времени // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда: Девности Севера, 2015. С. 540–544.

Толочко Петро Петрович // Інститут археології Національної академії наук України. 1918–2014. К., 2015. С. 320–326.

Editors' Preface // Byzantine and Rus' Seals (by Ed.: H. Ivakin, N. Khrapunov, W. Seibt). K., 2015. S. 13–16. Співавт.: Khrapunov Nikita, Seibt Werner.

The Historical Context of Seals of Neilos from Kyiv // Byzantine and Rus' Seals / Ed. by H. Ivakin, N. Khrapunov, W. Seibt. K., 2015. S. 201–220.

2016

После катастрофы: Киев в 1241 году // Stratum plus, 2016, № 5. Кишинев. С. 59–72. Співавт.: Комар А. В.

Список скорочень

АДІУ	«Археологія і давня історія України» (Київ)
АДСВ	«Античная древность и средние века»
ВВ	«Византийский временник»
ВИМ	Вышгородский исторический музей
ГИМ	Государственный исторический музей
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ДІАЗСК	Державний історико-архітектурний заповідник «Стародавній Київ»
ИАК	«Известия Императорской археологической комиссии»
ИГАИМК	«Известия Государственной академии истории материальной культуры»
КГУ	Киевский государственный университет им. Т. Г. Шевченко
КСИА АН УССР	«Краткие сообщения Института археологии АН УССР»
КСИА	«Краткие сообщения Института археологии АН СССР» (Москва)
МАИЭТ	«Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии» (Симферополь)
МАР	«Материалы по археологии России»
МИА	«Материалы и исследования по археологии СССР» (Москва)
МИК	Музей истории г. Киева
МИСО	«Материалы по изучению Смоленской области»
НА ИА НАНУ	Научный архив Института археологии НАН Украины
НА ІА НАНУ	Науковий архів Інституту археології НАН України
НГОМЗ/НГМ	Новгородский государственный объединённый музей-заповедник
НЗСК	Национальный заповедник «София Киевская»
НЗУІ	«Наукові записки з української історії» (Переяслав-Хмельницький)
НМИУ	Национальный музей истории Украины
НФ ИА НАНУ	Научные фонды Института археологии НАН Украины
РА	«Российская археология»
СА	«Советская археология» (Москва)
ЯП	Ян Петерсен (Petersen Jan. Vikingatidens smykker. — Stavanger, 1928)

Книга являє собою збірку статей, підготовлену колегами, учнями і друзями відомого українського археолога, дослідника середньовічних старожитностей Києва, члена-кореспондента Національної Академії наук України Гліба Юрійовича Івакіна з нагоди його сімдесятилітнього ювілею.

Гліб Юрійович Івакін – відомий український археолог, дослідник середньовічної історії Києва. Працював у всіх головних історичних районах Києва, досліджував об'єкти давньоруського і середньовічного часу. До середини 1990-х років брав участь у розкопках давньоруського Подолу, досліджував церкву Успіння Богородиці Пирогощі (1976–1979, 1996, 1997); католицький храм XVII століття, збудований з матеріалів Десятинної церкви; вірменську церкву XIV–XV століть. У 1996–1999 роках очолював археологічні дослідження Михайлівського Золотоверхого собору та його садиби; вивчав Успенський собор, а також Трапезну церкву початку XII століття Печерського монастиря. У 2005–2011 роках під керівництвом Г. Ю. Івакіна здійснено нові дослідження решток Десятинної церкви.
Удача незмінно посміхалася досліднику: серед його знахідок – монетні і речові скарби, унікальні художні артефакти, невідомі доти архітектурні споруди.

LA
UR
US

ISBN 978-966-2449-96-9
9 789662 449969

КУЛЬТУРНИЙ ШАР

Статті на пошану
Гліба Юрійовича
Івакіна

LA
UR
US

КУЛЬТУРНИЙ ШАР

Статті на пошану
Гліба Юрійовича
Івакіна

LA
UR
US

Дизайн суперобкладинки Костянтина Марценківського. Книжку зверстано і оформлено у студії «Нова сторінка» в Києві